

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.

1882.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. КАЛЛЫ. Поэма Михаила Юрьевича Лермонтова	1
II. ГОЛЬ. Романъ. Часть вторая, книга шестая (Окончаніе).— А. Михайлова	9
III. МАЗЕПА. Историческая монографія. Гл. XIV и XV.—Н. И. Костомарова	71
IV. ЗАТИШЬЕ. Стихотв.—Н. М. Соколова	134
V. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1882 ГОДЪ. III—Расхо- ды (Сравнительный обзор расходов.—Расходы военного въ- домства.—Расходы по государственному долгу).—А. А. Голова- рова	135
VI. ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ЗАМЯТНИНЪ. (Страница изъ ис- торіи судебной реформы.) Гл. I—IV.—Гр. А. Джаншіева	173
VII. МАТЬ И СЫНЪ. Стихотв.—В. Л.	212
VIII. ЧАРТИЗМЪ (Продолженіе).—Н. Ч.	215
IX. «НЕ СЛУЧИСЬ». (Изъ деревенскаго дневника.) Очеркъ.— Г. И. Успенскаго	254
X. ЭНЕРГІЯ СОЛНЦА.—А. Г. Столѣтова	285
XI. НАУКА И ЖЕНЩИНЫ. Эдвини Домъ. Гл. IV и V. Перев. съ нѣмецкаго.—Н. В.	318
XII. БЕЗВѢСТНЫМЪ БРАТЬЯМЪ.—ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ. Стихотв.— Л. И. Пальмина	337
XIII. ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ И НѢМЕЦКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИ- ТИКЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ СЛАВЯНСК. ВОПРОСОМЪ. III—Пропа- ганда федеральныхъ идей и восточно-славянск. миссіи Ав- стріи.—Н. С.	17
XIV. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ: „Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Мо- жайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ“. — А. В. Положева.—„Цесаревич Павелъ Петровичъ“. Дми- трия Кобеко.—„Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе“. К. Дми- рязева.—„Прогрессъ воздухоплаванія“. Д. Печковскаго.— „Въ забытомъ краю“. Разказы изъ быта сибирскихъ крестъ- янь. Н. И. Наумова.—„Разказы“. Всеволода Гарши- на.—Е. Н.	54 73
XV. ИНОСТРАННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ: „Исторія реставраціи“. Эрнеста Додэ („Histoire de la restauration 1814—1830“. Ernest Daudet. Paris. 1882).—„О роли государства въ хозяйственномъ строѣ“. Эдмунда Вил- лея („Du role de l'état dans l'ordre économique“. Edmond Villey. Paris. 1882).—„Исторія пролетариата древняго и со- временнаго“. Виллара („Histoire du prolétariat ancien et moderne“. Villard. Paris. 1882).—„Размышленія о законѣ прогресса. Моральная статка и религіозная истина“. — Дюэрта („Méditations sur la loi du progrès. La statique mo- rale et la vérité religieuse“. Colonel E. Dusaert. Paris. 1882).— „Письма и соціально-политическія статьи“. Родбертуса- Ягцова. Два тома („Briefe und social-politische Aufsätze“, herausgegeben von D-r Rudolph Meyer. Rodbertus-Jagetzow).— В. А. Гольцева	74

РУССКАЯ МЫСЛЬ

PRESENTATION
REPLACEMENT
ЖУРНАЛЬ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА XI.

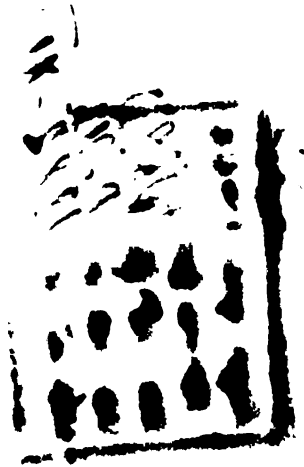
МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская
улица, въ домѣ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговья линіи,
кварт. № 61.

TO THE
APPROVED

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

ОГЛАВЛЕНІЕ.

AP50
R 875
v. 3:11
MAIN

	Стр.
I. ВАЛЛЫ. Поэма Михаила Юрьевича Лермонтова	1
II. ГОЛЬ. Романъ. Часть вторая, книга шестая (Окончаніе).— А. Михайлова'	9
III. МАЗЕПА. Историческая монографія. Гл. XIV и XV.—Н. И. Костомарова.	71
IV. ЗАТИШЬЕ. Стихотв.—Н. М. Соколова.	134
V. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1882 ГОДЪ. III—Расхо- ды (Сравнительный обзор расходов.—Расходы военного въ- домства.—Расходы по государственному долгу).—А. А. Голова- чова	135
VI. ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ЗАМЯТНИНЪ. (Страница изъ ис- торіи судебной реформы.) Гл. I—IV.—Гр. А. Дманшіева.	173
VII. МАТЬ И СЫНЪ. Стихотв.—В. Л.	212
VIII. ЧАРТИЗМЪ (Продолженіе).—Н. Ч.	215
IX. «НЕ СЛУЧИСЬ». (Изъ деревенскаго дневника.) Очеркъ.— Г. И. Успенскаго.	254
X. ЭНЕРГІЯ СОЛНЦА.—А. Г. Столѣтова.	285
XI. НАУКА И ЖЕНЩИНЫ. Эдвини Домъ. Гл. IV и V. Перев. съ нѣмецкаго.—К. В.	318
XII. БЕЗВѢСТНЫМЪ БРАТЬЯМЪ.—ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ. Стихотв.— Л. И. Пальмина.	337
XIII. ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ И НѢМЕЦКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИ- ТИКЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ СЛАВЯНСК. ВОПРОСОМЪ. III—Пропа- ганда федеральныхъ идей и восточно-славянской миссіи Ав- стріи.—Н. С.	17
XIV. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:	
„Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Мо- жайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ“. А. В. Положева.—„Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“. Дми- трія Кобеко.—„Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе“. К. Тими- рязева.—„Прогрессъ воздухоплаванія“. Д. Печковскаго. — „Въ забытомъ краю“. Разказы изъ быта сибирскихъ крестъ- янъ. Н. И. Наумова. — „Разказы“. Всеволода Гарши- на. — Е. Н.	54
„Баллады Шиллера. Опытъ объясненія“. Г. Цептасва.—В. Г.	73

XV. ИНОСТРАННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ:

- „Исторія реставраціи“. Эрнеста Додэ („Histoire de la restauration 1814—1830“. Ernest Daudet. Paris. 1882). — „Роли государства въ хозяйственномъ строѣ“. Эдмунда Виллея („Du role de l'état dans l'ordre économique“. Edmond Villety. Paris. 1882). — „Исторія пролетаріата древняго и современнаго“. Вилляра („Histoire du prolétariat ancien et moderne“. Villard. Paris. 1882). — „Размышленія о законѣ прогресса. Моральная статива и религиозная истина“. Дюсэрта („Méditations sur la loi du progrès. La statique morale et la vérité religieuse“. Colonel E. Dusaert. Paris. 1882). — „Письма и соціально-политическія статьи“. Робертуса-Яецова. Два тома („Briefe und social-politische Aufsätze“, herausgegeben von Dr Rudolph Meyer. Robertus-Jagetzow). — В. А. Гольцева. 74
- XVI. «ПАРСИФАЛЬ» Рихарда Вагнера.—О. Л-на. 90
- XVII. ЗЕМСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.—В. Ю. Счалона. . . 138
- XVIII. ПИСЬМО ИЗЪ ЕГИПТА.—И. А. Пашкова (Влад—ова). . . . 170
- XIX. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:
- Рабочій вопросъ и рабочіе конгрессы.—Фракціи рабочей партіи.—Легитимисты.—Общественное настроеніе.—Распространеніе порнографической литературы: „La bouche de m-me X“, Адольфа Бело, и „Histoire sans pot“, Барбе д'Орвилля.—Появленіе третьяго тома „Переписки Жоржъ-Зандъ“.—Обзоръ журналовъ.—W*** 178
- XX. ДВА СЛОВА ВЪ ПАМЯТЬ ДЕСЯТИЛѢТІЯ МОСКОВСКИХЪ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСОВЪ.—Е. С. Некрасовой. . . 191
- XXI. ИЗЪ ПРОВИНЦИИ: Еще о женскихъ врачебныхъ курсахъ.—К. Г. 195

КАЛЛЫ.

Поэма М. Ю. Лермонтова.

(Предисловіе П. А. Висковатаго.)

Повѣсть «Каллы» (также какъ «Литвинка» и «Ауль Бастунджи») только по имени и небольшому отрывку извѣстны читателямъ. Дудышкину всѣ три поэмы были извѣстны, благодаря сообщеніямъ Хохрякова, о чемъ онъ и говоритъ въ изданіи своемъ «Сочиненій Лермонтова» 1860 года, на послѣдней страницѣ примѣчаній ко второму тому; затѣмъ рукописи уже позднѣе были переданы въ Публичную библиотеку, но во всѣхъ изданіяхъ перепечатывалось лишь то, что напечатано въ первомъ изданіи Дудышкина *).

Изъ трехъ названныхъ поэмъ «Каллы» принадлежитъ къ эпохѣ пребыванія поэта въ Московскомъ университетѣ. Мотивъ поэмы потомъ является болѣе разработаннымъ въ «Хаджи-Абрекѣ». И въ нашей повѣсти главный герой носить имя Аджи (очевидно, то же, что и Хаджи), и онъ въ концѣ называется *Абрекомъ*. Убиваемая имъ дѣвушка—лезгинка, какъ и въ «Хаджи-Абрекѣ». При первомъ свиданіи — какъ тамъ, такъ и здѣсь — она производитъ на юношу сильное впечатлѣніе и только священная для него обязанность мстить побуждаетъ его нанести роковой ударъ, совершивъ который, въ обоихъ случаяхъ убійца приносить отрубленную голову къ пославшему его совершить месть. Обращаемъ вниманіе и на сходство именъ—Бей-булата и Акбулата—въ обоихъ повѣстяхъ.

Списокъ повѣсти, находящейся въ Публичной библиотекѣ, очевидно, сдѣланъ съ перваго наброска. Часть послѣдней главы ото-

*) См. изд. 1880 г., т. II, стр. 391 и 618.

рвана, такъ что повѣсть является безъ конца. Я получилъ списки отъ г. Хохрякова и г. Панофутина *) въ Пензѣ. Списки эти, за исключеніемъ небольшихъ вариантовъ, схожи между собой; но, кромѣ того, въ одномъ альбомѣ конца 30-хъ годовъ я, между прочимъ, нашелъ и повѣсть эту безъ выпуска въ послѣдней главѣ и съ текстомъ въ исправленномъ видѣ, хотя въ содержаніи и числѣ главъ нѣтъ никакой разницы. Всѣ эти варианты я тщательно сопоставилъ и сравнилъ между собою **).

Во всѣхъ произведеніяхъ 30 — 32-хъ годовъ положено основаніе для всѣхъ позднѣйшихъ произведеній поэта, въ особенности тѣхъ, которыя написаны на Кавказѣ. Кавказское творчество Лермонтова примыкаетъ къ юношескому его творчеству — въ эпоху пребыванія въ университетскомъ пансіонѣ и въ Московскомъ университетѣ, то-есть отъ 28 до 32 года. Пребываніе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и затѣмъ въ салонахъ Петербурга имѣло самое печальное вліяніе. Въ это время, кромѣ пьесъ эротическаго содержанія, не написано почти ничего.

*) Въ спискѣ г. Панофутина недостаетъ V главы.

***) Въ спискѣ, находящемся въ Публичной библиотекѣ, тождественномъ съ Хохряковскимъ, глава VI представляетъ слѣдующій видъ:

(Сохраняемъ правописаніе.)

И въ это время, слухъ промчался
 (гласить преданье) что въ горахъ
 безвѣстный странникъ показался,
 Опасный въ мирѣ и бояхъ,
 Какъ дикой звѣрь, людей чуждался;
 И женщинъ онъ ласкать не могъ! —
 быть можетъ
 въ его чертахъ
 Слѣды страда
 Но укрывал
 Подъ башны
 И больше
 Онъ не гас
 и вѣрно бѣ
 На томъ къ
 встрѣчалъ ли
 ему открытъ бы
 Хранилъ онъ вѣчное молчанье;
 Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
 Толпы болтливое вниманье;
 и онъ лишь знаетъ почему
Калмы ужасное прозванье
 в горахъ осталось ему.

Недоконченныя строки указываютъ на вырванный изъ рукописи клочекъ.

Стоит заглянуть въ I томъ «Сочиненій Лермонтова», расположенный въ хронологическомъ порядкѣ, чтобъ убѣдиться, что съ 32-го по конецъ 36 года написано имъ всего десять пьесокъ, достойныхъ быть помѣщенными въ избранныхъ сочиненіяхъ. Изъ этихъ десяти напечатанныхъ пьесъ, однако, почти половина писана еще въ 32 году и ошибочно помѣщена подъ другими годами. Въ 37 году Лермонтовъ высылается на Кавказъ и эта ссылка спасаетъ его отъ опошлявшей поэта обстановки. Опять является чистое, высокое вдохновеніе. Кавказъ возвратилъ намъ великій талантъ. Московскій періодъ творчества прямо связуется съ кавказскимъ. Пребываніе въ школѣ подпрапорщиковъ и два слѣдовавшихъ затѣмъ года—это печальное интермеццо въ поэтической жизни Лермонтова. Четыре года до переселенія въ Петербургъ (отъ 28—32) и четыре года послѣ первой высылки на Кавказъ (отъ 37—41)—вотъ настоящій періодъ творчества въ жизни Михаила Юрьевича. Юношескія тетради московскаго періода и кавказскіе альбомы поэта даютъ краснорѣчивое тому свидѣтельство. Вотъ почему важно, чтобы все, что писано въ Московскомъ университетѣ, хотя и является юношескими опытами, стало извѣстно читателямъ; вотъ почему я рѣшился напечатать и три его поэмы, писанныя съ 30—32 года.

П. Висковатый.

Б а л л ы *).

(Черкесская повѣсть М. Ю. Лермонтова.)

'Tis the clime of the East; 'tis the land of the Sun—
Can he smile on such deeds as his children have done?
Oh! wild as the accents of lovers' farewell
Are the hearts which they bear, and the tales which
they tell.

(*The Bride of Abydas*). Byron **).

I.

«Теперь насталъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои совѣты—Божій гласъ;
Блянись имъ слѣдовать душою...

*) По-черкески—„убійца“.

**) Тотъ край—Востокъ, то—солнца сторона!

Узнай: ты чудомъ сохраненъ
 Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
 Чтобъ неба оправдать законъ
 И отомстить за пораженныхъ.
Нѣтъ, не тебѣ принадлежать
Твои часы отъ дня рожденья:
 Ты на землѣ—орудье мщенья,
 Палачъ, а жертва—Акбулатъ...
 Отецъ твой, мать твоя и братъ,
 Отъ рукъ злодѣя погибая,
 Молили небо объ одномъ:
 Чтобъ хоть одна рука родная
 За нихъ развѣдалась съ врагомъ!
Такъ будь же ты суровъ и мраченъ,
 Забудь о жалости пустой,—
 На грозный подвигъ ты назначенъ
 Закономъ, клятвой и судьбой.
 За всѣ минувшія злодѣйства
 Изъ обреченнаго семейства
 Ты никого не пощади.
 Ударилъ часъ ихъ истребленья!
 Возьми-жь мои благословенья,
 Бинжалъ булатный и—поди!>.
 Такъ говорилъ мулла жестокий,
А кабардинецъ черноокий,
 Безмолвно чистя свой бинжалъ,
 Уроку мщенья внималъ.
 Онъ молодъ сердцемъ и годами,
 Но чуждый страха,—онъ готовъ
 Обычай дѣдовъ и отцовъ
 Исполнить свято надъ врагами;
 Онъ поклонялся своей рукой
 Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

Въ ней дышетъ всё божественной красою;
 Но люди тамъ съ безжалостной душою...
 Земля какъ рай... Увы! зачѣмъ она—
 Прекрасная—злодѣямъ предана?
 Въ ихъ сердцахъ—месть, ихъ повѣсти печальны,
 Какъ стонъ любви, какъ поцѣлуй прощальный.

Байронъ: „Невѣста Абидосская“ (перев. Козлова).

II.

Погаснулъ день. Угрюмо бродить
Аджи вокругъ сагли... Ужь давно
Въ горахъ все тихо и темно.
Луна, какъ яркое пятно,
Изъ тучки въ тучку переходитъ:
То въ ней померкнетъ, то блеснетъ.
Какъ призракъ, юноша ползетъ
Беззвучно къ вражьему порогу,
Кинжалъ изъ кожаныхъ ножонъ
Освобождаетъ понемногу —
И, вотъ, дыханье слышитъ онъ...
Аджи не долго разсуждаетъ:
Врагу заснувшему онъ въ грудь
Кинжалъ убійственный вонзаетъ
И въ ней спѣшить перевернуть.
Кому убійцей быть судьбина
Велитъ, тотъ будь имъ до конца...
Одинъ погибъ; но съ кровью сына
Смѣшавъ спѣшить онъ кровь отца.
Предъ нимъ старикъ: власы сѣдые,
Черты открытаго лица
Спокойны, и усы большіе
Уста закрыли бахромой;
Какъ на молитву сжаты руки...
Зачѣмъ ты взоръ потупилъ свой,
Аджи? Не совѣсти ли муки
Ты слышишь?... Вновь взмахнулъ рукой —
И съ ложа внизъ, окровавленный,
Скатился медленно старикъ;
Сталъ неподвиженъ блѣдный ликъ,
Лобзаньемъ смерти искаженный...
Но мщенья не свершенъ завѣтъ, —
Еще послѣдней жертвы нѣтъ...
Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышетъ,
Но не встрѣчаетъ ничего;
И только сердца своего
Біенье трепетное слышитъ.
А гдѣ-жь она?... Ужели нѣтъ?—

Жила же дочка съ Акбулатомъ!
 И ждетъ ее въ семнадцать лѣтъ
 Одна судьба съ отцомъ и братомъ...
 И вотъ луны скользящій свѣтъ
 Проникнулъ въ саклю, озаряя
 Два трупа на полу сыромъ
 И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
 Спала лезгинка молодая.

Ш.

Мила, какъ сонный херувимъ,
 Передъ убійцею своимъ
 Она, раскинувшись небрежно,
 Лежала; только сонъ мятежный,
 Волнуя дѣвственную грудь,
 Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
 И вотъ, исполнены томленья,
 Открылись черные глаза
 И — тайный признакъ упоенья —
 Блестала ярко въ нихъ слеза;
 Но, не страхнувши грѣзы ночи,
 Мгновенно вновь сомкнулись очи.
 Увы, ни радость, ни любовь,
 Ни грусть ихъ не укроютъ вновь...
 Ажн глядитъ, и въ думахъ тонетъ
 Его душа... Урочный часъ!...
 Раздался стонъ... Кто такъ простонетъ,
 Тотъ простоналъ въ послѣдній разъ.
 Кому-жъ пришлось такіе звуки
 Услышать, — ихъ не позабыть,
 И никогда не заглушить
 Воспоминанья тяжелой муки.

IV.

Сидитъ мулла среди ковровъ,
 Добытыхъ въ Персіи счастливой,
 И въ дымокѣ легкихъ облаговъ
 Кальянъ свой куритъ онъ лѣниво...
 Вдругъ слышитъ быстрый шумъ шаговъ:

Въ крови, съ злобѣщими очами,
 Аджи явился молодой;
 Въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой —
 Окаймлена волосъ волнами,
 Лезгинки юной голова.
 «Свершилось! Вотъ тебѣ, мулла,
 Подарокъ... Какъ вѣрны удары
 Мои!... — Аджи ему сказалъ. —
 Ну, что-жь, узналъ, узналъ ли старый?...»
 И взмахъ руки — и ужъ торчалъ
 Въ груди дымящійся кинжалъ.

V.

На вышинѣ горы священной,
 Вечернимъ солнцемъ озаренный,
 Какъ одинокій часовой,
 Бѣлѣтъ памятникъ простой:
 Изъ камня столбикъ округленный
 Чалмы подобіе на немъ *);
 Шиповникъ стелется кругомъ...
 Оттуда синія пустыни
 И гребни самыхъ дальнихъ горъ —
 Свободы вѣчныя твердыни —
 Пришельца открываетъ взоръ.
 Забывши міръ и имъ забытый,
 Рукою дружеской зарытый,
 Подъ этимъ камнемъ спитъ мулла
 И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
 Другаго любить безъ боязни
 Его любимая жена
 И не боится тайной казни,
 Ни мщенья ревности она.

VI.

И слѣдъ Аджи простылъ... Катился
 За годомъ годъ и вотъ въ горахъ

*) Эти могильные столбики въ изобиліи разсѣяны по Кавказу. Они ставятся на выдающихся, видныхъ, скалахъ и возвышенностяхъ, или же на самомъ мѣстѣ преступленія. Подъ ними зарываются убитые, требующіе кроваваго отмщенія.

Абрекъ чужой всѣмъ появился,
Вселяя суевѣрный страхъ.
Какъ звѣрь онъ отъ толпы таился,
Встрѣчаться съ женщиной не могъ, —
Быть-можетъ совѣсти упрекъ
Въ ея чертахъ найти страшился...
Слѣды страданья и тревогъ
Не укрывались отъ вниманья;
Подъ башлыкомъ упорный взоръ
Внушалъ лишь страхъ... Ни состраданья,
Ни сожалѣнья — лишь укоръ
Судьбѣ читался въ немъ... Никто
Не признавалъ въ Абрекѣ друга, —
Онъ поражалъ какъ бичъ недуга...
Встрѣчалъ ли ночью онъ кого,
Встрѣчалъ ли днемъ, — всегда его
Всѣ сторонились, избѣгали,
Какъ дней проклятыя иль печали.
Ему открытъ былъ всюду путь...
Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье.
Но зналъ одинъ онъ, почему
Каллы ужасное прозванье
Въ горахъ присвоили ему.

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. Л. Голицыну.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

(Окончаніе.)

I*).

Два съ половиной года въ Русовѣ шла мирная и тихая жизнь, походившая немного на жизнь отшельниковъ. Большой князь, старушка Ольга Родіоновна; княжна и Благолѣповъ, окруженные доживающими вѣкъ слугами, затворились въ барскомъ домѣ и были точно отрѣзаны отъ міра, сталкиваясь по дѣламъ почти исключительно съ крестьянами. Княжна и Благолѣповъ были очень довольны этою жизнью и, казалось, попали вполнѣ въ свою сферу, дѣлая свое будничное дѣло безъ шума, безъ фразъ. Это дѣло было скромное, не особенно широкое, но они были убѣждены въ его полезности и не порывались ни къ чему болѣе крупному. Благолѣповъ шутливо замѣчалъ, что ему среди сельско-хозяйственныхъ заботъ, среди мужиковъ, привольно, какъ рыбѣ въ водѣ, и еще болѣе привольно было ему въ домѣ Русовыхъ, гдѣ всѣ быстро сжились съ нимъ, какъ съ своимъ человѣкомъ. Ломовая лошадь въ трудѣ, покладистый и не требовательный просякъ въ домашней жизни, онъ легко могъ ужиться вездѣ, а здѣсь онъ сталъ просто необходимъ: безъ него князю и княжнѣ казалось скучно, безъ него они были какъ безъ рукъ. У него были и практическій смыслъ, и неисчерпаемый источникъ бодрости, и умѣнье говорить съ мужиками, и много настойчивости въ проведеніи тѣхъ или другихъ, казавшихся ему полезными, плановъ.

*.) *Русская Мысль*, кн. X.

У князя было много имѣній и заводовъ. Всѣ они управлялись разными мѣстными управляющими, постоянно отдававшими письменные отчеты лично князю. Онъ неутомимо слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ этихъ имѣніяхъ и на этихъ заводахъ, отъ времени до времени посылая въ то или другое имѣніе для ревизіи ихъ разныхъ довѣренныхъ лицъ. Въ давно былые дни ему помогали въ просмотрѣ отчетовъ управляющихъ и въ перепискѣ съ этими лицами Орловъ, какъ частный секретарь князя. Потомъ Орлова замѣнили другія лица. Только въ послѣднее время болѣзни Андроновой, ея смерть и болѣзнь самого князя измѣнили обычное теченіе дѣлъ. Князь запустилъ всякія провѣрки отчетовъ, всякую переписку съ управляющими, предоставивъ все это домовою конторѣ въ Петербургѣ. Благолѣповъ явился въ Русово какъ разъ во-время: князь нашелъ въ немъ новаго секретаря и, присмотрѣвшись немного къ нему, понялъ, что этотъ смѣтливый и довольно хорошо знакомый теоретически съ дѣломъ человекъ можетъ при случаѣ съѣздить въ то или другое имѣніе и провѣрить на мѣстѣ то, что излагалось на бумагѣ мѣстными управляющими. Князь воспользовался способностями Никанора Ивановича и первая же поѣздка послѣдняго въ одно изъ имѣній показала, что князь имѣетъ дѣло съ расторопнымъ и дѣловымъ человекомъ. Въ то же время первый отчетъ Благолѣпова показалъ князю, насколько были запущены дѣла въ послѣднее время. Надо было употребить не мало усилій, чтобы привести ихъ снова въ порядокъ, и Благолѣпову пришлось не мало поработать, чтобъ открыть въ томъ или другомъ мѣстѣ злоупотребленія и промахи. Но это дѣло было ему по душѣ и онъ самъ сознавалъ, какъ онъ втягивается въ него, какъ онъ съ каждымъ днемъ начинаетъ понимать все яснѣе и яснѣе сущность этого дѣла. Сначала онъ какъ будто оробѣлъ и въ его головѣ вертѣлась мысль: «Какой же я ревизоръ и управляющій, когда я ни разу не занимался практически этимъ дѣломъ?» Но, присмотрѣвшись къ дѣлу, Никаноръ Ивановичъ понялъ, что онъ въ сущности головой выше большинства управителей князя да и другихъ господъ, берущихся за подобныя дѣла. Какіе-то малограмотные неудачники, какіе-то едва говорящіе по-русски нѣмцы, какіе-то отставные военные и прогутившіеся помѣщики играли роль управляющихъ и часто удивляли Благолѣпова своимъ крайнимъ невѣжествомъ, а между тѣмъ они успѣли сдѣлать себѣ даже имя своею дѣятельностью. Онъ хотъ теоретически зналъ то, о чемъ они не

имѣли часто и понятія, ведя дѣло спустя рукава, наобумъ, по разъ заведенному порядку. Князь, правда, получалъ доходы, но эти доходы были крайне ничтожны сравнительно съ тѣмъ, что можно бы было извлекать изъ имѣній, и цѣлая масса несообразностей въ управленіи этими имѣніями бросалась въ глаза даже малоопытному человѣку. Такъ, на примѣръ, въ двухъ смежныхъ имѣніяхъ князя было два конскихъ завода, тогда какъ одинъ конскій заводъ при половинныхъ затратахъ могъ бы давать тѣ же результаты, какіе получались съ двухъ. Такихъ промаховъ было не мало. Благолѣповъ изъ первой же поѣздки привезъ довольно неутѣшительныя свѣдѣнія и указалъ князю на необходимость изменить ходъ дѣлъ, взять другихъ людей. Слушая его, князь жаловался на недостатокъ добросовѣстныхъ людей и съ горечью замѣтилъ, что онъ считаетъ величайшимъ своимъ несчастіемъ то, что самъ онъ теперь не можетъ дѣятельно заниматься дѣломъ, а сынъ его...

— Мой Александръ, какъ видно, вовсе не интересуется положеніемъ нашихъ дѣлъ, — со вздохомъ замѣтилъ онъ.

— Папа, отчего ты не предложишь ему самъ взяться за это дѣло? — замѣтила княжна.

Князь махнулъ рукой.

— Нѣтъ, что же предлагать теперь... Скоро по неволѣ придется ему приняться за это дѣло, — грустно проговорилъ онъ.

Воспоминаніе о сынѣ пробуждалось въ князѣ каждый разъ, когда ему приходилось благодарить Благолѣпова за тѣ или другія услуги, какъ будто каждый разъ ему приходило въ голову, что все это могъ бы дѣлать вмѣсто чужого человѣка его сынъ. Эта мысль сильно мучила и угнетала старика, но онъ рѣдко высказывался въ этомъ смыслѣ, — онъ не могъ переломить себя и признаться откровенно передъ княземъ Александромъ, что онъ виноватъ. Онъ, подобно своему сыну, могъ сказать, что это «выше его». Волей-неволей приходилось довольствоваться услугами Благолѣпова и послѣдній являлся усерднымъ слугой. Чѣмъ больше у Благолѣпова съ теченіемъ времени накоплялось работы, чѣмъ сложнѣе становились его попытки и предпріятія, направленные къ пользѣ окружавшей его массы, къ пользѣ народа, рабочихъ, тѣмъ менѣе онъ походилъ на прежняго Благолѣпова. Онъ самъ на своемъ оригинальномъ языкѣ говорилъ про себя:

— Со мной вонъ то же случилось, что съ колесомъ иногда бываетъ на скверной дорогѣ: скачетъ оно, трещитъ, то туда,

то сюда гнется, а вдруг попадетъ въ колею — и покатится, какъ по маслу. Я вонъ тоже попалъ въ колею, такъ теперь на мнѣ хоть въ Сибирь поѣзжай.

Онъ бросилъ и «малодушество»; съ него, какъ онъ выражался, «многое соскочило», все напускное, все вызывавшееся безсильною желчью, затаеннымъ недовольствомъ судьбою, празднымъ шатаніемъ, теперь отпало мало-по-малу и онъ самъ шутиво говорилъ, что «некогда теперь бобы-то разводить». Дѣйствительно, работа его, подобно снѣжному кому, увеличивалась, усложнялась по мѣрѣ того, какъ онъ забиралъ въ руки дѣло, открывая все новые и новые источники для расширенія мѣстной производительности то въ томъ, то въ другомъ имѣніи князя, воюя все сильнѣе и сильнѣе съ разнымъ кулачествомъ и мироѣдствомъ. Только теперь онъ началъ понимать, что значить быть теоретикомъ и что значить быть практикомъ. На первыхъ же шагахъ онъ увидалъ, что въ практическомъ отношеніи его загоняетъ первый наметавшійся въ своемъ дѣлѣ мужикъ, что многое, казавшееся ему въ теоріи такимъ легкимъ, въ дѣйствительности было и сложнѣе, и труднѣе. Только при помощи чисторусской смѣтливости онъ успѣлъ набить руку, присмотрѣться ко всему довольно быстро, и сообразилъ, какъ и что можно было дѣлать. «Подтянуться-таки порядочно пришлось», говаривалъ онъ шутя. Мужики, имѣвшіе съ нимъ дѣло, считали его умной головой, знали очень хорошо, что никто не дастъ имъ лучшаго совѣта, чѣмъ Никаноръ Ивановичъ, что Никаноръ Ивановичъ и прошеніе какое-нибудь сдумѣть составить, и указать, куда нужно идти хлопотать по тому или другому дѣлу, что онъ никогда не тяготится разговорами съ ними, и шли къ нему. «Извѣстное дѣло, простой человѣкъ», говорили про него. Къ князю и княжнѣ онъ привязался искренно и откровенно, безъ всякихъ заднихъ мыслей и соображеній.

— Мы всѣ точно спѣлись, — шутилъ онъ и никогда даже не задумывался надъ вопросомъ, почему это такъ вышло. — Что-жь, люди простые, дѣлать нечего, вотъ и все, — замѣчалъ онъ.

Онъ не задумывался даже и надъ тѣмъ, вслѣдствіе какихъ чувствъ онъ однажды вышелъ изъ себя и грубо, рѣзко напалъ на княжну, увидавъ ее выходящею изъ избы, гдѣ была оспа.

— Съ ума вы сошли! Да какъ вамъ не стыдно играть съ опасностью! Спасете вы ихъ, что-ли, тѣмъ, что посмотрите на нихъ? — Нѣтъ вѣдь, а идете! Любопытство одно бабѣ и больше

ничего! Это ни на что не похоже! Вотъ я, право, князю пожалуюсь, чтобы запретилъ вамъ это,—горячо выговаривалъ онъ ей, не замѣчая даже того, что онъ волнуется черезчуръ сильно и что ему никто не давалъ права на подобныя выходки.

Этихъ мимолетныхъ, проходившихъ незамѣтно, чертъ, говорившихъ о привязанности Благолѣпова къ княжнѣ, было не мало, но ни онъ, ни она не задумывались ни разу надъ вопросомъ: что это — слѣдствіе пріязни, дружбы или любви? Какое-то тяжелое, гнетущее чувство овладѣло Благолѣповымъ, когда внезапно умерла Ольга Родіоновна. Эта смерть страшно повліяла на князя, какъ вообще вліяютъ на больныхъ, приближающихся къ могилѣ, стариковъ всякія извѣстія о смерти знакомыхъ или близкихъ лицъ. Благолѣповъ почти ни минуты не тужилъ собственно о старушкѣ, не боялся онъ даже за старика, но онъ весь былъ охваченъ одною мыслью, мыслью о томъ, что княжна «изводится» теперь уходомъ за отцомъ. Въ его головѣ мелькали злыя думы о томъ, какъ слагается жизнь: тутъ старики томятся долгою болѣзнью, а рядомъ съ ними приходится блегнуть молодости въ уходѣ за ними, и отдыхъ для этой молодости наступитъ только тогда, когда наконецъ смерть убьетъ эту старость; тутъ ничѣмъ нельзя помочь, ничего нельзя совѣтовать, нельзя даже желать неизбѣжнаго исхода, такъ какъ это желаніе равносильно желанію смерти одному человѣку для блага другого. Въ эти дни болѣзни князя Благолѣповъ настойчиво отсылалъ княжну отдохнуть и самъ просиживалъ ночи около старика. Когда княжна замѣчала ему, что онъ и безъ того устаетъ за день за работой и что ему тяжело проводить еще безъ сна и ночи, онъ лаконически замѣчалъ:

— Что мнѣ, этакому-то быку, сдѣлается? Себя-то лучше берегите!

Князь же буквально таялъ, какъ воскъ. Быть-можетъ, это постепенное, медленное угасаніе, немного ускоренное смертью Ольги Родіоновны, продлилось бы нѣсколько дольше, еслибы не произошло еще одно небольшое событіе, вѣтровожившее князя.

Въ Русовѣ случился пожаръ. Было часовъ семь вечера, когда вспыхнула одна изъ избъ и все село огласилось криками: «Пожаръ! Горимъ!» Благолѣповъ сидѣлъ у князя въ кабинетѣ, когда его вызвалъ въ другую комнату камердинеръ князя. Князь спросилъ у дочери, зачѣмъ позвали Благолѣпова, она вышла справиться и черезъ минуту вернулась къ отцу, блѣдная и встре-

воженная. Она хотѣла скрыть отъ старика настоящую причину тревоги, но это ей не удалось: страхъ за участь крестьянъ, боязнь, что Благолѣповъ, всегда слишкомъ горячій и неосторожный, самъ бросится тушить огонь, наконецъ томительное чувство неизвѣстности насчетъ того, что дѣлается тамъ, совсѣмъ подавила княжну и ей волей-неволей пришлось объяснить отцу, въ чемъ дѣло.

— Надо распорядиться..., надо распорядиться,— взволнованнымъ голосомъ сказалъ князь.— Иди туда...

— Тамъ уже Никаноръ Ивановичъ,— отвѣтила княжна.

— Ну да, ну да, онъ будетъ заботиться о тушеніи... Народъ всегда въ этихъ случаяхъ теряется... Но тамъ ребяташки, семьи безъ крова... Надо приготовить пустые флигеля дворовыхъ, размѣстить... Не по-миру же идти народу, не на улицѣ ночевать... Иди!... Кому же, какъ не тебѣ, быть тамъ... Будь осторожна только... Къ огню, Соня, не подходи...

— А какъ же ты?— сказала нерѣшительно княжна.

— Что я?... Трупъ живой!... И что мнѣ сдѣлается?... Иди, иди, Соня!

Князь поцѣловалъ дочь, перекрестилъ ее и махнулъ рукою.

— Ну, иди, иди!

Княжна позвала къ отцу его камердинера и, накинувъ на голову пуховый платокъ, быстро отпратилась на село. Пожаръ былъ въ полной силѣ и, какъ всѣ деревенскіе пожары, свирѣпствовалъ страшно. Пожарныя трубы изъ барскаго дома и съ завода князя работали хорошо, но справиться съ огнемъ было не особенно легко. Никаноръ Ивановичъ распорядился и командовалъ со всею энергіей, помогая мужикамъ и бросаясь то туда, то сюда, чтобъ оградить отъ огня еще не загорѣвшіяся строенія. Онъ, повидимому, позабылъ объ опасности и, осыпаясь искрами, увлекалъ за собою заводскихъ парней на трудный бой съ всепожирющимъ пламенемъ.

— Куда ты, Никаноръ Ивановичъ! Сгорѣть, что-ль, хочешь!... Берегись, крыша-то придавить, не встанешь!— кричали ему молодые заводскіе парни, сами не сознававшіе, что они подвергаютъ себя еще большей опасности и работаютъ еще энергичнѣе, чѣмъ онъ.

Княжна въ это время уже прошла къ группѣ плакавшихъ и завывавшихъ бабъ и ребятешекъ и, утѣшая ихъ, распорядилась о переводѣ ихъ во флигеля дворни, стоявшіе почти пустыми.

— Ничего, ничего, все построимъ, все поправимъ,— говорила она. — Лѣсъ, слава Богу, есть... Ребятишекъ - то только уводите...

Оказалось, что нѣкоторые изъ бабъ и дѣтей выскочили изъ избъ почти безъ одежды, въ однихъ рубашкахъ. Нужно было хоть чѣмъ-нибудь снабдить ихъ на время, пока все не придетъ въ порядокъ. Въ барскомъ домѣ вся дворня поднялась на ноги. На селѣ ни одинъ человѣкъ не остался безъ дѣла.хлопотъ и заботъ было не мало и среди бѣготни, работы и суеты никто въ сущности не отдавалъ себѣ отчета, насколько онъ набѣгался, насколько онъ измучился, насколько онъ былъ героемъ въ эти минуты всеобщаго бѣдствія, заставляющаго человѣка хоть на время забыть о себѣ и отдаться всецѣло ближнимъ. Случайными зрителями этой картины были только два пожилые кушца, проѣзжавшіе въ это время по почтовой дорогѣ мимо Русова и остановившіеся взглянуть на пожаръ. Любуясь этимъ зловѣщимъ зрѣлищемъ, они глубокомысленно разсуждали, сколько сгоритъ: все село или половина села,—дойдетъ ли огонь вотъ до той избы или остановить его на этой избѣ...

— Нѣтъ, много-то не выгоритъ,—вонъ какъ заводскіе приналегли, тоже народъ ловкій. Да и Никаноръ Иванычъ коли за что возьмется, такъ отстоитъ,—сказалъ ямщикъ.

— Какой Никаноръ Иванычъ?—спросилъ одинъ изъ купцовъ.

— Да управитель - то русовскій. Вонъ какъ работаетъ!— ямщикъ указалъ кнутовищемъ на Благолѣпова.

— Да, да! Я и не призналъ его съ перваго-то разу,— отвѣтилъ одинъ изъ купцовъ и обратился къ своему спутнику:— Силища тоже человѣкъ. Я его еще у преосвященнаго нашего Филоея видалъ. Племянникомъ онъ старику-то приходится. Молодецъ, право, молодецъ!

— Гляди, гляди, такъ въ огонь и лѣзетъ! Въ азартъ - то не видитъ, что тутъ того и гляди балкой зашибетъ. Вонъ, вонъ!... Эхъ, сейчасъ тарарахнетъ!

Бушцы на минуту смолкли, ожидая, какъ тарарахнетъ Благолѣпова балкой. Раздался сильный трескъ и разбираемая горящая изба рухнула.

— Вывернулся... Ну, молодецъ!—воскликнулъ купецъ.

— Молодецъ-то молодецъ, а видно досталось тоже... Смотри, заводскіе что-то завозились около него.

— Ничего! Видно, по рукѣ смазало головней. До свадьбы заживеть! А вонъ того-то парнишку видно получше прилепнуло. Ишь присѣлъ сердешный...

— Присядешь, какъ прямо по головѣ звизнетъ, — сказала ямщикъ.

— А нѣшто по головѣ попало?

— По головѣ и есть.

— Вонъ Никаноръ-то осматриваетъ.

— Э-э, поднимаютъ,—видно и идти не можетъ.

— Въ мозги, значить, попало.

— А пожаръ-то стихъ... Кажись, ужь больше не разгорится...

— Чего разгорится, если путь пресѣкли! Не разбери они эти двѣ избы, все село смело бы.

— Ну, что-жь, пора и въ дорогу.

Пожаръ дѣйствительно утихалъ, и картина перестала представлять интересъ. Купцы снова усѣлись и поѣхали дальше.

Въ селѣ продолжалась суета, но уже всѣ пришли въ себя, видя, что всякая опасность миновала. Десятокъ сгорѣвшихъ избъ превратился въ груды головней, догоравшихъ и дымившихся на землѣ. На мѣстѣ сгорѣвшихъ построекъ виднѣлись только печи, закоптѣвшіяся отъ дыма. Теперь хлопоты шли въ барскомъ домѣ, куда княжна перевела бабъ, ребятишекъ и стариковъ, да въ больницѣ, куда перенесли зашибленнаго въ голову заводскаго парня. Никаноръ Ивановичъ тоже вернулся домой и здѣсь оказалось, что ему нужно было перевязать лѣвую руку. Она была слегка обожжена и ранена. Онъ смотрѣлъ на это дѣло, какъ на пустяки, и шутливо замѣтилъ, что «вѣдь это—лѣвая рука, такъ на что она ему». Княжна молча сжала ему руку и въ ея глазахъ засвѣтилось такое хорошее, ласковое выраженіе. Внезапно онъ сталъ какъ будто и ближе, и дороже ей, чѣмъ прежде. Но останавливаться, задумываться надъ этимъ чувствомъ было не время. Съ одной стороны, теперь нужно было обсудить, какъ помочь погорѣльцамъ, а съ другой—на слѣдующій же день пришлось убѣдиться, что князь очень плохъ. Княжна боялась и думать, что это начало конца. Благолѣповъ тоже ничего не говорилъ. Но и онъ, и она ощущали какую-то щемящую боль. Они искренно любили старика и кромѣ того его потеря была существенно важна для обоихъ. Наслѣдникомъ былъ въ сущности князь Александръ Александровичъ. Княжна знала, что братъ сильно измѣнился къ лучшему. Но насколько? Какъ онъ распо-

рядится? Останется ли она въ Русовѣ? Это имѣніе должно перейти къ ея брату. Эти мысли у нея промелькнули въ головѣ какъ-то бессознательно, мимолетно, но у Благолѣпова это былъ вопросъ существенный. Не придется ли ему опять удалиться отсюда. Куда? За что приняться? Во всякомъ случаѣ со смертью старика кругъ его дѣятельности сѣзится, онъ не будетъ болѣе правою рукой хозяина, онъ можетъ-быть даже не сойдется съ молодымъ княземъ. «Хвалить его, а чортъ его знаетъ, что онъ такое. Никто его не знаетъ... Но можетъ-быть старикъ еще не умереть. Надо спросить у доктора его имѣніе». Докторъ объявилъ Благолѣпову, что часы старика сочтены. Старикъ, кажется, сознавалъ это самъ. Почувствовавъ себя худо, онъ позвалъ Благолѣпова и приказалъ телеграфировать сыну.

— Только ему?—спросилъ Благолѣповъ, вспомнивъ о женѣ и дочери князя, бывшихъ за границей.

— Только ему,—отвѣтилъ князь.—Торопите его пріѣздомъ.

Потомъ онъ призвалъ дочь.

— Худо мнѣ, Соня, очень худо,—сказалъ онъ слабымъ голосомъ.—Еслибъ Александръ поспѣлъ пріѣхать.

— Папа!—воскликнула княжна со слезами на глазахъ.

— Пора, Соня, пора! — проговорилъ князь. — Не плачь, не волнуйся! Сто лѣтъ нельзя жить и не нужно... Но я хотѣлъ съ тобой поговорить... Я могъ бы сдѣлать завѣщаніе, но есть причины, по которымъ я его не дѣлаю... Ты—не дѣвочка, ты знаешь все и тебѣ можно говорить все... Я не хочу ни лгать, ни мстить передъ смертью, вотъ почему я не дѣлаю завѣщанія... Отказывать что-нибудь тѣмъ, кто чуждъ мнѣ, кого я не люблю, это значить фарисействовать... Лишать ихъ всего—это значить мстить... Пусть все сдѣлается по закону...

Онъ перевелъ духъ.

— Кромѣ того я виноватъ передъ Александромъ, много виноватъ... Если я сдѣлаю завѣщаніе, я обижу его... Это будетъ имѣть видъ недоверія къ нему... Онъ—главный наслѣдникъ и пусть онъ самъ распоряжается... Я хочу, чтобъ онъ зналъ, что я довѣряю ему... Русово пусть отдастъ тебѣ... Ты его любишь... Александръ и отдастъ, я знаю...

Княжна не могла говорить, съ трудомъ сдерживая рыданія. Больной потиралъ грудь, точно его душило, и покачивалъ головой, видимо тревожась мыслью о близкой смерти.

— Во-время бы пріѣхалъ, скорѣй бы... Примириться нужно!—шепталъ онъ черезъ силу. — Есть вещи, которыхъ забыть нельзя, но можно простить...

Мало-по-малу онъ впадалъ въ забытье. Прошло съ часъ времени. Князь открылъ глаза.

— Соня, ты тутъ?—спросилъ онъ.

— Да, папа,—отвѣтила она.

— Боторый часъ?

— Два сейчасъ пробило.

— Поѣзда въ этотъ часъ нѣтъ изъ Москвы?

— Нѣтъ, папа.

Князь закрылъ глаза.

— Экстренный можно взять... Нужно поторопиться... Отецъ умираетъ,—шепталъ онъ полусознательно.

Онъ опять задремалъ на часъ, на два, и опять княжна услышала тѣ же вопросы. Наконецъ, прошелъ этотъ томительный день, настала тревожная ночь. Больной не могъ лежать и спать, сидя въ креслѣ, то немного бредя во снѣ, то вдругъ просыпаясь и спрашивая:

— Пріѣхалъ?... Бто пріѣхалъ?

И прежде чѣмъ ему успѣвали отвѣчать, онъ дремалъ уже снова. Только подъ утро сонъ его сталъ ровнѣе и крѣпче. Поутру первый вопросъ князя былъ о сынѣ. Сынъ еще не пріѣзжалъ.

— Да, пока отпускъ получить... Но вдругъ это... опоздаетъ,—говорилъ князь.

Разъ, отлучившись на нѣсколько минутъ изъ комнаты отца къ завтраку, Софья Александровна застала отца въ слезахъ при возвращеніи въ его спальню.

— Папа, что съ тобой! — воскликнула она, склоняясь къ нему.

— Опоздаетъ!—жалобно проговорилъ старикъ, тихо, почти поддѣтски, плача.

У Софьи Александровны стѣснило грудь. Князю становилось все хуже и хуже. Его нетерпѣніе увидѣть сына, его страхъ при мысли умереть раньше пріѣзда сына возрастали съ каждымъ днемъ и онъ иногда болѣзненно метался на своемъ креслѣ, томимый отчаяніемъ. Наконецъ, онъ потерялъ всякую надежду на пріѣздъ сына во-время.

— Священника, Соня, священника мнѣ! — проговорилъ онъ багъ-то поутру.

Тотчасъ же распорядились насчетъ приглашенія старика священника, много лѣтъ уже служившаго въ Русовѣ. Отецъ Никита явился быстро, захвативъ съ собою св. дары. Онъ вошелъ въ домъ, сказалъ пару словъ княжѣ и прошелъ къ больному. Больной и обрадовался, и взволновался.

— Умираю, батюшка, совсѣмъ умираю!—сказалъ князь.

— Никто какъ Богъ!—отвѣтилъ отецъ Никита.—Не всѣ болѣзни къ смерти...

— Нѣтъ, я знаю... Мнѣ нужно сказать многое... Сына ждалъ, думалъ, что доживу до его приѣзда, но нѣтъ... Вы ему все передайте... Винавать я передъ нимъ, много винавать...

Отецъ Никита приготовился исповѣдовать больного.

— Вы знаете всю мою жизнь, отъ васъ никогда не было тайнъ,—началъ больной.—Вы знаете мои отношенія къ женѣ...

Отецъ Никита вздохнулъ.

— Я былъ обманутъ съ первыхъ же дней... Когда я узналъ, я готовъ былъ разстаться съ нею. Но она уже была матерью... Сестра Софья, покойная Ольга Родіоновна и, наконецъ, я самъ— всѣ мы поняли, что, наказывая мать, я накажу и ребенка... Да и она плакала, просила прощенья, каялась... Я простилъ... Потомъ мы жили долго сносно жизнью... Мнѣ даже казалось, что я если не особенно счастливъ, то все же и не несчастнѣе другихъ мужей изъ нашего круга... Вдругъ случай открылъ мнѣ глаза, поздно открылъ... У насъ уже былъ не одинъ ребенокъ, много дѣтей и... изъ всѣхъ этихъ дѣтей, можетъ-быть, только Соня была моею дочерью... Тогда я порвалъ всѣ отношенія къ женѣ и только оставилъ ее жить въ своемъ домѣ, только не отвергалъ дѣтей...

Больной перевелъ духъ.

— Я ихъ не отвергалъ, но я имъ не былъ отцомъ, я никогда не любилъ ихъ,—продолжалъ онъ.—Только Соня видѣла мои ласки, и то не я обратился съ ними къ ней, а она завоевала ихъ..., съ бою взяла... Александръ--не то... Онъ росъ безъ моей любви... Мало того, я мелочно придирался къ нему... Я не былъ мелочнымъ человѣкомъ, но онъ напоминалъ мнѣ другую ненавистную мнѣ личность... Онъ напоминалъ мнѣ, что ради него,—да, только ради него,—я пощадилъ эту женщину... Онъ казался мнѣ какимъ-то ничтожнымъ, безхарактернымъ, мелкимъ человѣкомъ...

Князь тяжело вздохнулъ.

— Я пренебрегъ его воспитаніемъ, я раздражалъ его своимъ пренебреженіемъ... Въ этомъ великій мой грѣхъ... Безсознательно я мстилъ ребенку за мать... Богъ наказалъ меня за это... Изъ того, кого я хотѣлъ затоптать въ грязь, Онъ сдѣлалъ хорошаго человѣка...

Отецъ Никита, безмолвно слушавшій князя, тихо замѣтилъ ему:

— Это не наказаніе, а милосердіе Божіе.

— Да, да, я не такъ выразился... Да, это милосердіе Божіе... Наказаніемъ мнѣ было бы то, еслибъ онъ погибъ изъ-за меня... Но я не о томъ хотѣлъ поговорить... Дѣло въ томъ, что Александръ узналъ все и все понялъ... Онъ исправился, сталъ хорошимъ человѣкомъ, но отъ меня онъ отстранился... Онъ меня не упрекалъ, но я знаю, что онъ чувствуетъ ко мнѣ... Онъ помнитъ, онъ вѣчно будетъ помнить, что я своимъ отношеніемъ къ нему могъ довести его до гибели... Многихъ дѣтей изъ нашего круга такія отношенія отцовъ погубили... Этого онъ не забудетъ...

— Значитъ вы все еще не вполнѣ вѣрите, что онъ сталъ хорошимъ человѣкомъ?—спросилъ отецъ Никита.

Большой взволновался.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вѣрю, вѣрю... Но онъ, можетъ-быть, не вполнѣ сознаетъ, что я раскаялся, что я все понялъ, что я считаю себя виновнымъ... Я не хочу, чтобъ онъ думалъ, что я сталъ только снисходительнымъ къ нему, увидавъ, что онъ исправился,—я хочу, чтобъ онъ зналъ, что я считаю себя виноватымъ передъ нимъ... Тогда онъ если не забудетъ всего, то простить... Тяжело умирать, сознавая, что ты не примирился съ обиженнымъ тобою невиннымъ человѣкомъ; еще тяжелѣе жить, затаивъ навсегда въ душѣ враждебное чувство къ тому, кого называлъ когда-то отцомъ... Передайте ему все это, скажите, что я исповѣдовался въ этомъ передъ вами, готовясь предстать передъ Богомъ...

Онъ вздохнулъ широкимъ вздохомъ, точно ему легче стало послѣ этихъ признаній.

— И еще я долженъ покаяться передъ вами,—продолжалъ онъ.—Высокомѣрія, гордости во мнѣ еще было много до этого часа. Изъ гордости я откладывалъ и священный долгъ, медлилъ исповѣдью... Все надѣялся, что прійдетъ онъ и тогда мнѣ не нужно будетъ сознаваться въ томъ, въ чемъ я сознаюсь те-

перь... Это великій мой грѣхъ, грѣхъ всей жизни, и за него Богъ меня наказываетъ.

— Это не наказаніе, а милосердіе Божіе,— снова повторилъ отецъ Никита.

— Да, да, милосердіе... Я понимаю, Богъ далъ мнѣ силы, далъ возможность примириться съ своею совѣстью, — прошепталъ больной.

Онъ поникъ головой и тихо слушалъ успокоительныя слова священника, читавшаго молитву.

Тяжелое, гнетущее чувство охватываетъ близкихъ людей, когда мимо нихъ проходитъ въ комнату больного священникъ съ св. дарами, когда передъ ними плотно затворяются двери комнаты умирающаго и тамъ происходитъ послѣдняя исповѣдь, послѣдній расчетъ за грѣхи и ошибки всей жизни. До этой минуты въ сердцахъ окружающихъ все еще теплится искра надежды; въ эту минуту она вдругъ погасаетъ и невольно вѣжется, что тамъ, за этой запертою дверью, уже происходитъ таинство смерти. Бняжна не могла подавить своихъ слезъ, когда отецъ Никита прошелъ къ князю, когда за нимъ затворились двери, когда началось печальное таинство исповѣди. Она подошла къ окну и, тихо плача, замерла на мѣстѣ. Она не шевелилась и только по ея вздрагивавшимъ плечамъ можно было угадать, что она беззвучно рыдаетъ. Къ ней подошелъ Благолѣповъ и тихо взялъ ее за талію.

— Полноте, милая моя, полноте!— мягкимъ, ласковымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Очень мнѣ тяжело, Никаноръ Ивановичъ,— тихо отвѣтила она.

— Знаю, знаю, да что же дѣлать!... Берегите себя... Ваша жизнь нужна...

Онъ безсознательно прижалъ ее къ себѣ, она также безсознательно опустила къ нему на грудь голову. Онъ гладилъ ея волосы, какъ гладятъ по головѣ, успокоивая раслакавашагося ребенка.

— Надо быть бодрѣе! Ваши слезы еще болѣе взволнуютъ старика. Это вѣдь неизбѣжный конецъ. Слава Богу еще, что вамъ не за что упрекать себя. Тяжело, когда тернешь человѣка да еще сознаешь, что не все исполнилъ въ отношеніи его. А вы были хорошею дочерью. Всю себя отдали на служеніе ему.

Онъ, какъ добрая нянька, усадилъ бняжну, принесъ ей воды.

— Освѣжитесь, пусть старикъ не видитъ вашихъ заплаканныхъ глазъ. Исповѣдь его успокоитъ и вамъ не должно нарушать это спокойствіе своими слезами. Если уже ему суждено умереть, пусть умереть съ ясною улыбкой...

Исповѣдь между тѣмъ кончилась, старикъ приобщился и тотчасъ же тихо заснулъ. Онъ спалъ довольно долго и когда онъ открылъ снова глаза, князю изумило выраженіе его лица: такое выраженіе встрѣчается у больныхъ дѣтей, полное тихой, безмятежной грусти, съ томной улыбкой, съ утомленными глазами, словно только на минуту полуоткрывшимися въ отвѣтъ на ласки близкихъ и готовыми снова сомкнуться быть-можетъ на вѣчный сонъ, на вѣчный покой. Князь почти не говорилъ, не спрашивалъ уже о сынѣ; его голова безсильно склонялась на плечо, глаза по большей части были закрыты, даже когда онъ не спалъ. Именно въ такомъ положеніи засталъ отца Александръ Александровичъ Русовъ. Онъ, наскоро поздоровавшись съ сестрою, вошелъ къ отцу. Лицо старика озарилось ясною полусознательною улыбкой, онъ мягко взглянулъ на сына, приподнялъ слабую руку.

Князь Александръ опустился передъ нимъ на колѣни.

— Милый... мальчикъ... Сынишка мой, — едва слышно прошепталъ больной. — Вотъ и помирились... и все простили, забыли...

Князь Александръ въ слезахъ цѣловалъ руки отца. Старикъ продолжалъ улыбаться, продолжалъ пожимать руку сына, все слабѣе. Наконецъ онъ слабо вздохнулъ, закрылъ глаза — и все было кончено: рука замерла, голова свѣсилась на плечо, грудь перестала подниматься, только спокойная улыбка продолжала оживлять это лицо съ закрывшимися навсегда глазами. Всѣ, стояшіе на колѣняхъ около кресла князя — сынъ и дочь, подошедшіе къ нему Орловъ и Благолюбовъ — точно замерли на минуту около этого старика, склонившаго свою голову съ сѣдыми длинными волосами. Они точно вдругъ всѣ снѣжились виѣсть въ одну тѣсно связанную между собою семью. А весеннее солнце, косыми лучами заглянувъ въ окно, заливало комнату прощальнымъ блескомъ. День кончался; наступала вечеръ.

Орловъ живо запомнилъ эту минуту и часто вспоминалась она ему. Когда все стало вполне понятно всѣмъ присутствующимъ, когда рыданія княжны стали громче, онъ и Благолюбовъ подняли ее и увели въ другую комнату. Они ухаживали за ней,

какъ братья, и ни на минуту въ Орловѣ уже не прослулось чувство ревности, чувство вражды къ Благолѣпову, когда тотъ тихо шепталъ княжнѣ:

— Полно, милая, полно! Надо беречь себя!...

II.

Со смерти князя прошло уже не мало дней, недѣль, мѣсяцевъ. Много событій произошло въ это время и всѣ эти событія оставили неизгладимые слѣды въ сердцахъ всего кружка, тѣсно сплотившагося въ Русовѣ около гроба князя. Когда всѣ эти событія, пронесшіяся вихремъ надъ семьей князя, надъ Благолѣповымъ, надъ Орловымъ, стали дѣломъ прошлаго, Дмитрій Андреевичъ, отдыхая отъ тревогъ и опасеній пережитыхъ дней, перебирая въ своей квартирѣ старыя бумаги, письма, телеграммы, невольно вспомнилъ все это недавнее прошлое и какъ бы пережилъ, переболѣлъ его снова.

Навсегда запали въ память Орлову всѣ дни и вечера, проведенные имъ въ Русовѣ тотчасъ послѣ смерти князя. Кружокъ друзей тѣсно сплотился, какъ будто между всѣми этими людьми не было никогда никакихъ недоразумѣній, какъ будто всѣ они вдругъ инстинктивно поняли, что такъ или иначе они всѣ идутъ, или, по крайней мѣрѣ, могутъ идти къ одной цѣли. Правда, они всѣ шли разными путями, надѣясь на совершенно различныя средства, но они не спорили объ этихъ путяхъ и средствахъ, угадавъ чутьемъ, что эти споры не поведутъ ни къ чему, что каждый изъ нихъ на другомъ мѣстѣ, въ другой роли чувствовалъ бы себя неловко, что сама жизнь подсказала имъ, какъ и что долженъ былъ дѣлать каждый изъ нихъ. Новичкомъ въ ихъ кружкѣ была одна только личность—Настя. Но княжна сразу поняла, какое значеніе имѣла въ жизни ея брата эта женщина, не претендовавшая ни на какую роль, кромѣ роли подруги своего мужа, опоры своего мужа, помощницы своего мужа, и встрѣтила ее съ распростертыми объятіями, какъ добрую подругу. Настя была тронута добротой княжны и сразу прямо объявила ей, что она давно полюбила княжну уже за то, что та «такая же простая, какъ князь».

— Мы такъ спѣлись, что хоть коммуны изъ насъ составляй!—шутливо замѣтилъ какъ-то Благолѣновъ.

И онъ былъ правъ: они спѣлись. Одинъ вопросъ только немного смущалъ и какъ будто страшилъ всѣхъ,—вопросъ о кня-

гнѣ Маріи Львовнѣ Русовой. И на этомъ вопросѣ сходились всѣ, хотя и не касались его въ разговорахъ. Ее не хотѣлось видѣть ни княжнѣ, ни князю, ни Орлову, ни Благолѣпову, ни Настѣ. Всѣ сознавали, что эта женщина будетъ лишнею въ ихъ кружкѣ, будетъ лишнею у гроба старика. Но дать ей знать о смерти мужа все-таки было нужно,—этого требовало приличіе, это было необходимо и по дѣлу наслѣдства. Ей послали телеграмму за границу и въ душѣ всѣ надѣялись, что телеграмма не найдетъ ее, такъ какъ княгиня жила то въ Парижѣ, то въ Римѣ, то въ Женевѣ. Надежды эти сбылись только отчасти: телеграмма дошла до княгини, но княгиня отвѣтила, что она не можетъ послѣть къ похоронамъ, а что дочь ея, вышедшая замужъ въ Парижѣ, не пріѣдетъ вовсе, такъ какъ ея положеніе не позволяетъ ей пускаться въ далекій путь. Отсрочка пріѣзда княгини какъ бы дала возможность этимъ людямъ передохнуть, подготовиться къ непріятной встрѣчѣ. Чѣмъ болѣе приближался день этой встрѣчи, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ у всѣхъ.

Всѣ тайно спрашивали себя: «И зачѣмъ она пріѣдетъ? Разыграть ненужную комедію на могилѣ мужа? Разыграть комедію материнской любви въ отношеніи дѣтей?... Для этого можно бы и не пріѣзжать». Орлову хотѣлось ухъать до ея пріѣзда, чтобы не встать въ ложное положеніе, чтобы не напомнить никому о прошломъ; Настя тоже какъ будто трусила встрѣчи съ нею, хотя и князь, и княжна давно уже рѣшили въ душѣ, что они отрекомендуютъ Настю, какъ жену князя; Благолѣповъ ругалъ мысленно извѣстную ему только по слухамъ княгиню, сознавая, что она взглянетъ на него или свысока, какъ на «какого-то» попавича управляющаго, или, чего добраго, еще заподозрить его отношенія къ княжнѣ.

И вотъ вспомнилось теперь Орлову, какъ вдругъ все неожиданно измѣнилось, какъ всякіе расчеты были спутаны, какъ всѣ были сбиты съ толку и совсѣмъ не тѣмъ, чего ждали. Какой-то ужасъ охватилъ всѣхъ въ одинъ прекрасный день, когда совершенно неожиданно въ Русово пріѣхали изъ города власти арестовать Благолѣпова и сдѣлали тщательный обыскъ въ занимаемомъ имъ помѣщеніи. Орловъ помнитъ мертвенно-блѣдное лицо Благолѣпова съ недобрымъ выраженіемъ въ глазахъ; онъ помнитъ, какъ, забывъ всѣхъ и все, княжна бросилась на грудь Никанора Ивановича и словно замерла, сжимая его въ объятіяхъ и какъ бы рѣшившись не выдавать, не уступать его никому;

какъ князь сдержанно и съ достоинствомъ объяснялъ, что это все вѣроятно одно недоразумѣніе, простая ошибка; какъ Настя со слезами на глазахъ увела потомъ изъ комнаты Благолѣпова княжну и просидѣла у нея всю ночь, ухаживая за ней, какъ за больнымъ ребенкомъ. Всѣ они, казалось, потеряли головы, — такъ непредвидѣнно было это событіе.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало дней, недѣль, мѣсяцевъ, и теперь Орловъ зналъ уже всю закулисную сторону этой страшной катастрофы и понималъ, что ея нужно было ожидать съ часу на часъ; онъ распуталъ, въ качествѣ защитника Благолѣпова, всѣ нити этого происшествія и добрался до начала, до причины этой бѣды. Чѣмъ глубже вникалъ онъ въ это дѣло, тѣмъ яснѣе представляли передъ нимъ образъ Благолѣпова и образъ княжны.

Когда Благолѣповъ былъ водворенъ на родинѣ подъ надзоръ полиціи, онъ остался безъ дѣла, безъ средствъ добывать хлѣбъ, безъ надежды выйти изъ этого положенія. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о душевномъ спокойствіи, объ умиротвореніи человѣка. Благолѣпову приходилось сидѣть сложа руки или заняться чѣмъ-нибудь безъ надежды на практическіе результаты этихъ занятій, на примѣненія ихъ къ дѣлу. Онъ сталъ продолжать изученіе химіи и сельскаго хозяйства — предметовъ, любимыхъ имъ и прежде. Но какъ ни любилъ онъ ихъ, они не могли вполнѣ удовлетворить его въ его положеніи. Мало этого, у него подъ руками часто не было даже необходимыхъ книгъ, не было лабораторій, не было руководителей. На каждомъ шагу онъ наталкивался на сознаніе, что при другихъ условіяхъ, при другой обстановкѣ онъ могъ бы не такъ работать. На душѣ начала на-кѣпать желчь. Дѣлиться ею приходилось по неволѣ съ людьми, такъ же выброшенными за бортъ изъ жизни, такъ же волновавшимися, какъ онъ. Не могъ же онъ ждать сочувствія къ себѣ отъ своего дяди архіерея, отъ какихъ-нибудь находившихся при мѣстахъ «совѣтниковъ», отъ какихъ-нибудь занятыхъ своею коммерціей купцовъ. Участіе и пониманіе встрѣтилось въ иной средѣ, родственной съ нимъ по развитію, по взглядамъ, по участи. Въ это время только-что начиналась эпоха хожденія въ народъ, только-что начали появляться люди, взявшіеся за пропаганду извѣстныхъ идей, за распространеніе въ народѣ разныхъ книжекъ и брошюръ съ извѣстнымъ направленіемъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей были старыми знакомыми Благолѣпова; другіе сами наши его, потому что видѣли въ немъ подходящій

элементъ. Когда Орловъ, впервые послѣ разлуки въ Петербургѣ, встрѣтился съ Благолѣповымъ въ провинціи, Благолѣповъ былъ уже въ сношеніяхъ со многими такими людьми. Самъ Благолѣповъ не видѣлъ особенной пользы въ хожденіи въ народъ для распространенія разныхъ книжекъ; онъ горячо спорилъ по этому поводу съ пріятелями, но онъ не видѣлъ ни нужды, ни цѣли разрывать связь съ ними, такъ какъ онъ видѣлъ въ нихъ людей, раздѣлявшихъ его главныя убѣжденія, думавшихъ о народѣ, любившихъ народъ. Можно сказать даже больше: иногда бездѣятельная жизнь становилась ему такъ противна, что онъ былъ самъ готовъ идти въ народъ, только бы дѣлать хоть что-нибудь. Мускульная сила, избытокъ здоровья, молодая кровь—все это требовало дѣятельности, свободы, простора. Въ это время онъ не рѣдко заивалъ или, какъ онъ выражался, «малодушествовалъ и напускалъ на себя». Каково было состояніе его души, этого никто не зналъ тогда и только послѣ мелькомъ онъ какъ-то замѣтилъ: «Чего же было рассказывать, что не разъ башкой обѣ стѣну колотился, да волосы свои рвалъ. Помочь-то никто не помогъ бы, а только посмѣялись бы, что такой большой и такъ реветъ, какъ баба». Бывали въ это время такія минуты, когда Благолѣповъ чаще и глубже начиналъ задумываться надъ вопросомъ «о чистой отставкѣ», какъ онъ называлъ самоубійство. Столкновение съ княжной, разговоръ съ нею указали ему исходъ: онъ могъ попробовать свои силы въ качествѣ волостного писаря, управляющаго, конторщика, учителя,—однимъ словомъ, лица, могущаго стоять близко къ народу и приносить послѣднему послѣднюю пользу, указывая мужику на его практическіе интересы, разъясняя его законныя права, давая тѣ или другіе совѣты вообще. Придумать этотъ исходъ было не житро: о такой дѣятельности не разъ серьезно думалъ Благолѣповъ и до встрѣчи съ княжною; но княжна дала ему толчокъ, какъ-то сразу заставила рѣшиться. Ему стала улыбаться перспектива этой дѣятельности: онъ зналъ отлично народъ, выросши среди народа; онъ долго изучалъ естественныя науки, сельское хозяйство, а теперь ему говорили о возможности приложить знанія къ практикѣ,—говорили именно въ то время, когда имъ начинало овладѣвать отчаяніе. Но этотъ шагъ можно было сдѣлать только съ фальшивымъ паспортомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Сначала онъ не хотѣлъ оставаться въ Русовѣ, но княжна уговорила его. Да какъ было и не согласиться? Здѣсь просторъ для дѣятельности былъ полный, подъ рука-

ми были большое хозяйство, заводы, школы, больницы. Здѣсь были п лѣсъ, и рѣка, и желѣзная дорога подь бокомъ. Здѣсь могъ быть сбытъ для всякой кустарной, заводской или фабричной производительности. Благолѣповъ остался здѣсь и энергично принялся за работу. Но Русово не на лунѣ. Въ Русово не запрещены входъ и въѣздъ никому. Что дѣлается въ Русовѣ, то не остается тайной для сосѣдей. И вотъ къ Благолѣпову нашли дорогу пріятели; въ его комнатѣ не разъ происходили крупныя споры; къ нему не разъ долетали запрещенныя листки, брошюры, книги. Съ другой стороны ни для кого не было тайной, что въ Русовѣ происходили какія-то вечернія чтенія для взрослыхъ въ школѣ, что въ Русовѣ безъ разрѣшенія правительства устроилось что-то въ родѣ формальнаго технического училища при заводѣ, что въ Русовѣ завелась ссудо-сберегательная касса, что въ Русовѣ подняли заработную плату, что въ Русовѣ крестьяне могли выжидать съ продажей хлѣба при помощи ссудъ изъ кармана князя и могли въ случаѣ недостатка хлѣба покупать его по болѣе дешевой цѣнѣ, при помощи опять-таки тѣхъ же ссудъ. Какъ растеть, катаясь, комъ снѣга, такъ росли съ одной стороны опасныя сношенія съ пріятелями, а съ другой враждебныя отношенія съ окружающими лавочниками, кулаками, арендаторами и землевладѣльцами. И съ обѣихъ сторонъ шли преувеличенія: одни преувеличивали таинственное значеніе своихъ злоумышленныхъ плановъ; другіе преувеличивали реформаторскія попытки въ сущности еще не успѣвашаго ничего сдѣлать Благолѣпова. Его искали давно, уже у нѣсколькихъ арестованныхъ нашли его письма, уже въ немъ видѣли опаснаго агитатора, хотя сущность его дѣятельности и участія въ агитаціи и была еще не выяснена, но находить его не находили. Не нашли бы его, быть-можетъ, и еще нѣсколько лѣтъ, не нашли бы, быть-можетъ, и вовсе, еслибы чисто случай ни привелъ къ открытію его убѣжища.

Въ одинъ изъ храмовыхъ праздниковъ въ родномъ городѣ Благолѣпова преосвященный Филоеѣй самъ служилъ обѣдню въ соборѣ. Народу въ церкви набралась масса; всѣ были въ праздничномъ настроеніи, всѣ восхищались архіерейскими пѣвчими и басомъ гиганта-дьякона. Среди извѣстной части купечества, тѣснившагося около свѣчной выручки, между крестными знаменьями и шепотомъ молитвъ, какъ это всегда бываетъ въ большія храмовыя торжества, шли толки и о преосвященномъ, и о пѣвчихъ, и о дьяконѣ. Какой-то старикъ купецъ замѣтилъ между прочимъ:

— Вотъ, жаль, не пошелъ въ духовное званіе Никаноръ-то Ивановичъ, племянникъ-то его преосвященства. То-то знатный бы дьяконъ былъ. Косая саженъ въ плечахъ. Намеднишь видѣлъ я, какъ онъ на пожарѣ въ Русовѣ работалъ, такъ что это за машина человѣкъ!

— Да что же онъ въ Русовѣ дѣлаеть?... При должности какой, что-ли?—спросилъ кто-то.

— Управитель, кажись, у князя или секретарь,—отвѣтилъ купецъ.—Я еще вотъ преосвященному-то не говорилъ. Хотѣлъ все молодца-то похвалить. Ящичекъ рассказывалъ, что такой-то славный паренъ изъ него сдѣлался. Мужички не нахвалятся.

— Заливать-то вѣрно пересталъ?

— Ужь вѣрно, если князь при себѣ держитъ.

Купецъ сталъ распространяться о Никанорѣ Ивановичѣ, о своихъ отношеніяхъ къ преосвященному. Ему было очень пріятно даже приглатъ, чтобы только всѣ знали, что онъ «свой человѣкъ у преосвященнаго» и чуть не на «ты» съ нимъ.

Кто слушалъ этотъ рассказъ? Кто передалъ о немъ кому слѣдовало знать объ этомъ? Все это осталось неизвѣстнымъ. Извѣстно было только то, что Благолѣнова наши и онъ увидалъ при допросѣ, что противъ него имѣется цѣлая масса обвиненій, да такихъ, какихъ онъ и придумать не могъ бы самъ, заглянувъ въ свое прошлое. У него ночевалъ когда-то такой-то, ходившій въ народъ, пріятель, —его подозрѣвали, что у него былъ притонъ злоумышленниковъ. У него оставили двое знакомыхъ народниговъ двѣ-три однородныхъ брошюры, —его подозрѣвали въ томъ, что у него былъ «складъ запрещенныхъ сочиненій», что онъ намѣренъ былъ ихъ распространять. Откуда-то всплыли толки сосѣдей о томъ, что онъ вооружалъ народъ, побуждалъ къ стачкѣ рабочихъ, —и его подозрѣвали въ подстрекательствѣ. Все это было очень естественно, очень понятно. То была пора, когда дѣла подобнаго рода были чѣмъ-то совершенно новымъ, когда никто вообще—ни въ той, ни въ другой партіи—не составилъ себѣ яснаго понятія о нихъ, о ихъ размѣрахъ, о ихъ цѣляхъ, когда видѣли, что тутъ кроются преступные замыслы; но въ какой мѣрѣ преступны эти замыслы, какое участіе принимаютъ въ этихъ замыслахъ тѣ или другія лица, кто изъ этихъ лицъ дѣйствительно раздѣляетъ эти замыслы и кто только виноватъ тѣмъ, что не доносилъ на виновныхъ — всего этого никто не зналъ. Всѣ точно растерялись. Изъ первыхъ же допросовъ Бла-

голъповъ понялъ, что противъ него нѣтъ никакихъ крупныхъ уликъ; но тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что его не выпустятъ на всѣ четыре стороны, что слѣдователи будутъ докапываться настойчиво и упорно, чтобъ узнать, нѣтъ ли за нимъ чего-нибудь такого, что ускользало покуда отъ ихъ глазъ. Онъ понималъ, что его могутъ держать въ тюрьмѣ уже за одно то, что онъ бѣжалъ отъ надзора полиціи съ фальшивымъ паспортомъ. Отрицать этого было нельзя, оправдать себя въ этомъ проступкѣ было невозможно. Наконецъ, у него нашли нѣсколько записокъ, написанныхъ рукою захваченныхъ, замѣшанныхъ въ дѣло людей. Записки были пустыя, незначительныя, но онѣ говорили о сношеніяхъ. Зачѣмъ онъ хранилъ ихъ? Конечно, только потому, что не придавалъ имъ значенія, забылъ о нихъ, не бросилъ ихъ тотчасъ же по полученіи. А между тѣмъ онѣ-то и являлись уликами. Положеніе было безвыходное, впереди можно было ожидать только дурного. Но чаша горечи была бы далеко не полна, еслибъ оставили въ покоѣ княжну. Самъ Благолъповъ готовъ былъ мужественно перенести все, сознавая, что онъ платился все-таки за что-нибудь—за неосторожность, за легкомысліе, за проступокъ; но когда онъ узналъ, что захватили и княжну, — онъ пришелъ въ отчаяніе. «Ее-то за что? Чѣмъ она виновата? Въ чемъ ее подозрѣваютъ? Какъ дошли до мысли объ ея арестѣ? Вѣдь за то, что онъ жилъ въ домѣ князя, взять ее было невозможно. Она могла и не знать, что у него фальшивый паспортъ, что у него были преступныя связи. Ея арестъ — крайняя несправедливость». Благолъповъ проклиналъ тотъ день, когда онъ согласился вступить въ Русово управляющимъ, когда онъ согласился остаться въ княжескомъ домѣ. Онъ боялся даже и думать, что дѣлается съ княжною, какъ она переноситъ тюремное заключеніе. Каково было это заключеніе, онъ зналъ уже по опыту. Онъ, человѣкъ простой, не брезгливый, съ трудомъ мирился съ грязью, съ ѣдою, съ воздухомъ тюрьмы. А она?... Что она теперь чувствуетъ къ нему, Благолъпову, виновнику всего этого несчастья? Вѣдь онъ былъ опытнѣе ея, онъ зналъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ знать, къ чему ведутъ сношенія съ опасными людьми; онъ игралъ съ огнемъ, забывая, что этотъ огонь можетъ испепелить другую, дорогую для него, жизнь.

Въ Русовѣ шла не меньшая тревога, хотя совсѣмъ въ другомъ родѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не переживу этого позора!—звучали теперь въ ухахъ Орлова восклицанія пріѣхавшей въ деревню княгини.— Я всегда ожидала, что она кончитъ какъ-нибудь не такъ, какъ всѣ, по этого не ждала... Она была противъ всѣхъ этихъ революціонеровъ за границей, она спорила съ ними, она отзывалась о нихъ съ неуваженіемъ и—вдругъ сошлась здѣсь съ нами—то бѣглымъ!... Александръ, мнѣ совѣстно, я боюсь выговорить это, но скажи мнѣ откровенно... Я—мать, я должна знать все, приготовиться ко всему!... Этотъ человѣкъ...—какъ его, Никанор?...—что, онъ въ связи съ нею?

Русовъ холодно взглянулъ на мать и сухо отвѣтилъ ей:

— Соня настолько чистое созданіе, что странно даже дѣлать подобные вопросы.

— Да, но вѣдь я—мать, я—мать!... Она носитъ наше имя... Это можетъ все огласиться, запятнать...

— Ахъ, полноте, мало ли кто таскалъ въ грязи нашъ княжескій гербъ! Теперь надо заботиться не объ имени, а о чловѣкѣ... Ее спасти надо...

— Да развѣ это возможно? Я знаю, что за люди эти агитаторы, эти негодяи, желающіе затопить въ крови Россію. Я близко узнала ихъ за границую. Это—изверги, безъ сердца, безъ чести...

И княгиня разразилась цѣлымъ потокомъ громкихъ фразъ о тѣхъ, съ кѣмъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ она конетничала, играя роль недовольной чѣмъ-то и кѣмъ-то, воображая себя госпожею Ролланъ.

— Да, это все послѣдствія матеріализма, послѣдствія безбожія!—продолжала ораторствовать княгиня, вспоминая разные вычитанныя ею гдѣ-то фразы.—Когда люди забываютъ о Богѣ, когда они не вѣрятъ ни во что, когда у нихъ нѣтъ ничего святого,—они, конечно, готовы на все, на грабежъ, на убійство...

Княгиня теперь давно уже бросилась въ новую крайность и бредила католическими патерами, какими-то чудесами, какими-то знаменіями. Католическіе патеры явились ей послѣдними утѣшителями и друзьями и она такъ же повторяла теперь ихъ слова, какъ не особенно давно повторяла слова русскихъ эмигрантовъ, какъ прежде повторяла слова своихъ великосвѣтскихъ любовниковъ.

— Мнѣ кажется, вамъ лучше бы всего для своего спокойствія поселиться гдѣ-нибудь за границей,—спокойнымъ, но твер-

дымъ тономъ посовѣтоваль ей князь.—Здѣсь вамъ будетъ слишкомъ тяжело постоянно слышать о Сонѣ.

— Но развѣ я могу уѣхать, когда моя дочь...—начала княгиня.

Сынъ перебилъ ее.

— Вы все равно не видите ее,—сказаль онъ.—Наконецъ, для чего вамъ и видѣть ее? Любить ее вы уже не можете, облегчить ея участь вы не можете, передѣлать ее вы не можете. Вы только напрасно будете отказывать себѣ въ удовольствіи жить тамъ, куда васъ тянетъ все...

Онъ былъ сухъ и холоденъ съ матерью, но сдержанъ и вѣжливъ. Но эта холодность смѣнилась въ его душѣ почти враждебнымъ чувствомъ къ ней, когда она какъ-то свысока взглянула на Настю, услыхавъ отъ сына, что это его жена, что она приходится двоюродною сестрой Орлову. Княгиня, услыхавъ отъ сына, что онъ женился недавно, что онъ не писалъ объ этомъ, такъ какъ свадьба была тихая, скромная, сразу чутьемъ угадала, что сынъ сдѣлаль *maïsaïlïance*, что его жена какая-то мѣщанка, что, можетъ-быть, это даже и не жена вовсе.

— Миѣ кажется, все-таки можно бы было написать объ этомъ миѣ!—сказала княгиня сыну.

— Миѣ казалось, что это дѣло касается только меня и моей невѣсты,—коротко отвѣтилъ князь.

— Но я—мать!

Не отвѣчая на это восклицаніе, слишкомъ уже часто повторявшееся въ эти дни, князь спокойно сказаль:

— Къ тому же я даже не имѣль отъ васъ извѣстій о томъ, гдѣ вы находитесь въ извѣстную минуту, и думаль, что одного этого довольно, чтобы не беспокоить васъ своими письмами.

— Что это, упрекъ?—спросила она.

— Нѣтъ, я просто объясняю причину, почему я не писалъ. Сводить же старые счеты—это будетъ очень длинно и едва ли поведеть къ чему-нибудь,—отвѣтилъ онъ.

Между матерью и сыномъ было все порвано и оба они сознавали это. Княгиня начала даже какъ будто побаиваться сына. Ее не испугала бы его раздражительность или запальчивость, но ее пугала его холодная сдержанность. Она инстинктивно угадывала, что этотъ человекъ въ случаѣ необходимости не пощадитъ своего врага и сдумѣетъ раздавить его желѣзною рукой. Были двѣ-три минуты, двѣ-три фразы, когда княгиня невольно

подумала, что онъ видитъ именно въ ней такого врага и что онъ въ случаѣ крайности не пощадитъ ее.

Еще холоднѣе, еще официальнѣе были отношенія между княгиней и Орловымъ. Онъ начиналъ чувствовать къ ней почти ненависть, по мѣрѣ того, какъ передъ нимъ раскрывалась теперь вся мелочность, вся пустота, вся пошлость, вся дрянность этой натуры. Онъ ненавидѣлъ ее за то, что она унижала его въ его собственныхъ глазахъ, напоминая ему собою, что онъ могъ когда-то преклоняться передъ этой женщиной, могъ любить ее. Она была ходячимъ свидѣтельствомъ его ошибокъ, заблужденій, недалекости. Онъ бы не ощущалъ этой ненависти, еслибы могъ хоть на минуту увѣрить себя, что онъ любитъ ее какъ коготку, что онъ сошелся съ нею только какъ съ падшей женщиной.

Но она когда-то была его кумиромъ и онъ бѣсился, что онъ могъ хоть когда-то благоговѣть передъ тѣмъ, что стояло только презрѣннѣе. Княгиня сразу угадала, что онъ презираетъ ее, и подняла передъ нимъ голову, едва отвѣчая на его поклоны и не обращая вниманія на его замѣчанія во время разговоровъ. Впрочемъ, никому въ сущности не было и дѣла до нея, такъ какъ теперь всѣ помыслы были обращены на одно — на стремленіе спасти и выгородить Благолѣнова и княжну.

— Не жалѣй ничего, ни денегъ, ни хлопотъ, — говорилъ Александръ Александровичъ Орлову, — но постарайся спасти ихъ обоихъ, обоихъ, потому что спасти одну сестру — это значитъ поправить дѣло только на половину...

— Даже вовсе не поправить его, такъ какъ она пойдетъ теперь всюду за Никаноромъ, — отвѣтилъ Орловъ.

— Да, да, это вѣрно... Иначе и быть не можетъ! — согласился князь.

И вотъ Орловъ засѣлъ за это дѣло. Съ преданностью друга, съ умѣньемъ опытнаго дѣльца онъ слѣдилъ за ходомъ допросовъ, за характеромъ уликъ, за всѣми тѣми мелочами, которые нужно было имѣть въ виду въ рѣшительную минуту. А дѣло все разрасталось и расширялось, такъ какъ къ нему припутывались десятки лицъ.

Для Орлова настала пора горячей дѣятельности. Кромѣ дѣла княжны и Благолѣнова на его рукахъ было теперь дѣло семьи Русовыхъ по вводу во владѣніе, по дѣлежу наслѣдства. Князь, вышедшій въ отставку и обвинявшійся въ уѣздномъ городишкѣ

съ Настею, занялся чисто хозяйственными дѣлами, перебравшись въ Русово, всё же судебныя и официальные сношенія предоставлялъ вполнѣ Орлову. Наслѣдство покойнаго князя представляло очень крупную цифру, имѣнія его были разбросаны въ нѣсколькихъ губерніяхъ и потому возни было съ этимъ дѣломъ не мало. Александръ Александровичъ Русовъ предложилъ Орлову общепринятую плату за эти хлопоты и цифра вышла довольно крупная. Орловъ стѣснялся, но князь просто замѣтилъ ему:

— Что же, ты хочешь, чтобы кто-нибудь другой взялъ еще больше и не сдѣлалъ бы почти ничего или затянулъ бы дѣло?

— Но мы съ тобой стоимъ въ такихъ отношеніяхъ, — началъ Орловъ.

— Что я знаю, что ты человѣкъ небогатый и что ты ради меня теперь бросаешь всё другія дѣла, — докончилъ князь.

Орловъ очень хорошо понималъ, что дѣлать дѣло нельзя даромъ, что дѣйствительно изъ одной дружбы нельзя было бросить всё дѣла и отдаться дѣламъ князя, но его какъ-то досадливо смущало одно неотвязчивое сознаніе, что первое его очень крупное по доходу дѣло — было дѣло друга, что первая его яркая защита — будетъ защита друзей въ политическомъ процессѣ. Онъ мысленно сравнивалъ это съ чѣмъ-то въ родѣ того, что человѣкъ черезъ трупъ ближняго переступаетъ къ счастью.

— Мы, какъ доктора, аптекаря и гробовщики, — говорилъ онъ съ грустной улыбкой, — когда говоримъ объ удачѣ, о хорошихъ дѣлишкахъ, это значитъ, что Богъ далъ хоть маленькую холеру...

— Да вѣдь и въ большинствѣ случаевъ такъ бываетъ, — по крайней мѣрѣ, покуда, — сказалъ князь. — Кто-нибудь умереть и у кого-нибудь развязались руки, кому-нибудь очистилось мѣсто, кто-нибудь получилъ наслѣдство...

Онъ вздохнулъ.

— Вотъ и я въ отставкѣ, женатъ, живу здѣсь, потому что умеръ отецъ... А сколько іезуитовъ будетъ ликовать, узнавъ объ этой смерти отъ матери!... Теперь она можетъ щедрою рукой разсыпать направо и налево свои собственныя деньги... Сдержать болѣе некому.

Всѣ эти событія, сцены, разговоры приходили на память Орлову, когда онъ приготавлился къ защитѣ княжны и Благолѣпова.

Толкуя съ защитниками другихъ подсудимыхъ, долженствовавшихъ судиться въ одной группѣ съ княжной и Благолѣпо-

вымъ, онъ ясно сознавалъ, что его кліенты будутъ оправданы, что если ихъ и постигнетъ какое-нибудь наказаніе, такъ это въ крайнемъ случаѣ водвореніе куда-нибудь на жительство подъ надзоръ полиціи, да и то эта участь могла постигнуть развѣ Благолѣпова, если ему не вмѣнять въ наказаніе долговременное содержаніе въ тюрьмѣ.

III.

Благолѣповъ и княжна были оправданы.

Послѣ долгихъ лѣтъ впервые Орловъ снова поднимался по лѣстницѣ барскаго дома Русовыхъ. Едва переступилъ онъ порогъ входныхъ дверей, едва успѣлъ очутиться передъ широкою лѣстницей этихъ палатъ, какъ вдругъ въ немъ проснулось все давно минувшее прошлое и воспоминанія охватили его всего. Онъ вспомнилъ, какъ когда-то впервые робко входилъ онъ, дитя Захолустной улицы, по этимъ бѣлымъ мраморнымъ ступенямъ, какъ здѣсь краснѣлъ онъ, встрѣчая лакеевъ, ходившихъ въ гости къ его роднымъ, какъ на этой самой лѣстницѣ не разъ обнималъ и цѣловалъ его прелестный мальчикъ, его другъ, и какъ тутъ же онъ, Орловъ, впервые смутился до глубины души и назвалъ себя негодяемъ, встрѣтивъ этого же друга, уже юношу, и не имѣя силъ сознаться, что онъ только-что вышелъ изъ будуара матери этого друга, еще пьяный отъ ея жгучихъ ласкъ и поцѣлуевъ. О, сколько тутъ пережилось и свѣтлыхъ и мрачныхъ, и полныхъ надеждъ и полныхъ отчаянья дней! Да, полно, тѣ ли это палаты? Развѣ тогда освѣщалась такъ убого эта лѣстница? Развѣ были тогда такъ запылены эти статуи? Развѣ тогда тутъ не стояло массы цвѣтовъ? Теперь здѣсь было какое-то запустѣнье, заброшенность. Орлову вспомнилось, что этотъ домъ продается. «И Богъ съ нимъ»,—промелькнуло въ его головѣ.—Едва ли кто-нибудь изъ Русовыхъ пожалѣетъ, что у нихъ не станетъ этого гнѣзда, гдѣ было много внѣшняго блеска и внутреннихъ терзаній, гдѣ всѣ хорошія отношенія были полны только лицемѣремъ и прикрывались только маской приличія.

Дмитрій Андреевичъ поднялся по лѣстницѣ, прошелъ по слабо освѣщенной бѣлой залѣ, по гостиной и ему стало жутко. Эта мебель подъ чохлами, эти люстры въ коленкоровыхъ мѣшкахъ, эти затянутае кисеи картины походили на мертвецовъ

въ саванахъ, а его гулко раздававшіеся въ пустынныхъ комнатахъ шаги точно говорили ему, что онъ идетъ по плитамъ катакомбъ. Да это и точно была могила стараго барства. Не сегодня, такъ завтра эти палаты купитъ какой-нибудь разбогатѣвшій царекъ изъ Чухломы или Бердичева и здѣсь начнется новая, не похожая на прежнюю, жизнь. Уже не мало такихъ барскихъ домовъ перешло въ новыя руки. Орлову нужно было пройти не мало комнатъ, чтобы добраться до «дѣтскихъ», гдѣ, какъ сказалъ ему швейцаръ, помѣстились господа. Наконецъ, онъ услышалъ голоса и отворилъ дверь въ комнату. Онъ сразу вспомнилъ, что въ этой комнатѣ онъ впервые узналъ, что и у князей Русовыхъ можетъ быть горе: именно здѣсь маленькій Саша въ тишинѣ ночи плакалъ передъ нимъ, говоря о своихъ несчастіяхъ. Онъ не успѣлъ еще осмотрѣться, какъ на встрѣчу ему поднялись княжна, Благолѣповъ и Настя. Онъ обнялся и перецѣловался со всѣми:

— А Александръ?—спросилъ онъ.

— Уѣхалъ по дѣламъ,—отвѣтила княжна.

— За меня хлопотать поѣхалъ,—сказалъ Благолѣповъ.

— Ну, дай-то Богъ, чтобы какой-нибудь толкъ вышелъ,—сказалъ Орловъ.

Всѣ снова уѣлись. Разговоръ не вязался. Благолѣповъ что-то безсознательно чертилъ карандашомъ на бумагѣ. Княжна, плохо оправившаяся, слабая, полулежала на диванѣ, прислонившись щекой къ подушкѣ; во всемъ ея существѣ чувствовалась слабость. Настя что-то вышивала и по временамъ у нея невольно вырывались тяжелые вздохи. Повидимому, она работала какъ-то наобумъ, вовсе не думая о работѣ и принявшись за нее только для того, чтобы разсѣяться хоть чѣмъ-нибудь.

— Что, Настасья Даниловна, чай, не разъ деревня-то вспомнится?—спросилъ ее Благолѣповъ, затушевывая нетерпѣливо что-то написанное имъ на бумагѣ. — Велики эти хоромы, а тоже словно тюрьма...

— Могила какая-то,—тихо прошептала княжна.

— Да, не уютно стало тутъ,—замѣтилъ Орловъ, осматриваясь.

— И всегда было неуютно, всегда было тяжело,—сказала княжна.

— Ну, вѣдь это мы здѣсь на недѣлю, не больше,—отвѣтила Настя, стараясь быть бодрой.—Саша хотѣлъ остановиться въ

гостиницѣ, но... тамъ еще хуже: любопытные взгляды, кругомъ все слышно... Тутъ все же мы одни...

— Одни съ воспоминаваньями,—задумчиво произнесъ Орловъ.

Княжна бросила мелькомъ взглядъ на него и кивнула утвердительно головой.

— Чортъ возьми, что же это онъ не ѣдетъ! Какъ задержали!—воскликнулъ Благолѣповъ и, бросивъ карандашъ, нетерпѣливо заходилъ по комнатѣ.

Когда, возвратившись домой, князь отворилъ дверь въ комнату, гдѣ собрался весь дружескій кружокъ, всѣ сразу угадали по его лицу, какой отвѣтъ онъ принесъ. Всѣмъ стало жутко и никто не рѣшался первый предложить вертѣвшійся у всѣхъ на языкѣ вопросъ. Князь самъ положилъ конецъ этому тяжелому положенію, коротко сказавъ, что «ничего не удалось». Благолѣповъ снова уже чертилъ что-то на бумагѣ, опустивъ низко голову.

Вдругъ онъ порывисто всталъ и сжалъ княжну въ объятіяхъ. До этой минуты она ни разу еще не заикнулась ему о свадьбѣ. Ничего не спрашивая, ничего не разъясняя, князь спросилъ ихъ:

— Когда же свадьба?

Орловъ замѣтилъ:

— Надо торопиться...

Княжна и Благолѣповъ отвѣтили, что они готовы хоть сейчасъ подѣ вѣнецъ.

— Формальности разныя можно обдѣлать живо, — сказалъ Орловъ.—Я берусь за это.

Княжна подошла къ нему и обняла его.

— Вотъ, Митя, думалъ ли ты, что ты будешь устраивать мою свадьбу и при такихъ обстоятельствахъ?—проговорила она, ласково улыбаясь.

— Не этого я не думалъ, а не думалъ я никогда, что я тебя когда-нибудь буду такъ горячо любить, какъ теперь, и—ревновать не буду,—задушевно сказалъ онъ.—Вотъ чего я не воображалъ и не могъ бы вообразить...

Всѣ вдругъ точно обрадовались новой темѣ для разговора и наперерывъ стали вспоминать прошлое, свои взаимныя отношенія, недоразумѣнія, въ родѣ исторіи между Орловымъ и Благолѣповымъ. Орловъ изъ всѣхъ силъ старался какъ можно комичнѣе изобразить, какъ онъ тогда бѣжалъ со станціи желѣзной дороги въ Русово, какъ онъ пѣтушился и придирался къ княжнѣ и къ Благолѣпову, увидавъ въ нихъ жениха и невѣсту, какъ онъ ночью

рылся въ своей душѣ и наконецъ утромъ, когда лакей спросилъ его, какъ онъ дойдетъ до желѣзной дороги, мелодраматически отвѣтилъ: «Что-жь, дойду и одинъ», то-есть дойдетъ одинъ до могилы, отверженный воѣми герой. Комизмъ разсказа былъ натянутъ, краски были слишкомъ гуеты, но всё старались улыбаться, даже княжна. Благолѣповъ тоже пустился въ разсказы о себѣ и опять-таки билъ на смѣшную сторону прошлыхъ событій, стараясь развеселиться и развеселить всёхъ. Имъ хотѣлось обмануть себя, обмануть во что бы то ни стало, придумывая остроты, смѣясь надъ тѣмъ, что вовсе не было смѣшно, изобрѣтая что-то такое, что заставило бы ихъ убѣжать отъ самихъ себя. Настя торопливо хлопотала около чайнаго стола и тоже шутила, глотая слезы. Князь весело замѣтилъ, что такъ какъ послѣ свадьбы они всё тотчасъ же уѣдутъ, то свадебный пиръ устраивается сегодня. Онъ присѣлъ къ піанино и заигралъ какой-то бурный вальсъ. Благолѣповъ замѣтилъ, что онъ очень жалѣетъ, что, медвѣдь стакій, не научился откалывать вальсъ. Бѣто-то,—кажется, Орловъ,—попросилъ князя что-нибудь спѣть. Князь позвалъ жену и они вдвоемъ запѣли какую-то развеселую цыганскую пѣсню, потомъ еще и еще пѣсню и, наконецъ, раздалась звуки «Пловцовъ»:

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна,
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина...

Звуки пѣсни лились широко и стройно; два молодыхъ свѣжихъ голоса удивительно хорошо сливались между собою, точно пѣли не двое, а одинъ человекъ. Орловъ и Благолѣповъ подошли къ піанино и заслушались пѣнія. Вдругъ въ комнатѣ, позади группы, образовавшейся около піанино, послышались какіе-то странные звуки, похожіе на тихія, глухія, подавленные всхлипыванія. Друзья разомъ обернулись назадъ: княжна лежала на диванѣ, припавъ лицомъ къ подушкѣ, и все ея тѣло истерически вздрагивало. Пѣніе оборвалось на полусловѣ. Благолѣповъ бросился къ княжнѣ. За нимъ рванулись Орловъ и князь, но Настя удержала ихъ за руки и тихо шепнула имъ:

— Оставимъ ихъ однихъ!

Они всё трое тихо вышли изъ комнаты.

Не прошло и недѣли, какъ въ одной изъ небольшихъ церквей на окраинѣ Петербурга скромно, безъ гостей, только въ при-

существованіи трехъ свидѣтелей было совершено бракосочетаніе княжны Русовой съ Благолѣповымъ. Въ тотъ же день молодые отправлялись въ маленькій уѣздный городишко. Съ ними вмѣстѣ уѣзжали князь Александръ Александровичъ и его жена, спѣшившіе въ свое имѣніе. Орловъ проводилъ друзей на дебаркадеръ Николаевской желѣзной дороги, и когда поѣздъ тронулся, онъ долго, долго стоялъ на платформѣ и слѣдилъ глазами за исчезающею цѣпью вагоновъ. Когда онъ очнулся, онъ былъ совершенно одинъ подъ темнымъ навѣсомъ дебаркадера.

IV.

«Нашъ талантливый публицистъ», «нашъ извѣстный присяжный повѣренный», «одинъ изъ нашихъ выдающихся дѣятелей по тюремному вопросу», «энергичный членъ комитета вспоможенія неимущимъ классамъ столичнаго населенія»,—всѣ эти эпитеты, всѣ эти титулы давно уже стали неизмѣнно сопровождать имя Дмитрія Андреевича Орлова и въ газетахъ появлялись слухи о выборѣ его то въ гласныя думы, то въ почетныя мировыя судьи, то въ члены того или другаго ученаго общества, того или другаго комитета, того или другаго акціонернаго общества. Его имя повторялось въ печати и въ обществѣ очень часто, даже слишкомъ часто, и теперь ему уже почти не надо было посылать самому о себѣ замѣтокъ, статей и телеграммъ въ газеты. Его матеріальное положеніе за время его пребыванія въ Петербургѣ значительно улучшилось. Кромѣ большаго вознагражденія отъ князя онъ получилъ значительныя суммы еще по двумъ, по тремъ дѣламъ и, стремясь служить по выборамъ въ столицѣ, купилъ себѣ домъ, гдѣ и помѣстилъ отца, Марѳу и Лешу. Андрей Ивановичъ былъ въ восторгѣ, что онъ живетъ теперь въ домѣ своего сына, въ «нашемъ домѣ», какъ онъ говорилъ всѣмъ и каждому изъ своихъ захолустенскихъ знакомыхъ, объясняя имъ во то же время, что сынъ его не живетъ въ своемъ домѣ потому, что ему далеко отсюда до суда, а купилъ онъ домъ именно здѣсь, а не въ центрѣ города собственно потому, что онъ, отецъ Дмитрія Андреевича, привыкъ къ этимъ мѣстамъ.

— Все обо мнѣ, все обо мнѣ, старикѣ, заботится!—говорилъ Андрей Ивановичъ.—А чего мнѣ еще нужно?... Какъ сыръ въ маслѣ катаюсь... Птичьего молока развѣ только не достаетъ!...

И боже всего утѣшало старика то, что Дмитрій Андреевичъ нѣтъ-нѣтъ да и завернетъ къ нему въ воскресный или праздничный день въ гости.

— Отдохнуть къ тебѣ, отецъ, заѣхалъ, — говорилъ онъ, обнимая отца. — Пирогомъ накормишь?

— Ахъ, вотъ вѣдь бѣда - то какая, Митя! Пирого - то сегодня и не пекли! — съ лукавой усмѣшкой говорилъ старикъ.

— Что-ты! Какъ же это я такъ безъ пирога останусь? — говорилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Можно изъ трактира, братецъ, принести, — серьезно замѣчалъ Леша.

— Ну да, слушайте ихъ! — отзывалась Марья Ивановна. — Два дня ужъ покою никому не давалъ Андрей Ивановичъ, все напоминалъ, чтобъ въ воскресенье непременно пирогъ съ морковью былъ. Безъ него, видите, забыли бы...

Дмитрій Андреевичъ грозилъ пальцемъ старику и Лешѣ, усаживался въ кресло, начинались толки о житьѣ-бытьѣ, о домѣ, о томъ, что къ веснѣ надо бы кое-что поправить и отремонтировать. Андрей Ивановичъ пускался въ глубокія соображенія, какой краской окрасить лѣтомъ домъ, оставить ли его желтымъ или «иззелена-бѣлымъ цвѣтомъ пустить». Дмитрій Андреевичъ представлялъ это на его вкусъ, соглашаясь, что и «иззелено-бѣлый цвѣтъ» недурень, но что и желтый тоже хорошъ. Иногда всѣмъ вдругъ припадала охота утѣшить Лешу и поиграть въ «Агульбу». Леша ничего не любилъ такъ, какъ эту игру въ карты. Эти дни оставляли въ душѣ Андрея Ивановича надолго свѣтлые слѣды. Онъ послѣ посѣщенія сына рассказывалъ всѣмъ и каждому, что вотъ у него какой сынъ: «съ аристократами свой братъ, во дворецъ даже ѣздитъ, а душу отвести никуда не поѣдетъ, какъ къ нему, къ отцу».

Старикъ былъ правъ: Дмитрій Андреевичъ если и не ѣздилъ во дворецъ, то давно уже вращался въ высшихъ кружкахъ общества и былъ тамъ своимъ человѣкомъ. Важныя барыни, представляя его своимъ знакомымъ или говоря о немъ, выражались не иначе, какъ «нашъ милѣйшій», «нашъ добрѣйшій», «нашъ дорогой» Дмитрій Андреевичъ, не считая даже нужнымъ прибавлять его фамилію. Одна высокопоставленная патронесса благотворительныхъ заведеній, услыжавъ, какъ читаетъ Орловъ, обратилась къ нему съ просьбой прочесть у нея въ интимномъ кружкѣ что-нибудь и съ этой минуты онъ сталъ и у нея сво-

нимъ человѣкомъ, читая ей разныя новыя произведенія русскихъ писателей и при случаѣ добиваясь черезъ нее разныхъ милостей для разныхъ своихъ protégés изъ нуждающейся братьи. Онъ мало-по-малу вошелъ въ моду и ему уже прощались и небрежные туалеты, и разныя выходки, и даже приливы кандры и спина, когда онъ являлся въ общество больше за тѣмъ, чтобы помолчать, чѣмъ для того, чтобы потѣшить это общество своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ. Вставъ, такъ-сказать, на обѣ ноги, онъ сталъ смѣлѣе, независимѣе. Онъ не пряталъ своихъ взглядовъ и убѣжденій и вполне понималъ, что теперь онъ можетъ говорить довольно открыто, не навлекая на себя сильныхъ подозрѣній въ неблагонадежности.

— Въ моемъ положеніи очень легко быть храбрымъ, — шутиливо замѣчалъ онъ.

И точно, могъ ли онъ еще считаться опаснымъ, когда у него спереди на головѣ уже значительно порѣдѣли волосы, когда у него уже свазывалась наклонность къ полнотѣ, когда у него на лицѣ уже были прорѣзаны морщины, кожа потеряла молодую упругость, губы стали менѣе ярки и нѣсколько вытянулись, а углы рта опустились, когда на этомъ лицѣ если и вспыхивалъ румянецъ, то его могло вызвать развѣ только вино, выпитое на пріятельской пирушкѣ. Онъ чувствовалъ, что еще годъ-два — и онъ совсѣмъ опустится, состарится. Состарится? А когда же онъ былъ вполне молодъ? Онъ вѣдь даже ни разу не любилъ! Вѣдь не животная же мимолетная страсть къ княгинѣ была поэзіей молодости? Или чисто разсудочная привязанность къ княжнѣ, только показавшаяся ему любовью, была тѣмъ чувствомъ, которое красить жизнь? Нѣтъ, жизнь прошла безъ поэзіи — то въ черномъ трудѣ, то въ борьбѣ за право на свободу, то въ какихъ-то похоронныхъ хлопотахъ, — прошла, какъ проходятъ у насъ тысячи жизней, однообразныхъ, сѣренькихъ, скучныхъ. Но какое горькое чувство испытываетъ человѣкъ, когда онъ говоритъ себѣ: «жизнь прошла!» Прошла и принесла только матеріальное довольство и больше ничего. Одно утѣшеніе доставила она — сознаніе, что подѣ старость не придется голодать, не придется умереть на улицѣ. Онъ испытывалъ чувство зависти, думая о семейной жизни князя Александра, осчастливленнаго, наконецъ, рожденіемъ ребенка, оставшагося въ живыхъ. Онъ завидовалъ даже Благолюбову, страстно любимому женой. Вопросъ о сѣмьѣ, о домашнемъ очагѣ сталъ малю-по-

малу больнымъ мѣстомъ Орлова. Когда его спрашивали, отчего онъ не женился, онъ замѣчалъ:

— Не до женитьбы было въ молодости, когда приходилось думать о кускѣ насущнаго хлѣба. Поэзія любви—это роскошь богачей, это—гибель бѣдняковъ. Тяжело сознавать, что молодость прошла безъ этой поэзіи; но какъ разсудишь хладнокровно, такъ право нужно радоваться, что не наплодилъ нищихъ или не продалъ совѣсти для прокормленія дѣтей. У насъ вѣдь всегда такъ: бѣднякъ или пускаетъ по міру свою семью, или оправдываетъ всѣ свои грязные поступки однимъ мотивомъ: «у меня жена, дѣти».

Когда его спрашивали, почему онъ не женится теперь, онъ говорилъ:

— Спустия лѣто нечего по малину ходить. Моя пора прошла: на пожившей, на пожилой я не женюсь, а молодая сама за меня не пойдетъ,—по крайней мѣрѣ не пойдетъ по любви,—по расчету же, пожалуй, пойдетъ и молодая, но избави Богъ отъ такого брака. Да, наконецъ, жизнь такъ дурна, мы живемъ въ такое время, когда трудно ждать чего-нибудь хорошаго въ близкомъ будущемъ, когда то и дѣло слышишь о самоубійствахъ съ мотивами «надоѣло жить», «скучно жить», «невыносимо жить», когда каждый изъ насъ готовъ сказать, что лучше бы вовсе не родиться,—такъ имѣемъ ли мы право обречать на испытанія подобной жизни новыхъ членовъ общества, своихъ дѣтей?

Онъ такъ часто высказывалъ эти мысли, что одни привыкли къ этимъ фразамъ, другіе обвиняли его за нихъ въ рисовкѣ. Но какъ бы ни были иногда будреваты эти фразы, какъ бы ни было въ нихъ много риторики, онъ все-таки высказывалъ ихъ искренно, страдая не на шутку своимъ одиночествомъ. Это одиночество еще сильнѣе почувствовалось имъ, когда совершенно неожиданно умеръ Андрей Ивановичъ. Это случилось поздно вечеромъ. За Дмитриемъ Андреевичемъ пригатилъ Леша, растерявшійся и взволнованный.

— Братецъ, братецъ, скорѣе!... Дядѣ очень худо! — заговорилъ онъ, вбѣгая въ кабинетъ Дмитрія Андреевича.

Орловъ вскочилъ съ мѣста.

— Что случилось? Захворалъ? Вдругъ?—отрывисто спрашивалъ онъ, поспѣшно одѣваясь.

— Совсѣмъ худо, совсѣмъ худо!... Онъ не приказывалъ васъ беспокоить... Говорить: пройдетъ!... А я, братецъ, вижу, что не пройдетъ... Совсѣмъ покойникъ онъ, братецъ!...

— За докторомъ послали?

— Былъ, былъ, да что докторъ!... Ему ужь не встать, братецъ!

Дмитрій Андреевичъ уже ѣхалъ съ Лешей къ отцу и все торопилъ извозчика.

— Господи, что за лошадь попалась! — то и дѣло восклицалъ онъ и уговаривалъ извозчика ѣхать скорѣе. — Пожалуйста, торопись... Заплачу за все, только гони лошадь... Да онъ живъ еще?—обращался онъ къ Лешѣ.—Ты говори прямо, не скрывай.

— Живъ, братецъ, живъ!—увѣрялъ его Леша.

Наконецъ они доѣхали. Дмитрій Андреевичъ бѣгомъ поднялся по лѣстницѣ, сбросилъ въ передней пальто на полъ и прошелъ къ отцу. Андрей Ивановичъ сидѣлъ въ халатѣ на диванѣ, совсѣмъ скорчившись отъ боли. Увидавъ сына, онъ быстро распрямился, торопливо сталъ запахивать халатъ и, болѣзненно улыбаясь, проговорилъ:

— Вотъ вѣдь... встревожили-таки!... Ахъ, какіе, право! Ну, чего всполошились... Такъ прихворнулъ... Не въ первый разъ...

Страшная боль заставила его смолкнуть и онъ невольно схватился руками за грудь. Дмитрій Андреевичъ торопливо распрашивалъ Марю Ивановну, что велѣлъ дѣлать докторъ. Потомъ онъ быстро приказалъ отправить дворника снова за докторомъ. Между тѣмъ Марья Ивановна и служанка дѣлали уже компрессы.

— Ахъ, сколько хлопотъ надѣлалъ, сколько хлопотъ!—шептала Андрей Ивановичъ.—Просто на людей смотрѣть совѣстно... Всѣ ужь, поди, снятъ, а тутъ около меня возиться надо... Тебя-то, Митя, съ постели, чай, подняли?

— Нѣтъ, я еще не спалъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, слава Богу... А то это со сна подняли бы такъ человѣка... Напугаютъ тоже... Вотъ тоже у насъ домъ загорѣлся, нашего мальчика, сыночка нашего, съ постели подняли, испугали... Маленькій мальчикъ былъ,—умереть тоже могъ со страху...

Онъ начиналъ бредить.

— Ты лягъ, отецъ, тебѣ легче будетъ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, укладывая старика.

— Да, да, лечь надо, надо лечь... Только хлопотъ-то сколько... Ты не сердись, Митя... А тамъ расходы опять, опять расходы... большіе... Похороны опять...

Дмитрій Андреевичъ наклонился къ старику.

— Да ты не волнуйся, не тревожься. Это главное!—сказалъ онъ и, взявъ его руку, поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Старикъ впалъ въ забытѣе. На слѣдующій день его уже не стало.

Напрасно утѣшалъ себя Дмитрій Андреевичъ, что старикъ довольно пожилъ, что ему, Дмитрію Андреевичу, было легче потерять отца, чѣмъ было бы отцу похоронить его, что отецъ умеръ, проживъ хоть послѣдній годъ въ полномъ довольствѣ, ни въ чемъ не нуждаясь, на рукахъ преданныхъ людей. Но всѣ эти разсудочныя утѣшенія отходили на задній планъ, забывались при мысли о томъ, что теперь онъ, Орловъ, одинъ, одинъ, совершенно одинъ. Не явись онъ завтра въ обществѣ, не явись послѣзавтра, кто спроситъ о немъ? Развѣ только случайно какъ-нибудь замѣтятъ, почему это его долго нигдѣ не видать. «Да онъ умеръ», послышится отвѣтъ. «Неужели?»—удивятся люди. Пораспросятъ, какъ и отчего умеръ, и успокоятся. Вѣдь онъ имъ чужой. Имъ ни тепло, ни холодно отъ того, что онъ живетъ. Умеръ онъ, на его мѣсто явятся другіе хорошіе собесѣдники, добрые пріятели, хорошіе адвокаты. Какое-то болѣзненное чувство пробуждалось въ немъ каждый разъ, когда кто-нибудь при немъ спѣшилъ домой, говоря, что его ждуть жена, дѣти, мать, сестры. Его, Орлова, дома никто не ждалъ! Подобно большинству холостяковъ, онъ сталъ ощущать припадки мнительности. Каждая легкая болѣзнь начинала тревожить его, точно въ тишинѣ своей спальни онъ прислушивался къ біенію своего пульса, къ трепетанію своего сердца, къ дыханію своихъ легкихъ. Самъ не замѣчая того, онъ сталъ раздражительнѣе, въ характерѣ появились неровности, явилось какое-то желаніе забыться въ холостыхъ кутежахъ и въ то же время отвращеніе къ этимъ кутежамъ. Никогда прежде не игравшій въ карты, онъ теперь иногда садился играть, и непременно «по большой», чтобы возбудить свои нервы, разгорячить себя, хоть на минуту очнуться отъ апатіи. Онъ пробовалъ даже играть на биржѣ. Но, къ величайшей его досадѣ, ему везло и въ картахъ, и въ биржевой игрѣ, а нервы по-прежнему не возбуждались.

Иногда ему становилось такъ невыносимо-свучно и тяжело, что онъ какъ бы бессознательно, какъ бы машинально отправлялся подышать воздухомъ, шелъ безцѣльно впередъ, доходилъ до своего дома, поднимался въ квартиру покойнаго отца и говорилъ:

— Леша, пойдемъ къ отцу и къ мамѣ!

— Я, братецъ, сейчасъ... Я радъ!—оживленно говорилъ Леша.—Я третьяго дня тамъ съ Марею Ивановной былъ, новые вѣнки мы снесли туда, братецъ...

И они шли на Митрофаньевское кладбище, отмыкали дверь чугунной рѣшетки, поднимались по ступенямъ въ ограду, окружавшую могилы отца и матери Орлова.

— Вотъ, Леша, и мы тутъ ляжемъ. Это нашъ домъ,—говорилъ задумчиво Орловъ, садясь на скамью и смотря на мраморныя плиты съ надписями: «Марья Федоровна Орлова», «Андрей Ивановичъ Орловъ».

— Вы, братецъ, меня куда положите: подлѣ дяди или подлѣ тети?—спрашивалъ Леша.

— Гдѣ хочешь, голубчикъ... Прежде меня придется положить... Это ужъ ты съ Марею Ивановной распорядишься,—отвѣтилъ Орловъ.

— Я не хочу, я не хочу, братецъ, чтобы вы прежде... Не надо братецъ!... Я—глупый, мнѣ можно, а вамъ нельзя еще, братецъ... Вонъ Марья Ивановна все молится за васъ, говоритъ, еслибы не вы, голодать бы намъ пришлось...

У Орлова подступали къ глазамъ слезы. Онъ вдругъ поднялся съ мѣста. Ему становилось еще тяжелѣе. Безмолвныя могилы не давали ни утѣшенія, ни успокоенія.

Онъ не выдержалъ и передъ Пасхой уѣхалъ къ князю Александру въ имѣніе. Его приѣздъ обрадовалъ всѣхъ и на Орлова точно пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, что онъ хоть здѣсь «свой»,—такой же свой, какъ въ родной семьѣ. Его до глубины души тронули восклицанія юношей: «дядя Митя, дядя Митя приѣхалъ!» Онъ сразу понялъ, что тутъ, за вечернимъ чаемъ, въ своемъ кружкѣ, говорятъ о немъ, говорятъ тепло, не какъ о чужомъ, а именно какъ о дядѣ Митѣ. Настя провела его въ дѣтскую и подвела къ маленькой кровати.

— А вотъ и твой крестникъ,—сказала она.—Мы вѣдь записали крестнымъ отцомъ тебя, а крестною матерью Соню.

Дмитрій Андреевичъ горячо пожалъ руку сестры. Есть неувловимыя мелочи, по которымъ человѣкъ угадываетъ симпатіи къ нему его ближнихъ, и эти мелочи проявлялись здѣсь во всемъ, сразу подкупивъ Орлова. Но кромѣ того въ домѣ князя и вообще дышалось легко. Здѣсь замѣчалось, какъ и въ петербургской квартирѣ князя, стремленіе избѣгать всего лишняго и

устроить все необходимое для удобства и комфорта. Во всемъ домѣ не было почти никакихъ украшеній, никакихъ дорогихъ, но ни на что не годныхъ бездѣлушекъ, никакихъ картинъ, обыкновенно надѣждающихся самимъ хозяевамъ и покупаемыхъ только на-показъ. Но въ то же время сразу можно было угадать, что этотъ домъ принадлежитъ людямъ богатымъ, далеко не скупымъ и не лишающимъ себя удовольствій: рояль и пианино, масса книгъ и нотъ, выхлещенныя цвѣты, превосходный залъ съ гимнастическими принадлежностями, биллиардъ, мастерская съ токарнымъ станкомъ, съ принадлежностями химической лабораторіи, съ большимъ верстакомъ—все это говорило о вкусахъ хозяевъ. Орловъ сразу почувствовалъ, что здѣсь живетъ уютно, весело и мирно.

— Ну, ты, кажется, вполне доволенъ своею жизнью?—спросилъ онъ у князя за вечернимъ чаемъ.

— Нужно удивляться, какъ люди въ моемъ положеніи не умѣютъ сдѣлать свою жизнь счастливою,—отвѣтилъ князь.

— Да, это правда,—сказалъ Орловъ.—Ты не испытываешь главнаго несчастія жизни—мелкой борьбы съ людьми изъ-за гроша. Это иногда дѣлаетъ человѣка и трусомъ, и мелочнымъ, и даже подлецомъ... Ну, а твоя дѣятельность?

— Какъ тебѣ сказать,—проговорилъ князь.—И тутъ не мудрено мнѣ быть ею довольнымъ. Ты знаешь мои денежные дѣла. Я получаю, при всемъ желаніи не быть кулакомъ и эксплуататоромъ, столько, что этихъ доходовъ хватило бы на десятокъ не бѣдныхъ семействъ. При такомъ положеніи можно многое дѣлать, многое осуществлять изъ того, что кажется полезнымъ. Ты знаешь мои взгляды: я не вижу возможности дѣйствовать нелегально, такъ какъ это, по моему мнѣнію, стоитъ многихъ жертвъ и даетъ самые ничтожные результаты. Да, наконецъ, и не чловѣку въ моемъ положеніи прибѣгать къ этимъ средствамъ. Вслѣдствіе этого мнѣ часто приходится убѣждаться, какъ узки права земскихъ дѣятелей съ одной стороны и какъ можетъ быть именно потому плохи сами эти дѣятели. Это сознаніе, конечно, портитъ много крови, но однако не настолько, чтобы опускались руки, чтобы всякое дѣло валялось изъ рукъ. У меня такъ много своихъ собственныхъ земель, заводовъ, школъ, больницъ, разныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ на рукахъ, попечительство о бѣдныхъ, что если заниматься только всѣмъ этимъ, какъ слѣдуетъ, то и тогда едва достанетъ времени. А

не забудь, что мнѣ, какъ и всякому другому, еще хочется удѣлать хоть часокъ въ день лично на себя, на мою команду...

Онъ, улыбаясь, взглянулъ на жену и дѣтей.

— Положимъ, она научилась уже помогать мнѣ въ работѣ, чтобы только быть около меня, — замѣтилъ онъ, — ну, а эти башибузуки никакъ не могутъ понять, какъ это я цѣлый день не являюсь къ нимъ посмотришь, какъ они безчинствуютъ...

Онъ ласково погладилъ по головамъ своихъ «баши-бузуковъ» и было видно, какъ нѣжно, какъ искренно любить онъ ихъ. Ходя потомъ съ Орловымъ по залѣ, онъ говорилъ ему:

— Да, я вполне счастливъ. Намъ удалось такъ сплотиться вмѣстѣ, что мы испугались бы и мысли о томъ, что мы можемъ жить порознь, разойтись. Но чѣмъ свѣтлѣе моя собственная жизнь, тѣмъ грустнѣе мнѣ думать о жизни Сони...

— Да, кстати, — сказалъ Орловъ. — Я получаю иногда письма отъ Сони и Никанора, но эти письма, дружескія, ласковыя, всегда какъ-то лаконичны, коротки, сдержанны. Я пробовалъ разузнавать о жизни Сони и Никанора, но слухи такъ странны...

Какое-то гнетущее чувство охватило и князя и Орлова. Они чувствовали, что гдѣ-то тамъ, далеко, съ дорогими имъ людьми можетъ-быть въ эту минуту совершается роковая драма. Не даромъ же она, Софья Александровна, писала: «но жить такъ дольше нельзя». И вдругъ всѣ опасенія, всѣ гаданія, всѣ сомнѣнія разрѣшились, когда, на третій день Пасхи, юноши вбѣжали въ кабинетъ князя съ криками:

— Папа, папа, письмо изъ-за границы! Мама сказала, что это отъ тети Сони...

Князь торопливо разорвалъ конвертъ и развернулъ коротенькую записку:

«Христосъ воскресъ, Саша, Настя! Обнимаемъ васъ и поздравляемъ съ свѣтлымъ праздникомъ. Поздравьте съ нимъ и насъ. Мы въ Женевѣ. Не знаемъ, что будетъ. Но прежде всего намъ нуженъ отдыхъ, отдыхъ и отдыхъ. Писать подробно будемъ послѣ. Адресъ: Женева, до востребованія. С. и Н. Б.»

Князь опустилъ письмо и вздохнулъ широкимъ вздохомъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ грусти покидалъ Дмитрій Андреевичъ семью князя, точно разставался съ родной семьей.

— Да, завидую я тебѣ, Александръ, — говорилъ Дмитрій Андреевичъ. — Какъ бы ни было не велико твое дѣло, но это уже дѣйствительно дѣло. Ты можешь работать съ народомъ и

для народа. Пусть рамки дѣятельности тѣсны и узки, но и въ нихъ можно что-нибудь сдѣлать человѣку искренне преданному народу. А я?...

Онъ усмѣхнулся.

— Платоническій любовникъ свободы слова и личности, ждущій всю жизнь появленія своей возлюбленной! Я работаю и чувствую, что у меня подъ ногами нѣтъ твердой почвы; я говорю и не вѣрю въ то, что я говорю, потому что мнѣ приходится говорить половину истины, приходится высказывать истину, когда уже ее не нужно высказывать, когда ее уже поздно высказывать.

Онъ на минуту смолкъ и потомъ продолжалъ:

— Я часто возвращаюсь къ одной мысли, поразившей меня еще въ юности. Когда окончилась Севастопольская война, когда мы уже все безвозвратно проиграли, — множество лицъ попало подъ судъ и въ литературѣ начались обличенія разныхъ злоупотребленій, совершенныхъ во время этой войны. Я слѣдилъ тогда уже за газетами и журналами и мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: «какая польза въ томъ, что теперь судятъ и обличаютъ этихъ людей?» Ну, ихъ обвинять, опозорять, накажутъ. Но воруютъ ли украденные милліоны? Поправятъ ли военные ошибки? Воскресятъ ли погибшихъ отъ этихъ злоупотребленій людей? Пойдетъ ли все въ будущемъ лучше, ради того, что были раскрыты злоупотребленія и мошенничества предшествовавшихъ дѣятелей? Тогда у меня не нашлось положительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Но время показало мнѣ, что у насъ вообще возможно раскрывать истину только тогда, когда зло уже сдѣлано, и что это запоздалое раскрытіе истины не предупреждаетъ будущихъ золъ, такъ какъ они снова творятся подъ покровомъ непроницаемой тайны. Это сознаніе не покидало меня ни на минуту и парализовало мои силы. Я зналъ всегда, что если мнѣ позволяютъ касаться какой-нибудь язвы, то это значитъ, что эта язва уже принесла свои страшные плоды и отболѣла. Я знаю, что найдется много людей, которые скажутъ, что я не пробовалъ говорить, что я въ сущности трусилъ, что я былъ человѣкомъ-тряпкой. Я отвѣчу имъ вопросомъ: «а вы... какое зло раскопали вы во-время? Вы тоже критиковали министровъ, когда они слетали съ мѣсть; вы тоже обличали интендантовъ, когда они уже были обвинены судомъ; вы тоже указывали на хищничество, когда все уже было разграблено». Я знаю, что настанетъ день, когда станутъ смѣло обличать всѣ злоупотребленія нашего времени, но это будетъ

тогда, когда наше время пройдет, когда вредъ будетъ принесенъ, когда злоупотребленія примутъ уже новую форму... Вотъ что грызло и грызетъ меня всю жизнь.

Въ его голосѣ слышались желчныя ноты.

— Я знаю, что есть счастливыя, стоящіе въ такомъ же положеніи, какъ я, и обманывающіе сами себя. Они высказываютъ запоздалую правду съ апломбомъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они даютъ урокъ обществу, что они поднимаютъ нравственность, объясняя дѣтямъ, что ихъ отцы были воры и что воровать не хорошо. Къ сожалѣнію, я не принадлежу къ числу такихъ людей. Я знаю, что «Ябеда» Капниста была написана давно, что потомъ о томъ же писалъ Гоголь, что дальше то же повторялъ Щедринъ, а взятки и казнокрадство процвѣтаютъ у насъ и донынѣ.

Князь замѣтилъ ему:

— Но ты берешь только одну сторону своей дѣятельности—публицистическую...

Орловъ повернулъ къ нему голову.

— А ты думаешь, что я дорожу какими-нибудь другими сторонами своей дѣятельности?—спросилъ онъ. — Не защитой ли двухъ-трехъ бѣдняковъ? Не гражданскими ли дѣлами?... Тутъ—или мелкая филантропія, или нажива и—только! Правда, я членъ такихъ-то и сякихъ-то обществъ вспомошествованія кому-то и разработки чего-то. Но, милый мой, этого конечно и ты не считаешь за что-нибудь серьезное. Такой-то дѣятельности моей и въ годъ не перечтешь. Я вонъ даже написалъ изслѣдованіе о количествѣ римфованныхъ строкъ у Шекспира и о томъ, гдѣ и когда появляются у него рифмы, и какой характеръ носятъ преимущественно тѣ его строки, гдѣ есть рифмы... Знаешь ли, одного этого достаточно, чтобы понять, что я иногда дохожу до отчаянья. Писать объ этомъ въ странѣ, гдѣ голодаютъ сотни тысячъ людей, гдѣ живутъ чуть не въ нищетѣ милліоны, гдѣ нужны для всякаго чернаго дѣла и руки, и головы,—это вѣдь прямо похоже на то, еслибы врачъ въ зачумленной странѣ сталъ разучивать арію изъ итальянской оперы. Но еслибы онъ дѣйствительно сталъ тратить время именно на это, а не на лѣченіе больныхъ, то это значило бы,—если онъ не пустой и не ничтожный человѣкъ,—что онъ отчаявается въ силѣ своихъ медицинскихъ средствъ. Это отчаяніе часто охватываетъ меня. Будь у меня земля, будь я воспитанъ ремесленникомъ, кушомъ, не будь я мыслящимъ пролетаріемъ,—о, я дѣлалъ бы свое скрепное дѣло!

— Вот ты какъ-то замѣтилъ мнѣ, что у насъ большинство образованныхъ людей много говорить и мало дѣлаетъ. Этотъ упрекъ повторяется часто. И я не разъ въ увлеченіи говорилъ те же. Теперь это время прошло. Я теперь понимаю, что дѣлать дѣло можно только тогда, когда твердо вѣришь въ его благіе результаты. А гдѣ у насъ эта вѣра? Возьми въ примѣръ доктора. Его призываютъ къ больному и говорятъ: «Помогите ему!» Онъ хочетъ прежде всего естественно сдѣлать діагнозъ болѣзни, но ему говорятъ: «Этого вы не дѣлайте!» Скажи, можно ли винить доктора, если онъ станетъ лѣчить больного кое-какъ? — Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, уже потому, что онъ самъ не убѣжденъ, точно ли онъ понялъ болѣзнь, точно ли хороши его средства. А мы стоимъ въ такомъ положеніи. И кто понялъ это, тотъ или работаетъ изъ однихъ корыстныхъ видовъ, или работаетъ плохо, нерадиво, безъ вѣры въ свою работу.

У.

Вернувшись въ Петербургъ отъ князя Русова, Дмитрій Андреевичъ захандрилъ еще болѣе, почувствовавъ себя еще болѣе одинокимъ. Въ его головѣ уже начинала серьезно возникать мысль послѣдовать совѣту князя Русова, купить влочки земли по сосѣдству съ Русовыми и поселиться въ деревнѣ. Князь, шутя, замѣтилъ Орлову, что онъ и Настя приготовить ему невѣсту. Дѣйствительно, тамъ, въ деревнѣ, около Русовыхъ, онъ все-таки будетъ чувствовать себя не такъ одиноко. И что у него здѣсь дорого?—Однѣ могилы?... А Леша?—Что-жь, Леша будетъ вполне счастливъ, если его взять въ деревню. Бстати и Марѳа Ивановна можетъ туда перебраться, экономкой у него будетъ... А дѣятельность? А всѣ мелкіе и крупныя успѣхи, сопровождающіе его дѣятельность, льстящіе его самолюбію?—Что ему въ нихъ? Да онъ и въ провинціи не затеряется, можетъ наслаждаться такими же успѣхами... Да, да, надо будетъ рѣшиться, а то и печень начинаетъ болѣть въ этомъ проклятомъ климатѣ, среди этой безпутной столичной суетолюки, начинающейся чуть не въ полдень и кончающейся чуть не въ пять часовъ утра. Въ этомъ духѣ онъ началъ высказываться все чаще и чаще.

— Нѣтъ, батенька, встряхнуться вамъ просто нужно, за границу, что ли, съѣздить,—говорилъ ему въ отвѣтъ на это нѣкто Лопатинъ.—Засидѣлись вы въ Питерѣ, расхандрились, вотъ

и все. Деревня васъ не спасетъ. Знаю я деревню, самъ изъ нея бѣжалъ. Экую сладость нашли жить въ берлогѣ съ медвѣдями!

Николай Николаевичъ Лопатинъ принадлежалъ къ числу цѣлой массы дѣльцовъ, прошедшихъ огонь и воду и мѣдныя трубы. Онъ былъ когда-то кулакомъ-помѣщикомъ, гусаромъ-ремонтеромъ, какимъ-то чиновникомъ на хлѣбномъ мѣстѣ и, наконецъ, попалъ, при помощи связей и ловкости, въ директора одного изъ акціонерныхъ обществъ. Вѣчно сіяющій, вѣчно лоснящійся, тучный, но крайне подвижной, смѣющійся громкимъ смѣхомъ надъ своими мнимыми островами, довольный всѣмъ и всѣми и прежде всего самимъ собой, онъ былъ въ сущности человѣкомъ себѣ на умѣ, порядочнымъ сутягой и очень любилъ говорить про себя добродушнымъ тономъ: «мы что, ротозѣи, все мимо рукъ пропускаемъ». Съ Орловымъ онъ познакомился года три тому назадъ и ухаживалъ за нимъ, какъ за нужнымъ человѣкомъ, такъ какъ этотъ человѣкъ, по знакомству, глядишь, и даромъ со вѣтъ дастъ.

— Право, махните за границу,—настаивалъ онъ.

— Подняться трудно... Да, наконецъ, тамъ-то что я буду дѣлать?—лѣниво отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, вотъ еще! Себя показать, людей посмотреть—вотъ что дѣлать.

— Стоитъ ли подниматься изъ-за этого?

— Да въ какомъ это уголѣ въ васъ Обломовъ-то засѣлъ? Гоните его, гоните въ три шеи!—шутливо проговорилъ Лопатинъ, трепая по плечу Орлова.—Ну, лѣнь одному подняться, поѣзжайте съ нами. Я съ цѣлымъ войскомъ ѣду.

— Надо подумать.

— А вотъ заѣзжайте послѣзавтра отобѣдать, тогда и по-толкуемъ.

Орловъ далъ слово, но уже на слѣдующій день началъ каяться въ этомъ. Что онъ будетъ дѣлать за границей? Ѣхать съ чужой семьей, чтобы смотрѣть на ея семейное счастье? Наконецъ, кто поѣдетъ изъ семьи Лопатина: самъ Лопатинъ съ женой, дочь ихъ Маша съ мужемъ? Ну, а если еще ребятишекъ этой Маши заберутъ? Отъ одного рева убѣжишь. Нѣтъ, надо отказать отъ предложенія, во что бы то ни стало. Твердо рѣшившись на это, онъ отправился къ Лопатинымъ. Лопатинъ жилъ богато, на широкую ногу, нѣсколько по-купечески. Сбросивъ у швейцара пальто, Орловъ поднялся по лѣстницѣ, во-

шелъ прямо въ переднюю, такъ какъ дверь была открыта, и остановился. На полу сидѣла дѣвушка лѣтъ семнадцати или восемнадцати и раздѣвала сидѣвшаго на стулѣ ребенка, закутаннаго въ разные шарфы, теплые рукавички и теплые сапожки. Орловъ не сразу узналъ эту дѣвушку, но она тотчасъ же узнала его.

— Здравствуйте!—проговорила она ему привѣтливо, приподнимая голову. — Взгляните, какой пупсикъ! Это кузины Маши сынъ.

Она ухватила мальчугана за обѣ щеки и чмокнула его въ губы.

— Ты пупсикъ?

— Пу-псикъ!—повторилъ ребенокъ.

— Это его такъ тетя зоветъ,—объяснила дѣвушка, стараясь стащить съ ребенка сапожки.

Это ей не удавалось.

— Помогите, милый Дмитрій Андреевичъ! — обратилась она къ Орлову.—Не могу справиться.

Орловъ опустился на полъ и сталъ помогать дѣвушкѣ снимать сапоги съ мальчугана. Она вдругъ засмѣялась.

— Вотъ, еслибы кто вошелъ, увидалъ бы картину. Усѣлись на полъ и возимся вдвоемъ надъ однимъ сапогомъ. Ай,—вдругъ воскликнула она какимъ-то плачевнымъ тономъ,—вы въ свѣтло-сѣрыхъ перчаткахъ! Какъ же это вы ихъ не сняли! Теперь совсѣмъ испортили!

Она взяла руку Орлова и начала разсматривать его перчатки, съ сожалѣниемъ качая головой. Орловъ успокоилъ ее, что это ничего.

— Ну, тетя узнала бы, такъ задала бы мнѣ гонку! — сказала дѣвушка.—Да вѣдь я не виновата, что я не могла справиться одна. А вотъ лакею все-таки не дала раздѣть пупсика.

Она опять съ любовью поцѣловала мальчугана.

— Вы очень любите дѣтей?—спросилъ Орловъ.

— Да развѣ ихъ можно не любить?... Вы вѣдь тоже, вѣрно, любите?—спросила она.

— Да.

— А у васъ уже есть дѣти?

— Я еще не женатъ...

— Отчего же?

— Ни одна дѣвушка не хотѣла замужъ выйти, — шутливо отвѣтилъ Орловъ.

— За васъ то?... Полноте!

Въ эту минуту въ дверяхъ изъ залы въ переднюю показалась довольно полная и щегольски одѣтая женщина лѣтъ пятидесяти. Увидавъ эту группу, она остановилась въ дверяхъ, качая головой, и укоризненнымъ тономъ проговорила:

— Вѣра, Вѣра!

Дѣвушка обернулась. Орловъ быстро поднялся и раскланялся съ хозяйкой дома, наскоро смахнувъ пыль съ колѣней.

— Какъ это тебѣ не стыдно заставлятъ Дмитрія Андреевича возиться съ пупсикомъ!—продолжала хозяйка и обратилась къ Дмитрію Андреевичу.—Вы ее извините, она у насъ совсѣмъ... ребенкомъ осталась. Дѣтство, знаете, провела съ отцомъ въ деревнѣ, на вольной волѣ, потомъ пробыла въ институтѣ четыре года и вотъ только что-вышла оттуда на дняхъ. Совсѣмъ еще не умѣетъ себя держать...

Молодая дѣвушка потупилась и, незамѣтно дернувъ за сюртукъ Орлова, проговорила скороговоркой:

— Это, тетя, не я, право, не я... Это онъ самъ предложилъ услуги!

Дмитрій Андреевичъ невольно разсмѣялся.

— Ну, да, не ты!... Заставляешь возиться съ пупсикомъ незнакомаго тебѣ человѣка... Вы вѣдь, вѣроятно, ее даже и не помните!

— Нѣтъ... да,—смѣшался Орловъ.

— Года два тому назадъ встрѣчали ее у насъ,—объяснила хозяйка. — Помните, вы только-что кончили тогда защиту этой княжны... Вѣра бредила тогда вами... Извѣстно, дѣвочка еще совсѣмъ была... Вы еще тогда много смѣялись, когда она васъ вдругъ назвала «душкой»...

Молодая дѣвушка дергала теперь за платье тетку, умоляя ее взглядами не продолжать этого разговора. Всѣ направились въ залъ.

— А вѣдь я и точно не сразу узналъ Вѣру... Вѣру...—Орловъ подыскивалъ отчество.

— Ахъ, зовите просто Вѣрочкой, — сказала хозяйка и потомъ прибавила:—Она сильно выросла за послѣдніе два года...

— Похорошѣла,—прибавилъ Орловъ и невольно быстрымъ взглядомъ окинулъ дѣвушку.

Прежде всего ему бросились въ глаза горѣвшія яркимъ румянцемъ щеки, свѣжій смѣющийся ротикъ, молодыя, только-что вполнѣ развившіяся формы этого дѣвственнаго стана, обрисовывавшіяся подъ гладкимъ, простенькимъ, но шпигитымъ по модѣ, платьемъ. Сколько во всемъ этомъ было молодости, свѣжести и здоровья!

Столъ уже былъ накрытъ и поджидали только Орлова, чтобы сѣсть за обѣдъ. Всѣ усѣлись за столъ и разговоръ начался о путешествіи. Лопатинъ, сіяющій и лоснящійся, ѣлъ, говорилъ и смѣялся за троихъ. Онъ объяснилъ Орлову, что онъ и его жена ѣдутъ «отъ животовъ» лѣчиться. Хозяйка дома пришла въ ужасъ отъ этого выраженія и укоризненно покачала головой мужу, сдѣлавъ въ то же время строгіе глаза Вѣрѣ, засмѣявшейся громкимъ смѣхомъ при словахъ дяди.

— Что-жь, матушка, скрывать!—сказалъ Лопатинъ.—Этого не скроешь. Да и долженъ же знать Дмитрій Андреевичъ, для чего мы ѣдемъ за границу и отъ чего будемъ лѣчиться, если онъ поѣдетъ съ нами. Ну, да, ѣдемъ мы жиру спустить тамъ, въ чужихъ-то краяхъ. Что-жь тутъ предосудительнаго? Или только тѣ и имѣютъ право ѣздить туда, кому нагулять животы нужно?

— Ахъ, да что ты затвердилъ животы да животы!—сказала хозяйка.—Онъ у меня, Дмитрій Андреевичъ, всегда такъ: понравится ему какое-нибудь словцо, онъ его и твердитъ сто разъ въ день, и непременно вульгарное что-нибудь выберетъ.

— А она стыдится!—замѣтилъ хозяинъ.—Все боится, чтобы насъ за неотесанныхъ мужиковъ не сочли... Не бойся, матушка, и гербы, и грамоты, и все такое дворянское не вчера приобрѣли; бояться нечего, что за іерусалимскихъ царей или сиволапыхъ коммерціи совѣтниковъ сочтутъ.

— Такъ вы, значить, на воды куда-нибудь думаете проѣхать?—сказалъ Орловъ.

— Да, пожалуй, и на воды, а то и такъ протрястись гдѣ-нибудь можно, на ослахъ тамъ, что ли, по горамъ пропереть до облаковъ, на морѣ прополоскаться морской болѣзнью. Это все одно. Да тамъ одной ѣдой такъ доконаютъ, что десять жировъ спустишь. Отличныя страны... Да вы рѣшайтесь,—ей-Богу же, весело будетъ. Вотъ мы поѣдемъ, да Маша съ мужемъ.

— Я подумаю,—отвѣтилъ Орловъ.

— Эхъ, вы! Говорю я, что Обломовъ въ васъ гдѣ-то уголокъ себѣ нанялъ. Погодите, разопретъ его въ васъ такъ, что и не такимъ, какъ я, станете, а вотъ какимъ...

Хозяинъ показалъ, какимъ толстякомъ станетъ Орловъ.

— Ну, такого-то на балаганахъ показывать стануть.

— И стануть, и стануть!... И по дѣломъ,—не сидите на одномъ мѣстѣ! Да мало, что за деньги показывать стануть,—даромъ, даромъ, каждый уличный мальчишка въ васъ пальцемъ тыкать станеть. Да такъ и надо, такъ и надо!

— Да не пугайте, и такъ страшно,—шутливо отвѣтилъ Орловъ.—А подумать все-таки надо.

Потомъ онъ любезно обратился къ дочери хозяевъ:

— А ваши милыя дѣтки тоже ѣдутъ?

Хозяинъ разразился гомерическимъ смѣхомъ.

— Такъ вотъ онъ чего боялся! А, теперь понимаю, понимаю!

— Да вы ошибаетесь!—оправдывался Орловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, батенька, понимаю! Такъ нѣтъ же, не бойтесь! Милыя дѣтки не ѣдутъ, не ѣдутъ. Ну, ихъ!

— Да, право же, я вовсе и не думалъ,—говорилъ Орловъ.— Но есть масса препятствій...

— Ахъ, ты, Господи, что за нерѣшительный человекъ! — воскликнулъ Лопатинъ. — Да вы этакъ мохомъ поростете, плесенью покроетесь здѣсь, ей-Богу!

Сколько однако ни говорили за обѣдомъ, ничего все-таки не рѣшили. Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостиную пить кофе. Вѣра прошла въ залу и сѣла за рояль.

— Это играетъ Вѣра... Вѣра?—началъ Орловъ и опять запнулся, не зная ея отчества.

— Да, Вѣрочка! Она у насъ музыкантша,—отвѣтила хозяйка.

Дѣйствительно, молодая дѣвушка играла хорошо, съ чувствомъ, со смысломъ. Орлову ужасно захотѣлось послушать ее поближе, посмотрѣть на нее за роялемъ. Онъ разсѣянно слушалъ разговоры и отвѣчалъ не впадъ на вопросы. Наконецъ, воспользовавшись удобною минутой, когда разговоръ сдѣлался общимъ, онъ вышелъ въ залу и подошелъ къ роялю.

— Вы, однако, настоящая пианистка,—сказалъ онъ Вѣрѣ.

— Я люблю музыку,—коротко отвѣтила она.—А вы играете?

— Къ несчастію, нѣтъ! Это большое лишеніе, такъ какъ бываютъ минуты, когда хотѣлось бы отдохнуть за музыкой, за живописью.

— Да, я это понимаю. Когда мнѣ скучно, я всегда играю... Забудешься, по крайней мѣрѣ.

— Значить, вамъ и теперь скучно?

— Какъ вамъ сказать? Не скучно, а не по себѣ.

— Что такъ?

— Да вотъ за обѣдомъ говорили объ этой поѣздкѣ за границу. Всѣ уѣдутъ, а вѣдь меня пошлютъ съ дѣтьми къ бабушкѣ... Я очень, очень люблю дѣтей, но дѣти будутъ подъ надзоромъ няни, а я... съ бабушкой мнѣ придется быть...

— Развѣ вы не ѣдете за границу?

— Нѣтъ... Вѣдь дядѣ и безъ того дорого обойдется везти всѣхъ...

— А вамъ очень хотѣлось бы ѣхать?

— Что же вы спрашиваете! Развѣ можетъ не хотѣться, когда я ничего, ничего еще не видала въ жизни...

Потомъ она спросила его:

— А вы, вѣрно, много, много путешествовали, вездѣ, вездѣ?

— Почему вы такъ думаете? .

— Потому что вы отказываетесь ѣхать... Вамъ должно-быть ужъ наскучило путешествовать.

— О, нѣтъ! Я просто боюсь соскучиться среди веселыхъ людей. На чужомъ пиру одиночество еще тяжелѣе, чѣмъ въ работѣ...

— Дмитрій Андреевичъ, что это вы, батенька, пропали? Въ картишки не хотите ли перекинуться? — крикнулъ Лопатинъ, входя въ залу.

«Чтобы чертъ побралъ тебя съ твоими картишками!» — промелькнуло въ головѣ Дмитрія Андреевича и онъ какъ-то сконфузился и началъ объяснять, что ему надо ѣхать.

— Я вотъ тутъ шляпу оставилъ, пришелъ за нею и заболтался, — объяснялъ онъ. — Мнѣ пора...

— Ну, да, въ какой-нибудь клубъ или на кутежъ! — сказалъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ началъ горячо увѣрять хозяина, что у него дѣла, что онъ нигуда не ѣздитъ почти, что онъ домосѣдъ, а въ головѣ его мелькали мысли: «и съ чего это я ему вру и сказки рассказываю! Съ чего смутился?» Онъ взялся за шляпу.

— Ну, такъ и есть, что жена была права! «Не тревожь, говорить, Дмитрія Андреевича, онъ музыку любитъ!» Вотъ потревожилъ и уходите! — сказалъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ почти разсердился.

— Помилюйте, я очень радъ, что вы мнѣ напомнили о томъ, что мнѣ пора ѣхать, — сказалъ онъ и пошелъ откланиваться дамамъ.

Онъ пріѣхалъ домой, повертѣлъ въ рукахъ нѣсколько полученныхъ безъ него писемъ, бросилъ ихъ, не распечатывая, на столъ и прилегъ на диванъ. Его томили скука, хандра, безотчетное раздраженіе. «Точно въ могилѣ тихо и пусто», — думалось ему и онъ закрылъ глаза, чтобы ничего не видеть, чтобы задремать. А передъ нимъ носился образъ такой милый, такой живой образъ этой дѣвушки, наивно болтавшей съ нимъ, какъ съ другомъ. «Какъ это я могъ забыть ее, — думалъ онъ. — Правда, въ эти два года она такъ похорошѣла... Какъ это тогда случилось, что она назвала меня душкой за защиту княжны?» Онъ сталъ припоминать всѣ мелочи этой полузабытой имъ сцены. Онъ вспомнилъ все, онъ былъ тогда очень ласковъ съ Вѣрой, но онъ смотрѣлъ на нее какъ на дѣвочку. А теперь... Сколько ей лѣтъ? Семнадцать?— Нѣтъ, должно-быть, немного больше, и даже не немного, а можетъ-быть на цѣлый годъ. Да, ей непременно минуло уже восемнадцать лѣтъ... Ему почему-то хотѣлось, чтобъ ей было даже больше восемнадцати лѣтъ... Вотъ еслибъ она была тутъ, опять сѣла бы за рояль, начала бы играть, онъ успокоился бы, онъ всталъ бы и подошелъ бы къ ней, тихо наклонился бы къ ней, она обернула бы къ нему личико. «Митя, ты скучаешь?» — «Съ тобой-то, милая крошка? Развѣ можно скучать съ тобой?...» — «Фу, какъ это глупо, какъ это глупо! — пробормоталъ Дмитрій Андреевичъ, очнувшись. — Лысина на головѣ начинаетъ появляться, а въ голову амуры лѣзутъ! Самъ съ собою діалоги веду! Чортъ знаетъ, что за пошлость!» Ему вдругъ вспомнились слова Лопатина о томъ, что госпожа Лопатина совѣтовала не мѣшать Дмитрію Андреевичу, такъ какъ онъ «музыку любитъ». «Хитрая баба, подмѣтила, вѣрно, что я нюни распустилъ, и женишка хочетъ прибагорить! — проворчалъ онъ. — Не съ этою ли цѣлью приказано было и музыку завести? Нѣтъ-съ, на эту удочку не клюнетъ!» И опять ему стало сверно при этой мысли. «Удочка», «женишка прибагорить», «музыку завести», «нюни распустилъ» — выраженія-то какія пошлыя лѣзутъ въ голову! Ни къ чему не можешь отнестись просто, безъ задней мысли, безъ подозрительности. Ну, пусть это — удочка, пусть госпожа Лопатина женишка хочетъ поймать, да ему-то,

Дмитрію Андреевичу, что до этого, если ему точно нравится эта дѣвушка? Вѣдь не потому она ему понравилась, что его умышленно свели съ нею,—онъ засматривался на нее и прежде. Да никто и не сводилъ его съ нею,—такъ какъ-то самъ сошелся». Ему такъ живо, такъ ясно представилось, какъ они рядомъ сидѣли на полу, раздѣвая пупсика, такъ близко, близко наклонившись къ нему, чуть не касаясь щеками другъ друга. «А что, еслибъ онъ тогда вздумалъ ее поцѣловать?» И опять его мечты перенесли эту дѣвушку сюда, въ его кабинетъ. Вотъ она присѣла къ нему на кушетку, онъ обнимаетъ ее талию, она наклоняется къ нему близко, близко и цѣлуетъ его... Онъ вскочилъ, раздраженный, желчный, и заходилъ по комнатѣ. «Нѣтъ, хорошъ должно-быть былъ я,—мысленно говорилъ онъ.—Всѣ сидятъ въ гостиной, всѣ разговариваютъ, а я на цыпочкахъ, крадучись, ухожу въ залъ, какъ гимназистъ влюбленный, смотрѣть, какъ дѣвушка играетъ на фортепьяно, переворачивать ноты, млѣть въ созерцаніи дѣвственной красоты. Рожа, должно-быть, хорошо выглядѣла. Вѣдь всѣ это замѣтили, переглядывались, я думаю, между собою. Прелестно! Не доставало, чтобъ я ей скамеечку подъ ноги подставилъ, платокъ ей съ полу подаль...» Онъ, передернувъ плечами, опустился на кресло у письменнаго стола и началъ разбирать письма, бумаги. Но голова работала плохо, мысли возвращались все къ одной и той же темѣ. Это начинало просто утомлять. Напившись рано чаю, Дмитрій Андреевичъ улегся спать съ твердымъ рѣшеніемъ написать завтра Лопатину, что онъ не ѣдетъ за границу, и мысленно прибавилъ: «И Богъ съ ними, пусть ѣдутъ, я не загляну больше къ нимъ. И давно пора порвать съ ними. Онъ—первостепенный плутъ, она—продувная баба, зять—балбесъ, состоящій на посылкахъ у жены, у тестя, у тещи, у всѣхъ женниныхъ родственниковъ, дочь хочетъ разыгрывать... Да что мнѣ до нихъ за дѣло? Разыгрывай они, что имъ угодно, мнѣ-то что до этого?» Утромъ первую мысль его было новое соображеніе о томъ, что ему все-таки не для чего обижать людей, что онъ долженъ соблюсти приличіе и самъ поѣхать къ Лопатинымъ, объяснить, что онъ не можетъ ѣхать, хотя и желалъ бы,—однимъ словомъ, не подать имъ повода думать, что онъ точно бѣжалъ отъ нихъ. Это уже нужно потому, чтобы не сдѣлаться смѣшнымъ въ ихъ глазахъ. Да, наконецъ, порвать сношенія съ ними такъ вдругъ и невозможно. У него есть общіе съ ними знакомые. Встрѣчи съ ними не избѣжишь.

Онъ поѣхалъ въ Лопатинымъ и, только поднимаясь по лѣстницѣ, вспомнилъ, что именно въ этотъ часъ Лопатинъ никогда не бываетъ дома. Онъ очень удивился такой непростительной съ его стороны забывчивости. «Ну, что-жь, подожду его. Не ѣхать же домой!» Онъ вошелъ въ квартиру Лопатиныхъ и встрѣтился въ залѣ съ Вѣрой.

— Ахъ, это вы!—воскликнула она.—А я сегодня въ горѣ! Тетя за завтракомъ окончателно рѣшила, что на будущей недѣлѣ меня начнутъ укладывать.

Дмитрій Андреевичъ невольно улыбнулся.

— Укладывать? Да развѣ вы вещь?—сказалъ онъ.

— Ну, вотъ, вы смѣетесь, а мнѣ, право, не до смѣха, — проговорила она.—Да, тетя такъ и сказала. Это значить—вещи, багажъ мой будутъ готовить. Къ бабушкѣ пошлютъ! Я бабушку совсѣмъ не знаю. Да она и не мнѣ бабушка. Она бабушка Машѣ, тетина мать. Какая же она мнѣ бабушка?

Дмитрій Андреевичъ взялъ ее за руку.

— Не могу ли я похлопотать за васъ? — ласково сказалъ онъ.—Можетъ-быть мнѣ удастся убѣдить взять васъ за границу.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — проговорила она торопливо. — Не надо! Мнѣ теперь скучно, даже...—ну, да что же тутъ срывать...—даже завидно; но вѣдь я понимаю, что это даже хорошо, что меня не берутъ за границу.

— Отчего же это хорошо?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Тамъ весело, тамъ такъ шумно, я могу привыкнуть къ этому, а потомъ мнѣ будетъ еще тяжелѣе жить гдѣ-нибудь въ деревнѣ въ гувернанткахъ. Тетя не даромъ мнѣ говорить, что бѣдной дѣвушкѣ не слѣдуетъ привыкать къ удовольствіямъ, къ роскоши...

Дмитрій Андреевичъ вспыхнулъ.

— Да, только имъ нужно наслаждаться жизнью, только имъ нужно весь вѣкъ на пиру быть! Могли бы, кажется, кое-что удѣлить и на вашу долю, еще не жившаго человѣка!

Она покачала отрицательно головой.

— Мнѣ чужого не надо!... Покойный папа всегда говорилъ: «мы, Вѣрочка, съ тобой не богаты, за то чужого хлѣба не ѣдимъ...» Ахъ, Дмитрій Андреевичъ, какъ мнѣ тяжело, что папа умеръ... Какъ славно мы жили съ нимъ въ деревнѣ!... Дядя его чудаконъ и сумасбродонъ звалъ, а онъ не былъ ни чудаконъ, ни сумасбродонъ, а просто былъ добрый и честный старикъ.

Онъ самъ училъ меня въ дѣтствѣ всему, всему... Онъ такъ много зналъ! Онъ вѣдь генераломъ былъ въ артиллеріи и всѣ говорили, что онъ ученый, а не строевой генералъ былъ... Я это помню, потому я вѣдь въ институтъ поздно поступила и не долго была тамъ. Папа бы и не отдалъ меня въ институтъ, такъ какъ онъ всегда говорилъ, что институтки больше ничего какъ дуры... Ну, а дядя, когда папа умеръ, взялъ и отдалъ меня въ институтъ... Какъ я тамъ плакала, долго, долго...

Она вдругъ покраснѣла и сконфуженно пробормотала:

— Впрочемъ, что же это я вамъ рассказываю. Вамъ это должно быть вовсе не интересно.

— Милое вы созданье, вы и не знаете, какъ меня интересуетъ каждое ваше слово, каждый вашъ взглядъ,—прошептала онъ, сжимая ей руки.

Она взглянула на него вопросительнымъ взглядомъ. Онъ нѣжно смотрѣлъ ей въ глаза.

— Вы, должно-быть, очень, очень добрый человѣкъ!—проговорила она.

— Да?... Вы думаете?

— Да... Васъ и папа считалъ хорошимъ человѣкомъ.

— Вашъ отецъ? Я не былъ знакомъ съ вашимъ отцомъ.

— Ахъ, да вѣдь вы писали въ газетахъ... Папа читалъ двѣ ваши статьи и потомъ долго говорилъ о нихъ, что именно такъ должны смотрѣть на народъ честные люди... Да развѣ я вамъ не говорила этого, когда два года тому назадъ я въ первый разъ увидала васъ?... Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ! Я тогда и говорить боялась съ вами. Я вѣдь тогда на васъ какъ на писателя смотрѣла. Я только изподтишка смотрѣла на васъ и слушала, что вы скажете... А вы тогда такъ хорошо говорили объ этой княжнѣ Русовой, которую вы тогда защитили...

Послѣ небольшой паузы дѣвушка продолжала:

— Еслибы папа былъ живъ, я можетъ-быть тоже не такой... институткой была бы... Вы знаете, папа что дѣлалъ. Онъ передъ Рождествомъ, передъ Пасхой, передъ моими именинами спрашивалъ всегда: «Вѣра, что ты хочешь: чтобъ я тебѣ сдѣлалъ подарковъ, или чтобъ я тебѣ позволилъ отдать эти деньги вотъ той бѣдной крестьянкѣ, у которой больны мужъ и дѣти?...» Я не брала подарковъ... Но вѣдь это что же... Я знала, что у меня и такъ все будетъ, что я въ сущности не жертвую ничѣмъ... Это было совсѣмъ не то, что дѣлала эта княжна... А

знаете, что я думала, когда вы говорили о ней?... Я думала, что вы женитесь на ней.

— Гдѣ же мнѣ!—со вздохомъ отвѣтилъ Орловъ.—Она уже любила другого... Давно любила его... Я вообще давно пересталъ мечтать о женитьбѣ...

— Отчего же?

Орловъ хотѣлъ отвѣчать, но она сдѣлала серьезное лицо и проговорила ласковымъ тономъ:

— Вы не разсердитесь, если я вамъ что скажу?

— Говорите.

— Зачѣмъ вы ведете дурную жизнь?

— Дурную жизнь?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да. Дядя говорить... Ради Бога не думайте, что я наущничаю... Нѣтъ, я такъ люблю васъ, что мнѣ больно, когда васъ бранять... Дядя говорить вотъ, что вы потому не ѣдете и за границу, что вы безпутничать здѣсь привыкли... Я не знаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но все же... для чего вы такъ живете, что васъ могутъ осуждать? Когда знаешь, что человѣкъ хорошій и про него при тебѣ...

Въ передней раздался рѣзкій звонокъ. Орловъ точно очнулся отъ сладкаго сна: онъ быстро поднялся съ мѣста, какое-то досадливое чувство передернуло всего его и онъ, точно сердясь на себя, точно издѣваясь надъ собою, съ ироніей проговорилъ:

— Должно-быть ужасно смѣшно смотрѣть со стороны, когда человѣкъ моихъ лѣтъ расчувствуется, какъ я теперь... Когда-нибудь, вспоминая сегодняшний день, вы еще посмѣетесь надъ мной...

Она глядѣла на него широко раскрытыми, удивленными глазами. Передъ ней стоялъ точно другой человѣкъ. Въ залу вошла хозяйка дома.

— А, дорогой Дмитрій Андреевичъ, очень мило, что не уѣхали и дождались! Сейчасъ пріѣдетъ и Nicolas, — проговорила она, крѣпко пожимая руку Орлова. — Съумѣла ли молодая хозяйка занять?

— О, мы тутъ исповѣдывались другъ передъ другомъ! — отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ съ усмѣшкой.—Я даже хочу покаяться во грѣхахъ и постричься въ монахи, чтобы покончить съ безобразіями холостой жизни.

— Зачѣмъ же въ монахи? Не лучше ли найти другой исходъ?—сказала Лопатина, не безъ лукавства глядя ему въ глаза.

— Старь слишкомъ для другихъ-то исходовъ! Обращать-то на путь истинный многіе готовы, а спасти—никто не спасетъ! Вѣдь проповѣдывать легко, а помочь спастись — это совсѣмъ другое дѣло!

— Да вы просили ли о помощи?

— Избави Богъ! Въ жизни и безъ того много дается щелчковъ! Это вѣдь такъ забавно—подшутить надъ ближнимъ!

— Ой, да вы ужь очень трусите!—засмѣялась хозяйка.

— А вамъ очень хотѣлось бы, чтобъ я былъ храбрѣе? — спросилъ онъ почти дерзко.

Онъ говорилъ и злился на себя за этотъ разговоръ, за этотъ тонъ. Онъ понималъ всю пошлость этой сцены. Его бѣсило все это еще болѣе, потому что онъ видѣлъ, какъ на него смотрѣли удивленные, недоумѣвающіе глаза молодой дѣвушки. Лопатина попросила извиненія, что она на минуту удалится, чтобы сбросить шляпу. Когда она вышла, онъ снова остался съ глазу на глазъ съ молодой дѣвушкой и ему стало точно совѣстно поднять на нее глаза. Она стояла уже у рояля спиной къ нему и безцѣльно перебирала ноты.

Онъ приблизился къ ней.

— Вы сердитесь на меня?—спросилъ онъ тихо.

Она подняла на него глаза. Въ нихъ были слезы.

— Да, вы что-то нехорошее говорили,—такъ же тихо отвѣтила она.

— Нехорошее, нехорошее!... А развѣ было бы лучше, еслибъ я сталъ увѣрять вашу тетюшку, что я безъ ума отъ васъ, что я люблю васъ, что я жить не могу безъ васъ, и вызвалъ бы...

Она подняла на него глаза и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Зачѣмъ вы такъ шутите... надо мной шутите?...

Она повернулась и пошла изъ залы.

— Вѣра!... Вѣрочка!...—порывисто крикнулъ Дмитрій Андреевичъ, сдѣлавъ шагъ за нею.

И въ ту же минуту онъ послалъ «ко всѣмъ чертямъ» хозяйку и хозяина дома, входившихъ въ залъ изъ двухъ противоположныхъ дверей. «И какъ все это пошло слагается! Точно сатиры какіе-то около нимфы! Одинъ бѣгаетъ и заигрываетъ, другіе сторожатъ и подсматриваютъ», мелькало въ головѣ Дмитрія Андреевича. И вдругъ онъ почувствовалъ какую-то рѣшимость, смѣлость, необходимость кончить все вдругъ, разомъ, не

раздумывая. Это была такая же минута, какъ тогда, когда онъ соскочилъ съ поѣзда на станціи Русовгѣ.

— Извините, мнѣ нужно договорить съ Вѣрочкой, — гѣзко сказалъ онъ Лопатинымъ и быстро прошелъ за молодой дѣвушкой.

Онъ настигъ ее въ столовой и круто, безъ приступовъ, обратился къ ней:

— Вѣра, скажите: да или нѣтъ! Я или останусь съ вами навсегда, или никогда не обезпокою васъ своими глупыми...

Она взяла его за руки и, точно желая укрыться подъ грѣющимъ крыломъ, прижалась къ его груди, не проронивъ ни слова. Онъ уже цѣловалъ ея руки, ея голову, ея губы. Онъ не могъ говорить, не могъ оторваться отъ нея. Минуты шли за минутами, а хозяева въ недоумѣніи бродили по залѣ и ждали Дмитрія Андреевича. Они какъ будто растерялись.

— Я ее не предупредила... Пожалуй, откажетъ! — тихо сказала Лопатина. — Глупа еще... Покажется ей что-нибудь... Не молодъ, скажетъ, не красавецъ...

— Да, наконецъ, онъ-то не знаетъ, что за ней ничего нѣтъ! Тоже, чудакъ, не справился! Можетъ - быть рассчитываетъ на насъ! — проговорилъ Лопатинъ. — Живемъ широко, — ну, и можетъ думать...

— Ахъ, это глупости! Я боюсь за нее... вотъ что страшно!

— Да, а тоже хорошо, если она согласится, а онъ потомъ станетъ требовать отчетовъ... Тоже скандалъ! Я вѣдь опекунь...

Въ столовой наконецъ послышался громкій смѣхъ. Это смѣялись Вѣра и Дмитрій Андреевичъ, вспомнивъ, что Лопатины все еще ждутъ ихъ въ залѣ. Они быстро пошли, почти побѣжали объявлять о результатѣ своей долгой бесѣды, — оба раскраснѣвшіеся, оба счастливые, оба чувствовавшіе потребность пошкольничать...

— Такъ вотъ вы о чемъ объяснялись! — воскликнула хозяйка. — Ай да, Дмитрій Андреевичъ, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

— Да, въ мои годы людей или женять, или нужно, чтобы они... скоропостижно женились, — пошутилъ Дмитрій Андреевичъ. — А то, мы, старые холостяки, всегда, если начнемъ думать такъ, какъ гоголевскій женихъ, въ окно выскочимъ.

— Зачѣмъ вы говорите, что вы старый холостякъ? — сказала Лопатина.

— Да, да, теперь уже не старый холостякъ, а молодой женихъ,—весело отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, да полно вамъ пустяки городить! Пойдемте, поговоримъ о дѣлѣ!—озабоченно сказалъ Лопатинъ.

— Ахъ, мнѣ теперь не до дѣл! Ничего я въ нихъ не пойму,—отвѣтилъ Орловъ.

— А все же пойдемте! Иначе и поздравлять не буду!—настаивалъ хозяинъ.

Орловъ ушелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Дмитрій Андреевичъ,—дѣловымъ тономъ началъ хозяинъ,—я очень радъ за Вѣру. Вы такой завидный женихъ. Вѣдь она мнѣ родная племянница. Отца я ей замѣняю, сироткѣ...

Лопатинъ жирнымъ пальцемъ отеръ сухой глазъ.

— Но прежде чѣмъ объявить васъ женихомъ,—продолжалъ онъ,—я долженъ вамъ разъяснить ея положеніе. Вы видите, что Вѣра живетъ у насъ, ни въ чемъ не нуждается; но знаете ли вы ея средства?

— О деньгахъ хотите говорить?—перебилъ его Орловъ.— Я не покупаю, не сдѣлку дѣлаю...

— Пойдите, пойдите! Я ея опекунъ и потому долженъ буду отдать вамъ отчетъ.

Дмитрій Андреевичъ махнулъ рукой.

— Ну, васъ съ отчетомъ!

— Экій сумасшедшій! Поймите, что это мой долгъ. У Вѣрочки ничего нѣтъ!

— И не надо ничего!

— Ея отецъ, мой покойный братъ, былъ артиллерійскій генералъ. Люди въ его положеніи наживали сотни тысячъ...

— А онъ былъ старый сумасбродъ и ничего не нажилъ?

— Да.

— Ну, и отлично!

— Да погодите! У него остались кое-какія крохи, очень, очень немного, но намъ стоило...

— Ея воспитаніе, да? И все ушло на это?... Ну, и слава Богу!

— Тьфу ты пропасть! Ошалѣлъ совсѣмъ человѣкъ! Да отчетъ-то я долженъ же дать. Вѣдь я опекунъ!

— Голубчикъ, давайте вы кому хотите отчетъ, но не мучайте меня! Отступныхъ вамъ, что ли, надо? Приплатить я долженъ что-нибудь за воспитаніе ея? Ну, приплачу!

Лопатинъ только руками развелъ. Потомъ вдругъ все сообразилъ, расхохотался жирнымъ смѣхомъ и бросился душить въ объятіяхъ Орлова.

— Ну, и точно, къ чорту отчеты, къ чорту! Чего я въ самомъ дѣлѣ присталъ!—говорилъ онъ, цѣлуя салынными губами Орлова.—Ступайте, цѣлуйтесь съ ней, сколько душѣ угодно!

Онъ смѣялся и потиралъ руки. Малая толика денегъ Вѣры пристала къ этимъ жирнымъ рукамъ и осталась въ нихъ навсегда. Онъ никакъ не думалъ, что Орловъ можетъ такъ «простоволоситься». Тоже вѣдь сталъ бы толковать, поприжалъ бы, пришлось бы кое-что дать. Такъ нѣтъ, голову потерялъ отъ любви. Вотъ они молодые-то, новые-то, нѣтъ-нѣтъ да и попадутся на ту или другую удочку. То изъ любви сумасбродничаютъ, то великодушіе выказываютъ, то изъ-за брезгливости многое между рукъ пропускаютъ. Ну, да какъ бы тамъ ни было, а все же слава Богу, что такъ все кончилось, къ обоюдному удовольствію.

Орловъ никакъ не воображалъ, что онъ еще способенъ на разныя молодыя глупости, свойственныя всѣмъ влюбленнымъ. Онъ накупалъ разныхъ подарковъ невѣстѣ, возилъ ей ежедневно для чего-то конфеты, писалъ сумасбродныя письма о своемъ счастіи и князю, и Настѣ, и Благолѣпову, и Софьѣ Александровнѣ, заѣзжалъ къ Марѣ Ивановнѣ и Лешѣ, чтобы рассказать имъ о своемъ благополучіи, возилъ дорогіе вѣнки на могилу отца и матери и торопился свадьбой, точно боясь, что что-нибудь ей помѣшаетъ. По просьбамъ и настоянію Лопатиныхъ, свадьба должна была состояться въ день отъѣзда за границу, такъ чтобы черезъ два часа послѣ вѣнчанія вся семья могла отправиться въ путь. Отдѣлаться отъ сопутствія Лопатиныхъ было нельзя и Орловъ вдругъ передумалъ вѣнчаться въ Петербургѣ. «И какъ это я буду вѣнчаться на глазахъ у всѣхъ, точно на выставкѣ стоять буду? Не звать же никого неловко. Да, наконецъ, очень весело жениться и ѣхать съ этими сатирами. Нѣтъ, ужъ лучше подождать, лучше гдѣ-нибудь въ Берлинѣ, въ Висбаденѣ обвѣнчаться и удрать отъ милыхъ родныхъ». Онъ сообщилъ объ этомъ Вѣрѣ и она вполне согласилась съ нимъ, что такъ будетъ лучше. Женихъ и невѣста шепотомъ, смѣясь и дурачась, уговорились, что они «сбѣгутъ» отъ Лопатиныхъ на дорогѣ тотчасъ послѣ свадьбы и умчатся въ Италію вдвоемъ, не говоря никому ни слова о томъ, куда они ѣдутъ, гдѣ спрячутся на время отъ всѣхъ родныхъ, друзей и знакомыхъ.

Наконецъ насталъ желанный день.

Орловъ уѣзжалъ изъ Россіи за границу. Съ нимъ ѣхало семейство его будущихъ родственниковъ: Вѣра, Лопатинъ, его жена, ихъ дочь Маша, ея мужъ. Они заняли цѣлое купѣ въ вагонѣ перваго класса, смѣясь и безопасно болтая. Прошло нѣсколько минутъ, раздался послѣдній звонокъ, пронесся свистъ оберъ-кондуктора, запыхтѣлъ локомотивъ, заскрипѣли колеса и поѣздъ двинулся впередъ... Вотъ съ правой стороны тянется Митрофаньевское кладбище, съ лѣвой виднѣтся дѣвичій монастырь тоже съ кладбищемъ, какая-то часовня показалась вдали, а тамъ потянулись тощія поля, однообразныя равнины съ жидкими кустами, съ болотистыми ямами и кочками, покрытыми мохомъ.

— Экая картина-то, глазу не на чѣмъ остановиться, — сказалъ Лопатинъ, видя, что Дмитрій Андреевичъ засмотрѣлся на окрестныя виды.

— Да, и такъ вплоть до Вильно, — отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Да, тамъ уже природа лучше; чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ лучше, — проговорилъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ не отвѣчалъ. Его вдругъ охватили невеселыя думы. Въ головѣ мельгали какія-то отрывочныя воспоминанія. То вспоминались некрасовскія строки:

Лѣсъ ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

То приходили на умъ слова Тютчева:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа.

А тамъ вспоминались мать, отецъ, сестра Аня, тетка Дарья, Леша, Настя, разные много страдавшіе, много терпѣвшіе люди. Какъ немного спаслось изъ нихъ и сколько погибло!... Да и тѣ, кто спасся, спаслись чисто случайно, какъ спаслась Настя. Вотъ встали передъ нимъ и другіе образы: княжна, Благолѣповъ, князь Александръ, онъ самъ со всею своей будничною дѣятельностью. Что они сдѣлали?... Они всѣ, каждый по-своему, жемали добра ближнимъ, народу, родинѣ. Они всѣ были полны

добрыхъ намѣреній. Но что они сдѣлали? Вотъ княжна, не подготовленная своею средой ни къ чему полезному, вотъ Благолюбъ, выбитый изъ обычной колеи случайностями. А князь Александръ?... Полжизни — даже можетъ-быть больше, чѣмъ полжизни — ушло у него на самоисправление, на саморазвитіе, на выработку самостоятельныхъ взглядовъ. Какіе же эти взгляды? — Все прошлое привело его къ тому заключенію, что прежде всего человѣку нужно исправить самого себя, дойти до послѣднихъ тонкостей въ анализѣ своихъ поступковъ. Въ этому его привело сознание, что его отецъ, всѣми прославляемый за честность и доброту, совершившій чуть не подвигъ, признавъ чужихъ дѣтей своими, едва не погубилъ его, Александра, именно тѣмъ, что мало всматривался въ свои отношенія къ сыну, успокоившись на томъ, что сынъ признанъ имъ, какъ будто въ этомъ и заключалось все; къ этимъ же взглядамъ должно было привести отношеніе къ Настѣ его, Орлова, признаваемого всѣми чуть не за генія по уму, чуть не за рыцаря по благородству стремленій, такъ какъ эти отношенія шли прямо въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что говорилъ Орловъ: онъ пылалъ любовью къ голубкѣ, къ бѣдняжкѣ, а между тѣмъ на его глазахъ едва не погибла Настя, его двоюродная сестра, подруга дѣтства, и онъ пальца о палецъ не стукнулъ для ея спасенія, не изъ злобы, не изъ холодности, а по легкомыслію, по небрежному отношенію къ своимъ поступкамъ; наконецъ, именно эти взгляды должны были выработаться въ князѣ, когда онъ оглянулся на свою собственную жизнь. И вотъ князь Александръ проповѣдуетъ этотъ, и только этотъ, путь, говоря, что ничего не измѣнится, покуда мы сами не измѣнимъ себя. Сообразно съ этими взглядами онъ считаетъ нужнымъ добиваться всего легальнымъ путемъ, стоя на-сторожѣ закона, стараясь пресѣчь злоупотребленія, воюя съ недобросовѣстными людьми, воспитывая людей. Онъ бьется, борется, но то, чего онъ добьется сегодня, то можетъ-быть завтра передѣлается иначе другими. Правда, онъ радуется, что около него уже стоятъ два-три единомышленника, но противъ нихъ тучей поднимается саранча противниковъ. Къ какимъ результатамъ приведетъ этотъ путь? Когда онъ приведетъ къ благимъ результатамъ? Не сведется ли вся дѣятельность князя на простую филантропію?—Отвѣта нѣтъ. «Нѣтъ, безъ свободы слова, безъ свободы личности ничего не подѣлаешь!» — мелькаетъ въ головѣ Орлова и что-то точно сжимаетъ ему сердце. Всю жизнь, —

да, всю жизнь,—повторялъ онъ эту фразу, повторялъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ справедливости этой мысли, повторялъ искренно, какъ свой символъ вѣры, а жизнь шла все дальше и дальше, шла въ работѣ для насущнаго хлѣба, для денегъ, для личныхъ потребностей, замыслы же о трудѣ на пользу общества, о широкой дѣятельности на благо народа такъ и оставались замыслами.

— О чемъ размышляли?—спросилъ Лопатинъ, дотронувшись рукою до его колѣна.

— Итоги подвожу,—коротко отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, батенька, рано начали! Порастрясите-ка мощну за границей да тогда ужъ и сводите итоги!

— Ахъ, вы все о деньгахъ!

— А то о чемъ же? Какіе такіе еще итоги?

— Да вотъ думалъ, что сдѣлано... Больше полжизни прожито, а что сдѣлано?

Лопатинъ смотрѣлъ на него, широко открывъ глаза и ровно ничего не понимая.

— Да вы же успѣли-таки кое-что скопить, сколотили деньгу?

— Да, да, за верченье въ бѣлицемъ колесѣ нажилъ капиталъ... Да я не о себѣ! Я о томъ, что вотъ прошло столько лѣтъ съ начала реформъ, а поглядишь на эти полуразвалившіяся избы, на эти болота и тощія поля, и кажется, точно ничто не коснулось этого края...

— Это изъ вагона такъ кажется,—равнодушно отвѣтилъ Лопатинъ.—Гдѣ же такъ-то, когда несешься сломя голову впередъ, все разсмотрѣть...

Орловъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ смотрѣть въ окно.

— Вы вѣдь изъ недовольныхъ тоже,—продолжалъ Лопатинъ.— Вамъ какія реформы ни дай, все мало. Крестьянъ освободили—сѣтуете, что мало земли дали, тогда какъ въ другихъ-то государствахъ ни шиша не дали. Земскія учрежденія завели, такъ вамъ подавай сразу мѣстные парламенты. Свободу печати дали, такъ зачѣмъ не позволяютъ революцію на площадяхъ проповѣдывать? Суды новые устроили,—кажется, ужъ совсѣмъ хорошо,—такъ нѣтъ, и тутъ сѣтуете, что правительство не нарожало для этихъ судовъ новыхъ царей Соломоновъ.

Орловъ слушалъ только на половину.

— Я не стану спорить противъ того, что многое у насъ не такъ вышло, какъ думали, что многое затормозилось,—продол-

жалъ Лопатинъ, давно уже соскучившійся сидѣть молча и обрадовавшійся возможности поговорить. — Ну, да вѣдь, батенька, одинъ Богъ безъ грѣха. А люди вездѣ—люди и ошибаться имъ свойственно. По-латыни даже могу сказать это: ерраре гуманумъ есть. Да-съ, такъ-то! Тоже обернитесь на себя,—не мало, чай, глупостей натворили на своемъ вѣку. Ну, а вѣдь и общество, и правительство изъ тѣхъ же людей, какъ вы, состоятъ. Одни сразу закусили на радостяхъ удила да и рванулись очертя голову впередъ; другіе отъ страху сразу попитились назадъ, точно на краю пропасти себя увидали. Ну, сумбуръ и пошелъ. Одни кричатъ: «валяй, валяй впередъ!» Другіе орутъ: «стой, стой, назадъ!» Кто правъ, кто виноватъ—первые или вторые, теперь, пожалуй, и не разберешь; не разберешь даже, кто первый крикнулъ; вѣрно только, что и тѣ, и другіе испугались,—ну, и пошла сумятица, сиверка какая-то настала: не знаешь, откуда вѣтеръ дуетъ; не разберешь, снѣгъ или дождь идетъ, съ земли ли туманъ поднимается или на землю онъ падаетъ,—и всѣмъ жутко, всѣмъ кажется, что не туда другіе тянуть, не туда ѣдутъ, куда слѣдуетъ.

Орловъ грустно усмѣхнулся.

— И потому никто ни съ мѣста,—проговорилъ онъ.

Лопатинъ опять дотронулся до его колѣна.

— Это вы, батюшка, потому такъ говорите, что сиверка и васъ съ толку сбила,—сказалъ онъ. —И всѣхъ она сбила съ толку. Въ сиверку, въ непогодъ ѣтакую всегда такъ: ѣдешь, ѣдешь, ничего кругомъ не видать, кругомъ все точно кружить, мокрый снѣгъ глаза слѣпить,—ну, и кажется, что кружишься на одномъ мѣстѣ. А вы вотъ обратите вниманіе на духъ-то общества, на духъ его, тогда и увидите, что сдѣлано-то много, что далеко мы уѣхали отъ прежней-то станціи.

Онъ вдругъ громко разсмѣялся своимъ жирнымъ, утробнымъ смѣхомъ.

— Да вотъ на меня взгляните,—сказалъ онъ. — Ну, какой чортъ дернулъ бы меня въ старые-то годы съ вами бесѣдовать объ этихъ матеріяхъ важныхъ? Какой толкъ видѣлъ я въ этихъ вопросахъ? А теперь, батенька, я тоже и земець, и гласный, и въ почетные мировые судьи наровлю, такъ эти общественные-то вопросы—своя шкура. Теперь каждый послѣдній лавочникъ въ политику да въ критику носъ суеть: «финанцы, говорить, у насъ разстроены», «рубль, говорить, нашъ совсѣмъ въ цѣнѣ

упахни». Да-съ, каждая бестія теперь такъ и наровить въ министры финансовъ попасть. А положеніе народа? Вонъ вы, вѣдь, народолюбецъ,—ну, такъ вы мнѣ скажите, какія такія мѣры и крайности съ той или другой стороны заставятъ теперь забыть о народѣ, устранить его, такъ сказать, съ пути прогресса?

Онъ наклонился къ Орлову.

— Я вамъ вотъ что даже скажу,—проговорилъ онъ уже раздражительно, съ какимъ-то ожесточеніемъ:—надоѣлъ мнѣ вашъ народъ,—да, надоѣлъ! То его освобождаютъ, то люди въ народъ ходятъ съ просвѣщеніемъ да прокламаціями, то Некрасовъ вашъ тамъ донимаетъ меня плачемъ о народѣ, то какіе-то Рѣшетниковы, Успенскіе, Марки Вовчки и... какъ ихъ тамъ еще называютъ—за него распинаются да грязныя онучи мнѣ подъ носъ подносятъ, то вы, ораторы судейскіе, въ своихъ рѣчахъ тычете въ глаза каждымъ его горемъ, то земскіе врачи изъ либераловъ толками о его недугахъ аппетитъ мнѣ портятъ... И бѣжалъ бы, бѣжалъ бы я отъ всего этого, да бѣжать-то ужь некуда, потому что приперли насъ къ стѣнѣ и кричатъ: или по-міру ступай, или позаботься о народѣ. И забочусь, забочусь, потому что духъ времени требуетъ, чтобъ я заботился о народѣ, хоть мнѣ самому и плевать на него, на вашъ народъ-то! Вонъ голодъ былъ—въ комитетъ я записался, сборы между знакомыми дѣлалъ, хлѣбъ закупалъ, дочку отпустилъ въ спектакль въ пользу голодающихъ горничную какую-то изображать. Прежде-то этого вашего народа я и знать не хотѣлъ, потому имѣлъ я дѣло со своими Филатками да Евгѣшками, которыхъ я на конюшнѣ дралъ, а теперь... теперь вонъ меня этотъ народъ-то вашъ недавно къ мировому тянулъ за то, что я какому-то сивалапому сгоряча въ зубы легонько потыкалъ... Да я въ глаза насмѣялся бы тому, кто въ бывшее время мнѣ сказалъ бы, что я буду на одной доскѣ со своими холопами передъ закономъ стоять да еще печатные реприманды читать за то, что я мало о народѣ забочусь... Вотъ что вы сдѣлали! А вы говорите, ничего не сдѣлано.

Лопатинъ еще долго въ желчномъ одушевленіи ораторствовалъ на эту тему, на что-то жалуясь, на что-то сердясь. Но Орловъ уже не слушалъ его. Онъ думалъ о томъ, когда и какъ кончится эта сиверка смуть и недоразумѣній. Среди этихъ мыслей все яснѣе и яснѣе становилось одно сознаніе, что сколько бы ни продлилась эта непогода, а все-таки «новаго духа» она дѣйствительно не убь-

еть. Этотъ «новый духъ» создали обстоятельства, реформы и нововведенія; его развили люди, стоявшіе умѣло или не умѣло, по мѣрѣ силъ и способностей, за народъ. Да, теперь сознають всѣ, бранясь или радуясь, что народъ нужно поднять, что безъ его благосостоянія немислимо никакое дальнѣйшее развитіе, что онъ—все. Правда, покуда намѣчена только главная цѣль для всѣхъ, болѣе или менѣе плодотворныхъ, работъ и усилій, во взглядахъ же на средства для достиженія этой цѣли замѣчаются еще рознь, несогласіе, вражда. Много силъ тратится даромъ, погибаетъ бесплодно, приноситъ даже вредъ вмѣсто пользы только потому, что эти средства для достиженія цѣли далеко еще не опредѣлились. Но не можетъ же долго такъ продолжаться... На душѣ Орлова становилось какъ-то легче, какъ-то свѣтлѣе. Наконецъ, по его уже довольно полному лицу скользнула самодовольная, буржуазная улыбка, онъ поднялъ голову, потянулся всласть, какъ потягивается сытый человѣкъ, и проговорилъ:

— Да, вы правы, время сдѣлало свое дѣло и будущность наша!

Лопатинъ сердито махнулъ головой.

— Не ваша, а этого хамова отродья!—проворчалъ онъ.

А. Михайловъ.

МАЗЕПА.

ГЛАВА XIV *).

Нерасположеніе малороссійскаго народа къ замыслу Мазепы.—Избраніе въ гетманы Скоропадскаго.—Проклятіе Мазепы.—Царскій манифестъ къ малороссійскому народу.—Царскія милости.—Движенія шведскаго войска послѣ перехода черезъ Десну.—Мазепа въ Вахначѣ.—Универсалъ Мазепы къ народу.—Универсалъ Скоропадскаго къ народу.—Станъ шведскаго короля въ Ромнахъ.—Походъ Мазепы къ Гадячу.—Универсалы Карла XII къ малороссіанамъ.—Вѣрность малороссіянъ къ царю.—Миргородскій полковникъ Кралаганъ.—Отвѣтъ Мазепѣ отъ канцлера Головкина.—Коварство Мазепы.—Перехваченное письмо къ Лещинскому.—Недовѣріе шведовъ къ казакамъ.—Походъ короля Карла и Мазепы къ Веприку.—Жестокая стужа.—Взятіе Роменъ русскими.—Взятіе Веприка шведами.—Занятіе шведами Зенькова.—Походъ Карла и Мазепы въ Слободскую Украину.—Сраженіе подъ Краснымъ Бутомъ.—Возвращеніе.—Внезапная распутяна.—Успѣхи русскихъ въ Прилукахъ и въ Рашевкѣ.—Изгнаніе шведовъ изъ Лохвицы.—Главная квартира шведовъ въ Великихъ Будищахъ.—Царскія милости семейству Кочубея и другимъ.

Отступленіе Мазепы отъ царя ни въ какомъ случаѣ не могло увлечь по тому же пути малороссійскаго народа, въ особенности, когда великороссійское войско, съ самимъ царемъ во главѣ, находилось въ предѣлахъ гетманщины. Правда, малороссіане показывали часто недовольство царскими служилыми людьми, тѣмъ болѣе въ военное тяжелое время, когда послѣдніе, иногда и сами того не хотя, обращались съ туземцами сурово; по этому поводу во всемъ малороссійскомъ краѣ раздавались рѣзкіе и враждебные крики противъ «московскаго панованья». Но тотъ очень ошибся бы, кто по этимъ крикамъ заключалъ бы, что народъ пристанетъ ко всякой иноземной силѣ, которая станетъ разжигать его противъ московской власти. Факты, возбуждавшіе въ народѣ нерасположеніе къ москалямъ, не были еще ни

*.) *Русская Мысль*, кн. X.

столько многочисленны, ни столько сами по себѣ сильны, чтобъ образовать въ народѣ такую вражду, какая могла бы сплотить его ко всеобщему возстанію, а руководители къ такому возстанію не имѣли въ народѣ столько любви, чтобъ увлечь его. Гетманъ Мазепа до сихъ поръ главнымъ образомъ держался только могуществомъ московской власти; для малороссіянъ это былъ польскій панъ, передавшійся на московскую сторону, но оставшійся навсегда съ польскими панскими приемами: всегда было огромное число такихъ, которые были бы рады, еслибы только узнали, что царь его смѣняетъ. Великорусскіе ратные люди съ полковникомъ Анненковымъ постоянно берегли его особу и гости, посѣщавшіе гетманщину, замѣчали, что еслибы не эти охранители, то малороссіяне скоро бы избавились отъ своего гетмана. Если въ народѣ малороссійскомъ, какъ доносилъ постоянно Мазепа, и была склонность къ мятежамъ и переворотамъ, то ужъ никакъ не въ духѣ Мазепы. Народъ, при удобномъ случаѣ, могъ до нѣкоторой степени поддаться подушеніямъ запорожцевъ и неразлучныхъ съ ними «гультаевъ», т. е. непосидячихъ бродягъ, искавшихъ сами не зная чего, — могъ начать истреблять пановъ и орандарей съ неясными и неосмысленными желаніями всеобщаго okozаченія; но это стремленіе, легко притомъ укротимое, какъ показало дѣло Петрика, никакъ не могло подготовить народъ къ тому, чтобы теперь идти за Мазепой. Противъ такого стремленія до сихъ поръ постоянно вооружался Мазепа и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ въ согласіи съ московскою властію. Еслибы теперь онъ и сталъ вторить народнымъ инстинктамъ, то ему бы меньше, чѣмъ кому-нибудь иному, повѣрили. Но ужъ никакъ не долженъ былъ надѣяться на народное сочувствіе гетманъ, опиравшійся на вступившую въ предѣлы гетманщины иноземную шведскую силу, которой народъ почти вовсе не зналъ, и на поляковъ, которыхъ народъ изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкъ ненавидѣть.

При такомъ настроеніи народныхъ умовъ и чувствованій не удивительно, что какъ только стало извѣстнымъ, что Мазепа отступилъ къ шведской сторонѣ, непріязненной царю, такъ тотчасъ же послѣдовали челобитныя, заявлявшія о преданности малороссіянъ московскому престолу, и притомъ не только изъ того края, гдѣ уже находились великороссійскія ратныя силы, но и изъ такихъ полковъ, гдѣ ихъ еще не было, — слѣдовательно, нельзя признавать ихъ только дѣйствіемъ страха. 5-го ноября пришли

къ царю челобитныя изъ Прилукъ *), Лубень **), городовъ—Лохвицы, Новгородъ-Сѣверска, изъ сотенъ полковъ Прилуцкаго (Варвинской, Сребненской, Иченской), Лубенскаго и Миргородскаго,—тѣхъ полковъ, откуда полковники ушли съ Мазепою,—всѣ въ одномъ духѣ, съ обѣщаніемъ вѣрной службы царю ***).

1-го ноября въ Богдановкѣ ****) явились по призыву царской грамоты къ государю полковники: стародубскій — Скоропадскій, черниговскій — Полуботокъ и наказные: переяславскій — Тамара и нѣжинскій — Жураховскій. Баждый приходилъ съ кружкомъ сотниковъ и войсковыхъ товарищей своего полка. Петръ мѣстомъ выбора назначилъ Глуховъ и поручилъ открыть избирательную

*) Жители Прилукъ и всей сотни прилуцкой наше низжайше отдавши раблѣннѣ поклоненіе чрезъ сію нашу недостойную челобитную вѣрность и неотмѣнную зичливість освѣдчаемъ, нѣжъ яко мы прежде въ сердцу нашомъ жаднои и наименшой никогда не помышляли противъ пресвѣтлого ирестола монаршого змѣны и противниками быти, такъ и теиерь и въ потомнїи часы маемъ вѣрне и ни въ чомъ не противне со всякимъ усердіемъ служить и повелѣніе в. в—ства должнїемо творити. Тилько зась найпокорнѣй ваше царское пресвѣтлое в—ство просимъ: не отрии насъ убогихъ отъ своей царской благодати и не предай насъ въ вѣчную работу и плѣвненіе на насъ и на вѣру нашу православную наступающимъ и пакн о томъ смиренно просимъ (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 67).

**) Мы граждане Лубенцѣ яко духовного тако и мїрскаго чину не токмо насъ наказной старшины и всѣхъ жителей нашихъ обрѣтающихся за премошную милость челоомъ бьемъ, обовязуячися въ единомыслии яко и преже вѣрными к вашему царскому пресвѣтлому в—ству подданными бути. Ради бы въ назначенный путь въ Глуховъ шествовати по указу в. ц. в—ства исполняючи совершенно ради бы всеусердственно отъѣхать, тилько подь сей часъ не маемъ дѣлого начального въ городѣ, яко атаманъ и войтъ наказными зостаемъ а вашего царского повелѣнїя не противни и неотступни. А городеа нельзя оставити безъ досмотра яко и тое в. ц. п. в—ства яко защитника и предстателя всей Малой Россїи упрашаемъ, а самыхъ начальныхъ нашихъ здесь пѣтъ и мы ихъ не вѣдаемъ где обрѣтаются на службѣ вашей монаршой. При покорственномъ чоломбитїи нашемъ записуемъ всегдашними подножками и зостаемъ вѣрнѣйшими подданными подь скридла в. и. в—ства бути яко и на завше зостаемъ (ibid.).

***)... Яко отъ чина духовнаго, такъ и отъ мїрскаго сословія всѣ едностойно и единодушно такъ товариство войсковое, якъ и люди посполитне заковуючи теиерь и на потомнїи часы противно Е. Ц. маестату вѣрное наше сердце подданское не токмо теиерешнихъ времениъ, але и в потомнїи часы за православнаго монарха, за милую малороссїйскаго края нашего отчизну безъ жаднои нашей зрады и змѣны, единъ на другому даже до смерти противъ неприятелихъ нашихъ ку отпору отъ рода въ роды присно готовыми обѣцуюемъ бути, на чомъ и крестное дѣлованіе предъ маестатомъ Божиимъ въ храмѣ его выконавши (ibid.).

****) Нынѣ село Новгородъ-Сѣвер. уѣзда, при р. Шосткѣ, въ 15 вер. отъ Новгородъ-Сѣверска и въ 3-хъ отъ Десны.

раду ближайшему царскому боярину, князю Григ. Фед. Долгорукому, при которомъ долженъ былъ находиться дьякъ Песольскаго Приказа Родостамовъ съ двумя подъячими. Царь, для безопасности въ пути, придалъ имъ Бѣлозерскій драгунскій полкъ. Все дѣлалось по старымъ обычаямъ, съ тѣми приемами, какіе всегда соблюдались при выборѣ гетмана.

3-го ноября всѣ прибыли въ Глуховъ. Сотникъ Туранскій встрѣчалъ ихъ какъ хозяинъ мѣста, куда они прибывали. Вечеромъ въ этотъ же день полковники и прочія начальныя лица были у князя Долгорукаго и обмѣнялись съ нимъ взаимными предположеніями о выборѣ. На другой день, 4-го ноября, прибылъ туда и самъ государь.

Князь Долгорукій, поговоривши такимъ образомъ съ полковниками, сообщилъ царю, что достойнѣйшими получить гетманскій санъ козаки считаютъ двухъ полковниковъ: черниговскаго и стародубскаго. «Полуботокъ очень хитръ,—сказалъ Петръ, — съ него можетъ выйти другой Мазепа. Лучше пусть выберутъ Скоропадскаго». Обстоятельства были таковы, что, при малочисленности участниковъ, выборъ вольными голосами могъ считаться только для вида, а на самомъ дѣлѣ гетманомъ долженъ стать тотъ, на кого укажетъ государь¹⁾.

5-го ноября совершено было отрѣшеніе Мазепы отъ гетманства. Оно совершилось театральнымъ способомъ. Устроены были эшафотъ, на немъ воздвигнута висѣлица; внесли на эшафотъ куклу, изображавшую Мазепу въ андреевской лентѣ. Затѣмъ взошли на возвышеніе Меншиковъ и Головкинъ и разодрали патентъ на званіе кавалера. Потомъ прочитано было длинное писаніе, гдѣ излагались благодаренія Петра, долговременная довѣренность государя къ гетману и неблагодарность послѣдняго. Вслѣдъ за тѣмъ сорвали съ куклы андреевскую ленту, палачъ зацѣпилъ куклу веревкою и повѣсилъ на висѣлицѣ²⁾. Такая казнь надъ отсутствующимъ врагомъ была въ духѣ того времени. Почти около того же времени, по поводу политической вражды между Франціей и Англіей, во Франціи подобнымъ способомъ творили поруганіе надъ изображеніемъ англійскаго короля Вильгельма III, а въ Лондонѣ надъ изображеніемъ Людовика XIV.

¹⁾ *Рувельманъ*, ч. III, стр. 150.

²⁾ *Nordberg*, франц. пер., стр. 251.

Въ-вечеру 5-го числа полковники, призванные одинъ по одному къ Долгорукову, объявили, что во всемъ будутъ поступать по произволению царскому.

Рада совершилась 6-го ноября. Послѣ литургіи и молебна въ церкви Св. Троицы, всѣ вышли на улицу, гдѣ уже стояла толпа козаковъ и посполитыхъ. Князь Григорій Ѳедоровичъ проговорилъ къ нимъ вступительную рѣчь, а посольскій дьякъ Родостамовъ, взошедши на столъ, прочиталъ съ этого возвышенія царскую грамоту.

«Тенерь,—сказалъ князь Долгорукій, — по древнему вашему обыкновению пусть все войско малороссійское и народъ, съѣхавшійся на избраніе гетмана, подають голоса, кому быть гетманомъ».

Онъ отошелъ. Должно было произойти совѣщаніе. Но все уже было рѣшено заранѣе.

«Быть гетманомъ стародубскому полковнику Ивану Ильичу Скоропадскому! — провозгласили начальныя люди, — понеже онъ человекъ есть царскому величеству вѣрный и въ войскѣ малороссійскомъ заслуженный и въ дѣлахъ искусный».

— Я старъ,—отвѣчалъ Скоропадскій.—Я не могу снести такого тягостнаго уряда. Гетманомъ быть слѣдуетъ человеку молодому и заслуженному. Изберите черниговскаго полковника Полуботка.

Большинство козаковъ дѣйствительно расположено было тогда избрать Полуботка. Его всѣ любили. Полуботокъ притомъ былъ всегда вѣренъ царю, не приставалъ къ замыслу Мазепы, да и самъ Мазепа не рѣшился бы открывать ему своего замысла: прежнія отношенія гетмана къ нему, а еще болѣе къ его родителю Леонтію, никакъ не могли подготовить въ немъ друга Мазепѣ. Но царь, заранѣе предувѣдомленный, что найдутся желающіе избрать въ гетманы Павла Полуботка, уже заявилъ, что его не желаетъ. Старшины, зная это, предупредили дальнѣйшіе толки, еще разъ провозгласили имя Скоропадскаго, схватили его подъ руки и поставили на столъ, съ котораго передъ тѣмъ посольскій дьякъ читалъ царскую грамоту. Скоропадскій еще разъ кланялся, говорилъ, что недостойнъ такой чести. «Нѣтъ, нѣтъ,—кричали старшины,—ты достоинъ! Ты—старый и вѣрный слуга царскаго пресвѣтлаго величества». Затѣмъ всѣ ему кланялись и поздравляли съ возведеніемъ въ гетманское достоинство.

Тогда князь Долгорукій, по принятому уже прежде обычаю, вручилъ новоизбранному гетману одинъ за другимъ ключи:

бунчукъ, знамя, булаву, царскую грамоту и печать малороссійскаго края, сдѣланную по образцу печати, употреблявшейся прежними гетманами. По окончаніи этого обряда всѣ пошли въ церковь. Тамъ послѣ ектеніи, въ которой за именемъ царя помянули имя новаго гетмана, Скоропадскій присягалъ по присяжному листу, выданному изъ Посольскаго Приказа. Въ этой присягѣ, кромѣ обычнаго обѣщанія вѣрности, гетманъ обязывался не водить пересылки и сообщенія съ царскими непріятелями, особливо съ бывшимъ гетманомъ Мазепою, и доносить царю о всякой шатости и склонности къ сношеніямъ съ непріятелями въ малороссійскомъ народѣ. Произнесеніемъ присяги руководилъ глуховскій протопопъ Борзаковскій. Полковники съ своими полковыми старшинами стояли тутъ же, но сами присягнули уже послѣ, 9-го ноября, когда къ нимъ присоединился пріѣхавшій на избирательную раду наказной лубенскій полковникъ Василій Савичъ съ своими полковыми старшинами *)).

Во время рады царь находился въ помѣщеніи Меншикова. Съ царемъ были: фельдмаршалъ Шереметевъ и канцлеръ Головкинъ. Новоизбранный гетманъ съ полковниками и полковыми старшинами явился къ царю на поклонъ. Царь поздравилъ его, а за царемъ поздравили и вельможи. Гетманъ отправился отъ царя съ почетомъ, въ каретѣ, запряженной шестью лошадьми, въ сопровожденіи князя Долгорукаго. Въ тотъ день былъ у гетмана обѣдъ и къ столу его приглашены были полковники и полковые старшины. Цѣлый день происходила стрѣльба, а народу разбрасывались отъ новоизбраннаго гетмана деньги въ бумажныхъ сверткахъ отъ семи алтынъ до гривны въ каждомъ сверткѣ. Едва уѣхалъ отъ царя новоизбранный гетманъ, какъ явился пріѣхавшій на избраніе черниговскій архіепископъ Іоаннъ Максимовичъ, поднесъ государю образъ Пресвятой Богородицы Черниговской и былъ со всѣми своими духовными допущенъ къ рукѣ государевой, а потомъ отправился къ себѣ на подворье.

Царь, ближніе вельможи и походная канцелярія оставались въ Глуховѣ нѣсколько дней. 11-го ноября пріѣхали туда съ своимъ духовенствомъ кievскій митрополитъ Іоасафъ Брокоскій и переяславскій епископъ Захарія Борниловичъ. 12-го ноября въ той же Троицкой церкви, гдѣ происходила присяга гетмана, послѣ литургіи, въ присутствіи царя, вельможъ и малороссійскихъ чи-

*) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 181—182.

новъ, служился молебенъ, а послѣ молебна духовными властями провозглашена была анаѣма и вѣчное проклятіе вору и измѣннику Мазепѣ. Новгородсѣверскій протопопъ Аѳанасій Заруцкій говорилъ проповѣдь, въ которой пространно вспоминалъ прежде бывшихъ измѣнниковъ и оправдывалъ проклятіе, наложенное на Мазепу ⁴⁾). Малороссійскіе архіереи, черниговскій и переяславскій, издали отъ себя пастырское посланіе къ народу о преданіи Мазепы проклятію и увѣщевали повиноваться новоизбранному гетману Скоропадскому ⁵⁾). Въ тотъ же самый день, по заранѣе сообщенному царскому распоряженію, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, послѣ литургіи, въ присутствіи царевича Алексѣя Петровича и царскихъ вельможъ, духовныя власти произнесли анаѣму надъ Мазепою. Митрополитъ рязанскій, блюститель патриаршаго престола, Стефанъ Яворскій произнесъ поученіе, сообразное настоящему событію, помянулъ съ похвалою прежнія доблести и добродѣтели Мазепы, потомъ порицалъ его измѣну и, заканчивая свою рѣчь, сказалъ: «Намъ, собраннымъ во имя Господа Бога Исуса Христа и святыхъ апостоловъ, дано отъ самого Бога вязати и рѣшати, и аще что свяжемъ на земли, будетъ связано и на небеси! Измѣнникъ Иванъ Мазепа, за клятвопреступленіе и за измѣну великому государю, анаѣма!» Онъ провозгласилъ эти слова три раза. Всѣ остальные архіереи за нимъ возгласили трижды: «анаѣма, анаѣма, анаѣма, буди проклятъ» ⁶⁾).

Во время пребыванія своего въ Глуховѣ, царь издалъ два манифеста къ малороссійскому народу. Въ одномъ, отъ 9 ноября, онъ увѣщевалъ всѣхъ малороссіянъ не вѣрить «прелестнымъ» универсаламъ враговъ, старающихся увѣрить народъ, будто московская власть нарушаетъ права и вольности. «Можемъ непостыдно сказать, что нѣтъ ни одного народа подъ солнцемъ, который бы похвалился такою свободою и льготами, какъ малороссійскій, такъ какъ во всемъ малороссійскомъ краѣ мы не беремъ ни единого пенязя въ казну». Объявлялась денежная награда за cadaго пойманнаго и приведеннаго шведскаго плѣнника, сообразно чину его: за генерала 2.000 рублей, за полковника—тысячу, за прочихъ офицеровъ менѣе по ихъ чинамъ, а за рядоваго по пяти рублей; за убіеніе же cadaго непріятельскаго воина по три рубля. Подъ страхомъ смертной казни запрещалось

⁴⁾ Ibid., стр. 181.

⁵⁾ Ibid., стр. 183.—Арх. Ин. Дѣль 1708 г., № 76.

⁶⁾ Арх. Ин. Дѣль 1708 г., № 77.

привозить неприятелю на продажу всякіе припасы. Царь убѣждалъ народъ изъ селъ и деревень скрывать свои семьи и пожитки. Списки съ этого манифеста приказано прибить по городскимъ ратушамъ и по приходскимъ церквамъ и сверхъ того прочитывать ихъ народу ⁷⁾. Другимъ манифестомъ, отъ 10 ноября, царь убѣждалъ всѣхъ тѣхъ, которые «измѣною вора Мазепы заведены были въ неприятельскія руки», отлучиться отъ него и вернуться къ вѣрной службѣ своего государя. Объявлялось прощенье тѣмъ, которые знали о зломъ намѣреніи Мазепы, «но не доносили, опасаясь его власти, и потому были съ нимъ въ согласіи». Имъ давался срока одинъ мѣсяць со дня 10-го ноября. Если въ течение этого срока они явятся, то имъ обѣщалось сохраненье чиновъ и маестностей ихъ безъ всякаго умаленія, въ противномъ случаѣ они будутъ объявлены царскими измѣнниками, лишатся чиновъ, урядовъ и маестностей, которыя отдадутся другимъ лицамъ, вѣрнымъ государю, жены и дѣти измѣнниковъ будутъ посланы въ ссылку, а всякій изъ такихъ измѣнниковъ, когда будетъ пойманъ, подвергнется смертной казни ⁸⁾.

Пребывая въ Глуховѣ, царь оказалъ милости тѣмъ, которые показали свою вѣрность во время измѣны Мазепы. 14 ноября наказные полковники получили званіе настоящихъ и жалованныя грамоты на разныя села и маестности; Ивану Носу, получившему Прилудское полковничество, дана похвальная грамота за содѣйствіе при взятіи Батурина. Щедрѣ всѣхъ былъ тогда надѣленъ черниговскій полковникъ Полуботокъ: ему пожалованы маестности шуринина его, бывшаго гадяцкаго полковника Михайла Василевича ⁹⁾, котораго когда-то такъ настойчиво преслѣдовалъ Мазепа, и кромѣ того богатыя маестности въ Черниговскомъ полку ^{**)}, — все это за вѣрность къ царю, какъ выражено въ жалованной грамотѣ ⁹⁾.

Переpravившись черезъ Десну, шведы сразу увидали, что народъ не расположенъ принимать ихъ какъ своихъ избавителей; напротивъ, всѣ сельскіе жители разбѣгались при появленіи незваныхъ гостей. Исключеніе было, неизвѣстно почему, въ одной

⁷⁾ Ibid., № 72.—Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 187 и 193.

⁸⁾ Арх. Ин. Дѣль 1708 г., №№ 68, 69, 74. — Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 185—186.

⁹⁾ Михайловская, Боровляны.

^{**)} Мѣстечко Любечъ съ перевозами на Днѣпрѣ лоевскимъ и любецкимъ, села: Кувѣчичи, Выблое, Жабчичи, Новые Млины, Новые и Старые Боровичи, Орловку, Кизилевку, Оболонное съ мельницами, покосами и всадими угодьями.

⁹⁾ Арх. Ин. Дѣль 1708 г., № 83.

Атюшъ *), гдѣ ихъ встрѣтили съ хлѣбомъ-солью. 12 ноября переправились шведы черезъ Сеймъ близъ Батурина. Страшное зрѣлище представила имъ тогда гетманская резиденція, гдѣ Мазепа еще недавно надѣялся принимать своихъ союзниковъ и благодѣтелей. Все превратилось въ безобразную кучу угля и щебня; воздухъ былъ испорченъ испареніями отъ гнѣющихъ и полуобгорѣлыхъ человѣческихъ и скотскихъ труповъ, такъ что отъ смрада дышать было невозможно. Боролю остановился на нѣсколько дней въ Городищѣ **). На Мазепу видъ Батурина произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Онъ сталъ жалѣть, что ударился въ такой замысль, который, какъ ему теперь стало казаться, не будетъ имѣть успѣха. «О, злые и несчастные наши початки!—говорилъ онъ своему писарю.—Вижу, что Богъ не благословилъ мое намѣреніе! Но Богъ мнѣ свидѣтель, не желалъ я христіанскаго кровопролитія, а замышляя такъ: прибуду въ Батуринъ съ королемъ шведскимъ и оттуда напишу къ царскому величеству благодарственное письмо за его протекцію, да въ немъ же пропишу всѣ наши прежнія и теперешнія обиды, отнятіе правъ и вольностей, крайнее разореніе и приготовленную пагубу всему нашему народу, а наконецъ приложу, что мы, какъ добровольно ради единого восточнаго православія отдались подъ царскую руку, такъ и теперь, будучи свободнымъ народомъ, добровольно отходимъ, благодарствуемъ царскому величеству за протекцію, не хотимъ рукъ нашихъ простирать на кровопролитіе и будемъ ожидать подъ протекціею шведскаго короля совершеннаго нашего освобожденія. Я надѣялся получить свободу не войною, а миромъ, черезъ трактатъ; я думалъ всякими способами склонить шведскаго короля къ такому миру съ царскимъ величествомъ. Но теперь все пойдетъ иначе: Украина, устрешенная судьбою Батурина, будетъ бояться держаться съ нами за одно¹⁰⁾. Конечно, не одно разореніе Батурина растревожило Мазепу: онъ слышалъ отовсюду—и ему самому въ значительной степени стало ясно, что народъ не туда обращается, куда онъ думалъ обратить его. Даже и между единомышленниками, приставшими разомъ съ нимъ къ шведамъ, онъ сталъ замѣчать колебаніе, особенно послѣ манифеста Петра, гдѣ царь обѣщалъ прощеніе и сохраненіе чиновъ и маестностей всѣмъ тѣмъ, кто захочетъ обратиться отъ непріа-

*) Село Атюша. Кролевецкаго уѣзда, въ 30 верстахъ отъ Кролевца.

***) Село Конотоп. уѣзда, при р. Дочи, въ 28 верстахъ отъ Конотопа.

¹⁰⁾ Письмо Орлика.

теля къ законному государю. Это побудило Мазепу пригласить всѣхъ ихъ въ свою Поросючку подъ Бахмачемъ, гдѣ уцѣлѣлъ его дворецъ отъ разоренія, постигшаго Гончаровку подъ Батуриномъ. Тамъ Мазепа устроилъ съ ними совѣтъ и взаимную присягу на Евангелии. Мазепа клялся, что не ради своихъ «приватныхъ выгодъ», а въ виду добра отчины—Украины и всего Войска Запорожскаго, онъ принялъ протекцію шведскаго короля. Бывшіе тогда съ нимъ старшины, полковники, сотники и знатные войсковые товарищи присягнули оставаться вѣрными гетману и надѣяться на протекцію шведскаго короля. Съ ихъ совѣта Мазепа разослалъ по разнымъ сторонамъ универсалы, гдѣ излагалъ причины, побудившія его отступить отъ царя и искать покровительства шведскаго короля ¹¹⁾. Причины къ такому поступку намъ извѣстны по опроверженіямъ, написаннымъ противъ нихъ въ универсалѣ Скоропадскаго отъ 8 декабря ¹²⁾. Мазепа писалъ, что Москва, издавна ненавистная малороссійскому народу, постоянно замышляла приводить его къ гибели, а въ послѣднее время хотѣла, опустошивши города, села, выгнать малороссіянъ на селитьбу въ Московщину *): благопріятели, бывшіе при царскомъ дворѣ, предостерегли гетмана о такихъ намѣреніяхъ, иначе его взяли бы въ неволю со всѣми генеральными старшинами, козаковъ обратили бы въ драгуны, все посольство перевели за Волгу, а малороссійскій край заселили бы своими великороссійскими людьми. Мазепа выставлялъ вступленіе въ Украину Меншикова и Голицына дурнымъ замысломъ надъ малороссіянами, хотя всѣмъ генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ хорошо было извѣстно, что такое вступленіе великороссійскихъ войскъ совершилось по его же ходатайству, для предотвращенія бунтовъ, о которыхъ онъ доносилъ правительству ложно, какъ выражается въ своемъ универсалѣ Скоропадскій. Въ добавокъ, въ числѣ причинъ приводилъ Мазепа и то, что шведы одерживали успѣхи надъ царскими войсками, а послѣдніе бѣжали **). Собственно говоря, это послѣднее, т. е. вѣра въ могущество шведскаго короля и

¹¹⁾ Ibid.

¹²⁾ Чт. М. О. И. в Др. 1859 г., т. I, стр. 197—205.—Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 108.

*) ...Москва хочетъ города зничивши, его всю старшину енералную и полковниковъ въ неволю запровадити, козаковъ въ драгуны и солдаты устроить, народъ зась посполитый въ Московщину альбо за Волгу загонати, а нашъ край великороссійскими людьми осадити.

**) ...же войска московскіе не военные и отъ шведа утѣкаючіи.

въ слабость московской державы предъ побѣдоноснымъ сѣвернымъ героемъ, и было настоящею и единственною причиною измѣны: Мазепа привыкъ всю жизнь соразмѣрять свои поступки съ тѣмъ, что казалось ему выгодно въ данную минуту, и здѣсь остался вѣренъ самому себѣ. Не трудно было Скоропадскому опровергнуть обвиненія противъ царя и великороссіянъ вообще: самые близкіе къ Мазепѣ люди не вѣрили въ правдивость того, что онъ тогда выдумывалъ *).

Не ограничиваясь общими универсалами, рассылаемыми чрезъ своихъ агентовъ повсюду, Мазепа посылалъ и особыя письма къ начальствующимъ лицамъ. Полковникъ полтавскій Левенецъ, котораго долго подозрѣвали въ склонности къ замысламъ Мазепы, отвѣчая канцлеру Головкину на его приглашеніе прибыть въ Глуховъ, препроводилъ къ нему Мазепины письма, но не успѣлъ схватить того, кто ихъ привозилъ **). Въ письмѣ, посланномъ къ запорожцамъ, Мазепа увѣрялъ, что передался шведскому королю ради защиты Украины отъ московской тираниіи ***), и убѣждалъ запорожцевъ пристать къ нему и постараться искоренить построенные близъ Сѣчи московскіе городки ****).

Нѣжинъ находился во власти великорусскаго войска; крѣпость нѣжинская была пунктомъ власти царской надъ окрестнымъ краемъ и Головкинъ туда велѣлъ отправить жену Мазепина управителя Быстрицкаго, схваченную на дорогѣ ¹³⁾. Нѣ-

*) ... а что онъ Мазепа въ тѣхъ же своихъ универсалахъ велѣлъ приложить, будто онъ отъ злыныхъ собѣ отъ министровъ царскаго величества пріятелей мѣлъ перестроги, то я вашей святинѣ подъ клятвою душевною объявляю, что жаденъ зъ министровъ, ани о измѣнѣ Мазепы не вѣдалъ, ани его ни въ чомъ не перестерегалъ (Письмо Орлика).

***) ... заразъ послаемъ по всѣхъ сотниковъ полку моего и тѣ якъ придутъ и я зъ ними въ дорогу выберусь. А же сими днями зъ Сѣчи Запорожской прибувши посланецъ гетмана бывшого измѣнника Мазепы зъ листами подаль мнѣ оныя до рукъ, а самъ удалися до господы, по якого вгды послаемъ, хотячи его взяти до вязена, але вже его не знайшли, утеклъ; листы оныя послылаю не вѣдаючи що въ нихъ написано (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 68. Письмо Левенца отъ 10 ноября).

***)) ... ради защиты отъ Москвы, которая добрами въ городахъ украинскихъ своихъ людей осадити желаетъ, а нашимъ людямъ чиня не малыя кривды и здрѣства и знушенія, пожаковати и зрабовати и въ Москвитину загнати вѣчное тяжкое неключимое мучительство тщится (Арх. Ин. Дѣлъ 1078 г., № 91).

****)) ... абы для обороны отчины забиралися къ намъ постаравшися искоренити по близу будучіе Каменный Затонъ и Самарскіе городки (Ibid.).

¹³⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 68.

жинскій полковникъ Жураховскій былъ на царской сторонѣ. Желая удержать за собою Нѣжинскій полкъ, Мазепа писалъ къ веревѣвскому *) сотнику, побуждая его и козаковъ не слушаться московскихъ указовъ и обѣщая скорую помощь отъ шведовъ **).

И полковники, шедшіе съ шведскимъ войскомъ, разсылали отъ себя универсалы, возбуждая къ принятію Мазепина замысла. Такъ, миргородскій полковникъ Апостоль 16 ноября изъ Краснаго-Колядина ***) писалъ къ своему полка обозному Онисимовичу, извѣщая, что шведскія войска разставляются отъ Борзны до Ромна, самъ король будетъ имѣть пребываніе въ Ромнѣ, а обозный съ полковымъ судьей и со всѣми сотниками долженъ спѣшить на поклонъ къ гетману; тѣхъ же, которые будутъ шататься съ грамотами царя и новаго гетмана Скоропадскаго, велѣно ловить и приводить въ шведскій станъ ****).

*) Вереѣвка — большое мѣстечко Нѣжинскаго уѣзда, въ 12 вер. отъ Нѣжина, на почтовой дорогѣ въ Черниговъ.

**) Ознаймуемъ изъ головной всѣмъ намъ ворогъ Москва въ Нѣжинѣ застаючися повелѣваетъ вамъ своимъ указомъ и примушаетъ дѣле чтобъ есте ишли въ осаду до фортецы нѣжинской за чимъ предостерегаемъ васъ, а оразъ ишло и приказуемъ абысте жадныхъ московскихъ указовъ не слухали и на предести ихъ не склонялися и в осаду поманутой фортецы не ишли, же бисте в оной з головами и з худобами не пропали; егды жъ мы вскорѣ при помощи бо-жіей и при помощи его милости короля шведского з данными намъ от его милости войсками не тилько около той нѣжинской фортецы лечъ и около всѣхъ будучихъ в Малороссіи фортецъ московскихъ промыселъ чинити хочемъ. А вѣдаете вы всѣ тое, же и Москва, застаючися въ Нѣжинѣ, войскомъ не можетъ дати отсѣчь, понеже и сами къ своимъ границамъ отъ войскъ тыхъ уступаютъ, оставивши насъ и нашу Малую Россію безоборонною и безпомощною. И тое всѣмъ вамъ явно есть же тая нѣжинская фортеца московская дѣлому полку Нѣжинскому тяжкая на сердцѣ боляча. А такъ повторе предостерегаемъ и напоми-наемъ васъ абы сте жаднымъ московскимъ указамъ не повиновалися и в осаду в нѣжинской фортецѣ не сходилися, лечъ по прежнему на своихъ осѣдлостяхъ мѣшваючи были певни дѣлости. Региментарскимъ словомъ и христианскою совѣстію обладаеую (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 83).

***) Нинѣ село Конотопскаго уѣзда, въ 29 вер. отъ Конотона, при рѣкѣ Заруавной.

****) ... войска шведскіе почавши отъ Ворны всюды по городамъ и селамъ для защиты отчины нашей отъ наступленія московскаго ажь до самого Ромна поставлены на станціи, да и около Ромна въ полку Лубенскомъ стоятимуть; самъ zaś король его милость зъ добродіемъ его милостію паномъ гетманомъ въ Ромнѣ свою станцію имѣтимуть; завтряннаго дне дѣле 16 числа прибыти сподѣваемся з оттоль не бавлячися скоро к Гадачу ясневельможный панъ добродій съ 10.000 шведовъ поспѣшати будетъ. За чимъ многократно о неповѣреню жаднымъ плѣткамъ вашимъ милостямъ листовне упоминалисмо, такъ и теперъ упоминаемъ и ишло прекладаемъ абы сте прослухючи о поворотѣ реиментара где обрѣтатиметса и ажь скоро его милость до Гадача

16 ноября шведскій король выступилъ изъ Городищъ на Голени, откуда послалъ генерала Ямрота къ шедшимъ позади своимъ войскамъ, но казаки напали на него на дорогѣ и убили, въ добавокъ поиздѣвавшись надъ нимъ и надъ сопровождавшими его шведами, такъ что одинъ только шведскій воинъ, самъ раненый смертельно, былъ въ состояніи сообщить королю объ этомъ вѣсть ¹⁴⁾. Это было, такъ-сказать, первое заявленіе тѣхъ чувствованій, съ какими готовились малороссіяне принимать своихъ освободителей шведовъ.

17 ноября король былъ въ Дмитровкѣ ^{*)}, а 18 въ Ромнѣ ^{**)}.

На другой день, 19 ноября, Мазепа отправился къ Гадячу съ отрядомъ шведовъ подъ командой полковника Дальдорфа. Они овладѣли городомъ безпрепятственно. Мазепа оставилъ при Дальдорфѣ часть своихъ казаковъ, сдѣлавъ нѣкоторыя необходимыя распоряженія объ укрѣпленіи городка и отправился снова въ Ромень, чтобы находиться при королѣ.

Шведская армія расположилась отъ Ромна и Гадяча до Лохвицы и Прилукъ на разстояніи десяти и двѣнадцати миль вокругъ. Край этотъ былъ довольно заселенъ, сель и хуторовъ было много и въ началѣ все обѣщало шведамъ большое изобиліе; только малороссіяне, на первыхъ же порахъ, стали относиться къ нимъ такъ, что шведы начали сомнѣваться, едва ли въ этомъ краѣ будутъ они желанными гостями. Такъ, въ городкѣ Смѣломъ ^{***)} жители ни за что не хотѣли впустить шведовъ, которымъ отводились тамъ квартиры, и въ виду ихъ впустили отрядъ русскаго войска генерала Рена. Послѣ сраженія, которое было довольно кровопролитно и два шведскихъ полка потерпѣли поражение, Рень скоро удалился, а король послалъ съечь Смѣлое ¹⁵⁾. Русскія войска расположены были на рубежѣ Гетманщины и Слободской Украины. Царь былъ въ Лебединѣ,

---

прибудетъ, такъ заравъ ваша милость з январь судью и з панамъ сотниками для отдана поклону ясневельможному добродіеву пану гетману туды до Гадяча ѣдте, а если бы якіе мѣли з грамотою государскою и новаго гетмана Скоропадскаго пресмнкатися, теди таковыхъ ловѣте и до насъ ихъ пришлѣте. (Арх. Ин. Дѣл 1708 г., № 84).

¹⁴⁾ *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 162.

^{*)} Нынѣ село Конотопскаго уѣзда при рѣкѣ Ромнѣ, въ 44 вер. отъ Конотопа, на Либаво-Роменской жел. дорогѣ.

^{**)} Ромень, иначе Ромны, городъ Полтавской губ.

^{***)} Нынѣ большое мѣстечко Роменскаго уѣзда, при рѣкѣ Вышкнѣ, въ 26 вер. отъ Ромна.

¹⁵⁾ *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 166 и 167.

Меншиковъ въ Хоружевкѣ *). Въ срединѣ Гетманщины оставалось два отряда царскихъ войскъ: одинъ—въ Миргородѣ, другой—въ Нѣжинѣ.

Король распускалъ по Украинѣ свои универсалы, въ которыхъ увѣрялъ, что пришелъ избавить малороссіянъ отъ московскаго владычества**), и убѣждалъ народъ повиноваться гетману Мазепѣ, такъ какъ онъ вступилъ въ союзъ со шведами не по легкомыслію и не ради собственной корысти, а изъ желанія освободить свое отечество, и притомъ по настоящему прошенію и желанію первенствующихъ въ народѣ лицъ ***). Такой универсалъ, составленный въ подлинникѣ по-латыни Гермелиномъ и переведенный по-малорусски какимъ-нибудь мазепинцемъ (вѣроятно, Орликомъ), повторялся дважды и возбудилъ съ противной стороны царскій манифестъ, въ которомъ опровергались обвиненія, взводимыя царскимъ соперникомъ¹⁶⁾). Такъ, между двумя воюющими сторонами возникла въ нѣкоторомъ родѣ полемика манифестами, обращенными къ малороссійскому народу. И та и другая сторона хотѣла оправдать себя передъ этимъ народомъ и взвалить вины на противную сторону. Но, по признанію самихъ шведовъ, универсалы Карла и Мазепы со всѣми увѣреніями въ желаніи возстановить права и вольности народныя, погранныя московскою властію, дѣйствовали на малороссійскій народъ менѣе, чѣмъ царскіе манифесты и универсалы гетмана Скоропадскаго¹⁷⁾), потому что послѣдніе лучше сдѣйствовали на духъ народа, особенно увѣривши народъ, что въ дѣлахъ, найденныхъ у Мазепы во дворцѣ послѣ взятія Батурина, оказался договоръ бывшаго гетмана со Станиславомъ, по которому гетманъ отдавалъ Украину Польшѣ. Только тотчасъ за

*) Нынѣ село Роменскаго уѣзда, при рѣкѣ Гусѣ, въ 35 вер. отъ Ромна.

**) ... постановилисмо не токмо все насильство отъ тыхъ воздержати, котормы споконнѣ противъ насъ и войскъ нашихъ будутъ поступовати, лечь гетмана, Войско Запорожское и весь вародъ малороссійскій въ оборону нашу прияти, яко тежъ публичнымъ симъ универсаломъ же приналисмо оглашаемъ зъ тымъ намѣреніемъ яко его и ихъ отъ неправого и непризнанного московскаго панована при помощи божіей боронити хочемъ и поты охраняти и защицати обѣщаемъ, помы угѣсенный народъ лизвергни про московское до давнихъ своихъ не прійдетъ волностей (Арх. Ин. Дѣль 1708 г., № 114.—Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 206—212).

***) ... уставичнымъ прошеніемъ и побудкою первенствующихъ въ народѣ семъ, котормы набожно купно присагою вѣрность свою обовязали... (ibid)

¹⁶⁾ Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 215—221.

¹⁷⁾ Adlerfeld, нѣм. перев., ч. III, стр. 168.

прибытіемъ Мазепы съ королемъ въ Роменъ явились къ бывшему гетману по его зову сотники: лохвицкій, лукомскій, чигиринъ-дубровскій, пирятинскій, чернукскій и сѣнецкій—и Мазепа приказалъ имъ собрать на шведовъ съ Лубенскаго полка провіанта 24.000 воловъ, 40.000 свиней, 60.000 «осмачегъ» ржаной и 40.000 «осмачегъ» пшеничной муки. Не собрать этого было невозможно, потому что народъ бѣжалъ, а шведы, не дожидаясь что имъ дадутъ, сами стали по-непріятельски брать себѣ все, въ чемъ нуждались, и тѣмъ еще болѣе озлобляли противъ себя малороссіянъ. Лохвицкій сотникъ Яковъ Еременко, по приказанію шведскаго генерала Мейерфельда, стоявшаго въ Лохвицѣ съ четырьмя тысячами шведовъ, поѣхалъ для сбора запасовъ въ Сѣичи *)), а тамошній атаманъ препроводилъ его въ Серочинцы **) къ русскому генералу Волконскому, который отправилъ сотника въ Лебединъ въ главную квартиру на расправу ¹⁸⁾). Не многіе, однако, сотники подъ гнетомъ шведскихъ войскъ заявляли готовность повиноваться Мазепѣ; многіе сотники съ перваго раза отвергли его требованія, какъ, напримѣръ, въ Опошнѣ, Грунѣ, Ботельвѣ, и за то получили отъ Головкина похвалу за свою вѣрность ¹⁹⁾). Полтавскій полковникъ остался вѣренъ царю, хотя на него, какъ уже было выше сказано, и бросалось подозрѣніе. Сосѣдь его по полку, ахтырскій полковникъ Осиповъ, уже признанный вѣрнымъ человѣкомъ еще по Бочубеевскому дѣлу, писалъ Головкину, что полтавскій полковникъ Левенецъ не хочетъ повиноваться царской волѣ, не ѣдетъ въ Глуховъ и даже приказываетъ молиться въ церквахъ не за царя, а за шведскаго короля ²⁰⁾).

Однако, хотя Левенецъ и не поѣхалъ въ Глуховъ по зову Головкина, но ему за то не было преслѣдованія, такъ какъ онъ отговорился необходимостію находиться въ Полтавѣ, въ виду

*) Ншнѣ Сянча, мѣстечко Лохвицкаго уѣзда, при р. Сулицѣ.

***) Большое мѣстечко Миргородскаго уѣзда, при р. Псгѣ, въ 24 верстахъ отъ Миргорода.

¹⁸⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 54.

¹⁹⁾ Ibid, № 93.

²⁰⁾ Полтава издавна нестатечная и теперь з нею добра не сподѣватися. Сими недавними часи полковникъ збиралъ къ собѣ старшину, радились, чили ѣхати въ Глуховъ, и такъ полковникъ, чинячись болишимъ, самъ не поѣхалъ, а старшину хотъ лязъ чулемъ и хотѣли ѣхати, возбранилъ и повѣдалъ правѣ: кто къ намъ будетъ скорѣе, того мѣтимо за пана. И такъ то есть: бо тамъ знайдуться Мазепини и Орликовы пріатели, а Чуйкевичовъ рожоний братъ полковий писарь всему голова (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 101).

опасности отъ шведовъ, и добровольно, по приказанію генерала Волконскаго, впустилъ военныхъ великороссійскихъ людей въ Полтаву ²⁰⁾, а вслѣдъ затѣмъ возбуждалъ универсалами свой полкъ служить вѣрно царю и самъ привезъ въ Харьковъ заложниками своей вѣрности семью свою, отдавши своихъ сыновей въ тамошнее училище ²¹⁾. Самые запорожцы, впоследствии горячо предавшіеся Мазепѣ, на первыхъ порахъ не довѣрялись его подушеніямъ и допрашивались отъ него, какую судьбу готовить имъ гетманъ, отводя ихъ отъ русскаго царя *). Правобережная Украина еще хуже отнеслась къ гетману. Бѣлоцерковскій полковникъ Михайло Омельченко, несмотря на то, что Мазепа прежде ему покровительствовалъ, заявлялъ царю, что на правой сторонѣ Днѣпра всѣ козаки вѣрны законнымъ властямъ и ненавидятъ имя Мазепы, тѣмъ паче, что Мазепа въ этой сторонѣ обращалъ козаковъ въ мужиковъ и заставлялъ ихъ исполнять разныя панцины ²²⁾. Въ Чигиринѣ, въ Борсуни, въ Богуславѣ жители похватили Мазепиныхъ агентовъ, пріѣзжавшихъ туда съ возмутительными посланіями, и доставили ихъ въ Кіевъ. Тогда въ бѣлоцерковской крѣпости была забрана казна, которую туда заранѣе отправилъ для храненія Мазепа; другую не малую казну, принадлежавшую Мазепѣ, взялъ князь Голицынъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ ²³⁾. Царь издалъ манифестъ, которымъ повелѣвалъ отыскивать повсюду пожитки Мазепы и всѣмъ объявлять, гдѣ найдется что-либо принадлежавшее измѣннику: половина указаннаго обѣщалась указателю, «понеже измѣнникъ раздастъ свои пожитки единомышленникамъ для возмущенія народа» ²⁴⁾.

Мужики, возбуждаемые универсалами гетмана Скоропадскаго, стали составлять шайки и нападать на шведовъ; «и мы,—замѣчаетъ Адлерфельдъ,—неожиданно очутились въ необходимости постоянно драться, какъ съ непріятелями, съ жителями того края, куда мы вошли. Это сильно огорчало старика Мазепу, который пришелъ въ неописанную скорбь, когда услышалъ, что

²⁰⁾ Ibid., № 94.

²¹⁾ Госуд. Арх. Письма Меншикова.

²²⁾ ... хотимъ знати отдавшихся отъ царя московскаго, подъ кимъ будемъ жити и кого себѣ за зверхѣйшого пана мѣти (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 91).

²³⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 108.

²⁴⁾ *Русельманъ*, ч. III, стр. 56.

²⁵⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 109.

русскіе овладѣли въ Бѣлой Церкви его сокровищами, а онъ на нихъ возлагалъ надежды»²⁵⁾).

Изъ перешедшихъ уже на сторону шведовъ и находившихся въ станѣ шведскаго короля малороссіянъ стали являться охотники воспользоваться обѣщаніями прощенія и милости со стороны царя. 21 ноября изъ шведскаго стана ушли миргородскій полковникъ Апостолъ и генеральный хоружій Иванъ Сулима. За ними послѣдовали нѣкоторые другія лица, увлеченныя прежде надеждою на шведскаго короля. Адлерфельдъ говоритъ, что Мазепа приказалъ привезти ихъ семьи въ Роменъ и это было поводомъ къ побѣгу²⁶⁾. Но по нѣкоторымъ даннымъ оказывается, что они ушли съ тайнаго вѣдома самого Мазепы, который, уже разувѣрившись въ силѣ своего союзника, подумывалъ, какъ бы улизнуть отъ него и найти средства примириться съ царемъ. Онъ видѣлъ ясно, что обманулся въ расчетѣ и нѣтъ возможности привлечь къ своему замыслу малороссійскій народъ. 21-го ноября Апостолъ пріѣхалъ въ свою маетность Сорочинцы и тотчасъ написалъ къ Скоропадскому, просилъ ходатайствовать передъ царемъ о смягченіи царскаго гнѣва, увѣрялъ, что былъ завлеченъ Мазеною по собственному незнанію и долженъ былъ поневолѣ повиноваться ему, пока не предсталъ случай освободиться²⁷⁾).

Царь потребовалъ Апостола въ Лебединь, допустилъ его лично къ себѣ, принялъ чрезвычайно ласково, объявилъ ему, что за нимъ остаются его прежній чинъ и маетности, и обѣщалъ на будущее время царскія милости. Тогда Апостолъ сообщилъ государю тайное предложеніе Мазепы. Государь принялъ эту вѣсть съ веселымъ тономъ, но замѣтилъ, что это сомнительно, такъ какъ Мазепа не прислалъ съ Апостоломъ ничего письменнаго;

²⁵⁾ *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 168.—*Голицыны*: „Дѣянія Петра Великаго“, т. III, стр. 51 и 52.

²⁶⁾ *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 166.

²⁷⁾ ... абы его царское величество не мѣлъ на мене вѣрнаго подданнаго гнѣву и не похотѣлъ карати, же при измѣннику царскаго величества бывшему гетману до тыхъ часъ обавляемъ, понеже условне з онимъ зятягненъ будучи, жаднымъ способомъ не зможемъ свободитися и той его змѣнѣ, которая не явна намъ була сопротивитися. А либо самъ вельможность ваша естесь свѣдкомъ добре в якомъ мы оногo рикгорѣ и суровости всѣ зоставали. Яко теды з детивныхъ гвѣтъ монхъ вѣрне во всеиъ его царскому величеству служилемъ, такъ и до згону жита ного тому жъ монаршѣ въ непремѣнной вѣрности обѣзгуюся подъ владѣнемъ благоразумнымъ региментарства вашето (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 90).

впрочемъ, царь предоставилъ Головкину рассмотреть это предложеніе Мазепы. Канцлеръ позвалъ къ себѣ миргородскаго полковника и прежде всего привазалъ ему самому отъ себя присягнуть въ вѣрности, потомъ подвергъ секретному допросу и объясненію. Апостолъ сообщилъ, что, бывши съ Мазепою, видѣлъ у него привилегію Станислава Лещинскаго, въ которой обѣщались Украинѣ по окончаніи войны всѣ тѣ вольности, какими славились Польская Борода и Великое Княжество Литовское; Мазепа показывалъ ему и письма, полученные отъ великаго канцлера короннаго Яблоновскаго и Щуки подканцлера литовскаго, увѣряющія въ томъ, что привилегія Станислава будетъ утверждена сеймомъ, но ни съ привилегіи, ни съ писемъ Апостолъ не могъ составить списковъ *). вмѣстѣ съ тѣмъ Апостолъ сообщилъ, что изъ Бахмача Мазепа посылалъ къ королю Станиславу какого-то Нахимовича съ письмами отъ себя и отъ шведскаго короля, просилъ посѣщать въ Украину и обѣщалъ для его польскаго войска помѣщеніе въ трехъ полкахъ: Бѣвскомъ, Нѣжинскомъ и Переяславскомъ. Онъ, Апостолъ, слышалъ, что у непріятеля такой планъ: король шведскій пойдетъ на Москву, но подлинно неизвѣстно, черезъ какіе города, а Станиславъ—на слободскіе полки. Наконецъ,— что важнѣе всего,—миргородскій полковникъ сообщилъ, что Мазепа обѣщаетъ предать въ руки царя шведскаго короля съ значнѣйшими генералами, но просилъ непременно, чтобы договоръ съ нимъ о его безопасности гарантировали иностранные дворы, имъ указанные. Головкинъ нѣсколько затруднился относительно вопроса о гарантіи, но Апостолъ сразу сказалъ, со словъ Мазепы, что безъ этого условія ничего быть не можетъ. Тогда Головкинъ объявилъ, что согласны будутъ и на гарантію, но все еще не показывалъ къ этому дѣлу полнаго довѣрія и не позволялъ Апостолу давать письменный отвѣтъ Мазепѣ.

Черезъ нѣсколько дней явился къ Апостолу съ письмами отъ Мазепы циркульникъ, служившій у Войнаровскаго, и тогда Апо-

*) ... абы всюды по всей Украинѣ тотъ привилій былъ читанъ, а сеймомъ дальнимъ, якій потребовати бы мѣла Украина по уконченю войны, на все позволити обѣщано. Въ листѣ помянутыхъ (пановъ) подяковане до его жъ Мазепы за одозвъ той, который онъ писалъ до кроля, подаючи Украину поць ихъ власть и всакихъ правъ и вольностей о що тилько мѣли бѣ потребовати, Украина и все Войско Зап. нѣчого не отмовити обѣщано. Старалемя всякими способами жебы привиліе и листъ канцлера переписати собѣ, але не можемъ того доказати наветъ якого часу и чрезъ кого тоє принесено не показано и не освѣдчено (Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр 213).

столю писалъ Мазепѣ, — впрочемъ, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, — о принятіи его предложенія *). Спустя мало времени явился новый перебѣжчикъ изъ шведскаго стана, охотный полковникъ Игнатъ Бгалаганъ **), и принесъ отъ Мазепы повтореніе преж-

*) ... и хотя на всѣ кондиціи предложенныя именемъ вашей яснелиможности соизволено отъ его царскаго величества, однако жъ о гарантіи не малая трудность являлась. Но какъ отъ меня предложено, что жадною мѣрою безъ того быть не можетъ, то и на то соизволено, только твержено о исполненіи съ вашей стороны (ibid. Письмо Апостола къ Мазепѣ).

**) Любопытныя подробности появленія Бгалагана передъ царемъ изложены въ гѣтописномъ повѣствованіи Ригельмана, едмшавшаго ихъ отъ самого Бгалагана, жившаго въ глубокой старости въ Прилукахъ въ 1745 году. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Бгалаганъ, ушедши изъ шведскаго стана съ своими компанейцами, успѣлъ нанастъ на шведскихъ драбантовъ и привелъ къ царю ихъ плѣнными въ числѣ шестидесяти, какъ доказательство своей искренности. Подходя къ мѣсту, гдѣ онъ долженъ былъ представиться государю, Бгалаганъ обросилъ съ себя саблю, а увидавши царя, упалъ на колѣни, просилъ прощенія и милости, отдавая себя и своихъ козаковъ въ волю государя. Петръ, посмотрѣвши на него пристально, сказалъ:

— Бгалаганъ, ты измѣнилъ мнѣ вмѣстѣ съ Мазепомъ?

— Нѣтъ, государь, — отвѣчалъ Бгалаганъ.

— Однако ты съ нимъ убѣжалъ? — возразилъ Петръ.

— Не бѣжалъ я съ нимъ, — сказалъ Бгалаганъ: — намъ было сказано, что по царскому указу ведутъ насъ противъ шведовъ: когда мы уже подошли близко къ шведамъ, Мазепа объявилъ намъ тогда, что предался королю съ тѣмъ, чтобъ отбѣжать отъ Россіи и оставаться вольными отъ всѣхъ монарховъ народомъ подъ его, Мазепинимъ, правленіемъ. Нѣкоторые бывшіе тамъ козаки разбѣжались, но меня съ моимъ полкомъ, какъ и другихъ, Мазепа взялъ за собою. Уйти отъ силы непріятельской было невозможно, и я рѣшился отдаться на волю судьбы и дожидаться времени, когда можно будетъ освободиться. Король шведскій принялъ насъ всѣхъ ласково и милостиво и приказалъ помѣстить внутри лагеря. На третій день я упросилъ Мазепу исходатайствовать намъ дозволеніе, ради продовольствія лошадей, расположиться не въ шведскомъ станѣ, а особо. Боролю съ тѣхъ поръ посылаеъ насъ на поиски и разъѣзды, обязавши присягою не подумать объ измѣнѣ ему. Но я хотя и обѣщалъ ему служить, а въ мысляхъ своихъ держалъ, что не ему, а своему государю обязанъ присягою прежде. И вотъ, когда мы стали совсѣмъ на свободѣ, мы отправились какъ будто на разъѣзды, нечаянно напали вотъ на этихъ шведскихъ драбантовъ, которые, не опасаясь насъ, какъ своихъ людей, были оплошны. Мы окружили ихъ, взяли со всею аммуниціею, поскакали въ путь свой и теперь отдаемъ ихъ и себя въ волю вашего царскаго величества. Дозвольте намъ, государь, быть такими же вѣрными слугами вашими, какими были мы прежде.

— Смотри, Бгалаганъ, не сдѣлай со мною такой штуки, какъ съ Карломъ! — сказалъ Петръ.

— Государь, — отвѣчалъ Бгалаганъ, — развѣ понесу къ нему свою голову за этихъ взятыхъ его драбантовъ? Вотъ вамъ, государь, эти шведы въ залогъ нашей вѣрности.

Петръ объявилъ Бгалагану прощеніе и приказалъ ему съ своими компанейцами дѣлать разъѣзды и конить непріятельскихъ азыковъ. Бгалагану такъ повезло, что онъ поймалъ и привелъ въ главную царскую квартиру шведскихъ

няго предложенія. Тогда уже Головкинъ написалъ Мазепѣ, что государь изъявляетъ полное согласіе на его предложеніе съ тѣмъ, чтобъ онъ постарался «добыть главнѣйшую особу», или по крайней мѣрѣ другихъ знатныхъ особъ *).

Апостоль былъ обдаренъ очень щедро. Ему, черезъ гетманскій универсалъ, не только возвратили всѣ прежнія маетности **), но придали еще новыя во вниманіе къ ущербу, понесенному отъ непріятельскаго вторженія ***). И Апостоль, и его товарищи, возвратившіеся изъ шведскаго стана, подписались «на выборѣ» гетмана Скоропадскаго заурядъ съ участвовавшими при избраніи 27).

курьеровъ съ письмами, а потомъ захватилъ обозъ, слѣдовавшій изъ Польши къ шведской арміи съ аммунициею и денежною казною. Царь милостиво пожаловалъ отнятую денежную казну Кгалагану съ его полкомъ, какъ ихъ военную добычу.

*) Ясновельможный господинъ! Доношеніе ваше чрезъ господина полковника миргородскаго его царскому величеству донесено, которой, видя ваше доброе намѣреніе и обращеніе, принялъ то милостиво и повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать съ крѣпчайшимъ обнадеживаніемъ, что ежели вы въ томъ пребываете и начатое намѣреніе свое во исполненіе привести потрудитесь, то не токмо что вашу милость въ прежній урядъ и свою милость принять, но оную къ вамъ умножить изволить, и на тѣ кондиціи чрезъ поманутаго г. полковника предложенныя соизволимъ и гарантеровъ желанныхъ отъ васъ для содержанія той амнистіи принимаетъ (хотя только надлежитъ вашей милости постараться, дабы о извѣстной главнѣйшей особѣ, по предложенію своему, безопаснѣйшимъ образомъ постараться; буде же о самой той особѣ и невозможно, то хотя бы о протчихъ знатнѣйшихъ то учинити по предложенію; а удобно то учиниться можетъ, понеже наши войска въ близости отсюда въ мѣстечкѣ Веерикѣ обрѣтаются въ готовности, куда и убѣжище безопасное можетъ отъ нихъ воспріято быть съ тѣми особами). Отвѣту же вашей милости на то предложеніе, съ господиномъ полковникомъ миргородскимъ посланное по се число не было того ради, понеже сумнѣвались истинноль то; но понеже царское величество изъ присылки сюда отъ васъ полковника компанійскаго Кгалагана съ полкомъ и изъ устнаго его доношенія отъ вашей милости ему приказавшаго истину того дѣла призналъ, того ради повелѣлъ мнѣ съ крѣпкимъ обнадеживаніемъ милости своей къ вамъ писать. Впрочемъ ссылаюся на письмо г. полковника миргородскаго, не смѣя болѣе и перу повѣрить и не вѣдая имѣеть ли ваша милость при себѣ съ нами учиненную цифирь которую на удачу въ семь письмѣ написалъ Головкинъ. Изъ Лебедина. Декабря въ 22 день 1708 г. (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 120).

Слова заключенныя въ скобкахъ въ подлинникѣ писаны условною азбукою, которая прежде употреблялась въ сношеніяхъ съ Мазепою по секретнымъ дѣламъ.

Примч. автора.

***) Собственныя его села и деревни: Крыловъ, Хомутецъ, Сакумовку, Савинцы, Поповку, Перевозъ, Хведоровку, Чухоравовку, Вергуни, Овдѣевку въ Миргородскомъ полку.

***) Села: Шаболтасовку, Хлопянево, Лузини, на р. Обѣдѣ стоячіе во владѣніе и zupełное подданство (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 110).

27) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. 1, стр. 181.

Въ какой степени давалась вѣра не только предложенію Мазепы, но даже искренности самыхъ тѣхъ лицъ, которыя словесно передавали это предложеніе,—мы не знаемъ, но политика царя, сообразно тогдашнимъ нравамъ, не пренебрегала никакими случайностями, когда онѣ являлись и могли отнять у непріятеля надежду на дальнѣйшій успѣхъ. Предположеніе о примиреніи съ Мазепою не состоялось. Понятно, что со стороны Мазепы оно никакъ не могло быть искреннимъ; оно дѣлалось человѣкомъ способнымъ всѣхъ и каждого обманывать и обращаться на всякую сторону, когда того требуютъ будутъ обстоятельства. Затѣвая сношенія съ царемъ и показывая готовность предать своего новаго союзника, Мазепа, однако, не знала, какъ посмотреть рускіе на его предложеніе, и продолжала дѣйствовать въ пользу Карла, такъ точно, какъ онъ прежде работалъ и дѣйствовалъ въ пользу Петра, когда изподтишка велъ во вредъ Петру сношенія съ Карломъ. Еще не получая никакого извѣстія отъ миргородскаго полковника, 5 декабря Мазепа отправилъ роменскаго жителя Оескѣ Хлюса съ письмомъ къ Станиславу Лещинскому, въ которомъ вторично убѣждалъ его послѣдить съ войскомъ для взаимнаго дѣйствія оружіемъ противъ «Москвы», которая своими грамотами возбуждаетъ простой народъ въ Украинѣ *). Но посланецъ Мазепы былъ задержанъ въ Лисянкѣ и препровожденъ къ Бѣевъ; тамъ у него вынули собственноручное письмо Мазепы съ его печатью и отправили къ Петру, а Петръ приказалъ передать его Скоропадскому, для того чтобъ обнародовать въ переводѣ **), въ обличеніе лживости Мазепы, который увѣрялъ

*) *Najiaśniejszy Miłościwy Królu, Panie mój miłościwy! Już to powtórny list cum expressione paddańskiej moiey subiectey do W. Królewskiej Mści adresując wątpiąc iesli mógł pierwszy in hoc turbido rerum statu suum adire Corinthum. A iakom w tamtym effuso corde et publico całej Ukrainy voto pokornie prosit Waszey Kr. Mści abyś ad salvandam haereditatem suam victricem raczył movere manum tak y teraz geminată prece toż samo powtarzam y expectans expecto szczęśliwego y prętkiego Waszey Kr. Mości przybycia żebyśmy mogli unitis armis et animis nieprzyacielskiej Moskiewskiej impresy in herba sopire draconem, teraz naybardziej kiedy Moskwa zaczęła Hgramotami swemi prosty fomentować naród y civile wyrabiać bellum, y lubo go ieszcze żadney nie mamy apparenicy jednak te iakierki suppositas cineri dołoso zawczasu by trzeba gasić żeby ztąd in publicum damnum iakowe nie wybuchnęły incendia dla czego tanquam patres in lymbo oczekiwamy przyyścia Wszy Kr. Mści iako salvatora naszego y suplikując o te pokornie całuję mille basis waleczną Jego rękę. Waszey Królewskiej Mości pana mego miłościwego wierny poddany y sluga nauyniwszy Jan Mazepa Hetman. (Арх. Ин. Дѣл. Подлинник).*

***) Малороссійскій переводъ письма Мазепы: „...Дѣкъ въ прежнемъ листу все-

соотечественниковъ, будто отступилъ отъ царя затѣмъ, чтобы малороссійскій край былъ независимъ и не находился ни подъ царскою, ни подъ польскою властію, на самомъ же дѣлѣ въ своемъ письмѣ обличаетъ себя, именуя себя подданнымъ Лещинскаго, а Украинну называетъ его наслѣдіемъ и тѣмъ поназываетъ, что у него было намѣреніе предать малороссійскій народъ подъ польское иго*). Кроме того, былъ схваченъ въ селѣ Коренцѣ, близъ Глухова, посланный Мазепою козака Грицько Пархоменко. Онъ показавъ, что посланъ Мазепою съ письмами къ черниговскому архіепископу и къ князю Четвертинскому и отдалъ имъ эти письма. Когда его подвергли пыткѣ, то онъ сознался, что ходилъ волновать народъ, а писемъ никакихъ съ нимъ не было, только Мазепа приказалъ ему разглашать о такихъ письмахъ, чтобы лицъ, не сочувствующихъ его замысламъ, привести въ подозрѣніе и немилость у государя. И это событіе, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о перехваченномъ письмѣ Мазепы къ Станиславу, царь огласилъ въ своемъ манифестѣ, чтобы внушить въ народѣ омерзѣніе къ злобѣ и коварству бывшего гетмана **).

Станиславъ Лещинскій конечно не получилъ письма Мазепы, доставшагося Петру, но вѣрилъ ему и заохочивалъ своихъ по-

---

усерднымъ желаніемъ и общимъ всей Украинны согласіемъ смиренно просимъ вашей королевской милости, абы для избавленія дѣдизны своей крѣпкую и незвитязоную руку простерти извоилъ, такъ и сего часу повторнымъ прошеніемъ сіежь едино повторяю и все глядаючи чекаю счастливого вашей королевской милости къ намъ прибытія, да возможемъ соединеннымъ оружіемъ и единоумсліемъ непріятельскую московскую силу во способное побѣдѣти время, а найпаче теперь, когда Москва зачала грамотами своими простѣи побужати народъ и съ согражданы творити брань, и аще по сіе время отъ неи не узналисьмо свѣдетельства, еднакъ же тые малые искры въ пещелѣ утаенные завчасу бы треба угашати, а бы зъ оныхъ на общую всѣхъ шквду великыи не учинились огнѣ. Того ради, аки овцы на кровѣ (далѣе по нечоткости разобрать было трудно)..... ожидаемъ пришествія вашей королевской милости аки избавителя и прося о томъ покорно лобзаю тысячекратно непобѣдимую вашу десницу. В. вр. мил. моего милостивого пана вѣрній подданный и слуга низжайшій. Янъ Мазепа гетманъ (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 102).

*) ... и потому явно съ какою совѣстію оный богомерзкій измѣнникъ предаетъ себя Всевышняго суду, будто оный измѣну свою учинилъ для пользы Малороссійскаго края и содержанія вольностей и чтобы имъ будто ни подъ нашею ни подъ польскою властію не быть, но особливо свободными остатися; а вынѣ, по тѣмъ его богоотступнаго измѣнника письмамъ, явилась явная ложь и предательство подъ польское иго малороссійскаго народу (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 102.—Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 194—196.—*Вант. Камел.*: „Исторія Малой Россіи“, изд. 1-е, т. IV, стр. 175—178).

**) Арх. Ин. Дѣлъ 1709 г., январь. Манифестъ Петра.

ляковъ, указывая на примѣръ Мазепы, какъ на доблестный подвигъ достойный подражанія *)).

И такъ, затѣвая устроить путь къ примиренію съ царемъ, Мазепа самъ себя испортилъ этотъ путь. Само собою разумѣется, царь, получивши въ руки доказательство, что Мазепа не оставляетъ своей измѣны, не хотѣлъ болѣе вести съ нимъ сношенія. Но и шведы, послѣ побѣга миргородскаго полковника, стали недовѣрять [малороссіянамъ: такъ показывали лица одно за другимъ появлявшіяся въ русскомъ станѣ и бывшія передъ тѣмъ въ Ромнѣ. За Апостоломъ хотѣлъ было уйти лубенскій полковникъ Зеленскій, но шведы провѣдали о его замыслѣ и поставили во дворѣ его караулъ въ 50 человекъ: одни стояли у воротъ, другіе въ сѣняхъ, а третьи въ домѣ. Въ такой тѣснотѣ держали Зеленскаго, пока прибыла въ Ромень его жена, и только тогда ему стало льготнѣе. Генеральный асаулъ Максимовичъ также находился подъ стражей за то, что хотѣлъ, какъ говорили, писать письмо къ царю. И за другими старшинами устроенъ былъ караулъ по два человека шведскихъ солдатъ за каждымъ. Болѣе довѣрія стали оказывать старшинамъ только тогда, когда ихъ жены пріѣхали къ нимъ, но все-таки и послѣ того шведы наблюдали надъ тѣми и другими и не дозволяли разомъ выходить изъ дома мужьямъ съ женами. У Мазепы стоялъ всегда неотступно почетный караулъ, какъ будто ради чести, а въ сущности за нимъ присматривали. Главную силу Мазепы составляли компанейцы, которыхъ у полковника Кожухова было 500, а у полковника Андриаша 150 человекъ. Изъ старшинъ близки были тогда къ Мазепѣ: Орликъ, Чуйкевичъ, Ломиковскій и Горленко; прочіе держались съ нимъ на благородной дистанціи. Самъ Мазепа, воротившись изъ похода къ Гадячу, постоянно болѣлъ и лежалъ въ постелѣ, обложившись пластырями. Недовѣріе шведовъ къ козацкимъ старшинамъ прекратилось только тогда, когда окончился срокъ, положенный царемъ для амнистіи, но и то несовершенно. Такимъ образомъ, еслибы царь имѣлъ поводъ возобно-

*) ... ponimus ad oculos dignum aeviterna laude et gloria ducem Zaporoviensem Mazeppam qui primus misertus patriae subdens se in nomen nostrum cum gente et terra sua priusque vias justitiae ingressus restituendo aliena antequam exercitus Kwarcianorum stipendiario titulo una cum ductoribus suis eat in leges debiti tam custodiendi quam recuperandi proprios limites. Quis non putaret tam praeclarum externorum exemplum aliis additurum alas ad festinandum eo quo tota se offert Ukraina et ecce signa militaria audimus Cracoviam versus dividi loco Kijoviae vel Ukrainae (*Zeluski*: „Epis. Hist. Fam.“, t. III, p. 867).

вить начавшіеся-было переговоры съ Мазепкою, то уже самъ Мазепа мало имѣлъ возможности не только оказать царю обѣщанную услугу, но даже и вести дальнѣйшіе секретные переговоры съ Головкинымъ ²⁹⁾.

Съ половины декабря открылись постоянно и надолго военныя дѣйствія между русскими и шведами. Въ Лебединѣ, въ главной царской квартирѣ, собирався военный совѣтъ и составилъ планъ выгнать шведскаго короля изъ Ромна. Для этого прежде положили сдѣлать нападеніе на Гадячъ—передовой пунктъ шведовъ; надѣялись выманить туда короля, рассчитывая, что съ своимъ горячимъ характеромъ онъ не утерпитъ, чтобы не пойти на выручку своимъ, а тѣмъ временемъ, какъ онъ выйдетъ изъ Ромна, отправить туда другой русскій отрядъ и занять этотъ городъ. Уже вблизи отъ Гадяча и прежде стояло русское войско. Въ 12-ти верстахъ отъ Гадяча есть мѣстечко Веприкъ; въ оное время оно было укрѣпленнымъ городомъ. Послѣ занятія Гадяча шведами и мазепинцами, вооруженные малороссійскіе мужики, не желая повиноваться Мазепѣ и предпочитая служить царю, просили себѣ помощи отъ русскихъ ³⁰⁾. Къ нимъ пришелъ туда русскій гарнизонъ изъ 1.500 солдатъ ³¹⁾. По окрестнымъ селамъ и хуторамъ расположился отрядъ генерала Рена. Этому генералу поручено было взять Гадячъ, занятый непріателемъ. Шведы, какъ только услышали, что русскіе собираются напасть на Гадячъ, бросились туда изъ Ромна, и какъ только подошли къ Гадячу, русскіе, стоявшіе подъ нимъ, ушли, успѣвши однако зажечь предмѣстье, и это не осталось безъ большаго вреда для шведовъ: они потеряли возможность имѣть тамъ помѣщеніе въ домахъ, а въ это время наступали жестокіе морозы.

Между тѣмъ, пользуясь удаленіемъ шведовъ, русскій генералъ Алартъ пошелъ на Ромень. Планъ, составленный заранѣе въ Лебединѣ, удался; шведскаго войска въ Ромнѣ не было и ночью, на 18 декабря, русскіе безпрепятственно вошли въ Ромень. Мазепа за два часа до прихода русскихъ убѣжалъ изъ Ромна и едва-было не попался въ плѣнъ. Роменскіе жители,—говоритъ современникъ ³²⁾),—обрадовались, но ихъ радость тотчасъ же обратилась въ печаль: солдаты стали грабить и безчинство-

²⁹⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 54. Бумаги чиселъ декабря: 8, 13, 18 и 19.

³⁰⁾ Nordberg, франц. пер., ч. II, стр. 263.

³¹⁾ Голуковъ: „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 54.

³²⁾ Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8. Письмо А. И. Ушакова.

вать, а ихъ командиры не достаточно укрощали ихъ и допустили безъ нужды сечь мѣстечко и пригородныя села. Впослѣдствіи Петръ, по поводу этого событія, посылалъ туда нарочно производить слѣдствіе и наказать виновныхъ ³³).

Между тѣмъ, потерявши Роменъ, Карлъ уже не воротился туда, но рѣшился оставить часть войска въ Гадячъ, а съ другою идти далѣе. Едва онъ дошелъ до селенія Красная Лука ³⁴), какъ настала такая ужасная стужа, что невозможно было слѣдовать далѣе. Часть войска воротилась въ Гадячъ, но тамъ не доставало помѣщенія. Городъ былъ самъ по себѣ не великъ, а тутъ еще русскіе недавно сожгли цѣлую треть его и многіе шведы принуждены были проводить ночи на снѣгу на открытомъ воздухѣ за недостаткомъ хатъ ³⁴).

По общему свидѣтельству современниковъ, въ эту зиму по всей Европѣ была ужасная стужа. Въ Швеціи снѣжные сугробы до такой степени были высоки, что захватили въ себя деревья до самыхъ вершинъ; все Балтійское море стояло покрытое льдомъ; въ озерахъ вода замерзла до самаго дна. Въ средней Европѣ погибли всѣ плодовые деревья; даже въ Италіи и Испаніи, гдѣ обыватели никогда не видывали льда на рѣкахъ, теперь замерзли рѣки и болота и земля очень глубоко промерзла. Въ открытыхъ украинскихъ равнинахъ морозы были тѣмъ нестерпимѣе, что тамъ свирѣпствовали бури и вьюги. Птицы падали на-лету; повсюду валялось множество замерзшихъ дикихъ животныхъ. Снѣга нападали такъ изобильно, что за непроѣздными сугробами прекращались сообщенія между жилыми мѣстностями. Тогда отъ трехъ до четырехъ тысячъ шведскихъ воиновъ погибло отъ невыносимой стужи. Конные окоченѣвали сидя верхомъ на лошадяхъ, пѣхотинцы примерзали къ деревьямъ или повозкамъ, на которые облакачивались въ послѣднія минуты борьбы со смертію. Самъ король приморозилъ себѣ носъ и долженъ былъ долго тереть его, пока не возбудилъ правильнаго кровообращенія. Иные шведскіе солдаты думали согрѣться водкою, которой было большое изобиліе въ малорусскомъ краѣ, но водка имъ не помогала: при ея содѣйствіи они только скорѣе дѣлались добычею смерти. Городъ Гадячъ обратился въ лазаретъ, такъ какъ туда при возможности тащили полуживыхъ отъ холода;

³³) Ibidem, № 9.

³⁴) Село Гадацкаго уѣзда, при р. Груни, въ 7 вер. отъ Гадача.

³⁴) Nordberg, франц. перев., ч. II, стр. 263.

изъ домовъ слышались раздирающіе крики больныхъ, которымъ хирурги отпиливали отмороженные члены, а передъ домами валялись куски отрубленныхъ человѣческихъ членовъ и между ними ползали еще живые, но обезумѣвшіе отъ боли и отчаянія калѣки²⁵⁾. Но неутомимый шведскій король не хотѣлъ терять времени: 27 декабря онъ двинулся къ Вепригу и хотѣлъ во что бы то ни стало взять его. Осажденные стали обороняться отчаянно. Комендантъ Веприка не хотѣлъ сдаваться, несмотря ни на какія убѣжденія и угрозы; между тѣмъ морозъ не ослабѣвалъ, мерзли волы и лошади, погибали бѣдные солдаты, оставаясь на открытомъ воздухѣ, такъ какъ не всѣмъ удалось подѣлать себѣ изъ соломы шалаши, гдѣ можно было спрятаться, хотя собственно и такая защита представляла мало надежды на спасеніе. Раздосадованные упорствомъ коменданта, шведскіе генералы кричали, что, взявши городокъ, непрежѣнно слѣдуетъ коменданта повѣсить. Король принялъ сторону своего генераль-квартирмейстера Гилленпрока, который доказывалъ своимъ товарищамъ, что, напротивъ, этотъ комендантъ достоинъ уваженія, потому что свято исполняетъ долгъ присяги своему государю. 30 декабря шведы отступили и пошли къ Зенькову. Тамъ засѣли вооруженные мужики, не хотѣвшіе впускать къ себѣ ни шведовъ, ни русскихъ: они были постоянно пьяны и горячились. Но городокъ Зеньковъ былъ угрѣпленъ худо: валъ былъ не высокъ, ровъ не глубокъ. Вся городская стѣна состояла изъ деревяннаго частокола. Шведы зажгли подгороднее село и бросились разбивать городскія ворота. Тогда осажденные сдались на милость побѣдителя.

Въ Зеньковѣ Карлъ встрѣтилъ новый 1709 годъ. Морозъ по прежнему былъ жестокъ, но Вепригъ не выходилъ изъ ума у короля. Когда, наконецъ, морозъ сталъ ослабѣвать, 6 января король снова явился подъ Веприкомъ и опять послалъ къ коменданту убѣжденіе сдаться, а въ случаѣ сопротивленія грозилъ всѣхъ истребить безъ пощады. Комендантъ отвѣчалъ въ почтительномъ тонѣ, что онъ, сообразно волѣ своего государя, будетъ защищаться до послѣднихъ силъ, но надѣется, что король, уважающій мужество своихъ воиновъ, оцѣнитъ это качество и у враговъ, если возьметъ крѣпость послѣ упорнаго сопротивленія. Пользуясь ослабленіемъ мороза, комендантъ приказалъ полить городскіе валы водою, такъ что они покрылись ледяною корою; ворота были завалены.

²⁵⁾ *Fryxel*, вѣм. пер., ч. I, стр. 139.

7 января, въ полдень, шведы начали приступъ. Они приставляли лѣстницы, думая взобраться до гребня вала, окаймлявшаго Веприкъ, но осажденные поражали ихъ и выстрѣлами, и камнями, и лили на нихъ кипятокъ; шведскія ядра отскакивали отъ оледенѣвшаго вала и наносили вредъ самимъ шведамъ. Вечеромъ король приказалъ прекратить приступъ, еще разъ послалъ коменданту предложеніе сдаться, обѣщавъ оставить плѣннымъ все ихъ имущество, но замѣчалъ, что крѣпость не можетъ быть невзятою, когда придетъ болѣе войска и тогда, во время новаго приступа, никого не оставить въ живыхъ ³⁶⁾). Комендантъ согласился сдаться. Отворили ворота. Вошли шведы и взяли въ плѣнъ 1.400 русскихъ и 400 малороссіянъ; у нихъ были только четыре пушки ³⁷⁾). Коменданта, родомъ шотландца, Карлъ принялъ ласково и оставилъ ему шпагу ³⁸⁾). Плѣнный гарнизонъ былъ отправленъ въ Зеньковъ, много плѣнныхъ погибло отъ мороза, а прибывшіе въ Зеньковъ получали хорошее содержаніе и ходили почти на свободѣ. Каждому изъ нихъ король выдалъ по десять золотыхъ польскихъ. Веприкъ, по королевскому приказанію, былъ сожженъ маіоромъ Вильдемеромъ. Всѣ малороссіяне обоего пола были пущены на свободу по настоянію Мазепы ³⁹⁾).

Съ этихъ поръ король, лишившись Ромна, которымъ овладѣли русскіе, заложилъ свою главную квартиру въ Зеньковѣ. Войско размѣстилось по окрестностямъ; генералъ Спарре съ шестью пѣхотными полками стоялъ въ Лютенкѣ *); весь обозъ съ канцеляріею находился въ Гадячѣ. Съ нимъ вмѣстѣ былъ и Мазепа. 13 января они перешли въ Зеньковъ. Побывавшіе въ шведскомъ станѣ говорили, что неизвестно почему Мазепу и въ Зеньковѣ постоянно сопровождалъ шведскій караулъ, тогда какъ взятымъ въ плѣнъ русскимъ въ Веприкѣ дозволялось ходить всюду безъ караула. Была надежда прибытія короля Станислава съ поляками своей партіи; уже русское войско, подъ начальствомъ генерала Гольца, послано было препятствовать королю Станиславу соединиться со шведами. Но противъ Гольца стоялъ въ Лохвицѣ шведскій генералъ Крейцъ; Прилуки также были еще заняты шведами ⁴⁰⁾).

³⁶⁾ Ibid., стр. 142.

³⁷⁾ Nordberg, франц. пер., ч. II, стр. 263.

³⁸⁾ Ibid., стр. 261.

³⁹⁾ Ibid., стр. 263.—Adlerfeld, нѣм. пер., ч. III, стр. 79—182.

*) Большое мѣстечко Гадячскаго уѣзда, при рѣкѣ Лютенкѣ, въ 24 верстахъ отъ Гадяча.

⁴⁰⁾ Adlerfeld, нѣм. пер., ч. III, стр. 183.

Карлъ, не дождавшись Станислава, считалъ важнѣйшимъ дѣломъ выгнать русскія войска изъ Гетманщины и перенести войну за ея предѣлы. Графъ Пиперъ, всегда разсудительный и осторожный, а потому часто расхोдившійся въ планахъ съ пылкимъ и задорнымъ королемъ, совѣтовалъ, напротивъ, удалиться за Днѣпръ и открыть сообщеніе съ поляками Станиславовой партіи. «Черезъ это,—говорилъ онъ,—король умножилъ бы свои силы, тогда какъ теперь въ чужой странѣ, отрѣзанные отъ Швеціи, онѣ безпрестанно умаляются и отнюдь не пополняются». Нѣтъ,—отвѣчалъ Карлъ,—отступление за Днѣпръ походило бы на бѣгство; непріятель станетъ упорнѣе и высокомернѣе. Мы прежде выгонимъ изъ козацкой земли русскихъ, укрѣпимъ за собою Полтаву, а между тѣмъ наступитъ лѣто и тогда оно покажетъ намъ, куда направляться ⁴¹⁾. Мазепа со всѣхъ силъ старался удерживать короля въ Гетманщинѣ и отклонить отъ совѣта переходить за Днѣпръ. Это было естественно: переходъ на правую сторону Днѣпра показывалъ бы совершенное оставленіе той цѣли, съ какою Мазепа затянулъ короля въ Гетманщину, и его-то вліянію главнымъ образомъ приписывали современники возникшее у короля желаніе во что бы то ни стало выгнать русскихъ изъ Гетманщины и овладѣть Полтавою.

Въ ночь съ 27 на 28 января король съ двумя тысячами конницы отправился лѣсомъ къ Опошнѣ *), гдѣ стоялъ русскій генералъ Шаумбургъ съ шестью драгунскими полками, съ 600 гренадеровъ и съ 2.000 козаковъ. Шведы получили успѣхъ, овладѣли городкомъ Опошнею, взяли у русскихъ много багажа, захватили даже обѣдъ, приготовленный Шаумбургомъ для Меншикова, который прибылъ туда, выѣхавши изъ Ахтырки для обозрѣнія Полтавы: оба русскіе генерала едва успѣли уйти. Но изъ письма Меншикова къ царю отъ 29 января видно, что успѣхъ шведовъ былъ не продолжителенъ и русскіе тотчасъ же овладѣли Опошнею ⁴²⁾.

Карлъ изъ Опошни двинулся къ Хотельвѣ**). Русскіе отступили въ Ахтырку ⁴³⁾. Карлъ вступилъ въ Слободскую Украину

⁴¹⁾ Ibid.

*) Мѣстечко Зеньковского уѣзда, при рѣкѣ Ташани, въ 30 верстахъ отъ Зенькова.

⁴²⁾ Гос. Арх. Письма Меншикова.

***) Мѣстечко Ахтырскаго уѣзда.

⁴³⁾ *Adlerfeld*, франц. пер., ч. IV, стр. 414.

съ своими драбантами, съ семью или восемью кавалерійскими полками и съ полевой артиллеріей ⁴⁴⁾). Русскіе ждали, что король пойдетъ на Ахтырку, укрѣпили ахтырскій замокъ и сожгли предмѣстья, чтобы не дать непріятелю въ нихъ установиться. Но король двинулся на Красный Куть 11 февраля. Тамъ стоялъ генераль Шаумбургъ съ семью драгунскими полками. Послѣ перваго нападенія русскіе отступили къ Городницѣ ⁴⁵⁾). Шведскіе историки говорятъ, что русскіе убѣгали тогда въ галопъ и слодвижникъ Мазепы Герцигъ отличился передъ всѣми храбростію, убивши собственноручно до тридцати непріятельскихъ воиновъ ⁴⁶⁾). Полковникъ Дукертъ вогналъ бѣгущихъ русскихъ въ городъ; сдѣлалась давка, суматоха, рѣзня; лошади, оставленныя павшими воинами, метались и увеличивали беспорядокъ; русскіе падали на землю, притворяясь мертвыми, чтобы снова встать на ноги, когда минетъ опасность. Между тѣмъ, слѣдуя за Дукертомъ, король, увлеченный погонею, сошелъ съ высоты на плотину съ тѣмъ, чтобы опять взойти на другую высоту, но тутъ появился русскій генераль Рень съ шестью драгунскими эскадронами и двумя баталіонами царской гвардіи, и такъ ударилъ на шведовъ, что они попятились назадъ на высоту, съ которой сходили и увлекли за собою короля. Русскіе заняли плотину; у русскихъ силы было больше, чѣмъ у шведовъ и воины короля были сильно истомлены. Оставалось отбиваться, дожидаясь подбрѣпленія. По русскому извѣстію, король ретировался тогда въ мельницу, которая была окружена русскими драгунами, и только наступившая ночная темнота спасла короля отъ плѣна ⁴⁶⁾). По шведскимъ извѣстіямъ, полковникъ Дукертъ, прогнавши русскихъ въ Городню, ворочался назадъ и наткнулся на русскую засаду, установившуюся возлѣ болота, за плетнями и кустарниками. Шведы обратились въ бѣгство: сначала бѣжала прислуга, а за нею драгуны. Шведскій генераль Брузе встрѣтилъ ихъ, остановилъ, привелъ въ порядокъ и повелъ туда, гдѣ находился король. Генераль Рень не сталъ болѣе вести битвы и удалился къ Богодухову ⁴⁷⁾). Шведы признавали эту стычку для себя по-

⁴⁴⁾ *Nordberg*, фр. пер., ч. III, стр. 268.—*Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 145.

⁴⁵⁾ Нынѣ слобода Богодух. уѣзда, при рѣкахъ Мерлѣ и Мерчялѣ.

⁴⁶⁾ *Nordberg*, фр. пер., стр. 269.—*Adlerfeld*, фр. пер., ч. IV, стр. 419.

⁴⁶⁾ *Голуковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 74.

⁴⁷⁾ *Adlerfeld*, фр. пер., ч. IV, стр. 419. — *Nordberg*, фр. пер., ч. III, стр. 269—272.

бѣдою; русскіе приписывали побѣду себѣ. Извѣстія объ этомъ дѣлѣ не ясны; достовѣрно только то, что это сраженіе, совершенно бесполезное для шведовъ, какъ и весь походъ ихъ въ Слободской край, обезсилило шведскую армію ⁴⁸⁾).

12 февраля Карлъ пошелъ на Мурахву *) и оттуда далъ приказаніе сжечь городки Красный Буть и Городню, а жителей вывести прочь. Генераль Гамильтонъ опустошилъ и сжегъ нѣсколько городковъ и слободъ, лежавшихъ въ сторонѣ, и между прочимъ городокъ Олешну **): тамъ шведы встрѣтили сопротивленіе; нѣсколько сотъ русскихъ, составлявшихъ гарнизонъ, были истреблены, воевода взятъ въ плѣнъ ⁴⁹⁾).

У русскихъ уже возникало опасеніе, какъ бы отважный король, для котораго, какъ говорится, было и море по колѣна, не вздумалъ прорваться до Воронежа, чтобы истребить тамъ царскіе корабли; у шведовъ же были до такой степени слабы географическія свѣдѣнія о южнорусскомъ краѣ, что они, слыша, что царь строитъ суда въ Воронежѣ, думали, что этотъ городъ лежитъ у Чернаго моря ⁵⁰⁾).

Но всякія отважныя затѣи разбивала природа. Послѣ ужаснѣйшихъ морозовъ, какихъ не помнили старожилы въ краѣ, наступила оттепель, а 13 февраля произошло странное явленіе: полился сильный дождь съ громомъ и молніей. Въ это время король ѣхалъ верхомъ рядомъ съ Мазепою, который получилъ тогда облегченіе отъ своей болѣзни и отважился пуститься въ путь съ королемъ. Приближались къ Коломаку ***). Мазепа, по своему обычаю, любившій говорить любезности, сказалъ: «война для вашего величества идетъ очень счастливо: мы уже дошли только за восемь миль отъ рубежей Азін!» Король отвѣчалъ: «*sed geographi non conveniunt* (съ этимъ не согласятся географы)». «Это,—замѣчаетъ современный историкъ,—заставило по-краснѣть добраго старика» ⁵¹⁾).

⁴⁸⁾ *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 146.

*) Нынѣ слобода Богодух. уѣзда, при р. Мерчигѣ, въ 24 верстахъ отъ Богодухова.

***) Нынѣ слобода Лебидинскаго уѣзда, при р. Олешни, въ 35 верстахъ отъ Лебедина.

⁴⁹⁾ *Adlerfeld*, фр. пер., ч. IV, стр. 419.

⁵⁰⁾ *Nordberg*, франц. пер., т. III, стр. 273.

***) Нынѣ слобода Валковскаго уѣзда, при рѣкѣ Коломакѣ, въ 25 верст. отъ Валокъ.

⁵¹⁾ *Adlerfeld*, франц. пер., ч. IV, стр. 420.

о подвигахъ Александра Македонскаго и во всемъ ставилъ себѣ за образецъ этого древняго героя, Мазепа, въ угоду королю, сочинилъ тогда, будто въ этихъ странахъ недавно отысканъ «александрійскій» камень, воздвигнутый Александромъ Македонскимъ.

Когда войско остановилось на отдыхъ, король сообщилъ своему генералъ-квартирмейстеру Гилленброку, что Мазепа сказалъ ему, будто отсюда не далеко до Азіи. — «Ваше величество шутитъ», сказалъ Гилленброкъ. — «Не по этому направленію можно достигнуть предѣловъ Азіи». — «Я никогда не шучу», — отвѣчалъ король. — «Ступайте и узнайте отъ Мазепы путь въ Азію точнѣе». Гилленброкъ отправился къ Мазепѣ. Тотъ встревожился, узнавши, какое дѣйствіе произвела на короля его болтовня, и сознался, что говорилъ королю только изъ любезности. «Съ нашимъ королемъ опасно говорить пустяки о такихъ предметахъ», — сказалъ Гилленброкъ. — «Этотъ государь любитъ болѣе всего славу и легко поддастся желанію двинуться туда, куда нѣтъ необходимости идти для его цѣлей»⁵²⁾.

Началась поляйшая распутица; нельзя было идти въ невѣдомый путь. Короля убѣдили отложить свое намѣреніе и воротиться въ Гетманщину. Но и обратный путь не обошелся безъ затрудненій и потерь. Берега Коломака уже походили на большое озеро. Рѣка Мерла въ полсутки покрылась водою. Мелвія рѣчонки разливались съ неимоверною быстротою. Снѣгу въ предшествовавшую зиму было чрезвычайное изобиліе и теперь отъ быстрого таянія полились водные потоки. Пѣхота, въ продолженіи цѣлыхъ дней, шла въ водѣ по косточки и если не было возможности добраться къ вечеру до сухаго мѣста, то приходилось всю ночь оставаться въ водѣ. Воды вездѣ было такъ много, что впереди невозможно было замѣтить, гдѣ находятся рѣки и протоки, а на рѣчкахъ, покрывшихся водою, ледъ сталъ такъ хрупокъ, что многіе шведскіе солдаты потонули съ лошадьми, наткнувшись нечаянно на рѣку, которой не могли заранѣе распознать въ пространствѣ обнятомъ водою. Отъ Коломака до Будищъ было на пути нѣсколько плотинъ длинныхъ и высокихъ; на такихъ-то плотинахъ приключалась бѣда съ людьми и лошадьми, особенно въ темныя ночи: кто только на такой плотинѣ споткнется, тотъ и погибалъ⁵³⁾. На рѣкѣ Мерлѣ, прежде, когда шли шведы въ Слободскую Украину, была большая плотина: те-

⁵²⁾ *Fryzel*, вѣм. пер., ч. I, стр. 153.

⁵³⁾ *Ibid.*, стр. 146.

перь отъ ней ни малѣйшаго слѣда не оставалось; кавалерія переходила рѣку вплавъ; лошади плыли положивши головы на заднія части лошадей переднихъ; много тогда пропало и лошадей, и повозокъ. Переправа на Мерлѣ шла полтора дня. На Ворсклѣ шведскіе полки переправлялись вплавъ въ теченіи четырехъ сутокъ и еще съ большими затрудненіями. Ворскла была наполнена маленькими островками, которыхъ вершины едва можно было замѣтить въ водѣ, а между островками рѣка была особенно глубока; многіе, попавши въ такія мѣста, потонули. Король благополучно переѣхалъ Ворсклу на лошади вплавъ въ числѣ первыхъ; его примѣру слѣдовали многіе офицеры. По прибытіи въ Опошню, король приказалъ строить на Ворсклѣ мосты для переправы остального войска и всего обоза. Много погибло шведовъ въ этомъ походѣ, но тѣ, которые вернулись цѣлыми, восхваляли своего короля за то, что онъ раздѣлялъ всѣ неудобства наравнѣ съ простыми солдатами ⁵⁴⁾.

Въ то время, когда король совершалъ свой бесполезный походъ въ Слободскую Украину, позади его, въ Гетманщинѣ, русская сторона брала верхъ. Еще въ январѣ князь Григорій Долгорукій, находившійся въ Нѣжинѣ, послалъ генераль-майора Гинтера взять Прилуки. Шведы, занимавшіе этотъ городъ съ конца ноября, ушли оттуда, не дождавшись прихода русскихъ, а съ ними вмѣстѣ уѣхали находившіяся тамъ нѣкоторыя семейства лицъ, перешедшихъ къ Мазепѣ. Гинтеръ занялъ Прилуки, поставилъ тамъ коменданта и прислалъ къ царю составленную имъ опись этого города ⁵⁵⁾. Изъ этой описи мы узнаемъ, что въ Прилукахъ былъ тогда довольно обширный замокъ или городъ съ высокимъ валомъ и ровомъ около него, но валъ требовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ починки. Прилуки страдали недостаткомъ воды, такъ что въ замкѣ не было ни одного колодца и генераль Гинтеръ приказалъ туда навозить льду, «дабы въ самой послѣдней нуждѣ можно оный вмѣсто воды употреблять». Вслѣдъ за Гинтеромъ явился новопоставленный царемъ прилуцкій полковникъ Носъ, былъ встрѣченъ подначальными съ покорностію и тотчасъ распорядился о сборѣ и доставленіи въ Прилуки провіанта. 22 января князь Долгорукій изъ Нѣжина послалъ туда солдатскій ямбургскій полкъ съ пушками, приказавши командиру этого полка Вестову держаться въ Прилукахъ до послѣдняго. Ревностнымъ

⁵⁴⁾ Nordberg, франц. пер., стр. 275.

⁵⁵⁾ Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8.

дѣятелемъ въ пользу царя явился тогда миргородскій полковникъ, еще недавній соумышленникъ Мазепы. Онъ дѣятельно трудился противъ непріятеля, отбивалъ шведскіе и Мазепины везы, взялъ Гамалію и зятя своего съ женами ихъ, которыхъ везли шведы ⁸⁶), укрощалъ и искоренялъ своевольныхъ разбойниковъ, которые безчинствовали, пользуясь военнымъ временемъ и суматохою ⁸⁷): Мазепа много полагалъ надежды на правобережныхъ козаковъ, но обманулся въ своихъ надеждахъ. Не говоря уже о томъ, что бѣлоцерковскій полковникъ въ числѣ первыхъ объявилъ себя на сторонѣ царя, въ другихъ городахъ то и дѣло что ловили и доставляли русскому генералу Инфлянту Мазепиныхъ комиссаровъ то подъ видомъ чумаковъ, то подъ другими видами являвшихся для возмущенія народа противъ царя ⁸⁸).

Въ февралѣ фельдмаршалъ Шереметевъ отправилъ бригадира Бема съ четырьмя драгунскими полками и съ двумя баталіонами лейбъ-гвардіи, въ числѣ которыхъ были преображенцы, выгнать изъ Рашевки ⁸⁹) тамъ стоявшихъ шведовъ. Въ Рашевкѣ

⁸⁶) Ibid., № 9. Письмо Долгорукова отъ 3 марта.

⁸⁷) ... нѣкоторые своевольцы не зъ коша а зная з рѣчокъ зобравшися були въ Крыловѣ, а з Крылова пошли до Чигирина; теперъ зась листы мене поткали на дорожѣ же тые своевольцѣ людей много порабовали, наветъ и родича моего, который былъ отъ вельможнаго пана гетмана посланъ по указу монаршому въ Чигиринскій полкъ для повстагненя своеволѣ посланнымъ на смерть убили; прето ежели бы о тыхъ поменевыхъ своевольцахъ прочуемъ же бы добре было на нихъ ударити и ихъ распудити, дабы з оныхъ бошая не повстала своевола (Гос. Арх. Кабинетн. Дѣла, № 9. Письмо Апостола къ Долгорукому).

⁸⁸) Сотеннаго городского письмо къ генералу Инфлянту: Велце намъ премилостивый и великоусердный добродѣю! Низжайшій мой поклонъ служебниче предположивши милости вашей извѣствуемъ, ижъ прибувши до насъ в городокъ неякіи чумаки для прикупленія соли челоувѣка три полку Переяславскаго з межнякихъ сидючи в дому Давида Литвинка еденъ чумакъ зовомый Оесько шинкаръ пани Мировичовни мовилъ войту нашому и многимъ людямъ чили для прелещеня народу, чили що в таковый способъ: отъ вы не повѣрайте цару московскому, бо онъ мѣлъ всѣхъ насъ запропастити. Теды войтъ пытаеть его: якже бъ тое чинилося? Ажъ онъ мовить: мѣлъ насъ всѣхъ царь на Сибирь загнати, такъ вы теперъ его не слухайте що онъ письмами позасылалъ. Здоровъ бы, мовить, еще нашъ Мазепа з шведомъ, той насъ не подасть в неволю московскую. Якую ту его блюзнерскую мову войтъ слышачи намъ ознаймиль, в чомъ мы со всѣмъ желаніемъ нашимъ и вѣрностію служаще, его ц—скому пр—му вел—ству и не хотячи такого безчестя на висоцѣповажную особу отъ оного легкомысленника рыгованного оставити до вашей милости панскон сіе до извѣщенія подаючи онаго росколника между народомъ вдачючагоса посылаемъ. З Черкасѣ январія 18 року 1709 в. пан. м—сти велце премилостивѣйшему панови и добродѣви низжайшій слуга, Алексѣй Даниловичъ Сотенный городской (ibid.).

⁸⁹) Мѣстечко Гадачскаго уѣзда, при р. Пслѣ.

находился шведскій полковникъ Албедиль съ 325 драгунами, а къ нему изъ Гадяча отправлены были еще 130 пѣхотинцевъ съ артиллерійскими лошадьми и значительнымъ количествомъ скота подъ прикрытіемъ капитана Дидрона. Албедиль вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ своими драгунами и наткнулся на русскихъ. Произошла схватка, Албедиль былъ взятъ въ плѣнъ, Дидронъ убитъ, а тѣ, которые пустились въ бѣгство, были переловлены и истреблены мужиками ⁵⁷⁾). Тогда Шереметевъ покусился взять Лохвицу, гдѣ стоялъ шведскій генераль-поручикъ Брейцъ и куда для безопасности Мазепа отправилъ свою текущую гетманскую казну. Въ Лохвицу пришли тогда шведы, ушедшіе изъ Прилукъ; тамъ же были козацкія госпожи изъ семействъ соучастниковъ Мазепы, послѣдовавшія за шведами изъ Прилукъ. Генераль Брейцъ понималъ, какъ важно было охранить гетманскія богатства и не выпускать изъ шведскихъ рукъ малороссійскихъ госпожъ, заложницъ вѣрности шведскому королю своихъ мужьевъ. Брейцъ снялся изъ Лохвицы, перешелъ Хороль, потомъ Пселъ въ Савинцахъ ^{*}). Русскіе пытались помѣшать ихъ переправѣ и захватили нѣсколько возовъ, гдѣ, между прочимъ, были и пожитки Мазепы. Здѣсь-то съ русскими отличился и миргородскій полковникъ, захвативши въ плѣнъ, какъ уже было выше сказано, двухъ соумышленниковъ Мазепы—генеральнаго асаула Гамалѣя и своего зятя Андрея Горленка, сына прилуцкаго полковника: оба увѣряли, что слѣдовали за шведами съ намѣреніемъ уйти отъ нихъ и отдаться русскимъ. Брейцъ сталъ въ Рѣшетилувкѣ ^{**)}). За Брейцомъ оставили свои позиціи шведы, стоявшіе въ Камышнѣ ^{***)}), въ Зуевѣ ^{*)}), въ Лютенкѣ ^{^)}), — и всѣ пошли къ главному войску, которое расположилось вдоль прѣваго берега Ворсклы, а главная квартира перенесена была въ Великія Будищи ^{^)}). Шереметевъ стоялъ въ Голтвѣ ^{^)}). Таково было расположение враждебныхъ войскъ въ мартѣ 1709 года. Скорой тре-

⁵⁷⁾ Nordberg, стр. 277. — Гѣс. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9. Донесеніе маіора Габбова отъ 14 февраля.

^{*}) Село Миргородскаго уѣзда, при р. Пселѣ.

^{**)} Мѣст. Полтавскаго уѣзда, при р. Голтвѣ, въ 36 верст. отъ Полтавы.

^{***)} Мѣст. Миргородск. уѣзда, въ 30 верст. отъ Миргорода.

^{^)} Нынѣ село Зуевцы, Миргородск. уѣзда, на р. Хоролы, въ 35 верст. отъ Миргорода.

^{^)} Больш. мѣст. Гадяч. уѣзда, при р. Лютенкѣ.

^{^)} Мѣст. Зеньковск. уѣзда, въ 47 верст. отъ Зенькова.

^{^)} Мѣст. Кобыляск. уѣзда, при р. Пселѣ, у впаденія Голтвы.

воги не ожидалось до окончанія половодья, которое въ этомъ краѣ прекращается только въ іюнѣ, и въ это время не могло быть большихъ столеновѣй между войсками. Тогда обыкновенно низменные мѣста заливались водою и даже прерывалось сообщеніе между жителями различныхъ мѣстностей.

Время это можно считать завершеніемъ перваго періода военныхъ дѣйствій Барла противъ русскихъ въ Малороссіи. Начинается второй періодъ, завершившійся Полтавскимъ боемъ, эпоха самая знаменательная въ нашей исторіи.

Въ предшествовавшую зиму послѣдовало нѣсколько царскихъ милостей малороссіянамъ, оказавшимъ вѣрность своему государю. Первое мѣсто между ними занимаетъ семейство Кочубея. Вдова несчастнаго Василя Леонтьевича, какъ мы уже говорили, ограбленная, увезена была въ Батуринъ и содержалась тамъ подъ строгимъ карауломъ. Въ самое критическое время, когда Батурину угрожало разореніе, вѣхала въ Батуринъ какая-то черница въ возѣ крытомъ будкою. Содержавшіяся въ Батуринѣ вдовы казенныхъ Кочубея и Искры были къ-то предувѣдомлены объ этомъ, вышли переодѣтыя вмѣстѣ съ меньшимъ сыномъ Кочубея Федоромъ, сѣли въ возокъ подъ видомъ черницъ и вѣхали изъ города, а дочь Кочубея Прасковія съ прислугою, переодѣвшись въ платье простолюдинки, вышла пѣшкомъ и соединилась съ остальными за городомъ. Такъ освободились онѣ и уѣхали въ село Шишаки *), маетность пана Кулябки, женатаго на одной изъ дочерей миргородскаго полковника Апостола. Оттуда пробрались онѣ въ Сорочинцы, маетность Апостола. Тамъ уже находился старшій сынъ Кочубея Василій съ женою; туда съѣхались и другіе родственники. Пробывши въ родномъ кругу нѣсколько дней, они разѣхались: Василій Кочубей съ женою, тещею и своею сестрою Анною Обидовскою уѣхалъ въ Крыловъ, а вдова Кочубея и сестра ея, Искрина, съ давнимъ пріятелемъ дома Кочубеевъ, Захаржевскимъ, поѣхали въ Слободскую Украину и остановились въ Ровненскомъ хуторѣ **) на Коломакѣ, принадлежавшемъ Искрѣ. Туда пріѣхалъ родственникъ ихъ Жученко и привезъ письмо отъ Меншикова, писанное изъ Конотопа къ сыну казеннаго Кочубея, такого содержанія: «Господинъ Кочубей! Кой часъ сіе письмо получишь, той часъ поѣзжай до цар-

*) Село Хорольск. уѣзда, на р. Хороли, въ 8 верст. отъ гор. Хорола.

**) Хуторъ Полтавскаго уѣзда, на р. Коломакѣ.

скаго величества въ Глуховъ и возьми матку свою и жену Искрину и дѣтей, понеже великая милость государева на васъ обращается. Мать немедленно послала въ Кременчугъ звать сына, а сама, въ ожиданіи, отправилась къ старому родителю своему и Искриной войсковому товарищу пану Жученку, жившему въ Жукахъ, въ 10 верстахъ отъ Полтавы. Но на дорогѣ ей случилось препятствіе, какъ она потомъ жаловалась, будто отъ полковника полтавскаго Левенца, находившагося въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Кочубеямъ. Вдова опасалась даже, что онъ отошлетъ ихъ къ Мазепѣ, и въ такомъ опасеніи они снова ушли въ Слободскую Украину, чуть-было не попавшись въ руки пьяныхъ мужиковъ въ селѣ Петровкѣ*), которые ихъ сначала не узнали, но узнавши тотчасъ отпустили**). Обѣ сестры изъ Жуковъ уѣхали въ Харьковъ, а оттуда пробрались въ Лебединъ, въ главную царскую квартиру, узнавши, что царь уже находится въ этомъ городѣ. Въ своемъ письмѣ къ кіевскому митрополиту Іоасафу Кроковскому онѣ описывали свои приключенія**).

Бъ сожалѣнію, намъ неизвѣстно свиданіе царя со вдовами несчастныхъ вѣрныхъ слугъ, осужденныхъ имъ на смерть по

*) Нынѣ село Полтавскаго уѣзда, въ 14 верстахъ отъ Полтавы.

***) Чтенія М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 153—154.

**) ... несмотря на ходатайство митрополита Мазена нудилъ насъ заключеніемъ для того же хотѣлъ цѣле отдать шведу. Аже Господь невинность кановъ нашихъ и великое терпѣніе въ увѣреніе всему народу объявилъ, такъ и насъ бѣдныхъ въ самую великую рѣзню надъ непокоривыми людьми ставшуюся отъ той тяжкой неволи свободилъ подавши намъ до выпровоженія зъ тою непокоривою и страшною рѣзней до належитыхъ мѣстъ чернищу, которая насъ отоль вывела. А теперь Божиимъ изволенемъ отъ той тяжкой неволи свободившися намѣрилисмо были поѣхати до дому отца нашего къ Полтавѣ въ Жуки едно для полученія благословенія отцовскаго, где намъ въ той дорогѣ повелѣніемъ великаго государя отъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова указъ зашолъ, же бы мы бѣдные сироты, совокупно зъ наименьшимъ сыномъ нашимъ Кочубеемъ для полученія милости пресвѣтлѣйшаго монарха нашего становилися въ Глуховъ. Прето ради бысмо вседушно якъ наискорѣе поспѣшатися; еднакъ же учинилося намъ препятіе полтавскаго полковника измѣною и великому государю неповолною склонностію и великимъ бунтовствомъ ихъ старшинъ: не дали намъ зъ дому отца нашего въ Жукахъ въ ту дорогу убраться, а мусилисмо устрашившися полковника полтавскаго измѣны зѣхати въ Рашковъ, ожидаючи наипышого сына своего, который по указу кн. Меншикова готовъ бы поспѣшити до его царскаго пресвѣтлого величества, но не можетъ за шведскими войсками переправити Днѣпръ и написалъ матери, чтобъ ѣхала въ великороссійскіе города просить инстанціи предъ государемъ выручить ея сына, чтобъ мочно было ему ѣхать (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. ноября 20. Письмо двухъ сестеръ къ митрополиту).

ошибкѣ, изъ довѣрія къ Мазепѣ. Но, по царскому повелѣнію, гетманъ Скоропадскій далъ универсалъ, которымъ возвращались вдовѣ Кочубея съ дѣтьми и ея сестрѣ вдовѣ Искры, оставшейся бездѣтною, всѣ маестности покойныхъ мужьевъ съ нѣкоторою прибавкою новыхъ *). Около того же времени, 16-го декабря, пожалованы были маестности разнымъ войсковымъ товарищамъ: Андрею Лизогубу, Ивану Бутовичу и другимъ **). Затѣмъ царь издалъ грамоту объ охраненіи малороссійскихъ обывателей отъ безчинствъ и самовольствъ великороссійскихъ солдатъ, которые безъ офицеровъ, малыми партіями, самовольно вторгались въ мѣстечки и селенія, брали насильно у жителей хлѣбъ, всякую живность, лошадей, рѣзали скоть, врывались даже въ кѣлти и выбирали оттуда платье, принадлежавшее хозяевамъ ***). Чтобы сколько-нибудь изгладить впечатлѣніе, произведенное въ малороссійскомъ народѣ разрушеніемъ Батурина и истребленіемъ его обывателей, Скоропадскій по царской волѣ издалъ универсалъ, дозволявшій разогнаннымъ остаткамъ батуринскаго населенія водворяться вновь на прежнихъ мѣстахъ **).

Тогда вспомнили объ одной изъ прежнихъ жертвъ Мазепы— о Палѣѣ, томившемся въ сибирскихъ пустыняхъ. Первый, подавшій мысль объ его освобожденіи, былъ князь Григорій Долгорукій, который, находясь въ Нѣжинѣ, имѣлъ возможность прислушаться къ народному голосу и узнать, что память о Палѣѣ оставалась въ уваженіи у всѣхъ его соотечественниковъ, а это

*) Въ полку Полтавскомъ: село Диканьку, въ полку Нѣжинскомъ села: Ярославецъ, Дубовичи, слободку Ретикъ, съ другой стороны надъ Днѣпромъ села: Головенку, Змѣтневъ, Тиницу, Рудаково, за Днѣпромъ на правой сторонѣ хуторъ въ селѣ Стайкахъ, въ Стародубскомъ полку слободку Улицу и сверхъ того въ Полтавскомъ полку село Сталовцы, а въ Нѣжинскомъ село Курнашевку, принадлежавшія прежде измѣннику Герцику. Искриной—села: Иванко, Звончицы, Демидовку, Трибовскій хуторъ съ мельницами на Ворсклѣ, Грабиновку и Ровничи на Коломакѣ съ разными лѣсными дачами и заведенными на нихъ пасѣками (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 127.—Чтенія М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 206).

**) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г. № 116—117.

**) Ibid., № 118—119.

**) ... на дозволеніе батуринскимъ жителямъ вновь селиться въ разоренныхъ дворахъ своихъ, въ посадахъ и хуторахъ. А яко оныя батуринскіе жители не будучи ни въ чомъ виновными при измѣнникахъ Мазепѣ единомышленныхъ пострадали не только худобы, но и многихъ сродниковъ своихъ также бы околичныя города и села жадного дѣла не мѣли укоризнами, досадами и долегливостями не важилися до остатку съ посадовъ и хуторовъ батуринскихъ розгонати (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 120).

казалось особенно важнымъ, когда Скоропадскій и миргородскій полковникъ старались склонить къ вѣрности царю запорожцевъ *).

Царь далъ указъ о возвращеніи Палѣя.

ГЛАВА XV.

Запорожцы.—Попытки русскихъ удержать ихъ въ покорности.—Кошевой Гордѣенко у Мазепы.—Колебаніе запорожцевъ.—Малороссійское посольство и запорожцы.—Запорожцы присягаютъ Карлу.—Взаимныя посольства царя и Карла.—Дѣятельность полковника Яковлева.—Шведы приступаютъ къ Полтавѣ.—Разореніе Сѣчи Яковлевымъ и Ксалаганомъ.—Русское войско подъ Полтавою.—Прибытіе фельдмаршала Шереметева.—Прибытіе царя Петра къ арміи.—Сношенія между Полтавою и арміею.—Стѣснительное положеніе шведовъ.—Взятіе русскими Старого Санжарова.—Рана полученная шведскимъ королемъ.

Въ половинѣ февраля царь уѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ постоянно устраивался его флотъ. По отношенію къ войнѣ съ Барломъ, Петръ намѣревался пустить нѣсколько кораблей въ Азовское и Черное море, чтобы внушить туркамъ уваженіе къ своимъ силамъ въ случаѣ, еслибы съ турецкой стороны оказалось поползновеніе къ нарушенію мира. Въ то же время царскій посланникъ въ Константинополь Толстой всѣми средствами старался вооружить Диванъ противъ Барла XII и его союзниковъ; онъ представлялъ, что предприимчивый Барлъ, если удастся ему побѣдить Россію, оборотитъ свои завоевательные замыслы на Турцію ¹⁾.

Въ Украинѣ военными дѣлами распоряжался главнымъ образомъ князь Меншиковъ, состоявшій въ постоянной перепискѣ съ царемъ. Съ 1 апрѣля его постоянное пребываніе было въ Харь-

*) ... о воровствѣ запорожцевъ неоднократно писалъ я до миргородскаго полковника, дабы оный, выбравъ изъ своего полка добрыхъ козаковъ и удовольствовавъ послалъ въ Запороги въ разные курени, чѣмъ бы возможно тамо заводчиковъ кошевого и судью испровергнуть и во всѣхъ противникахъ довѣріе учинить, такожь и господинъ гетманъ въ свою сторону съ общаго совѣту отвращая оныхъ своевольниковъ писалъ и другими способами тайно и неуспѣшно трудился, какъ и нынѣ удовольствовавъ деньгами, посылалъ съ писмами козаковъ, которые прежде сего были въ Сѣчѣ кошевыми... чрезъ которыхъ надѣмся съ помощью Божіею оныхъ удержать, а ежели отчего не дай Боже не можемъ удержать, не изволите ли на такое время въ Сѣвскѣ или, гдѣ въ иныя мѣста приказать привезть ближе къ Москвѣ Палѣя, понеже онъ въ такихъ легкомысленныхъ имѣетъ любовь и не малый кредитъ, однако изволите приказать изъ онаго выразумѣть—какимъ себя признаетъ пріателемъ богоотступника Мазепы, знаетъ что все его несчастіе и ссылака отъ онаго измѣнника (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, № 8. Письмо Долгорукаго 3-го марта 1709 г.).

¹⁾ Голицовъ: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“ т. VIII, стр. 207—208.

ковѣ, откуда онъ дѣлалъ недолговременные разъѣзды для осмотра войскъ и для наблюденія надъ театромъ военныхъ дѣйствій. Важнѣйшею задачею было удержать запорожцевъ въ покорности государю и отклонить отъ соединенія съ Мазепою. Для усовершенія запорожцевъ былъ посланъ въ Сѣчу архимандритъ межигорскій Иродіонъ Жураховскій. Съ нимъ царскіе стольники и гетманскій посланецъ повезли царское денежное жалованье и сверхъ того особые денежные подарки кошевому, старшинамъ и всѣмъ товарищамъ. По извѣстію малорусскаго лѣтописца, задорная толпа «гультаевъ» оскорбляла присланнаго къ нимъ духовнаго сановника и гетманскаго посланца: ихъ грозили сечь или утопить ²⁾). Но такого рода обращеніе съ лицами, которыхъ запорожцы должны были уважать, было не рѣдкостью въ грубомъ запорожскомъ обществѣ и составляло обычную выходку, часто не имѣвшую послѣдствій. И въ эту пору на нѣкоторое время въ Сѣчѣ взяла было верхъ партія старыхъ козаковъ, всегда стоявшая на сторонѣ спокойствія и покорности царю. Расположеніе къ законности до того проявилось у сѣчевиковъ, что они послали къ Мазепѣ письмо, въ которомъ, именуя себя царскимъ войскомъ, извѣщали, что вмѣстѣ съ царскими ратями будутъ стараться объ освобожденіи Украины отъ вторженія иноплеменниковъ. Петръ писалъ, что надобно всѣми силами утвердить въ вѣрности къ царю кошевого атамана, какъ главнаго начальника и руководителя запорожцевъ. Но этимъ кошевымъ атаманомъ былъ тогда Костя Гордѣнко—непримиримѣйшій врагъ московской власти—и этотъ-то именно человекъ снова свелъ братію на противный путь. Мазепа послалъ къ запорожцамъ воззваніе, но Костя предупредилъ пріѣздъ мазепиныхъ посланныхъ въ Сѣчу, собралъ до тысячи единомышленниковъ, взялъ съ собою девять пушекъ и пошелъ къ Переволочной ³⁾), которую Запорожская Сѣча считала своею собственностію и держала тамъ начальника, называемаго полковникомъ. Въ это время запорожскимъ полковникомъ въ Переволочнѣ былъ Нестулей. По зову Гордѣнко, онъ выѣхалъ къ нему съ 500 запорожцевъ, находившихся въ Переволочнѣ при полковникѣ; туда уже прибыли ѣхавшіе въ Сѣчу мазепины посланцы—генеральный судья Чуйкевичъ, кievскій полковникъ Мокіевскій и бунчуковый товарищъ Ѳедоръ Мировичъ сынъ переяславскаго полковника.

²⁾ *Рисельманъ*, ч. III, стр. 57.

³⁾ Мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при р. Давіпрѣ, близъ устья Ворсклы.

12 марта, въ субботу, собрали раду. Прочли длинное посланіе Мазепы. Въ немъ излагались разныя тягости, которыя терпѣла Украина отъ московскаго ига, а для Запорожья эти тягости выставлялись еще чувствительнѣе. Мазепа увѣрялъ, что самъ слышалъ, какъ царь говорилъ: «надобно искоренить этихъ воровъ и злодѣевъ запорожцевъ». У шведскаго короля,—объяснялъ Мазепа,—нѣтъ вовсе злыхъ умысловъ ни противъ Украины, ни противъ Запорожья. Король только преслѣдуетъ своихъ непріятелей—москалей, которые сами раздражили шведовъ, а теперь не въ силахъ противостоятъ имъ и бросились на Украину, гдѣ поступаютъ хуже, чѣмъ шведы, которыхъ выставляютъ чужими непріятелями. Запорожцы, вмѣстѣ съ малороссіянами, должны радоваться прибытію шведскаго государя, потому что оно подастъ всѣмъ возможность свергнуть съ себя московское ярмо и стать свободнымъ, счастливымъ народомъ. Затѣмъ, въ посланіи Мазепы, приводилась прежняя сказка о намѣреніи царя перевести малороссіянъ за Волгу.

Мазепины посланцы привезли кошевому деньги. Костя Гордѣнко тотчасъ же сталъ раздавать ихъ товарищамъ и тѣ, выслушавши письмо Мазепы, кричали: «за Мазепою, за Мазепою! Правда,—разсуждали тогда на этой радѣ,—царь прислалъ въ Сѣчу деньги, но за это мы не должны служить царю противъ шведскаго короля и Мазепы: деньги, присланные къ намъ, были крѣжде отняты москалями у нашихъ же братьевъ козаковъ». Вѣроятно, они разумѣли тутъ удержаніе назначаемого въ Сѣчь жалованья по поводу бывшей жалобы турецкаго паши за грабежъ греческихъ купцовъ. Много подѣйствовало на запорожцевъ и полученное письмо крымскаго хана: онъ подавалъ совѣтъ держаться гетмана Мазепы и обѣщалъ помогать запорожцамъ въ нуждѣ. Нестулей съ своими товарищами, бывшими въ Переволочнѣ, нѣсколько-было поупрямился, но потомъ склонился на сторону Мазепы. Костя Гордѣнко написалъ къ шведскому королю, что всѣ запорожцы—на его сторонѣ, испрашиваютъ его покровительства, готовы на всякія усилія для возстановленія своей свободы и молить Бога объ успѣхахъ шведскаго короля^{*)}). По настоянію кошевого, съ письмомъ въ такомъ смыслѣ отправлена была депутация изъ запорожцевъ къ шведскому королю. Депутаты прибыли въ Будища *) 19 марта и были допущены къ королевской

^{*) Nordberg, стр. 284.—Adlerfeld, франц. пер., стр. 429.}

^{*) Нынѣ большое мѣстечко Зеньковского уѣзда.}

рукѣ. Имъ устроили угощеніе, но фельдмаршалъ Реншильдъ замѣтилъ, что запорожцы безобразно пьянствуютъ, и постановилъ съ ними условіе, чтобы десять изъ нихъ, которые представятся королю при послѣдней аудіенціи, не напивались ранѣе обѣда, потому что король пьяныхъ не терпитъ. Запорожцы сдержали свое обѣщаніе, но съ трудомъ ⁴⁾).

Въ то время, когда эти запорожскіе депутаты находились въ шведскомъ станѣ, другіе ихъ братія, возбужденные Костемъ Гордѣнкомъ и Нестулеемъ, начали непріязненные дѣйствія противъ русскихъ. Сперва въ Кобылякахъ напали они врасплохъ на 60 человекъ сонныхъ и 40 изъ нихъ изрубили, а на другой день въ Цариченкѣ ⁵⁾ напали на бригадира Кампеля, стоявшаго тамъ съ тремя полками, и задали такой переполохъ, что Кампель едва убѣжалъ съ 400 своихъ солдатъ; 115 человекъ было взято запорожцами въ плѣнъ ⁶⁾). Этотъ успѣхъ сразу ободрилъ низовскую удалъ; набралось тысячъ до пятнадцати сѣчевиковъ и гультаевъ; они овладѣвали городками по Орели и по Ворсклѣ, прогоняли великороссійскіе гарнизоны, а жители того края, которые передъ тѣмъ изъ боязни, не зная къ кому приставать, скрывались въ лѣсахъ, теперь возвращались въ свои жилища и, повинувшись запорожцамъ, доставляли запасы шведамъ ⁷⁾).

26-го марта прибылъ къ Будищамъ самъ Костя Гордѣнко съ своими товарищами. Не допуская ихъ за полмили до Будищъ, Мазепа послалъ къ нимъ на встрѣчу какихъ-то двухъ полковниковъ съ отрядомъ въ 2.000 человекъ, чтобы ихъ провести въ Диганьку, куда приглашалъ Костю на свиданіе. Костя Гордѣнко вступилъ въ домъ, гдѣ уже находился Мазепа (вѣроятно, то былъ домъ Кочубея, котораго хозяйка находилась тогда въ Слободской Украинѣ). Запорожскихъ гостей встрѣтили Мазепины старшины—и Костя Гордѣнко, въ знакъ уваженія, склонилъ передъ ними свой бунчукъ. Въ другой комнатѣ стоялъ Мазепа передъ столомъ, на которомъ лежали знаки его гетманскаго достоинства. Гордѣнко поклонился ему, склонилъ передъ нимъ свой бунчукъ и говорилъ: «Мы войско запорожское низовое благодаримъ вашу милость за то, что вы, какъ и подобало главному вождю украинскому, приняли близко къ сердцу судьбу, по-

⁴⁾ *Nordberg*, стр. 286.—*Adlerfeld*, нѣмецк. пер., ч. III, стр. 197.

⁵⁾ Мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при р. Орели.

⁶⁾ *Adlerfeld*, *ibid.*—Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8.

⁷⁾ *Nordberg*, стр. 285.

стигшую нашъ край, и предприняли освободить его отъ московскаго рабства. Мы увѣрены, что съ этою цѣлю, а не для вашихъ собственныхъ выгодъ, не изъ какихъ-нибудь частныхъ видовъ, рѣшились вы прибѣгнуть къ протекціи шведскаго короля. Мы хотимъ вѣрно вамъ содѣйствовать, мы разомъ съ вами будемъ жертвовать и кровію и жизнию своею, будемъ во всемъ повиноваться вамъ, лишь бы достигнуть желанной цѣли. Умоляемъ вашу милость понести на себѣ эту тяготу, а мы, по возможности, станемъ помогать вамъ нести ее. Благодаримъ васъ равно и за то, что извѣстили насъ о намѣреніяхъ и о благосклонности къ намъ шведскаго короля. Мы за тѣмъ сюда прибыли, чтобы испросить у его величества протекцію себѣ и надѣемся получить ее при содѣйствіи вашей вельможности. Готовы предъ Богомъ принести присягу въ вѣрности и повиновеніи вашей милости, но желаемъ, чтобъ и ваша вельможность обязали себя присягою дѣйствовать въ согласіи съ нами и оказывать намъ содѣйствіе въ дѣлѣ спасенія отечества».

Мазепа отвѣчалъ: «Благодарю васъ, запорожцы, за довѣріе ко мнѣ. Славлю ваше ревностное желаніе добра отчизнѣ. Богъ мнѣ свидѣтель, что, отдаваясь въ руки шведскаго короля, я поступалъ не по легкомыслію и не изъ частныхъ видовъ для себя, а изъ любви къ отчизнѣ. У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей; я могъ бы удалиться въ Польшу, или куда-нибудь и спокойно провести тамъ остатокъ дней моей жизни; но, управлявши столько времени Україною, съ заботливостію и вѣрностію, насколько доставало у меня способностей, я по долгу чести и сердечной любви не могу сложа руки оставлять этотъ край на произволь неправеднаго угнетателя. Мнѣ слишкомъ извѣстно, что царь намѣревался переселить насъ всѣхъ въ иной край, а васъ, запорожцы, всѣхъ повернуть въ драгуны и ваши жилища разорить до тла. Если вы, запорожцы, еще сохранили вашу свободу, то этимъ обязаны вы только мнѣ, Мазепѣ. Еслибы замыселъ царскій осуществился, вы всѣ были бы перевязаны, перекованы и отправлены въ Сибирь. Уже Меншиковъ двигался съ ужасающею силою войска и нужно признать особое руководство Провидѣнія надъ нами, что въ эту самую пору шведскій король вступилъ въ нашъ край и подалъ всѣмъ доброжелательнымъ людямъ надежду на освобожденіе отъ угнетателей. Я счелъ своимъ долгомъ обратиться къ шведскому королю и надѣюсь, что Богъ, избавившій насъ недавно отъ опасности, по-

могетъ намъ свергнуть съ себя постыдное иго. Будемте за одно, запорожцы! Я обяжусь вамъ присягою, а вы съ своей стороны присягните мнѣ въ неизмѣнной вѣрности и дружбѣ».

Всѣ бывшіе съ Гордѣнкомъ слушали этотъ разговоръ. Запорожцы не позволили бы своему кошевому говорить съ гетманомъ наединѣ безъ свидѣтелей. Ничто такъ не поддерживало независимости въ запорожскомъ товариществѣ, какъ обычай, всегда соблюдаемый, чтобы вождь не говорилъ ничего иначе, какъ отъ имени своихъ товарищей и въ ихъ присутствіи. Отъ этого—счастливы ли исходъ получали ихъ предпріятія или несчастливый—никто за то единично не отвѣчалъ, потому что всѣ принимали участіе на совѣщаніи и каждый могъ тамъ свободно высказать свое мнѣніе.

Не легко было воздержаться запорожцамъ отъ своихъ обычныхъ приемовъ грубости и дикости. Послѣ представленія гетману, запорожцевъ пригласили къ обѣду; кошевой и старшины сидѣли за однимъ столомъ съ гетманомъ; всѣхъ равно угощали изобильно. Въ теченіи обѣда они всѣ хвалились своею привязанностію къ гетману и готовностію во всемъ повиноваться ему; но когда опьянѣли и стали уходить изъ гетманскаго покоя въ отведенное имъ помѣщеніе, то стали хватать и уносить съ собою разную утварь. Дворецкій дома хотѣлъ не допустить такого безчинства и обратился къ запорожцамъ съ жесткими замѣчаніями, хотя за обѣдомъ пилъ съ ними вмѣстѣ не меньше прочихъ. «Вы,—говорилъ онъ запорожцамъ,—рады были бы ограбить этотъ домъ; такой у васъ обычай—дѣлать подобное, куда вы только заберетесь». Запорожцы не стерпѣли такихъ замѣчаній отъ человѣка, котораго происхожденіе считали низкимъ, и пожаловались своему кошевому. Гордѣнко вообразилъ, что обида была сдѣлана умышленно ему лично и что самъ Мазепа напустилъ дворецкаго. Въ досадѣ Гордѣнко приказалъ всѣмъ запорожцамъ сѣдлатъ лошадей и хотѣлъ съ ними уѣзжать, не простившись съ гетманомъ. Но Мазепа узналъ объ этомъ вѣспору и послалъ къ Гордѣнку сказать, что сожалѣетъ о случившемся безпорядкѣ, а чтобы доказать свою невинность въ этомъ дѣлѣ, готовъ имъ отдать дворецкаго на расправу. Такая снисходительность утишила Гордѣнка и его товарищей. Дворецкій былъ имъ выданъ головою. Запорожцы повалили его на землю, топтали ногами, перебрасывали его между собою отъ одного къ другому, наконецъ одинъ изъ нихъ ударилъ дворецкаго ножомъ въ животъ и дворецкій умеръ подъ этимъ ударомъ.

На другой день послѣ того Гордѣнко съ 50 товарищами представлялся королю въ Будищахъ. Всѣ были допущены къ королевской рукѣ. Представили королю приведенныхъ съ собою 115 русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Цариченкѣ. Гордѣнко произнесъ рѣчь, выражалъ благодарность королю за обѣщаніе покровительствовать имъ и всей Украинѣ противъ общаго врага. Государственный секретарь Гермелинъ отъ имени короля произнесъ имъ отвѣтъ на латинскомъ языкѣ, а комиссаръ Сольданъ перевелъ его. Въ этомъ отвѣтѣ увѣряли запорожцевъ въ неизмѣнной благосклонности къ нимъ короля и поставляли имъ на видъ, какъ много хорошаго могутъ они получить, если воспользуются представившимися обстоятельствами чтобъ утвердить свою старинную вольность; воздали, наконецъ, запорожцамъ хвалу за ихъ храбрость, оказанную въ Цариченкѣ. «Мы, — сказалъ Гордѣнко, — уже послали съ сотню москалей крымскому хану на-показъ и надѣмся, что когда ихъ увидятъ татары, то станутъ съ нами за-одно».

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней по королевскому приказанію угощали запорожцевъ; тѣ, которые воевали въ цариченской битвѣ, получили 1.000 золотыхъ въ раздѣлъ между собою. Гордѣнко и старшины получили еще особо суммы отъ короля при открытомъ письмѣ, которое надлежало прочитатъ въ Сѣчѣ на радѣ: иначе сѣчевики стали бы домогаться, что и эти суммы слѣдуетъ раздѣлить между всѣми поровну, какъ обыкновенно у нихъ дѣлилась добыча. Мазепа отъ себя подарилъ запорожцамъ 50.000 золотыхъ въ раздѣлъ, а сѣчевымъ старшинамъ особо каждому не малыя суммы. Запорожцы и украинскіе козаки заключали между собою обязательство дѣйствовать взаимно — и Мазепа, какъ гетманъ козацкій, за все украинское козачество присягнулъ на евангеліи и на распятіи, въ которомъ вложены были частицы св. мощей. Мазепа сдѣлался опять нездоровъ, не выходилъ изъ покоевъ и произнесъ присягу у себя. Запорожцы присягали въ будищанской церкви ⁷⁾.

Тогда составленъ былъ проектъ договора со шведами въ четырехъ пунктахъ и Мазепа представилъ его на утверженіе королю. Король шведскій обѣщалъ не заключать съ царемъ мира иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Украина и Запорожье навсегда были изъяты отъ московскаго владычества со своими древ-

⁷⁾ *Adlerfeld*, франц. пер., стр. 430; нѣм. пер., ч. III, стр. 199.

ними правами и привилегіями, какими пользовались съ незапамятныхъ временъ. Король обѣщалъ во все время пребыванія шведовъ въ предѣлахъ Украины разиѣщать свои военныя силы такъ, чтобъ онѣ занятіемъ квартиръ не причиняли обывателямъ вреда. Король обѣщалъ прощенье сельскимъ жителямъ, покидавшимъ свои жилища и показывавшимъ вражду къ шведамъ, если они возвратятся въ мѣста своего жительства и стануть доставлять шведамъ продовольствіе. Король дастъ своимъ войскамъ приказаніе по отношенію ко всѣмъ малороссіянамъ соблюдать строгую дисциплину. Все это подписалъ король шведскій.

Тогда запорожцы заявили передъ королемъ желаніе, какъ бы открыты поскорѣе генеральный бой съ непріателемъ. На это отъ короля данъ былъ имъ въ такомъ смыслѣ отвѣтъ: военныя операціи зависятъ отъ времени и отъ намѣреній непріателя, заранѣе невозможно опредѣлять времени и мѣста для битвы; но король похваляетъ запорожцевъ за ихъ воинственныя побужденія и будетъ по возможности имъ содѣйствовать. Запорожцы были довольны такимъ отвѣтомъ и въ знакъ удовольствія махали шапками и саблями ^{*)}. Въ послѣдній день запорожцы были допущены къ цѣлованію королевской руки и приглашены къ королевскому обѣду на два стола ^{*)}. Послѣ того они уѣхали.

Гордѣенко толковалъ съ Мазепою и присягалъ въ будищанской церкви съ 50 человекъ, какъ говорятъ шведскіе историки: то были, вѣроятно, курѣнные атаманы, но съ ними приходилъ въ королевскую квартиру не малый отрядъ сѣчевиковъ. По отходѣ отъ короля, проѣзжали они мимо Полтавы. Русскіе, завидя ихъ со стѣнъ, начали по нимъ палить. Тогда, по приказанію Гордѣенка, сотня запорожцевъ подскочила къ городскимъ стѣнамъ, дала залпъ и повалила нѣсколькихъ человекъ на стѣнахъ. Одинъ запорожець ловко попалъ пулею въ стоявшаго на башнѣ офицера царскаго войска въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, и Гордѣенко замѣтилъ провожавшимъ его шведамъ, что у нихъ наберется 600 молодцовъ, умѣющихъ такъ мѣтко попадать изъ ружья. Запорожцы взялись провезти служившаго въ шведской арміи волоха Сандула съ письмами отъ Мазепы къ сераскиру. Мазепа извѣщалъ послѣдняго, что теперь самая удобная пора атаковать москалей. Король шведскій былъ тогда очень недоволенъ

^{*)} *Nordberg*, стр. 287 и 288.

^{*)} *Adlerfeld*, франц. пер., стр. 436.

медлительностию турецкаго двора и говорилъ: «турки ослѣпли: не видятъ случая воротить себѣ отнятыя у нихъ московитами провинціи».

То обстоятельство, что запорожцы объявили себя за Мазепу, отчасти могло поднять его дѣло хоть на короткое время. Малороссийское посольство не любило гетмана Мазепу, издавна привыкши считать его ляхомъ, перекинувшимся въ козачество, но могло поддаться обаянію запорожцевъ, на которыхъ издавна смотрѣло какъ на борцовъ за простой народъ, и не даромъ князь Григорій Долгорукій писалъ царю отъ 3 апрѣля: «воръ кошевой ядъ свой злой продолжаетъ и непрестанно за Днѣпръ пишетъ, чтобъ побивали свою старшину и къ нему черезъ Днѣпръ переходили и уже такая каналія за Днѣпромъ собирается и разбиваетъ пасѣки»¹⁰⁾.

Наказнымъ атаманомъ въ Сѣчѣ, за отсутствіемъ Гордѣнка, былъ Яковъ Симонченко. Неутомимый миргородскій полковникъ прислалъ въ Сѣчъ козаковъ съ письменнымъ увѣщаніемъ не слушать Гордѣнка и пребывать въ вѣрности государю. Симонченко приказалъ прочитать письмо Апостола въ «радѣ» и спрашивалъ совѣта—что дѣлать. Запорожцы закричали: послать кошевому «листъ» миргородскаго полковника, а тѣхъ, что привезли этотъ листъ, приковать за ноги къ пушкѣ. Немногіе стали говорить, что не нужно поступать такимъ образомъ, но голоса ихъ оказались въ меньшинствѣ. Перекричали сторонники Гордѣнка, приковали къ пушкѣ козаковъ и послали письмо Апостола къ Гордѣнку, совершенно отдаваясь на волю послѣдняго. Черезъ пять дней воротился въ Сѣчу асаулъ, ѣздившій къ Гордѣнку, и тогда козаковъ миргородскихъ приковали къ пушкамъ за шею, а не за ноги, и сказали имъ, что наказной кошевой Симонченко хочетъ ихъ разстрѣлять. Но ловкіе казаки ночью разломали другъ у друга оковы и ушли изъ Сѣчи къ своему полковнику. Они общались, что въ Сѣчѣ осталось запорожцевъ не болѣе тысячи; изъ нихъ казаки старые не хотятъ измѣнять царю, но вѣрный товарищъ Гордѣнка, Симонченко, и съ нимъ вся «сиромѣ» склонны къ бунту противъ царя и ненавидятъ москалей¹¹⁾.

Вообще, однако, запорожское братство стояло на такой тряской нравственной почвѣ, что нельзя было поручиться за долго-

¹⁰⁾ Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9.

¹¹⁾ Арх. Ин. Дѣлъ 1709 г. Подлинн. Допросы лицъ, прикосновенныхъ къ измѣнѣ Мазепы.

временность ни такого, ни иного направленія: сегодня въ Сѣчѣ возьметъ верхъ одна партія, на другой день пересилить ее противная. Не могли слишкомъ полагаться и шведы на обѣщанныя Гордѣнкомъ единодушіе и горячую готовность запорожцевъ идти въ бой противъ москалей. Самъ Гордѣнко, ворочаясь отъ короля и Мазепы въ Сѣчу, говорилъ на пути жителямъ: «разглядѣлъ я этихъ шведовъ,—полно при нихъ служить! Миѣ теперь кажется, лучше намъ по прежнему служить царскому величеству». У него то было обычное запорожское «вередованіе» (капризничанье): часто запорожецъ говорилъ вслухъ совсѣмъ противное тому, что думалъ. Но дѣйствительно въ Сѣчѣ не совсѣмъ еще безсильна была партія старыхъ козаковъ, нерасположенныхъ вообще къ крутымъ переменамъ. Еще не успѣлъ вернуться Гордѣнко въ Сѣчу, какъ къ нему прибыло 17 человекъ съ письмомъ, въ которомъ запорожцы писали своему кошевому: «какъ ты дѣлалъ, такъ и отвѣчай. Ты безъ насъ вымышлялъ, а мы, вѣрные слуги царскаго величества, выберемъ себѣ вмѣсто тебя другаго кошевого». Объ этомъ извѣстился 5 апрѣля Меншиковъ, находившійся въ Харьковѣ, а 12 апрѣля въ Харьковѣ пришло извѣстіе, что въ Сѣчѣ «рада» отрѣшила Гордѣнка и выбрала въ кошевые атаманы Петра Сорочинскаго ¹²⁾. Этотъ человекъ правительственными лицами считался благонамѣреннымъ, и когда извѣстили царя Петра о такомъ выборѣ, онъ отвѣчалъ Меншикову: «Сорочинскій человекъ добрый, я его самъ знаю» ¹³⁾. Сначала этотъ новый кошевой такимъ дѣйствительно и показалъ себя: онъ отправилъ универсалъ къ запорожцамъ, находившимся при Гордѣнкѣ, и своею властію приказывалъ имъ покинуть отрѣшеннаго кошевого, воротиться въ Сѣчу и оставаться въ вѣрности государю. Но въ Сѣчѣ затѣмъ собирались рады за радю и на этихъ радахъ происходили междоусобныя драки; подробностей мы не знаемъ, но изъ всего вышло то, что хваленый Петро Сорочинскій передался на сторону Мазепы и по его порученію отправился лично въ Крымъ просить у хана помощи противъ москалей ¹⁴⁾.

Еще въ февралѣ царь послалъ къ шведскому королю генералъ-аудитора предлагать размѣнъ плѣнныхъ. Русскимъ особенно хотѣлось освободить изъ плѣна русскаго резидента въ Швеціи Хилкова, арестованнаго при самомъ началѣ войны въ Сток-

¹²⁾ Госуд. Арх. Письма Меншикова.

¹³⁾ Голицыновъ: «Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго», т. VIII, стр. 235.

¹⁴⁾ Госуд. Арх. Письма Меншикова.

гольмѣ, тѣмъ болѣе, что царь уже отпустилъ на свободу шведскаго резидента въ Россіи Клипперкрона. Карлъ не согласился отпускать Хилкова, представляя, что Клипперкронъ нѣсколько лѣтъ сряду прежде былъ резидентомъ въ Москвѣ, а Хилковъ пріѣхалъ и задержанъ тогда, когда уже царь началъ войну. Царскій посланникъ привезъ письмо отъ Головкина къ Пиперу съ предложеніемъ съѣзда уполномоченныхъ для заключенія мира съ тѣмъ условіемъ, чтобы Россіи уступлена была часть Карелии, издавна составлявшая часть Русской державы, и часть завоеванной въ Ингріи полосы, гдѣ находился Петербургъ: за это, однако, изъявлялось желаніе дать Швеціи вознагражденіе деньгами. Сверхъ того царь хотѣлъ, чтобы обѣ стороны обязались не вмѣшиваться въ дѣла Польши, предоставивъ ей самой устроиться. Но такія предложенія были не новы для короля и Карлъ сказалъ: «Это предложеніе дѣлается намъ только для того, чтобы раздуть огонь войны. Пусть царь заплатитъ намъ всѣ убытки, нанесенные Швеціи войною, которую онъ поднялъ»¹⁵⁾. Такіе убытки цѣнили тогда шведы до милліона рублей¹⁶⁾. Послѣ того въ мартѣ пріѣхалъ къ царю въ Воронежъ, по дѣлу о разнѣнѣ плѣнныхъ, посланникъ отъ короля шведскаго и между прочимъ просилъ у царя отъ имени Карла позволеніе купить лѣкарствъ и вина для шведскаго войска. Петръ не только дозволилъ, но велѣлъ отпустить то и другое безденежно¹⁷⁾.

Между тѣмъ шведы, занявши Украину, нашли тамъ своихъ единоземцевъ, взятыхъ въ плѣнъ, между которыми были женщины и дѣти. Иные съ радостію обращались къ соотечественникамъ и просили ихъ взять съ собою, но были и такіе, что, живучи долгое время въ чужой землѣ, приняли православную вѣру, завели семейныя связи, а нѣкоторые, будучи невольниками, полюбили своихъ господъ и не хотѣли съ ними разлучаться¹⁷⁾. Не зная, что такое шведы, ненавидя Мазепу, приставаго къ нимъ, и возбуждаемые царскою стороною, малороссіянне съ перваго раза от-

¹⁵⁾ Nordberg, стр. 295.

¹⁶⁾ Камуфора: „Житіе Петра Вел.“, кн. IV, стр. 248.

¹⁷⁾ Голиковъ предполагаетъ, что этотъ посланецъ Карла, пріѣзжавшій въ Воронежъ, былъ тотъ самый генераль-аудиторъ, который вѣзлъ отъ царя къ Карлу, но у Нордберга, сообщающаго о пріѣздѣ перваго, онъ называется Эренросъ, а тотъ, который пріѣзжалъ отъ Карла къ царю въ Воронежъ, у барона Гизена, изъ котораго Голиковъ заимствовалъ извѣстія, носитъ имя Книгстерлона (Голиковъ: „Дополн. къ Дѣваніямъ Петра Вел.“, т. VIII, стр. 222).

¹⁷⁾ Nordberg, стр. 291.

носились къ нимъ враждебно; но когда съ ними ознакомливались, то начинали относиться къ нимъ иначе. И это было замѣтно по окраинамъ Полтавскаго полка въ сосѣдствѣ съ запорожцами, которые всегда имѣли на жителей этого края нравственное вліяніе. Съ своей стороны русскіе военачальники не слишкомъ мягко относились къ тѣмъ малороссіянамъ, которые приставали къ шведамъ. Генералъ Ренъ, русской службы нѣмецъ и лютеранинъ, посылалъ народу универсалъ, угрожая бѣдою тѣмъ, которые будутъ оказывать расположеніе шведамъ, и честилъ послѣднихъ невѣрными. Другой русскій военачальникъ, также нѣмецъ, Кампель взялъ городки Маячку *) и Нехворощу **) и въ обоихъ городкахъ истребилъ всѣхъ жителей ¹⁸). За то запорожцы овладѣли Новымъ Санжаровымъ ¹⁹*) и другими городками вдоль Ворсклы до ея устья у Переволочны ²⁰), и просили шведовъ выгнать москалей изъ полтавской территоріи, чтобъ открыть сообщеніе съ Запорожьемъ. Король, въ содѣйствіе запорожцамъ, послалъ туда съ отрядомъ генерала Крузе. Шведы и козаки перешли Ворсклу у Соколки ⁶) впасть и 12 апрѣля нанесли поражение генералу Рену ¹⁹).

Но этотъ успѣхъ былъ не долговремененъ. Шереметевъ отправилъ полковника Яковлева съ двумя тысячами солдатъ на Келеберду ²¹). Приплывши къ этому мѣстечку 16 апрѣля, Яковлевъ послалъ требованіе, чтобы жители покорились царю. Келебердинцы, поджигаемые запорожцами, «учинились противны» ²⁰). Тогда Яковлевъ приказалъ идти на приступъ. Келебердинскій сотникъ предлагалъ покорность, но она показалась Яковлеву не искреннею, и онъ приказалъ солдатамъ продолжать приступъ. Сотникъ и жители успѣли уйти; сотникъ убѣжалъ въ Переволочну. Яковлевъ сжегъ Келеберду, пощадивши только церковь. Это сдѣлано было въ отместку за то, что прежде келебердинцы доставляли провіантъ Мазепѣ и запорожцамъ, а свои семьи отправляли подъ защиту запорожцевъ. 18 апрѣля Яковлевъ прибылъ

*) Мѣстечко Кобыляк. уѣзда, при рѣкѣ Орели.

***) Мѣст. Константиноградскаго уѣзда, при рѣкѣ Орели.

¹⁸) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

¹⁹*) Больш. мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при рѣкѣ Ворсклѣ.

²⁰) Мѣст. Кобыляк. уѣзда, при рѣкѣ Днѣпрѣ, близъ устья Ворсклы.

²¹) Мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при рѣкѣ Ворсклѣ.

⁶) Nordberg, стр. 297. — Adlerfeld, франц. пер., ч. III, стр. 434.

¹⁹) Мѣст. Кременчуг. уѣзда, при рѣкѣ Днѣпрѣ.

²⁰) Гос. Арх. Письма Меншикова. Донесеніе Яковлева Меншикову.

къ Переволочной. Тамъ находился запорожскій полковникъ Зи-нець съ тысячею сѣчевиковъ. Ему повиновались тамошніе обыватели и набѣжавшіе въ Переволочну люди изъ окрестныхъ селеній въ числѣ двухъ тысячъ. Въ мѣстечкѣ Переволочнѣ былъ замокъ съ гарнизономъ изъ 600 запорожцевъ и достаточно запасовъ, такъ что можно было держаться нѣсколько дней. Яковлевъ, по данному ему наказу, прежде всего послалъ предложеніе сдаться и признать власть царя; запорожцы отвѣчали выстрѣлами изъ пушекъ и ружьевъ. Запорожцы считали себя искуснѣ москалей въ военномъ дѣлѣ, но ошиблись. Русскіе военные люди были многочисленнѣе и искуснѣ защитниковъ Переволочной: они ворвались въ мѣстечко, разбѣяли защищавшихъ его козаковъ и стали метать въ замокъ ядра и бомбы; защитники отстрѣливались, но ничего не могли сдѣлать. Послѣ двухчасоваго дѣла замокъ былъ взятъ, запорожцы въ числѣ 1.000 человекъ побиты, иные засѣли обороняться въ избахъ и сараяхъ и были тамъ сожжены вмѣстѣ съ ихъ убѣжищами; прочіе все бросились спасаться бѣгствомъ, но попали въ Ворсклу и въ Днѣпръ и потонули. Взято было въ плѣнъ только 12 человекъ; солдаты въ погонѣ за бѣглецами безъ разбора всѣхъ убивали, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Переволочна была самая удобная переправа черезъ Днѣпръ и потому тамъ находился большой запасъ судовъ, на которыхъ сразу можно было переправить черезъ рѣку до 3.000 человекъ. Полковникъ Яковлевъ приказалъ все эти суда сжечь, также велѣлъ истребить огнемъ въ мѣстечкѣ мельницы и все хоромное строеніе, котораго тамъ было не мало, потому что Переволочна считалась въ Украинѣ городомъ богатымъ, торговымъ, гдѣ существовала и таможня, съ которой доходъ шелъ въ войсковый скарбъ Запорожской Сѣчи ²¹⁾). Неудача въ Переволочнѣ до такой степени навела уныніе на запорожцевъ, что они стали покидать городки на Ворсклѣ, гдѣ уже размѣстили свои гарнизоны.

Исключительно только тамъ, гдѣ находились запорожцы, проявлялось до нѣкоторой степени въ народѣ расположеніе къ шведской сторонѣ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Украины народъ продолжалъ выказывать вражду къ шведамъ. Въ апрѣлѣ, какъ только началась теплая погода, мужики, составляя шайки, уходили въ только что развившіеся лѣса и оттуда высказывали на

²¹⁾ Ibid.—*Nordberg*, стр. 298.

партіи шведскихъ солдатъ, въдившихъ за фуражомъ, а самые смѣлые даже безпокоили шведовъ въ ихъ квартирахъ: какъ только офицеры и солдаты выйдутъ за чѣмъ нибудь изъ своихъ помѣщеній, такъ внезапно и нападутъ на нихъ мужики; не было возможности помѣшать такимъ набѣгамъ послѣ того, какъ изъ Гадяча и Зенькова удалились шведскія войска. Напрасно Мазепа разсылалъ свои универсалы и въ нихъ убѣждалъ собиравшихся въ дѣса мужиковъ возвратиться въ свои дворы, увѣрялъ, что шведы люди добрые, за каждую малую услугу щедро вознаграждаютъ, что, наконецъ, напрасно хозяева прячутся въ дѣсныхъ трупцахъ, потому что шведы тамъ могутъ удобнѣе ихъ истребить и овладѣть всѣмъ, что они туда сносятъ, тогда какъ во дворахъ шведы съ хозяевами ничего дурного не дѣлаютъ. Малороссійскіе мужики выходили изъ своихъ дѣсныхъ берлогъ только за тѣмъ, чтобы красть шведскихъ лошадей или убивать шведскихъ солдатъ. Нѣкоторые были пойманы шведами и казнены. Въ Рѣшетилонѣ *) , гдѣ стоялъ генералъ Крейцъ, схватили двухъ мужиковъ, которые подкладывали огонь подъ избу; имъ отрѣзали уши и носы и въ такомъ видѣ отправили къ Шереметеву **). Но эти примѣры не прекратили повсемѣстной партизанской войны малороссіянъ противъ шведовъ. Въ самой главной квартирѣ короля и Мазепы, Будищахъ, дѣлалось опасно, ожидали ночныхъ нападений, а смѣлый король, презирая всякія опасности, не заботился учреждать караулы.

Шведское войско, не пополняемое свѣжими силами, умалось и начинало деморализоваться. Хотя короля своего всѣ уважали, но повиновеніе генераламъ ослаблялось. Возникали сомнѣнія въ счастливомъ исходѣ войны, а служившіе въ шведскомъ войскѣ чужеземцы стали мало-по-малу переходить къ русскимъ **). Въ военномъ совѣтѣ генераловъ происходила рознь. Нѣкоторые по-прежнему совѣтовали отступить за Днѣпръ, въ польскую територію. Пиперъ былъ того же мнѣнія, представляя, что тогда король можетъ соединиться съ Станиславомъ и съ корпусомъ генерала Крассова стоявшимъ въ Польшѣ. Мазепа болѣе всѣхъ противился этому и добивался прежде овладѣть Полтавою, дабы имѣть опору въ Украинѣ и находиться въ постоянномъ сношеніи съ Запорожьемъ. Карлу казалось, что Полтаву взять легко, по-

*) Больш. мѣст. Полтав. уѣзда, при рѣкѣ Голтвѣ.

***) Nordberg, стр. 279 и 292.

***) Ibid., стр. 302.

тому что она укрѣплена не особенно искусно, а работы осадныя предоставлялись запорожцамъ. Тогда генераль-квартирмейстеръ Гилленкрокъ, вообще не расположенный оставаться въ Украинѣ и постоянный противникъ Мазепы, иронически сказалъ своему королю: «если съ нами не станется какое-нибудь чудо, то ни одинъ изъ насъ не выйдетъ изъ Украины; потеряетъ король и свое войско и свое государство и будетъ несчастнѣйшій изъ государей въ исторіи» ²⁴).

Еще 17 апрѣля Карлъ отправилъ часть своего войска держать въ блокадѣ Полтаву. Копанье траншей возложено было на запорожцевъ и на малороссійскихъ мужиковъ, которыхъ согнали туда по неволѣ. 24 апрѣля, по приказанію короля, вышелъ изъ Рѣшетилковки генераль Крейцъ, счастливо избѣгнувъ преслѣдованія отъ Шереметева и применивъ къ королевскому войску ²⁵). 1 мая Меншиковъ изъ Харькова прибылъ съ частію царскаго войска къ Полтавѣ и установился по лѣвому берегу Ворсклы, противъ Опошни, до Котельвы. Шереметевъ 19 апрѣля сталъ между Сорочинцами и Голтвою и находился въ постоянной коммуникаціи съ Меншиковымъ, для чего учреждена была почта: письма передавались черезъ мужиковъ генералу Рену, стоявшему съ кавалерією на берегу Ворсклы, ниже Полтавы. Нѣсколько времени не было никакихъ дѣйствій между непріязненными военными силами, которыхъ раздѣляла рѣка Ворскла. Но у самой Полтавы происходила дѣятельная работа: копались траншеи, насыпались шанцы, въ Полтаву бросались по немногу бомбы ²⁶). По временамъ посылались партіи для ловленія языковъ.

Между тѣмъ изъ шведскаго стана и изъ мазепинскаго кружка приходили перебѣжчики. Такъ, къ миргородскому полковнику пришли два ротмистра съ двумя волоскими хоругвями и Мазепинъ конюшій ²⁶), а потомъ отъ Мазепы ушелъ какой-то полковникъ съ 80 козаками—человѣкъ, въ которомъ Мазепа такъ былъ увѣренъ, что сказалъ: теперь не знаю кому вѣрить ²⁷).

²⁴) *Fryxel*, вѣм. пер., ч. I, стр. 158.

²⁵) Госуд. Арх. Письма Шереметева. — *Nordberg*, стр. 305.

²⁶) ... Тому пятый день (писано 5 мая) непріятель пришедь подъ Полтаву совсѣмъ блокировалъ и шанцы повелъ, а вчерашняго дня получили мы отъ коменданта Келина письмо, въ которомъ объявляетъ, что шанцы подъ самый ровъ проведены и бомбардируется, но не гораздо жестоко, въ сутки бомбъ по пяти пускаеть, а оный комендантъ при помощи божіей, добрый отпоръ чинить (Гос. Арх. Письма Меншикова).

²⁶) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

²⁷) *Nordberg*, стр. 303.

1-го мая шведскій король переѣхалъ въ Жуки поближе къ Полтавѣ. Мазена съ обозомъ оставался въ Будищахъ. Король наблюдалъ надъ ходомъ осады.

7-го мая, когда шведская артиллерія дѣйствовала противъ Полтавы сильнѣе, чѣмъ прежде, Меншиковъ созвалъ генераловъ на военный совѣтъ. Порѣшили: для отвлеченія непріятеля отъ Полтавы, отправить вѣзъ по теченію Ворсклы сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Беллинга, перейти Ворсклу, обойти Полтаву и направиться къ Опошнѣ, а другой отрядъ, подъ начальствомъ генералъ - квартирмейстера Гольца послать вверхъ по теченію Ворсклы, переправиться черезъ мостъ противъ Опошни и изъ этого отряда послать къ Будищу часть кавалеріи подъ командою генерала Шаумбурга и полковника Кропотова. Переходъ черезъ Ворсклу въ обоихъ пунктахъ совершился ночью съ большими трудностями: конница принуждена была переходить черезъ безмѣрные болота и вплавь черезъ глубокія воды. Посланные вверхъ по теченію Ворсклы, по переходѣ ея, встрѣчены были сперва огнемъ изъ ретраншаментовъ, устроеннаго на берегу, а потомъ натискомъ трехъ конныхъ и двухъ пѣшихъ шведскихъ полковъ, выдвинувшихся изъ Опошни на выручку сидѣвшимъ въ ретраншаментѣ; но русскіе отбились, заставили непріятеля уйти въ Опошню и зажгли предмѣстье за нимъ. Непріятель заперся въ замкѣ. Еслибы генералъ Беллингъ могъ подоспѣть, — замѣчалъ въ своемъ донесеніи Меншиковъ, — то ни одного бы человѣка не ушло тогда отъ русскаго оружія; но Беллингъ не могъ поспѣть впору и дѣйствовать на непріятеля съ тыла, потому что ему приходилось совершить большой обходъ ночью. Тѣмъ не менѣе русскіе успѣли взять въ плѣнъ 750 шведовъ и освободить нѣсколько сотъ малороссійскихъ мужиковъ, согнанныхъ шведами изъ разныхъ селеній на работы къ Полтавѣ. Между тѣмъ изъ Будищъ поднималось шведское войско; самъ король шелъ на помощь къ своимъ съ графомъ Реншильдомъ. Русскіе благополучно отступили черезъ мостъ, разрушивши его за собою. Цѣль была достигнута. Непріятель встревожился, сталъ отступать отъ Полтавы. Комендантъ Белинъ сдѣлалъ вылазку; изрубили многихъ шведовъ, оторвали часть шведскаго обоза, а на другой день перекопали непріятельскій подкопъ, веденный подъ часть полтавскихъ укрѣпленій, называемыхъ Мазуровскимъ валомъ, и выбрали подложенный шведами порохъ ²⁸⁾).

²⁸⁾ Госуд. Арх. Письма Меншикова.

Послѣ этого шведы оставили Будища и разрушенную Опошню—и все шведское войско приблизилось къ Полтавѣ. Главная квартира короля и Мазепы заложена была въ Жукахъ.

Русское войско перешло рѣку Мерлу и стало прямо противъ Полтавы. Почва, гдѣ оно расположилось, была болотиста; рускіе устроили себѣ родъ мостовой изъ фашинъ и возвели нѣсколько батарей; противъ нихъ король приказалъ устроить два редута съ четырьмя орудіями ²⁹⁾.

Полтавскій гарнизонъ умалаяся. Надобно было впустить въ городъ свѣжія силы. Меншиковъ приказалъ въ разныхъ мѣстахъ насыпать новые редуты и строить мосты, показывая видъ, будто намѣренъ переправлять войско. Но то были ложныя атаки, предпринимаемыя и вверхъ и внизъ по теченію Ворсклы, чтобы привлечь туда вниманіе шведовъ. Между тѣмъ, при помощи малороссійскихъ поселянъ, знавшихъ хорошо мѣстность, насыпана была въ иномъ мѣстѣ плотина и ночью съ 15 на 16 мая по этой плотинѣ благополучно проведенъ былъ бригадиръ Головинъ съ 1.200 солдатъ ³⁰⁾ (а по инымъ извѣстіямъ съ 900) и со всею потребною аммуниціею въ Полтаву. Но за этимъ удачнымъ событіемъ, по оплошности того же Головина, произошло другое событіе, непріятное для русскихъ. 18 мая, когда между шведскими и русскими редутами шла горячая перестрѣлка, Головинъ изъ Полтавы сдѣлалъ вылазку съ 400 человекъ, но такъ неудачно, что шведы двѣ роты положили на мѣстѣ, а самъ бригадиръ Головинъ былъ взятъ въ плѣнъ съ сорока солдатами; остальные, «приведенные въ великую конфузію», ушли въ Полтаву ³¹⁾.

Въ то же время совершилась окончательная расправа съ Запорожьемъ. Полковникъ Яковлевъ 28 апрѣля получилъ изъ Харькова отъ Меншикова царскій указъ и поплылъ по Днѣпру въ Старый Кодакъ. Запорожскій полковникъ, начальствовавшій въ этомъ городкѣ, не сопротивлялся съ большинствомъ товарищества и принесть повинную, но нѣкоторые удалые убѣжали на острова. Яковлевъ всѣхъ покорившихся законной власти отправилъ въ Новобогородскъ, а противъ убѣжавшихъ на острова послалъ погоню. Спасаясь отъ погони, многіе изъ бѣжавшихъ ушли изъ острововъ

²⁹⁾ Nordberg, стр. 307.

³⁰⁾ Adlerfeld, фран. пер., стр. 440—441.—Госуд. Арх. Письма Меншикова.—Голыкозъ: „Дѣянія Петра Великаго“, т. III, стр. 94.

³¹⁾ Госуд. Арх. Письма Меншикова.—Adlerfeld, фран. пер., стр. 441.—Nordberg, стр. 307.

въ степь. Русскіе успѣли нѣсколькихъ побить и взяли въ плѣнъ 11 человекъ, изъ которыхъ трое оказались великороссійскими бѣглыми солдатами изъ Кіева; были тамъ и бабы съ дѣтьми—остатки жителей, убѣгавшихъ изъ Украины въ Запорожскій край.

30 апрѣля Яковлевъ переплылъ черезъ Бодацкій порогъ; разбило у него два судна, но людей на нихъ не погибло никого. Причиною такой потери было то, что лопчановъ, умѣвшихъ проводить суда черезъ пороги, не было: всѣ бодацкіе жители разбѣжались, а мѣсто ихъ на судахъ занимали новобгородскіе стрѣльцы. Тутъ стали приходять къ Яковлеву запорожцы съ повинною, но Яковлевъ замѣтилъ, что это дѣлается неискренно: взятые въ плѣнъ на островахъ показали, что прїѣзжавшіе къ нимъ запорожцы уговаривали ихъ, чтобъ они не склонялись на царскую сторону, а шли бы въ Сѣчу чинить отпоръ царскому войску. Полковникъ Яковлевъ приказалъ сечь Старый и Новый Бодакъ съ ихъ предмѣстьями, съ тою цѣлю, чтобы тамъ уже не было болѣе пристанища «ворамъ». Онъ отправилъ въ обѣ стороны отъ Днѣпра въ степи отряды, въ одну сторону—царскаго войска подполковника Барина и козацкаго полковника Кандыбу, въ другую—царскаго войска подполковника Башмакова, и приказалъ истреблять безъ остатка бѣжавшихъ мятежниковъ. Скоро затѣмъ подоспѣла конница, отправившаяся по берегу Днѣпра въ то время, какъ пѣхота сѣла на суда. Тогда полковникъ Яковлевъ сообразилъ, что теперь плывущіе по Днѣпру будутъ обезопасены отъ внезапнаго нападенія противниковъ съ берега, и плылъ далѣе.

7 мая приплылъ Яковлевъ съ своимъ отрядомъ къ Каменному Затону, къ городку, построенному близъ самой Сѣчи. Вступить въ городокъ было небезопасно: слышно было, что тамъ есть люди, хворающіе заразительною болѣзнію. Яковлевъ расположился близко городка и послалъ въ Сѣчу козака Сметану съ увѣщательнымъ письмомъ князя Меншикова къ запорожцамъ. Сметана не возвратился. Пойманный запорожскій козакъ сказалъ, что посланца, привезшаго письмо, вмѣсто отвѣта, бросили въ воду. Яковлевъ попытался послать въ Сѣчу другое письмо, уже лично отъ себя, примѣняясь къ прежде посланному письму князя Меншикова. Пришелъ отъ запорожцевъ отвѣтъ—неизвѣстно, словесный или письменный — въ такомъ смыслѣ, что запорожцы не бунтовщики, держатся стороны царскаго величества, но царскихъ посланныхъ близко не допускаютъ. Между тѣмъ одинъ запоро-

жець, подвергнутый допросу, сообщилъ, что кошевой Петро Сорочинскій и Бирикъ Менькò ѣздили въ Крымъ и потомъ ханъ прислалъ изъ Крыма въ Сѣчу 15 татаръ, которыхъ запорожцы отправили въ Мазепѣ, а сами съ часу на часъ ожидаютъ вспомогательной татарской силы. Яковлевъ послалъ сдѣлать осмотръ, какъ бы ему проникнуть въ Сѣчу. Оказалось, что, по случаю сильнаго половодья, вся Сѣчь была окружена водою и многіе курѣни затоплены. Невозможно было пристать къ Сѣчѣ судами, а по степи, гдѣ обыкновенно въ другія времена года былъ сухой путь, глубокая вода захватила пространство саженъ на тридцать. Яковлевъ послалъ офицеровъ, переодѣтыхъ въ козацкое платье, рассмотреть, откуда бы можно было приступить къ Сѣчѣ. Они сообщили, что вода нигдѣ не допускаетъ проходить. Посланная на лодкахъ партія солдатъ напала на запорожскій отъѣзжій караулъ; русскіе перебили и потопили многихъ запорожцевъ, привели живьемъ одного плѣнника и тотъ показалъ, что всѣ запорожцы, какъ одинъ человекъ, не хотятъ сдаться къ царскому величеству. «Замерзло воровство во всѣхъ», — выражался Яковлевъ въ своемъ донесеніи Меншикову.

Яковлевъ приказалъ насыпать шанцы и поставить на нихъ орудія, но стрѣлять приходилось трудно на далекомъ пространстве черезъ воду, а сухопутьемъ никакъ нельзя было приблизиться къ Сѣчи. Приступъ начали на лодкахъ: онъ пошелъ неудачно для царскихъ силъ. У Яковлева было убито отъ 200 до 300 человекъ, а раненыхъ было еще больше и въ томъ числѣ офицеровъ; тѣ, которые попадались запорожцамъ въ плѣнъ, были подвергаемы безстыднымъ истязаніямъ и мучительной смерти*).

Но вдругъ поворотилось дѣло иначе. Явился присланный отъ генералъ-маіора Волконскаго компанейскій полковникъ Игнатъ Бгалаганъ съ своимъ полкомъ и съ драгунами, повѣренными ему отъ генерала Волконскаго. Бгалаганъ не былъ знакомъ съ запорожцами. Онъ провелъ молодость въ Сѣчѣ, отличался много разъ въ удалыхъ козацкихъ подвигахъ; его избирали даже въ кошевые. Воротившись отъ Мазепы, онъ получилъ царское прощеніе и милость, сталъ вѣрно служить своему государю и теперь, исполняя царскую волю, шелъ громить Сѣчу, ему когда-то близкую и, такъ-сказать, родную. Онъ зналъ всѣ входы и

*) ... а которыхъ живьемъ они измѣнники побрали и тѣхъ такожъ срамно и тирански рубали (Гос. Арх. Письма Меншикова. Донесеніе Яковлева).

исходы этой Сѣчи; всѣ козаціе «звычай» сѣчевой братіи ему были извѣстны. Сначала запорожцы, увидя идущую къ нимъ новую ратную силу, думали: не татары ли это, которыхъ обѣщаль ханъ прислать. Но потомъ, когда узнали, что за гости прибыли къ нимъ, пришли въ смятеніе. Русскіе ворвались въ городъ и начали избіеніе. Бгалаганъ кричалъ: «положите оружіе и сдавайтесь, будетъ вамъ пощада!» Запорожцы впослѣдствіи говорили, что Бгалаганъ далъ тогда присягу, и только довѣрившись такой присягѣ, запорожцы покорились. 300 человекъ было взято въ плѣнъ; въ числѣ ихъ были старшины запорожскаго коша. Яковлевъ приказалъ знатнѣйшихъ изъ плѣнниковъ заковать, а прочихъ казнить на мѣстѣ «по достоинству». Запорожцы впослѣдствіи говорили, что казни эти сопровождались страшною свирѣпостію *). Всѣ пушки, военныя принадлежности и войсковыя клейноты были описаны и взяты. Яковлевъ, исполняя царскій указъ, сжегъ всѣ курѣни и всякое строеніе въ Сѣчѣ, «чтобъ оное измѣнничье гнѣздо весьма искоренить», а Бгалаганъ, въ ревности къ исполненію царской воли, не остановился только на этомъ, но отправился въ погоню за разбѣжавшимися запорожцами, ловилъ ихъ и отдавалъ на расправу войсковому русскому начальству **).

Петръ, получивши извѣстіе о разореніи Сѣчи, былъ чрезвычайно доволенъ, потому что считалъ Запорожье важнѣйшимъ корнемъ измѣны и всякой смуты въ Украинѣ ***). Онъ издалъ

*) ... тое учинилося у насъ въ Сѣчи, где по присязѣ Бгалагановой и московскою товариству нашему головы лулено, шію до плахи рубано, вѣшано и иные тиранскіе смерти задавано, а надто що и въ поганствѣ за древнихъ мучителей не поводилося мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не тилко товариства, но и чернецовъ откопувано, головы онымъ утинано, шкуры лулено и вѣшано (Арх. Ин. Дѣлъ 1710 г., № 3. Письмо кошевого Стефаненка гетману Скоропадскому).

**) ... ненасытившись такового душепагубного прибытку, а заостривши сердце свое жалою сатанинскимъ, чатами своихъ единомышленныхъ людей въ Тернувцѣ и по иныхъ годностахъ и урочищахъ працею кровавою на добычяхъ звѣриныхъ козаковъ невинныхъ въ московскіе тиранне бездѣбно запродавъ руки. И тотъ своего безчеловѣчія не престаючи, посылаетъ своихъ къ нимъ шпѣговъ и конѣ займати злодѣевъ и всякіе подступки чинити легкомысленныхъ людей, яко теды всякіе утиски, кривды и неволи людямъ украинскимъ за поводомъ и причиною его помянутого безбожника Бгалагана нанеслося (ibid.).

***) Царь писалъ Меншикову: „Сегодня получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріателю было что мы съ превеликою радостію услышавъ, Господу отомстителю злымъ бла-

манифестъ ко всѣмъ малороссіянамъ, излагалъ въ немъ вины запорожцевъ, ихъ коварство, съ какимъ они въ послѣднее время старались обмануть русское правительство, прикидываясь покорными, и въ то же время вели вредныя для Россіи сношенія съ неприятелями. Царь оповѣщалъ, что запорожцы сами виновны въ своей гибели, приказывалъ ловить убѣжавшихъ изъ Сѣчи и доставлять полковникамъ и сотникамъ для отсылки на расправу. Но тѣмъ изъ нихъ, которые сами явятся съ повинною и принесутъ раскаяніе, обѣщалась пощада³¹⁾.

27-го мая къ войску, стоявшему напротивъ Полтавы, прибылъ Шереметевъ, а 1-го іюня пріѣхалъ туда же давно ожидаемый царь и привелъ съ собою свѣжія военныя силы.

Съ этихъ поръ сторона шведская замѣтно стала оказываться слабѣйшею въ сравненіи съ русскою. У русскихъ безпрестанно прибывали силы и скоро у нихъ было, какъ говорили, до 80.000; шведы, между тѣмъ, безпрестанно теряли свои силы отъ большаго числа побитыхъ въ бояхъ и умершихъ по причинѣ болѣзней и всякаго рода лишеній. Все чаще и чаще становились случаи перебѣга къ русскимъ. Добываніе Полтавы не удавалось такъ легко, какъ думалъ вначалѣ король, поддаваясь совѣтамъ Мазепы и своего фельдмаршала Реншильда, который надѣялся, что русскіе, неучи и варвары, не сумѣютъ вести правильной защиты и скоро сдадутся. Осада затянулась. Попытки небольшихъ приступовъ были отражены. Шведамъ удавалось иногда взобраться на крѣпостной валъ; тогда изъ Полтавы бѣжали отбивать ихъ не только царскіе воины, но и жители со всякимъ оружіемъ, даже старики, женщины и полувзрослые ребята. Шведы подводили подъ крѣпостной валъ мины, но одинъ унтеръ-офицеръ изъ шведскаго войска, похитившій ротныя деньги и страшившійся за то кары, убѣжалъ къ русскимъ и открылъ имъ куда ведется мина, а русскіе по его указанію устроили контрмину и выбрали порохъ, подложенный въ шведской минѣ. Король съ своею обычною отвагою и стойкостію употреблялъ вся-

---

годарили со стрѣльбою". Въ письмѣ къ Апраксину: „Полковникъ Яковлевъ Запорожье штурмовалъ, однакожь оное проклятое гнѣздо взялъ и оныхъ воровъ всѣхъ порубилъ и тако послѣдній корень Мазепинъ съ помощію божіею выкорененъ, съ чѣмъ вашу милость поздравляю (Гос. Арх. Письма Петра. — Голыковъ. „Дѣянія Петра Великаго“, т. III, стр. 90. — „Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел.“, т. VIII, стр. 241).

³¹⁾ Чт. М. О. И. в Др. 1859 г., т. I, стр. 221 — 227. — *Рисельманъ*, ч. III, стр. 78.

жя усилия, чтобы воодушевить воинов собственнымъ примѣромъ. Онъ приказалъ устроить помѣщеніе для себя близко полтавскаго вала, такъ что до стѣнъ домика, построеннаго для короля, долетали непріятельскія пули. Все это поддерживало высокое уваженіе въ шведахъ къ своему государю, но дѣлу не могло помочь на столько, чтобы дать шведамъ перевѣсъ въ войнѣ. У шведовъ уже чувствовался недостатокъ пороха и боевыхъ запасовъ и шведскіе солдаты подбирали на полѣ непріятельскія пули, чтобы снова заряжать ими свои ружья. Почти всѣ инженерные офицеры были у нихъ побиты и ихъ замѣняли офицерами изъ строевыхъ полковъ, мало свѣдущими въ инженерномъ искусствѣ. Запорожцы, работавшіе въ траншеяхъ, послѣ нѣсколькихъ поражений, нанесенныхъ имъ вылазками осажденныхъ, стали покидать свои земляныя работы и кричали, что копать въ землѣ — дѣло мужицкое, недостойное ихъ рыцарскаго званія. Уже въ шведскомъ станѣ чувствовался и недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ; истощился небольшой округъ окрестностей Полтавы, гдѣ размѣщалось шведское войско; солдаты питались кониною и плохимъ хлѣбомъ, а кружка водки у маркитантовъ продавалась отъ семи до десяти талеровъ. Бѣдные голодные солдаты вопили: или смерти, или хлѣба!

Петръ, на другой сторонѣ Ворсклы, ошанцовалъ свой станъ и устроилъ на берегу редуты, откуда безпрестанно палили на шведское войско, стоявшее вдоль другого берега Ворсклы, а между русскимъ войскомъ на лѣвой сторонѣ рѣки и осажденною на правомъ берегу Полтавою — не прерывались сношенія. Русскіе передавали между собою извѣстія посредствомъ писемъ, заложенныхъ въ пустыхъ ядрахъ и пуляхъ²³⁾. Вскорѣ послѣ своего прибытія въ войску, 4-го іюня, Петръ послалъ въ пустой бомбѣ къ полтавскому коменданту письмо, извѣщая о своемъ пріѣздѣ, благодарилъ весь гарнизонъ за стойкость и утѣшалъ его скорымъ освобожденіемъ. Такимъ способомъ переброшено было въ Полтаву нѣсколько списковъ и къ солдатамъ и къ горожанамъ. Это возбудило въ Полтавѣ такую бодрость, что, по прочтеніи царскаго письма, дали въ соборной церкви присягу защищаться до послѣдней капли крови и заранѣе объявляли измѣнникомъ всякаго, кто захочетъ поступать противно этой присягѣ. Одинъ *благоразумный* обыватель на сходкѣ сталъ толко-

²³⁾ *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 161.

вать, что, въ виду ослабленія силъ и недостатка средствъ для осажденныхъ, не лучше ли будетъ сдать Полтаву, выговоривъ у непріятеля льготныя условія. Полтавцы, услышавши такое слово отъ своего земляка, пришли въ неистовство, тотчасъ позвали протопопа, приказали ему нанутствовать оратора причащеніемъ Св. Таинъ, а когда дѣло духовное было исполнено, вывели изъ храма и побии каменьями и дубинами ²⁴⁾). Въ русскую армію слались изъ Полтавы такимъ же способомъ письма съ извѣщеніями о положеніи гарнизона ²⁵⁾). Кромѣ того, малороссіяне съ правой стороны Ворсклы безстрашно переплывали рѣку и приносили русскимъ извѣстія о томъ, что дѣлается у шведовъ, такъ что русскимъ извѣстны были всѣ движенія ихъ непріятелей.

14 іюня шведы потеряли городокъ Старый Санжаровъ ²⁶⁾), лежавшій внизъ по Ворсклѣ, покоренный ими еще въ апрѣлѣ и съ тѣхъ поръ служившій пунктомъ опоры шведской линіи и связи съ запорожцами, которыхъ притонъ съ бошевымъ Гордѣнкомъ находился нѣсколько ниже по теченію Ворсклы въ городѣ Новомъ Санжаровѣ. Въ Старомъ Санжаровѣ поставленъ былъ немногочисленный шведскій отрядъ, но туда отправлены были, въ качествѣ военноплѣнныхъ, русскіе, составлявшіе веприкскій гарнизонъ, сдавшійся шведамъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ тамъ подполковникъ Юрловъ. Онъ чрезъ шпіона далъ знать въ русскій станъ, что шведовъ, охраняющихъ Старый Санжаровъ, немного; стѣитъ только послать поскорѣе войско и можно будетъ овладѣть имъ, потому что содержащіеся тамъ плѣнные русскіе тотчасъ помогутъ соотечественникамъ. По этому сообщенію, Петръ отрядилъ туда генераль-поручика Гейкинга съ семью полками, который прежде прогналъ шведскаго генераль-майора Крузе, потомъ 14 числа напалъ на Старый Санжаровъ. Русскіе плѣнные перебили своихъ караульныхъ и способствовали Гейкингу овладѣть городомъ. Шведы, однако, оборонялись упорно; 800 пало въ битвѣ, а остальные сдались въ числѣ 300 человекъ. Освобождено было 1.200 русскихъ плѣнныхъ. Эта побѣда стоила русскимъ убитыми и ранеными до двухсотъ слишкомъ человекъ ²⁷⁾).

²⁴⁾ Голіковъ: „Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел.“ т. XV, стр. 314—315.

²⁵⁾ Протопопъ полтавскій писалъ государю: „Спаси ны погибающихъ, приди и неукосни, прости руку помощи, яви ны изъ глубины обышедшихъ ны золь“, (ibid., стр. 292).

²⁶⁾ Нынѣ мѣст. Старый Санжаровъ, Полтавскаго уѣзда, въ 23 верст. отъ Полтавы.

²⁷⁾ Голіковъ: „Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XV, стр. 300.

Въ половинѣ іюня, къ довершенію неудобствъ для шведовъ стоявшихъ подъ Полтавою, наступили чрезвычайныя жары, которые усиливали болѣзненные страданія раненыхъ. Король собралъ военный совѣтъ затѣмъ, чтобы подумать, какъ далѣе вести дѣло. Шведскіе генералы находили, что всего лучше оставитъ осаду Полтавы и уйти за Днѣпръ въ польскія владѣнія. Но теперь это не такъ-то легко было: позади стоялъ гетманъ Скоропадскій съ малороссійскимъ войскомъ въ Сорочинцахъ, а къ нему применилъ князь Григорій Долгорукій съ шестью полками и съ 4.000 калмыковъ и волоховъ. Далѣе фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольцъ вступилъ на правый берегъ Днѣпра, двинулся на Волынь и соединился съ польскимъ войскомъ Огинскаго, противника Станислава. Они въ половинѣ мая одержали побѣду надъ сторонникомъ Станислава, старостой бобруйскимъ Сапѣгою, при рѣкѣ Стыри, недалеко Берестечка^{*)}). Поэтому возвращеніе Карла назадъ, въ виду большого русскаго войска, стоявшаго за Ворсклою, было предпріятіемъ слишкомъ отважнымъ и не безопаснымъ.

Въ такомъ положеніи Карлъ началъ сходитьсѣ съ генераломъ Левенгауптомъ, на котораго косился за неудачную битву подъ Лѣвнымъ. 16 іюня вечеромъ, когда Левенгауптъ не раздѣваясь легъ на постель, неожиданно вошелъ къ нему король, много дней уже не говорившій съ нимъ, и сталъ спрашивать совѣта—что дѣлать. Левенгауптъ отвѣчалъ, что не можетъ дать никакого совѣта. Король сталъ ходить взадъ и впередъ и потомъ снова сталъ его спрашивать съ особенно ласковымъ видомъ. Левенгауптъ сказалъ: «остається оставить осаду Полтавы и ударить всѣми силами на непріятельскій станъ». Но генералъ тогда же замѣтилъ, что королю этотъ совѣтъ не понравился. Ударило 11 часовъ. «Я слышалъ,—сказалъ король,—что русскіе хотятъ переходить черезъ рѣву; поѣдемъ вмѣстѣ верхомъ къ рѣкѣ».

Поѣхали. Король сталъ ѣздить взадъ и впередъ по берегу неизвѣстно зачѣмъ и такъ прошла ночь. Стало разсвѣтать. Наступилъ день 17 іюня—день рожденія короля. Тутъ король спустился еще ниже къ рѣкѣ; изъ-за рѣки засвистали пули русскіихъ, увидавшихъ непріятелей, совершающихъ рекогносцировку. Барлу такая прогулка подъ непріятельскими пулями составляла пріятнѣйшее удовольствіе. Это у него носило названіе: *amusement à la moutarde*—и онъ не рѣдко любилъ такимъ образомъ

^{*)} Ibid., стр. 294.—Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9.

проѣзжаться съ своими генералами, чтобы показать врагамъ удаливость и отвагу шведовъ. «Ваше величество,—сказалъ ему Левенгауптъ,—не оставайтесь здѣсь такъ долго. Безо всякой причины нельзя выставлять на убой простаго солдата, не то что королевскую особу». Вдругъ въ это время непріятельская пуля убила подъ Левенгауптомъ лошадь. «Ваше величество!—закричалъ падающій Левенгауптъ,—ради самого Бога оставьте это мѣсто!»—«Bagatelle!—воскликнулъ Карль:—вы получите другую лошадь».

Послѣ этихъ словъ Карль спустился еще ниже къ рѣкѣ и сталъ ѣздить взадъ и впередъ, явно издѣваясь надъ опасностію. Левенгаупту привели другую лошадь. Его безпокоила безразсудная дерзость короля, онъ подѣхалъ къ нему, пытался еще разъ отвлечь его и сказалъ ему въ дружескомъ тонѣ: «ваше величество! нельзя бесполезно губить и солдатъ, не то что генераловъ. Я поѣду своею дорогой». И съ этими словами онъ повернулъ свою лошадь. Королю стало неловко: выходило, что онъ подвергаетъ опасности безъ всякой цѣли не только себя, но и своихъ вѣрныхъ генераловъ. Онъ поѣхалъ за Левенгауптомъ, но ѣхалъ медленно. Вдругъ король завидѣлъ или услышалъ, что непріятель пытается переходить Ворсклу. Встрѣтились ему свои войны и онъ приказалъ имъ ѣхать съ нимъ отгонять русскихъ. Русскихъ не было: быть-можетъ, королю невѣрно показалось, что они переходили, или, быть-можетъ, они уже отступили, сдѣлавши ложное движеніе. Король снова сталъ ѣздить по берегу то взадъ, то впередъ; наконецъ, когда онъ повертывалъ свою лошадь, чтобы удалиться отъ рѣки, вдругъ непріятельская пуля задѣла ему пятку лѣвой ноги, прошла вдоль подошвы и застряла между ножными пальцами. Король держалъ себя такъ, какъ будто съ нимъ ничего не произошло. Служитель, провожавшій его верхомъ, замѣтилъ, что у него изъ сапога выступаетъ кровь. Карль не тревожился, но сталъ ослабѣвать и блѣднѣлъ. Подогнали его лошадь, чтобы скорѣе онъ могъ достигнуть стана. На пути встрѣчаетъ его Левенгауптъ. «Ахъ, ваше величество!—произнесъ онъ,—сталось таки то, чего я такъ боялся и что предрекалъ».—«Ничего,—отвѣчалъ король,—это только въ ногу; пуля въ ногѣ застряла, но я велю ее вырѣзать». Несмотря на свое ослабленіе, онъ поѣхалъ не къ себѣ, а къ траншеямъ, раздавалъ приказанія своимъ генераламъ Спарре и Гилленароку и не раньше какъ черезъ часъ вернулся въ свое помѣщеніе. Рана между тѣмъ про-

извела воспаление, такъ что нога разбухла и нельзя было снять сапога: пришлось его разрѣзать—и это причинило королю жестокую боль. Много костей въ ступнѣ оказалось раздробленными. Хирургъ производилъ глубокіе взрѣзы и вынималъ осколки костей. Карлъ не кричалъ отъ боли, но ободрялъ хирурга, говоря: «рѣжьте живѣе, — это ничего». Онъ даже не допустилъ никого изъ присутствующихъ помогать себѣ и собственными руками поддерживалъ изуродованную ногу. Когда послѣ того явились къ нему генералы Реншильдъ и графъ Пиперъ, Карлъ увидѣлъ въ ихъ чертахъ соболѣзнованіе и сталъ ихъ утѣшать: «Не безпокойтесь за меня, — говорилъ онъ, — рана вовсе не опасна; я черезъ нѣсколько дней опять буду ѣздить верхомъ».

Однако, какъ ни бодрился отважный король, а рана заставила, противъ его воли, пролежать нѣсколько дней въ постелѣ. Послѣ первой операціи появилось дикое мясо; хирургъ боялся употреблять въ дѣло инструментъ и хотѣлъ выжигать больное мѣсто ляписомъ. Король не допустилъ его, взялъ у него изъ рукъ ножницы и собственноручно, по указанію хирурга, обрѣзывалъ себѣ дикое мясо. Была сильная жара, — всѣ боялись, что образуется гангрена и придется королю отнимать ногу. Медяки оставляли уже ему какіе нибудь сутки жизни. Это состояніе постигло короля на пятый день послѣ полученія раны. Только тогда уговорили его принимать предписываемыя врачами лѣкарства, такъ какъ онъ всегда не терпѣлъ лѣчиться. Когда его, наконецъ, принудили принять медикаментъ, онъ заснулъ и послѣ того ему становилось лучше. Въ продолженіи того времени, когда раненый долженъ былъ оставаться въ постелѣ, его «тафельдекеръ» Гутманъ потѣшалъ больного короля разсказами о старыхъ скандинавскихъ битвахъ героическихъ временъ; особенно королю понравилась сага о Рольфѣ Гетрегсонѣ, который одолѣлъ русскаго волшебника на островѣ Ретузари, покорилъ своей власти русскую и датскую земли и черезъ то приобрѣлъ себѣ славу на всемъ сѣверѣ. Очевидно, Карлу хотѣлось тогда сдѣлаться такимъ сказочнымъ богатыремъ ³⁷⁾.

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

³⁷⁾ *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 165.—*Nordberg*, нѣм. пер., ч. III, стр. 308.—*Adlerfeld*, франц. пер., ч. III, стр. 450.

З а т и ш ь е.

Господи, сжапись! Мнѣ душно, мнѣ больно,
Сердце больное томится тоской.
Грудь мнѣ сжимають рыданья невольны,
Злоба и грусть овладѣли душой.

Боже! безсиленъ я, слабъ и ничтоженъ, —
Мнѣ ли лѣнивыхъ отъ сна поднимать?
Мнѣ ли тотъ подвигъ завидный возможенъ —
Честныхъ подъ стягъ для борьбы призывать?

Что-жь вы молчите, вожди и пророки?
Всюду — неправда надмѣнно царить,
Всюду — предательство, рабства пороки...
Что же вашъ гнѣвъ вдохновенный молчить?

Больно мнѣ. Я не могу, не умѣю
Съ тьмой торжествующей мысль примирять.
Въ смерть идеаловъ я вѣрить не смѣю...
Боже, какъ страшно любя проклинать!

Счастливъ невидящій, кто безъ сомнѣній
Къ битвѣ неравной съ неправдой готовъ,
Кто не боится тревогъ и лишеній
И, какъ дитя, не считаетъ враговъ.

Вѣры незнанья въ груди не имѣя,
Жертвой ненужной я быть не могу.
Свѣтъ чуть замѣтенъ. Неправда сильнѣе.
Наши порывы не страшны врагу.

Господи, сжапись! Пусть призраки ночи
Сердце больное не мучать тоской.
Или закрой мои зрячія очи, —
Пусть я безъ пользы паду подъ грозой...

Н. Соколовъ.

Государственная роспись на 1882 годъ.

Ш *).

Расходы.

Приступая къ разсмотрѣнію государственной росписи на текущей годъ (*Русская Мысль*, кн. II), я высказалъ нѣсколько мыслей по поводу общей цифры предположенныхъ обыкновенныхъ расходовъ и, сравнивая эту цифру какъ съ смѣтной цифрой на предыдущій 1881 годъ, такъ и съ дѣйствительною цифрой расхода 1880 года, пришелъ къ заключенію, что эта цифра далеко не достаточна, такъ какъ она, составляя сумму въ 658.595.151 рубль, менѣе предположенной суммы въ 1881 году на 12 милл. руб. и менѣе дѣйствительнаго расхода, произведеннаго въ 1880 году, на 75 милл. руб. При этомъ я напомню читателю, что въ цифрѣ расхода 1880 года, показанной въ отчетѣ государственнаго контроля, мною сдѣлана поправка и изъ вѣдомости о чрезвычайныхъ расходахъ военнаго времени, показанныхъ особо, перенесена къ обыкновеннымъ расходамъ сумма въ 38.530.172 руб., такъ какъ эти расходы не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что бы отличало ихъ отъ обыкновенныхъ ежегодныхъ издержекъ. Желаящіе удостовѣриться въ правильности моего заключенія могутъ справиться въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля за 1880 годъ, стр. 41 и 42. Изъ числа указанныхъ здѣсь расходовъ въ суммѣ 54.818.163 руб. и отнесенныхъ къ разряду чрезвычайныхъ, вызванныхъ войною, только развѣ расходы по закаспійской экспедиціи могутъ быть причислены къ этому разряду. Всѣ же остальные встрѣчаются постоянно то въ той, то въ другой мѣстности нашего отечества. Такъ,

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

напримѣръ, расходы по принятію мѣръ предосторожности при переговорахъ съ Китаемъ могутъ потребоваться во всякое другое время при разрѣшеніи какихъ-либо щекотливыхъ вопросовъ со всякимъ другимъ государствомъ и не заключаютъ въ себѣ ничего чрезвычайнаго; то же можно сказать, и еще съ большимъ основаніемъ, о всѣхъ другихъ расходахъ, указанныхъ въ вѣдомости, какъ, напримѣръ, заготовленіе оружія, пополненіе неприкосновеннаго запаса, возведеніе укрѣпленныхъ пунктовъ и т. д.

Вслѣдствіе этого я прихожу къ заключенію, что обыкновенные расходы 1880 года доходили до 733 милл. руб., а не до 694 милл. руб., какъ указано въ отчетѣ государственнаго контроля. Само собою разумѣется, что сократить обыкновенный расходъ въ теченіе одного года на 75 милліон. рублей, безъ всякихъ радикальныхъ реформъ въ нашей системѣ государственнаго устройства и управленія, представляется положительно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что постоянное возрастаніе нашего расходнаго бюджета идетъ неудержимо и обуславливается многими причинами экономическаго и политическаго характера, къ устраненію которыхъ до сихъ поръ не сдѣлано никакихъ попытокъ. Не говоря уже о томъ, что съ развитіемъ государственной и общественной жизни возникаютъ постоянно новыя нужды и потребности, требующія удовлетворенія, не говоря даже о томъ, что эти нужды, въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства въ послѣдніе годы, мало обращали на себя вниманія, — достаточно указать на паденіе нашей валюты въ теченіе настоящаго и исхода прошлаго годовъ, чтобъ убѣдиться въ недостаточности предположенной цифры расхода, такъ какъ это паденіе вызываетъ не только прибавку къ платежу процентовъ по металлическимъ государственнымъ и желѣзнодорожнымъ займамъ, но и возвышеніе цифры всѣхъ операціонныхъ расходовъ государства. Поэтому какъ бы ни было сильно стремленіе лицъ, стоящихъ во главѣ различныхъ вѣдомствъ, къ сокращенію установившихся обычаемъ расходовъ, но ожидать отъ подобныхъ усилій серьезныхъ послѣдствій рѣшительно невозможно, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ основаній при настоящемъ порядкѣ вещей предположить существованіе этихъ усилій. Напротивъ, всякое лицо, стоящее во главѣ извѣстнаго управленія, должно стремиться къ улучшенію той части, которая ему ввѣрена, а всякое улучшеніе требуетъ новыхъ средствъ. Такимъ образомъ экономія, достигнутая въ одномъ случаѣ, необходимо будетъ по-

гложена какою-нибудь новой, необходимою, потребностію, и въ общемъ окажется только превышеніе расходовъ въ сравненіи съ предыдущими годами. Въ виду подобныхъ соображеній не надобно быть пророкомъ, чтобы предсказать это послѣдствіе: для этого достаточно взглянуть на исторію нашего бюджета и анализировать его отдѣльныя цифры.

Общая сумма всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ, предположенныхъ на 1882 годъ, распредѣляется по вѣдомствамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

	С у м м а.	Процентное отношеніе къ общей суммѣ расхода.
Государственный долгъ	198.776.278 р.	30,20
Военное министерство.	183.489.042 »	27,86
Министерство финансовъ	78.430.477 »	11,90
Министерство внутрен. дѣлъ	65.120.548 »	9,88
Морское министерство.	27.507.721 »	4,17
Министерство государственныхъ имуществъ.	19.244.882 »	2,92
Министерство народнаго просвѣщенія	18.030.867 »	2,73
Министерство юстиціи.	16.780.362 »	2,54
Министерство путей сообщенія.	16.072.905 »	2,44
Вѣдомство святѣйнаго синода.	10.300.800 »	1,56
Министерство Императорскаго Двора	8.954.000 »	1,34
Расходы гражданскаго управленія Закавказскаго края.	7.252.291 »	1,10
Министерство иностран. дѣлъ	3.686.185 »	0,56
Государственный контроль	2.367.225 »	0,34
Высшія государственныйя учрежденія.	1.650.230 »	0,25
Главное управленіе государственнаго коннозаводства	931.329 »	0,14
	<u>658.595.151</u> »	<u>усѣчен. дробн. 0,13</u>
		<u>100°/о</u>

Такъ значитъ распредѣленіе суммъ обыкновенныхъ расходовъ по росписи. Но нѣкоторые расходы военнаго вѣдомства производятся по другимъ министерствамъ и поэтому необходимо сдѣлать въ этой таблицѣ нѣкоторую поправку. Къ этимъ рас-

ходамъ относятся, во-первыхъ, по министерству финансовъ: пенсiи и пособiя разнымъ чинамъ военнаго вѣдомства; весь расходъ на этотъ предметъ составляетъ 24.614.000 рублей и, конечно, половина его должна быть отнесена на счетъ военнаго и морскаго вѣдомства, затѣмъ расходы по призыву и приему на службу въ войска 2.462.000 руб.; во-вторыхъ, по министерству внутреннихъ дѣлъ мѣстныя военныя потребности въ губерніяхъ Царства Польскаго на сумму 1.666.087 руб., и, въ-третьихъ, по министерству государственныхъ имуществъ выдача арендныхъ денегъ составляетъ расходъ до 2.000.000 рублей, изъ которыхъ половина также должна быть отнесена на счетъ военнаго вѣдомства. Сводя общую сумму военныхъ расходовъ, производимыхъ по смѣтамъ другихъ вѣдомствъ, окажется, что они достигаютъ 17.435.087 руб., которые должны быть причислены къ расходамъ военнаго министерства. Такимъ образомъ эти расходы займутъ не второе, а первое мѣсто въ нашемъ бюджетѣ, такъ какъ они доходятъ до цифры 200.924.129 рублей и составятъ не 27,86% всего расхода, а 30,50%; если же присоединить сюда расходы морскаго вѣдомства, какъ относящiеся къ расходамъ на военную оборону государства, то окажется, что на этотъ предметъ мы тратимъ 34,67% всѣхъ вообще расходовъ или болѣе $\frac{1}{3}$ нашего расходнаго бюджета. Затѣмъ если принять въ соображеніе, что на уплату процентовъ по государственному долгу предположено 30,20% всего бюджета и что, въ виду паденiя цѣнности кредитнаго рубля, эта сумма должна быть увеличена почти на 8 милл. рублей, то оказывается, что двѣ статьи нашего бюджета, т. е. уплата процентовъ и оборона государства, поглощаютъ болѣе двухъ третей расходнаго бюджета и на удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ насущныхъ нуждъ государства не остается и $\frac{1}{3}$ всѣхъ свободныхъ средствъ государственнаго казначейства. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что я принялъ въ соображеніе лишь цифру смѣтнаго назначенiя, а не дѣйствительнаго расхода, который всегда болѣе смѣтнаго. Такъ на 1880 г. назначено было по смѣтѣ 193 милл. рублей, а израсходовано 208 мил. руб., помимо тѣхъ, которые показаны въ числѣ чрезвычайныхъ; на 1879 годъ назначено 184 милл. руб., а израсходовано 187 милл. руб.; на 1878 годъ назначено 184 милл. руб., а израсходовано 186 милл. руб.; что же касается до расходовъ 1877 и 1876 годовъ, то они простирались до 190 милл. руб. и далеко превысили цифру нормальнаго бюджета, опредѣ-

леннаго въ 1873 году въ 170 милл. руб., съ тѣмъ, что въ послѣдующее пятилѣтіе онъ не долженъ былъ превысить суммы 180 милл. р. Если такое категорическое постановленіе, какъ опредѣленіе нормальнаго бюджета съ правомъ употреблять остатки одного года на потребности другаго, не могло удержать бюджетъ въ опредѣленномъ размѣрѣ и военные расходы увеличились на 10 милл. руб., то нѣтъ никакого основанія утверждать, что и нынѣ опредѣленная сумма 183 милл. руб. будетъ достаточна. Доказательство этой мысли читатель найдетъ при дальнѣйшемъ анализѣ означенной суммы.

Но прежде, нежели приступлю къ этому анализу, я считаю не лишнимъ указать, какъ возрастали наши расходы военнаго министерства. Нижеслѣдующая таблица указываетъ это возрастаніе съ 1866 года.

Годы.	Сумма расхода.	Процентное отношеніе ко всему расходу.
1866	129.687.366 р.	31,37%
1867	127.284.116 »	29,95
1868	136.717.623 »	30,98
1869	147.702.355 »	31,50
1870	145.211.211 »	29,91
1871	159.257.317 »	31,79
1872	165.924.570 »	31,49
1873	175.033.107 »	32,49
1874	172.479.924 »	31,74
1875	175.431.989 »	32,29
1876	190.304.276 »	33,38
1877	190.087.258 »	33,16
1878	186.449.499 »	31,04
1879	187.451.193 »	29,32
1880	208.577.436 »	30,05

Разсматривая эту таблицу, оказывается, что расходы военнаго вѣдомства возрастали не только абсолютно, но и относительно общей цифры расхода, т. е. поглощали все большую и большую часть изъ общей суммы издержекъ. Въ сравненіи съ 1866 годомъ они увеличились абсолютно на 79 милл. руб., или болѣе чѣмъ на 61%. Относительное же ихъ увеличеніе въ общей массѣ издержекъ въ 1876 году возросло до 33,38%, т. е. поглотило болѣе 1/3 всѣхъ расходовъ. Затѣмъ въ послѣдніе четыре года замѣчается, повидимому, нѣкоторое пониженіе процентнаго отно-

шенія. Я говорю *повидимому* на томъ основаніи, что дѣйстви- тельнаго сокращенія въ расходахъ не было и быть не могло, въ виду одновременно производившихся чрезвычайныхъ расхо- довъ, вызванныхъ войною, отдѣлить которые отъ обыкновенныхъ расходовъ съ достаточною точностію, конечно, было невозможно, въ особенности въ теченіе 1877 и 1878 годовъ. Само собою разумѣется, расходъ, напримѣръ, на продовольствіе арміи хотя и долженъ былъ возрасти вслѣдствіе войны, но какая его часть должна быть отнесена на счетъ расходовъ военного времени, опредѣлить невозможно; а потому военное вѣдомство по необхо- димости придерживалось большею частию предѣловъ смѣтнаго на- значенія, ограничивая значительно требованія сверхсмѣтныхъ кре- дитовъ и относя излишнія издержки къ расходамъ чрезвычай- нымъ, что и подтверждается, какъ указано мною выше, номенкла- турой этихъ расходовъ, а также сильнымъ возвышеніемъ обык- новенныхъ расходовъ въ 1880 году, когда дѣйствительная по- требность въ чрезвычайныхъ расходахъ значительно уменьшилась. Разсматривая вѣдомости чрезвычайныхъ расходовъ, нельзя пред- положить, чтобы цифра обыкновенныхъ расходовъ, вошедшихъ въ нихъ, была въ 1879 году менѣе 70 милл. руб., а въ 1880 году менѣе 35 милл. руб. Внося же эту поправку въ настоящую вѣ- домость, окажется, что расходы по военному министерству въ 1879 году простирались до 257.451.193 руб., а въ 1880 году до 243.577.436 рублей. Прибавляя эти цифы къ общей суммѣ расхода, окажется, что процентное отношеніе расходовъ военного вѣдомства къ общей суммѣ издержекъ было въ 1879 году 36,10%, а въ 1880 году 33,41%, т. е. что въ оба эти года, несмотря на общее возрастаніе всѣхъ издержекъ, военный бюд- жетъ поглощалъ большую изъ нихъ часть, нежели когда - либо въ теченіе всѣхъ 15 лѣтъ.

Теперь, сопоставляя эти цифы съ вновь назначенною по смѣтѣ въ 183.489.042 р., приходится удивляться, какимъ об- разомъ можно было рассчитывать не только на экономію въ 60 милл. рублей въ сравненіи съ цифрой дѣйствительнаго расхода 1880 года, но даже на экономію въ 23 милл. руб. въ сравненіи съ смѣтнымъ назначеніемъ прошлаго года, которое предположе- но въ 206.718.302 руб. При этомъ слѣдуетъ принять въ сооб- раженіе, что цѣны на всѣ предметы войсковаго довольствія ни- сколько не понизились въ сравненіи съ 1880 годомъ, а на нѣ- которые предметы даже повысились. Говоря такимъ образомъ, я

вовсе не желаю утверждать, что расходы военного министерства не могутъ быть сокращены въ указанныхъ размѣрахъ, но я думаю, что такое сокращеніе невозможно одними административными мѣропріятіями безъ серьезныхъ законодательныхъ преобразованій въ военномъ министерствѣ или безъ серьезнаго сокращенія какъ штатнаго состава арміи, такъ и ея администраціи. Такія мѣры въ военномъ вѣдомствѣ предприняты только въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, а именно уменьшенъ на 13.000 чел. призывъ новобранцевъ и сокращено отчасти число нестроевыхъ нижнихъ чиновъ въ войскахъ. Но подобныя мѣропріятія, какъ помнится миѣ, общажи, по расчету самого военного министерства, за удовлетвореніемъ новыхъ неизбѣжныхъ издержекъ, экономію не свыше 3½ милл. рублей. Такимъ образомъ вопросъ, въ чемъ именно военное вѣдомство рассчитываетъ сдѣлать сбереженіе расходовъ, можетъ быть разрѣшенъ только сличеніемъ отдѣльныхъ статей росписи съ дѣйствительнымъ расходомъ 1880 года и росписи на 1881 годъ, къ чему я и перехожу.

Не буду сличать статей на содержаніе личнаго состава и на хозяйственные расходы разныхъ военныхъ учрежденій, такъ какъ эти расходы опредѣляются штатами и не представляютъ такой значительной разницы изъ года въ годъ, которую слѣдовало бы принять въ соображеніе, но остановлюсь на операционныхъ расходахъ, на которыхъ, повидимому, и предполагается сдѣлать указанную экономію. Сюда относятся по интендантскому вѣдомству: § 3, ст. 1—заготовленіе вещей и предметовъ обмундированія. Въ 1880 году по этой статьѣ издержано 17.148.370 руб. да подлежитъ къ отпуску 282.245 руб., итого расхода 17.430.615 рублей; но въ этой цифрѣ, какъ указано въ отчетѣ государственнаго контроля, 3.022.500 руб. израсходовано на заготовленіе вещей, для окончательнаго пополненія неприкосновенныхъ запасовъ послѣ минувшей войны, стало-быть дѣйствительный расходъ на потребность отчетнаго года составлялъ 14.408.115 руб. Между тѣмъ по смѣтѣ на текущій годъ назначено 4.772.695 руб., т. е. немногимъ болѣе одной трети расхода 1880 года. Ииѣя въ виду, что на этотъ предметъ въ 1879 году издержано 15.602.202 руб., я не могу считать цифру расхода 1880 года преувеличенною, тѣмъ болѣе, что назначенныхъ въ томъ году по смѣтѣ 13.891.529 руб. оказалось недостаточно и по этой статьѣ былъ открытъ дополнительный кредитъ. Поэтому я считаю смѣтное назначеніе текущаго года положительно недостаточнымъ. Умень-

шение кредита по этой статьѣ было бы возможно, еслибы предполагалось сократить въ значительномъ размѣрѣ штатное число людей въ войсковыхъ частяхъ; но этого нѣтъ, такъ какъ на денежное довольствіе нижнихъ чиновъ ассигнована почти такая же сумма, какая израсходована въ 1880 году, а на приварочное довольствіе, исчисляемое также по числу людей, даже сумма большая въ сравненіи съ расходомъ 1880 года. Отсюда слѣдуетъ, что сокращенія численнаго состава войсковыхъ частей не предполагалось, а слѣдовательно и обмундированію подлежало то же число людей, какъ и въ 1880 году. Ясно, что подобное уменьшение расхода есть чисто фиктивное, такъ какъ въ виду настоящей потребности недостатокъ вещей можетъ быть пополненъ или на счетъ сверхсмѣтнаго ассигнованія, или на счетъ запасовъ, а между тѣмъ такое уменьшеніе облегчаетъ сведеніе государственной росписи. То же слѣдуетъ замѣтить и по статьѣ 2 того же §—перевозка вещей и припасовъ. Дѣйствительный расходъ по этой статьѣ былъ въ 1879 году 2.145.399 руб., въ 1880 году — 2.136.699 руб., между тѣмъ на 1882 годъ назначенъ только въ 1.142.354 руб., т. е. уменьшенъ на 994.345 руб., или на 46%. Невозможность остаться въ предѣлахъ смѣтнаго назначенія представляется очевидною. По § 4 ст. 1—заготовленіе провіанта—въ 1879 году израсходовано 29.167.633 руб., въ 1880 году—24.264.248 руб., а на 1882 годъ назначено 21.576.393 руб. Такого уменьшенія на провіантъ рядомъ съ увеличеніемъ кредита на приварочное довольствіе я также понять не могу. Имѣя въ виду высокую цифру назначенія въ предыдущемъ году, когда кредитъ на этотъ предметъ достигалъ суммы 37.785.122 руб., можно было думать, что уменьшеніе кредита объясняется возможностью покрыть недостатокъ ожидаемымъ остаткомъ запасовъ 1881 года; но, во-первыхъ, такое смѣшеніе расходовъ двухъ отдѣльныхъ смѣтныхъ періодовъ было бы неправильно и, во-вторыхъ, министръ финансовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ вовсе не ссылается на эту причину: онъ прямо обуславливаетъ уменьшеніе кредита на провіантъ и приварокъ сокращеніемъ штатовъ и пониженіемъ цѣнъ на предметы довольствія. Между тѣмъ мы не видимъ въ текущемъ году никакого пониженія цѣнъ въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, а кредитъ на приварокъ не только не уменьшился, но значительно увеличился противъ дѣйствительнаго расхода 1880 года (17.631.196 руб.) и противъ смѣты 1881 года (17.661.052 руб.) и назначенъ въ размѣрѣ

19.964.467 руб. Такимъ образомъ и здѣсь слѣдуетъ предположить лишь фиктивное уменьшеніе. По ст. 6 того же §—на заготовленіе фуража—назначено 17.722.282 руб., почти то же, что и въ предыдущемъ году; между тѣмъ въ 1879 году на этотъ предметъ израсходовано 27 милл. рублей, а въ 1880 году — 20.334.000 рублей; трудно предположить, чтобъ ассигнованной суммы было достаточно на нынѣшній годъ, такъ какъ цѣны на фуражъ постоянно растутъ. Сводя весь расходъ по интендантскому управленію на 1882 годъ, оказывается, что онъ предположенъ въ суммѣ 136.539.213 руб., т. е. меньше предположенной цифры 1881 года на 14 $\frac{1}{4}$ милл. руб. и на 42 милл. руб. менѣ нежели дѣйствительный расходъ 1880 года. Въ виду этихъ цифръ нельзя не замѣтить, что интендантское вѣдомство отнюдь не приучило насъ къ подобной экономіи и, какъ бы ни былъ дѣятеленъ и энергиченъ новый военный министръ, трудно ожидать, чтобъ онъ могъ добиться подобныхъ результатовъ. По всей вѣроятности, интендантское вѣдомство не возражало противъ предположенныхъ сокращеній, потому что увѣрено въ возможности назначенія сверхсѣтныхъ ассигнованій въ случаѣ дѣйствительной надобности. Кромѣ того, запасы провіанта, фуража и вещевого довольствія состоятъ въ его же распоряженіи и уменьшеніе кредитовъ можетъ повліять на уменьшеніе этихъ предметовъ лишь въ складахъ, войска же не могутъ почувствовать недостатка ни въ чемъ. Правда, что, вслѣдствіе подобныхъ распоряженій, можетъ возрасти смѣта будущаго года, но тѣмъ не менѣе желаемый результатъ былъ достигнутъ и смѣта текущаго года сокращена. Что до меня касается, то я положительно не могу понять, для какой цѣли нужно подобное фиктивное сокращеніе смѣты расходовъ, когда заранѣе положительно извѣстно, что смѣтное исчисленіе недостаточно. Неужели прямое указаніе дефицита такъ опасно, что считается необходимымъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ? Наконецъ, неужели можно такимъ путемъ маскировать существующій дефицитъ? На вопросы эти приходится не только отвѣчать отрицательно, но и прибавить, что подобный образъ дѣйствій, подрывая довѣріе къ такому акту, какъ государственная роспись, даетъ поводъ предполагать гораздо худшее положеніе дѣлъ въ сравненіи съ дѣйствительностію. Мнѣ кажется, что откровенное признаніе дѣйствительнаго дефицита гораздо скорѣе поддержало бы государственный кредитъ, чѣмъ его маскированіе. Такъ поступала Италия въ теченіе многихъ лѣтъ и это не только не роняло ея

кредита, но дало ей возможность удовлетворить ея нуждамъ и ввести равновѣсіе въ бюджетъ. Финансовый міръ Европы, создающій кредитъ каждому государству, очень хорошо понимаетъ, что палліативныя мѣры ни къ чему не ведутъ и что только коренными преобразованіями можно достигнуть и значительнаго увеличенія доходовъ, и сильнаго сокращенія расходовъ; этотъ дѣловой міръ трудно убѣдить въ возможности уничтожить 50-милліонный дефицитъ, указанный въ смѣтѣ прошлаго года, путемъ административныхъ распоряженій и дальнѣйшимъ возвышеніемъ прежнихъ, и безъ того обременительныхъ, налоговъ. Что же касается лицъ, способныхъ думать, что подобныя чудеса возможны, то они не въ состояніи поддержать кредитъ государства.

Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ предположенія о сокращеніи расходовъ по артиллерійскому управленію. Не касаясь, разумѣется, расходовъ на содержаніе администраціи этого управленія и учебной части, которые могутъ быть сокращены только съ измѣненіемъ штатовъ, всѣ операціонные расходы этого вѣдомства могутъ быть сокращены чисто административнымъ путемъ. Приготовленіе оружія, артиллеріи, огнестрѣльныхъ припасовъ и зарядовъ можетъ быть сдѣлано въ тѣхъ размѣрахъ, какіе будутъ признаны нужными со стороны администраціи. Имѣя же въ виду, что въ 1879 и 1880 годахъ на эти предметы назначались особые дополнительные кредиты и цифра израсходованныхъ по артиллерійскому вѣдомству суммъ за эти два года достигаетъ 77 милліон. рублей, очень можно допустить, что въ дальнѣйшихъ усиленныхъ тратахъ на подобныя потребности не представляется надобности, въ особенности въ виду того обстоятельства, что Россія, въ виду своего внутренняго экономическаго положенія, не только не должна, но и не можетъ вдаваться ни въ какую политику приключеній. Вслѣдствіе этого очень понятно, почему ассигнованіе по артиллерійскому управленію уменьшено даже въ сравненіи съ прошлымъ годомъ и опредѣлено въ 20.531.401 руб. Можно думать, что эта экономія вполне возможна, если только не встрѣтятся какихъ-либо непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Переходя къ разсмотрѣнію расходовъ инженернаго управленія, необходимо замѣтить, что въ 1880 году дѣйствительный расходъ по этому вѣдомству достигалъ 21.716.688 руб., въ истекшемъ году назначено было 17.665.572 руб., въ нынѣшнемъ же году предположено израсходовать 14.868.631 руб. Такимъ обра-

зюмъ предполагается экономія почти въ 7 милл. руб. въ сравненіи съ дѣйствительнымъ расходомъ 1880 года и въ 2.800.000 руб. въ сравненіи съ смѣтнымъ назначеніемъ предыдущаго года. Имѣя въ виду, что въ вѣдѣніи этого управленія состоитъ производство нѣкоторыхъ расходовъ, размѣръ которыхъ зависитъ вполне отъ усмотрѣнія распорядителей, говорить о возможности или невозможности подобной экономіи можно только при разсмотрѣніи отдѣльныхъ статей. Поэтому я останавливаюсь на операціонныхъ расходахъ этого вѣдомства, такъ какъ только въ нихъ и возможна значительная экономія. Сюда относится § 1—расходы по помѣщенію войскъ и содержанію зданій. Но по этому § не предположено никакого сокращенія,—напротивъ, назначено 4.386.837 руб., т. е. болѣе дѣйствительнаго расхода 1880 года на 464.701 руб. Между тѣмъ по этой статьѣ можно было бы достигнуть значительной экономіи, еслибы министерство озаботилось пересмотрѣть положеніе объ отпускѣ отопленія въ войсковыя помѣщенія, такъ какъ главный расходъ по этому § составляетъ именно отопленіе, на что ассигновано 2.946.329 руб. Дѣло въ томъ, что положеніе объ отпускѣ топлива составлено Богъ знаетъ когда и вовсе не соответствуетъ дѣйствительной потребности настоящаго времени, въ виду тѣхъ улучшеній, которыя сдѣланы въ системѣ устройства печей. Установленная норма для отпуска матеріаловъ отопленія превосходитъ вдвое дѣйствительную потребность, а между тѣмъ отпускъ производится по этой нормѣ, несмотря на то, что преувеличеніе ея извѣстно всѣмъ и каждому. По этой нормѣ количество дровъ для отпленія жилыхъ помѣщеній полагается по одной сажени 12-вершковыхъ дровъ или по $\frac{1}{3}$ сажени трехполбныхъ дровъ на каждую печку въ мѣсяць на весь зимній періодъ времени, который считается въ сѣверной полосѣ Россіи 7, въ средней 6, а въ южной 5 мѣсяцевъ. Между тѣмъ въ настоящее время уже давно извѣстно, что количество топлива должно сообразоваться отнюдь не съ количествомъ печей, а съ количествомъ нагреваемого пространства. Всѣмъ хозяевамъ извѣстно, что самыя большія печи, устраиваемыя въ жилыхъ квартирахъ въ Петербургѣ, не въ состояніи сжечь въ зиму 7 сажень даже мѣшанныхъ 9-вершковыхъ дровъ, не говоря уже о 12-вершковыхъ; всѣмъ извѣстно также, что 7 зимнихъ мѣсяцевъ требуютъ далеко не одинаковаго количества дровъ и что одной сажени на печку много даже въ декабрѣ и январѣ, въ особенности, если зданіе устроено въ

нѣсколько этажей. Положительно можно утверждать, что въ хороше устроенныхъ зданіяхъ и половины этого количества было бы достаточно для отопленія; но, къ сожалѣнію, все это остается тайной до сихъ поръ для нашего инженернаго вѣдомства, которое продолжаетъ отпускать суммы на заготовку дровъ по прежнимъ нормамъ. Обстоятельство это даетъ поводъ къ цѣлой массѣ злоупотребленій и стачекъ съ подрядчиками.

Количество топлива, отпускаемое на отопленіе жилыхъ помѣщеній, значительно превышаетъ дѣйствительную потребность; но оно покажется ничтожнымъ, если сравнить его съ нормой, опредѣленною для отпуска топлива на приготовленіе пищи, въ особенности, когда дѣло идетъ о приготовленіи пищи на значительное число людей. Этою нормой назначается $2\frac{2}{3}$ сажени трехполѣнныхъ дровъ на каждыя десять человѣкъ въ годъ. Дѣйствительно здѣсь нѣтъ никакого преувеличенія, если дѣло идетъ о приготовленіи пищи только на 10 человѣкъ. Но дѣло въ томъ, что въ войскахъ пища готовится не на десятокъ, а на сотни и тысячи человѣкъ, а въ такомъ случаѣ значеніе установленной нормы измѣняется, потому что съ увеличеніемъ числа людей потребность топлива возрастаетъ все въ болѣе и болѣе уменьшающейся пропорціи, тогда какъ топливо отпускается въ вышеозначенной нормѣ на каждыя 10 человѣкъ. Чтобъ указать на размѣръ дѣйствительной потребности въ этомъ случаѣ, я приведу примѣръ устройства солдатскихъ кухонь въ казармахъ, которыя мнѣ случилось видѣть въ одной изъ нашихъ юговосточныхъ губерній. Въ этихъ казармахъ производилось приготовленіе пищи на 1.200 человѣкъ и для этой цѣли въ нижнемъ этажѣ зданія были устроены четыре кухни, на каждую роту по одной. Въ каждой кухнѣ было устроено по два котла съ отдѣльными топками для варки кушанья и большая хлѣбопекарная печь. Этихъ кухонь было вполне достаточно для 1.200 человѣкъ команды. Полагая наибольшее количество дровъ, которое можетъ сгорѣть въ одной топкѣ, а именно двѣ сажени 12 вершковыхъ дровъ въ мѣсяцъ, на всѣ 12 топокъ нужно 24 сажени въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ по существующей нормѣ для пригтовленія пищи на 1.200 человѣкъ отпускалось по 80 сажень 12-вершковыхъ дровъ, т.-е. болѣе чѣмъ втрое противъ дѣйствительной потребности.

Главная статья расхода по инженерному управленію—ремонтъ зданій, новыя постройки и капитальныя перестройки, на что по

§ 6 ассигновано 8.420.831 рублей, между тѣмъ дѣйствительный расходъ по этому параграфу въ 1880 году простирался до 13.450.546 руб. Имѣя въ виду, что въ текущемъ году предполагено уменьшить расходъ на новыя постройки болѣе чѣмъ на четыре милліона рублей, я нисколько не сомнѣваюсь въ возможной экономіи на эту сумму; что же касается другихъ расходовъ, производимыхъ по этому параграфу, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать сокращенія этихъ расходовъ, и потому я думаю, что всѣ остальные статьи какъ этого параграфа, такъ и другихъ потребуютъ увеличенныхъ кредитовъ.

Расходы по главному управленію военноучебныхъ заведеній назначены по примѣру прежнихъ лѣтъ и не могутъ вызывать какихъ-либо замѣчаній, а потому я перехожу къ рассмотрѣнію расходовъ главнаго штаба. Общая сумма, назначенная на расходы по главному штабу, исчислена въ 3.590.743 руб., менѣ израсходованной въ 1880 году почти на 500.000 руб. и менѣ назначенной въ истекшемъ году на 300.000 руб. Имѣя въ виду, что всѣ главныя сокращенія предполагаемы въ расходахъ на содержаніе личнаго состава, и притомъ на содержаніе людей за-служенныхъ, я не думаю, чтобы такое сокращеніе могло осуществиться, въ особенности вслѣдствіе возрастающей дороговизны жизни и расширенія потребностей нашего времени. По всей вѣроятности, нѣкоторые кредиты въ теченіе года будутъ увеличены дополнительными ассигнованіями, такъ какъ мудрено предполагать сокращеніе содержанія лицъ, служащихъ въ главномъ штабѣ и военно-окружныхъ совѣтахъ и штабахъ.

По главному управленію казачьихъ войскъ въ смѣтѣ на текущій годъ встрѣчается также сокращеніе противъ дѣйствительнаго расхода 1880 года съ 540.620 руб. до 410.959 руб. Но между разными цифрами этой смѣты не встрѣчается расхода въ 125.000 р., бывшаго въ 1880 году на покупку хлѣба для казачьяго населенія Амурской области, между тѣмъ какъ расходъ этотъ, повидимому, неизбѣженъ и производился также и въ 1879 году и даже въ большемъ размѣрѣ. Если же прибавить эту сумму къ внесенной по смѣтѣ, то и по этой статьѣ никакой экономіи не будетъ.

Расходы по вѣдомству главнаго медицинскаго управленія исчислены въ суммѣ 1.638.469 р., менѣ дѣйствительныхъ расходовъ 1880 года, когда они составляли сумму въ 1.822.417 р. Но такое сокращеніе произошло вслѣдствіе значительнаго умень-

шенія кредита на заготовленіе аптечныхъ предметовъ и исправленіе посуды, на каковой предметъ назначено круглою цифрой 500.000 р., тогда какъ въ 1880 году было израсходовано 736.118 руб., а въ 1879 году 762.686 руб. Ясно, что обойтись суммой въ 500.000 руб. въ текущемъ году будетъ невозможно и дополнительный кредитъ положительно необходимъ. Если же прибавится недостающая сумма, то расходъ текущаго года превзойдетъ бывшій въ 1880 году. Это увеличеніе расхода объясняется увеличеніемъ расходовъ на содержаніе военно-медицинской академіи и при ней клиники, такъ какъ въ текущемъ году на эти расходы назначено 511.230 руб., между тѣмъ какъ въ 1880 году израсходовано 452.825 руб. Нельзя не замѣтить, что академія, послѣ своего преобразованія, потребовала 60.000 руб. лишняго расхода, несмотря на то, что не имѣетъ даже опредѣленнаго штатами числа 300 слушателей. Между тѣмъ въ прежнее время, когда она была дѣйствительно ученымъ заведеніемъ, число слушателей близко подходило къ 2.000 человекъ. Вотъ какія послѣдствія вызываются необдуманнми и нецѣлесообразнымъ иропріятіями, продиктованными совершенно посторонними и далеко не научными цѣлями. Въ прежнее время ежегодно оканчивало курсъ болѣе 200 человекъ, при теперешнемъ же числѣ слушателей число выпускаемыхъ врачей не будетъ превышать 50 человекъ, не говоря уже о томъ, что уровень ихъ знаній будетъ далеко ниже прежняго. Спрашивается, насколько менѣе производительно будутъ затрачиваться государственныя средства и откуда армія будетъ получать необходимый для нея контингентъ врачей?

Остальные расходы на содержаніе военно-суднаго управленія и канцеляріи министра не представляютъ почти никакой разницы съ прежними расходами и, слѣдовательно, не вызываютъ особыхъ замѣчаній. Итакъ, разсмотрѣніе смѣты военнаго вѣдомства приводитъ къ заключенію о невозможности при данныхъ условіяхъ достигнуть тѣхъ сокращеній, которыя предположены военнымъ министерствомъ, и скорѣе указываетъ на то, что расходы этого вѣдомства превзойдутъ бывшіе въ 1880 году въ виду значительнаго паденія цѣнности нашей валюты. Между тѣмъ экономическое положеніе Россіи далеко не въ такомъ состояніи, чтобъ она могла выносить такой громадный бюджетъ и изъ этого бюджета выдѣлять почти цѣлую треть на содержаніе своихъ военныхъ силъ. Что это невозможно безъ особаго вреда для го-

сударственной жизни, то въ этомъ легко убѣдиться изъ сравненія нашего военнаго бюджета съ бюджетами другихъ государствъ. Ни одна изъ великихъ державъ не тратитъ на свои военныя издержки такой доли своихъ средствъ, какъ Россія. Нижеслѣдующая таблица указываетъ какъ абсолютную цифру издержекъ на содержаніе военно-сухопутныхъ силъ, такъ и процентное отношеніе ихъ къ общей суммѣ расходнаго бюджета. Для удобства сравненія сумма издержекъ показана во франкахъ и для русскаго рубля принять курсъ 38,4 коп. за франкъ. Этотъ расчетъ не выражаетъ дѣйствительной цѣнности кредитнаго рубля на русскомъ рынкѣ, такъ какъ штатные расходы не повысились отъ паденія курса, и потому переводъ на франки уменьшаетъ сравнительное значеніе цифры русскихъ военныхъ издержекъ; но, за неимѣніемъ другаго выхода, я долженъ былъ допустить эту погрѣшность, хотя влѣдствіе этого цифра военныхъ издержекъ Россіи становится меньше издержекъ Франціи. Для опредѣленія военныхъ расходовъ Пруссіи я взялъ часть военнаго бюджета Германіи (491.714.647 фр.) пропорціонально населенію, полагая въ Германіи 41 милл., а въ Пруссіи 24 милл. жителей.

	Военныя издержки.	Процентное отношеніе къ общей суммѣ расхода.
Соединенные Штаты Сѣверной Америки . . .	151.203.950 фр.	11,63
Италія	214.736.427 »	15,05
Пруссія	287.589.059 »	20,19
Австрія	306.343.090 »	13,88
Англія	328.965.027 »	14,42
Россія	538.328.912 »	30,63
Франція	571.398.898 »	20,02

Изъ этой таблицы оказывается, что абсолютно болѣе всѣхъ государствъ затрачиваетъ на свои военныя силы Франція *), а за нею, несмотря на свою бѣдность, слѣдуетъ Россія, которая лишь на 32 милліонъ фр. тратитъ менѣе. Но если принять въ соображеніе, какая часть бюджета поглощается военными расходами, тогда окажется, что Россія стоитъ на первомъ мѣстѣ и тратитъ въ полтора раза болѣе Франціи и Пруссіи, въ два раза болѣе чѣмъ Англія, Австрія и Италія и почти втрое болѣе чѣмъ

*) Благодаря паденію нашего курса, какъ указано выше.

Соединенные Штаты Америки. Самый бѣглый взглядъ на эти цифры указываетъ, что нашъ военный бюджетъ намъ не по силамъ. Но намъ говорятъ: нельзя же отставать отъ другихъ государствъ и Россія должна слѣдовать въ этомъ отношеніи за другими, тѣмъ болѣе, что ея пограничная линія тянется на огромное протяженіе. Вышеозначенная цифра служитъ прямымъ возраженіемъ на такія мнѣнія. Изъ нихъ прямо выходитъ, что мы своими вооруженіями опережаемъ Европу, такъ какъ наши сосѣднія государства, которыхъ мы всего болѣе могли бы опасаться, тратятъ на свое вооруженіе гораздо менѣе, чѣмъ мы. Если сумма истрачиваемая Франціей нѣсколько выше нашей, то это понятно, такъ какъ содержаніе французскаго солдата много дороже, чѣмъ у насъ, и кромѣ того Франція обязана была пополнить вооруженіе, котораго она лишилась во время войны, и устроить новую оборонительную линію вдоль новой германской границы. Точно также и длина нашей пограничной линіи не можетъ оправдывать нашихъ тратъ на военные издержки, такъ какъ линія, подлежащая дѣйствительной охранѣ съ нашей стороны, составляетъ только западную нашу границу; всѣ же остальные мѣстности нуждаются лишь въ слабыхъ силахъ для охраны границъ. Сравнивая такимъ образомъ нашу пограничную линію съ пограничною линіей Австріи и Германіи, намъ слѣдуетъ признаться, что эти государства должны оберегать гораздо большую пограничную линію, такъ какъ они могутъ подвергнуться нападенію со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, Австрія состоитъ изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, что ея внутреннее положеніе оправдывало бы до извѣстной степени увеличеніе ея военнаго бюджета. Тѣмъ не менѣе изъ указанныхъ цифръ видно, что эти государства тратятъ несравненно менѣе, чѣмъ Россія. Если же они достигаютъ лучшихъ результатовъ и могутъ выставить на извѣстный пунктъ болѣе многочисленныя силы и притомъ въ болѣе короткій срокъ, то это уже зависитъ не отъ количества средствъ, отпускаемыхъ въ распоряженіе министровъ, а отъ организациіи военнаго управленія и болѣе цѣлесообразнаго и производительнаго употребленія ассигнуемыхъ суммъ.

Бъ этому слѣдуетъ прибавить, что какъ ни много заботятся европейскія государства о вооруженіяхъ, но они не тратятъ на этотъ предметъ болѣе того, чѣмъ они въ силахъ по состоянію своихъ финансовъ. Другія государственныя нужды ихъ не страдаютъ отъ подобныхъ тратъ и потому ихъ экономическое и фи-

насовое положеніе постоянно улучшается. Ихъ расходы на военныя надобности далеко не поглощаютъ такого процента общихъ издержекъ, какъ у насъ. Еслибы въ другихъ государствахъ Европы считалось возможнымъ отпускать на военныя издержки такую же часть бюджета, какую отпускаетъ Россія, то Франція должна была бы прибавить въ своему военному бюджету 281 милл. франк., Австрія 349 милл., Англія 328 милл., а Пруссія 134 милл. фр. Очевидно, что эти суммы остаются въ ихъ распоряженіи для улучшенія экономическаго положенія страны, чего у насъ нѣтъ. Не удивительно послѣ этого, что нѣкоторыя части нашего государственнаго управленія нуждаются въ средствахъ и должны за отсутствіемъ ихъ откладывать необходимыя и самыя существенныя реформы. Вслѣдствіе этого является такая дилемма: экономическое положеніе государства не можетъ быть улучшено безъ необходимыхъ средствъ, а средствъ этихъ нѣтъ, потому что экономическое положеніе страны дурно. Какъ же выйти изъ этой дилеммы? Остается одно—сократить тѣ расходы, которые не содѣйствуютъ экономическому развитію страны. Очевидно, что къ такимъ расходамъ всего скорѣе можно отнести расходы военнаго вѣдомства. Итакъ, сокращеніе нашего бюджета положительно необходимо и это сокращеніе, безъ ущерба существеннымъ интересамъ государства, всего возможнѣе по смѣтѣ военнаго вѣдомства. Но оно можетъ быть сдѣлано не палліативными мѣрамі въ родѣ незначительнаго сокращенія числа людей, а серьезнымъ преобразованіемъ всего военнаго управленія и всей системы довольствія нашей арміи. Въ чемъ же должны выразиться эти преобразованія?— вотъ вопросъ, который ставился и разрѣшался много разъ въ послѣднее время и который, повидимому, представляетъ неразрѣшныя трудности.

Я говорю *повидимому* вслѣдствіе того, что при обсужденіи этого вопроса частныя соображенія и постороннія цѣли, а иногда и личные интересы брали верхъ надъ общими принципами. Организация военныхъ силъ и управленіе ими безъ всякаго сомнѣнія должны соответствовать прежде всего главному своему назначенію — боевой готовности; а потому и средства, назначаемыя на содержаніе военныхъ силъ при цѣлесообразномъ ихъ употребленіи должны быть направлены именно къ достиженію этой цѣли, т.-е. къ возможно большому увеличенію и улучшенію боевой силы арміи. Между тѣмъ что же мы видимъ въ дѣйствительности? Уже самый простой взглядъ на нашу роспись ука-

зываетъ, что изъ 183 миллион. руб., назначенныхъ по росписи 1882 г., одни административные расходы поглощаютъ около 40 милл. рублей, не считая тѣхъ суммъ, которыя отнесены къ статьѣ—денежное довольствіе войскъ, а по этой статьѣ сибѣты получаютъ содержаніе всѣ военнотружашіе по чинамъ, независимо отъ ихъ административныхъ должностей, и кромѣ того всѣ прикомандированные къ военноадминистративнымъ учрежденіямъ и даже къ гражданскимъ вѣдомствамъ. Но этого мало. При существующихъ условіяхъ суммы, назначаемыя на операціонные расходы арміи, т.-е. на содержаніе и улучшеніе ея боевой силы, тратятся далеко не цѣлесообразно и не производительно и значительная ихъ часть идетъ на обогащеніе подрядчиковъ и лицъ, завѣдывающихъ дѣломъ. Не думаю, чтобы мнѣ нужно было доказывать эту послѣднюю мысль: каждый изъ моихъ читателей въ теченіе своей жизни могъ убѣдиться, что не даромъ ходитъ молва и про чиновъ интендантства, и про завѣдывающихъ казенными складами, и про начальниковъ отдѣльныхъ частей, завѣдывающихъ фуражнымъ довольствіемъ. Не даромъ же сложились на Руси поговорка, что *стоитъ получить право на довольствіе казеннаго воробья, чтобы можно было содержать тройку лошадей*. Конечно, эта поговорка представляетъ дѣло въ преувеличенныхъ размѣрахъ, но въ основаніи ея много правды. Всѣ эти порядки или лучше безпорядки есть слѣдствіе того бюрократическаго строя, который охватилъ нашу жизнь уже давно, но развился съ особенною силой въ послѣднія 25 лѣтъ, въ военное же вѣдомство проникъ вмѣстѣ съ преобразованиемъ военнаго министерства. Я не хочу этимъ сказать, что въ прежнее время въ нашей арміи не было злоупотребленій,—напротивъ, Крымская война намъ показала, какихъ размѣровъ они достигали. Но нынѣшняя война не обошлась также безъ хищеній и чуть ли еще не въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, а потому наши бюрократическія нововведенія врядъ ли улучшили дѣло. При сравненіи прежнихъ и нынѣшнихъ порядковъ, мнѣ кажется, что преимущество все-таки остается за прежнимъ способомъ хозяйства, такъ какъ оно обходилось государству много дешевле и прежніе хищники не могли бы расхитить и четвертой доли тѣхъ суммъ, на которыя увеличилось содержаніе и управленіе арміи. Мнѣ могутъ замѣтить, что нынѣшнее вооруженіе, патроны и снаряды стоятъ громадныхъ суммъ. Дѣйствительно, сравнивать эти расходы нельзя; но, даже вычитая ихъ изъ общей массы нынѣшнихъ военныхъ

издержекъ, все-таки окажется, что военное министерство обходится государству вдвое дороже, чѣмъ прежде, и прежнимъ хищникамъ далеко не доставалось того, что нынѣ издерживается въ видахъ предупрежденія хищничества.

Бюрократическій строй настолько охватилъ военное вѣдомство, что оно распалось на нѣсколько отдѣловъ или особыхъ вѣдомствъ, стремящихся къ совершенной самостоятельности: въ одномъ министерствѣ образовалось, такъ-сказать, нѣсколько министерствъ подъ названіемъ главныхъ управленій, имѣющихъ каждое особое органы на мѣстахъ въ видѣ мѣстныхъ окружныхъ управленій, которые обходятся очень дорого, а занимаются только переводомъ бумаги и тормозятъ живое дѣло устройства и улучшения боевыхъ силъ государства.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего нужно, напримѣръ, главное и окружныя интендантскія управленія?—«Для снабженія войскъ провіантомъ и вещевымъ довольствіемъ»—отвѣтятъ мнѣ защитники существующихъ порядковъ. Но, Боже мой, въ нашихъ двухъ столицахъ живетъ по 700.000 чел. населенія и нѣтъ никакого особаго управленія, которое бы заботилось объ удовлетвореніи его потребностей провіантомъ и вещевымъ довольствіемъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что потребности въ этомъ отношеніи петербургскаго и московскаго населенія гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ потребности войскъ, и тѣмъ не менѣе жители этихъ столицъ не терпятъ ни малѣйшаго затрудненія въ удовлетвореніи своихъ потребностей, не вступаютъ между собою ни въ какія соглашенія и не прибѣгаютъ ни къ какимъ мѣропріятіямъ по этому поводу. Промышленность и торговля въ виду собственнаго интереса берутъ на себя эту заботу и выполняютъ ее не хуже какого-либо интендантскаго вѣдомства. Почему же нужно предполагать, что какія-нибудь 50.000 войска, расположеннаго въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, не сѣмѣютъ воспользоваться услугами той же торговли и не найдутъ возможности пріобрѣсти нужные для нихъ предметы? Вѣдь каждая отдѣльная часть войска имѣетъ свое хозяйство и лицъ завѣдующихъ пріемомъ и провіанта, и вещеваго довольствія,—почему же они не въ состояніи отнестись прямо къ торговлѣ, а нужны особые посредники въ видѣ интендантскихъ чиновниковъ, заготавливающихъ предметы довольствія чрезъ особыхъ поставщиковъ и подрядчиковъ, которые сплошь и рядомъ являются только ширмами для прикрытія разныхъ злоупотребленій? Скажутъ, быть-можетъ, что нельзя

взвалить на начальство, завѣдывающее фронтовою службою, заботу о заготовленіи разныхъ предметовъ довольствія; но вѣдь въ этомъ нѣтъ и надобности. Въ полкахъ существуетъ хозяйственная часть, которая завѣдуетъ же приварочными и порціонными деньгами: стоитъ только распространить этотъ порядокъ вещей на провіантъ, и заботы интендантскаго вѣдомства въ этомъ отношеніи сдѣлаются ненужными. Боязнь злоупотребленій не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ обязанность продовольствія людей можетъ быть возложена на ихъ же артель, а избранные артельщики, состоя подѣ контролемъ г. офицерѣвъ и полковаго начальства, не будутъ въ состояніи злоупотреблять довѣріемъ своихъ товарищей. Впрочемъ, всякій допущенный беспорядокъ въ этомъ случаѣ будетъ не систематическимъ злоупотребленіемъ, а частнымъ ничтожнымъ случаемъ, устраненіе котораго всегда возможно. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что и нынѣшній порядокъ нисколько не гарантированъ отъ злоупотребленій. Во всякомъ случаѣ можно положительно утверждать, что при указанномъ порядкѣ армія не можетъ встрѣтить никакого затрудненія въ продовольствіи, которое будетъ и лучше, и обойдется дешевле. Что же касается вещеваго довольствія, то во всѣхъ командахъ есть нестроевые офицеры, завѣдующіе хозяйственною частію, и они въ составѣ особой комиссіи также могли бы пріобрѣтать нужныя вещи прямо на мѣстахъ, не адресуясь въ интендантскіе склады. Контроль полковыхъ и ротныхъ командировъ вмѣстѣ съ отчетностію комиссій, которая подвергалась бы сравнительной оцѣнкѣ, устранили бы всякую возможность злоупотребленій и министерство могло бы извлекать изъ этой отчетности гораздо болѣе вѣрныя данныя о цѣнахъ на разные предметы довольствія, чѣмъ оно имѣетъ теперь, руководствуясь односторонними свѣдѣніями интендантскаго вѣдомства. Нынѣшній порядокъ вещеваго довольствія солдата настолько неудовлетворителенъ, что конечно въ защиту его могутъ говорить только люди заинтересованные. Укажу на одинъ примѣръ, который случалось видѣть конечно многимъ на улицахъ Петербурга во время призыва безсрочныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ въ послѣднюю войну. Получая изъ складовъ военнаго вѣдомства сапоги, многіе изъ нихъ продавали ихъ на улицахъ Петербурга и покупали для себя болѣе прочную обувь съ прибавкой цѣны изъ своихъ скудныхъ средствъ: они утверждали, что казенные сапоги не только не годятся въ такой дальній походъ, но что въ нихъ не пройдешь и 20 верстъ, какъ

они развалятся. Я думаю, что этотъ фактъ замѣченъ многими столичными жителями.

Что интендантское вѣдомство не есть необходимое учрежденіе для снабженія арміи вещевымъ довольствіемъ, я приведу примѣръ снаряженія ополченія въ 1855 году. Въ теченіе одного мѣсяца была обмундирована и снабжена продовольствіемъ армія въ 350.000 человѣкъ безъ всякихъ предварительныхъ заготовокъ. Торговля нашла возможнымъ удовлетворить этотъ быстрый спросъ, потому что необходимые предметы заготавливались въ разныхъ мѣстахъ. Будь эта операція поручена интендантскому вѣдомству, навѣрное можно сказать, что она не была бы исполнена и въ шесть мѣсяцевъ и обошлась бы гораздо дороже. Централизація всѣхъ возможныхъ заготовленій и отдача поставокъ оптовымъ подрядчикамъ возвышаетъ значительно заготовительныя цѣны, вредитъ сильно качеству поставляемыхъ предметовъ, порождаетъ массу злоупотребленій и создаетъ совершенно ненормальныя условія рынка. Постараюсь разъяснить мою мысль.

Прежде всего замѣчу, что сдача заготовокъ оптомъ съ подряда должна производиться гораздо прежде, чѣмъ возникаетъ потребность въ предметахъ потребленія, и, слѣдовательно, какъ размѣръ этой потребности, такъ и цѣны на предметы опредѣляются гадательно и могутъ вовсе не соответствовать дѣйствительности, вслѣдствіе измѣняющихся обстоятельствъ. Такія измѣненія всегда отзываются ущербомъ непремѣнно казеннаго интереса. Такъ, напримѣръ, уменьшился размѣръ потребности, или понизились цѣны на предметы поставки, тѣмъ не менѣе правительство обязано принять опредѣленное количество и уплатить слѣдующія за него деньги по условію, а выгода отъ подобныхъ обстоятельствъ остается въ рукахъ подрядчика. Но возьмемъ другой случай: потребность увеличилась и цѣна возвысилась. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что подрядчикъ обязанъ исполнить условіе и правительство имѣетъ право дѣйствовать на счетъ его залоговъ, даже съ передачею цѣнъ. Но это бываетъ рѣдко, а чаще всего подрядчику даются льготы или прибавка цѣны и въ оправданіе подобныхъ распоряженій всегда найдутся основательныя причины, въ видѣ непредвидѣнныхъ и чрезвычайныхъ случайностей, или такія соображенія, что правительству не прилично пользоваться неудачнымъ расчетомъ частнаго лица, тѣмъ болѣе, что такой строго формальный образъ дѣйствій будетъ вредить интересамъ казны на будущее время, ограничивая конкуренцію на торгахъ. Эти

соображенія приобрѣтають еще болѣе значенія, когда принятые залогом не могутъ быть легко реализованы, что бываетъ очень часто, и недостаточны на покрытіе возможныхъ убытковъ казны, въ особенности, если подрядчикъ умѣетъ подѣйствовать на людей, близко стоящихъ къ сильнымъ міра сего. Такимъ образомъ барышъ отъ пониженія цѣнъ идетъ въ пользу подрядчика, а убытокъ отъ ихъ повышенія несетъ казна.

Затѣмъ оптовый подрядчикъ, получая поставку на громадныя суммы, не можетъ дѣйствовать на собственный капиталъ впредь до окончательной поставки. По заведенному порядку онъ получаетъ, во-первыхъ, извѣстную сумму задаточныхъ денегъ подъ залогом, болѣею частью, трудно реализуемые; во-вторыхъ, по мѣрѣ заготовокъ предметовъ поставки на мѣстахъ производства онъ выговариваетъ себѣ часть уплаты, при доставкѣ ихъ на извѣстный пунктъ—другую часть и т. д., такъ что при окончательной доставкѣ получается уже незначительная часть. Подобныя условія даютъ въ руки поставщика, напримѣръ, казеннаго провіанта громадные капиталы, безъ всякаго платежа процентовъ, что дѣлаетъ его положительнымъ монополистомъ на хлѣбныхъ рынкахъ, на которыхъ онъ можетъ повышать и понижать цѣны по произволу и всякая конкуренція съ нимъ для другихъ торговцевъ, дѣйствующихъ собственнымъ капиталомъ или кредитомъ, не мыслима. При извѣстномъ соглашеніи съ чиновниками интендантства, которымъ поручено наблюденіе за заготовкой, подрядчикъ можетъ получать деньги гораздо ранѣе, чѣмъ приступить къ дѣйствительной заготовкѣ, и такимъ образомъ увеличивать свои операціи въ размѣрахъ далеко превышающихъ размѣръ казенной поставки, или производить другіе обороты, ничего общаго съ поставкой не имѣющіе. Имѣя такимъ образомъ громадныя средства въ рукахъ, ему не трудно убѣдить въ своихъ связяхъ съ высшими сферами низшихъ чиновниковъ интендантства и сдѣлать ихъ своими покорными слугами: люди эти могутъ успокоивать свою совѣсть тѣмъ, что за иной образъ дѣйствій они могутъ лишиться своихъ мѣстъ, не принеся никакой пользы дѣлу. Такъ деморализуется цѣлое вѣдомство и является цѣлая масса злоупотребленій сначала невольныхъ, а затѣмъ и сознательныхъ, вызывая которыя, занимаясь поставками на громадныя суммы, подрядчики всегда имѣють возможность.

Не буду говорить о всѣмъ извѣстныхъ сдѣлкахъ насчетъ пониженія качества товара или о выдачѣ денегъ вмѣсто поставки.

товара, когда въ дѣйствительности его требуется меньшее количество, какъ, на примѣръ, при поставкѣ топлива, но укажу на тѣ случаи, когда по оптовому контракту требуется поставка многихъ разнообразныхъ и разнородныхъ предметовъ. Въ кондиціяхъ, предъявляемыхъ къ торгамъ, количество каждаго вида поставокъ опредѣляется приблизительно, на основаніи предварительныхъ соображеній; самая же поставка производится по особымъ нарядамъ, согласно съ дѣйствительною потребностію. Такой порядокъ при отдачѣ съ торговъ всѣхъ предметовъ одному оптовому подрядчику создаетъ для распорядителей возможность входить въ самыя вредныя для интересовъ казны стачки. Дѣло въ томъ, что тѣ предметы, которыхъ въ дѣйствительности требуется незначительное количество, въ кондиціяхъ, предъявляемыхъ къ торгамъ, исчисляются въ большемъ разиѣрѣ; тѣ же, которыхъ въ дѣйствительности нужно много, въ кондиціяхъ исчисляются въ незначительныхъ количествахъ. Всякое постороннее лицо, явившееся на торги,—лицо, которому секретъ исчисления количества предметовъ неизвѣстенъ,—будетъ держаться цѣнъ близкихъ къ дѣйствительнымъ на всѣ предметы, которыхъ по кондиціямъ требуется болѣе; но человекъ, который знаетъ этотъ секретъ и угоденъ распорядителямъ дѣла, безъ всякаго опасенія понизитъ цѣны именно на тѣ предметы, поставка которыхъ по кондиціямъ назначена въ большемъ количествѣ, и повыситъ цѣну тѣхъ, которыхъ назначено мало. Такимъ образомъ, при сличеніи общей суммы подряда у того и другаго подрядчика, на основаніи кондицій, сумма опредѣленная послѣднимъ всегда окажется ниже суммы потребованной первымъ. Но при дѣйствительномъ исполненіи выйдетъ какъ разъ наоборотъ и меньшая сумма обратится въ большую, въ виду измененія количества предметовъ по подрядамъ и замѣны дешевыхъ вещей дорогими. Пишущему эти строки не разъ попадались въ руки подобные случаи.

Изъ сказаннаго выше ясно можно видѣть весь вредъ оптовыхъ контрактовъ, въ особенности, если они заключаются на большія суммы. Подобныя мѣры для снабженія войскъ провіантомъ и вещевымъ довольствіемъ быть-можетъ и были нужны въ свое время при слабомъ развитіи торговли; но теперь, когда мы отпускаемъ за границу въ десять разъ большее количество хлѣба, чѣмъ сколько его нужно на продовольствіе арміи, когда вещевое довольствіе войскъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, въ нѣсколько дней можетъ быть доставлено съ одного конца Россіи на другой,—

нѣтъ никакой необходимости заключать контракты за годъ впередъ и выдавать авансы подрядчикамъ, стѣсня хозяйственную дѣятельность отдѣльныхъ частей гадательными распоряженіями, иногда совершенно бесполезными, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ. Въ настоящее время заблаговременно приготовить нужно только средства для довольствія войскъ, самое же удовлетвореніе потребностей по мѣрѣ ихъ возникновенія не представить никакихъ затрудненій. Такое дробленіе заготовокъ на мелкія партіи уничтожить классъ крупныхъ подрядчиковъ и скупщиковъ, главное стремленіе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы устранить всякое сближеніе потребителей съ производителями и, монополизировавъ казенныя поставки, возвышать цѣны предметовъ по произволу, пользуясь для этого всѣми возможными и невозможными средствами. На этомъ основаніи мнѣ кажется, что интендантское вѣдомство представляется совершеннымъ излишествомъ, на содержаніе котораго напрасно тратятся громадныя суммы и при посредствѣ котораго издерживается много лишнихъ денегъ.

Мнѣ могутъ возразить, что предлагаемый мною порядокъ можетъ существовать въ мирное время, но что во время войны отдѣльныя части не могутъ завѣдывать заготовленіемъ предметовъ довольствія, а организовать интендантскую часть во время мобилизаціи невозможно, и что вслѣдствіе этого такое учрежденіе необходимо имѣть и въ мирное время, тѣмъ болѣе, что заготовка и храненіе неприкосновенныхъ запасовъ на случай мобилизаціи должно производиться въ мирное время. Въ отвѣтъ на это возраженіе я прежде всего замѣчу, что передъ послѣднею войной у насъ существовало интендантское вѣдомство; но именно въ тотъ моментъ, когда дѣятельность его была всего болѣе необходима, оно оказалось положительно несостоятельнымъ и не могло взять на себя обязанности продовольствовать армію: пришлось замѣнить его коммерческимъ товариществомъ. Для чего же въ такомъ случаѣ содержать дорого стоящее учрежденіе въ мирное время, когда безъ него можно обойтись, если оно оказывается несостоятельнымъ на время военныхъ дѣйствій?—На этотъ вопросъ, повидимому, можетъ быть только одинъ отвѣтъ, что такое учрежденіе подлежитъ упраздненію. Но затѣмъ все-таки остается вопросъ, какъ же быть во время военныхъ дѣйствій, когда, дѣйствительно, отдѣльныя команды не могутъ заготовлять для себя продовольствіе? Образованіе вновь коммерческаго това-

рищества, какъ показалъ опытъ послѣдней войны, представляеть порядокъ вещей положительно ненормальный и не можетъ быть допускаемъ на будущее время. вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, что организовать интендантскую часть во время мобилизации арміи невозможно. Вотъ съ этимъ-то послѣднимъ положеніемъ я и не могу согласиться. Если въ каждомъ полку и батареѣ будутъ люди завѣдующіе заготовленіемъ предметовъ довольствія, то вотъ вамъ уже и готовый контингентъ для интендантства цѣлой арміи, который можетъ явиться на сборныхъ пунктахъ гораздо ранѣе, чѣмъ мобилизованная армія. Стоитъ только заблаговременно выработать правила для организаціи и эти лица будутъ, конечно, не менѣе опыты въ заготовленіи предметовъ довольствія, чѣмъ наши интендантскіе чиновники. Что же касается неприкосновенныхъ запасовъ, хранящихся въ складахъ интендантства, то я не могу вѣрить въ ихъ пользу и необходимость и думаю, что для этого нужны лишь средства, а необходимое количество запасовъ всегда имѣется въ торговлѣ. Если и придется при спѣшномъ заготовленіи переплатить дороже обычной цѣны, то все это будетъ выгодноѣе, чѣмъ хранить вещи, подлежащія порчѣ и растратѣ, и уплачивать проценты на затраченный капиталъ. Другое дѣло—предметы вооруженія или такія вещи, которыя нужны только для арміи и не требуются въ обыденной жизни: такія вещи каждая команда должна имѣть въ запасѣ на полный комплектъ людей военнаго времени.

Трудно, конечно, исчислить ту экономію, которая могла бы произойти отъ упраздненія интендантскаго вѣдомства, но мнѣ кажется, что она была бы не менѣе 5 милл. рублей, не считая той экономіи, которая могла быть слѣдствіемъ удешевленія заготовительныхъ цѣнъ. Теперь представьте себѣ, читатель, что со времени Крымской войны до послѣдней Турецкой, въ 20-лѣтній періодъ времени, такая экономія могла бы составить 100 милл. одной капиталной суммы, не считая процентовъ. Подобныя запасы средства дали бы возможность начать минувшую войну безъ выпуска кредитныхъ билетовъ и наше экономическое положеніе въ настоящее время было бы совершенно иное.

То же, или почти то же, можно сказать и о военно-инженерномъ вѣдомствѣ. Нельзя, конечно, отрицать, что военное вѣдомство должно имѣть извѣстный инженерный составъ въ крѣпостяхъ, извѣстныя инженерныя команды въ войскахъ для постройки полевыхъ укрѣпленій, завѣдыванія понтонными мостами, по-

ходными телеграфами и т. д. Я понимаю также необходимость главнаго инспектора по инженерной части съ известнымъ штатомъ офицеровъ при немъ для наблюденія за исправностію кровостныхъ работъ и инженерныхъ частей въ войскахъ. Но я позволю себѣ усомниться въ пользѣ и необходимости главнаго и окружныхъ инженерныхъ управленій, отдѣленій и дистанцій лицъ, состоящихъ въ вѣдѣніи окружныхъ управленій, смотрителей казармъ и т. д. Мнѣ могутъ замѣтить, что весь этотъ мѣстный персоналъ нуженъ для завѣдыванія казенными зданіями военнаго вѣдомства; но я отвѣчу, что зданіями могутъ завѣдывать начальства тѣхъ командъ, которыя помѣщаются въ зданіяхъ, что для такого завѣдыванія нѣтъ надобности имѣть цѣлую массу техниковъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ имѣется масса громадныхъ зданій, которыми завѣдываютъ и производятъ въ нихъ мелкій ремонтъ отнюдь не техники, почему же для казенныхъ зданій необходимы непременно техники? Въ случаѣ надобности капитальнаго исправленія зданія, всегда можетъ быть приглашенъ техникъ губернскаго управленія. Мнѣ кажется, что упраздненіе военно-инженерныхъ окружныхъ управленій и начальниковъ дистанцій уменьшило бы не только расходы на содержаніе личнаго состава, но и расходы по ремонту зданій, такъ какъ въ настоящее время производится многія работы только потому, что есть техники, которымъ нужно же что-нибудь дѣлать...

Но менѣе всего понятно существованіе главнаго военно-медицинскаго управленія, а равно и окружныхъ военно-медицинскихъ управленій. Дѣятельность этихъ учреждений ограничивается опредѣленіемъ, увольненіемъ и командировками врачей, что можетъ быть исполняемо общею военной администраціей и для чего нѣтъ надобности ни въ какихъ медицинскихъ свѣдѣніяхъ. Руководить же дѣйствіями полковыхъ и батарейныхъ врачей ни окружныя, ни главное военно-медицинскія управленія ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Даже дивизионные врачи составляютъ совершенно лишнюю мебель, не приносящую никакой пользы дѣлу. Дѣятельность врача должна быть непременно самостоятельна и только тогда она можетъ приносить пользу, всякое же вмѣшательство въ эту дѣятельность со стороны начальства, при временныхъ наѣздахъ, приносить только вредъ. Лица, занимающія медицинскія административныя должности въ продолженіе многихъ лѣтъ, не только теряютъ изъ виду постоянное развитіе науки и новѣйшія открытія, но часто забываютъ даже практическіе приемы

лѣченія, между тѣмъ какъ медицина идетъ впередъ съ каждымъ днемъ. Поэтому врачи, стоящіе на высшихъ ступеняхъ военно-медицинской іерархіи, не могутъ быть руководителями молодыхъ людей, у которыхъ на памяти послѣдніе выводы науки; они не могутъ имѣть въ глазахъ послѣднихъ никакого авторитета. На этомъ основаніи можно смѣло утверждать, что армія нуждается въ полковыхъ и батарейныхъ врачахъ, подчиненныхъ общей военной администраціи; вся же военно-медицинская администрація не имѣетъ никакого *raison d'être*. Было бы гораздо полезнѣе, еслибы профессора медицинской академіи въ вакаціонное время инспектировали полковые лазареты и подавали совѣты врачамъ, ими завѣдывающимъ. Точно также можно предложить вопросъ, зачѣмъ существуетъ военно-медицинскій ученый комитетъ, когда всякій теоретическій вопросъ гораздо правильнѣе можетъ быть разрѣшенъ въ совѣтѣ медицинской академіи лицами гораздо болѣе компетентными, чѣмъ заслуженные врачи-практики, давно отказавшіеся отъ всякихъ научныхъ занятій. Вообще всѣ ученые комитеты при административныхъ учрежденіяхъ не приносятъ равно никакой пользы и являются простыми синекурами для людей заслуженныхъ, а потому мнѣ бы казалось, что было бы гораздо правильнѣе оклады получаемые членами подобныхъ комитетовъ выдавать имъ въ видѣ пенсій, чѣмъ поручать имъ разрѣшеніе такихъ вопросовъ, о которыхъ они никогда не думали и думать не могутъ. Вопросы теоретическіе должны рѣшаться не комитетамъ, созданными административною властію, а учеными корпораціями, и рѣшенія этихъ корпорацій должны быть обязательны для администраціи,—такъ по крайней мѣрѣ дѣлается въ странахъ образованныхъ, гдѣ научное знаніе уважается.

Всѣ указанныя реформы въ военной администраціи и сосредоточеніе ея въ канцеляріи министра по части хозяйственной и въ главномъ штабѣ по части фрунтовой много содѣйствовали бы единству управленія, котораго теперь нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ въ настоящее время каждый начальникъ главнаго управленія можетъ проводить на практикѣ свои взгляды и свою систему. Кромѣ того между отдѣльными вѣдомствами могутъ возникать пререканія, тормозящая дѣло и возбуждающая только бумажную переписку и сваливаніе своихъ ошибокъ и упущеній на другое вѣдомство. Съ финансовой же точки зрѣнія подобныя реформы не только сократили бы расходы на администрацію, но повели бы за собой значительную экономію и въ операціонныхъ

расходахъ военнаго вѣдомства, какъ вслѣдствіе указанныхъ причинъ, такъ и вслѣдствіе того, что центральное управленіе, устранившись отъ производства расходовъ, могло бы сдѣлаться дѣйствительно контролирующимъ учрежденіемъ, тогда какъ теперь, завѣдуя большею частію заготовокъ, оно является учрежденіемъ отвѣтственнымъ за правильность операций и потому естественно должно оправдывать и покрывать ошибки и упущенія второстепенныхъ органовъ власти.

Къ сожалѣнію, система обособленія и стремленіе къ образованію самостоятельныхъ управленій коренится глубоко во всемъ строѣ нашихъ государственныхъ учрежденій. Каждое изъ нашихъ министерствъ стремится обособиться отъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ и собственными средствами удовлетворить всѣ свои потребности, создать такъ-сказать отдѣльное государство въ государствѣ, не желая знать ни нуждъ, ни потребностей другихъ вѣдомствъ. Что же мудренаго, что тѣми же тенденціями заражаются и подчиненныя министерствамъ лица, стремящіяся создать министерство въ министерствѣ. Такимъ стремленіемъ страдаетъ не одно военное министерство. Правда, въ военномъ вѣдомствѣ это стремленіе выразилось гораздо рельефнѣе многими чертами, но нельзя не замѣтить, что оно не чуждо и другимъ министерствамъ.

Чтобы меня не укорили въ голословности высказанной мысли о томъ, что въ военномъ вѣдомствѣ всего рельефнѣе выражается стремленіе создать государство въ государствѣ, я укажу на существованіе среди его особыхъ вѣдомствъ военно-учебнаго и военно-суднаго. Что касается перваго, то я бы понялъ необходимость такого учрежденія, еслибъ оно завѣдывало спеціальными учебными заведеніями, т. е. академіями—Главнаго штаба, Артиллерійской и Инженерной. Эти три академіи готовятъ особыхъ спеціалистовъ, нужныхъ только для арміи. Но этого нѣтъ: эти академіи состоятъ въ вѣдѣніи главнаго штаба и главныхъ управленій артиллерійскаго и инженернаго. Въ вѣдѣніи же главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній состоятъ среднія учебныя заведенія, имѣющія дѣло съ такимъ возрастомъ учащихся, при которомъ способности и склонности человѣка еще не опредѣлились, когда выборъ спеціальности невозможенъ, а нужно лишь общее образованіе. Создавая свои общеобразовательныя учебныя заведенія, военное вѣдомство прямо указываетъ на стремленіе обособиться отъ другихъ образованныхъ классовъ населенія и съ дѣтства приготовить людей спеціально для службы въ арміи.

Намъ могутъ возразить, что такое направленіе дѣйствительно существовало въ дореформенное время, но что по почину прежняго военнаго министра кадетскіе корпусы преобразованы въ военныя гимназіи и воспитанники ихъ, получая общее образованіе, нисколько не обязаны готовить себя исключительно для фрунтовой службы и могутъ избирать для себя родъ дѣятельности, какой пожелаютъ. На такое возраженіе я позволю себѣ замѣтить, что еслибы такая мысль дѣйствительно преобладала при образованіи военныхъ гимназій изъ кадетскихъ корпусовъ, еслибы мысли, высказанныя незабвеннымъ Пироговымъ, дѣйствительно взяли верхъ надъ желаніемъ готовить съ дѣтства офицеровъ, тогда слѣдовало передать эти учебныя заведенія въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и совершенно отказаться отъ педагогической дѣятельности, положительно несомѣстной съ характеромъ военнаго вѣдомства. Между тѣмъ этого сдѣлано не было, а напротивъ того принята была какая-то полумѣра, по которой воспитанники военныхъ гимназій имѣли право свободно избирать родъ дѣятельности, но фактически имѣли только одинъ выходъ— поступать въ военную службу. Сравнивая ту и другую систему, т. е. систему прежнихъ кадетскихъ корпусовъ и систему военныхъ гимназій, я готовъ предпочесть первую, такъ какъ она была искренняя, ни отъ кого не скрывала, къ чему она готовитъ воспитанника; тогда какъ вторая только заявляла, что она не обязываетъ воспитанника военной службой, въ дѣйствительности же не представляла послѣднему никакого другого исхода. Такимъ образомъ послѣдствія той и другой системы одни и тѣ же—съ дѣтства готовить человѣка къ военной службѣ, и это не могло быть иначе при томъ преобразованіи, которое было сдѣлано, такъ какъ люди завѣдующіе этими заведеніями остались тѣ же, а слѣдовательно и характеръ ихъ отношеній къ учащемуся юношеству не могъ значительно измѣниться. Я не хочу этииъ сказать, что нѣтъ разницы между воспитаніемъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ и нынѣшнихъ военныхъ гимназій,—напротивъ, разница есть, но подкладка остается прежняя.

Указывая на это обстоятельство, я привожу его въ доказательство существующей тенденціи военнаго вѣдомства обособиться отъ вліянія другихъ вѣдомствъ и готовить нужныхъ для него людей при особыхъ условіяхъ и притомъ съ дѣтскаго возраста,—тенденціи оградить будущій контингентъ офицеровъ отъ тѣхъ понятій и воззрѣній, которыя развиваются въ другихъ

учебныхъ заведеніяхъ. Иначе трудно понять сохраненіе въ военномъ вѣдомствѣ учебныхъ заведеній, дающихъ общее образованіе.

Последнее замѣчаніе тѣмъ болѣе справедливо, что нынѣшній порядокъ требуетъ матеріальныхъ пожертвованій, такъ какъ содержаніе военныхъ гимназій и прогимназій обходится несравненно дороже, чѣмъ содержаніе гимназій и реальныхъ училищъ вѣдомства народнаго просвѣщенія. Еслибы средства, отпускаемые на этотъ предметъ военному вѣдомству, находились въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, то они удовлетворили бы гораздо большому спросу на образованіе и министерству, быть-можетъ, не приходилось бы отказывать въ приѣмъ за неизмѣнимъ вакансій, да и военное вѣдомство могло бы рассчитывать на большій контингентъ поступающихъ въ военную службу изъ числа окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности при всеобщей воинской повинности. Если же такой порядокъ не вводится, то стало-быть считается неудобнымъ, что и требовалось доказать.

Тенерь, когда военныя гимназіи вновь переименованы въ кадетскіе корпуса и изъ нихъ удалены воспитатели не военнаго званія, то этимъ еще болѣе подтверждается высказанная мною мысль, что военное вѣдомство стремится развить въ своихъ воспитанникахъ совершенно особый характеръ, свойственный только этому вѣдомству, т. е. возвратиться къ той системѣ дрессированія людей, которая господствовала въ дореформенное время. Если же для достиженія этой цѣли считается достаточнымъ замѣнить названіе учебныхъ заведеній и устранить воспитателей не военнаго званія, то это значитъ, что реформа графа Милютина не имѣла въ себѣ ничего существеннаго и была чѣмъ-то внѣшнимъ, формальнымъ.

Другое, еще болѣе ясное, доказательство стремленія военнаго вѣдомства создать изъ себя *status in statu* заключается въ учрежденіи главнаго военно-суднаго управленія, которое въ свою очередь имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи особое учебное заведеніе—военно-юридическую академію, приготавливающую *военныхъ юристовъ*, которые по окончаніи курса причисляются для практики къ военнымъ судамъ съ званіемъ кандидатовъ на военно-судебныя должности.

Признаюсь, я рѣшительно не понимаю, для чего необходимо подобное учрежденіе, если не допустить мысли, что военное вѣдомство не должно имѣть ничего общаго со всѣмъ строемъ ге-

сударственного управленія. Неужели обязанности военно-служащаго такъ сложны и спеціальны, что судить объ ихъ нарушеніи и виновности подсудимаго можетъ только спеціальнѣйшій судъ? Но вѣдь мы знаемъ, что въ государственной службѣ каждое вѣдомство имѣетъ особое спеціальное назначеніе, и правила, опредѣляющія обязанности служащихъ, во многихъ случаяхъ бываютъ гораздо сложнѣе и труднѣе для изученія, чѣмъ правила военной службы. Если проступки и преступленія по должности военно-служащихъ должны быть судимы особыми спеціальными судами, тогда каждое вѣдомство должно имѣть свой судъ, и притомъ не одинъ, а нѣсколько, смотря по числу спеціальностей, входящихъ въ составъ этого вѣдомства. Очевидно, что не спеціальность военной службы обуславливаетъ существованіе военныхъ судовъ, а что - то другое. Военные суды дѣйствительно нужны только въ военное время, но тогда они существуютъ въ видѣ особыхъ временныхъ военно-полевыхъ судовъ; я же говорю не объ этихъ учрежденіяхъ, а о судахъ постоянныхъ, дѣйствующихъ въ мирное время и даже въ такихъ случаяхъ, когда военно-служащій совершаетъ какое-либо преступленіе или проступокъ противъ общаго права. Установленіе особой подсудности для подобныхъ случаевъ однимъ фактомъ своего существованія влечетъ за собою ограниченіе правъ всѣхъ другихъ гражданъ государства и, разумѣется, должно вызывать весьма вредныя послѣдствія въ общей государственной жизни. Приведу примѣръ самый обыкновенный. Положимъ, военно-служащій наноситъ оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ или причиняетъ какой-либо другой вредъ простому смертному, т. е. совершаетъ проступокъ, не выходящій изъ юрисдикціи мирового суда. Потерпѣвшій въ этомъ случаѣ не можетъ обратиться къ защитѣ мѣстнаго мирового суда, но долженъ жаловаться по начальству; а если послѣднее признаетъ жалобу его основательною, тогда передастъ ее на разсмотрѣніе подлежащаго военного суда, который по такого рода дѣламъ есть полковой судъ товарищей. Право потерпѣвшаго является ограниченнымъ, во-первыхъ, усмотрѣніемъ начальства и, во-вторыхъ, необходимою довольствоваться рѣшеніемъ такого суда, который не имѣетъ никакихъ юридическихъ свѣдѣній и можетъ взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія свойственной только военнымъ людямъ и чуждой мирнымъ обывателямъ. Въ такой судъ потерпѣвшій не пойдетъ: онъ или махнетъ рукой на причиненное ему оскорбленіе и нанесенный вредъ и

будетъ терять уваженіе къ существующему порядку, не ограждающему его правъ, или, наоборотъ, попробуетъ расправиться лично и прибѣгнетъ къ самоуправству. Тотъ и другой случай ведутъ къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ. Теперь спрашивается, какими же мотивами могутъ обусловливаться подобныя исключенія изъ общаго порядка вещей?

Мнѣ кажется, что это есть остатки стараго привилегированнаго положенія, которымъ когда-то пользовались люди военнаго званія и считали себя стоящими значительно выше на общественной лѣстницѣ въ сравненіи съ чинами гражданскаго вѣдомства. Въ это доброе старое время считалось унижительнымъ для военнаго человѣка быть судимымъ людьми штатскими, а теперь поддерживается вслѣдствіе обычая, къ которому люди такъ привыкли, что не замѣчаютъ ни печальныхъ послѣдствій подобнаго обычая въ нравственномъ отношеніи, ни полной несовмѣстимости его съ уваженіемъ къ закону и суду *)

Между тѣмъ установленіе одинаковаго для всѣхъ гражданъ суда и упраздненіе военно-сухопутнаго и военно-морскаго судовъ сохранили бы государству около полутора милліона рублей. Вмѣстѣ съ нравственною пользою явилась бы и матеріальная выгода.

По величинѣ государственнаго расхода на военныя потребности, считая въ томъ числѣ издержки другихъ вѣдомствъ на этотъ предметъ, непосредственно слѣдуетъ сумма расхода по системѣ кредита, такъ какъ расходъ этотъ по смѣтѣ текущаго года определенъ въ суммѣ 198.776.286 руб., которые составляютъ 30% общей суммы расхода. Возрастаніе издержекъ по этой статьѣ, точно также какъ и возрастаніе издержекъ военнаго вѣдомства, составляетъ одну изъ самыхъ большихъ сторонъ нашего бюджета, а потому и самыхъ опасныхъ для будущности Россіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бросить взглядъ на нижеслѣдующую таблицу, указывающую степень возрастанія не только абсолютной цифры этого расхода, но и процентнаго отношенія къ общей цифрѣ дохода и расхода:

*) Замѣчательно, что иногда военно-служащіе, совершившіе особенно тяжкое и притомъ позорное преступленіе, не предавались военному суду, а были исключаемы изъ службы и дѣло ихъ поступало на разсмотрѣніе въ гражданскій окружный судъ съ участіемъ присяжныхъ, хотя по закону преступленія за время нахождения преступниковъ въ военной службѣ и не подлежатъ вѣдѣнію этого суда. Чѣмъ обусловливались подобныя распоряженія и почему окружный судъ признаетъ себя компетентнымъ въ этого рода дѣлахъ—неизвѣстно.

Асм.

ГОДЫ.	Расходъ по системѣ кредита.	°/о повышенія въ сравненіи съ 1866 годомъ.	Процентное его отношеніе:		
			къ общему расходу.	къ общему доходу.	
По отчетамъ государственнаго контроля.	1866	74.746.690	—	18—	21,2
	1867	82.945.271	10,9	19,5	19,7
	1868	79.719.632	6,2	18—	18,9
	1869	88.154.411	18—	18,8	19,2
	1870	86.039.864	15,1	17,7	17,9
	1871	85.067.291	13,8	17—	16,7
	1872	88.281.652	19,4	17—	17—
	1873	93.380.609	24,9	17,3	17,3
	1874	93.843.136	25,5	17,2	17—
	1875	107.478.064	43,8	19,7	18,6
	1876	109.344.815	46,3	19—	19,5
	1877	115.086.332	55,3	19,6	20,9
	По государственной росписи.	1878	140.326.910	87,7	23,3
1879		172.448.303	130,6	26,7	26—
1880		173.473.627	132,1	25—	26,6
1881		193.338.684	158,7	28,8	30,7
1882		198.776.287	166—	30,1	30,3

Изъ этой таблицы видно, что въ теченіе перваго десятилѣтія расходъ этотъ хотя и возрасталъ, но слабѣе, чѣмъ возрастали общія цифры бюджета; но съ 1875 года увеличеніе расхода по системѣ кредита идетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ увеличеніе общаго дохода и расхода. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что цифры эти не выражаютъ дѣйствительнаго расхода, такъ какъ платежи въ металлической валютѣ при переводѣ ихъ на кредитные рубли опредѣляются по гадательному курсу и въ послѣдніе годы дѣйствительный платежъ производился постоянно по курсу болѣе низкому въ сравненіи съ тѣмъ, который принимался въ основаніе при составленіи государственной росписи и дополнительныхъ ассигнованій. Разница эта за послѣдніе 6 лѣтъ составляла въ разное время отъ 2 до 4 копѣекъ на каждый кредитный рубль, а такъ какъ эти платежи по настоящей росписи превышаютъ 110 милл. руб. кредитныхъ, то оказывается, что государственное назначеніе въ эти послѣдніе 6 лѣтъ переплачивало противъ суммъ, показанныхъ въ вѣдомости, отъ 8 до 16 милл. рублей. Я утверждаю это на томъ основаніи, что государственный контроль въ своихъ отчетахъ, опредѣляя подлежащія къ отпуску суммы по этой статьѣ, по заключеніи смѣтнаго періода, исчислялъ ихъ не на основаніи предстоявшихъ еще платежей, а

опредѣляя простымъ вычитаніемъ израсходованныхъ суммъ изъ кредита, открытаго по росписи, и дополнительнымъ ассигнованіямъ, въ числѣ же послѣднихъ никогда не было ассигнованій на покрытіе разницы въ курсѣ, предположенномъ по росписи и дѣйствительномъ, если не считать въ послѣднемъ отчетѣ за 1880 годъ произведеннаго расхода на этотъ предметъ, по § 23, въ размѣрѣ 198.349 рублей 96 коп. Ничтожность этой цифры прямо указываетъ, что эта переплата послѣдовала по какой-либо отдѣльной статьѣ смѣты, которая случайно опредѣлилась по счетамъ государственнаго контроля и далеко не выражаетъ собою дѣйствительнаго расхода по этому поводу. Скорѣе всего цифра эта могла явиться слѣдствіемъ переплаты по металлическимъ 4% билетамъ государственнаго банка, такъ какъ оплата купоновъ по этимъ билетамъ производится внутри государства. Изъ какихъ источниковъ и какимъ образомъ удовлетворялся этотъ излишній расходъ по остальнымъ заграничнымъ займамъ, положительно неизвѣстно; но что онъ былъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Конечно, общихъ суммъ государственнаго казначейства у заграничныхъ банкировъ всегда бываетъ достаточно для производства платежей по предъявляемымъ купонамъ, тѣмъ болѣе, что предъявленіе ихъ къ платежу всегда значительно запаздываетъ. Вслѣдствіе этого министерство финансовъ можетъ обходиться продолжительное время безъ ассигнованія на этотъ предметъ особыхъ кредитовъ; но, конечно, такой порядокъ вещей долженъ имѣть конецъ и тогда придется разомъ свести со счетовъ значительную сумму. Винить въ этомъ случаѣ государственный контроль въ томъ, что онъ не показываетъ этого расхода по своимъ отчетамъ, не представляется возможнымъ, такъ какъ онъ по заграничнымъ расходамъ не производитъ документальной повѣрки, а заимствуетъ свѣдѣнія изъ счетовъ кредитной канцеляріи, которые, какъ оказывается, далеко не удовлетворительны. Мнѣ приходится уже не первый разъ указывать на неудовлетворительность счетоводства кредитной канцеляріи какъ по отношенію къ счетамъ съ желѣзнодорожными обществами, такъ и по отношенію къ государственнымъ долгамъ, и обстоятельство, на которое я указываю въ настоящемъ случаѣ, можетъ имѣть очень серьезное послѣдствіе и поставить министерство финансовъ въ весьма затруднительное положеніе.

Конечно, я не имѣю даже и приблизительныхъ данныхъ, чтобы судить о разницѣ дѣйствительныхъ расходовъ и показан-

ныхъ въ вѣдомости, но разниа эта должна быть значительна, а потому и процентъ возрастанія этихъ расходовъ и процентъ бюджета, поглощаемый ими, долженъ быть выше, чѣмъ значится въ составленной мною вѣдомости. Но печальнѣе всего то, что возрастаніе этой статьи расхода далеко еще не завершилось и должно будетъ поглощать все болѣе и болѣе высокій процентъ нашего бюджета, хотя и въ настоящее время онъ намъ далеко не по силамъ. Дѣло въ томъ, что, при отсутствіи радикальныхъ финансовыхъ реформъ и невозможности сокращенія расходовъ бюрократическимъ путемъ, хроническій дефицитъ является неизбѣжнымъ и мы можемъ покрывать его только займами. Кромѣ того мы не имѣемъ никакихъ другихъ средствъ для уплаты государственному банку 350 милл. рублей за временно выпущенные въ обращеніе кредитные билеты, — уплаты, разсроченной, въ силу указа 1-го января 1881 года, на 8 лѣтъ. Такимъ образомъ даже при отсутствіи всякихъ случайностей и невзгодъ до начала 1889 года намъ придется увеличивать нашъ государственный долгъ по крайней мѣрѣ на 100 милл. руб. въ годъ. На внутреннемъ нашемъ рынкѣ мы не можемъ найти этихъ капиталовъ безъ серьезнаго стѣсненія или, лучше сказать, безъ окончательнаго подрыва промышленной дѣятельности, а потому единственный источникъ для удовлетворенія этой потребности есть заграничный рынокъ, на которомъ нашъ кредитъ при настоящихъ условіяхъ значительно пошатнулся. Нѣтъ сомнѣнія, что необходимость въ такихъ колоссальныхъ займахъ извѣстна на заграничныхъ рынкахъ лучше, чѣмъ у насъ, и вонечно каждая попытка сдѣлать новый заемъ будетъ понижать курсъ прежнихъ нашихъ бумагъ и тѣмъ затруднять помѣщеніе новыхъ, вслѣдствіе чего каждый новый заемъ намъ будетъ обходиться дороже и возвышать наши издержки по системѣ государственнаго кредита.

Подобная перспектива конечно не заключаетъ въ себѣ ничего утѣшительнаго, но за то представляетъ много поучительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если бросить вновь взглядъ на таблицу, мною составленную, и на предстоящее увеличеніе государственнаго долга, то не трудно замѣтить, что настоящее неприглядное финансовое положеніе наше есть слѣдствіе послѣдней войны, такъ какъ только съ 1877 года начинается возрастаніе государственнаго долга быстрѣе, чѣмъ ростъ бюджета. Но при такомъ выводѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что съ 1877 года расходъ на уплату процентовъ по государственнымъ

долгамъ возросъ уже на 90 милл. рублей, да намъ предстоитъ еще увеличить эту статью расхода не менѣе какъ на 50 милл. рублей. Между тѣмъ военныя издержки наши не превышали миллиарда рублей и могли возвысить сумму процентовъ на 60—70 миллион. руб., не болѣе; между тѣмъ, считая въ томъ числѣ погашеніе и реализацію, намъ приходится платить вдвое большую сумму. Гдѣ же причина того положенія дѣлъ, что, при излишнихъ издержкахъ въ одинъ миллиардъ, государственный долгъ долженъ возрасти на два миллиарда? Подобное явленіе должно имѣть свою особую причину, такъ какъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго въ послѣдствіяхъ, напр., франко-германской войны, хотя эта война обошлась воюющимъ державамъ гораздо дороже, чѣмъ русско-турецкая. Государственный долгъ Франціи возросъ не болѣе какъ на сумму, въ которую обошлись ей военныя издержки и реализація займовъ, между тѣмъ какъ у насъ представляетъ по меньшей мѣрѣ двойную сумму. Само собою разумѣется, что причина такого явленія должна заключаться въ тѣхъ финансовыхъ мѣрахъ, которыя доставили средства для военныхъ расходовъ. Ни Франція, ни Германия не прибѣгали въ этомъ случаѣ къ выпуску бумажныхъ денегъ: онѣ вели и окончили войну съ помощію запасныхъ средствъ и кредита, а потому у нихъ и не было тѣхъ прикладныхъ расходовъ, которые должны были явиться слѣдствіемъ покрытія военныхъ расходовъ у насъ. Мы начали войну тѣмъ, что увеличили въ полтора раза количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ на нашемъ рынкѣ, то-есть выпустили кредитныхъ билетовъ на громадную сумму—400 миллионъ руб. серебромъ, и до сихъ поръ не подумали извлечь ихъ изъ обращенія. Само собою разумѣется, что курсъ этихъ денежныхъ знаковъ долженъ былъ понизиться значительно и, какъ показалъ опытъ, онъ упалъ болѣе чѣмъ на 30%. Соразмѣрно съ такимъ паденіемъ должно было произойти возрастаніе государственныхъ расходовъ сначала по всѣмъ заграничнымъ платежамъ, а затѣмъ и по внутреннимъ. Не говоря о тѣхъ потеряхъ, которыя несли и продолжаютъ нести при этомъ частныя лица, подобный способъ удовлетворенія военныхъ расходовъ нанесъ громадный ущербъ государственному казначейству. Займы при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ были бы гораздо менѣе убыточны, нежели подобная мераасчетливая мѣра, тѣмъ болѣе, что рынокъ и безъ того уже былъ переполненъ бумажными деньгами, которыя были единственными платежными знаками и новыя ихъ выпуски долж-

ны были прямо понижать ихъ стоимость, за неимѣніемъ въ обращеніи звонкой монеты, которая своимъ отливомъ на заграничные рынки могла бы очистить мѣсто для новыхъ денежныхъ знаковъ. Если прежніе выпуски понизили курсъ кредитнаго рубля на 15%, то, повидимому, было ясно, что новые выпуски, и притомъ въ такомъ размѣрѣ, должны были его понизить еще болѣе. Принимая же въ соображеніе, что государственный доходъ въ 1876 году доходилъ до 560 милл. рублей, наше финансовое управленіе, прибѣгая къ выпуску 400 милл. рублей безпроцентныхъ бумажныхъ денегъ, понижало стоимость этого дохода по меньшей мѣрѣ на 15% и теряло 79 милл. рублей, то-есть въ дѣйствительности дѣлало заемъ по меньшей мѣрѣ за 20%, не считая тѣхъ потерь, которыя несли частные люди. Но до этихъ простыхъ соображеній наше финансовое управленіе того времени возвыситься не могло, несмотря на то, что подобныя мѣры были приняты во время Крымской войны и гибельныя ихъ послѣдствія продолжали тяготѣть на нашемъ рынкѣ даже въ тотъ моментъ, когда приступали къ ихъ повторенію. Вотъ наглядный примѣръ, насколько бюрократическій строй управленія гарантируетъ интересы государства и насколько примѣры исторіи поучительны для него. Вотъ за эти-то промахи и приходится расплачиваться въ настоящее время, привиняя на счетъ государства двойную сумму долга въ сравненіи съ произведенными издержками, а потеря прежняго времени и разстройство народнаго хозяйства остаются на придачу и ставятъ серьезное препятствіе къ улучшенію финансоваго положенія государства въ ближайшемъ будущемъ. При такомъ положеніи дѣлъ приходится откладывать всѣ реформы, необходимыя въ интересахъ провинціи, и приносить ихъ въ жертву интересамъ общегосударственнымъ.

Вотъ почему позволительно выразить желаніе, чтобы заботы министерства финансовъ были ограничены попеченіями о средствахъ, нужныхъ только для удовлетворенія потребностей арміи, флота и центральныхъ органовъ управленія; опредѣленіе же потребностей мѣстнаго управленія и завѣдываніе средствами, нужными для удовлетворенія этихъ потребностей, должно принадлежать мѣстному населенію и его выборнымъ. Тогда по крайней мѣрѣ ошибки центрального финансоваго управленія не будутъ задерживать успѣхъ развитія отдѣльныхъ мѣстностей, а здоровая жизнь провинціи дастъ возможность устранить всякое затруднительное положеніе центрального управленія.

При сравненіи нашихъ расходовъ по системѣ кредита съ расходами другихъ государствъ Европы оказывается, что Англія и Америка тратятъ на этотъ предметъ изъ своего бюджета большій процентъ, а именно 36%; но слѣдуетъ замѣтить, что провинціальныя расходы этихъ государствъ не входятъ въ общіе бюджеты и потому общая сумма бюджета значительно сокращается. Кромѣ того эти державы не имѣютъ бумажныхъ денегъ, а потому имъ не предстоитъ возвышать расходовъ по этой статьѣ, тогда какъ намъ необходимо ихъ увеличить болѣе чѣмъ на 20%, чтобы консолидировать нашъ безпроцентный долгъ. Впрочемъ Англія не слѣшитъ погашеніемъ своихъ долговъ и, вслѣдствіе дешевизны % по государственнымъ долгамъ, предпочитаетъ обращать излишки своихъ доходовъ на пониженіе налоговъ. Франція, выдержавшая такую страшно-гибельную войну и заплатившая громадную контрибуцію въ пять миллиардовъ франковъ, тѣмъ не менѣе издерживаетъ изъ своего бюджета не болѣе 30% на платежи по долгамъ и ей также не предстоитъ увеличивать этихъ расходовъ на извлеченіе изъ обращенія бумажныхъ денегъ. Італія тратитъ на этотъ предметъ также не болѣе 30% своего бюджета, несмотря на то, что она принуждена была дѣлать громадныя займы послѣ своего объединенія, такъ какъ получила въ наслѣдство отъ прежнихъ государствъ, вошедшихъ въ ея составъ, самое печальное финансовое положеніе. Что же касается Германіи, то она вовсе не имѣетъ долговъ, а Пруссія тратитъ на уплату процентовъ по своимъ долгамъ менѣе 8% своего бюджета. Даже Австрія, о плачевномъ финансовомъ положеніи которой такъ часто говорятъ наши газеты, и та издерживаетъ на платежи % по своимъ долгамъ менѣе 20% своего бюджета. Послѣ этого позволительно предложить вопросъ: лучше ли наше финансовое положеніе австрійскаго?

А. Головачевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Дмитрій Николаевичъ Замятинъ.

(Страница изъ исторіи судебной реформы.)

„По-истинѣ едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко принялось дѣло столь великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ основной идеи и до мельчайшихъ подробностей...“

„Наша судебная реформа есть не столько реформа, сколько *созданіе* судебной власти. Честь и слава правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждательную мысль Преобразователя, оберегая ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія *новаго* гражданскаго порядка. Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи“.

Москов. Вѣдом. 1867 г., № 69.

I.

Послѣ «19-го февраля» самымъ славнымъ днемъ прошлаго царствованія, безспорно, должно быть признано «20-е ноября», день утвержденія нашихъ знаменитыхъ «Судебныхъ Уставовъ». До известной степени день 20-го ноября даже можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ днемъ освобожденія крестьянъ. Учрежденія, порожденныя 20-мъ ноября, если не въ отношеніи глубины, то въ отношеніи широты захватили большее пространство, коснувшись матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ большаго числа лицъ. Тогда какъ «Положеніе 19 февраля» затрогивало быть одного только крѣпостнаго населенія, учрежденіе новаго гласнаго суда, независимаго суда общественной совѣсти, затрогивало самыя дорогіе интересы всѣхъ слоевъ населенія, всего государства. Только теперь, когда событія и дѣятели шестидесятыхъ годовъ начинаютъ уходить въ даль исторической перспективы, это колоссальное дѣло насажденія скорога, праваго и гласнаго суда совѣсти на мѣсто безконечной, продажной приказно-судебной воло-

киты и водвореніе началъ благоустроеннаго правоваго порядка въ исконной странѣ господства произвола — представляется во всемъ своемъ величіи и блескѣ. А уничтоженіе системы формальныхъ доказательствъ? Безграмотный судья, или вѣрнѣе главный вершитель дѣлъ секретарь, въ лучшемъ случаѣ, т. е. если не накидывалъ чего-нибудь за счетъ своей проданной совѣсти, производилъ, не видя и въ глаза подсудимаго, механическую выкладку надъ нѣмыми предустановленными доказательствами. При этихъ арифметическихъ выкладкахъ были нерѣдки такіе случаи, какъ рассказанный въ «Коробейникахъ»:

По ошибокъ засѣдателя
 Упекли его въ острогъ:
 Нужно было изъ Спиридова
 Вызвать Тита Кузьмича,
 Описались—изъ Давыдова
 Взяли Титушку-ткача.

или другой, упоминаемый Н. И. Стояновскимъ, случай: мужъ, на основаніи собственнаго признанія, былъ наказанъ плетью и сосланъ въ каторжныя работы за убійство жены, которая оказалась живущею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, гдѣ жилъ ея мужъ *). И эта счетная операція, при которой логику замѣняло предписаніе закона, а совѣсть—приказаніе начальства, эта machine à sentences, при дѣйствіи которой были неизбѣжны указанные случаи, называлась правосудіемъ и къ ней-то обращаютъ томные взоры современные обскуранты!

Теперь именно, когда есть возможность прослѣдить исторію подготовки и введенія судебной реформы, сравнивать между собою условія предшествовавшія, сопровождавшія и слѣдовавшія за этою реформою,—съ невольнымъ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ благоговѣніемъ, приходится останавливаться предъ этимъ, поистинѣ, богатырскимъ подвигомъ творцовъ и дѣятелей судебной реформы. Сколько нужно было имѣть любви къ дѣлу, сколько вѣры въ свой народъ, только-что освобожденный отъ помѣщичьяго самосуда, убивавшаго въ самомъ корнѣ всякое понятіе о правдѣ, чтобы задумать и такъ скоро и удачно выполнить задачу созданія народнаго суда совѣсти, самая мысль о которомъ показалась бы чѣмъ-то химерическимъ современному поколѣнію!

*) „Рѣчь Н. И. Стояновскаго, произнесенная 3 февраля 1880 года въ общ. собр. с.-петербургскаго Юрид. Общества“.

Возможно-полная исторія либеральной эпохи, создавшей судебную реформу, этой необычайно свѣтлой полосы нашей жизни, промчавшейся какъ метеоръ, была бы крайне поучительна. Появление исторіи судебной реформы, и именно теперь, было бы полезно и въ другомъ отношеніи. Въ наше время, когда въ иныхъ слояхъ, ради ложно понятой самобытности, такъ чуждаются всего, на чемъ лежитъ печать европейской общечеловѣческой мысли, исторія выработки и приложенія на дѣлѣ «Судебныхъ Уставовъ» представила бы много интереснаго. Они могутъ служить превосходнымъ образчикомъ того, какъ въ умѣлыхъ рукахъ и при доброй волѣ иноземное учрежденіе можетъ быть акклиматизировано съ сохраненіемъ основной идеи учрежденія и съ приспособленіемъ къ особенностямъ мѣстныхъ условій. У насъ же не только не имѣется прагматической исторіи судебной реформы, хотя бы въ такихъ рамкахъ, какъ трудъ профессора Ивапюкова—«Паденіе крѣпостнаго права», но даже не имѣется такого собранія матеріаловъ, какъ изданный за границею сборникъ Скребницкаго по крестьянской реформѣ. Богатые и цѣнные матеріалы по судебной реформѣ находятся у частныхъ лицъ и недоступны для публики. А между тѣмъ славные дѣятели судебной реформы одинъ за другимъ сходятъ со сцены. Нѣтъ уже въ живыхъ ни князи Гагарина, ни Буткова, ни Буцковскаго, ни многихъ другихъ ихъ доблестныхъ товарищей. Самая свѣжая потеря была въ прошломъ году. Не стало 19-го октября и перваго генераль-прокурора новыхъ судебныхъ учреждений Д. Н. Замятнина; ему въ значительной степени обязана своимъ осуществленіемъ судебная реформа, великими благами коей, почти безсознательно, мы теперь пользуемся.

И съ дерева невѣдомаго плодъ,
 Безпечные, безопасно мы вкушаемъ;
 Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
 Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
 И о тебѣ не скажетъ ничего
 Своимъ потомкамъ сдержанное племя...

Задача написанія полной исторіи судебной реформы, частью во количеству, частью по качеству подлежащихъ изслѣдованію матеріаловъ, безспорно не легка, и вѣроятно не скоро мы ее дождемся. Поэтому біографическіе опыты о дѣятельности главнѣйшихъ участниковъ ея, кажется, будутъ бесполезны, хотя бы

какъ подготовительный матеріалъ для будущей исторіи. На симпатичной дѣятельности одного изъ нихъ, а именно Замятнина, игравшаго первостепенную роль въ выработкѣ, а въ особенности въ введеніи «Судебныхъ Уставовъ» въ дѣйствіе, мы и намѣрены остановиться. Намъ уже приходилось говорить, по порученію московскаго Юридическаго Общества, о дѣятельности Замятнина *). Нынѣ намъ удалось собрать матеріалы, могущіе служить къ болѣе рельефной обрисовкѣ этой замѣчательной личности, а потому считаемъ полезнымъ еще разъ вернуться къ своей темѣ. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что, по свойству собраннаго нами матеріала, намъ придется говорить о дѣятельности Замятнина только по судебной реформѣ.

Дѣятельность Замятнина имѣетъ право на вниманіе еще по особой причинѣ. Въ наше время, когда и у недюжинныхъ людей руки опускаются въ безсиліи, когда всѣ жалуются на недостатокъ творческой мысли, когда всѣ ищутъ и не находятъ достойныхъ людей для разрѣшенія назрѣвшихъ серьезныхъ общественныхъ задачъ, очередь дѣятельности Замятнина можетъ дать не мало назидательныхъ указаній. По общему признанію всѣхъ лицъ, близко знавшихъ Замятнина, умственные способности его не представляли чего-нибудь изъ ряда вонъ выходящаго. Для своего времени онъ былъ достаточно образованъ, начитанъ, знакомъ съ иностранными законодательствами, особенно съ французскимъ, но выдающимися чертами его личности были: безконечная доброта, нравственная чистота, идеальная честность. Обладая такими богатыми духовно-нравственными дарами, Замятнинъ, и при обыкновенныхъ умственныхъ способностяхъ, счумѣлъ занять выдающееся мѣсто въ сонмѣ дѣятелей судебной реформы. Однажды понявъ великое значеніе гуманныхъ и либеральныхъ основъ судебной реформы, онъ отдался ей такъ, какъ умѣютъ отдаваться подобныя натуры, то-есть всецѣло и навсегда, а не по соображеніямъ минутнаго оппортунизма; онъ сдѣлался ихъ горячимъ сторонникомъ, распространителемъ, а впоследствии бойцомъ за судебную реформу. Впрочемъ, въ этомъ явленіи нѣтъ ничего особенно новаго. Исторія нерѣдко отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что люди «чистые сердцемъ» гораздо сильнѣе откликаются на призывы освободительныхъ и гуманныхъ идей, открывающіе новые горизонты для человѣчества, нежели очерствѣвшіе

*) *Жур. Гражд. и Уголов. Права* 1882 года, № 2.

люди школьной мудрости, книжники. Не нужно, конечно, упускать изъ виду и ту великую собирательную силу, которая называется «общественнымъ воодушевленіемъ»,—силу, благодаря которой и пигмеи дѣлаются гигантами, и Терситы— Патроклами... Стало-быть, въ извѣстное время и при извѣстныхъ добрыхъ задаткахъ, и человѣкъ среднихъ способностей можетъ творить великія дѣла. А это случается тогда, когда правящія сферы умѣютъ вызвать и направить здоровыя интеллигентныя силы страны, которыхъ бываетъ въ запасѣ больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Нужно только умѣть разыскивать эти силы. Ищите и обряцете... Истина эта слишкомъ стара, но послѣдуемъ совѣту Гёте и «не будемъ уставать, защищая истину; заблужденіе дѣйствуетъ, не уставая никогда».

Какъ бы то ни было, благодаря частью личнымъ своимъ качествамъ, а главнымъ образомъ благотворному вліянію либеральныхъ теченій начала прошлаго царствованія, Замятнинъ сдѣлался какъ бы знаменемъ для судебной реформы и оставался имъ до конца своей жизни. У всякой исторической эпохи, для всякого важнаго историческаго предпріятія, народное—у насъ пока еще общественное—сознаніе создаетъ легендарнаго героя, воплощающаго основную идею этого дѣла. Такими легендарными носителями идеи являются не всегда тѣ, которые отчетливѣе всѣхъ ее поняли, а тотъ, который сердечнѣе, теплѣе всѣхъ усвоилъ ее и беззавѣтно, весь безъ остатка, отдался служенію ей. Кто не знаетъ, какъ много сдѣлали для судебной реформы покойные князь Гагаринъ, Бутковъ и многіе другіе (я не говорю о живыхъ), однако, по всеобщему признанію, истиннымъ олицетвореніемъ гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ судебной реформы считался Замятнинъ.

Въ доказательство этой мысли приведу одинъ замѣчательный, но мало извѣстный фактъ. Въ 1874 году миповало первое десятилѣтіе со дня изданія «Судебныхъ Уставовъ». Замятнинъ, давно уже устраненный отъ любимаго дѣла, официально стоялъ совершенно далеко отъ судебного вѣдомства. И что же? Вся мыслящая Россія продолжала считать живымъ воплощеніемъ основныхъ началъ судебной реформы его, Замятнина. Съ разныхъ концовъ Россіи—изъ Москвы, Харькова, Пскова, Ельца, Новгорода, Владиміра—многочисленные почитатели судебной реформы, какъ бы сговорившись, слали Замятнину свои привѣтствія по случаю исполнившагося десятилѣтія изданія «Судебныхъ Уставовъ».

Въ числѣ привѣтствій была трогательная телеграмма изъ Москвы отъ молодыхъ, начинающихъ юристовъ, по поводу которой невольно вспоминаются слова французскаго философа: «heureux celui qui est assez grand pour que les petits l'admirent». Вотъ какую добрую память оставилъ Замятнинъ послѣ своего кратковременнаго, но оставшагося навсегда памятнымъ, управленія дѣлами новаго суда. Безъ дальнѣйшихъ поясненій понятно, что дѣятельность такого человѣка заслуживаетъ вниманія.

II.

„Настоящее правительство не задерживаетъ народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы; оно не боится этихъ силъ; оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними“.

С. Соловьевъ.

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ родился въ 1805 году, въ дворянской семьѣ, въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ лицейскомъ пансіонѣ, откуда за отличные успѣхи былъ переведенъ въ царско-сельскій лицей; здѣсь онъ окончилъ курсъ съ серебряною медалью въ 1823 году. Съ перваго же шага своего служебнаго поприща Дмитрій Николаевичъ попалъ въ хорошую школу знаменитаго Сперанскаго, который былъ занятъ въ то время кодификаціонными работами по составленію «Свода Законовъ». Съ закрытіемъ кодификаціонной комиссіи въ 1826 году Дмитрій Николаевичъ перешелъ во вновь учрежденную собственную Его Императорскаго Величества канцелярію, гдѣ онъ и оставался до конца 1840 года. Въ теченіе этого времени онъ успѣлъ составить себѣ репутацію способнаго и трудолюбиваго, а главное—честнаго чиновника. Особенно благодаря послѣднему качеству Дмитрій Николаевичъ получилъ должность герольдмейстера. При назначеніи на эту должность Дмитрію Николаевичу поручено было заняться искорененіемъ злоупотребленій, проще—взяточничества, господствовавшаго въ департаментѣ герольдій. Говорятъ, Императоръ Николай Павловичъ, опредѣляя Дмитрія Николаевича на это мѣсто, предупреждалъ его, что ему придется имѣть дѣло съ «шайкою разбойниковъ». Въ первый же годъ своей службы по новому вѣдомству Дмитрій Николаевичъ успѣлъ показать себя способнымъ администраторомъ, искоренивъ многія злоупотребленія. Отчетъ его за 1841 годъ, заключавшій въ себѣ и тщательно

обдуманнй планъ реформы дѣлопроизводства департамента герольдй, обратилъ на себя общее вниманіе. Затѣмъ Дмитрій Николаевичъ занималъ должности члена консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, оберъ-прокурора 2-го и 3-го департаментовъ сената. Въ этой должности онъ хорошо ознакомился со всеми язвами нашего стараго тайнаго канцелярскаго судопроизводства, что принесло ему громадную пользу при послѣдующей его дѣятельности по судебной реформѣ. Въ 1852 году Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ сенаторомъ и до 1858 года онъ присутствовалъ въ 1-мъ и во 2-мъ отдѣленіяхъ 3-го департамента, въ 4-мъ и въ 1-мъ департаментахъ. 9-го мая 1858 года онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи, а въ 1862 году, послѣ отставки графа Панина, управляющимъ министерствомъ юстиціи. 1-го января 1864 года Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ былъ утвержденъ въ званіи министра юстиціи, постъ котораго онъ занималъ до 16 апрѣля 1867 года.

За симъ онъ перешелъ въ государственный совѣтъ, гдѣ присутствовалъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и назначался постоянно членомъ особой комиссіи для разсмотрѣнія отчетовъ по министерству юстиціи и по кассационнымъ департаментамъ. 10-го мая 1881 года состоялось назначеніе Д. Н. Замятнина предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта.

Не перечисляя разнообразныхъ должностей, которыя занималъ Дмитрій Николаевичъ въ разныхъ комиссіяхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, упомяну только, что онъ съ 1858 года служилъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, а впоследствии былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ съ присутвованіемъ въ опекунскомъ совѣтѣ. Д. Н. Замятнинъ скончался въ день лицейской годовщины—19-го октября 1881 года. За товарищескимъ обѣдомъ съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ и черезъ нѣсколько часовъ послѣ того его уже не стало.

Такимъ образомъ время пребыванія и управленія Замятнинымъ министерствомъ юстиціи совпало со временемъ наиболѣе горячихъ работъ по подготовкѣ, составленію и введенію въ дѣйствіе «Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года». Эта самая важная эпоха жизни Дмитрія Николаевича составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Но, говоря объ участіи Замятнина въ судебной реформѣ, считаю необходимымъ частью для связи изложенія, частью по не-

вольной, но приятной ассоціаціи идей, сказать два слова о ходѣ этой реформы. И теперь, черезъ 20 лѣтъ, или, вѣрнѣе сказать, именно теперь нельзя безъ удивленія вспомнить объ этой классической работѣ составителей «Судебныхъ Уставовъ». Теперь, когда давно уже назрѣвшія реформы какихъ-нибудь опекунскихъ учреждений, коммерческихъ судовъ напрасно ждутъ не дождутся очереди въ теченіе 20 лѣтъ, колоссальный трудъ людей 60-хъ годовъ, блистательно, такъ - сказать съ одного размаха, разрѣшившихъ сложную задачу, въ теченіе четверти вѣка не сходящей съ очереди, кажется чѣмъ-то легендарнымъ. Вотъ нѣкоторыя числа, которыя покажутся невѣроятными современному поколѣнію. Въ октябрѣ 1861 года покойный Государь повелѣлъ предварительно выработать «Основныя Положенія» реформы. Мысль эта оказалась въ высшей степени счастливою; но что не въ ней одной была сила, лучшимъ доказательствомъ служить то обстоятельство, что въ послѣдующее время одно составленіе «Основныхъ Положеній» не подвигало впередъ работы. Примѣръ — ипотечная реформа. Но въ данномъ случаѣ счастливая мысль принесла обильные плоды, потому что ей благопріятствовали время или, что то же, состояніе умовъ. Меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ состоявшагося повелѣнія государственный совѣтъ уже окончилъ разсмотрѣніе извѣстныхъ «Основныхъ Положеній преобразования судебной части въ Россіи», Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 года и послужившихъ прочнымъ фундаментомъ для будущаго судебного законодательства. Лучшею похвалою для «Основныхъ Положеній» можетъ служить весьма сочувственный отзывъ, коимъ они встрѣчены были знаменитымъ германскимъ ученымъ Митермайеромъ *). 29-го же сентября повелѣно было образовать при государственной канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря В. П. Буткова, особую комиссію для составленія проектовъ судоустройства и судопроизводства, согласно утвержденнымъ уже «Основнымъ Положеніямъ». Въ составъ комиссіи вошли лучшіе юристы того времени, теоретически и практически изучавшіе право и судопроизводство. Комиссія съ небольшимъ черезъ годъ уже внесла въ государственный совѣтъ готовые проекты Учрежденія судебныхъ мѣстъ и Уставовъ гражданского и уголовного судопроизводства. Скорость хода работъ отнюдь не отразилась неблагоприятно на внутреннемъ содержаніи

*) Журн. Минист. Юст. 1864 г., № 10.

и внѣшней отдѣлкѣ проектовъ. Напротивъ, въ нихъ замѣчается такая полнота и глубина мысли, такое дѣятельное участіе всѣхъ умственныхъ силъ тогдашняго интеллигентнаго общества, которыя ни раньше, ни позже болѣе не повторялись. Вотъ каковъ былъ ходъ работъ. Вышеупомянутыя «Основныя Положенія» были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Чтобы вызвать самодѣятельность общественныхъ силъ, комиссія В. П. Буткова специально обратилась къ судебнымъ и административнымъ дѣятелямъ и профессорамъ, а черезъ періодическія изданія ко всѣмъ лицамъ, интересующимся судебною реформой, съ просьбой оказать содѣйствіе своими замѣчаніями. На приглашеніе комиссіи отвѣтило 448 лицъ, замѣчанія которыхъ составили шесть томовъ in folio. Припомнимъ, что это былъ первый опытъ обращенія къ обществу за содѣйствіемъ, ради успѣха законодательныхъ работъ, и мы поймемъ, какъ великъ долженъ быть въ то время подъемъ гражданскаго духа и сила всеобщаго воодушевленія, если, при бѣдности нашей юридической мысли, на приглашеніе отозвалось 448 человекъ. Эти практическія замѣчанія вмѣстѣ съ иностранными законодательствами и теоретическими изслѣдованіями послужили матеріаломъ, надъ которымъ работала комиссія. Сначала проекты составлялись редакторами, потомъ переходили въ отдѣленія комиссіи и наконецъ обсуждались въ общемъ собраніи комиссіи при участіи особо приглашенныхъ лицъ, свѣдѣнія и опытность коихъ могли разъяснить встрѣчаемыя недоразумѣнія. Комиссія работала такъ усердно и добросовѣстно, что, какъ уже замѣчено, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ своего учрежденія приготовила проекты, снабженные превосходными объяснительными записками. Въ значительной степени благодаря такой образцовой работѣ комиссіи, былъ созданъ лучший памятникъ русскаго законодательнаго творчества. Внося проекты въ государственный совѣтъ, предсѣдатель комиссіи напутствовалъ ихъ слѣдующими словами, все значеніе коихъ обнаружилось лишь впоследствии. «Если при дальнѣйшемъ направленіи настоящаго дѣла,—писалъ статсъ-секретарь Бутковъ,—и въ особенности при введеніи въ дѣйствіе новыхъ Уставовъ судопроизводства и Учрежденія судебныхъ мѣстъ и при необходимомъ, по указаніямъ опыта, исправленіи ихъ, современнымъ, будутъ тщательно сохраняемы начала, преподанныя «Основными Положеніями», и если притомъ судебная власть будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти

административной, то успѣхъ предпринятой у насъ судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію».

Такимъ образомъ съ небольшимъ въ два года были составлены «Основные Положенія» и на основаніи ихъ проекты. Меньше чѣмъ въ годъ государственный совѣтъ обсудилъ проекты и уже 20 ноября 1864 года, то-есть меньше чѣмъ послѣ трехлѣтней работы, мы уже имѣли знаменитые «Судебные Уставы», составившіе эпоху въ общественномъ развитіи Россіи и вызвавшіе сочувствіе всего образованнаго міра. Развѣ мы не были правы, сказавъ выше, что современнымъ дѣятелямъ покажется легендарною быстрота, съ которою было выработано наше образцовое либеральное судебное законодательство?

При современномъ маразмѣ, охватившемъ все, что не принадлежитъ къ стану «либующихъ, праздно болтающихъ», при отсутствіи творческой мысли, которое не могли восполнить ни свѣдущіе, ни несвѣдущіе люди, дѣлается непонятнымъ этотъ внезапный притокъ свѣжихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, помогшихъ совершить въ 60-хъ годахъ рядъ важныхъ либеральныхъ реформъ. Откуда взялись эти гигантскія силы и какъ со-здалось то взаимное довѣріе и благотворное взаимодействіе правящихъ сферъ и «оторвавшагося отъ народа» интеллигентнаго общества, которыя донинѣ съ любовью припоминаются друзьями прогресса? Отвѣчу косвенно на этотъ вопросъ словами маститаго историка Соловьева: «Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненные силы, постоянно кропить его живую водою, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гниенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушеній дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либерально-прочное воспитаніе, чтобы ему не колебаться, не мястись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ жалкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стекло, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выпустили на свободу».

III.

Независимо отъ комиссіи государственной канцеляріи, но вполне согласно съ ея освободительными стремленіями, работалъ въ качествѣ министра юстиціи Д. Н. Замятинъ, при ближайшемъ сотрудничествѣ одного изъ славныхъ ветерановъ судебной реформы Н. И. Стояновскаго. Тутъ мы касаемся одного изъ важнѣйшихъ моментовъ жизни Дмитрія Николаевича, а потому слѣдуетъ попытаться обозначить основныя свойства его личности, коими опредѣлится и самый характеръ и размѣръ его участія въ судебной реформѣ.

Частью по личнымъ своимъ свойствамъ, частью благодаря господствовавшей въ 1825—1855 гг. военно-бюрократической системѣ, изъ Дмитрія Николаевича не выработалась рѣзко очерченная индивидуальность, рѣшительная инициатива. Юные и зрѣлые годы Дмитрія Николаевича относятся къ эпохѣ, когда адмагетем *gloriam* означенной системы преслѣдовалось строго всякое проявленіе своеобразной индивидуальности и все пригибалось подъ однообразную, официально утвержденную, формулу какъ для вишшняго благоповеденія, такъ и для внутренняго міровоззрѣнія. Ни школьное, ни политическое воспитаніе, полученное Замятинимъ, не способствовали развитію въ немъ высокаго полета мыслей, способности къ смѣлому творчеству. Въ личности Замятнина не столько замѣчалась присутствіе качествъ великаго духа, сколько чертъ прекрасной, возвышенной, чистой души. Преобладающею чертой въ личности Замятнина была необычная доброта, о которой справедливо говоритъ Ренанъ: «*c'est la bonté qui fait vivre*». Дѣлать добро ближнему было для Дмитрія Николаевича истиннымъ наслажденіемъ, скажу болѣе—неодолимою потребностью его нравственной природы. Изъ другихъ чертъ характера Замятнина заслуживаютъ упоминанія: безусловная честность во всѣхъ поступкахъ, добросовѣстное до педантизма отношеніе къ своимъ обязанностямъ, вѣрность однажды сознательно избранному знамени. Въ сношеніяхъ съ равными себѣ и подчиненными у Дмитрія Николаевича замѣчались прямота, простота и ровность, умѣнье привязывать ихъ къ хорошему дѣлу и разшевеливать въ нихъ лучшія стороны души. Замѣчательна была въ Дмитріи Николаевичѣ, столь рѣдко наблюдаемая у людей въ его положеніи, скромность, открыто высказываемое желаніе учиться долго и прилежно у людей болѣе его свѣдущихъ

и отсутствіе того мелкаго самолюбія, которое не выносить около себя присутствія выдающихся талантовъ. Дмитрій Николаевичъ охотно выдвигалъ и въ министерствѣ, и впослѣдствіи въ судебныхъ учрежденіяхъ даровитыхъ дѣятелей, любуясь ихъ успѣхами и не боясь развитія ихъ дарованій. Незлопамятность, благодушіе, отвращеніе къ пересудамъ, какъ логическія послѣдствія его доброй природы, замѣчались у Дмитрія Николаевича какъ въ частной жизни, такъ и оффиціальной дѣятельности. Въ сношеніяхъ съ просителями Замятнинъ отличался доступностію и внимательностію. Замятнинъ отзывался такъ: «Просителю, какъ бы больному, нужна помощь немедленная или объясненіе, что ему помощь невозможна». Онъ былъ всегда врагомъ пустыхъ широковѣщательныхъ обѣщаній, въ щедромъ расточеніи коихъ иные видятъ простое, но вѣрное средство для привлеченія просительскихъ сердецъ.

Приведенная краткая характеристика показываетъ, что если бы не благодатное либеральное движеніе 60-хъ годовъ, то дѣятельность Замятнина, всегда честная и гуманная, прошла бы незамѣтно, не оставивъ послѣ себя глубокихъ слѣдовъ. Но, какъ выше уже было замѣчено, въ эпоху всеобщаго преобразовательнаго воодушевленія и среднія способности даютъ богатый разцвѣтъ и слабыя инициативою природы мужають и крѣпнуть. Присущій имъ недостатокъ инициативы парализуется быстрымъ и глубокимъ общественнымъ теченіемъ, которое несетъ ихъ, не требуя отъ нихъ особыхъ усилій воли и смѣлаго творческаго полета. Такъ случилось и съ Замятнинимъ. Богатые духовные дары его, тлѣвшіе подъ пепломъ, благодаря однообразной начальственной нивелировкѣ, ожили при, первомъ же соприкосновеніи съ здоровою атмосферой свободной общественной самодѣятельности.

До 1862 года дѣло судебной реформы шло мимо министерства юстиціи и даже противъ его тенденцій. Тогдашній министръ юстиціи графъ Панинъ дѣлалъ не мало усилій, чтобы смягчить или, вѣрнѣе, исказить основныя начала судебной реформы. Когда же «Основныя Положенія» прошли въ государственномъ совѣтѣ и удостоились 29 сентября 1862 года Высочайшаго утвержденія, графъ Панинъ нашель, что роль его сыграна, и онъ долженъ былъ подать въ отставку. Преемникомъ ему былъ назначенъ бывший его товарищъ Д. Н. Замятнинъ. Первымъ дѣломъ Замятнина было избраніе себѣ въ товарищи Н. И. Стояновскаго,

бывшаго въ то время статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. Раньше Замятнинъ не былъ даже знакомъ съ нимъ домами, а зналъ его только по службѣ. Высоко цѣня его способности и желая употребить ихъ на пользу судебной реформы, Замятнинъ искалъ въ своемъ товарищѣ помощника и даже, *hoggibile dictu*, наставника, въ совершенное отличіе отъ многихъ министровъ того времени, бравшихъ себѣ въ товарищи бездарности изъ опасенія, чтобы товарищи ихъ не затмили.

Съ назначеніемъ Замятнина въ министерствѣ юстиціи сталъ носиться иной духъ, водворились иные порядки. Послѣ такого черстваго, безжизненнаго бюрократа, чиновника до мозга костей, какимъ былъ графъ Панинъ, служившій истиннымъ олицетвореніемъ бездушнаго формализма, вдругъ занимаетъ министерскій постъ человекъ мягкій, ласковый, пріятный въ обращеніи, доступный для всѣхъ. Графъ Панинъ, никогда не покидавшій своего недоступнаго бюрократическаго Олимпа, не только для объясненія съ публикою, но и для выслушанія докладовъ, — чуть ли и съ курьеромъ своимъ объяснялся не иначе, какъ письменно. Преемникъ же его, не желая разыгрывать роли грознаго, но не видимаго далай-ламы, впервые назначилъ пріемные часы для личныхъ объясненій съ просителями. Что же касается правителя канцеляріи министерства юстиціи, Д. Б. Бѣра, то онъ во всякое время принималъ просителей, просьбы коихъ въ тотъ же или на другой день докладывались министру.

Отношенія новаго министра къ чинамъ министерства были превосходныя. Еще раньше Д. Н. Замятнинъ, будучи товарищемъ министра, успѣлъ приобрести расположеніе департаментскаго персонала простотою своего обращенія, составлявшаго табой бьющій въ глаза контрастъ съ недоступностью тогдашняго министра юстиціи... «Вдругъ видимъ, — рассказывалъ мнѣ одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ того времени, — симпатичнаго старика, въ гороховомъ сюртукѣ, съ сигарою во рту расхаживающаго между столами и запросто знакомящагося съ подчиненными: то былъ новый товарищъ министра Замятнинъ». Одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Замятнина, сенаторъ Д. Б. Бѣръ, слѣдующими чертами характеризуетъ личность его: «Всему вѣдомству (министерства юстиціи) уже давно была извѣстна въ высшей степени гуманная, симпатичная личность новаго начальника. Съ полнымъ къ нему довѣріемъ вѣдомство принялось за усиленную дѣятельность, стало готовиться къ предстоящей судеб-

ной реформѣ. Всегда спокойный, хладнокровный, чуждый мелочнаго самолюбія, онъ требовалъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Онъ обладалъ особымъ умѣньемъ выслушивать своихъ подчиненныхъ. Исполнитель, которому поручена была какая-либо работа, былъ увѣренъ, что онъ всегда придетъ во-время къ своему начальнику и будетъ выслушанъ имъ безъ малѣйшей тѣни неудовольствія и досады, хотя бы онъ представлялъ свои соображенія о невозможности исполнить отданное приказаніе. Каждое малѣйшее сомнѣніе обсуждалось, подвергалось строгой критикѣ, весьма часто коллегіально, и дѣло отъ такихъ пріемовъ выигрывало; притомъ же начальникъ этимъ путемъ узнавалъ своихъ подчиненныхъ. Это не было нерѣшительностью, а было напротивъ желаніемъ отыскать правду, наилучшимъ образомъ осуществить ее и поставить дѣло на законную, твердую почву *)).

Узнавъ изъ продолжительнаго жизненнаго опыта, что Русь «въ судахъ полна неправды черной», новый министръ направилъ всѣ силы своего вѣдомства для кореннаго излѣченія этого застарѣлаго недуга. Онъ усвоилъ себѣ либеральныя основанія судебной реформы, сдѣлался ихъ горячимъ сторонникомъ на всю жизнь. Этотъ почти шестидесятилѣтній, въ то время, старецъ, соединивъ въ себѣ твердость зрѣлаго возраста съ пыломъ молодого увлеченія, организовалъ въ своемъ министерствѣ коллегію, соревновавшую съ комиссіею для начертанія «Судебныхъ Уставовъ» въ работахъ для скорѣйшаго проведенія судебной реформы. Съ свойственнымъ ему умѣньемъ выбирать и привязывать къ себѣ людей, Замятинъ, не обращая вниманія ни на возрастъ, ни на положеніе въ судебной іерархіи, сгруппировалъ около себя «могучую кучку» способныхъ и преданныхъ дѣлу реформы людей, воодушевленныхъ высокою предстоящей работой и искреннимъ желаніемъ поработать на пользу родины. На первомъ планѣ фигурировалъ — правая рука министра юстиціи — маститый государственный мужъ Н. И. Стояновскій, заложившій одинъ изъ первыхъ камней судебной реформы еще въ должности статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Затѣмъ слѣдовали: директоръ департамента министерства юстиціи баронъ Врангель, вице-директоръ Б. Н. Хвостовъ, начальникъ законодательнаго отдѣленія Э. В. Фришъ, начальникъ уголовнаго отдѣленія Н. Н. Шрейберъ, старшій юрисконсультъ консультаціи Д. Г. Фонъ-Дервизъ, началь-

*) Жур. Гражд. и Угол. Права 1881 года, № 6.

никъ гражданскаго отдѣленія О. В. Эссенъ, юрисконсулътъ Г. К. Рѣпинскій, правитель канцеляріи министра юстиціи Д. Б. Бэръ и др. Люди съ мелкими страстишками, имѣя въ виду задѣть самолюбіе министра юстиціи, громко говорили, что онъ даетъ себя «начинать департаментскимъ либерализмомъ». Но Замятнинъ съ полнымъ равнодушіемъ и даже добродушіемъ выслушивалъ колкости и продолжалъ «учиться» у всякаго, кто могъ бы дать полезныя указанія для руководимаго имъ дѣла. А «ученіе» было серьезное и изученіе прилежное.

Для ближайшаго съ своей стороны обсужденія внесенныхъ въ государственный совѣтъ проектовъ судоустройства и судопроизводства, Замятнинъ образовалъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, въ присутствіи товарища своего Н. И. Стояновскаго, особыя совѣщательныя засѣданія, къ которымъ были приглашены способнѣйшіе чины министерства юстиціи. Засѣданія эти продолжались въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (въ началѣ 1864 года) по три раза въ недѣлю, по вечерамъ, по пяти и болѣе часовъ каждое. Замятнинъ поражалъ на этихъ засѣданіяхъ своимъ терпѣніемъ и неутомимостью. Въ то время, когда молодые люди чувствовали утомленіе, онъ, несмотря на свои годы, засиживался до двухъ часовъ ночи, внимательно выслушивая всякое замѣчаніе и давая всякому высказаться вполне, поощряя словомъ и личнымъ примѣромъ. По тщательномъ обсужденіи всѣхъ по порядку постановленій проектовъ судебной реформы, основаній приведенныхъ въ объяснительныхъ запискахъ комиссіи В. П. Буткова и возбужденныхъ по разнымъ вопросамъ разногласій въ засѣданіяхъ помянутой коллегіи, по указанію Дмитрія Николаевича, устанавливалась сущность замѣчаній его на проекты. Потомъ эти замѣчанія, подробно редактированныя, подъ ближайшимъ надзоромъ товарища министра Н. И. Стояновскаго, окончательно просматривались Замятнинимъ, печатались и по мѣрѣ изготовленія разсылались ко всѣмъ членамъ соединеннаго присутствія департаментовъ государственнаго совѣта ко времени происходившихъ въ ономъ засѣданій. Такимъ образомъ доставлены были подробныя соображенія о необходимости измѣненія по существу до 1.100 статей проектовъ, а именно: до 600 статей проекта гражданскаго судопроизводства, до 300 проекта уголовнаго судопроизводства, до 80 статей проекта о проступкахъ подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ и до 120 проекта Учрежденій судебныхъ мѣстъ *).

*) Журн. Мин. Юстиціи 1866 г., № 4, стр. 31.

Вотъ какъ честно поработалъ Замятнинъ вмѣстѣ съ своими со-трудниками для судебной реформы!

Независимо отъ изложеннаго, Дмитрій Николаевичъ, желая еще болѣе споспѣшествовать успѣху судебной реформы, испро-силъ соизволеніе покойнаго Государя на то, во-первыхъ, чтобы министру дозволено было по проектамъ судоустройства и судо-производства сообщать государственному совѣту во время слу-шанія проектовъ, а затѣмъ представлять совѣту изустно разъ-ясненія, какія окажутся необходимыми; во-вторыхъ, чтобы всѣ работы комиссіи В. П. Буткова сообщены были для предвари-тельнаго разсмотрѣнія сенаторамъ и оберъ-прокурорамъ, такъ какъ многіе изъ нихъ обладаютъ большимъ запасомъ знаній юриди-ческихъ и практической, въ судебныхъ дѣлахъ, опытностью; и въ-третьихъ, чтобы товарищъ министра Стояновскій находился во всѣхъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта по дѣлу судебной реформы съ правомъ представлять объясненія и соображенія свои по проектамъ о преобразованіи судебной части.

Такимъ образомъ участіе Замятнина по подготовкѣ судебной реформы сводилось въ цѣлесообразномъ планѣ организаціи работъ министерства юстиціи, въ высшемъ руководствѣ и лучшемъ на-правленіи дѣятельности чиновъ министерства, сообразно способ-ностямъ каждаго, и, наконецъ, въ воодушевленіи ихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ и личнымъ примѣромъ неутомимости и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу.

IV.

Habent sua fata libelli.

Выше было указано, съ какою добросовѣстностью вырабатывалъ Замятнинъ свои замѣчанія на проекты «Судебныхъ Уставовъ». Въ совокупности «Замѣчанія министра юстиціи» образовали солидный томъ in folio въ 500 слишкомъ страницъ. Довольно стран-ная судьба постигла этотъ замѣчательный трудъ. Публикѣ и даже специалистамъ онъ почти неизвѣстенъ. Въ «Судебныхъ Уставахъ» изданія государственной канцеляріи приводится масса соображеній изъ объяснительныхъ записокъ, журналовъ государственнаго со-вѣта и даже записки статсъ-секретаря Блудова, о замѣчаніяхъ же министра юстиціи Замятнина, имѣвшихъ результатомъ видоиз-мѣненіе многихъ статей проектовъ и стало-быть могущихъ слу-жить наилучшимъ комментариемъ къ новой редакціи статей, во-

шедшихъ въ измѣненномъ видѣ въ «Судебные Уставы», — ни слова не говорится. Имѣемъ ли мы дѣло съ простою случайностью, или случаемъ проявленія *jalousie de métier*, но фактъ тотъ, что разностороннія замѣчанія министра юстиціи вовсе игнорируются официальнымъ изданіемъ «Судебныхъ Уставовъ». Лучшею аттестаціей для этого труда можетъ служить то обстоятельство, что многія изъ предложенныхъ имъ поправокъ вошли въ дѣйствующее судебное законодательство, какъ одна изъ лучшихъ его частей; нѣкоторыя изъ серьезныхъ поправокъ были отвергнуты государственнымъ совѣтомъ, благодаря чему образовались въ «Судебныхъ Уставахъ» замѣтные пробѣлы и шероховатости, понынѣ еще неустраненные, — такъ, напримѣръ, порядокъ взысканія по безспорнымъ актамъ.

Общая черта всѣхъ «Замѣчаній» Замятнина — неуклонное слѣдованіе и неустанное отстаиваніе либеральныхъ «Основныхъ Положеній», легшихъ въ основаніе судебной реформы, иной разъ даже болѣе вѣрное слѣдованіе имъ, чѣмъ то замѣчается въ трудахъ комиссіи Буткова. Въ виду малаго знакомства публики съ этими «Замѣчаніями», я считаю полезнымъ привести нѣкоторыя изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что они представляютъ цѣнный матеріалъ и для характеристики личности Замятнина. Велики заслуги составителей проектовъ судоустройства и судопроизводства, но справедливость и интересъ дѣла требуютъ отвести должное мѣсто и трудамъ того, кто своими замѣчаніями значительно способствовалъ улучшенію многихъ предположеній проекта.

§ 1. Замѣчанія на проектъ устава гражданскаго судопроизводства.

«Министръ юстиціи, глубоко сознавая всю важность этого дѣла (судебной реформы) для будущаго развитія гражданской жизни нашего отечества, считаетъ долгомъ выразить, прежде всего, искреннее убѣжденіе, что означенные проекты («Уставовъ») представляютъ собою обширный и замѣчательный трудъ, исполненный съ совершенною добросовѣстностью и съ полнымъ пониманіемъ величія предстоящей задачи». Такъ привѣтствовалъ Замятнинъ съ своего важнаго министерскаго поста дѣло реформы. Бросая затѣмъ общій взглядъ на внесенные въ государственный совѣтъ проекты, министръ замѣчаетъ, что они не вполне согласованы между собою, что онъ объясняетъ тѣмъ, что комиссія, составлявшая проекты, работала по отдѣленіямъ и не имѣла времени и возможности рассмотреть весь свой трудъ въ

совокупности и сообщить различнымъ его частямъ надлежащее единство и одну общую систему. Замѣчаніе весьма цѣнное, имѣвшее послѣдствіемъ новое размѣщеніе частей и приведеніе «Уставовъ» въ болѣе стройную систему.

Порядокъ изложенія правилъ мирового судопроизводства по гражданскимъ дѣламъ былъ подробно разсмотрѣнъ «Замѣчаніями». Они находили, прежде всего, болѣе правильнымъ сначала изложить процессуальныя правила общаго порядка судопроизводства, а потомъ, какъ изыятіе, мирового. «Замѣчанія» критиковали основательно и содержаніе этихъ правилъ. Проектъ, какъ извѣстно, начерталъ довольно подробныя правила для мировыхъ судей и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ имъ примѣнять общія правила судопроизводства въ той мѣрѣ, какъ они могутъ быть согласованы съ производствомъ въ мировыхъ учрежденіяхъ. Такая постановка дѣла вмѣсто облегченія должна затруднить, по мнѣнію министра юстиціи, судей не-юристовъ. Онъ предлагалъ ст. 143 проекта изложить такъ: всѣ тѣ правила производства дѣлъ въ общихъ судахъ, которыя не отмѣнены или не замѣнены въ-настоящей книгѣ, имѣютъ полное примѣненіе къ производству у мировыхъ судей (стр. 4 «Замѣч.»). Государственный совѣтъ болѣе склонился къ мнѣнію комиссіи, вслѣдствіе чего въ Уст. гражд. суд. внесена была крайне неопредѣленнаго содержанія статья 80, причинившая не мало затрудненій и мировой судебной практикѣ, и кассационному сенату. Кто знаетъ, не этой ли статьѣ по преимуществу мы обязаны усиленіемъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, въ разрѣзъ ихъ основной идеѣ, формализма?

По вопросу о размѣрѣ подсудности мировой юстиціи Замятинъ кореннымъ образомъ разошелся съ проектомъ комиссіи. Она предполагала ограничить вѣдомство мирового суда исками не свыше 100 руб. Министръ юстиціи энергично возсталъ противъ этого пункта и прежде всего возражалъ противъ того довода, что «единоличный судъ мирового судьи, могущаго притомъ быть и не юристомъ, представляетъ менѣе гарантіи въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ, чѣмъ коллегіальные суды». Не слѣдуетъ забывать, сказано въ «Замѣчаніяхъ», что наибольшую гарантію въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ представляетъ хорошій *выборъ судей* (курсивъ въ подлинникѣ), а выборъ можетъ быть тѣмъ лучше и тѣмъ строже, чѣмъ менѣе лицъ потребуется для занятія судейскихъ должностей. Далѣе дѣлается весьма важное практическое замѣчаніе, что народное богатство у насъ не настолько

развито, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, и по-этому именно и слѣдуетъ дать народу дешевый судъ (стр. 19). Министръ предложилъ возвысить подсудность мировой юстиціи до исковъ въ 500 руб., что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Вообще заслуживаетъ вниманія, что, въ отличіе отъ своего преемника, Замятинъ относился съ большимъ довѣріемъ къ выборнымъ мировымъ судьямъ и старался возвысить ихъ положеніе, не видя, подобно другимъ, основанія брать ихъ въ подозрѣніе потому только, что на выборъ ихъ не можетъ вліять министерство юстиціи. Во всѣхъ, даже второстепенныхъ, случаяхъ Замятинъ оставался вѣренъ этому взгляду. «Проектъ» предоставлялъ окружнымъ судамъ право поручать мировому судѣ допросъ свидѣтелей, распросъ тяжущихся, повѣрку доказательствъ, осмотръ на мѣстѣ и т. п. «Замѣчанія» возстаютъ противъ этихъ правилъ, какъ умаляющихъ достоинство мировыхъ судей. Министръ при этомъ припоминаетъ слѣдующія соображенія, по коимъ государственный совѣтъ предъ тѣмъ счелъ невозможнымъ подчинить мировыхъ судей окружнымъ судамъ: «при такомъ подчиненіи надежда видѣть на этой должности мѣстныхъ, всѣми уважаемыхъ землевладѣльцевъ, поставленныхъ подъ *единственный* контроль избравшаго ихъ общества и уголовного суда, уничтожается, и затѣмъ новая должность вступаетъ въ общій разрядъ низшихъ судебно-полицейскихъ должностей». Мѣры, предлагаемыя комиссіей, не могутъ не поставить, сказано въ «Замѣчаніяхъ» (стр. 67), мировыхъ судей въ совершенную зависимость отъ окружныхъ судовъ, такъ какъ немислимо, чтобъ имѣющій право давать порученіе не имѣлъ права опредѣлять степень удовлетворительности исполненія этого порученія. Стараніе свое охранять достоинство мировыхъ судей Замятинъ простираетъ такъ далеко, что онъ, въ видахъ привлеченія къ занятію этой должности людей высоко поставленныхъ въ общественномъ мнѣніи, не считалъ также удобнымъ, въ случаѣ недостатка въ членахъ окружнаго суда, приглашать мировыхъ судей. При этомъ онъ приводитъ слѣдующее деликатное соображеніе: «отсутствующія должностныя лица обыкновенно замѣняются, временно, лицами, стоящими въ служебной іерархіи ниже самихъ отсутствующихъ, а потому необходимо устранить возможность примѣненія подобнаго толкованія относительно званія мировыхъ судей и членовъ окружныхъ судовъ».

Ст. 103 и 104 проекта предоставляли истцу, недовольному распоряженіемъ предсѣдателя о возвращеніи прошенія, обжаловать дѣйствія предсѣдателя суду. «Замѣчанія» указываютъ, во-первыхъ, на то, что для обжалованія не положено никакого срока, и, во-вторыхъ, на неудобство для судебной коллегіи разсматривать дѣйствія своего предсѣдателя, такъ какъ подобный порядокъ можетъ возбудить сомнѣніе, быть-можетъ и не лишнее основанія, въ безпристрастіи членовъ суда къ дѣйствіямъ своего предсѣдателя (стр. 31). Согласно поправкѣ, внесенной «Замѣчаніями», составлена была нынѣшняя ст. 268-я Уст. гражд. судопр.

Признавая, что несправедливо было бы требовать обезпеченія судебныхъ издержекъ отъ иностранца, хотя и не состоящаго въ русской службѣ, но имѣющаго недвижимую собственность въ Россіи, министръ предложилъ видоизмѣнить въ этомъ смыслѣ проектъ (стр. 108). Поправка вошла въ нынѣшнюю ст. 571-ю, п. 5, Уст. гражд. судопр.

Ст. 476-ю проекта министръ юстиціи полагалъ видоизмѣнить и изложить слѣдующимъ образомъ: возраженія, что самое право на искъ вовсе не принадлежитъ тому лицу, которое ищетъ, либо прекратилось и погашено прежде начатія иска исполненіемъ обязательства, силою судебного рѣшенія, мировою сдѣлкой или истеченіемъ земской давности и т. п., не считаются отводами, а посему предъявляются суду и разсматриваются имъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ возраженіями по существу иска (стр. 112). Поправка эта почти дословно вошла въ 589 ст. Уст. гражд. судопр.

Только благодаря «Замѣчаніямъ» министра внесено въ ст. 679 и 680 Уст. гражд. судопр. постановленіе о порядкѣ устраненія прокуроровъ, который былъ упущенъ изъ виду при составленіи проекта. «Замѣчанія» же способствовали значительному улучшенію постановленія о заочныхъ рѣшеніяхъ (стр. 126 и 127).

Въ книгѣ III проекта, ст. 74—77, излагался рядъ правилъ объ исправленіи ошибокъ въ рѣшеніяхъ. Министръ юстиціи въ принципѣ отвергалъ надобность въ подобныхъ правилахъ по слѣдующимъ основаніямъ: установленіе особаго порядка для исправленія ошибокъ предполагаетъ съ одной стороны недовѣріе къ суду, а съ другой—возможность ошибокъ съ его стороны. Если даже при дѣйствующемъ порядкѣ судопроизводства на практикѣ почти никогда не возбуждалось вопроса о невѣрности изложенія рѣшеній, то тѣмъ менѣе можно предположить, что по введеніи новаго судопроизводства случаи жалобъ на невѣрность изложенія

рѣшеній увеличатся. Наконецъ, если принять за основное правило, что въ окончательную законную силу входитъ только резолюція суда, а не изложеніе въ рѣшеніи обстоятельствъ дѣла, то подобное исправленіе ошибокъ потеряетъ всякое практическое значеніе. Согласно мнѣнію министра, государственный совѣтъ исключилъ изъ Устава правила объ исправленіи рѣшеній.

По вопросу объ организаціи кассаціоннаго производства министръ юстиціи радикально разошелся съ проектомъ. Министръ юстиціи исходилъ изъ болѣе строгаго правоваго воззрѣнія и предлагалъ, что для упроченія правоваго порядка необходимо перечислить въ самомъ Уставѣ гражд. судопр. тѣ формы, нарушеніе конхъ влечетъ за собою недѣйствительность рѣшенія, комиссія же считала невозможнымъ такое исчисленіе. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ комиссіи, но соображенія, приведенныя министромъ юстиціи, заслуживаютъ полнаго вниманія. Значеніе ихъ не только не ослаблено, но можетъ быть еще усилено послѣдующею кассаціонною практикой. «Конечно,—сказано въ «Замѣчаніяхъ»,—наука судопроизводства не выработала еще такихъ началъ по вопросу о формахъ, обусловливающихъ правильность судебного рѣшенія, которыя бы признавались всѣми безусловно справедливыми. Но изъ этого еще нельзя сдѣлать вывода, что нужно отказаться отъ попытки опредѣлить такія формы. Постановляя правила судопроизводства, законодатель долженъ стараться объ одномъ—исполнить свою задачу добросовѣстно. Безъ сомнѣнія, нельзя гоняться за совершенствомъ, потому что несовершенство человѣческой природы ставитъ тому непреодолимую преграду. Но законодатель тѣмъ не менѣе долженъ имѣть какія-либо убѣжденія и считать ихъ правильными. Иначе въ ожиданіи, что истины, признаваемые нынѣ таковыми, со-временемъ должны потерять авторитетъ, пришлось бы отказаться отъ всякихъ убѣжденій и всякой общественной дѣятельности. Если же законодатель имѣетъ свои убѣжденія, то долженъ проводить ихъ, устанавливать правила, въ полезномъ дѣйствіи которыхъ онъ увѣренъ, и предоставить потомству судить о ихъ достоинствѣ и дѣлать исправленія и дополненія, которыя признаны будутъ нужными. Еслибы даже трудъ перечисленія всѣхъ упомянутыхъ формъ судопроизводства былъ очень сложенъ, то, несмотря на то, отъ него нельзя отказываться при начертаніи Устава судопроизводства, потому что съ теченіемъ времени для людей, не занимавшихся составленіемъ Устава и,

слѣдовательно, незнакомыхъ съ основаніемъ каждой статьи, трудъ этотъ сдѣлается *еще сложнѣе*. Затѣмъ министръ юстиціи предусмотрительно замѣчалъ, что пробѣлъ въ Уставѣ по сему предмету тяжело отзовется на практикѣ. «Сколько лѣтъ понадобится,—писалъ онъ,—на то, чтобы сенатъ изъ подлежащихъ его разрѣшенію частныхъ случаевъ составилъ полныя правила для руководства на будущее время? Каково будетъ положеніе тяжущихся, знающихъ, что есть правила объ отмѣнѣ рѣшеній въ кассационномъ порядкѣ и не находящихъ въ законахъ никакихъ указаній на то, въ какихъ случаяхъ этотъ порядокъ примѣняется? Понятно, что, при всякомъ нарушеніи со стороны суда какихъ-либо формальностей, тяжущійся, незнакомый съ значеніемъ новаго въ Россіи кассационнаго производства, совершенно добросовѣстно пожелаетъ *попробовать*, не отмѣнить ли кассационный департаментъ по этому случаю судебного рѣшенія. Вслѣдствіе сего просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній *во множествѣ* будутъ поступать въ правительствующій сенатъ. На разрѣшеніе такихъ просьбъ потратится много напраснаго труда и времени, большая часть изъ нихъ будетъ оставлена безъ послѣдствій, а слѣдовательно окажутся напрасными и значительныя издержки, сопряженныя съ производствомъ по просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній». Въ заключеніе министръ представилъ состоявшій изъ 29 параграфовъ перечень формальностей, нарушеніе коихъ должно было влечь за собою отмѣну окончательныхъ рѣшеній. Послѣдующій опытъ показалъ, какъ правъ былъ Замытнинъ, опасаясь чрезмѣрнаго обремененія дѣлами кассационнаго суда и спутанности кассационной практики. Для предупрежденія такого обремененія, вопреки очевиднымъ началамъ судебной реформы, стали впослѣдствіи ставить барьеры для тяжущихся въ видѣ кассационнаго залога, сдѣлавшаго кассационный судъ недоступнымъ для людей недостаточныхъ. А въ какомъ незавидномъ состояніи находилась и отчасти находится наша кассационная практика, это всѣмъ извѣстно *).

При обсужденіи правилъ кассационнаго производства министръ юстиціи признавалъ дѣлесообразнымъ установленіе болѣе подробныхъ правилъ, что, къ сожалѣнію, однако же не было принято государственнымъ совѣтомъ. Пользуясь чрезвычайною краткостію «Судебныхъ Уставовъ» при изложеніи правилъ кассационна-

*) См. мою статью въ *Юридич. Вѣстникъ* 1881 года, № 4: «О старомъ и новомъ направленіи гражданской кассационной практики».

го производства въ реакціонномъ лагерѣ (см. *Берегъ* 1880 г.), стали, напримѣръ, въ послѣдствіи настойчиво утверждать такой абсурдъ, что въ кассационномъ департаментѣ не допускаются словесныя объясненія. «Замѣчанія» министра юстиціи прямо устанавливали такое право. Кромѣ того министръ проектировалъ предоставленіе сенату права пріостановки рѣшеній, на кои поступили кассационныя жалобы, что, къ немалому ущербу для правосудія, не было принято (стр. 149). Взамѣнъ того появилась весьма непрактичная ст. 814 Уст. гражд. судопр., по которой рѣшеніе пріостанавливается лишь послѣ того, какъ послѣдуетъ опредѣленіе сената объ отмѣнѣ рѣшенія.

По вопросу о случаяхъ, въ которыхъ могутъ быть допущены просьбы о разрѣшеніи отыскивать убытки съ судей, въ коммисіи возникло разногласіе. Министръ юстиціи высказался за то мнѣніе, что судья подвергается отвѣтственности не только въ томъ случаѣ, когда неправильное рѣшеніе постановлено имъ изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, но также когда оно было слѣдствіемъ ошибки судьи или неправильнаго, лишь по недоразумѣнію, толкованія законовъ (стр. 57). Въ этомъ видѣ и вошло это правило въ Уставъ, которое, впрочемъ, значительно смягчено кассационною практикой.

Нынѣшняя редакція важнѣйшей 893 ст. Уст. гражд. судопр. о законной силѣ рѣшенія обязана своимъ происхожденіемъ замѣчанію министра юстиціи. Затѣмъ онъ же, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, полагалъ оговорить положительно въ Уставѣ, что въ законную силу вступаетъ одна лишь резолюція. Поправка, къ сожалѣнію, отвергнута была государственнымъ совѣтомъ.

Одна изъ слабыхъ сторонъ Устава гражд. судопр.—это отсутствіе особыхъ правилъ для взысканія по такъ-называемымъ безспорнымъ актамъ. Министръ юстиціи полагалъ, что обращеніе взысканія по такимъ документамъ къ состязательному и сокращенному порядку судопроизводства *противорѣчило* бы основнымъ положеніямъ судебной реформы, что сокращенный порядокъ установленъ лишь для спорныхъ дѣлъ, и если актъ оказывается безспорнымъ, то судъ, вмѣсто всякаго судопроизводства, обязанъ просто дать приказъ объ исполненіи акта. Исходя изъ той мысли, что порядокъ производства дѣлъ о взысканіяхъ по безспорнымъ актамъ долженъ отвѣчать двумъ требованіямъ—справедливости и скорости, министръ юстиціи предложилъ подробный проектъ по этому предмету. Онъ проектировалъ дѣла

эти передать мировымъ судьямъ. Отвѣтчикъ можетъ защищаться по такимъ искамъ только установленными въ законѣ возраженіями. При наличности же другихъ возраженій судья рѣшаетъ искъ по безспорному акту, а отвѣтчику предоставляетъ встрѣчный споръ свой предъявить по подсудности въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ (стр. 235). Словомъ, министръ предлагалъ тѣ самыя правила, которыя въ послѣднее время нѣсколько разъ принимались внести, но все неудачно, въ Уставъ гражд. судопр.

Опуская массу весьма дѣльныхъ замѣчаній по всѣмъ почти частямъ судопроизводства, въ большинствѣ уважаемыхъ государственнымъ совѣтомъ, укажу на два замѣчанія Замятнина о дѣлахъ казеннаго управленія. Онъ возражалъ противъ проектировавшаго исключительно письменнаго производства этихъ дѣлъ. Письменный порядокъ рекомендовался преимущественно въ тѣхъ видахъ, что онъ облегчаетъ контроль высшихъ мѣстъ надъ низшими и повѣренными казны. Противъ этого возражалъ министръ, ссылаясь на то, что нѣтъ основанія предполагать, что повѣренный частнаго лица долженъ имѣть больше интереса въ дѣлѣ, нежели уполномоченный казеннаго управленія. Притомъ повѣренными казны, кромѣ официальныхъ ходатаевъ, могутъ быть только присяжные повѣренные (иниціатива этого постановленія также исходила отъ министра), а при организациі, какая дается этому учрежденію «Основными Положеніями», можно надѣяться, что, независимо отъ матеріальнаго интереса, нравственныя побужденія еще болѣе будутъ заставлятъ ихъ дѣйствовать правильно и согласно интересамъ ихъ вѣрителей (стр. 253). Министръ юстиціи возражалъ и противъ предположенія проекта, по которому искъ противъ казны, вытекающій изъ договора подряда, можно предъявлять только по окончаніи подряда. Питая къ суду полное довѣріе, министръ не соглашался съ такимъ ограниченіемъ. Замѣчаютъ,—говоритъ министръ,—что дѣла, возникающія изъ договоровъ съ казною, бываютъ иногда связаны съ важными государственнымъ интересами, и что посему остановка исполненія подряда впродолженіе до разрѣшенія судомъ возникающаго при исполненіи спора могла бы имѣть весьма опасныя послѣдствія; но замѣчаніе это падаетъ въ виду того, что предъявленіе иска не останавливаетъ распоряженія казеннаго управленія. Воспрещеніе подрядчику предъявить искъ до окончанія подряда, продолжающагося иногда нѣсколько лѣтъ, можетъ лишить его возможности получить когда-либо удовлетвореніе, такъ какъ въ теченіе этого

времени могутъ исчезнуть всё слѣды произведенныхъ имъ работъ и такимъ образомъ онъ можетъ быть лишень всёхъ средствъ доказать свой искъ.

§ 2. Замячанія на проектъ Устава уголовного судопроизводства.

Какъ въ Уставѣ гражданскаго судопроизводства, такъ и уголовного министр юстиціи Замятнинъ добивался расширенія подсудности мировой юстиціи. Проектъ предлагалъ предоставить мировымъ судьямъ право налагать взысканіе на сумму не болѣе 100 руб., министр же юстиціи настаивалъ на возвышеніи этой цифры до 300 руб., что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Въ проектѣ довольно смутно разграничивалась власть судебного слѣдователя и полиціи по производству предварительнаго слѣдствія и дознанія. Министръ юстиціи въ подробныхъ объясненіяхъ указывалъ на то, что съ одной стороны власть полиціи не можетъ быть оставлена въ томъ видѣ, какъ она существовала на основаніи стараго «Наказа полиціи»,—такъ, на примѣръ, съ правомъ сниманія формальнаго допроса съ обвиняемаго,—а съ другой стороны нельзя обязанности полиціи по производству дознанія возлагать на судебного слѣдователя, такъ какъ слѣдователь—не полицейскій сыщикъ, а слѣдственный судья, производящій изслѣдованіе о преступленіяхъ, а не о происшествіяхъ.

О гласности и защитѣ на предварительномъ слѣдствіи находимъ слѣдующія замѣчанія. По существующему на практикѣ порядку весьма многія дѣйствія слѣдователя гласны и это вытекаетъ изъ существа самихъ обязанностей слѣдователя и обстановки, при которой онъ исполняются: на примѣръ, если слѣдователь пріѣзжаетъ въ деревню для производства слѣдствія и останавливается въ какой-либо избѣ, то хозяинъ дома со всею семьей дѣлается невольнымъ зрителемъ всёхъ слѣдственныхъ дѣйствій. По мнѣнію самихъ слѣдователей, допросъ самыхъ изворотливыхъ преступниковъ и самыхъ молчаливыхъ свидѣтелей, не желающихъ сказать правды, необходимо производить не съ глазу на глазъ, а въ присутствіи другихъ. Нахожденіе постороннихъ лицъ производить, въ особенности на свидѣтелей, такое вліяніе, что все то, чего бы не добился отъ нихъ никогда слѣдователь, допрашивая ихъ съ глазу на глазъ, дѣлается извѣстнымъ слѣдователю немедленно, когда онъ допроситъ свидѣтелей, въ присутствіи постороннихъ лицъ. По этимъ соображеніямъ министр юстиціи по-

лагалъ предоставить слѣдователю разрѣшать присутствіе публики при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствіе ея не можетъ препятствовать къ открытію истины. Государственный совѣтъ отвергъ и эту ограниченную гласность. Касательно защиты министръ юстиціи полагалъ, что защита на предварительномъ слѣдствіи свойственна исключительно процессу обвинительному и не можетъ имѣть мѣста въ процессѣ смѣшанномъ, какимъ представляется предначертанный «Основными Положеніями» для нашего отечества порядокъ уголовного судопроизводства (стр. 45).

Благодаря замѣчаніямъ министра юстиціи, значительно улучшены были предположенія проекта о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія. Въ проектѣ предположено было предоставить усмотрѣнію и благоразумію судебного слѣдователя принятіе той или другой мѣры обезпеченія. Министръ юстиціи выступилъ противъ этой обширной и ничѣмъ не регулируемой дискреціонной власти, предоставленной слѣдователю, и заявилъ себя сторонникомъ большаго огражденія личностей обвиняемыхъ отъ произвола слѣдователей. «Порядокъ, устанавливаемый проектомъ, — писалъ министръ, — поведетъ къ тому, что одинъ слѣдователь будетъ всѣхъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ освобождать подъ залогъ или на поруки, а другой будетъ всѣхъ виновныхъ въ менѣе тяжкихъ преступленіяхъ содержать подъ стражею. Во всей Россіи, смотря по характеру и достоинству слѣдователя, установятся особые порядки пресѣченія, по тяжести своей совершенно различные, чего надлежитъ, насколько сіе возможно, избѣгать. По мнѣнію министра юстиціи, подобное широкое право въ рукахъ слѣдователя можетъ обратиться въ такое орудіе произвола, предъ которымъ произволъ нынѣшнихъ слѣдователя и полиціи, на который нерѣдко слышатся жалобы, покажется идеаломъ справедливости и законности. При начертаніи правилъ, которыми съ одной стороны ограничивается свобода гражданъ, а съ другой—обезпечивается общественная безопасность, нельзя *обольщаться* надеждою, что ни одно изъ должностныхъ лицъ, коимъ ввѣряется исполненіе этихъ правилъ, не уклонится отъ справедливости и своего долга. Если на практикѣ не всегда возможно предотвратить такое уклоненіе, то тѣмъ не менѣе на законодательѣ лежитъ обязанность поставить для сего *преграды*. Наконецъ, должно подумать и о добросовѣстномъ судебномъ слѣдователѣ. Обязанности слѣдователя весьма тяжки и

непріятны. Нынѣ, принимая ту или другую мѣру обезпеченія, слѣдователь можетъ сослаться, въ основаніе своихъ дѣйствій, на законъ. Если и при такомъ порядкѣ слѣдователямъ объявляютъ, что отъ нихъ все зависитъ, что они могутъ такъ растолковать законъ, что распоряженіе ихъ не повлечетъ для обвиняемаго содержанія подъ стражею, то на что укажетъ слѣдователь въ основаніе принятія имъ строгой мѣры обезпеченія, чѣмъ будетъ онъ оправдывать свои, согласныя съ предоставляемымъ ему закономъ правомъ, дѣйствія? Самаго добросовѣстнаго и свято исполняющаго свой долгъ слѣдователя будутъ обвинять въ произволъ, и не можетъ быть иначе, когда, по буквѣ самаго закона, принятіе той или другой мѣры обезпеченія по всѣмъ преступленіямъ зависитъ единственно отъ власти слѣдователя». Въ силу этихъ соображеній министръ юстиціи предложилъ систему постепеннаго усиленія мѣръ пресѣченія соотвѣтственно тяжести преступленія, которая и вошла въ дѣйствующій Уст. угол. судопр.

По совершенно непонятной непослѣдовательности «проектъ» постановлялъ, что подсудимому назначается защитникъ не по всѣмъ дѣламъ вообще, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло подлежитъ суду присяжныхъ, или когда подсудимый по малолѣтству, недостаточному развитію умственныхъ способностей, дряхлости, увѣчью, или какимъ-либо недугамъ—не въ состояніи самъ себя защищать. Министръ юстиціи, ссылаясь на 60 и 68 ст. «Основ. Полож.», настаивалъ на томъ, чтобы всякому подсудимому было предоставлено просить о назначеніи защитника, причемъ предсѣдатель могъ, за недостаткомъ присяжныхъ повѣренныхъ и кандидатовъ на судебныя должности, назначать защитниковъ изъ чиновниковъ канцеляріи, или другихъ лицъ, которыя пожелали бы принять на себя защиту подсудимаго безвозмездно.

Проектъ вмѣнялъ предсѣдателю въ обязанность не употреблять «ухищреній» для склоненія подсудимаго къ признанію и не допрашивать его съ сею цѣлью о подробностяхъ такого преступленія, въ совершеніи коего не сознается. Министръ юстиціи полагалъ, что правило это отнимаетъ у предсѣдателя суда всякую возможность исполнять главнѣйшую, лежащую на немъ, обязанность—способствовать открытію истины. Статья эта налагаетъ,—писалъ Замятинъ,—на уста предсѣдателя печать молчанія, несмотря на убѣжденія его въ совершенномъ неразъясненіи сторонами какого-либо обстоятельства дѣла. По этимъ соображеніямъ министръ полагалъ предоставить предсѣдателю, членамъ суда и

присяжнымъ засѣдателямъ право предлагать подсудимому вопросы, что и вошло въ ст. 684 Уст. угол. суд.

Проектъ разрѣшалъ неограниченному числу лицъ изъ принадлежащихъ къ судебному вѣдомству и сословію присяжныхъ повѣренныхъ присутствовать въ судѣ во время засѣданія, происходящаго при закрытыхъ дверяхъ. Министръ юстиціи полагалъ, что, при дѣйствиіи этого правила, дѣла, возбуждающія всеобщее вниманіе, будутъ привлекать массу постороннихъ лицъ, къ составу присутствія не принадлежащихъ, и различіе закрытаго засѣданія отъ публичнаго будетъ состоять только въ томъ, что вмѣсто частныхъ лицъ будутъ присутствовать должностныя лица судебного вѣдомства и присяжные повѣренные. Такимъ образомъ цѣль закона—посредствомъ закрытія дверей суда устранить при судебномъ слѣдствіи гласность—во многихъ случаяхъ не будетъ достигнута. Не отрицая пользы, которую могутъ извлечь означенныя лица, присутствуя при разсмотрѣніи дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ, министръ юстиціи находилъ, что, въ видахъ достиженія цѣли, съ кою двери суда объявлены закрытыми, слѣдовало бы постановить, что означенныя лица допускаются въ засѣданіе съ разрѣшенія предсѣдателя (стр. 80). Ограниченіе это вошло въ ст. 623 Уст. угол. суд.

Дѣйствующій порядокъ составленія присутствія присяжныхъ засѣдателей и правила отвода ихъ въ значительной степени составлены подъ вліяніемъ поправокъ министра юстиціи. По его же замѣчаніямъ исключены предположенія проекта, требовавшія, чтобы судъ непремѣнно удалялся для совѣщанія изъ залы засѣданія, чтобы всѣ протоколы судебныхъ засѣданій прочитывались въ засѣданіи суда, и многое другое. По тѣмъ же соображеніямъ, которыя высказаны были при разсмотрѣніи проекта Устава гражданскаго судопроизводства и даже *a fortiori*, Замятнинъ полагалъ необходимымъ озаботиться, чтобы лицамъ, приносящимъ кассационную жалобу, было положительно извѣстно, нарушеніе какихъ формъ судопроизводства можетъ быть поводомъ къ отмініи приговора суда, въ противномъ случаѣ, полагалъ министръ, всѣ подсудимые, единственно въ видахъ отдаленія приведенія приговора въ исполненіе, будутъ приносить напрасныя жалобы. Тутъ же министръ предложилъ состоящій изъ 24 пунктовъ примѣрный перечень существенныхъ формъ, отступленіе отъ коихъ влечетъ за собою кассацию приговора. Мнѣніе Замятнина не было принято государственнымъ совѣтомъ, о чемъ теперь приходится сожалѣть. Еслибъ

оно было принято, то, вѣроятно, мы не дошли бы ни до нынѣшняго невозможнаго состоянія кассационнаго суда, изрекающаго, подобно оракулу, не мотивированные категорическіе императивы, тогда какъ рѣшенія его должны быть обязательны по преимуществу силою приведенныхъ въ нихъ соображеній, *impregio rationis*, — ни до того несправедливаго порядка вещей, который бѣднымъ подсудимымъ, стало быть 90% изъ общаго числа, ставить такую альтернативу: или откажись отъ права принесенія кассационной жалобы, или ступай въ тюрьму...

Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ Замятнинымъ на 3-ю книгу объ изъятіяхъ изъ общаго порядка уголовного судопроизводства, заслуживаетъ вниманія слѣдующее. Министръ юстиціи предлагалъ въ постановленіи о судѣ за преступленіе должности внести слѣдующее правило: если лицо, съ котораго назначено начальствомъ взыскаііе, будетъ просить о преданіи его суду, то производство взыскаііа приостанавливается впредь до разсмотрѣнія судомъ дѣйствій должностныхъ лицъ (стр. 6).

6

§ 3. Замѣчанія на проектъ Учрежденія судебныхъ мѣстъ.

Правильная точка зрѣнія для сужденія о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ на эту часть судебного законодательства, получится тогда, когда мы примемъ во вниманіе не только то, что сказано было Замятнинымъ, но и то, что оставлено было имъ безъ возраженія. «Учрежденіе судебныхъ мѣстъ», имѣвшее цѣлью посредствомъ новой организаціи обезпечить полную самостоятельность новыхъ судебныхъ учреждений и поставить ихъ внѣ зависимости какъ отъ министерства юстиціи, такъ и другихъ административныхъ вѣдомствъ, по преимуществу касалось исконныхъ, такъ сказать патримоніальныхъ, правъ министерства юстиціи. Вслѣдствіе этого можно было ожидать, что министерство юстиціи черезчуръ цѣпно ухватится за свои древнія прерогативы по судебному вѣдомству. Ничуть не бывало! Замятнинъ вполне соглашался почти со всѣми важными предположеніями проекта касательно организаціи судебного сословія. Притомъ согласіе согласію рознь. Бываетъ вынужденное согласіе, когда соглашающійся, уступая потоку движенія, уступаетъ ему неискренно, дѣлая *bonne mine au mauvais jeu*. Не таково было отношеніе къ дѣлу Замятнина. Нѣтъ, онъ уступалъ важнѣйшія права своего министерства сознательно и искренно.

Замятнинъ сильно былъ озабоченъ вопросомъ о наилучшей организаціи мирового института. Онъ стремился не къ тому, чтобъ обезличить и угнетать этотъ институтъ, а привлечь къ нему лучшихъ и достойнѣйшихъ людей общества. Для достиженія этой цѣли,— писалъ онъ,— надлежитъ облечь званіе мировыхъ судей возможнымъ почетомъ и сдѣлать положеніе ихъ твердымъ и независимымъ; надо заботиться о томъ, чтобы мировые судьи, видя положеніе свое удовлетворительнымъ, какъ можно долѣе оставались въ своихъ должностяхъ. Но тутъ сталкивался Замятнинъ съ вопросомъ о выборахъ мировыхъ судей. Выборное начало онъ вполне одобрялъ, но онъ хорошо понималъ, что оно дѣлало положеніе мирового судьи шаткимъ, ненадежнымъ и затруднительнымъ. Для разрѣшенія этой дилеммы Замятнинъ предложилъ слѣдующее, не совсѣмъ практичное, но заслуживающее вниманія, средство: «Въ теченіе трехъ лѣтъ каждый изъ избирателей, а также земскія собранія должны имѣть право указывать на тѣхъ мировыхъ судей, которые не оправдали оказаннаго имъ довѣрія и подлежатъ, по мнѣнію большинства, перебаллотировкѣ. Подобныя заявленія должны быть представляемы сенату, который, по рассмотрѣніи означенныхъ заявленій, составлялъ бы списокъ тѣхъ судей, кои подлежатъ на слѣдующемъ земскомъ собраніи новой баллотировкѣ, остальные же мировые судьи, о коихъ не было сдѣлано заявленій и которые не помѣщены въ означенный списокъ, почитались бы утвержденными на слѣдующее трехлѣтіе» (стр. 6). Мысль эта, которой нельзя отказать въ оригинальности, не имѣла никакихъ послѣдствій. Далѣе, для столичныхъ мировыхъ округовъ Замятнинъ проектировалъ совершенно особую организацію. Такъ какъ здѣсь мировые сѣзды должны быть болѣе или менѣе постоянными, то онъ предлагалъ учредить вмѣсто сѣздовъ городовые суды изъ постоянныхъ предсѣдателей и опредѣленнаго числа членовъ и столичныхъ мировыхъ судей, присутствующихъ по установленной очереди.

Министръ юстиціи сознавалъ хорошо всю трудность цѣлесообразнаго установленія ценза для присяжныхъ засѣдателей. Назначить цензъ слишкомъ высокой—значить, съ одной стороны, всю тяжесть обязанностей присяжныхъ возложить на богатыхъ собственниковъ, а съ другой стороны—придать имъ быть-можетъ слишкомъ большое вліяніе на отправленіе правосудія. Установить цензъ слишкомъ низкій—значить допустить людей, быть-можетъ,

совершенно необразованныхъ и даже неразвитыхъ къ разрѣшенію участи подсудимыхъ. Министръ юстиціи цензъ въ 100 руб. дохода съ ремесла или промысла считалъ слишкомъ низкимъ и предлагалъ возвысить до 200 руб. (стр. 25), что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Проектъ предлагалъ сдѣлать прокурора независимымъ отъ его начальства. По этому вопросу министр юстиціи замѣчаетъ: полная независимость судей, конечно, необходима, она нужна для поддержанія достоинства судебной власти, для устраненія всякаго подозрѣнія въ пристрастіи и угодливости; но начало независимости лицъ прокурорскаго надзора не можетъ быть согласовано ни съ принципомъ строгаго единства прокурорскаго надзора, ни съ правиломъ подчиненія младшихъ лицъ сего надзора старшимъ. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ министра.

Въ развитіе «Основныхъ Положеній» проектъ установилъ рядъ правилъ, опредѣляющихъ съ одной стороны точныя условія, коимъ должны соответствовать лица, представляемыя министромъ юстиціи на судебныя должности, а съ другой—ввелъ новое и важное право *представленія* кандидатовъ самими судебными мѣстами. Министръ юстиціи нисколько не считалъ для себя стѣснительнымъ, что власть его вводится въ точныя рамки. Онъ съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтилъ право судебныхъ коллегій избирать кандидатовъ въ судьи и внесъ нѣсколько поправокъ, имѣвшихъ цѣлью еще больше развить и укрѣпить это неизвѣстное дотолѣ право судебныхъ мѣстъ. «Уставъ,—пишетъ Замятинъ,—старается облегчить министра юстиціи въ избраніи кандидатовъ на судебныя должности; устанавливаются рамки, въ предѣлахъ которыхъ можетъ послѣдовать избраніе. Уставъ идетъ далѣе: онъ предоставляетъ самимъ судебнымъ мѣстамъ право избирать кандидатовъ. Мысли этой нельзя не сочувствовать; съ приведеніемъ ея въ исполненіе, правительство для судебныхъ назначеній приобрѣтаетъ *вѣрные* свѣдѣнія о достойныхъ лицахъ съ ручательствомъ самихъ судебныхъ мѣстъ за ихъ благонадежность и знаніе дѣла». Все значеніе этого сочувствія будетъ вполне понятно, если принять на видъ, съ какою систематическою настойчивостью преимнигъ Замятинъ игнорировалъ представленія судебныхъ мѣстъ и настойчиво домогался только о проведеніи своихъ людей. — Замятинъ пошелъ еще далѣе комиссіи: онъ нашелъ, что проектъ даетъ своей мысли ненадлежащее развитіе. Проектъ призналъ нужнымъ допустить участіе прокурора при судебныхъ

совѣщаніяхъ объ избраніи кандидатовъ. Министръ юстиціи возразалъ противъ этого на основаніи слѣдующихъ соображеній: формальныя условія, начертанныя въ Уставѣ, столь опредѣлительны, что едва ли можно ожидать, чтобы приимѣненіе оныхъ возбудило на практикѣ сомнѣніе; слѣдовательно вопросы, подлежащіе обсужденію суда при избраніи кандидатовъ, будутъ весьма просты. Къ чему же затѣмъ участіе прокурора при подобнаго рода совѣщаніяхъ? Участіе его представляется совершенно излишнимъ; напротивъ, весьма желательно совсѣмъ устранить его отъ подобнаго рода дѣлъ и не представлять никакого по этому предмету вмѣшательства. Это необходимо для того, чтобы сохранить за представленными кандидатами собственно значеніе лицъ, которыхъ судебныя мѣста считаютъ съ своей стороны достойными занять открывшееся мѣсто. — Министръ юстиціи столь же энергично возсталъ и противъ ст. 176 проекта, по коей представленіе объ избраныхъ судебными мѣстами кандидатахъ должно было поступить къ министру юстиціи чрезъ старшаго предсѣдателя судебной палаты съ его заключеніями. Отвергая эту статью, министръ юстиціи рассуждалъ такъ: «судъ при избраніи кандидата можетъ судить объ однихъ формальныхъ условіяхъ, но старшій предсѣдатель не ограничивается одними формальными условіями, — замѣчанія его на представленія суда могутъ касаться какъ внѣшнихъ, т. е. формальныхъ, такъ и внутреннихъ условій представленнаго кандидата; другими словами: онъ аттестуетъ представленнаго кандидата, или же опорочиваетъ. Такимъ образомъ изъ судьи старшій предсѣдатель становится администраторомъ и не только ему подчиняются члены предсѣдательствуемой имъ палаты, но члены и предсѣдатели всѣхъ судебныхъ мѣстъ той области, которая подвѣдома судебной палатѣ. При существованіи правила, въ ст. 176 изложеннаго, смѣшеніе власти судебной и административной въ лицѣ старшаго предсѣдателя очевидно, посему правило это не можетъ быть удержано, такъ какъ оно противорѣчитъ «Основнымъ Положеніямъ» и соображеніямъ, которыя имѣлись въ виду у государственнаго совѣта при ихъ утвержденіи. Правило это дѣлаетъ изъ старшаго предсѣдателя главнаго судью области, между тѣмъ какъ предположеніе объ установленіи главнаго судьи было окончательно отвергнуто государственнымъ совѣтомъ». Въ ст. 214 «Учрежд. судеб. установ.» слова: «съ его заключеніями» — выпущены. Тутъ встаетъ будетъ замѣтить, что модъ ст. 214 «Учр. судеб. установ.» (изданія государственной

канцеляріи) не приведено ни одного мотива. Ясно для всякаго, какъ умѣстно было бы привести только-что изложенныя соображенія министра юстиціи, легшія въ основаніе ст. 214.

Побуждаемый желаніемъ какъ можно чище сохранить основныя начала новаго судоустройства, министр юстиціи указалъ еще на одно смѣшеніе административной функціи съ судебною, допущенное проектомъ. По ст. 209 и 210, предсѣдатели и члены судовъ имѣютъ право на прибавки къ жалованью въ извѣстныхъ случаяхъ, но правомъ этимъ могутъ воспользоваться только тѣ, которые будутъ признаны заслуживающими прибавки общими собраніями суда и палаты. Противъ этого постановленія возражалъ министр юстиціи слѣдующими доводами: «Такимъ образомъ, — писалъ онъ, — вводится совершенно новое начало аттестаціи члена судебного мѣста самими его сочленами, а затѣмъ и высшимъ судомъ, — начало, смѣшивающее власть судебную и административную, начало, противорѣчащее «Основнымъ Положеніямъ» и потому подлежащее исключенію изъ проекта. Ст. 210 не обозначаетъ, за что именно членъ судебного мѣста можетъ быть лишенъ прибавки къ содержанію, тогда какъ онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, опредѣленнымъ въ законѣ; она допускаетъ возбужденіе въ судѣ внѣ дисциплинарнаго производства за тотъ или другой совершенный поступокъ какого-то общаго сужденія о нравственныхъ качествахъ лицъ; однимъ словомъ, при всей означенной обстановкѣ ст. 210 даетъ членамъ судебного мѣста какихъ-то безграничныхъ и безконтрольныхъ надзирателей въ вопросахъ нравственныхъ, и будетъ несомнѣнно лишь одно послѣдствіе — возбужденіе нескончаемыхъ между членами суда распрей и ссоръ». Ст. 210 была исключена государственнымъ совѣтомъ. Вотъ до какой степени Замятнинъ старался оберегать судей даже отъ произвола товарищей!

По вопросу о награжденіи судей чинами Замятнинъ высказалъ такое мнѣніе: «до тѣхъ поръ, пока существуютъ у насъ чины, желаніе выдѣлить должностныхъ лицъ судебного вѣдомства изъ ряда прочихъ едва ли можетъ быть осуществлено *на практикѣ* и можетъ легко случиться, что стремленіе поставить судебное званіе выше всѣхъ почестей приведетъ на практикѣ къ противоположнымъ результатамъ. Если отмѣнить чины только для судебного вѣдомства, то можно ли предположить, чтобы должностныя лица судебного вѣдомства были совершенно равнодушны къ тому, что для всѣхъ прочихъ ихъ согражданъ составляетъ

награду и почетное отличие, съ чѣмъ связаны даже нѣкоторыя существенныя права? Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемаго комиссiею результата, не будетъ ли напротивъ того вѣроятнѣе, что отиѣна чиновъ отниметь у судебной карьеры для многихъ извѣстную долю привлекательности и послужить не къ увеличенію, а можетъ-быть и къ уменьшенію числа лицъ, желающихъ вступить на означенное поприще?»

Дѣйствующія постановленія объ устройствѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ заключаютъ въ себѣ многія изъ поправокъ, внесенныхъ министромъ юстиціи, какъ-то: о порядкѣ образованія отдѣлений совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, о послѣдствіяхъ исключенія изъ сословія совѣта, о правѣ совѣта отказывать въ приѣмѣ въ присяжные повѣренные на основаніи собранныхъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ просителя. Въ «Учрежд. судеб. устан.» изданія государственной канцеляріи подъ 380 ст. не приведено ни одного мотива. Въ виду этого не безынтересно ознакомиться съ соображеніями министра, въ силу коихъ измѣнены были предположенія проекта.

По ст. 342 проекта только формальныя препятствія, предусмотрѣнныя закономъ, давали совѣту право отказать въ принискѣ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Министръ юстиціи въ этой статьѣ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «практическимъ послѣдствіямъ этого правила, — писалъ онъ, — можетъ быть, что совѣтъ будетъ обязанъ принимать въ присяжные повѣренные такихъ лицъ, неблагонадежность коихъ общеизвѣстна, а между тѣмъ они удовлетворяютъ всѣмъ формальнымъ условіямъ. Во избѣжаніе сего, необходимо предоставить въ этомъ отношеніи совѣту присяжныхъ повѣренныхъ право отказывать лицамъ, которыя по нравственнымъ качествамъ не могутъ быть приняты въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Предоставленіе этого права совѣту необходимо въ виду тѣхъ важныхъ обязанностей, которыя возлагаются на повѣренныхъ, и было бы согласно съ цѣлью новаго учрежденія. При семъ нельзя не замѣтить, что въ случаѣ основаннаго на соображеніяхъ о неблагонадежности лица, конечно, неудобно требовать, какъ постановляетъ проектъ, чтобъ объяснены были просителямъ причины, по которымъ имъ отказано, но въ случаѣ принесенія жалобы судебной палатѣ совѣтъ обязанъ объяснить ей причины отказа». Хотя послѣднее правило и не вошло въ «Учрежд. суд. уст.», но оно столь цѣлесообразно, что, сколько мнѣ из-

вѣстно, всегда практиковалось въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ.

Изъ другихъ поправокъ, предложенныхъ Замятнинымъ, но не прошедшихъ въ государственномъ совѣтѣ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія. Министръ юстиціи возражалъ противъ ограниченія присяжныхъ повѣренныхъ правомъ ходатайства только въ предѣлахъ одного судебного округа и рассуждалъ такъ: «при обсужденіи настоящаго вопроса нельзя не обратить вниманія на то, что при введеніи въ дѣйствіе учрежденія столь новаго для нашей жизни, какъ учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ, нельзя быть достаточно осторожнымъ въ принятіи той или другой мѣры и нельзя не опасаться дать учрежденію ложное направленіе. Если съ одной стороны желательно видѣть у насъ скорое появленіе присяжныхъ повѣренныхъ при настоятельной въ нихъ съ осуществленіемъ реформы надобности, то, съ другой стороны, не менѣе желательно, чтобы новое сословіе соотвѣтствовало вполне своему назначенію, чтобы оно оправдало общія надежды, на него возлагаемыя. Намъ, безъ сомнѣнія, необходимы присяжные повѣренные, но необходимы не какія-нибудь личности, которыя только бы назывались присяжными, а присяжные повѣренные—честные, добросовѣстные и знающіе дѣло. Можно быть твердо увѣреннымъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жизнь развилась, гдѣ количество гражданскихъ исковъ достаточно для содержанія сословія присяжныхъ повѣренныхъ, тамъ повѣренные появятся. Если на мѣстѣ будетъ хорошій присяжный повѣренный, то трудно предположить, чтобы тяжущіеся вздумали обратиться къ столичному повѣренному и тѣмъ подвергать себя излишнимъ издержкамъ. Боятся установленія монополіи присяжныхъ повѣренныхъ. Подобное опасеніе неосновательно. Право словесной защиты предоставляется всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, а не однимъ столичнымъ; слѣдовательно, если даже и согласиться, что появится монополія, то это не будетъ монополія столичныхъ повѣренныхъ, а монополія таланта, знанія и добросовѣстности. Неужели можно препятствовать установленію подобной монополіи? Напротивъ того, подобнаго порядка вещей надобно желать; онъ даже необходимъ, чтобы уничтожить ту монополію, которая непремѣнно разовьется, если повѣреннымъ не будетъ разрѣшено принимать повсемѣстно словесную защиту,—монополію замкнутыхъ отдѣльныхъ кружковъ съ посредственными познаніями и дарованіями. Мѣстная монополія можетъ дать ложное направленіе

нашей адвокатурѣ и погасить въ ней мало-по-малу всякое стремленіе къ совершенствованію».

Министръ юстиціи, не находя основанія лишать кого-либо права жалобы, если онъ считаетъ неправильнымъ постановленіе совѣта, полагая, вопреки проекта, предоставить присяжнымъ повѣреннымъ, какъ и судьямъ, право обжалованія во всѣхъ случаяхъ, не исключая и того, когда совѣтъ постановилъ сдѣлать предостереженіе или выговоръ. Все важное значеніе приведенныхъ замѣчаній будетъ очевидно, если вспомнить, какія превратныя, даже, можно сказать, дикія, представленія объ адвокатурѣ господствовали въ нашемъ обществѣ и даже въ правительственныхъ сферахъ. Приведу одинъ образчикъ. Оберъ-прокуроръ Семеновъ предлагалъ исключить изъ формулы присяги, установленной для присяжныхъ повѣренныхъ, слова: «честно исполнять обязанности принимаемаго званія»,—ссылаясь на то, что честное исполненіе обязанностей несовмѣстно съ званіемъ адвоката.

Отъ заботливаго вниманія Замятнина не ускользнули даже самыя младшія члены новой судебной организациі — помощники присяжныхъ повѣренныхъ. По «Учр. судеб. уст.» помощники находятся въ положеніи похожемъ на состояніе неустойчиваго равновѣсія: они едва прикрѣплены къ судебнымъ мѣстамъ при помощи одной статьи. Объ нихъ упоминается въ двухъ послѣднихъ строчкахъ ст. 354. «Учр. суд. уст.», констатирующей только фактъ ихъ существованія и больше ничего. Жизнь явилась на помощь и кое-какъ организовала бытъ этого немаловажнаго для будущихъ судебъ адвокатуры сословія. Но замѣчательно, что то, что въ послѣдствіи совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ съ большимъ трудомъ приходилось проводить въ жизнь, все это было намѣчено и предусмотрено въ «Замѣчаніяхъ министра юстиціи».

Смотря на сословіе помощниковъ какъ на лучшей новизнѣ для адвокатуры, министръ юстиціи, для лучшей подготовки ихъ къ будущему званію присяжныхъ повѣренныхъ, проектировалъ слѣдующія правила: 1) каждый присяжный повѣренный можетъ имѣть помощниковъ, опредѣленіе которыхъ, по его представленію, зависитъ отъ усмотрѣнія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ; 2) помощниками присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть опредѣлены лица, кончившія курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) помощники присяжныхъ повѣренныхъ занимаютсѣ дѣлами по порученію и подъ наблюденіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ; 4) помощники при-

связныхъ повѣренныхъ имѣютъ право хожденія по дѣламъ наравнѣ со всѣми посторонними лицами; 5) въ случаѣ порученія помощнику присяжнаго повѣреннаго дѣла въ такой мѣстности, гдѣ исключительное право хожденія по дѣламъ предоставлено присяжнымъ повѣреннымъ, присяжный повѣренный имѣетъ право ходатайствовать въ совѣтѣ о дозволениі помощнику вести поручаемое ему дѣло; 6) въ дѣлахъ уголовныхъ помощникамъ можетъ быть поручаема предсѣдателемъ судебныхъ мѣстъ защита подсудимыхъ; 7) при веденіи принятыхъ дѣлъ помощники пользуются одинаковыми съ присяжными повѣренными правами и несутъ одинаковыя съ ними обязанности; 8) присяжные повѣренные обязаны представлять совѣту отчетъ о занятіяхъ своихъ помощниковъ (стр. 75).

Замятнинъ, принимая близко къ сердцу дѣло судебной реформы, подробными соображеніями доказывалъ необходимость обезпеченія матеріальнаго положенія судей. Справедливость многихъ изъ этихъ соображеній блистательнымъ образомъ доказана послѣдующимъ опытомъ. Министръ юстиціи указывалъ прежде всего на то, что молодые люди, имъ подготовляемые, въ скоромъ времени оставляютъ службу по вѣдомству министерства юстиціи и переходятъ въ другія, гдѣ существуютъ лучшіе оклады; такимъ образомъ оно подготовляло лучшихъ дѣятелей для другихъ вѣдомствъ. Неудобство это будетъ устранено, по мнѣнію министра, если предположенные комиссіей оклады содержанія не будутъ уменьшены. Въ такомъ случаѣ не будетъ недостатка въ способныхъ и честныхъ дѣятеляхъ къ осуществленію судебной реформы и должно съ полною надеждой ожидать, что и у насъ за сямъ въ ходѣ правильнаго, постепеннаго развитія образуется судебное сословіе, вполне достойное занять то положеніе, которое ему приготовлено новыми уставами. «Совершенно иныхъ результатовъ нужно ожидать, — писалъ Замятнинъ, — не съ меньшею увѣренностью отъ скудныхъ, или даже стоящихъ въ уровенъ съ должностями по другимъ вѣдомствамъ окладовъ содержанія. Можно ли ожидать полезныхъ для судебного вѣдомства результатовъ, если окладъ содержанія окружнаго судьи будетъ одинаковъ съ окладомъ начальника отдѣленія департамента, а если назначить 2.200 руб. члену окружнаго суда, то это будетъ даже нѣсколько меньше того, что получаютъ начальники отдѣленій въ большей части департаментовъ, если принять въ соображеніе прибавочныя выдачи и награды. Между тѣмъ можно

ли сравнивать эти должности, въ отношеніи самостоятельности, круга дѣятельности и ввѣренныхъ интересовъ? Результаты уменьшенія окладовъ, предложенныхъ комиссіей, не замедлятъ оказаться на дѣлѣ въ самомъ скоромъ времени и опять повторится прежнее явленіе: чиновники судебного вѣдомства станутъ переходить на службу въ другія вѣдомства, потому что въ окладахъ содержанія не будетъ разницы, за то будетъ меньше отвѣтственности и исполненіе обязанностей будетъ подъ контролемъ начальника, а не подъ гласнымъ контролемъ всего общества. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того, что при всемъ этомъ судебному вѣдомству будетъ угрожать иного рода опасность. Съ введеніемъ новой формы суда открывается совершенно новое и обширное поприще для образованныхъ и честныхъ дѣятелей, — поприще въ высшей степени привлекательное какъ по роду дѣятельности, такъ и по значительному матеріальному обезпеченію. Явится возможность поступать въ присяжные повѣренные. Очень много лицъ, весьма способныхъ къ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, — лицъ, которыя были бы между ними одни изъ первыхъ, — останется однако продолжать службу по судебному вѣдомству. Несмѣняемость, обезпеченный окладъ и самыя условія коронной службы — вотъ обстоятельства, которыя при предложенныхъ комиссіей размѣрахъ окладовъ будутъ удерживать многихъ способныхъ лицъ отъ поступленія въ присяжные повѣренные; условія эти будутъ уравнивать матеріальныя выгоды адвокатской дѣятельности. Но если оклады содержанія будутъ уменьшены, то *равновѣсіе* нарушится; большая часть даровитыхъ и знающихъ личностей поступитъ въ присяжные повѣренные; конечно, такимъ образомъ у насъ весьма скоро образуется сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и сословіе это станетъ сильнымъ, но сильнымъ *на счетъ* судебного сословія и въ ущербъ ему. Судебное вѣдомство будетъ обезсилено переходами лучшихъ своихъ представителей въ другія вѣдомства — въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. При ежедневныхъ столкновеніяхъ въ судебныхъ преніяхъ по дѣламъ, часто не лишеннымъ и весьма важнымъ государственныхъ интересовъ, судебное вѣдомство вынуждено будетъ противопоставлять присяжнымъ повѣреннымъ не вполнѣ опытныхъ, а иногда бездарныхъ представителей. Плачевные результаты подобнаго положенія слишкомъ очевидны: судебное сословіе станетъ играющимъ, если даже не посмѣшищемъ, въ рукахъ сословія повѣренныхъ». Сохраненію проектированныхъ

оклады Замятнинъ придавалъ такое важное значеніе, что онъ ставилъ отъ него въ зависимость самое осуществленіе судебной реформы. «Если по какимъ-либо соображеніямъ,—писалъ онъ,— признано будетъ необходимымъ уменьшить оклады и *отмѣнить прибавки* (а извѣстно, что прибавки отмѣнены), то лучше *отказаться* отъ судебной реформы, лучше остановиться приведеніемъ ея въ исполненіе, чѣмъ съ самаго начала дать реформѣ ложное направленіе, поставить ее въ невыгодныя условія и отказаться отъ благихъ послѣдствій, которыхъ по справедливости можно было бы ожидать отъ предначертанныхъ уставовъ. Если судебное вѣдомство не будетъ въ состояніи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣятелей, то несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и правительству даже опасно будетъ предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и ввѣрить охраненіе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ остается въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не нашло себѣ другихъ, лучшихъ, мѣстъ». Мы съ намѣреніемъ сдѣлали эту длинную выписку: она наглядно показываетъ, какъ серьезно относился Замятнинъ къ дѣлу и стремился къ осуществленію не «показной» судебной реформы, а полной и всесторонней.

Прекращаемъ дальнѣйшее изложеніе «Замѣчаній» Замятнина. Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для того, чтобы судить, какъ трезво онъ смотрѣлъ на задачу водворенія въ Россіи прочнаго, обеспеченнаго правоваго порядка и какъ настойчиво добивался онъ послѣдовательнаго проведенія либеральныхъ началъ судебной реформы.

Гр. Джаншиевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М а т ь и с ы н ь .

(Мел. Мих. Лаврову.)

— Поди, родная, сядь ко мнѣ...
Ты слышишь: въ мертвой тишинѣ
Видѣній странный рой,
Сожмнувшись въ тѣсный хороводъ,
Толпой тѣснится и поетъ
И пляшетъ надо мной?

— Сюда стеклися изъ могилъ—
Во что я вѣрилъ, чѣмъ я жилъ—
Надежда и любовь...
Къ себѣ зовутъ онѣ меня;
Ихъ голосъ, ласкою звеня,
Во мнѣ волнуеть кровь.—

«— Мой сынъ, не вѣрь ночной мечтѣ!
Молись Творцу,—видѣнья тѣ
Исчезнуть всѣ какъ разъ...
О, Боже!—съ теплою мольбой
Во прахъ склоняюсь предъ Тобой—
Спаси, помилуй насъ!»—

— Я вновь таковъ, какимъ я былъ,
Во мнѣ кипитъ избытокъ силъ
И, вѣруя въ судьбу,
Я, ратникъ истины святой,
Стремлюсь со зломъ, неправотой
На смертную борьбу.

— Близка побѣда, смутенъ врагъ...
 Еще напоръ—падутъ во прахъ
     Насиліе и гнетъ;
 Позорный смолкнетъ звонъ оковъ
 И средь людей, а не рабовъ,
     Свобода разцвѣтетъ!...—

«—Очнись!... Кругомъ царить лишь тьма;
 Сырая, мрачная тюрьма
     Въ объятыхъ душишь насъ...
 Сокрылось солнце за горой,
 Послѣдній лучъ его золотой
     Давно уже погасъ.

— Вонъ тамъ мелькнула тѣнь отца;
 Онъ, какъ фанатикъ, до конца
     Своихъ печальныхъ дней
 Могучей вѣры не терялъ
 И мощный свѣтлый идеалъ
     Хранилъ въ душѣ своей.

— Онъ веселъ, радостенъ на видъ,
 Онъ мнѣ прощеніе сулитъ...
     Вотъ онъ зоветъ меня
 Туда, гдѣ радость и покой,
 Гдѣ тучка не затмитъ собой
     Безоблачнаго дня....—

«—Молчи, мой милый! Умеръ онъ...
 Онъ былъ героемъ въ свѣтъ рожденъ
     И гордой головой
 Не преклонялся никогда,
 Хотя гнела его нужда,
     Отецъ несчастный твой!»—

— Взгляни, родная, вотъ она...
 Сверкаетъ прудъ, блеститъ луна...
     Головкою на грудь
 Ко мнѣ прижалась... Я любимъ.
 Она зоветъ меня своимъ,
     Въ далекій манить путь!...

За ней, за ней пусти меня!
 Пусть, обожая' и кляня,
     У этихъ милыхъ ногъ
 Я позабуду цѣлый свѣтъ
 И мирно отдохну отъ бѣдъ,
     Отъ горя и тревогъ!...—

«—Мой милый сынъ, не вспоминай...
 Она измѣною твой рай
     Разрушила сама,
 И ясный свѣтъ веселыхъ дней
 Исчезъ на вѣки изъ очей
     И воцарилась тьма...»

О, мой страдалецъ! Отчего
 Всю кровь изъ сердца моего
     Я не могу отдать?...
 Но ты молчишь, ты блѣденъ сталъ...
 Творецъ небесъ! ты сына взялъ,—
     Возьми къ себѣ и мать!»

В. Л.

Москва.
 10-го октября.

ЧАРТИЗМЪ *).

Такимъ образомъ въ концѣ 1839 года чартизмъ, повидимому, былъ убитъ,—430 душъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ людей были перехватаны и рассажены по тюрьмамъ. Нью-портское неудачное возстаніе, повидимому, навсегда обезсилило тѣ идеи, которыя пытались выразить собою бессознательное недовольство и стихійное броженіе массы. Благонамѣренная пресса изображала Джона Фроста соединеніемъ всѣхъ самыхъ низкихъ побужденій, самыхъ ужасныхъ пороковъ и чуть-что не рекомендовала матерямъ пугать его именемъ дѣтей. Люди средняго класса считали себя побѣдителями и позволяли себѣ вездѣ, гдѣ только возможно, лягать мертваго льва. Рабочему достаточно было быть заподозрѣну въ причастности къ чартистскимъ идеямъ, чтобъ его расчислили. Подсудимому довольно было заикнуться или быть уличеннымъ свидѣтельскимъ показаніемъ въ знакомствѣ съ чартистами, чтобы судья съ полною увѣренностію въ своей «внутренней правотѣ» постановлялъ обвинительные приговоры, а прокуроръ рекомендовалъ таковые присяжнымъ. Уликами же въ чартистскихъ заблужденіяхъ часто служили прямые и вполне искренніе отвѣты, противорѣчившіе лицемѣрнымъ правиламъ англійской благопристойности и общественной морали. Словомъ, чартистомъ считался чуть не всякій, имѣвшій свои собственныя и независимыя убѣжденія, причемъ не обращалось вниманія на ихъ содержаніе. Людямъ, разъ скомпрометтированнымъ, приходилось переѣзжать изъ одного города въ другой, чтобы только убѣжать преслѣдованія «общественнаго мнѣнія» средняго класса. Чартистъ и преступникъ сдѣлались почти синонимами.

*) См. *Русская Мысль*, в. X.

Не то, конечно, было среди чернорабочей массы въ мануфактурныхъ, минныхъ и другихъ округахъ. Тамъ ихъ не боялись, ихъ не презирали, имъ симпатизировали, но за то большею частію и не понимали ихъ. Нужда здѣсь слишкомъ неотступно тѣснила людей, чтобъ они могли оторваться, хоть мысленно, отъ голыхъ фактовъ окружающей ихъ дѣйствительности, охватить сразу все положеніе дѣлъ въ странѣ и намѣтить ту самую чувствительную почву его, на которую должно было направить всѣ свои усилія для того, чтобы, пробивши ее, получить возможность лѣчить свои раны. Нужда и идеи на время потеряли другъ друга изъ вида. Паника гоненій заставила на минуту замолчать неотступную назойливость первой, вторыя же перестали быть слышными за стѣнами тюремъ и крѣпостей.

Всякому понятно, что такое положеніе долго тянуться не могло. Бѣдствія массы продолжали существовать и, какъ мы скоро увидимъ, въ слѣдующіе же годы выразились въ еще болѣе настойчивомъ стихійномъ броженіи, болѣе отчаянномъ требованіи хлѣба. Что же касается до идей, то одно чартистское движеніе съ его ближайшей чисто политической задачей слишкомъ недостаточно для того, чтобы выяснить, почему его идеи приняли то направленіе, а не другое; почему люди «нравственной силы» еще дальше разошлись съ людьми «политической борьбы» и чисто демократическихъ стремленій; почему, наконецъ, въ средѣ той или другой изъ этихъ двухъ фракцій народились свои ереси, ослабившія силу партій, которыя въ минуту взрыва народныхъ массъ оказались настолько слабыми, что сыграли лишь роль орудія въ рукахъ вождей капиталистической буржуазіи. Чтобы выяснить это, необходимо вспомнить кое-что объ овенизмѣ. Но прежде всего обратимся къ фактамъ.

29 іюля 1840 года въ Манчестерѣ собрались 23 делегата отъ разрушенныхъ на половину чартистскихъ группъ Англіи и Шотландіи, а преимущественно мануфактурныхъ округовъ Ланкашира и Йоркшира, съ цѣлью, во-первыхъ, принять нѣкоторыя мѣры въ пользу семействъ заключенныхъ товарищей и, во-вторыхъ, реорганизовать движеніе. До сихъ поръ всѣ группы чартистовъ хотя и имѣли одну общую цѣль, но не составляли одного организованнаго цѣлаго. И вотъ теперь конференція въ нѣсколько засѣданій выработала проектъ соединенія всѣхъ ихъ въ одну *національную чартистскую ассоціацію Великобританіи*. За основаніе ея организациі приняты 6 пунктовъ харти,

а средствомъ добиться ея узаконенія признана мирная агитація. Членомъ новой организаціи могъ быть всякій сочувствующій ея цѣлямъ. Ему выдавался членскій билетъ, за который взымались 2 пенса. Во главѣ ассоціаціи стоялъ исполнительный комитетъ изъ 7 человекъ, избранныхъ всѣми членами и получающихъ постоянное жалованье. Гдѣ было возможно, члены ассоціаціи раздѣлялись на десятки, которымъ исполнительный комитетъ назначалъ лидеровъ. На исполнительномъ же комитетѣ лежала обязанность вести агитацію, устраивать демонстраціи и митинги, посылать на нихъ ораторовъ, печатать памфлеты и, согласно плану Бронтерра О'Брайена, руководить агитаціей во время выборовъ, выставляя своихъ кандидатовъ, а также пользоваться всякими другими политическими событіями въ пользу чартизма.

Къ странѣ былъ изданъ адресъ и выбраны временно 12 кандидатовъ изъ делегатовъ конференціи, изъ которыхъ ассоціаціи предлагалось выбрать постоянный комитетъ. Предсѣдателемъ комитета былъ выбранъ Джемсъ Личъ, а секретаремъ—Вильямъ Тильманъ. Затѣмъ рѣшено было предпринять по всей странѣ рядъ лекцій.

Около того же времени начали отворяться двери тюремъ для многихъ вождей 1839 года, и чартизмъ сталъ оживать. Первыми вышли изъ варвикской тюрьмы Ловеттъ и Коллинсъ 24 іюля 1840 года. Вслѣдъ за оваціями, которыми друзья встрѣтили ихъ въ этомъ городѣ, они получили приглашенія изъ Бирмингэма, Уэльса и Лондона, гдѣ ихъ ожидали огромныя демонстраціи съ музыкой, знаменами, представителями ремеслъ и т. п., напоминашія собой время перваго взрыва энтузіазма въ 1839 году. Ловеттъ былъ настолько изнуренъ тюрьмой, что не могъ принимать участія во всѣхъ этихъ оваціяхъ, и скоро удалился въ Уэльсъ для поправленія здоровья. Для его встрѣчи въ Бирмингэмѣ собрались делегаты отъ такихъ чартистскихъ группъ, которыя не были представлены на манчестерской конференціи 29 іюля, хотя и они приняли ея постановленія.

Въ августѣ изъ Честерскаго замка выпустили Макъ-Дуэла и Уайта, появленіе которыхъ вызвало еще большее оживленіе, такъ какъ они вышли изъ тюрьмы едва ли не болѣе энергичными, чѣмъ вошли въ нее. Макъ-Дуэль говорилъ: «Я только что оставилъ стѣны тюрьмы и уже началъ забывать ихъ; теперь я начинаю помнить лишь тѣхъ, кто посадилъ меня туда,—помнить съ тѣмъ, чтобы мстить имъ; но моя месть будетъ —

народная хартія». Уайтъ же по обыкновенію ободрялъ слушателей ѣдкою насмѣшкой и остротами и былъ готовъ на все. Они вмѣстѣ объѣхали Шотландію и были встрѣчены между прочимъ въ Глазго демонстраціей въ 200.000 человекъ.

Наконецъ, въ началѣ 1841 года были освобождены О'Бойноръ изъ Йоркскаго и О'Брайенъ изъ Ланкастерскаго замковъ. Первый за нѣсколько дней до выхода потребовалъ себѣ платье рабочаго, чтобы надѣть его въ день освобожденія и тѣмъ «доказать, какъ онъ близокъ рабочему классу».

Такихъ политическихъ пересоловъ въ его карьерѣ бездна, несмотря на весь его талантъ агитатора и огромное вліяніе на массы. Его встрѣтили пѣніемъ чартистской пѣсни, сложенной, какъ потомъ оказалось, одной уэльскою чартисткой въ честь его самого:

«Левъ свободы выходитъ изъ своего логовища;
Мы снова и снова собираемся вокругъ него:
Мы увѣнчаемъ его лаврами, нашего бойца,
Патріота О'Коннора, въ честь дорогой свободы!» и т. д.

Затѣмъ онъ поѣхалъ по Шотландіи, а слѣдомъ за нимъ пасторъ Брюстеръ, проповѣдывавшій противъ политики насилія. О'Брайенъ отказался отъ демонстрацій, находя ихъ несвоевременными, и началъ читать лекціи.

Вотъ что дѣлалось въ то время, по словамъ Томаса Купера *), въ провинціи. Онъ—Куперъ—бывшій сапожникъ, потомъ школьный учитель и наконецъ репортеръ провинціальныхъ газетъ—пріѣхалъ въ Лейчестеръ и мало-по-малу сблизился съ фабричнымъ людомъ, сталъ бывать на ихъ собраніяхъ и скоро заявилъ себя чартистомъ. Съ перваго раза его поражали не столько принципы и задачи чартизма, сколько нищета и бѣдствія рабочихъ. Я уже имѣлъ случай привести, съ его словъ, одну изъ картинъ ужаснаго и безвыходнаго положенія лейчестерскихъ чулочниковъ. Онъ естественно началъ симпатизировать имъ, потомъ защищать ихъ, а затѣмъ и искать для нихъ выхода; на этомъ пути онъ скоро самъ пришелъ къ чартизму и высказывалъ это на собраніяхъ. Тогда ему предложили редактировать маленькую чартистскую еженедѣльную газетку за постоянную плату. Онъ согласился, но денегъ на это у чартистовъ во вторую же недѣлю не оказалось и онъ взялъ изданіе на свою

*) The Life of Thomas Cooper, written by himself.

собственную отвѣтственность. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался естественнымъ и формальнымъ лидеромъ своей партіи.

Одна часть рабочихъ, говоритъ онъ, была за хартію прежде всего; другая стояла за хартію и отми́ну хлѣбныхъ законовъ въ одно и то же время. Всѣ же дѣтели старыхъ политическихъ партій хотѣли только отми́ны хлѣбныхъ законовъ и ничего больше и сюда принадлежала большая часть людей средняго класса, тогда какъ первая—составляла большинство всѣхъ публичныхъ и рабочихъ собраній. Нѣкоторые изъ фабрикантовъ послѣдняго лагеря хотѣли идти на компромиссъ съ рабочими и признать хартію рядомъ со свободой торговли, другіе же настаивали на своемъ.

Около Купера, какъ вождя, группировалась самая бѣдная часть рабочихъ; они же были и сторонники физической силы. Но въ томъ же Лейчестерѣ были и другіе чартисты, тяготѣвшіе къ партіи нравственной силы; во главѣ ихъ стоялъ нѣкій сапожникъ, онъ же и бывший методистскій проповѣдникъ Маргшомъ. Сначала обѣ партіи жили дружно, но скоро отношенія начали портиться, и онѣ разошлись даже въ разныя части города: послѣдователи метода—подъ именемъ «чартистской ассоціаціи», а куперисты—подъ именемъ «шекспировской ассоціаціи лейчестерскихъ чартистовъ». Тамъ же были и овенисты или, какъ ихъ тогда уже называли, социалисты, которые отъ времени до времени вызывали чартистовъ на публичные диспуты.

Куперъ скоро соединилъ въ своемъ помѣщеніи вмѣстѣ съ продажей своей газеты продажу и другихъ газетъ, а также и хлѣба, и кромѣ того устроилъ комнату для собраній.

Позднѣе онъ основалъ для своихъ чартистовъ воскресные классы для молодежи и взрослыхъ, гдѣ учились всему, начиная съ грамоты и кончая френологіей; онъ преподавалъ все, что зналъ. Учебными книгами,—говоритъ онъ,—служили Библія, «Самовоспитаніе» Чанинга и т. под. Каждое воскресенье онъ держалъ рѣчи на базарной площади города и начиналъ ихъ всегда съ молитвы; затѣмъ онъ бралъ текстъ Св. Писанія и соединялъ религиозные вопросы съ политическими.

Среди лейчестерскихъ чартистовъ были два поэта-самородка; они писали стихи и гимны вродѣ слѣдующихъ: «Сыны бѣдности, собирайтесь вмѣстѣ и распространяйте вашу хартію, и пусть трепещутъ тираны! Лучше умереть отъ сабли, чѣмъ отъ нужды и голода». Или поэму — «Богъ создалъ человѣка, но не раба; раба создалъ человѣкъ». Тутъ же проповѣдывалось и воздержаніе

не отъ спиртныхъ напитковъ, причемъ вмѣсто обыкновенной клятвы, употреблявшейся въ странѣ, была составлена особая: «Клянусь не пить до тѣхъ поръ, пока хартія не сдѣлается закономъ». Кроме того читались отрывки изъ Шекспира, исторіи Англій, жизни ея знаменитыхъ людей, а также и книги по естественнымъ наукамъ.

Во время безработицы чулочники собирались подлѣ лавки Купера и онъ занималъ ихъ или лекціями, или разговорами, или прогулками за городъ съ этою же цѣлью, или наконецъ устраивалъ процессіи по городу. Это послѣднее особенно возмущало благонамѣренныхъ гражданъ: лавочники запирали свои лавки, экипажи не могли двигаться по тѣмъ улицамъ, гдѣ чартисты маршировали въ военномъ порядкѣ по 4, 6 или 8 въ рядъ, съ пѣніемъ своихъ пѣсенъ вродѣ «Левъ свободы» или чего-нибудь подобнаго, подъ предводительствомъ своего «Шекспировскаго генерала», какъ звалъ себя самъ Куперъ. Разъ случился даже такой фактъ, что до 500 чулочниковъ, доведенные безработицею до страшной нищеты, ничего не сказавши Куперу, отправились медленными шагами мѣрять улицы города и, распѣвая гимны, просить милостыню. За это «генералъ» ихъ конечно не похвалялъ.

Куперъ самъ былъ большой энтузіастъ, сильно и легко увлекался и увлекалъ за собой другихъ. Его вліяніе въ околосѣ было громадно. На публичныхъ митингахъ и разныхъ политическихъ собраніяхъ онъ управлялъ партіей какъ истинный военачальникъ и гордился этимъ.

Такимъ образомъ казалось, что движеніе оживало и обновлялось. Но въ исторіи ничто не повторяется, и скоро на сцену начали выступать одинъ за другимъ такіе элементы, которымъ прежнія рамки казались тѣсными и которые требовали самостоятельнаго существованія.

Ловеттъ съ Коллинсомъ, по выходѣ изъ тюрьмы, напечатали брошюру «Чартизмъ», составленную ими во время заключенія. Въ ней доказывалось, что «истинная» свобода получается не путемъ парламентскихъ актовъ, а самовоспитаніемъ, развитіемъ и внутреннимъ освобожденіемъ народа отъ рабства передъ предразсудками и слабостями. Они предлагали планъ основанія *національной ассоціаціи Соединеннаго Королевства для содѣйствія политическому и соціальному усовершенствованію народа*, которая должна заняться устройствомъ общеобразовательныхъ,

техническихъ и учительскихъ нормальныхъ школъ, летучихъ и постоянныхъ библиотекъ, общественныхъ клубовъ и залъ, гдѣ бы сосредоточивались всѣ эти учреждения, гдѣ бы устраивались для рабочихъ собранія, лекціи, дебаты, увеселенія, концерты и т. п. Кроме того предлагалось издавать брошюры и книги, а впоследствии даже и періодическій журналъ. Словомъ, это былъ планъ «вендовскаго «Гармони-Голла», какъ онъ устраивалъ его и въ Нью-Ланоркѣ, и въ Новой-Гармоніи, и въ Гомпширѣ. По расчету Ловетта выходило, что еслибы каждый изъ подписавшихся подъ народною хартіей чартистъ давалъ бы по 1 пенсу въ недѣлю, то можно было бы построить 80.000 школъ, считая по 3.000 фунт. стерл. на каждую, устроить 710 летучихъ библиотекъ, послать на пропаганду 4-хъ миссіонеровъ, напечатать 20.000 брошюръ, и за всѣмъ этимъ осталось бы еще 700 ф. стерл. на почтовые и 700 ф. стерл. на непредвидѣнные расходы.

Ловеттъ имѣлъ большое вліяніе на всѣ элементы чартизма, тяготѣвшіе не только къ политическому, но къ моральному, интеллектуальному и социальному перерожденію англійскаго рабочаго народа, а потому, особенно въ первое время, произвелъ своею брошюрой сильный расколъ. Онъ сталъ вмѣстѣ со своими приверженцами въ оппозицію политическому движенію и отказался отъ участія въ національной чартистской ассоціаціи на томъ основаніи, что она «незаконна» и участіе въ ней, по парламентскому акту, грозитъ всякому ссылкой *).

Въ это же время Винцентъ еще изъ нью-портской тюрьмы началъ настаивать на проповѣданіи воздержанія и предлагалъ для распространенія послѣдняго основать особое общество.

Наконецъ въ Бирмингемѣ, а еще больше въ Шотландіи начала распространяться школа христіанскихъ чартистовъ, которые превратили чартизмъ въ религіозно-политическую доктрину и проповѣдывали ее съ каедръ въ своихъ церквахъ. Они привлекали къ себѣ тысячи народа, особенно же женщинъ. Таковы были тѣ различныя формы, въ которыя теперь выливалось ученіе «нравственной силы»; это были его неизбежные выводы, его дальнѣйшее развитіе. Этихъ людей поражало вопіющее противорѣчіе окружающей ихъ дѣйствительности съ тѣмъ, что обѣщала христіанская доктрина жертвы и идеализма при своемъ появленіи въ міръ. Они страдали и искали выхода, но гдѣ? — въ усиліяхъ воли, въ самоусовершенствованіи («Self - Cultur» Ча-

*) „Life und struggles“ of W. Lovett.

нинга) и самопросвѣщеніи, т. е. въ давно развѣнчанныхъ свѣточахъ и потерянныхъ надеждахъ. Говорю «давно» потому, что большая часть изъ нихъ уже пережила овенизмъ, который отрекся отъ всего этого въ принципѣ. Окружающая ихъ жизнь кавалась имъ движимой какими-то иными пружинами, а не тѣми, которыя они привыкли уважать и любить, считать законными и продуктивными съ моралистически-христіанской точки зрѣнія. И они взывали къ борьбѣ съ ними. Они не узнавали своихъ собственныхъ идеальныхъ свѣточей, когда встрѣчались съ ними въ ихъ реализированной или даже матеріализированной формѣ, въ реальной жизни, т. е. въ формѣ существующихъ государственныхъ и общественныхъ учреждений и денежнаго фетиша: *философская истина и знаніе*, продающіяся на рынкѣ или служащія интересамъ одного класса, казались имъ не истиннымъ знаніемъ; *свобода и справедливость*, доступныя лишь богатому, талантливому и сильному, а за этими предѣлами связанныя по рукамъ и ногамъ существующимъ порядкомъ въ лицѣ пристрастнаго и принудительнаго закона,—казались имъ не истинною свободой и справедливостью; наконецъ, *благо народовъ*, принявшее форму капитала и сосредоточившееся въ рукахъ немногихъ организаторовъ народнаго труда, казалось имъ не истиннымъ благомъ. И понятно, почему: они сами не были ни учеными, ни членами парламента, ни фабрикантами, а простыми рабочими-самоучками, безправными и обездоленными, и они протестовали. Дѣйствительность и ихъ ежедневный опытъ стояли въ такомъ же полномъ противорѣчій съ ихъ моралистическими христіанскими упованіями, какъ и вся ихъ доктрина съ требованіями времени. Они чувствовали глубину этого раскола, пугались его послѣдствій и искали спасенія—въ чемъ же?—въ обновленіи морали, въ рационалистическомъ сектанствѣ и исключительномъ субъективизмѣ. Они при этомъ не искали новыхъ формъ интеллектуальной и нравственной жизни, а возвращались къ старымъ, пытаясь обновить ихъ. Вотъ почему мы должны признать этотъ элементъ «нравственной силы» въ чартистскомъ движеніи за элементъ реакціонный, боявшійся довериться жизни и ея требованіямъ, боявшійся служить прежде всего удовлетворенію насущныхъ и неотложныхъ нуждъ человѣческихъ,—за элементъ искусственнаго примиренія со старымъ и враждебный новому.

О'Конноръ написалъ еще изъ тюрьмы громовое письмо въ *Northern Star* противъ этихъ трехъ ересей, гдѣ *чартизмъ*

знанія, чартизмъ воздержанія и чартизмъ христіанскій одинаково клеймились именованіемъ отступничества, предательства и измѣны (особенно же досталось первому), единственной же истинною формою движенія выставлялась та, которая была выработана манчестерскою конференціей 1840 г., т. е. ставившая на первый планъ политическую задачу. Протестъ О'Коннора сильно подействовалъ на многихъ, приставшихъ было къ Ловетту, и они возвратились въ ряды политическаго движенія, чѣмъ и заслужили себѣ отъ О'Коннора названіе «крысы, избѣжавшихъ ловушки». Борьба съ этими ересями, особенно же съ интеллектуалистами, доходила до такого ожесточенія, что нѣкто Уаткинсъ, о'коннористъ, на публичныхъ собраніяхъ взывалъ къ мести измѣнникамъ и грозилъ Ловетту смертью, какъ продавшемуся агенту средняго класса. За это сторонники Ловетта какъ тогда, такъ еще и до сихъ поръ продолжаютъ обвинять О'Коннора въ неискренности и въ стремленіи единственно къ власти. Въ такомъ духѣ, напримѣръ, написанъ только-что появившійся въ Лондонѣ романъ Генри Солли — «Джемсъ Вудфордъ, чартистъ и плотникъ». Этотъ самый Солли уже тогда былъ пренодобнымъ Н. Solly, который доказывалъ, что чартизмъ есть лишь очищенное христіанство.

Наконецъ, по выходѣ О'Коннора и О'Брайена изъ тюрьмы, между ними загорѣлась война уже на самой политической почвѣ. Дѣло въ томъ, что въ 1841 г. предстояли общіе выборы, такъ какъ выгнкое министерство оказалось неспособнымъ управлять страной. Его непопулярность дошла до крайнихъ предѣловъ. Насилія надъ чартистами, новые законы о бѣдныхъ и многое другое возстановили противъ него народную массу, а сопротивленіе отиѣнъ хлѣбныхъ законовъ — средній классъ. Чартистамъ на предстоящихъ выборахъ приходилось избрать для себя опредѣленный образъ дѣйствій. О'Конноръ, какъ человекъ политической интриги, предлагалъ вотировать съ тори, тогда какъ О'Брайенъ предпочиталъ пользоваться выборами для своей агитации, но не смѣшиваться ни съ одною партіей. Вслѣдствіе всеобщаго возбужденія противъ виговъ, къ первому направленію приставало большинство чартистовъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ чартисты на предварительныхъ избирательныхъ собраніяхъ ставили своихъ кандидатовъ, огромное большинство рукъ поднималось за нихъ, потому что это были руки не только законныхъ избирателей, но и рабочихъ. За то, когда приходилъ день самыхъ выборовъ и вотировали одни люди

ценза и средняго класса, чартисты получали ничтожное меньшинство. Борьба двухъ мнѣній доводила обѣ стороны до самыхъ неполитичныхъ выходовъ. Тѣмъ не менѣе О'Конноръ самъ предпочелъ играть въ политическую игру со всѣми, а не вотировать за торійскихъ кандидатовъ. Куиеръ въ своей автобіографіи рассказываетъ въ подробностяхъ, какъ О'Конноръ въ Ноттингемѣ стоялъ за либеральнаго кандидата Сторджа и даже дрался на площади вмѣстѣ съ толпой своихъ приверженцевъ за обладаніе платформой въ его пользу, цѣлую ночь ходилъ по улицамъ города съ цѣлью предупредить торійскіе подкупы, поднималъ Сторджа среди ночи съ постели для того, чтобы пожелать ему успѣха, а передъ самымъ началомъ выборовъ, на разсвѣтѣ, сѣлъ въ поѣздъ и уѣхалъ въ Лондонъ. Благодаря этому, чартисты разошлись, Сторджъ провалился, а торійскій кандидатъ хотя и былъ выбранъ, но не былъ принятъ парламентомъ вслѣдствіе открывшагося подкупа. Такимъ образомъ сразу были убиты два врага. Это совершенно въ духъ Фергюса. Всѣ такія и подобныя, повидимому, личныя разногласія на политической почвѣ выражали собою конечно болѣе глубокой расколъ въ самой партіи, который позднѣе принялъ еще болѣе рѣзкую форму. Не нужно было быть особенно проницательнымъ для того, чтобы видѣть, что чартизмъ, какъ одно цѣлое, не представлялъ изъ себя однородной и вѣрной силы; масса различныхъ оттѣнковъ нарождалась съ каждымъ днемъ и ослабляла его силу. А между тѣмъ чартія продолжала казаться такою же необходимою, какъ и прежде. Несмотря на рѣшительность, съ которой О'Конноръ утверждалъ, что всѣ, кто не держится программы національной чартистской ассоціаціи 1840 года, измѣнники,—число ихъ росло съ каждымъ днемъ, и всякій, кому дѣло чартизма было дорого, естественно долженъ былъ искать новыхъ путей для объединенія. Отсюда вытекла попытка примиренія съ средними классами въ формѣ движенія для приобрѣтенія *полнаго* права голоса (complet suffrage) вмѣсто *всеобщаго* права голоса (universal suffrage).

Съ тѣхъ поръ, какъ по всей Англіи, а потомъ и Европѣ и Америкѣ пронеслась слава Роберта Овена, какъ великаго филантропа и чудеснаго переродителя порочнаго и озлобленнаго англійскаго рабочаго въ человѣка и гражданина, прошло цѣлыхъ 20 лѣтъ и многое радикально измѣнилось въ самомъ Овенѣ и его послѣдователяхъ. Изъ филантропа онъ превратился въ коммуниста, изъ воспитателя молодого поколѣнія и исправителя нравовъ—въ

разрушителя семьи и религіи, изъ талантливаго фабриканта и вліятельнаго хозяина — въ отрицателя личной собственности и конкуренціи. «Религія, бракъ и собственность, — провозгласилъ онъ въ тридцатыхъ годахъ, — это троица зла, которой люди обязаны своимъ невѣжествомъ, пороками и рабствомъ». Все это, конечно, говорилось въ «извѣстномъ» отношеніи, въ сущности довольно невинномъ смыслѣ; но во всякомъ случаѣ тѣмъ, кто былъ расположенъ пугаться, все это казалось очень страшнымъ: То, что прежде ему казалось хорошимъ средствомъ избавить общество отъ временнаго пауперизма (его проектъ 1819 года о «прямоугольныхъ фермахъ» для пауперовъ, поданный въ комиссію о бѣдныхъ), теперь считалось имъ единственнымъ выходомъ изъ роковыхъ противорѣчій вѣка и путемъ для спасенія страждущаго человѣчества. вмѣсто того, чтобы быть протеею герцога Кента, Бентама, Аллена и тому подобныхъ аристократовъ и знаменитостей, чтобы адресоваться съ широкими планами государственной благотворительности къ парламенту Соединеннаго Королевства или конгрессу Соединенныхъ Штатовъ, онъ находилъ гораздо болѣе цѣлесообразнымъ обращаться съ своей неутомимою проповѣдью прямо къ рабочимъ классамъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ падалъ въ глазахъ первыхъ, онъ выигрывалъ во мнѣніи послѣднихъ, и къ 1839 году успѣлъ собрать вокругъ себя до 100.000 *) послѣдователей, разбросанныхъ въ большей части городовъ Англіи (въ Лондонѣ до 40.000, въ Манчестерѣ до 10.000 и т. д.) подъ именемъ рациональнаго общества (rational society). Вся эта масса людей болѣе или менѣе дѣятельно занималась устнымъ и печатнымъ распространеніемъ идей овенизма и ставила себѣ цѣлью *широкіе коммунистическіе опыты для перевоспитанія человечества*. Въ два года они распространили до 2 милліоновъ памфлетовъ, въ одинъ годъ прочитали 1.450 лекцій, держали около 50 публичныхъ диспутовъ. Самъ Овенъ въ Манчестерѣ и другихъ мѣстахъ часто привлекалъ на свои чтенія по 2½ тысячъ слушателей и увлекалъ своимъ пламеннымъ реформаторскимъ энтузіазмомъ. Другіе миссіонеры овенизма, въ числѣ которыхъ было не мало женщинъ, ежегодно объѣзжали до 350 городовъ Англіи. Во многихъ изъ нихъ, какъ въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Сальфордѣ и друг., овенисты имѣли свои собственные дома для собраній, лекцій и т. н., построенные на деньги своихъ приверженцевъ.

*) Rooth. *Robert Owen: „Founder of socialism in England“*. London, 1869 г. книга XI.

Таковы были наружные результаты дѣятельности Овена въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ. Его идеи, очевидно, проникли въ самую толщу общественнаго организма. Но прежде, чѣмъ достигнуть этого состоянія, они должны были пройти черезъ цѣлый рядъ практическихъ испытаній. Соціалистическая или, какъ ее тогда называли въ Англіи, реформаторская благотворительность въ Нью-Ланоркѣ во второмъ и третьемъ десятилѣтіи этого столѣтія заставила задуматься не только реформаторовъ и недовольныхъ, но и законодателей, королей и императоровъ, и заставила французскую академію вотировать ему благодарность. Малоуспѣшная кооперативная самопомощь въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, какъ въ формѣ потребительныхъ и производительныхъ обществъ, такъ и въ формѣ обмѣнныхъ рынковъ труда, вызвала самодѣятельность наиболѣе выдающихся элементовъ рабочаго класса и заставила ихъ на минуту повѣрить въ возможность помирить въ новой формѣ труда враждебные элементы снизу до верху расколотаго стараго общества. Въ 1828 году въ Соединенномъ Королевствѣ было до 700 такихъ обществъ; въ 1832 году обмѣнные рынки Лондона дѣлали обороты на 40.000 рабочихъ часовъ въ недѣлю.

Наконецъ, совсѣмъ неуспѣшныя попытки коммунальной жизни и труда въ Новой-Гармоніи (въ Соединенныхъ Штатахъ), Гампширѣ и другихъ мѣстахъ приводили людей къ вѣчно вѣрному выводу, что новыя формы требуютъ и новаго содержанія, что современные люди нуждаются въ широкомъ перевоспитаніи прежде, чѣмъ сдѣлаются способными жить такою жизнью, и что имъ необходимо пройти путемъ долгаго опыта. Но въ чемъ долженъ заключаться этотъ опытъ: въ широкой ли жизненной борьбѣ за нужды живаго человѣчества, въ самоусовершенствованіи ли путемъ внутренней дисциплины и обращеніи къ возвышеннымъ предметамъ или, наконецъ, въ накопленіи знаній и интеллектуальномъ развитіи—это оставалось рѣшить будущему. Вопросъ былъ широко поставленъ и открытъ. Сами овенисты пытались рѣшить его при помощи ряда интернаціональных конгрессовъ, широчайшихъ организацій, вродѣ знаменитой А. А. С. А. Н. (т. е. *Association of All Classes and All Nations*) и, наконецъ, въ формѣ своей раціональной религіи. Едва ли кому нужно объяснять, что это рѣшеніе ищется и до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, что же далъ людямъ овенизмъ?—Въ смыслѣ положительныхъ рѣшеній—ничего. Но за нимъ остается одно —

сильное вліяніе на развитіе идей современнаго ему реформаторскаго движенія и окраска послѣдняго въ болѣе или менѣе социалистическій цвѣтъ. Въ извѣстномъ смыслѣ можно смѣло сказать, что идеи чартизма были прямымъ послѣдствіемъ того броженія умовъ въ Англии, которому Овенъ далъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ толчковъ.

Такъ какъ доктрины Овена уже не разъ излагались въ русской литературѣ, то я позволю себѣ коснуться ихъ здѣсь лишь настолько, насколько онѣ стоятъ въ прямой связи съ различными отбѣнками чартизма.

«Пауперизмъ не можетъ быть уничтоженъ, — писалъ Овенъ въ упомянутомъ выше докладѣ воммисіи о бѣдныхъ въ 1819 году, — пока среди массъ народа не распространена широко образованіе, пока люди съ малыхъ лѣтъ не будутъ окружены условіями, направляющими ихъ характеръ къ добру, и пока правительство страны не обезпечитъ народу производительный трудъ. Безъ этихъ трехъ условій всѣ законы о бѣдныхъ не уменьшаютъ, а развиваютъ пауперизмъ... Бѣдность происходитъ, — писалъ онъ дальше, — не отъ недостатка въ капиталахъ или предметахъ потребленія, а отъ недостатка средствъ у производительныхъ классовъ покупать предметы потребленія. А это всецѣло происходитъ отъ рабства рабочихъ классовъ системѣ заработной платы, системѣ найма, которая можетъ быть устранена только введеніемъ прямого обмѣна продуктовъ труда безъ посредства золота» (Отсюда позднѣе его обмѣнные рынки.) Въ основаніи этихъ раннихъ выводовъ, очевидно, лежалъ его нью-ланоркскій опытъ, гдѣ онъ, постепенно улучшая условія труда и жизни рабочихъ, увеличивая заработную плату, устроивши различныя школы, воспитательный домъ для малолѣтнихъ, организовавши чтенія, концерты, балы и т. п., общественныя вухни, столовыя, — устранивши изъ употребленія спиртъ и въ значительной степени подчинивши людей своему личному вліянію, добился того, что рядомъ съ процвѣтаніемъ его фабрики существовало довольство рабочихъ, пороки почти исчезли, нужда перестала колоть глаза и, какъ онъ самъ любилъ выражаться, «характеры, вкусы и привычки начали уравниваться».

Что все это было достигнуто не путемъ свободной самодѣтельности самихъ рабочихъ, а его благодѣтельной опекой, и не въ такой идеальной степени, какъ бы ему самому хотѣлось, доказывается уже тѣмъ, что онъ самъ не могъ довольствоваться

своимъ успѣхомъ и сталъ искать условій для болѣе широкихъ опытовъ на почвѣ государства и комиссія о бѣдныхъ, а потомъ на почвѣ международныхъ конгрессовъ и организацій.

«Человѣкъ отъ природы ни золъ, ни добръ, — говорилъ позднѣе Овенъ, — и весь его характеръ зависитъ отъ условій, въ которыхъ онъ воспитывается». Отсюда выводъ, что, во-первыхъ, соответственнымъ воспитаніемъ съ молодымъ поколѣніемъ можно сдѣлать все, — стоить дать воспитанію въ жизни настоящее мѣсто, — характеръ же взрослыхъ при его помощи можетъ быть радикально измѣненъ; во-вторыхъ, что никто не отвѣтственъ за свои поступки; и въ-третьихъ, что эта отвѣтственность должна падать на общество, т. е. воспитателей, правительство и учрежденія.

Кто знаетъ старую англійскую систему воспитанія съ вѣчнымъ «ломаньемъ» и насилуваньемъ дѣтей, тотъ пойметъ, почему Овену отводить почетное мѣсто въ ряду новаторовъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ дѣйствительно основалъ его на совершенно противоположномъ приѣмѣ — мягкости, внутреннемъ интересѣ и уваженіи личности въ ребенкѣ.

Относительно невмѣняемости опять-таки нужно знать, какую важную роль въ складѣ англійской жизни играетъ даже до сихъ поръ доктрина отвѣтственности и наказанія, чтобы понять, насколько жизненна и революціонна для своего времени была идея Овена о невмѣняемости.

Что же касается до вліянія общества на человѣка, то Овенъ, во-первыхъ, выставлялъ положеніе, что *конкуренція*, какъ стимулъ, сама плодитъ многіе пороки, съуживаетъ чувства людей и должна быть замѣнена принципомъ *ассоціаціи*; а во-вторыхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ личная инициатива и естественное «равенство вкусовъ, привычекъ и мѣтній» *) оназывались неспособными примирить людей въ достиженіи общихъ цѣлей, онъ считалъ необходимымъ ихъ «уравненіе» по инициативѣ правительства, причемъ не разъ высказывался, что деспотическое правительство, понимающее нужды народа, часто бываетъ полезнѣе для перевоспитанія людей, чѣмъ самое либеральное, а потому самъ отрывался отъ всякаго участія въ текущей политической жизни страны. Ловеттъ

*) Овенъ полагалъ, что при нормальныхъ условіяхъ люди непремѣнно должны жить на всѣ вещи одинаковымъ образомъ, и цитировалъ это убѣжденіе.

рассказываетъ одинъ фактъ, гдѣ Овенъ самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушилъ постановленіе огромнаго собранія своихъ приверженцевъ, распорядившись въ типографіи напечатать въ общей газетѣ то, чего они не хотѣли печатать, и отвѣчалъ на ихъ формальный протестъ тѣмъ, что когда близорукіе люди не понимаютъ достаточно широко своихъ интересовъ, онъ считаетъ себя въ правѣ поступать деспотически.

Ко всему сказанному остается прибавить, что Овенъ въ теченіе своей длинной жизни истратилъ на всѣ свои предпріятія до 140.000 фунтовъ (1.400.000 руб.), что покупка земли для одной Новой-Гармоніи, въ Индіанѣ, стоила ему 140.000 далларовъ, что кромѣ того масса подобныхъ же предпріятій его послѣдователей погибала, едва увидавши свои первые дни, за недостаткомъ земли и средствъ для начальнаго обзаведенія, и, наконецъ, что все кооперативное движеніе приводило людей къ неизбѣжному выводу о невозможности ни широко развить его, ни конкурировать съ крупнымъ капиталомъ, не имѣя въ рукахъ политическаго вліянія. Стоитъ, говорю, принять все это во вниманіе, чтобы понять, что идея государственнаго кредита и государственнаго социализма Луи Блана съ одной стороны, а Наполеона III и Бисмарка съ другой—вовсе не были такъ чужды времени Овена и чартизма, какъ это часто думаютъ. Узаконеніе *народной хартіи* и основаніе *народнаго государства* и *законодательства* являлось такимъ образомъ прямымъ средствомъ для осуществленія многихъ тогдашнихъ *ria desideria*, начиная скромными желаніями ограничить рабочій день десятью часами и кончая обольстительными грѣзами натуръ болѣе мечтательныхъ, чѣмъ самъ Робертъ Овенъ.

Съ другой стороны, нельзя не видѣть, что на практикѣ нравственное перерожденіе людей, поставленное на почву самообразованія, воспитанія и уничтоженія пороковъ, плохо мирится съ требованіями политической борьбы изъ-за обладанія властью тѣмъ или другимъ классомъ. Самъ Робертъ Овенъ служитъ тому живымъ доказательствомъ,—онъ самымъ усерднымъ образомъ проповѣдывалъ политическій индифферентизмъ. Политическій расчетъ всегда требуетъ извѣстнаго эффекта на умы, всегда нѣсколько отзывается интригой, актерствомъ и, наконецъ, часто неизбѣжно ведетъ къ вмѣшательству физической силы. Все это никакъ не укладывается въ рамки «возвышенія и просвѣщенія рабочихъ классовъ или созданія новаго общественнаго мнѣнія», на ко-

торыхъ обыкновенно, а въ 1842 году въ особенности, опирались люди «нравственной силы».

Что касается до проповѣди воздержанія, то Овенъ практиковалъ ее, какъ одно изъ необходимыхъ условій для самаго начала своихъ предприятий.

Наконецъ и тотъ деистическій элементъ въ чартизмѣ, который въ 1842 году началъ требовать себѣ самостоятельнаго существованія, также имѣлъ свой прецедентъ въ овенизмѣ. Дѣло въ томъ, что, исходя изъ своей доктрины о невѣроятности, Овенъ и его послѣдователи въ тридцатыхъ годахъ настолько увлеклись полемикой съ христіанскимъ ученіемъ объ отвѣтственности за поступки, что начали отрицать и другіе его догматы, прослыли за безбожниковъ и мало-по-малу, сами того не замѣчая, превратились въ секту поклонниковъ «неизвѣстной причины» и скоро сдѣлались извѣстны подъ именемъ «раціональныхъ религіонистовъ». Каждое воскресенье они собирались въ своихъ залахъ пѣть гимны въ честь разума, неизвѣстной причины, любви и т. п. и читать извлеченіе изъ сочиненій Овена, а особенно его «New Moral World» (новый нравственный міръ). Ожесточеніе противъ нихъ въ обществѣ доходило до того, что рабочіе лишались мѣста за имѣніе у себя «New Moral World'a»; овенистамъ часто не давали мѣста на англиканскихъ кладбищахъ, отказывали въ присягѣ на судахъ и держали въ тюрьмахъ. Наконецъ, епископъ экшерскій внесъ въ 1840 году въ палату общинъ предложеніе формально преслѣдовать ихъ, на что, впрочемъ, получилъ отказъ.

Все это не могло не оставить слѣда въ настроеніи недовольныхъ элементовъ и до извѣстной степени стоитъ въ прямой связи съ религіознымъ чартизмомъ Стефенса, Флетчера, О'Нейля, Міалла и другихъ, имѣвшихъ свои церкви и паству, каждое воскресенье говорившихъ религіозныя проповѣди, ѣздившихъ по странѣ, издававшихъ газеты, статьи, памфлеты и т. д.

Кромѣ того въ это же время въ Англии существовало нѣсколько чисто моралистическихъ коммунъ, какъ *конкордіумъ* около Ричмонда, основанная мистикомъ Гаплиномъ, *коммунистическая церковь*, устроенная пантеистомъ Бармби, *чартисты-соціалисты* или *образцовые республиканцы*, откладывавшіе осуществленіе своихъ республиканскихъ задачъ до полученія народомъ политическихъ правъ, и многія другія, описаніе которыхъ можно найти въ книгѣ Томаса Фроста — «Forty years recollections».

Такимъ образомъ, если нельзя утверждать, что овеанизмъ породилъ собою всё разнообразныя теченія мысли сороковыхъ годовъ въ Англии, то во всякомъ случаѣ не будетъ ошибкой сказать, что онъ, какъ доктрина, соединялъ ихъ въ себѣ и мирилъ въ виду одной широкой цѣли—*перевоспитанія человечества*. За такой же взглядъ говорить и тотъ фактъ, что въ рядахъ чартизма было не мало людей, особенно среди партіи «нравственной силы», которые прямо прошли черезъ школу ученичества Овена и принимали участіе въ его кооперативныхъ и коммунистическихъ предпріятіяхъ, но потомъ почему-либо разошлись съ нимъ и пристали къ чартизму.

Такова была одна сторона идейной подкладки чартизма. Другую сторону ея составляла реформа 1832 года, которая неудовлетворяла народъ даже съ чисто политической точки зрѣнія и побуждала искать болѣе радикальнаго разрѣшенія вопроса, такъ что чартизмъ сороковыхъ годовъ съ идейной стороны можно считать и совпадениемъ, и дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ двухъ теченій—утопическаго и политически-практическаго тридцатыхъ годовъ. Тогда они составляли два совершенно отдѣльныя движенія, шедшія своими дорогами, въ разсматриваемое же нами время они переплелись и слились въ одинъ потокъ, часто чувствуя, что они чужды другъ другу, но и не рѣшаясь, не желая избрать себѣ отдѣльныя русла. Отсюда—ихъ вражда, недоразумѣнія и взаимныя обвиненія.

Въ теченіе 1841 и весной 1842 года въ нѣкоемъ журналѣ *Nonconformist*, издаваемомъ преподобнымъ Милломъ, начали появляться статьи, призывавшія чартистовъ къ союзу съ радикалами изъ средняго класса. Формой этого компромисса предлагалась агитація и борьба не за «всеобщее» право голоса, а за «полное» право голоса; для веденія же такой агитаціи предлагалось основать лигу, которую самъ Миллъ характеризовалъ такимъ образомъ:

1. Ея цѣль должна состоять въ распространеніи права голоса на всякаго, «платящаго налога».

2. Средства. Честная и мирная попытка оказать справедливость непредставленнымъ классамъ, распространивши на нихъ въ должной пропорціи политическія права; должна находиться подъ возможно строгимъ контролемъ людей извѣстныхъ своею преданностью миру и доказавшихъ прошлою жизнью свою ненависть къ несправедливости, твердость въ принципахъ и заинтересованность

въ успѣхѣ. Чѣмъ болѣе дѣло будетъ становиться популярнымъ, тѣмъ старательнѣй должны будутъ устраняться спекулирующіе политиканы. Развитые работники должны быть включены въ «либеральной пропорціи» въ комитеты управленія. Здравый смыслъ, сознательная преданность дѣлу, дѣловыя привычки и по возможности скромныя религіозныя убѣжденія составляютъ самыя важныя качества членовъ дѣятельныхъ комитетовъ.

3. Движеніе должно быть чисто избирательное: каждый имѣющій голосъ долженъ быть снабженъ свѣдѣніями, аргументами и доведенъ до убѣжденій въ правильности задачи. Возраженія должны быть обсуждены въ комитетѣ и спокойно опровергнуты. Пусть помнятъ, что полное избирательное право должно быть введено палатой общинъ, выбранной по-старому.

Самъ Міалль принадлежалъ къ только-что описаннымъ христіанскимъ чартистамъ и стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ парламентскимъ радикаламъ, изъ которыхъ къ нему скоро пристали Броуфордъ, Спенсеръ, Перри и др. Извѣстный филантропъ Джозефъ Сторджъ въ это же время разошелся съ «лигой противъ хлѣбныхъ законовъ», объявилъ себя за право всякаго человѣка быть представленнымъ и сталъ во главѣ проектированной Міалломъ лиги. Онъ составилъ меморіаль королевѣ въ этомъ духѣ, въ которомъ требовалось, чтобы назначались только такіе министры, которые согласились бы сдѣлать этотъ вопросъ министерскимъ. Документъ этотъ предлагалось подписывать всякому желающему и согласному со взглядами лиги, такъ что меморіаль Сторджа скоро сдѣлался новою хартіей. Особенно много послѣдователей онъ имѣлъ въ западной Англіи. Между прочими, подъ нимъ подписались Ловеттъ, Винцентъ, Филъ, членъ комитета чартистской ассоціаціи, и другіе (послѣдній за это былъ забаллотированъ при слѣдующихъ выборахъ комитета по настоянію О'Боннора).

5-го апрѣля въ Бирмингемѣ собралась такъ-называемая Сторджевская конференція. Изъ числа 84 делегатовъ изъ Лондона пріѣхали Ловеттъ, Перри, Низомъ и другіе люди «нравственной силы», а также и Бронтерръ О'Брайенъ, всегда стоявшій на сторонѣ политическаго чартизма. Благодаря ихъ соединеннымъ усиліямъ, конференція приняла всѣ шесть пунктовъ народной хартіи. Что же касается до самаго документа «хартіи», то люди средняго класса, которыхъ тамъ было большинство, отказались принять его за основаніе новой организаціи, такъ какъ, будто бы, самое слово «хартія» имѣетъ за собой такую традицію, которая пугаетъ мирныхъ лю-

дей. По поводу этого разногласія было рѣшено, что въ декабрѣ 1842 года соберется другая, болѣе популярная и болѣе правильно выбранная, конференція, которая и рѣшитъ детали. Достоинно замѣчанія, что на этой конференціи въ первый разъ появился молодой, дѣятельный и богатый квакеръ съ сѣвера—Джонъ Брайтъ.

Такимъ образомъ основался національный союзъ «полнаго» права голоса (*national complet suffrage union*). Онъ скоро повелъ дѣятельную агитацію и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ; Кроуфордъ два раза вносилъ въ парламентъ шесть пунктовъ хартіи, конечно, безъ всякаго результата; по странѣ читались лекціи, происходили собранія, издавались брошюры; во многихъ мѣстахъ были организованы отдѣленія союза, вербовавшія новыхъ членовъ среди рабочихъ. Однако-жь большая часть послѣднихъ не записывалась и ждала исхода второй конференціи. О'Конноръ въ *Northern Star* самымъ рѣзкимъ образомъ нападалъ на «полное» избирательное право и билъ тревогу, и люди нравственной силы снова обвиняли его за это въ низменныхъ мотивахъ и ревности. Изъ приведеннаго отрывка статьи Міалла легко понять, къ чему сводилось это «полное избирательное право»: оно размѣнивало народную хартію на самую жалкую парламентскую реформу, — ту самую хартію, которая столько дѣтъ сулила народу новую эру въ его тяжелой жизни, за которую онъ столько боролся, страдалъ и потерялъ столько друзей. И дѣйствительно, рабочимъ классамъ нужно было улучшение ихъ положенія, освобожденіе отъ вѣчной и безконечной нужды, невѣжества, безправія и т. п. Они избрали всеобщую подачу голосовъ средствомъ получить все это. Средство оказалось непригоднымъ, безсильнымъ—и, вотъ, имъ совѣтуютъ вмѣсто отыскиванья другаго, болѣе дѣйствительнаго, средства обратиться къ самому парламенту привилегированныхъ классовъ, чтобъ онъ отказался отъ своихъ привилегій и самъ низложилъ себя. Пораженіе было неизбѣжно,—до того неизбѣжно, что даже въ случаѣ временнаго успѣха долженъ бы былъ народиться новый слой «средняго класса «народныхъ представителей», а народъ все-таки остался бы въ своемъ прежнемъ, подавленномъ и полуголодномъ, состояніи. Полемика О'Коннора, по обыкновенію, скоро превратилась въ личные нападки на О'Брайена, который, по его мнѣнію, вмѣстѣ съ Ловеттомъ предалъ дѣло чартизма среднему классу.

Прежде чѣмъ успѣла состояться вторая конференція полнаго избирательнаго права, чартизмъ пережилъ очень важный кризисъ, о которомъ рѣчь впереди; мы же теперь сдѣлаемъ скачокъ и по-

кончимъ съ ней тотчасъ же. Для того, чтобы собрать дѣйствительно боѣе полную конференцію, заранѣе были выработаны правила выборовъ. Малые города имѣли право послать двухъ представителей, большіе—четырехъ, а столицы—по шести. При этомъ половина должна была избираться народомъ на публичныхъ собраніяхъ, а другая—одними избирателями. Прежде чѣмъ выборы успѣли начаться, О'Конноръ объявилъ, что чартисты постараются быть на конференціи въ большинствѣ. Такъ и вышло. Куперъ подробно рисуетъ картину, этихъ выборовъ, какъ «респектабельные» избиратели особо собираются выбирать своихъ двухъ делегатовъ въ Лейчестерѣ и какъ плебеи врываются въ это собраніе и требуютъ предоставленія имъ права участвовать въ выборахъ. «Респектабельные» избиратели оскорблены и удаляются, а плебеи выбираютъ всѣхъ четырехъ делегатовъ. То же самое повторялось и въ другихъ городахъ. Антагонизмъ между двумя фракціями росъ съ необычайною быстротой, такъ что когда, наконецъ, конференція собралась, чартисты всеобщаго права оказались дѣйствительно въ большинствѣ и на соглашеніе разсчитывать было невозможно.

Это случилось 27 декабря 1842 года въ Бирмингемѣ; на конференцію собрались 374 делегата; предсѣдателемъ былъ избранъ Сторджъ. Скоро оказалось, что парламентскіе радикалы и представители средняго класса уже выработали новый проектъ закона подъ именемъ «новаго билля правъ», которымъ они и предполагали замѣнить ненавистную имъ «народную хартію». Представители рабочихъ объ этомъ ничего не знали и слышали о биллѣ правъ въ первый разъ. Ихъ это тѣмъ боѣе оскорбило, что на первой конференціи было рѣшено, что ни одна изъ сторонъ безъ согласія другой не будетъ ничего предпринимать. Ловеттъ первый возсталъ противъ этой безцеремонной замѣны и потребовалъ, чтобы народная хартія была принята за основаніе. Чартисты всеобщей подачи голосовъ никакъ не ожидали такого поступка съ его стороны и были сильно тронуты, такъ что даже на минуту повѣрили въ возможность примиренія съ партіей «нравственной силы». Но напрасно. Соглашеніе съ среднимъ классомъ при двухъ основныхъ документахъ дѣлалось совершенно невозможнымъ: баллотировка дала большинство 193 голосовъ за хартію и только 44—за билль правъ. Послѣдніе, т. е. представители средняго класса, вмѣстѣ со Сторджемъ, Винцентомъ и другими, рѣшили держать свою конференцію особо и удалились. Ловеттъ, Солли и еще нѣ-

которые изъ людей «нравственной силы» хотя и не пошли съ ними, но не хотѣли мириться и съ чартистами «физической силы», и тоже удалились. Тѣмъ и окончилась эта примирительная попытка.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1842 года исполнительный комитетъ чартистской ассоціаціи рѣшилъ подать новую петицію въ парламентъ объ узаконеніи 6 пунктовъ хартии, къ которымъ на этотъ разъ былъ прибавленъ 7-ой—объ отмѣнѣ слиянія съ Ирландіей. Противъ этого послѣдняго возстали шотландскіе чартисты; тѣмъ не менѣе онъ былъ утвержденъ. Подписка петиціи шла усиленною, чѣмъ можно было ожидать, такъ что къ 12-му апрѣля было собрано 3.300.000 подписей. Ассоціація выбрала комиссію изъ 25 человекъ для подачи ея; въ числѣ ихъ оказалось всего 6 лицъ, участвовавшихъ въ прежнихъ конвентахъ, какъ О'Конноръ, О'Брайенъ, Лоури, Уайтъ и др., остальные же всѣ—новые люди, пришедшіе на смѣну уставшихъ и погибшихъ. 2-го мая 1842 г. петиція была торжественно привезена въ парламентъ съ процессіей по главнымъ улицамъ Лондона, причемъ полиція старательно расчищала ей дорогу и останавливала ѣзду, чтобъ избѣжать какихъ бы то ни было замѣшательствъ. Въ палату общинъ документъ съ 3.300.000 подписей былъ внесенъ 16 человекъ. Адвокатомъ чартистовъ на этотъ разъ взялся быть Данкомбъ. Онъ предложилъ парламенту дать просителямъ право самимъ защищать передъ нимъ свое ходатайство, на что конечно посыпались возраженія.

Главнымъ ораторомъ противъ явился маститый историкъ Маколей. Онъ назвалъ претензію о всеобщемъ правѣ голоса равносильной посягательству на собственность богатыхъ и приписывалъ рабочимъ классамъ такія лестныя качества, какія навѣрно не снились ихъ худшимъ врагамъ. За предложеніе Данкомба высказались 56 голосовъ, а противъ него—203. Авторъ его объявилъ, что послѣ такого пріема онъ въ другой разъ уже не рискнетъ представлять народныя петиціи.

Геммэджъ *) по этому поводу говоритъ: «Палата была слишкомъ труслива и индифферентна къ условіямъ жизни народа, чтобы согласиться стать лицомъ къ лицу съ представителями страдающихъ бѣдняковъ и выслушать рассказъ объ ихъ нуждахъ отъ тѣхъ, кто ихъ дѣйствительно близко знаетъ».

*) „History of the chartist movement“. R. G. Hammage.

Еще раз затаяли свою горечь и оскорбленіе непризнанные представители трехъ милліоновъ безправныхъ массъ и понесли имъ безцеремонный отказъ отъ учрежденія, очевидно назначеннаго составлять исключительную привилегію господствующихъ классовъ.

Въ числѣ новыхъ людей этого времени было нѣсколько талантливыхъ ораторовъ, какъ Вил. Джонсъ, Дж. Мэсонъ, или энтузіастовъ, какъ Бейстроу, или наконецъ скромныхъ дѣльцовъ, какъ Дж. Личъ, Дж. Кэмпбелль—секретарь исполнительнаго комитета ассоціаціи; но не было ни одной очень крупной личности, какихъ выдвинуло первое движеніе 1838 и 1839 годовъ. Не вызвалъ ихъ къ жизни и еще одинъ фактъ этого времени, глубоко тронувшей всякое искренно преданное дѣлу народа сердце.

Въ тюрьмахъ Шеффилда и Йорка умерли отъ непосильной муки два молодые чартиста—Гольбери и Клантонъ. Первый много разъ жаловался на невыносимыя условія заключенія и пищу въ Шеффилдѣ, но безуспѣшно. Затѣмъ онъ началъ болѣть, но и тутъ не встрѣтилъ къ себѣ ни малѣйшаго снисхожденія. Тогда его дѣло какимъ-то образомъ вышло наружу и его велѣно было перевести въ Йоркъ; но было уже поздно,—черезъ нѣсколько дней онъ умеръ. Похороны этихъ обоихъ чартистовъ сопровождались многочисленными демонстраціями и надѣлали много шума, но не оживили движенія.

Приближался августъ мѣсяць. Положеніе промышленныхъ дѣлъ въ странѣ все ухудшалось и ухудшалось: въ теченіе іюля мѣсяца въ мануфактурныхъ округахъ нѣсколько крупныхъ фирмъ, владѣльцы которыхъ принимали дѣятельное участіе въ лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, въ нѣсколько пріемовъ до невозможности сбавили заработную плату и наконецъ въ началѣ августа совершенно закрыли свои фабрики. Тысячи рабочихъ остались безъ хлѣба и крова. Въ Стокпортѣ, наприм., уже въ маѣ мѣсяцѣ, по отчету мера города, изъ 15.823 рабочихъ полную работу имѣли только 1.204 чел., 2.866 работали иногда $\frac{1}{4}$, иногда $\frac{1}{2}$ дня, 4.148 были безъ работы, хотя могли ее исполнять, и наконецъ остальные 7.605 отъ истощенія даже не были способны къ этому. Средній заработокъ этихъ 15.823 въ недѣлю былъ 1 шилл. 4 $\frac{3}{4}$ пенса (около 70 коп.), а заработокъ нанимавшихся на цѣлый день—7 шилл. 6 $\frac{1}{4}$ пенса.

Въ Ливерпулѣ специальная коммиссія посѣтила 4.814 семействъ и нашла, что полную работу изъ нихъ имѣли только

1.490, неполную—1.587, а остальные 1.737 семействъ не имѣли никакой *)).

Когда такимъ образомъ въ началѣ августа фабрики усиленно стали закрываться, рабочіе убѣждали хозяевъ не дѣлать этого, но получали отвѣты вродѣ слѣдующаго: «Пойдите лучше поиграйте теперъ нѣсколько дней!»

Въ Аштонѣ, Сталейбриджѣ, Гайдѣ и другихъ мѣстахъ, получивши такіе отвѣты, рабочіе прямо съ фабрикъ отправились на извѣстное поле Мотрамъ-Муръ, гдѣ и совѣщались въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ о томъ, что дѣлать. Наконецъ, было рѣшено объявить всеобщую стачку и продолжать ее до тѣхъ поръ, пока народная хартія не сдѣлается закономъ страны. 8-го августа тамъ же, въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, было рѣшено отправиться по сосѣднимъ фабричнымъ городамъ и «turn the hands out», то-есть остановить работу и звать рабочихъ присоединяться къ стачкѣ. Такъ и сдѣлано: 9-го августа до 5.000 стачниковъ ткачей и другихъ ремесленниковъ пошли въ обходъ черезъ города Сталейбриджъ, Дентонъ, Гайдъ, Аштонъ и другіе со знаменемъ, на которомъ было написано:

«Люди Сталейбриджа готовы на все!»

«Лучше умирать отъ меча, чѣмъ отъ голода!» (текстъ Св. Пис.).

Они вездѣ провозглашали стачки и приглашали товарищей «turn out». По дорогѣ толпа отъ времени до времени останавливалась и слушала рѣчи своихъ ораторовъ, большая часть которыхъ рекомендовала стачку, пока хартія не сдѣлается закономъ; но были и такіе, которые настаивали на стачкѣ для повышения заработной платы. Все это, конечно, дѣлалось на голодный желудокъ и не обѣщало хлѣбникамъ и другимъ лавочникамъ ничего хорошаго.

Наконецъ, было рѣшено идти на Манчестеръ—«справиться, какъ стоятъ дѣла на биржѣ». Сказано—сдѣлано. И вотъ нѣсколько тысячъ челоувѣкъ съ палками въ рукахъ идутъ въ городъ труда объявлять тотъ самый священный мѣсяцъ, о которомъ было столько разговоровъ въ 1839 г. При входѣ въ городъ ихъ встрѣтило войско съ главнымъ мировымъ судьей во главѣ, который потребовалъ, чтобъ они разошлись. Стачники дали обѣщаніе, что не будутъ нарушать порядка, и были пропущены

*) *Northern Star* 1842 г.

черезъ мостъ. Затѣмъ толпа раздѣлилась на меньшія кучки и разсыпалась по фабрикамъ провозглашать «turn out». Тамъ, гдѣ не соглашались, выбивались краны (plug) изъ паровиковъ, заливался такимъ образомъ огонь и работа дѣлалась невозможной. Обыкновенно дѣло было такъ: подходит толпа къ фабрикѣ и требуетъ, чтобъ ее впустили во дворъ. Въ случаѣ согласія хозяина, они входили, уговаривали рабочихъ бросить работу и вмѣстѣ съ ними продолжали путь дальше. Въ случаѣ же отказа, ломали ворота и окна, если могли, расправлялись съ хозяиномъ и, наконецъ, выбивали кранъ, а рабочихъ выгоняли или уводили съ собой. Такъ было на фабрикахъ Бирлей въ Манчестерѣ, Бредшау — въ Болтонѣ и другихъ мѣстахъ. Бредшау такъ избили, что онъ скоро умеръ. По дорогѣ съ фабрики на фабрику заходили въ лавки и требовали хлѣба.

Такимъ образомъ въ теченіе трехъ дней Манчестеръ былъ въ полномъ распоряженіи стачниковъ и ни изъ одной трубы не показывалось дыма. Что же дѣлали власти? — спросить читатель. Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ найдетъ далѣе, теперь же достаточно будетъ сказать, что и въ Манчестерѣ, и въ Болтонѣ, и въ другихъ мѣстахъ въ распоряженіи меровъ, мировыхъ судей и другихъ мѣстныхъ властей войска было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы сразу же остановить это волненіе.

Вскорѣ по вступленіи стачниковъ въ Манчестеръ былъ собранъ митингъ на Гроуби-Роу, гдѣ рѣзко обозначились два направления, управлявшія этимъ движеніемъ. Представителемъ перваго на митингѣ былъ нѣкій Чаллендеръ, дѣятельный членъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, а другаго — чартистъ Диксонъ. Первый убѣждалъ толпу, что она пришла въ Манчестеръ не за тѣмъ, чтобы разорять собственность и производить безпорядки, а за содѣйствіемъ манчестерскихъ работниковъ. Ихъ дѣло — стачка и больше ничего. Второй же утверждалъ, что «turn out» полезно не кому иному какъ «партіи свободы торговли», потому что оказываетъ давленіе на парламентъ и земледѣльческіе округа и заставляетъ аристократическое правительство отмѣнить хлѣбные законы. Онъ самъ знаетъ людей, которые нарочно понижаютъ заработную плату, чтобы вызвать волненія. Но рабочіе не должны быть орудіемъ въ рукахъ какой бы то ни было политической партіи, а бороться только за свое дѣло.

12 августа въ Манчестерѣ, въ церкви, собралась конференція чартистскихъ делегатовъ, въ числѣ 358. Большинство ихъ вы-

сказалось за продолженіе стачки, пока хартія не сдѣлается закономъ, причемъ многіе ожидали, что стачка неизбежно приведетъ къ возстанію. Изъ остальныхъ же большая часть была за стачку для повышенія заработной платы. А 6 человекъ, съ Гарнеемъ и Хилломъ, издателемъ *Northern Star*, во главѣ, были совсѣмъ противъ стачки, такъ какъ «она вызвана самими фабрикантами и играетъ имъ въ руку». Гарней, какъ и всегда, настаивалъ на прямомъ и открытомъ возстаніи. Конвентъ издалъ адресъ, составленный Макъ-Дуэломъ и заключавшій въ себѣ обращеніе къ богу войны; онъ былъ подписанъ всѣми членами исполнительнаго комитета чартистской ассоціаціи.

15 августа полиція разогнала конференцію и начала насильственныя дѣйствія противъ стачниковъ. Первая встрѣча съ толпой произошла въ Льюнъ-стрити. Полиція требовала разойтись, но толпа отвѣчала камнями; мировой судья началъ было читать актъ о мятежѣ, но бумага была вышибена у него изъ рукъ камнемъ. Женщины подносили камни въ фартукахъ, а мужчины кидали ихъ. Войско сдѣлало залпъ и убило 4-хъ человекъ, но толпа продолжала стоять какъ бы въ оцѣпенѣніи. Однако скоро были сдѣланы уступки съ той и другой стороны и толпа разошлась. Движеніе распространилось далеко за предѣлы города: на 50 миль вокругъ не было ни одного мѣстечка, гдѣ бы рабочіе не волновались и не держали въ страхѣ все состоятельное и богатое населеніе. Въ этотъ же день полиція арестовала членовъ комитета: Личъ былъ взятъ въ своемъ домѣ въ Манчестерѣ, а Кэмпбелль — въ Лондонѣ; Бейрстоу отправился съ Куперомъ въ Лейчестеръ и арестованъ тамъ позднеѣ, также какъ и самъ Куперъ; Макъ-Дуэлль послѣ длиннаго ряда приключеній предпочелъ бѣжать во Францію, гдѣ и оставался два года.

Впрочемъ волновались далеко не одни мануфактурныя округа. Въ Стафордширѣ, въ такъ-называемыхъ гончарняхъ, расположенныхъ на югъ отъ Ланкашира (т.-е. мануфактурнаго округа), дѣла приняли даже болѣе серьезный характеръ, чѣмъ въ самомъ Манчестерѣ. Углекопное населеніе Генлей, Лонгтона, Фептона, Стафорда и другихъ мѣстъ было доведено до послѣдняго истощенія и возбужденія; манчестерскія событія лишь подлили масла въ огонь. Героемъ дня случайно оказался Томасъ Куперъ, случившійся тамъ проездомъ на конференцію въ Манчестеръ, причемъ по пути онъ читалъ лекціи и говорилъ рѣчи. До гончарень онъ добрался какъ разъ къ 14-му августа. Въ

этотъ день онъ сказалъ въ Лонгей передъ громаднымъ митингомъ длинную рѣчь на тему «не убій» и доказывалъ, что всѣ партіи въ теченіе всей исторіи нарушали эту заповѣдь; что она нарушается и теперь всѣми тѣми, кто поддерживаетъ хлѣбные законы, законы объ охотѣ, поземельной монополіи,—тѣми, кто понижаетъ заработную плату углекопамъ, чулочникамъ, гвоздильщикамъ, которые не въ состояніи содержать своихъ семействъ и принуждены рисковать своей жизнью для хозяевъ и т.д. Толпа слушала его съ восторгомъ, такъ что талантливому оратору пришлось закончить свою рѣчь совѣтомъ не отвѣчать местию на все это и самимъ не нарушать заповѣди.

Въ это время получилось извѣстіе о манчестерскомъ рѣшеніи. Куперъ по этому поводу увѣрялъ народъ, что если онъ выполнитъ это постановленіе до конца, никакое правительство не устоитъ противъ него, также какъ никакая кара закона не коснется его, если онъ сохранитъ «миръ, законъ и порядокъ».

Вечеромъ того же дня рабочіе захватили оружіе милиціи и пошли по окрестнымъ мѣстечкамъ. Куперъ, очевидно, испугался того, что отчасти самъ вызвалъ, и началъ говорить рѣчи въ такомъ духѣ: «Друзья, если вы дѣйствительно намѣрены разрушать собственность, какъ про васъ говорятъ, то вы—не друзья, а враги свободы,—вы губите хартію. «Миръ, законъ и порядокъ!» Это говорилъ тотъ самый человекъ, который въ ту же ночь пѣшкомъ бѣжалъ изъ этой мѣстности въ Манчестеръ и тамъ на конференціи одинъ изъ первыхъ подалъ голосъ за стачку, «потому что она ведетъ прямо къ возстанію».

По дорогѣ онъ случайно наткнулся въ одномъ городкѣ на двухъ ночныхъ констаблей; они арестовали его и представили мировому судѣ, котораго подняли съ постели. Хотя тотъ и убѣдился, что передъ нимъ былъ чартистскій агитаторъ, но за немѣніемъ уликъ долженъ былъ его отпустить. Эти два констабля оказались двумя самыми крупными фабрикантами околodka, добровольно взявшими на себя обязанность полицейскихъ, чтобы дѣлать ночи, подъ дождемъ, охранять свою собственность. Судья же оказался тѣмъ самымъ Паркеромъ, у котораго въ эту же ночь въ Генлей сожгли домъ.

Въ то время, когда Куперъ бѣжалъ въ Манчестеръ, въ гончарняхъ дѣла приняли дѣйствительно серьезный оборотъ. Въ Лонгтонѣ сожгли дома судьи Роза и ректора Вейла, а все имущество и мебель переломали и разбросали по улицамъ. Въ Ген-

лей та же участь постигла дона Паркера, священника Аткинса и Форрестера, агента лорда Гренвилля. Въ теченіе слѣдующихъ дней огромныя толпы въ нѣсколько миль длиной ходили изъ города въ городъ и наводили ужасъ на уцѣлѣвшихъ собственниковъ.

Съ 28-го августа до 11-го октября въ стафордской тюрьмѣ сидѣло за волненія въ гончарняхъ до 800 человекъ.

Въ самомъ Стафордѣ углекопы-стачники тоже навели не мало страха на мирныхъ обывателей, избравши одну изъ городскихъ площадей мѣстомъ своихъ собраній. Меръ города скоро озаботился усмиреніемъ ихъ; онъ явился во главѣ отряда войска и полиціи, прочелъ актъ о мятежѣ и выгналъ стачниковъ за городъ; а когда они попробовали возвратиться, ихъ встрѣтили залпами и били на улицахъ прикладами.

Въ Шеффилдѣ по поводу манчестерскаго постановленія углекопы тоже было заволновались, собрали митингъ въ 10.000 человекъ, но явились войска и разогнали ихъ.

То же самое повторилось въ Вокфилдѣ, Ноттингамѣ, Бринингамѣ и другихъ мѣстахъ. Этимъ собственно и закончился знаменитый «plug plot». Дальше начались безконечныя судебныя процессы, ссылки и сидѣнья въ тюрьмахъ.

Купера судили за «участіе въ поджогахъ и за возбужденіе словами». По первому обвиненію онъ былъ оправданъ, а по второму приговоренъ къ двумъ годамъ тюрьмы. На судѣ онъ допрашивалъ свидѣтелей въ теченіе нѣсколькихъ дней, говорилъ одну рѣчь 10 часовъ, а другую 8 часовъ, за что судьи его буквально возненавидѣли. Онъ въ тюрьмѣ написалъ «Purgatory of suicides» (Чистилище самоубійцъ) — поэму, заслужившую себѣ довольно громкую извѣстность въ литературѣ.

Точно по такому же обвиненію Эллисъ, въ дѣйствительности гораздо менѣ виновный, былъ приговоренъ къ ссылке за океанъ на 20 лѣтъ. Особенно характеренъ судъ надъ В. Джонсомъ. «Я всегда говорилъ о мирѣ и порядкѣ, — защищался онъ. — Я называлъ тираническимъ лишь правительство». — Судья: «Это-то вотъ и значитъ, что вы поступали совершенно противузаконно». — Джонсъ: «Но это мое убѣжденіе». — Судья: «Вы можете имѣть какія вамъ угодно убѣжденія, но не имѣете права высказывать народу, что правительство его тираническое». Его осудили на 6 мѣсяцевъ тюрьмы. Въ то же самое время О'Нейлъ былъ осужденъ на 12 мѣсяцевъ тюрьмы.

О'Боннора и 58 других судили во время ланкаширских ассизовъ въ 1843 году. Изъ этого процесса ясно было, что правительство съ удовольствіемъ согласилось бы совсѣмъ не имѣть его. Вотъ почему всѣ эти люди были или оправданы за неуказаніемъ мѣста преступленія, или обязаны подпиской явиться по требованію суда, который никогда не воспользовался этимъ правомъ.

Вообще же о чартистскихъ доктринахъ и общественныхъ язвахъ говорить не позволялось, — судьи прерывали подсудимыхъ.

Не обошлось и безъ такихъ фактовъ, что вся публика и часть судей плакали, слушая рассказы подсудимыхъ объ ужасномъ положеніи рабочаго народа. Такъ было съ рѣчью нѣкоего Пиллипа. Другіе защищались въ такомъ духѣ: «10.000 преслѣдованій не могутъ измѣнить моего убѣжденія, что набатъ чартизма есть смертный приговоръ тираніи и заговора. 10.000 приговоровъ и тюремъ не измѣнятъ меня, — я останусь чартистомъ». Такъ защищался В. Бизлей.

Во время отбыванія приговоровъ осужденными членъ парламента, Данкомбъ, представилъ палатѣ общинъ жалобы 22-хъ заключенныхъ на тюремную жизнь, пищу, обращеніе и т. п. За его предложеніе рассмотреть эти жалобы высказалось однакожь всего 32 голоса, а противъ него — 196.

Для того, кто читалъ либеральныя исторіи движенія сороковыхъ годовъ въ Англій, а также для того, кто вообще знакомъ съ «захватываньемъ во всей Европѣ жирнаго пирога въ то время, когда идеальныя друзья народа мечтали о прекрасномъ будущемъ», въ интересахъ истины должно быть обязательно рѣшить вопросы: во имя чего и въ чьихъ интересахъ совершалось движеніе противъ хлѣбныхъ законовъ? Изъ кого состояли ряды «лиги» и насколько самъ народъ признавалъ ее своимъ дѣломъ? Эти вопросы навѣрно не разъ тревожили читателя; но едва ли ему удастся найти отвѣты на нихъ безъ помощи такихъ данныхъ, какія не пишутся въ либеральныхъ исторіяхъ. Большая часть ихъ составлены или участниками, или сторонниками движенія, а потому въ нихъ, какъ, наприм., у Молесворта, находимъ подробный перечень успѣховъ лиги, восхваленія энергіи и самопожертванія ея вождей и членовъ, наконецъ умиленіе триумфомъ побѣды надъ реакціей и монополіей. И всякій читатель невольно радуется и умиляется.

Совсѣмъ другое получается, когда заглянешь въ другаго рода источники: хроники тѣхъ людей, которымъ, видя неизбѣжность

своего паденія, ничего больше не осталось, какъ тщательно слѣдить за успѣхами своего врага и преемника и подмѣчать тѣ закулисныя тайны, тѣ скрытыя отъ посторонняго зрителя пружины, которыя пускались въ дѣло промышленниками и дѣлателями денегъ, — или когда роешься въ необработанномъ сырѣ жалобъ, обвиненій и проклятій тѣхъ, кому плоды цивилизаціи нажуются нисколько не слаще ея корней, кто не читаетъ либеральныхъ исторій, а слѣдовательно и не можетъ уличить своихъ «лучшихъ людей» въ честномъ лганьѣ и умалчиваньи о томъ, что всему свѣту вѣдать надлежитъ...

Господство аристократіи въ Англіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, строилось на трехъ привилегіяхъ: во-первыхъ, на привилегіи господствующей церкви пользоваться политическими правами, которыхъ ни диссиденты, ни католики не имѣли; во-вторыхъ, привилегіи землевладѣльцевъ назначать кандидатовъ въ народные представители; и, въ-третьихъ, привилегіи парламента облагать всѣ ввозимыя товары пошлинами и тѣмъ самымъ поддерживать искусственно высокія цѣны на продукты домашняго производства, прежде же всего земледѣлія.

Первая изъ нихъ была отиѣнена въ 1829 году, вторая — парламентарскою реформой 1832 года, а третья — оставалась послѣднимъ оплотомъ крупнаго землевладѣнія и препятствіемъ для развитія мануфактурной промышленности, а слѣдовательно и усиленія средняго класса. Въ тридцатыхъ годахъ четверть пшеницы въ Англіи стоила 67 — 68 шилл., тогда какъ въ Гамбургѣ ее продавали за 30 шилл. Та же четверть теперь, спустя пятьдесятъ лѣтъ, стоитъ въ Англіи около 50 шилл. И главною причиною такихъ искусственно-высокихъ цѣнъ были произвольныя пошлины на ввозимый хлѣбъ, налагаемыя парламентомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и аристократовъ; иначе говоря, рыночныя цѣны на хлѣбъ регулировались землевладѣльцами, которые были въ то же время и его главными поставщиками. И понятно, что для средняго класса, видѣвшаго въ свободѣ торговли и свободной конкуренціи необходимое условіе для промышленнаго развитія страны и своего собственнаго обогащенія, — борьба съ хлѣбными законами равнялась борьбѣ съ деспотизмомъ аристократіи и монополіей.

Центромъ движенія противъ хлѣбныхъ законовъ былъ Манчестеръ и его окрестности, т. е. такъ-называемый мануфактурный округъ. И понятно почему. Этотъ городъ издавна былъ

извѣстенъ своими дымящимися трубами, дождями, суровыми и длинными зимами и въ лѣтнее время отсутствіемъ солнца. Въ парламентъ онъ очень недавно получилъ представительство, а его муниципальныя учрежденія мало чѣмъ отличались отъ деревенскихъ. Округъ производилъ очень мало хлѣба и большую часть его долженъ былъ покупать, тогда какъ его мануфактурныя произведенія повсюду встрѣчались съ пошлинами и налогами, которые мѣшали его развитію. Такимъ образомъ удешевленіе предметовъ пищи и освобожденіе мануфактурныхъ произведеній отъ налоговъ и пошлинъ составляли насущный интересъ округа.

Первая ассоціація противъ хлѣбныхъ законовъ была основана въ Лондонѣ въ 1836 году по поводу тогдашняго голода и состояла изъ 92 членовъ. Но успѣхъ ея былъ весьма ограниченный, такъ что основателямъ скоро пришлось придти къ заключенію, что Лондонъ—плохое мѣсто для политическаго движенія, и перенести его въ Манчестеръ. Бѣдствіа, постигшія въ 1838 году этотъ округъ, дали дѣлу сильный толчокъ. Въ это время въ Бонтонѣ изъ 50 фабрикъ 30 были закрыты, 5.000 челов. буквально умирали съ голода, грудные младенцы умирали на рукахъ своихъ матерей, а отцы бѣжали отъ семей, чтобы не видать ихъ мученій. Четвертая часть домовъ была пуста; за то всѣ тюрмы—полны. Въ это-то время и явился здѣсь нѣкій талантливый докторъ Паульстонъ, экспромтомъ начавшій свою агитацію за свободу торговли и имѣвшій неожиданный успѣхъ.

Въ это же время Вильерсъ вносилъ въ парламентъ предложеніе объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, а Дж. В. Смитъ адресовался съ тѣмъ же предметомъ къ манчестерской торговой палатѣ. Первый потерпѣлъ неудачу, за то второй имѣлъ полный успѣхъ,—за него были шесть голосовъ противъ одного; тогда же къ нему присталъ талантливый ситцепечатникъ Кобденъ. Тогда, въ январѣ 1839 года, и была основана лига противъ хлѣбныхъ законовъ (anti corn law league), которой предстояло скоро играть такую видную роль. Подписка въ ея пользу сразу дала 1.800 фунт. стерл. въ нѣсколько дней; вносилось по 50, даже 100 фунт., да кромѣ того дѣлались обѣщанія, что если понадобится, то дадутъ и тысячи.

Исполнительный комитетъ лиги былъ составленъ изъ В. Смита, четырехъ альдерменовъ и девяти мировыхъ судей, между которыми были меры Манчестера, Бонтона, Стокпорта и Сальфорда. Одинъ этотъ составъ уже отчасти отвѣчаетъ на вопросъ, изъ кого со-

стояла лига. Тогда же была начата дѣятельная и систематическая агитація въ пользу отмены хлѣбныхъ законовъ и основана на средства лиги специальная газета *Anti Corn Law Circular*.

Позднѣе Джонъ Брайтонъ, скоро сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ лиги, такъ характеризовалъ въ публичной рѣчи *) ея успѣхи: «Въ 1839 году мы въ первый разъ попросили у публики денегъ и получили по подпискѣ 5.000 фунтовъ стерлингъ. Въ 1840 году мы просили еще и получили до 8.000 фунтовъ стерлингъ. Въ 1841 году конференція изъ 700 духовныхъ лицъ, собравшихся въ Манчестерѣ, въ одинъ голосъ одобрила наше дѣло и общалась рекомендовать его своей паствѣ, возвратившись домой. Въ 1842 году мы собрали съ базара въ Манчестерѣ 10.000 фунтовъ стерлингъ. Въ 1843 году мы просили 50.000 фунтовъ стерлингъ. и получили ихъ. Въ 1844 году мы просили 100.000 фунтовъ стерлингъ. и теперь (это говорилось въ началѣ 1845 года) уже получили около 90.000 фунт. стерл., а въ маѣ мѣсяцѣ предвидится еще сборъ съ базара. (Этотъ базаръ дѣйствительно далъ 25.000 фунт. стерл., такъ что всего было собрано 115.000 фунт. стерл.) Наконецъ, мы предложили нашимъ друзьямъ въ Ланкаширѣ и Йоркширѣ помѣщать свои свободные капиталы въ земли и такимъ образомъ приобретать цензы для парламентскихъ выборовъ,—и мы получили ихъ на 250.000 фунт. стерл.». Мало того, прибавимъ мы отъ себя, въ декабрѣ 1845 года публикѣ было предъявлено требованіе на 250.000 фунт. стерл. наличными; созваны 70 членовъ главныхъ жертвователей и ознакомлены съ подробностями положенія дѣла. Въ 1½ часа было подписано 60.000 ф. стерл.; остальные не замедлили получить, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ кассѣ лиги лежали полные 250.000 фунт. стерл. Но мало и этого: въ 1842 году въ мануфактурныхъ округахъ не было почти ни одного мирового судьи, не принадлежавшаго къ лигѣ. Большая часть ихъ заняли своимъ мѣста подъ вліяніемъ администраціи Джона Росселя и принадлежали, конечно, къ либеральной партіи. Возвращаюсь къ фактамъ.

Что касается до агитаціи лиги, то уже въ январѣ 1840 г. она печатала въ своемъ отчетѣ, что распространила въ годъ 150.000 памфлетовъ, 160.000 экземпляровъ своего циркуляра, прочитала 400 лекцій и израсходовала 4.500 фунт. стерл., причѣмъ задолжала 1.200 фунт. стерл.

*) *Anti Bread Tax Circular* 1845 г. Рѣчь Дж. Брайтона въ Лондонѣ.

Самые известныя вожди ея, какъ Смитъ, Кобденъ, Томпсонъ, Вильерсъ и другіе, отъ времени до времени дѣлали объѣзды по земледѣльческимъ округамъ и ознакомляли такимъ образомъ съ своей агитаціей такіе слои общества, до которыхъ не касались ни печатное слово, ни городская жизнь. Вотъ картинка одного изъ такихъ собраній, нарисованная съ натуры Томасомъ Фростомъ въ его «Воспоминаніяхъ» *). Въ 1842 г. Кобденъ и прочая аристократія лиги собрали митингъ въ Кройдонѣ. Былъ базарный день, когда въ городѣ бываетъ много окрестныхъ крестьянъ, привозящихъ продавать свои продукты, городскіе же работники, исключая немногихъ ремесленниковъ или неимѣющихъ работы, бывають заняты. Такой день былъ выбранъ, конечно, не безъ причины. На телѣгѣ, замѣнявшей трибуну, помѣщался Кобденъ, Томпсонъ, Вильерсъ и друг. Рѣчь Кобдена была принята довольно дружно, а въ заключеніе предложена и принята резолюція въ пользу свободы торговли. Но вотъ на телѣгу взбирается человекъ въ черномъ фартукѣ и начинаетъ говорить. «Имя, имя!»—раздается въ толпѣ.—«Блакеби»,—отвѣчаетъ ораторъ и начинаетъ излагать, что свобода торговли—прекрасная вещь, но только тогда, когда народъ можетъ противопоставить ей свою законодательную силу и предохранить себя черезъ своихъ представителей отъ монополіи грядущаго капитализма. Тогда Кобденъ прерываетъ его и объявляетъ, что этотъ человекъ, надѣвшій на себя фартукъ, чтобъ имѣть видъ работника, переодѣтый агитаторъ и что онъ является на каждомъ публичномъ собраніи лиги, чтобы мѣшать ей и нарушать порядокъ. «Нѣтъ, нѣтъ!»—раздается нѣсколько голосовъ около телѣги,—мы его знаемъ, онъ здѣшній сапожникъ». Самъ Блакеби протестуетъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ не выѣзжалъ изъ Кройдона, но все напрасно,—Кобденъ стоитъ на своемъ и толпа, состоящая большею частію изъ пришлыхъ людей, отдаетъ предпочтеніе ему, и Блакеби не дають докончить его рѣчи. Позднѣе Фростъ познакомился съ этимъ сапожникомъ. Онъ оказался однимъ изъ тѣхъ самородковъ-поэтовъ и мыслителей, какихъ выдвинула волна чартистскаго движенія изъ народной массы и какихъ мы уже видѣли въ Ловеттѣ, Куперѣ, Винцентѣ и многихъ другихъ.

Вытекало ли подобное голословное утвержденіе Кобдена изъ ошибки, или просто изъ желанія легко отдѣлаться отъ неприят-

*) *Thomas Frost: „Forty years recollections“.*

наго оппонента, судить трудно; вѣрно только то, что дѣйствительно не проходило ни одного митинга лигеровъ безъ того, чтобы чартисты не выставили имъ оппозиціи. Я уже имѣлъ случай привести обращеніе чартистскихъ аргументовъ въ этихъ случаяхъ. Главнымъ изъ нихъ было, что «дешевый хлѣбъ для рабочаго класса означаетъ *дешевый трудъ*». Нѣкоторые же изъ нихъ шли дальше и утверждали, какъ Б. О'Брайенъ, что свобода торговли при всѣхъ другихъ неизмѣнныхъ условіяхъ въ принципѣ вещь вредная для интересовъ производительнаго населенія. «Дешевый хлѣбъ,—говорилъ онъ,—значитъ дешевый товаръ и дорогія деньги, т. е. увеличеніе покупательной силы всякихъ цѣнностей, а слѣдовательно—и власти всѣхъ тѣхъ, кто живетъ процентами съ цѣнностей, надъ тѣми, кто живетъ своимъ трудомъ. Отсюда выводъ, что свобода торговли неизбѣжно должна вредно отразиться на положеніи трудящихся и должниковъ и увеличить ихъ зависимость отъ нетрудящихся и кредиторовъ. Единственное средство предупредить такой исходъ онъ видѣлъ въ обложеніи налогомъ доходовъ со всѣхъ цѣнностей въ той же самой пропорціи, въ какой удешевятся товары. А это можетъ сдѣлать только народное законодательство. «Единственный отвѣтъ, который мы можемъ дать этимъ господамъ,—говорилъ онъ,—вотируйте за наше право голоса прежде, чѣмъ за дешевый хлѣбъ, или мы не будемъ довѣрять вамъ,—вы смилосердіемъ ловкіе плуты». Одинъ чартистскій ораторъ Мэсонъ такъ выражался въ Лейчестерѣ: «Умоляю васъ, не позволяйте отвлечь себя отъ народной хартіи! И не потому, что отиѣна хлѣбныхъ законовъ вредна сама по себѣ,—когда мы получимъ хартію, мы отиѣнимъ ихъ, какъ и всѣ другіе дурные законы,—но потому, что если вы отступитесь отъ агітаціи за хартію ради помощи людямъ свободной торговли, они потомъ не будутъ помогать вамъ добывать вашу хартію. Вы не должны позволять среднему классу снова обмануть васъ. Вы помогали этимъ людямъ добыть ихъ голоса, вы поддерживали ихъ брики: «Билль, весь билль и ничего больше какъ билль!»—и что же? Гдѣ всѣ тѣ прекрасныя обѣщанія, которыя они давали вамъ?—Пущены на вѣтеръ! Они говорили, что, получивши свои голоса, помогутъ вамъ добыть ваши. Но добывши, что имъ было нужно, никогда даже и не вспоминали о васъ. Всѣ прежнія реформы служили ихъ интересамъ. Отиѣны хлѣбныхъ законовъ теперь они хотятъ тоже для себя, а не для васъ. «Дешевый хлѣбъ»—значитъ «дешевый

трудъ». Не слушайте ихъ лжи и стойте за хартію! Безъ права голоса вы—настоящіе рабы!» Въ маѣ 1840 года лордъ Россель внесъ въ парламентъ предложеніе о замѣнѣ прежнихъ пошлинъ на хлѣбъ постояннымъ налогомъ въ 8 шиллинговъ на четверть, и всѣ старанія лигеровъ склонить палату на свою сторону остались тщетны. Это заставило ихъ усилить свою агитацию и стараться во что бы то ни стало заручиться поддержкой рабочей массы. Поэтому въ ихъ политикѣ и агитациі съ этого момента замѣчается рѣзкій поворотъ. Ихъ газета была переименована изъ *Anti Corn Law Circular* въ *Anti Bread tax Circular*. Народъ неясно понималъ, что такое corn laws, т.-е. хлѣбные законы, но прекрасно зналъ bread taxes, потому что испытывалъ горькіе плоды ихъ каждый день и часъ. Въ Борляйлѣ одинъ хлѣбникъ выставилъ у себя въ окнахъ рядомъ хлѣбы обложенные и необложенные съ надписью, что оба сорта стоятъ то же самое. И когда покупатели брались за ббльшій, онъ требовалъ съ нихъ *налогъ*. Въ другихъ городахъ по улицамъ возили деревянные модели двухъ хлѣбовъ, изъ которыхъ на одной, меньшей, было написано: «*Англійскій хлѣбъ въ 8 пенсовъ, заработная плата 2 шиллинга*», а на другой, ббльшей—«*Американскій хлѣбъ въ 8 пенсовъ, заработная плата 4 шиллинга*». Долой хлѣбный налогъ! Петиція! Петиція!! Петиція!!!» Или:

«Что понижаетъ заработную плату?—Хлѣбный налогъ.

Что заставляетъ голодать работника?—Хлѣбный налогъ.

Что разоряетъ хозяина?—Хлѣбный налогъ.

Долой же ненавистный хлѣбный налогъ!»

Въ Лондонѣ по улицамъ возили два хлѣба: одинъ большой—«хлѣбъ Росселя» и «малый — Пилля». Въ заголовкѣ *Circular'a* стоялъ текстъ Св. Писанія: «Насущный хлѣбъ—жизнь народа; и кто лишаетъ его этой жизни, тотъ есть убійца» (Eccles. XXXIV, 21). И «кто удерживаетъ этотъ хлѣбъ, того народъ долженъ покарать» (Пров. XI, 26 *). Однако-жь всѣ эти уловки и популярничанье для привлеченія рабочаго народа на свою сторону плохо удавались: народъ имъ не довѣрялъ; и лигеры сами хорошо понимали это, какъ мы скоро увидимъ. Во всякомъ случаѣ въ это время лигеры начинаютъ принимать участіе въ чартистскихъ ми-

*) *Anti Bread Tax Circular*, № 62

тингахъ и объявляютъ себя за хартію съ тѣмъ условіемъ, чтобы чартисты подавали голоса за отміну хлѣбныхъ законовъ. Чартисты же съ своей стороны всегда говорили, что въ принципѣ они ничего не имѣютъ противъ отміны налога на хлѣбъ и сами отмінять его вмѣстѣ съ другими вредными законами; по прежде всего хотѣть хартіи, потому что, въ противномъ случаѣ, получивши отміну налога, средній классъ не будетъ помогать имъ.

Въ февралѣ 1841 года въ Манчестерѣ держался одинъ изъ такихъ митинговъ. Народъ стоялъ на площади, а лигеры совѣщались въ меріи. И вотъ что тамъ говорилось Греемъ, однимъ изъ членовъ комитета лиги: «... *Стоитъ послать полмилліона рабочихъ въ земледѣльческіе округи и вся рента живо будетъ сгнана!*» (Возгласъ среди слушателей: тогда посылайте ихъ на слѣдующей же недѣлѣ!) Затѣмъ они вышли на площадь и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападали на аристократію, которая держитъ ихъ въ голодѣ. Въ Сальфордѣ, Стокнортѣ и другихъ мѣстахъ были такія же собранія. Бобденъ предлагалъ никому не держать у себя безъ размѣна на золото билетовъ англійскаго банка больше 24 часовъ. Черезъ недѣлю послѣ этого во всемъ околосѣ заработная плата была понижена на 10—20%.

Въ началѣ 1842 года въ *Stockport chronicle* стояло: «Два мѣсяца тому назадъ мы рекомендовали всѣмъ крупнымъ панимателямъ труда *планъ, который состоялъ въ томъ, что всякій способный къ труду пауперъ долженъ быть выброшенъ въ деревню, на содержаніе землевладѣльцевъ...*»

Въ маѣ 1842 года лигеры хотѣли созвать на Керсаль-Мурѣ, около Манчестера, гигантскую демонстрацію изъ 500.000 рабочихъ разныхъ ремеслъ за отміну хлѣбныхъ законовъ и хартію. Для этого дѣлались спеціальныя обращенія къ ремесленнымъ союзамъ; но народъ не довѣрялъ имъ и не шелъ на демонстрацію. 27-го іюня, т. е. за полтора мѣсяца до «plug plot», въ Лондонѣ была созвана конференція делегатовъ отъ различныхъ вѣтвей лиги по случаю новой попытки провести въ парламентѣ билль Вильерса; изъ Манчестера были посланы Бобденъ и Раусонъ. Послѣдній здѣсь говорилъ: «Не будучи пророкомъ, онъ можетъ предсказать, что черезъ мѣсяць заработная плата будетъ остановлена во всѣхъ отрасляхъ промышленности, если только они (фабриканты) не добьются отъ парламента «пособія» (relief). Бобденъ же на другой день въ парламентѣ говорилъ: «Я не вѣрю, чтобы народъ возсталъ, если у него не будетъ совсѣмъ отнятъ хлѣбъ...

Если вы не готовы съ вашими мѣрами помощи, онъ будетъ въ правѣ насильно брать пищу для себя и своихъ семей». Въ Стокпортѣ и Болтонѣ мѣры, дѣятельные лигеры, заявляютъ на митингахъ, что есть предѣлъ терпѣнiю и что они не отвѣчаютъ за послѣдствiя упорства правительства. Въ июлѣ въ Манчестерѣ лигеры постановляютъ резолюци: «они вѣрятъ, что страна наканунѣ революци. Они не имѣютъ надежды, чтобы законодательство оказало справедливость пауперизованнымъ милліонамъ. Они считаютъ справедливымъ, необходимымъ и полезнымъ остановить колеса правительства» *).

Подобныя же резолюци приняты и въ другихъ отдѣленiяхъ лиги. За 10 дней до взрыва «plug plot'a» Финиганъ, лигеръ, читалъ лекцию въ Манчестерѣ: «Насилiе должно быть отражено насилiемъ!»

2-го августа мировой судья Чаппелъ говорилъ въ меріи: «По его мнѣнiю, единственный планъ, который могутъ принять фабриканты, это—*остановить фабрики; деревенскiе приходы должны содержать рабочихъ* **») до тѣхъ поръ, пока карманы монополистовъ (должны понимать землевладѣльцевъ) не будутъ тронуты; а до тѣхъ поръ фабриканты не могутъ ожидать ничего хорошаго» (въ залѣ аплодисменты и крики: *останавливайте фабрики!*). Этотъ же самый судья Чаппелъ присутствовалъ, вмѣстѣ съ алдерменомъ Бруксомъ и меромъ Лидса, на собранiи въ Галлендъ-Хоулѣ, гдѣ главный мировой судья Сальфорда объявилъ, что мировые судьи собираются выходить въ отставку, чтобы не быть орудiями въ рукахъ аристократiи въ настоящихъ событiяхъ.

Наконецъ вѣнецъ всего составляетъ письмо, появившееся въ *Anti Bread Tax Circular* 25 iюля 1842 года: «М. Г.,—гласило оно,—мы всѣ признаемъ желательнымъ обезпечить за собой содѣйствiе рабочихъ классовъ въ нашей борьбѣ за отмѣну; *но усилiя, сдѣланныя нами, съ цѣлью показать рабочимъ, что ихъ интересы связаны съ этимъ важнымъ вопросомъ, не привели къ желаемому результату. Въ ихъ умахъ укоренилось убѣжденiе, что съ отмѣной хлѣбныхъ законовъ понизится и заработная плата, а потому единственный способъ, какимъ можно опровергнуть это заблужденiе,—это заставить ихъ чувствовать, что они прямо заинтересованы въ этой перемѣнѣ. Мой ку-*

*) *Circular.*

**) Приходскiя суммы пополнялись главнымъ образомъ землевладѣльцами.

зень сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ пробу, которая, по моему мнѣнію, достойна подражанія и, если будетъ имѣть послѣдователей, можетъ произвести желательный эффектъ. Обстоятельства дѣла таковы: двѣ недѣли тому назадъ наняты имъ рабочіе (около 300 человекъ) забастовали, а на прошлой недѣлѣ прислали къ нему депутацію для переговоровъ и соглашенія. Между другими вопросами ему задали такой: «если *дѣло выгоритъ*, повыситъ ли онъ заработную плату?» Онъ отвѣтилъ: «да, я обещаю повысить въ самый день отмѣны хлѣбныхъ законовъ». Эти слова были повторены огромному собранію (2.000 человекъ) на площади, и кто-то даже предложилъ три аплодисмента «отмѣны», что и было принято съ энтузіазмомъ. Еслибъ этотъ *argumentum ad homines* былъ принятъ всѣми фабрикантами, черезъ недѣлю массы были бы на нашей сторонѣ.—Искренно преданный R. W.».

И вотъ черезъ нѣсколько дней, т. е. 5-го августа, одна за другой самыя крупныя фирмы объявляютъ своимъ рабочимъ, что имъ теперь лучше нѣсколько дней *поиграть* (!). Послѣдствія этого уже изложены выше.

Но и это еще не все. За два дня до взрыва главнаго мирового судью въ Песлей, Пендерсона, спросили, будетъ ли онъ стрѣлять въ народъ въ случаѣ волненій. Онъ отвѣчалъ: «Богъ позволилъ мнѣ занять мѣсто провоста, но не стрѣлять въ людей!»*).

Дальше. Въ первые дни волненій, пока народъ не началъ разрушать собственности, мировые судьи, меры и альдермены, большинство которыхъ были членами лиги, не только не употребляли противъ него военной силы, а напротивъ способствовали стачникамъ. Когда, напримѣръ, въ Манчестерѣ фабрикантъ Бирлей сопротивлялся стачникамъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меріи и попросилъ у властей помощи, ему отвѣтили, что не хотятъ крутыхъ мѣръ противъ массы, а на другой день судья Бруксъ обвинялъ Бирлей въ возбужденіи своихъ рабочихъ къ бунту. Конечно, Бирлей не принадлежалъ къ лигѣ. Меръ г. Стокпорта въ самую критическую минуту, когда стачники подошли къ мосту, ведущему въ городъ, имѣя подъ рукой войско, сказала, что онъ *получилъ изъ Манчестера советъ быть умѣреннымъ съ народомъ*, и пропустилъ ихъ. Наканунѣ того дня, когда въ Ловгтонѣ народъ убилъ фабриканта и добровольнаго констабля Бреднау, его убѣждали въ меріи не сопротивляться стачникамъ и

* *Quarterly Review 1842, № 141 „Anti Corn Law League“*—полна фактовъ и достойна вниманія всякаго, кто хочетъ знать истину объ этомъ движеніи.

сдаться добровольно. Когда же на другой день онъ началъ сопротивляться и послалъ въ мерію за подкрѣпленіемъ, клеркъ отвѣтилъ: «пока миръ не нарушенъ, подкрѣпленія не будетъ». Бредшау былъ скоро убитъ. За то, когда народъ осадилъ рабочій домъ и захватилъ провіантъ, меръ выслалъ войско. Это очевидно уже не входило въ программу «лиги».

Едва ли нужно продолжать дальше этотъ перечень фактовъ открытаго предательства, двуличной и кровавой игры, которыми въ глазахъ всякаго честнаго человѣка опозорила себя лига. Мнѣ остается привести лишь образчикъ того, что въ это время говорилось въ демократической прессѣ, которую обыкновенно любятъ винить въ голословности.

«Лигеры вызвали дьявола, — какъ-то они сумѣютъ справиться съ нимъ! — писалось въ *Northern Star* 20 августа 1842 года. — Они подняли народъ, — какъ-то они успокоятъ его!... А прежде всего — чѣмъ они вознаградятъ его за потерянные жизни, за личные утраты, за выстрѣлы, за рѣзню, за кровь, за тюрьму, за ссылку? Чѣмъ вознаградятъ они его за все, что сами вызвали? Да, мы опять и опять повторяемъ: они, лигеры, вызвали все это, ихъ интрига лежитъ въ основаніи всего этого!»

Послѣ всего этого и мы съ своей стороны спросимъ — пусть отвѣтятъ — кто былъ дѣйствительной и ближайшею причиною «*plug plot'a*», кто вызвалъ его? И пусть справятся, кто черезъ нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ судилъ, осылалъ за океанъ и запералъ въ тюрьмы тысячи чартистовъ и мятежниковъ, оставляя сотни ихъ семействъ безъ всякихъ средствъ къ существованію и поддержки отцовъ и мужей? — Никто другой какъ тѣ же судьи, меры и альдермены, радѣтели свободы торговли!

Съ «*plug plot'омъ*» повторилось то же, что съ мятежомъ на Bull Ring (да и вообще волненіями 1830—31 годовъ): тамъ люди созывали народъ въ 1831 году на ту же самую площадь, на которой въ 1839 году отъ него отрезались и предали палачамъ. А здѣсь люди, 2-го августа, подстрекавшіе народъ нападать на аристократовъ и разорять ихъ, 15 августа уже стрѣляли и убивали его, 28-го сажали его тысячами въ тюрьмы и крѣпости Великобританіи, а въ октябрѣ ссылали на 20 лѣтъ въ Австралію.

И пусть же послѣ этого отвѣтятъ, не правы ли были чартисты, говорившіе: «не довѣряйте этимъ людямъ, не вѣрьте ихъ обѣщаніямъ, — они уже обманули насъ въ 1831 году? Они рабо-

таютъ въ интересахъ своего класса, а не народа; они предають народъ, какъ Иуда предалъ Христа!»

Лига преуспѣвала. Въ 1843 году ея вожаки задавали ряды банкетовъ, вечеровъ и просвѣщали публику лекціями о вредѣ хлѣбныхъ законовъ. Въ Лондонѣ за 3.000 ф. ст. въ годъ былъ нанятъ громадный театръ Ковенъ-гарденъ. Вигскій *Times* торжественно провозгласилъ: «Лига—великій фактъ, что бы про нее ни говорили! Ни одинъ моралистъ не можетъ игнорировать ее, ни одинъ политикъ не можетъ пройти ее улыбкой, ни одинъ государственный человѣкъ уменьшить ея цѣну!» Маркизь Вестминстеръ адресуется къ предсѣдателю ея Смиту съ поздравительнымъ письмомъ по поводу ея успѣховъ и жертвуетъ 500 ф. ст. И такъ далѣе, и такъ далѣе, въ обществѣ, въ парламентѣ—всюду «лига» становится все большей и большею силой и, наконецъ, въ 1846 году Робертъ Пилль, первый министръ и вождь землевладѣльцевъ, аристократовъ и консерваторовъ, объявляетъ, что не можетъ болѣе отказывать въ правотѣ сторонникамъ свободы торговли и предлагаетъ сложить съ хлѣба всѣ налоги въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ юнѣ 1846 года его предложеніе проходитъ въ обѣихъ палатахъ и дѣлается закономъ.

Такимъ образомъ закончилась эта громкая кампанія, доставившая торжество принципу *laissez faire, laissez passer* и его олицетворенію—крупному капитализму въ Англии.

Н. Ч.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

«...НЕ СЛУЧИСЬ...»

(ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА.)

Недавно въ газетахъ былъ напечатанъ не большой, но въ высшей степени замѣчательный уголовный процессъ. Слушался онъ въ вологодскомъ окружномъ судѣ и состоитъ въ слѣдующемъ. Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, именно около Петрова дня 1880 года, желѣзнодорожный сторожъ нашелъ въ рѣкѣ Шаграшѣ, около моста Ярославско-Вологодской линіи, джутовый мѣшокъ, въ которомъ, по вскрытіи, оказался трупъ убитаго человѣка, разложившійся до такой степени, что только по одеждѣ можно было догадаться, что убитый—мужчина. Открытіе этого трупа напомнило (не знаемъ—властямъ или обществу) о загадочномъ исчезновеніи, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одного изъ посѣтителей гостиницы «Вологда», пользующейся весьма сомнительною репутаціей. Началось слѣдствіе, которое черезъ нѣсколько времени и открыло виновнаго. Убийцей оказался корридорный или половой гостиницы «Вологда», крестьянинъ Иванъ Васильевъ Горюновъ, и вотъ какое поразительное и потрясающее показаніе далъ этотъ Иванъ Горюновъ на судѣ:

«Года за два раньше, какъ я убилъ Крамскаго (фамилія убитаго), къ намъ въ гостиницу «Вологда» пріѣзжалъ какой-то господинъ, повидимому купецъ. Жилъ онъ у насъ въ гостиницѣ дня четыре и болѣе сильно кутилъ, пьянствовалъ. Когда этотъ господинъ уѣзжалъ, онъ подарилъ мнѣ золотые часы съ цѣпочкой и сказалъ: «Спасибо тебѣ, что ты сберегъ меня,—все въ цѣлости; у меня, говоритъ, было девяносто три тысячи рублей». Потомъ гость этотъ попросилъ проводить его на вокзалъ; я проводилъ и тутъ онъ еще далъ мнѣ двадцать пять рублей и еще

три рубля. Пришелъ я домой и показалъ буфетчику и хозяину часы, что мнѣ подарилъ гость. Хозяинъ спросилъ: «за что-жъ онъ подарилъ?»—«За то, молъ, что у него девяносто три тысячи съ собой было и всё остались въ цѣлости».—«Эхъ ты,—говорить хозяинъ,—не умѣешь деньги наживать! Такъ будешь дѣлать—и помрешь бѣднякомъ»... Потомъ хозяинъ говоритъ, чтобъ я заманивалъ гостей, общая имъ продавать какіе-то банковые билеты съ большой уступкой... Зимой 1880 года къ намъ въ номера пріѣхалъ какой-то господинъ съ дѣвушкой... Выпивали они тутъ. На другой день часовъ въ девять дѣвушка ушла, а господинъ остались одни. Стали разсчитываться и дали мнѣ сторублевую бумажку. Ну, я пошелъ въ буфетъ, увидалъ тамъ хозяина и говорю: «Господинъ должно-быть богатый,—все сторублевки». Хозяинъ сказалъ: «Погоди-ко носить сдачу, я взгляну сначала, что за господинъ такой». Вернулся онъ и говоритъ: «Это человѣкъ мнѣ знакомый, денежный человѣкъ».—*«Какъ же тутъ быть?»*—спрашиваю.—«Самъ, говорить, знаешь,—не мало-лѣтокъ... Рѣка все унесетъ».—«Страшно, говорю, какъ-то»...—«А ты выпей стакана два водки,—страхъ - то какъ рукой снять... А чтобъ свидѣтелей лишнихъ не было, мальчишку-то въ полицію пошли за паспортной книгой»... Сказалъ это, а самъ ушелъ въ другую свою гостиницу «Россію», черезъ дорогу. Выпилъ я водки, послалъ подручнаго Николая въ полицію и понесъ сдачу въ третій номеръ. Господинъ лежали на постелѣ, опершись на локотки, и выпивали... Столъ около кровати стоялъ съ бутылками... Тутъ же лежалъ молотокъ, который я принесъ наканунѣ, чтобы вбить задвижку, какъ господинъ приказалъ... Я взялъ молотокъ и ударилъ господина по головѣ разъ и два... Какъ ударилъ—спереди или сзади—хорошенько не помню. Вытащилъ деньги изъ кармана брюкъ и, не считая, сунулъ ихъ себѣ въ карманъ. Вытащилъ попойника въ четвертый номеръ, а самъ сталъ прибирать въ третьемъ. Окровавленную простыню и наволочку засунулъ въ печь и сжогъ. Обои около кровати оборвалъ, полъ подтеръ, а пятна на матрацѣ и подушкѣ слегка замылъ водой. Потомъ вернулся къ покойнику, перетащилъ его черезъ пятый номеръ въ чуланчикъ, который былъ рядомъ, и спряталъ его въ рундукъ подъ лѣстницей, отодравъ для этого плинтусъ. Въ это время, слышу, вернулся Николай. Я пошелъ къ нему навстрѣчу и велѣлъ прибрать въ номерѣ третьемъ. Онъ послѣ спрашивалъ: «Что это вода въ тазу кровавая и на полу кровь?»—«Это, го-

ворю, гость не расплатился съ дѣвицей, она ему и раскровянила морду». — «Какъ же, говорить, онъ ушелъ въ такомъ видѣ?» — «Умылся, говорю, да и ушелъ»... Ну, онъ и повѣрилъ. Часа черезъ два послѣ убійства пришелъ хозяинъ. Я ему и подалъ всѣ деньги, не считая. «Мало, говорю, денегъ-то». — «Врешь, говорить, не можетъ быть столько, ты утаилъ». Я побожился. Онъ взялъ всѣ деньги, а мнѣ далъ мѣшочка мелочи... На другой день начались розыски покойника. Въ гостиницу пріѣзжала его родственница съ знакомымъ, ходила полиція... Мы отвѣтили, что гость расплатился и уѣхалъ неизвѣстно куда. *Такъ какъ околодочный пьетъ у насъ всегда водку и все такое, то* номера осматривать онъ *постыдился*... Тутъ меня взялъ страхъ, тоска напала... Я все ходилъ въ рундукъ, смотрѣлъ, лежитъ ли тамъ покойникъ, иногда сидѣлъ тамъ и плакалъ... Хотѣлъ идти дать звать полиціи, сказалъ объ этомъ хозяину, а онъ говоритъ: «Дуракъ и будешь, — ни за грошъ пропадешь. Меня все равно не оговоришь, — не повѣрятъ; я и въ гостиницѣ-то въ это время не былъ». Ну, я и не пошелъ. Послѣ Рождества отпросился я у хозяина домой въ деревню, взялъ у него денегъ и уѣхалъ, захвативъ шубу покойника, которую раньше спряталъ... И въ деревнѣ тосковалъ, но роднымъ объ этомъ ничего не говорилъ. Пріѣхалъ опять въ городъ къ хозяину. Передъ Пасхой сукровица проникла черезъ потолокъ, пошелъ по номерамъ свертный духъ. Меня все пуще стала тоска забирать и я все чаще сталъ ходить къ покойнику, смотрѣть на него... Потомъ перетащилъ его изъ рундука въ другой уголъ чуланчика и положилъ подъ рамы. Духъ все сильнѣй по номерамъ расходится... Гости стали жаловаться... Я все собирался вывезти, да все случая не было, а хозяинъ не помогаетъ и тоже говоритъ: «Убери!» Въ концѣ іюня я положилъ покойника въ мѣшокъ, завязалъ веревкой, пошелъ взялъ извожника и ночью поѣхалъ окольною дорогою за городъ на рѣку Шаграшъ. Бросилъ тамъ мѣшокъ и возвратился... Потомъ вскорости слышу, что нашли покойника. Полиція пришла и взяла съ меня росписку о невыздѣ... Я сказалъ хозяину. Онъ говоритъ: «Ты поди въ полицію и скажи, что у тебя просроченъ паспортъ, чтобъ они отпустили тебя». Полиція не отпустила. Тогда я самъ ушелъ домой... Но тутъ меня арестовали и представили въ станъ. Я и открылся, что я убилъ»...

Вотъ показаніе главнаго дѣйствующаго лица, которое мы привели отъ слова до слова.

Здѣсь все въ высшей степени любопытно и поучительно. Поучительно то, что хозяинъ, который, какъ видно изъ показанія, былъ душою всей этой операціи, признанъ виновнымъ не «въ подстрекательствѣ съ корыстною цѣлью», а только «въ знаніи и укрывательствѣ». Любопытна и поучительна фигура и этого блюстителя порядка—оболодочнаго, который, помня трагичную хлѣбъ-соль «и все такое», *стыдится* осматривать нумера, гдѣ совершено убійство, — убійство, которое онъ несомнѣнно чуялъ и можетъ-быть даже зналъ о немъ навѣрное, такъ какъ это знаніе или догадка—только одно и могло заставить его *постыдиться*, смотрѣть сквозь пальцы, помня хлѣбъ-соль «и все такое». Въ то же время, принимая во вниманіе такъ-называемыя «новѣшнія времена», невольно представляешь себѣ, какъ много развелось теперь такихъ блюстителей, которые, выпивая въ гостиницѣ, гдѣ надъ головой выпивающихъ «и все такое» полгода лежитъ и гниетъ убитый человѣкъ, котораго они «стыдятся» розыскать, навѣрное не упускаютъ случая высматривать «неблагонадежныхъ личностей» и, запримѣтивъ таковыхъ (а примѣты въ этомъ отношеніи годятся всякія, какія только взбредутъ въ голову), не только не постыдятся, а прямо безъ разговоровъ «сгребутъ» и заточатъ... Вѣдь вотъ «сгребъ» же одинъ блюститель мирнаго сельскаго жителя за романъ Шпильгагена,—сгребъ и засадилъ, не зная и не имѣя понятія о томъ, что значатъ слова: «романъ» «Шпильгагенъ» «Впередъ». Сгребъ же другой такой-то блюститель сельскаго учителя, который сидѣлъ на вокзалѣ въ провинціи, ожидая поѣзда, и читалъ брошюру «О дезинфекціи» сочиненія Нечаева. Что такое «дезинфекція»—это блюстителю знать не полагается. *Тотъ ли* это Нечаевъ или другой—тоже можно и не знать. Но мелькнуло ему въ голову слово «Нечаевъ» и—«сгребъ!» Вездѣ теперь только и слышишь: «сгребъ, да сгребъ», или «чуть не сгребъ», или «да и сгребъ бы, а то что же?... И ей-богу бы сгребъ»... И всѣ эти сгребанья всегда почти оказываются вполне нелѣпыми и неосновательными; но нелѣпости и отсутствіе всякихъ основаній не запрещаютъ «сгребать» и не заставляютъ стыдиться несправедливой жестокости и безобразія, а осматрѣть нумера, въ которыхъ пропалъ и убитъ человѣкъ, «стыдно», потому хлѣбъ-соль «и все такое»...

Но всего замѣчательнѣе въ этомъ процессѣ—это, разумѣется, личность самого убійцы—несчастнѣйшаго Ивана Горюнова. Воистину не даромъ судьба надѣлила его такимъ именемъ и фа-

милией. «Господинъ» «приказалъ» прибить въ номеръ задвижку, Иванъ Горюновъ взялъ молотокъ и исполнилъ приказаніе, а утромъ, черезъ нѣсколько часовъ, исполнилъ этимъ же молоткомъ другое, почти, приказаніе хозяина—убилъ этого самаго господина. За часъ, за нѣсколько мгновений до убійства, у него и мысли не было объ убійствѣ; сторублевая бумажка ставитъ его въ недоумѣніе: «какъ же теперь быть?» Ему говорятъ—какъ; и онъ дѣлается убійцей, онъ бьетъ молоткомъ господина по головѣ съ такимъ же точно покорнымъ настроеніемъ «слуги», какъ бы подавалъ на столъ порцію солянки или прибывалъ задвижку. «Какъ же тутъ быть?»—говоритъ онъ, и вы видите, что еслибъ ему было сказано, какъ быть: «возьми, да отдай сдачу»,—такъ онъ бы и не былъ убійцей и отдалъ бы сдачу. Зачѣмъ онъ убиваетъ—неизвѣстно. Деньги онъ отдалъ хозяину, а самъ получилъ немного мелочи. Ему когда-то сказали: «Дуракъ будешь»—и онъ думалъ, что не дуракъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ. Самъ онъ не знаетъ доподлинно, глупо или умно грабить и убивать, и потому спрашиваетъ у «хозяина»: «Какъ же теперь быть?» Онъ, *самъ лично*, дѣйствительно не имѣетъ понятія о томъ, что умно, что глупо,—кто дуракъ, кто уменъ,—что хорошо, что дурно. Выслушавъ его рассказъ о томъ, какъ баринъ подарилъ ему золотые часы и двадцать восемь рублей денегъ, хозяинъ говоритъ ему: «Дуракъ будешь, если такъ станешь жить,—такъ и помрешь бѣднякомъ». И онъ думаетъ, что онъ дуракъ,—думаетъ такъ, какъ ему сказано, такъ какъ побуждаетъ думать его и поступать постороннее вліяніе, чужое приказаніе, чужая воля: «прибей задвижку»—прибилъ, «убей барина»—убилъ, и однимъ и тѣмъ же молоткомъ, безъ малѣйшей тѣни собственной своей мысли и собственной своей воли. Вѣдь, еслибъ онъ «самъ» могъ думать, понимать и соображать, т. е. еслибъ онъ самъ имѣлъ какой-нибудь взглядъ на человѣческія отношенія, такъ вѣдь случай съ баринкомъ, который щедро награждалъ его, долженъ бы былъ убѣдить его какъ разъ въ противномъ тому, что говорилъ хозяинъ: за честность и добросовѣстность онъ *на дѣлѣ*—на фактъ самомъ реальномъ, самомъ ощутительномъ—оказался не только не въ дуракахъ, но прямо въ умникахъ. За то, что онъ не ограбилъ, не укралъ, а берегъ и смотрѣлъ, чтобы не обокрали барина, онъ получилъ сравнительно огромное вознагражденіе—золотые часы и двадцать восемь рублей денегъ. Кажется, еслибы человѣкъ могъ и имѣлъ бы привычку самостоятельно думать

о чемъ-нибудь, этого случая было бы для него весьма достаточно, чтобъ убѣдиться, что хорошіе и добросовѣстные поступки не пропадаютъ безслѣдно: результатъ на-лицо—золотые часы и деньги... Но онъ не умѣетъ думать самъ и потому убиваетъ безнорыстно, безъ всякой выгоды, отдавъ деньги хозяину, а самъ получаетъ «немного мелочи»...

Вотъ эти-то черты нравственности Ивана Горюнова и потрясаютъ васъ самымъ угнетающимъ образомъ. Какъ бы внимательно ни всматривались вы въ душу этого человѣка, вы не можете отвѣтить мало-мальски утвердительно ни на одинъ изъ вопросовъ, которые должны возникнуть при этомъ въ вашемъ сознаниіи. Жаденъ ли онъ?—Нѣтъ, — деньги отдалъ хозяину... Жестокъ?—Ни чуть, — онъ убилъ не подумавши, не задумываясь, а такъ, какъ приблилъ задвижку, и потомъ самъ же плачетъ и терзается надъ трупомъ въ-тихомолку по ночамъ... Скрытенъ, хитеръ и злобенъ?—Опять нѣтъ, — вѣдь онъ «побоился», что не утаилъ денегъ, а всё сполна отдалъ хозяину; онъ—не обманщикъ... Добровольно, когда мало-мальски проясняется умъ, онъ хочетъ идти въ полицію — объявить, но ему опять говорятъ: «дуракъ будешь» — и онъ не идетъ. Послушаніе его примѣрное. Его награждаютъ за честность, но ему говорятъ, что безчестно поступать лучше, — и онъ вѣрится вопреки фактамъ, доказывающимъ противное. Ему говорятъ: приблиъ задвижку, — приблилъ; убей, — убилъ. Затѣмъ полгода трупъ лежитъ въ чуланѣ, — лежитъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не сказалъ: «Убери», — и Иванъ убралъ. Словомъ, Иванъ Горюновъ—весь — чужой, человѣкъ носторонняго вліянія, чужаго припазанія, даже чужаго желанія. *Своего* по части убѣжденій и нравственности у него ничего нѣтъ, — хоть шаромъ покати. Это совершенно пустой сосудъ, который можетъ быть наполненъ чѣмъ угодно. Не попади онъ въ такой темный притонъ, можете ли вы сказать, что онъ сдѣлалъ бы что-нибудь подобное тому, что его принудили сдѣлать? Былъ ли бы онъ убійцей, еслибы «попалъ» вмѣсто трактира въ столяры, въ сапожники, въ вучера къ хорошему барину, въ лавочники, въ хлѣбопеки?... Наконецъ, еслибы попалъ даже опять-таки въ трактиръ же, только не въ такой вертепъ, какъ «Вологда», а такой, гдѣ все честно и благородно?... Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ вы не можете отвѣчать утвердительно, потому что предъ вами человѣкъ, внутренній міръ котораго, какъ траву, какъ тонкую вѣтку колеблютъ внѣшнія ду-

новения, дыхание чуждых ему, со стороны идущихъ, вліяній, — человѣкъ, который покоряется всему, на что его «Богъ нанесетъ», — всему, что волею судьбы «набѣжить» на него...

А вѣдь такихъ Ивановъ Горюновыхъ уже въ настоящее время можно считать на Руси сотнями тысячъ, а въ будущемъ, если только народная жизнь будетъ такъ же, какъ и до сихъ поръ, оставаться въ условіяхъ царствующей и въ ней и внѣ ея неурядицы, — Ивановъ Горюновыхъ будетъ тьма, тьмы темъ, — тьмы темъ пролетаріата, выброшеннаго разстройствомъ деревенскаго быта и духа, готоваго подчиниться въ чуждой ему средѣ всевозможнымъ вліяніямъ и съ наивностію ребенка не имѣющаго возможности знать и понимать, что въ этихъ вліяніяхъ худо, что добро, — словомъ, пролетаріата, который съ наивностію ребенка можетъ однимъ и тѣмъ же молоткомъ и одной и тою же рукой прибить задвижку по приказанію «гостя» и разбить тому же гостю голову по чьему-нибудь другому указанію и наставленію.

Отчего же все это происходитъ?

Вѣроятно, не разъ, а милліоны и милліоны разъ тотъ же вопросъ, только примѣненный къ самому себѣ и къ своей ужасной исторіи, задавалъ и задаетъ Иванъ Горюновъ, задавали и задаютъ сотни другихъ Ивановъ Горюновыхъ. Сидя въ слезахъ и тоскѣ за желѣзною рѣшеткой тюрьмы, или на пароходѣ-клеткѣ, перевозящей арестантовъ и осужденныхъ въ сибирскія тюрьмы и рудники, Иванъ Горюновъ и ему подобные мучительно ломаютъ, уже погибшія, головы свои надъ этими вопросами: какъ, и зачѣмъ, и отчего? — и, ничего не понимая, но только ужасаясь и недоумѣвая, невольно переносятся мыслию въ родную деревню и инстинктивно ищутъ здѣсь, въ ней, въ условіяхъ ея современной жизни — корни и основаніе всему, что случилось потомъ. Оплакавъ утраченное спокойствіе и цѣломудренность деревенской жизни, оплакавъ утраченную возможность жить какъ люди, работать, играть свадьбу, пить вино на праздникахъ и т. д., и дорываясь до корня своего огромнаго горя, своихъ огромныхъ утратъ, вѣковѣчныхъ, на всю жизнь, — всякій такой Иванъ Горюновъ непременно найдетъ въ самой глубинѣ, на самомъ днѣ своихъ бѣдъ, какую-нибудь деревенскую «случайность», благодаря которой человѣкъ долженъ былъ оторваться отъ дома, отъ деревни и идти въ невѣдомый міръ, плыть безъ кормила и весла... Непременно въ корни корней окажется какое-нибудь, на нашъ взглядъ ничтожное, обстоятель-

ство, отъ котораго и вышло потомъ все, вплоть до конца, до Сибири и ваторги. «Не случись» того-то или того-то въ деревнѣ, въ хозяйствѣ — и не надо было бы уходить оттуда и отдавать себя на волю непонятныхъ вліяній, непонятныхъ условій жизни. Не случись, что умеръ отецъ или братъ, не случись, что пала лошадь, не случись, что старшая сестра сломала ногу и пролежала годъ больная, не случись падежа, неурожая, засухи — и не было бы тысячи случайностей, которыя потомъ захватили человѣка и стали имъ вертѣть по-своему, какъ имъ угодно...

Этихъ случайностей, иногда ничтожныхъ какъ пылинки, никогда не тяготѣло надъ крестьянскою жизнью такъ много, какъ теперь. Земледѣльческій трудъ, весь, сносна, находящійся во власти велѣній природы, самъ по себѣ уже таитъ въ этихъ велѣніяхъ и прихотяхъ природы неисчерпаемый источникъ случайностей. Въ успѣхъ или неуспѣхъ этого труда, — слѣдовательно, въ благосостояніи и нравственномъ равновѣсіи, или въ разореніи и нравственномъ паденіи крестьянъ, — играютъ важную роль не только такіе пособники труда, какъ животныя, скотъ, не только своя личная сила, свое здоровье и т. д., но даже самыя ничтожнѣйшія атмосферныя явленія — направленіе и сила вѣтра (обиль хлѣбъ и т. д.), сила и время дождя, засухи и т. д., и т. д. безъ конца. Все это можетъ осчастливить, все это можетъ и разорить. Всѣ эти случайности необходимо имѣть въ виду. А ихъ въ настоящее время столько развилось, что вся современная жизнь деревни зависитъ именно отъ этихъ случайностей — и стихійныхъ, и всякихъ другихъ, неизвѣстно почему скопившихся надъ деревней какъ нарочно въ такое время, когда она не въ силахъ противопоставить ни «кузьмѣ», ни «жгль», ни «красному пѣтуху» ничего кромѣ отчаяннаго вопля и безцѣльнаго бѣгства «на сторону».

При крѣпостномъ правѣ (намъ не для чего заглядывать дальше для того, чтобы сравнить прошлое народа съ настоящимъ) всѣ эти случайности *волей-неволей* долженъ былъ устранять баринъ, если онъ не былъ, что называется, живорѣзомъ. Онъ, въ видахъ пользы собственной своей, долженъ былъ кормить въ неурожай, давать снотъ во время падежа, помогать свадьбѣ, попускать жениха, — словомъ, онъ долженъ былъ всячески экономизировать людьми. Негодныхъ къ одному труду онъ ставилъ на другой, ни къ чему негодныхъ сдавалъ въ солдаты, а безпомощнаго старика ставилъ къ уткамъ или такъ кормилъ на дворнѣ.

Это былъ скотный дворъ, организованный изъ людей, но—организованный. Возвращенія къ нему не можетъ быть, не возвратиться къ «организациі», перейти отъ полного невниманія къ массамъ къ самому искреннему вниманію—необходимо. Всѣ эти случайности, обставляющія крестьянскій трудъ,—слѣдовательно, играющія огромную роль въ благосостояніи массъ,—въ настоящее время почти не составляютъ предмета серьезнаго вниманія со стороны такъ-называемыхъ командующихъ классовъ. Страхование скота, какъ извѣстно, объявлено только на дняхъ, да неизвѣстно еще, будетъ ли оно удобно для крестьянъ; по части организованнаго кредита тоже въ высшей степени плохо; крестьянскій банкъ все еще продолжаетъ быть журавлемъ въ небѣ; земскія подати въ неурожайные годы—предметъ для хищническихъ злоупотребленій и плохое подспорье для большинства крестьянъ. Да, наконецъ, времени «даромъ» ушло такъ много, что теорія хищничества уже вошла въ моду и въ деревнѣ, и теперь уже нельзя поручиться въ томъ, что даже самое благотѣльное мѣропріятіе не будетъ здѣсь же, въ деревнѣ, повернуто такъ, что окажетъ выгоду меньшинству и вредъ огромному большинству. Отпаденіе отъ «хозяйственнаго», крестьянскаго, чисто земледѣльческаго ядра, составляющаго силу деревни и силу крестьянской массы, все увеличивается; случайности, вѣдѣмъ и ничѣмъ неотстраняемыя, съ одной стороны выбрасываютъ за бортъ общиннаго корабля ослабѣвшихъ, опустившихъ руки, идущихъ искать гдѣ лучше, съ другой—эти же случайности возвышаютъ незначительное меньшинство, которое, владѣя лишнею копѣйкой, пользуется нуждой ослабѣвающихъ, дешево покупаетъ скотъ, напью и другое имущество и богатѣетъ, но въ свою очередь также отпадаетъ отъ крестьянства трудящагося. Одни уходятъ потому, что нельзя трудиться, другіе потому, что можно и не трудиться, можно отдавать «изъ прокату» свинной прессъ, получать за прокатъ деньги, сидѣть въ трактирѣ и играть на гармоніи «Стрѣлочка». Такимъ образомъ отъ общиннаго земледѣльческаго ядра, деревни, въ одну сторону уходятъ, «по разстройству», Иваны Горюновы и поступаютъ лакеями въ трактиры, а въ другую—уходятъ люди вслѣдствіе достатка, уходятъ въ тѣ же трактиры, но не въ качествѣ лакеевъ, а гостей. Эти люди достатка и досуга требуютъ водки и закуски «и все такое», а Иваны Горюновы подаютъ имъ и водку, и закуску, «и услуживаютъ по части всего прочаго». Одни учатся, «что приказывать», а другіе исполняютъ приказанія:

«прибей задвижку» — и прибьетъ, «убей» — и убьетъ, и все однимъ и тѣмъ же молоткомъ.

Несмотря на имущественную разницу между Иванами Горюновыми, перестающими быть крестьянами, «послугою» по нуждѣ, и другимъ типомъ отщепенцевъ крестьянства, бросающихъ его и отвыпающихъ отъ него вслѣдствіе достатка, — въ нравственномъ отношеніи оба типа не представляютъ ни малѣйшей разницы. Оба они, уходя изъ одного общества въ другое, — не вносятъ въ него ничего *своего*, а обречены — по крайней мѣрѣ на долгіе годы — подчиниться тому, что Богъ нанесетъ на нихъ, или что само на нихъ набѣжитъ. Оба эти типа, несмотря на разницу состояній по части матеріальныхъ благъ, одинаково нищія, одинаково безнравственны. Слово «безнравственны» не слѣдуетъ понимать исключительно въ дурномъ смыслѣ, въ смыслѣ дурной нравственности, — вовсе нѣтъ; просимъ понимать его *только* буквально, т. е. только какъ отсутствіе какого-нибудь опредѣленнаго нравственнаго содержанія, какихъ-нибудь опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ... Намъ могутъ многое возразить на это, указать на сектантовъ и т. д., но мы, очень хорошо зная, что этою «безнравственностію» не исчерпываются всѣ свойства народной души, тѣмъ не менѣе не имѣемъ намѣренія доказывать здѣсь, что эти «другія» стороны извѣстны намъ, также какъ и возражателямъ, — не будемъ дѣлать этого именно потому, что мы беремъ специально эти, безнравственныя, а не какія другія черты народной души, хотимъ указать именно на пустыя мѣста этой души, — мѣста, которыя помимо естественныхъ причинъ, держащихъ народную душу въ постоянномъ колебаніи по части «убѣждений», — какъ будто еще умышленно оставляются пустыми, тщательно ограждаются отъ всякаго вторженія въ эту пустоту общечеловѣческихъ интересовъ, идей общаго блага и обязанностей къ ближнему и къ самому себѣ. «Не отвѣчать» за свои поступки какъ лично, такъ и по отношенію къ сосѣду, къ ближнему, народную массу учить, и заставляеть даже насмѣиво, ея трудъ, весь подчиненный прихотямъ природы. «Не отвѣчать» пріучило народъ крѣпостное право, при которомъ за всякія безобразія, за все хорошее и дурное — отвѣчалъ, хотя бы только официально, помещикъ. Теперь, когда это право миновало, надобно отвѣчать самимъ... Но вотъ этой-то отвѣтственности не только никто не требуетъ отъ народа, но, напротивъ, все, что командуетъ имъ, какъ бы умышленно стремится

отучить его от всякой мысли о томъ, что кромѣ отвѣтственности въ исправной уплатѣ податей есть еще другая отвѣтственность— за этого сироту, который можетъ сдѣлаться воромъ, за эту старуху, за этого старика, за эту случайно ослабшую семью, которая можетъ разориться и пустить по міру кучу нищихъ. Ни въ школѣ, ни въ церкви, ни въ другихъ вліяющихъ сферахъ мы не видимъ ни малѣйшихъ попытокъ, не слышимъ ни единого слова, которое обратило бы вниманіе молодого и стараго деревенскаго люда на массу явленій, за которыя по привычкѣ не принято отвѣчать, но за которыя отвѣчать непременно слѣдуетъ. Одинъ деревенскій мальчикъ сказалъ мнѣ: «Сколько разъ я видалъ зиму, и носъ отмораживалъ, и ноги знобилъ, и въ снѣжки игралъ, а все не думалъ, что такое зима... А вотъ какъ прочиталъ стишокъ сочиненія Пушкина про ту же зиму и про тотъ же снѣгъ—и стала мнѣ зима любопытна». Вотъ такого-то слова, которое бы сдѣлало любопытнымъ тысячи явленій, въ которыхъ народъ приглядѣлся, которыя онъ видитъ каждый день, но о которыхъ не думаетъ, какъ мальчикъ не думалъ о зимѣ, хотя и отмораживалъ носъ и знобилъ ноги,—и нѣтъ у насъ. Какъ были выраженіемъ общественныхъ заботъ въ старыя времена мірскаго бытѣ, староста, кабакъ и холодная, такъ и теперь—то же. А когда къ этимъ быку, старостѣ, кабаку и холодной прибавится что-нибудь теплое, въ родѣ постоянного фельдшера (изъ своихъ и для своихъ), въ родѣ мірскаго каморки, въ которой могли бы доживать свой вѣкъ старики бездомные, въ родѣ другой каморки, въ которой больной, вывихнувшій ногу, или больная, обжегшая солнцемъ на жнивѣ спину, могли найти койку и помощь, и т. д., и т. д.,—когда все это будетъ, неизвѣстно. Нигдѣ, повторяемъ, ни въ школѣ, ни въ церкви—мы не слышимъ ни о злѣ ни о добрѣ, ни о добромъ ни о худомъ, ни о безнравственномъ ни о нравственномъ... Конечно, этимъ мертвымъ молчаніемъ нельзя убить въ человѣкѣ душу и совѣсть и она такъ или иначе выразитъ себя въ стремленіи къ свѣту и правдѣ; но какъ бы ни были прекрасны эти, нигдѣмъ не поощряемыя, явленія благородныхъ стремленій души, нельзя не видѣть, что куда къ общиннымъ хозяйскимъ распорядамъ не будетъ *привавлено* права широко и свободно дѣлать все и думать обо всемъ, что только можетъ расширить размѣры народной впечатлительности по отношенію къ горю и благу ближняго,—до тѣхъ поръ деревня будетъ поставлять изъ своей среды, подчиненной слу-

чайностямъ удани и неудачи, съ каждымъ годомъ все большее и большее количество людей съ нравственностью Ивана Горюнова, — нравственностью, полюблемою, какъ лѣсъ, отъ малѣйшаго дуновения въ ту или другую сторону.

Не знаю, скоро ли интеллигентный человѣкъ (т. е. человѣкъ исключительно интеллигентныхъ цѣлей, а не служащій по найму въ интеллигентныхъ должностяхъ) отвоеуетъ для деревни право пещись не о единомъ хлѣбѣ. Это—его обязанность и другой обязанности имѣть у русскаго интеллигентнаго человѣка. Конечно, сперва ему необходимо отвоевать это право и для себя... Очевидно, что и то и другое будетъ не скоро. А покуда мыждемся этого, позволю себѣ возвратиться къ прерванной рѣчи о значеніи «случая» въ современной народной жизни, — «случая», противъ котораго не спасаетъ община, при всѣхъ своихъ хозяйственныхъ совершенствахъ, и который выбрасываетъ изъ «крестьянства» массы безпомощныхъ неудачниковъ на волю Божию. Расскажу по этому поводу кое-что изъ того, что почти сейчасъ происходило предъ моими глазами, но при этомъ заранѣе предупреждаю читателей, что рассказанное будетъ мѣстами производить впечатлѣніе непріятное и грубое. Что дѣлать? Дѣйствительность куда хуже того, что я расскажу сейчасъ.

Почти каждый вечеръ прошлогодняго лѣта, за рѣкой, «на той сторонѣ», среди всеобщаго мира и тишины, вдругъ и неожиданно начинались какіе-то крики, брань, ругань и плачь... Иногда эти крики, этотъ плачь и шумъ поднимались среди ночи, когда все покоилось мертвымъ сномъ, и будили не только мирныхъ обывателей деревни, но и насъ, жителей противоположнаго берега, — такъ они были громки, столько тамъ было женскаго визга и мужскаго рева. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣло не ограничивалось одними криками, а иногда разыгрывалось и въ драку, и что драки эти бывали большею частію пьяныя. Очень часто послѣ того, какъ свалки и крикъ прекращались на той сторонѣ, на нашу сторону переправлялись черезъ рѣчку и шли по нашему берегу какія-то пьяныя, ругавшіяся и грозившія кулаками фигуры, — фигуры, весьма плохо владѣвшія ногами, судя по нетвердой походкѣ, и не менѣе плохо владѣвшія языкомъ, судя по безсвязности рѣчи, иногда переходившей въ простое мычанье. Но какъ ни безсвязно бывало иногда это бормотанье пьяныхъ гулякъ, все-таки, слушая его, можно было по-

нять, что и сами пьяные, и ихъ пьяныя рѣчи имѣютъ какую-то связь съ только-что затихшей на той сторонѣ свалкой. Не разъ смущали меня эти ночныя исторіи и эти толпы пьяныхъ людей, по ночамъ шатавшіяся около моей дачи. Дача была совершенно одинокая, а народу, какъ говорить, тамъ, въ деревнѣ, «много всякаго». По неволѣ подумаешь о томъ, что это за люди, которые чуть не каждый вечеръ производятъ драку, съ криками и со слезами, и потомъ по ночамъ жмутся съ какими-то угровами около дома. Не разъ я спрашивалъ у крестьянъ «съ той стороны», случайно сталкиваясь съ ними, когда они иной разъ перебирались на нашу сторону за сѣномъ или за дровами, такъ какъ икніе луга и лѣсъ были на нашей сторонѣ,—но никто изъ нихъ не далъ мнѣ опредѣленнаго отвѣта: «Пьянствуютъ люди. Вѣдь нонѣ воля,—свободно стало». — «Вѣдь нонѣ нешто мало безобразіевъ-то?» — «Намъ, барюшка, недосугъ за этииъ глядѣть,—намъ вперу съ своей работой управиться, а не то чтобы на какихъ подлецовъ смотрѣть. Нонѣ всякаго есть — и хорошаго, и худого, сколько угодно... Кто такое шумить?—А Господь ихъ вѣдаетъ. Такъ должно-быть какіе-нибудь пьянцы...» и т. д. А шумъ и драки на той сторонѣ продолжали повторяться, какъ и прежде, черезъ день, черезъ два. По праздникамъ и по воскреснымъ днямъ они бывали ужъ невреѣнно.

Заходитъ однажды ко мнѣ волостной старшина, съ которымъ я познакомился уже давно, проситъ посидѣть—«подождать одного человѣчка». Человѣчекъ долженъ проходить какъ разъ мимо моей дачи, такъ вотъ старшина и свѣлъ къ окошку, которое выходитъ на дорогу.

— Что это за драки на той сторонѣ?—спросилъ я его.

— Какъ драки?

— Черезъ день, черезъ два ужъ непреѣнно и шумъ, и драки, и крикъ на той сторонѣ.

— О, да, да... Ужъ давно я думалъ вывести, искоренить это гнѣздо, да все недосугъ. Проститутки живутъ,—ну, и пьянство...

— А драки-то?

— Да ужъ одно безъ другаго не ходить. Что и за гулянье безъ драки...

— Да какія же тутъ у васъ проститутки?

— Очень просто—гулящія...

— Какимъ же образомъ завелись онѣ тутъ?

— Завелись-то онѣ въ прежнее время... Началось это, видите ли... стоялъ полкъ по близости. Вотъ откуда пошло направление это самое... Да и по сейчасъ не вдалекѣ войска стоятъ и солдаты шляются... Началось-то съ войскоть,—ну, а потомъ и пошло, и свои пошли баловаться... Вѣдь нонѣ народъ распустивши, не дай Богъ...хлопотъ-то, ежели бы знали, сколько, не приведи Господи! Какъ есть съ этой должностью всего хозяйства рѣшишься. Вотъ хотъ бы сейчасъ: шлялись къ этимъ проституткамъ солдаты, а потомъ и стали въ лазаретъ поступать... Теперича вотъ предписано мнѣ всѣхъ этихъ шкуръ представлять, каждый вторникъ, къ доктору,—нарочно земскій докторъ прѣзжаетъ. Четверыхъ я ушь сегодня представлялъ,—отпустили; а вотъ пятую,—она-то должно-быть и корень всему,—вотъ и дожидаясь теперича... Докторъ тамъ сердится, а я си-ди вотъ, гляди... А свое дѣло стоитъ.

— Такъ вы эту «пятую» дожидаетесь?

— То-то и есть... Докторъ сердится, а гдѣ я ее возьму? Она вонъ на покось ушла,—жди ее!

— Такъ она и на покось ходить, и проститутка?

— Да вѣдь надо жрать-то что-нибудь? Теперь поденно, на хозяйскихъ харчахъ, бабѣ тридцать копѣекъ даемъ въ сутки,—какъ же не идтить-то? А гуляной вѣдь не проживешь. Видите, каковы гулянки-то: рубль пропьютъ да на три цѣлковыхъ ре-беръ поломають... Кажный вечеръ сами слышите, какъ плачуть гулянки-то... Вѣдь иной пьяный соврасъ какъ разойдется-то, кулачище-то раскумать... Да съ эстихъ съ гулянокъ и не пржить: нонича хлѣбъ дорогой, а вѣдь надо каждый день что-нибудь покушать... Водкой-то, пожалуй, напоять, да кулаками накормить,—съ этого сытъ не будешь,—такъ какъ же ей на ко-совицу-то не идтить? Я думаю, она и горячаго-то не ѣсть по цѣ-лымъ зимамъ, а тутъ каждый день какъ-никакъ—похлебка...

— Какъ же это такъ? Кто же онѣ такіа?

— Какъ сказать?... Бѣдность!... Вотъ теперича,—которую я жду женщину,—отца у нея нѣтъ, и матери нѣтъ, а братъ въ Питерѣ... Тоже, сказываютъ, пьянствуетъ,—за паспортъ день-ги не присылаетъ. Хочу вытребовать, ужъ и бумагу послалъ... Вотъ и живетъ... Какъ одной-то справиться въ разстройство? Вотъ и идетъ въ грѣхъ... А по новѣшему времени много охотниковъ-то: и солдаты есть, и свои, сѣняики, прикащи-ки,—разнаго народу много... А вотъ никакъ и мои красавицы!...

Въ самомъ дѣлѣ, по дорогѣ, направляясь къ перевозу черезъ рѣчку, шла толпа крестьянскихъ женщинъ, босикомъ, съ граблями на плечахъ, въ подоткнутыхъ платишкахъ и въ однихъ войникахъ, съ голыми, черными отъ солнечнаго загара, шеями. Старшина взялся за шапку, распрощался и торопливо вышелъ на дорогу. Изъ она я видѣлъ, какъ онъ помахалъ бабамъ рукой, приглашая остановиться, какъ вошелъ въ толпу, говорилъ что-то и какъ потомъ одна изъ женщинъ, передавъ грабли сосѣдѣ, вышла изъ толпы и отошла съ старшиной въ сторону... Бабы постояли еще съ минуту, столпившись кучей, но потомъ опять выстроились въ шеренгу и пошли своею дорогой къ перевозу. Старшина и несчастная проститутка остались одни на дорогѣ и разговаривали. Высокая, сторбленная, нищенски одѣтая и уже не совсѣмъ молодая баба, потупившись, слушала то, что ей говорилъ старшина. Раза два она пробовала что-то отвѣтить ему, крестясь и ударяя рукою въ грудь, но голоса не было у нея. Видно было, что она съ огромными усилиями старается сдѣлать свою рѣчь звучной, но не выходитъ ничего кромѣ хрипоты. Но вотъ она взялась за фартукъ, заплакала, поднесла фартукъ къ глазамъ и поделалась вслѣдъ за старшиной. Старшина, въ новомъ черномъ картузикѣ, въ опрятненькомъ пиджачкѣ, надѣтомъ сверхъ красной русской рубахи, выпущенной изъ-подъ жилета, и въ новенькихъ блестящихъ сапогахъ съ бураками, шелъ, пожимая плечами и разводя руками, впереди, а баба, поминутно утиравшая фартукомъ то носъ, то ротъ, то глаза, шла за нимъ. Они шли въ волостное правленіе, которое помѣщалось въ деревнѣ на нашей сторонѣ и куда заѣзжалъ по временамъ земскій врачъ.

Тяжелое впечатлѣніе этой сцены, горькая участь этой несчастной деревенской проститутки (да, читатель, у насъ *уже* есть деревенская проституція!), которой нечего ѣсть, которая по цѣлымъ зимамъ не ѣсть горячаго, которую поить водкой и бьютъ и которая въ то же время охотно работаетъ обыкновенную крестьянскую работу, находя очень выгоднымъ получать тридцать копѣекъ въ сутки и похлебку, — все это было новой прибавкой къ той массѣ впечатлѣній «ненужнаго зла», — зла, которое можетъ не быть у насъ, но которое, однако, плодится и множится вопреки всякому смыслу человѣческому, котораго такъ много даетъ разстроенная деревня каждый день и каждый часъ. Что дѣлать съ впечатлѣніями такого рода? Обыкновенно они не

то чтобы забываются, а какъ-то изнываютъ въ душѣ; прибавивъ къ постоянному ощущенію какой-то душевной тяготы, испытываемой въ деревнѣ при видѣ, повторяю, явленій «ненужнаго» зла, еще новую тяжесть. Но на этотъ разъ новое тяжелое впечатлѣніе не имѣло обычнаго результата,—ему суждено было осложниться новыми, не менѣ тяжелыми подробностями. Во-первыхъ, въ этотъ же день, часа черезъ два послѣ того, какъ старшина увелъ бабу въ волость, мнѣ опять пришлось встрѣтиться съ нимъ.

Я сидѣлъ у воротъ дачи, когда онъ возвращался изъ волости.

— Ну, что?—спросилъ я его какъ-то машинально.

— Посадишь!—отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами и поздоровавшись.

— Бюго посадишь?

— Да эту самую проститутку-то... Посадишь въ холодную.

— За что же?

— Да куда я ее дѣну?... Доктора ждалъ, ждалъ—не дождался; обѣщался пріѣхать послѣ, а пока-что оставилъ записку «надзирать»... А какъ я буду надзирать за ней? Не караульщика же въ самомъ дѣлѣ нанимать мнѣ... На какія деньги?... Ну, и распорядился запереть въ темную... Накормить—накормить... А вѣдь такъ-то пустить на волю, — она вонъ совсѣмъ ужъ голоса лишилась,—такъ ее пустить нельзя.

— Почему же въ холодную?

— Да куда же-съ? Вѣдь нѣту... Вѣдь у насъ ничего этого нѣту... Больница за пятьдесятъ верстъ... Вѣдь нѣту этого ничего... У насъ холодная за все — и клиника, и тюрьма, и исправляемъ, и отрезвляемъ, и внушаемъ,—все въ одномъ мѣстѣ. Заперъ въ холодную и—все! Кабы какіе прочіе способы были, или что-нибудь по-христіански, а то вѣдь нѣту. Холодная—это есть. Ну, и сажаемъ... Даже странники, которые, бываетъ, ко святымъ мѣстамъ идутъ, ночевать просятъ—и тѣхъ бывало въ холодную на ночлегъ запираемъ, потому народъ набаловавши, распустивши... Иной странникъ попросится ночевать, да и обмолбствуется что-нибудь изъ сундука...

Старшина помолчалъ, отеръ платкомъ лобъ и проговорилъ:

— Конечно, воешь, сидить... Я и самъ понимаю, что за удовольствіе за желѣзной рѣшеткой сидѣть, да вѣдь, матушка моя, ничего не подѣлаешь... Вѣдь эдакую болѣзнь въ народѣ раз-

водить — тоже не хвалить за это... Я ужь и такъ отвѣчаю, отвѣчаю, ужь и отвѣчать-то усталъ...

Прибавивъ своимъ разговоромъ къ тяжелому впечатлѣнію дня еще новую тяжелую и непривѣтливую черту, старшина ушелъ. Но этимъ дѣло не кончилось и на другой же день послѣдовало новое дополненіе.

— Петръ Петровичъ васъ спрашиваетъ, — сказали мнѣ утромъ слѣдующаго дня.

Петръ Петровичъ былъ все тотъ же старшина.

— Гдѣ онъ?

— Онъ на лошади, въ телѣгѣ.

Я вышелъ на дорогу. Петръ Петровичъ сидѣлъ, а внизу, въ ногахъ у него, на мѣшиѣ, сидѣла дѣвочка лѣтъ четырехъ и во всю мочь заливалась горячими слезами. Вся она была въ грязи, въ одномъ ситцевомъ платишкѣ, которое замѣняло и рубашку; ноги были босмы, грязныя, а голова престоволодая.

— Что мнѣ вотъ съ этой дѣвочкой дѣлать? Матку-то сегодня въ лазаретъ отправили, а вотъ дочка осталась.

— Это той, про которую вы вчера рассказывали?

— Вотъ этой самой дочь... Мать-то, должно-быть, не сказала доктору, — думала, отпустить, — а онъ уѣхалъ, приказавъ отвезть ее въ лазаретъ, а про дѣвочку ничего не сказано... Отдать къ матери, — ну-ко и дѣвочка захвораетъ? Такъ чтобы чего, на ней непримѣтно, ничего худого... Оставить здѣсь, — никто не беретъ, боятся. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ и дѣвочка больна... Куда я съ ней дѣнуся?

Для черезъ два-три дѣвочку эту удалось пристроить у одной вдовы, но теперь, въ эту минуту, о которой я рассказываю, положеніе ея было самое трогательное.

— Взять?... Но можетъ быть она больна?... Не взять, такъ куда же она дѣнется?

Къ телѣгѣ подошло еще нѣсколько человѣкъ, два мужика и баба. Веѣ мы стояли и думали, но ничего не могли придумать.

— Ну, куда я ее дѣну? — спрашивалъ старшина. — Да не кричи ты! Чего горло-то пялишь?... Не пропадетъ твоя мамка.

— Больная ежели, не возьмутъ! — говорила баба и мужики подтверждали.

«Холодная» и тутъ рисовалась, какъ единственное нейтральное спасительное мѣсто, но оставить дѣвочку въ холодной было невозможно.

— Н-нѣтъ! — подумавши и покачавъ головой, проговорилъ одинъ изъ зрителей и пошелъ прочь.

— Бабы знато, что здорова, а то нѣтъ! — сказала баба и тоже ушла.

— Еслибы здорова... — сказалъ я.

— Ахъ ты Господи! — проманилъ старшина и послѣ нѣкотораго молчанія и раздумья сказалъ вчужу: — Н-ну, дѣлать нечего, трогай!...

— Куда ѣхать-то?

— Трогай, я тебѣ говорю!... Поѣзжай прямо.

— Куда прямо? Ѣхать, такъ надо къ мѣсту.

— Да и безъ тебя знаю, что къ мѣсту. Не въ лѣсъ поѣдемъ... Садись на передокъ-то!

— Миѣ сѣсть не долго... А ѣхать-то куда? Миѣ тоже лошадь-то самому нужна.

— Ну, не разговаривай, потрогивай... Знаемъ, куда ѣхать.

Говоря: «знаемъ куда ѣхать», старшина, однако, не отдавалъ какого-либо опредѣленнаго приказания; онъ поправлялся на сидѣнья, усаживался поудобнѣе, но видимо недоумѣвалъ, куда направить нуть. Но вдругъ его освѣтила мысль, онъ усѣлся и крикнулъ:

— Пошелъ назадъ! Поворачивай за рѣку!... Не знаю, куда ѣхать... Авось, найдемъ... Потрогивай-ка, а не разговаривай!

— Куда-жь вы? — спросилъ я.

— А жъ старостѣ, сдашь ее — вотъ и все. Общество, такъ и отвѣчай за своихъ.

— А какъ и тамъ никто не возьметъ?

— А миѣ какое дѣло? Что я нянька, что ли? У меня двое сутокъ ушло, а миѣ каждый день пятнадцать цѣлковыхъ убытку... Поворачивай-ка съ Господомъ!

— А какъ не возьметъ староста-то? — повторилъ я еще разъ, когда телѣга стала поворачивать отъ дома на дорогу.

— А въ холодную не хочешь? — обернувшись назадъ, отвѣтилъ старшина и раскланялся.

Телѣга поѣхала назадъ, за рѣку, и дѣвочка снова залилась горючими слезами.

Дня черезъ два, черезъ три, какъ я уже говорилъ, кое-какъ удалось устроить эту дѣвочку у одной престарѣлой вдовы, — это я зналъ навѣрное, — но что съ нею, куда она дѣвалась и гдѣ

ея мать, до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Не разъ встрѣчаясь послѣ того, какъ дѣвочка была устроена, со старшиной, я спрашивалъ его и о дѣвочкѣ, и о матери, но онъ ничего не зналъ. «Слава тебѣ, Господи, хоть съ рукъ сбылъ,—вѣдь, ей-Богу, и безъ этого хлопотъ не оберешься». Но за то неожиданный случай далъ мнѣ возможность узнать всю исторію разстройства этой семьи, изъ которой вышли эта гулящая, избитая и больная мать, отправленная въ лазаретъ, эта дѣвочка, которая неизвѣстно гдѣ находится, и братъ ея матери, про котораго старшина сказалъ, что онъ пьянствуетъ въ Петербургѣ и не высылаетъ денегъ на паспортъ. Читатель помнитъ, что старшина не хотѣлъ высылать ему паспорта и что, слѣдовательно, онъ волей-неволей долженъ былъ воротиться въ деревню.

И онъ дѣйствительно воротился.

Нѣсколько разъ говорилъ я знакомымъ мужьямъ, чтобъ они приехали кого-нибудь выкосить дворъ и садъ при дачѣ,—они за лѣто сильно заросли травой,—и всякій разъ мнѣ говорили: «хорошо, ладно, придемъ или приплемъ»; но такъ какъ пора работы была горячая, то отрываться отъ нея для такого ничтожнаго дѣла, какъ косьба сада, было не изъ чего. «Усиѣется». Но вотъ однажды въ ворота дачи вошелъ человѣкъ, неся на плечѣ коосу; повидимому, это былъ представитель той деревенской голы, которой такъ много теперь возвращается изъ столицъ въ деревни, съ пьяными синяками по всему лицу, безъ копѣйки и иногда буквально безъ одѣжи, если не считать рубахи и штановъ за единственную одежду, прикрывающую отъ непогоды. Росту онъ былъ высокаго, въ кости широкъ, но худъ и вялъ, хоть и молодъ. При первомъ же взглядѣ на его лицо, носившее слѣды пьянства и болѣзни, не трудно было видѣть, что онъ только-что продолжительно хворалъ. Голосъ, лазаретный цвѣтъ лица, голова обстриженная подъ гребенку и мѣстами совершенно облѣзлая и какія-то розовыя язвы, какъ бы чуть-чуть затянутыя кожей, говорили, что онъ былъ боленъ крѣпко и притомъ нехорошо... (Я предупреждалъ читателей насчетъ непривлекательныхъ подробностей и еще разъ предупреждаю.) Снявъ рыжій рваный картузь и обнаживъ больную голову, онъ сказалъ, что прослышалъ насчетъ косьбы, и просилъ дать ему эту работу. «Что пожелаешь,—сказалъ онъ относительно цѣны.—Какая это работа!... Нѣшто такія работы работывали?... Теперь и носы-то вотъ нѣтъ». Боса была со сломанною ручкой и лезвіе ея, почернѣвшее отъ сырой

травы, было тонко и глубоко выѣдено брусомъ: видно, что коса много послужила на своемъ вѣку.

Стагъ онъ косить. Косилъ плохо, хоть и съ жаромъ принялся за работу: видно было, что онъ разучился, если и умѣлъ, и что недавняя болѣзнь ослабила его силы. Съ двухъ-трехъ взмаховъ покраснѣлъ, вспотѣлъ и ужъ вытиралъ лобъ. И все время онъ говорилъ, что «такъ ли кашивали!... Первый косагъ былъ... А теперь и косу-то занялъ у людей, и то насилу-насилу дали,—хоть помирай». Разговорились мы и скоро оказалось, что это тотъ самый Михайло, пьяница петербургскій, про котораго говорилъ старшина и сестру котораго увезли въ лазаретъ. Эта куча больныхъ, и битыхъ, и пьяныхъ людей—безъ кола, безъ двора и безъ хлѣба—неволью заставила меня подробнѣе распросить о причинѣ разстройства ихъ семейства, и вотъ что объ этомъ рассказалъ мнѣ Михайло.

«...Какъ вспомнишь, какъ въ прежнее-то время жили,—вѣрите ли, сердце кровью обольется... Теперича, говорю, вотъ и коса чужая, и на себѣ ничего нѣту, и сестра эва въ какомъ мѣстѣ находится,—срамота, не глядѣлъ бы на бѣлый свѣтъ... И не знаю, за что и взяться, и съ чего начинать... Взяться-то не съ чего,—синя пороха нѣтъ,—а все было, все было хорошо, исправно... И давно ли? Почитай, есть ли годовъ пятокъ, много-много лѣтъ шесть, какъ людьми жили, семействомъ, а теперь вотъ... (Разсказчикъ утеръ слезу.) Конечно, маменька покойница рано померла, а все жили ладно; отецъ-родитель,—царство ему небесное!—ерѣпкій былъ человекъ, неустанный работникъ, и въ ту пору, какъ бѣдѣ-то случиться, было у насъ земли на три души. Первый работникъ—родитель, второй—я,—миѣ ужъ тогда подъ двадцать годовъ подошло,—а третья—сестра, вотъ которая теперича занапрасно пропадаетъ... Въ ту пору была она дѣвка славная, годовъ подъ семнадцать. И что дальше, то все бы лучше должно выходить: первое — сестру замужъ, —хотѣли работника въ домъ взять, потому тятенька нашъ добрѣющій былъ человекъ, душевенный, жалостливый. Любилъ онъ насъ, родитель нашъ милостивый, отъ сердца любилъ. «Не отдамъ, говорилъ, Марѣутку въ чужіе люди, найду ей жениха, — пусть на

моихъ глазахъ живутъ»; да и мнѣ пора ужь была въ законъ вступать... И была бы у насъ семья полная, въ полномъ видѣ. Такая семья выходила первый сортъ, все молодые, а большаки—добрый и ласковый... И непременно бы такъ и было, и въ ту же осень все бы такъ и исполнилось, потому урожай страшный былъ въ тотъ годъ. Страсть, что былъ за урожай, — старики не запомнятъ этакого года благословеннаго. Все выходило по-хорошему, по-пріятному, — анъ и случись невѣдомо что... Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!... Подумаешь, подумаешь... Я вотъ теперь плелся изъ Питера-то, Христовымъ именемъ побирался, и чего-чего не передумалъ, чего-чего не намучился вспоминаячи - то... И думается такъ: коли бы ежли въ тотъ годъ не случилась весна ранняя, такъ и не было бы ничего этого, и все бы было по-хорошему, и тятенька былъ бы живъ-живехонекъ, и Марутка бы въ законѣ жила, да и я бы былъ вполне какъ должно человѣку быть, а не ежли подобнымъ какъ есть подлецомъ... То-то вѣдь Господь-то, премудры его велѣнія...

«И случилось въ тотъ годъ, — говорю я вамъ, — ранняя весна. Никогда старики такой ранней весны не видавали. Зимы почитай-что и снѣгу не было, — все тепло, и туманъ... А ежли и снѣжокъ выпадалъ, такъ сейчасъ и дождь. И стала весна вполне въ такую пору, когда въ прочія времена еще сугробы снѣга лежать и метели крутятъ по дорогамъ... Старики долго остерегались её, этой весны-то, — думали, не ударятъ ли морозы, — нѣтъ, тепло, и травка... Погодили, погодили и принялись за работу... И отработали мы весеннія дѣла почитай-что недѣли за двѣ раньше, чѣмъ въ прочіе-то годы... Отработали мы такъ-то, глядь — и весь порядокъ у насъ сдвинулся на бокъ, и вышло у насъ такъ, что передъ Петровымъ днемъ вылупились двѣ лишніе недѣли... Что по весеннимъ работамъ слѣдовало, то ужь пошабашили; а что надо было насчетъ лѣтнихъ, то — рано. И межупары прошло, а все двѣ недѣли пустого мѣста остается; все передѣлали — какія мелочи, починки, а все много время... Чисто вотъ какъ трещина кабая вышла!... Хоть что хошь, а нѣту никакой работы... И направо работа была, и налѣво взять работы будетъ, а по середкѣ — ровно дыра кабая... Ужь мы въ это время и пѣсни играли, и такъ лежишь-спишь, сколько влѣзеть, и опять за пѣс-

ни, — все некуда дѣвать. До того дошло дѣло, что ужь старые старики, почтенные, и тѣ не знаютъ, какъ распорядиться, даже въ ладыжки, — побожиться, не лгу, — игрывали... Вѣдь даже смѣху достойно было смотрѣть, какъ прародители-то эти соберутся... «Ну-ко, — говорятъ, — кости-то поразмять...» И въ рюхи игрывали. Иной старикъ на одной ногѣ съ дубиной скачетъ, точно ребенокъ малый, — вспомнить, такъ посейчасъ смѣхъ разбираетъ...

«Вотъ разъ такъ-то вечеркомъ и разыгрались — и старики и молодые, и дѣвки и бабы, и малые ребята... Веселое время было; у всѣхъ на сердцѣ было весело, потому урожай Господь давалъ небывалый... А ужь какъ хлѣба много будетъ, такъ мужикъ прямо отъ веселья пьянъ... Разыгрались до того, что даже староста обмотался весь холстами, да вмостился на ходули и сталъ народъ пугать... А мы, молодые, кто какъ — кто колесомъ, кто какъ обдумалъ... Вотъ и я тутъ же. А я въ ту пору, хоть и было мнѣ подъ двадцать годовъ, какъ вспомню, такъ былъ я подобенъ малому ребенку. Ничего я тогда этого не зналъ — ни водки, ни трактировъ... Игралъ такъ, какъ ребята играютъ... Всѣмъ весело, а мнѣ пуще всѣхъ... И была у меня въ рукахъ дубина... Перво-наперво «въ рюхи» игралъ, дубиной бросалъ, а потомъ и такъ сталъ махать зря, старосту съ ходуль этой дубиной снесъ, только всѣхъ насмѣшилъ... А надо вамъ сказать вотъ что: пришлось мнѣ везти на станцію какого-то прикащика и далъ мнѣ тотъ прикащикъ двадцать копѣекъ на чай: «поди, говорить, выпей чаю». Вотъ я и былъ снова въ трактирѣ. Пилъ я чай и все глядѣлъ, какъ на билиартѣ играютъ... Я ужь послѣ узналъ, что это билиартъ называется, а тогда я только смотрѣлъ, что за игра такая, и слушалъ, что говорятъ. Вотъ и запомнилъ я три слова: «Дуплетомъ — въ уголь — мимо!» Вотъ какъ разыгрались мы по деревнѣ, я и упомянулъ эти слова-то: и въ рюхи игралъ, а все повторялъ ихъ; и какъ съ палкой гулять сталъ, тоже все они на языкъ лѣзутъ. Тятенька покойникъ, — веселый, помню, сидѣлъ на заваленкѣ, — говорить: «что бормочешь?» А я не знаю, что эти слова и значутъ... Размахнулся дубиной, пустилъ ее въ рюху или въ сабаку, — а языкъ самъ прибавилъ: «Дуплетомъ — въ уголь — мимо!» Играли, играли такъ-то, ужь и

темнѣть начинало, — ужь не одинъ староста, а человекъ пять на ходуляхъ по селу пошли дѣвокъ и бабъ пугать, — стали медвѣдями наряжаться, а я все во всѣхъ мѣстахъ съ своей дубиной и все: «Дуплетомъ — въ уголъ — мимо...» Вдругъ какъ шарахнетъ на меня изъ-за плетня мужикъ, прямо подъ ноги, на четверенькахъ, овчиной вверхъ одѣлся, заревѣлъ, а я не поостерегся да дубиной-то, значить «дуплетомъ — въ уголъ — мимо», какъ рѣзну, съ разбѣгу-то, глядь — медвѣдь-то и растянулся... Застоналъ, распластался весь... Такъ я и ахнулъ... Вѣдь отца родного... Батюшки мои, батюшки мои миленькіе!... (разсказчикъ плакалъ въ три ручья и косилъ). Онъ, родимый мой, сидѣлъ, сидѣлъ на заваленгѣ-то, любовался баловствомъ нашимъ, потомъ (сестра сказывала) «погоди, — говоритъ, — я ихъ пугану...» Пошелъ, на дѣлъ овчину, да на четверенькахъ и сунулся въ народъ, замычалъ по-медвѣжьи... Тутъ-то я его и...

«Ужь тутъ-то я рыдалъ, тутъ-то я тятеньку моего родного, батюшку, цѣловалъ-обнималъ, тутъ-то я убивался! Кажется, все нутро у меня какъ печь раскаленная отъ горя, отъ тоски... А ужь кончено, ничего не подѣлаешь... Аминь!... Какъ что было, ничего не помню: какъ хоронили, какъ меня мыкали-судили, какъ въ темной сидѣлъ, какъ въ судѣ былъ, что говорилъ — все равно какъ во снѣ это для меня было... Окончилось дѣло, — на годъ на покаяніе въ монастырь. Покуда судъ да всякая волочба шли, такъ еще все я опаматоваться не могъ, все какъ сонный... А какъ опредѣлили меня въ монастырь, — въ лѣсу онъ стоялъ, тихо тамъ, народу нѣту, праздники осенніе, — какъ остался я тутъ, и сталъ думать, сталъ соображаться, какъ быть, что дѣлать... Сталъ думать-то, а дѣлать ужь нечего, — ужь все пошло прахомъ, все повалилось... Замѣсто того, чтобъ объ осени двѣ свадьбы играть, да на двѣ души силы прибавить, — ежели бы то-есть сестринъ мужъ и моя жена прибавились, — пришлось дому остаться совсѣмъ безъ народу: меня нѣту, родителя нѣту, осталась одна сестра... Пришло бѣднягѣ такъ, что продала на корню весь хлѣбъ, подати еле-еле отдала, двѣ души въ общество сдала и ужь кое-какъ выплакала земельки на одну душу, — думаетъ, ворочусь я все какъ-нибудь... Какая была скотина лишняя, продала, наняла работника, посѣялась и перебивается зиму-то съ

хлѣба на квасъ... А зима опять безъ снѣгу стояла и опять весна ранняя, да тутъ ужь не такъ, какъ въ прошлый годъ. Вся деревня съ весны тосковать стала, потому въ позапрошлую зиму хоть и не было снѣгу, да мѣста у насъ и такъ мокры, тепло-то и взялось за эту сырь, да за лѣто - то всю ее и вытянуло изъ земли-то. Урожай былъ точно на диво... Ну, а ужь на другой-то годъ, безъ снѣгу-то, ужь трудно землѣ-то стало. А весна-то пришла жаркая, сухая; стало палить-нажаривать съ самыхъ первыхъ дѣнь, выдернуло колось сразу, а потомъ и стало его жечь. Земля стала бѣлая, и что дальше, то крѣпче... Молились, молебны служили, а не далъ Богъ дождя; сдѣлалась земля какъ камень крѣпкая. Тутъ ужь не до гулянки. Не то, чтобы пѣсни пѣть, а, рассказываютъ, принялись бабы выть, да обмирать, да за обѣдней выкликать зачали... Пошли слухи про свѣтопрестановленіе, про антихристово пришествіе... Затосковалъ народъ... А солнце палить, какъ печка раскаленная. Прижгло все начисто. Еле-еле на двѣ недѣли травы собрали, сѣмянъ только-только на посѣвъ, да и то у исправныхъ, богатыхъ, а ужь нашъ домъ совсѣмъ развалился. Осталась сестра безъ всего... Какія были деньжонки или скотина—все разошлось въ годъ-то по-мелочи... Одному мнѣ сколько сердечная передавала! Все надо: и по судамъ, и въ монастырѣ—письмо написать, сторожу дать, караульнаго поблагодарить, когда булочку купить, изъ одѣжи тоже нуждался... Все по-мелочи, по-мелочи, а все не въ домъ, все изъ дому... А въ монастырѣ братія тоже не ласкова, коли не угостишь... Тутъ я съ тоски по разоренью и самъ сталъ рюмочки придерживать, а до этого капли не бралъ... Исхудалъ я тутъ, истосковался, измучился, — не знаю, что и будетъ... Отбылъ свой терминъ, пошелъ въ деревню... Ничего нѣтъ! И послѣдней души удержать не могу, — сдалъ. Тутъ вступилъ Ермолаевскій полкъ (должно-быть Ингерманландскій), въ десяти верстахъ сталъ. Стала сестра ходить туда стирку брать... А я и не знаю, за что взяться. Стали у насъ на деревнѣ ребята собираться въ Питеръ на поденщину, — ну, подумаль-подумаль и ушелъ съ ними... Авось, думаю, счастье Богъ дастъ... И что же вѣдь?—Послалъ Господь, да дуракъ я былъ, не умѣлъ я понимать... Вотъ наше горе мужицкое—обломы, пеотесы!... А вѣдь какая штука-то навернулась, сказать ли тебѣ?...

Разказчикъ помолчалъ, заинтересовывая меня и этимъ молчаніемъ, и загадочно-развеселившимся лицомъ.

— Въ любовники прямо, съ одного маху, влетѣлъ, почитай-что только носъ показавъ въ Питеръ-то!... Да вѣдь, братъ ты мой, порция-то какая попалась! Своихъ, чистыхъ, денегъ скоплено было у ей, у этой самой Аграфены, подъ пять сотъ рублей, да два сундука всякаго добра нажито, пудовъ по двѣнадцати въ сундукѣ! Вѣдь вотъ какая штука подвернулась! Миѣ бы, — ежели бы, то-есть, имѣлъ я человѣческій умъ, — миѣ бы самому надобно бы ее на бракъ склонять. Я бы самъ долженъ былъ вовлекать ее въ это дѣло, да на пять-то сотъ въ своей же деревнѣ кабакъ либо лавочку отереть, и были бы всѣ сыты, и все бы было честно, благородно. То-то ума-то нѣтъ!... На мѣсто того, за всю ейную любовь только и было моихъ мыслей, какъ бы ей хуже сдѣлать, чтобъ ей было какъ посквернѣй. Вотъ какая дубина!... Потому что не понималъ я этихъ любовныхъ поступковъ; представилось миѣ все это какъ подлость одна... Неотесъ!...

«Перво - наперво, недѣли съ двѣ, какъ въ Питеръ - то пришли мы, шаяся я безъ всякаго пропитанія... Еле-еле три копейки на ночлегъ выпросишь Христа-ради... Думалъ, подохну гдѣ-нибудь какъ собака... А тутъ иду одна по Пескамъ, по восьмой улицѣ, — сидитъ у воротъ старичокъ дворникъ... Иду и самъ не знаю куда. Увидалъ старичка, говорю: «Нѣтъ ли какой работы?» Сначала-то говорилъ — нѣту, а потомъ поразговорился, пораспросилъ, — «постой, — говоритъ, — я къ барынѣ пойду...» Пошелъ и вскорости воротился. — «Хочешь, — говоритъ, — три рубля, оставайся!» Я и остался, въ подручные ему. Домикъ былъ невеликъ, деревянный, шесть квартиръ, да во флигелѣ еще три махонькія... Вотъ я и сталъ ворочать и воду, и дрова, и соръ... Радъ, что хошь щи-то ѣшь каждый Божій день. Вотъ въ это время и увидалъ я Аграфену. Принесъ я въ первый разъ дрова въ хозяйскую кухню, вижу — женщина, одѣта по-хорошему, ростомъ коротковата, волосомъ черная, а годовъ ей на видъ ужъ за тридцать, однако не похожа на старуху. Увидала она меня и остановилась, и смотреть, — я дрова складываю, а она смотритъ; потомъ вздохнула и пошла, а потомъ опять пришла. Она миѣ потомъ сама сказывала: «ты, — говоритъ, — сразу миѣ полюбилъ»

ся. Я,—говорить,—как увидела тебя, такъ въ ту же пору о тебѣ затосковала...» А меня,—я по совѣсти говорю,—ежели бы съ недѣлю покормить въ ту пору хорошо, такъ я бы послѣ голодовки-то ловко выправился... Вотъ Аграфена-то и поняла это. Пришелъ я на другое утро съ дровами, опять она въ куфнѣ.— «Ты,—говорить,—усталъ, вотъ тебѣ кофейникъ, пей кофій съ чернымъ хлѣбомъ». Выпилъ я тутъ стакановъ съ десятокъ—до того, что ужъ одинъ кипятокъ въ стаканъ наливаю, а Аграфена только ухмыляется, головой качаетъ. Съ тѣхъ поръ стала она меня въ свою комнату звать кофій пить. Приду, сложу дрова, или воду вылью въ кадку,—«иди кофеи пить». Заведетъ меня подъ лѣстницу, принесетъ булокъ, калачей,—ѣшь! Я пью, ѣмъ, а она на свою горькую участь жалуется. «Всю жизнь,—говорить,—свѣту не видала. Сирота круглая. Съ малыхъ дѣнь жила въ казенномъ пріютѣ, кормили плохо, строгости большія, все божественному учили, чтобы потомъ въ прислуги въ хорошіе дома отдавать... Взяли,—говорить,—потомъ въ прислуги, прожила я въ хорошемъ домѣ двадцать лѣтъ,—ни дня, ни ночи не видала покою. Барыня была старуха божественная, поѣдомъ ѣла. Сколько,—говорить,—жениховъ сваталось, всѣхъ прогнала барыня-то. Жениха прогнать, а мнѣ пригрозить: въ аттестатъ напишу!... А не то,—говорить,—иди: ни жалованья, ни одѣжи не дамъ. Такъ и жила какъ въ тюрьмѣ». Померла эта божественная-то барыня, поступила Аграфена къ другой—къ той самой, у которой домъ я гдѣ я мѣсто получилъ. Жила она здѣсь свободно, барыня была вдова, все плакала по мужчинамъ,—все они ее обманывали... И Аграфена также все о мужчинахъ тосковала, что дожила она до какихъ лѣтъ, а никакого удовольствія не видала. Вотъ онѣ обѣ и сошлись—и барыня, и влчюница. И у куфарки былъ любовникъ—музыкантъ полковой. Такъ у нихъ у всѣхъ и было согласно все по любовной части. Однѣ женщины да любовники, только Аграфена все разыскивала себѣ по сердцу. А тутъ и нанеси меня нелегкая... Вотъ и стала она меня кофиемъ поить, да про горькую участь свою рассказывать... Я пью-ѣмъ, а она говоритъ, говоритъ, какимъ хорошимъ женихамъ отказала, какъ свѣту не видала, да и заплачетъ. Я поѣмъ, попью и—уйду. А сталъ я шибко разъѣдаться съ этихъ кофиевъ.

Стала Аграфена меня даже котлетами кормить съ барыниного стола и, между прочимъ, плачетъ и говоритъ: «И кто бы меня успокоилъ?» Я поѣмъ и—пойду. Проходитъ время, стала Аграфена такъ говорить: «Миша, неужто ты меня не успокоишь? Развѣ ты не понимаешь, что я тебя кофіемъ пою и прочія предлагаю закуски не зря?... Вѣдь зря-то,—говоритъ,—я и собакамъ могу выкинуть». А я, ей-Богу, передъ Богомъ сказать, въ толкъ не возьму, чѣмъ я ее успокою... Три рубля жалованья всего-то на мѣсяцъ,—изъ чего тутъ угощать?—«Нечѣмъ, говорю, мнѣ тебя успокоить». Что день, то она все явственнѣе стала доказывать, а я все отвѣта ей не даю, потому порядковъ не знаю... День за день, день за день, наконецъ, того, однажды плакала, плакала она, покуда я пилъ-ѣлъ, потомъ видитъ, что отъ меня нѣту ей никакого смысла, отерла глаза платкомъ и говоритъ, проворно таково: «Ну, — говоритъ, — коли ты до сихъ поръ ни въ чемъ не имѣешь понятія и словъ моихъ не слушаешь, такъ должна же я какъ-нибудь сама присодѣйствовать. Ступай, одѣвайся и жди меня за воротами». Допилъ я кофій, пошелъ—одѣлся и вышелъ за ворота. Спустя время выходитъ Аграфена. «Иди,—говоритъ,—за мной». Ну, я и пошелъ. Она все по-переду идетъ... Шли, шли и пришли въ Большую Мѣщанскую... Есть тамъ гостиница «Ломбардія», потому она какъ разъ напротивъ ломбарту помѣщается. Аграфена все впередъ, а я все за ней... Такъ нѣшто я понималъ что? Вѣдь никто ей не велѣлъ,—сама догадалась...

«Н-ну, послѣ этого случаю и стала она меня подвергать къ себѣ—что ни день, то крѣпче, — что ни день, то все строже... Первымъ долгомъ подвела подъ барыню мину — стараго дворника-старичка вонъ согнала съ мѣста. Двадцать лѣтъ онъ жилъ—и вдругъ его выкинули. Даже заплакалъ пошелъ... Буфарка было вступилась за старичка, да Аграфена подвела тарпеду—и ее вонъ, и съ любовникомъ, всѣхъ прочь... Меня въ дворницкую. Подручнаго мальчишку изъ дворницкой—вонъ: спи гдѣ хочешь, хоть помирай... Дворницкую вымыла, прибрала, выклеила; мнѣ—поддевку, сапоги, жилетку, часы—все за первый сортъ... Ну, а чтобы куда-нибудь отлучиться или что-нибудь — ужъ извини! Такъ и смотреть изъ кувши на дворъ, точно ястребъ... Чуть мало-мало замѣшквалъ съ дровами гдѣ-нибудь въ

квартирѣ, —зоветь на весь дворъ: — «Михайла, Михайла! Гдѣ мой Михайла?» Цѣльный день по всему дому только и слышно: «мой Михайла, мой Михайла, мой Михайла, и мой, и мой, и мой...» Чистая страмота! А у ней даже ни капли нѣту... Буфарокъ всѣхъ костить нехорошими словами во всю пасть; по всѣмъ кабакамъ по восьмой улицѣ обѣгала, чтобъ мнѣ водки не давать: «если будете моему Михайлѣ водку давать, —я васъ всѣхъ въ баторжныя работы отдамъ, денегъ не пожалѣю». Иной гдѣ-нибудь съ какимъ человѣкомъ или съ квартирантомъ поговоришь, хватъ—ужь она всѣ портерныя облетала, во всѣхъ лавнамъ побывала: «не видали ли моего Михайлу?» И все ко мнѣ въ дворницкую: какъ урвется минутка—туть! А нѣтъ меня, опять: «Михайла, Михайла!» или: «иди, иди, иди!... Домой, домой, домой!...» То-есть загоняетъ меня какъ спотину хворостиной—и съ того боку, и съ другаго, а ужь вгонить въ дворницкую, или къ себѣ въ куфню... Народъ-то сталъ смѣяться. Буфарки стали подражать, —тоже принялись изъ кухонь въ форточки кричать: «Михайла, Михайла! иди ко мнѣ ночевать!» А это ее пуще мутить... Одна лавочникъ въ шутку ей сказалъ: «твой Михайла вонъ къ той куфаркѣ пошелъ», — такъ, въ шутку, —такъ она, ни слова ни молвя, прямо ему въ виски впила, еле отняли. Потомъ отдала у мирового пятнадцать цѣлковыхъ штрафу. «Только посмѣй кто, все рыло оборву!...» Вѣдь вотъ что за характерная женщина!...

«И стала она, братецъ ты мой, противна мнѣ. Кажется, дѣйствительно, что надо бы мнѣ ей уваженіе дѣлать за всѣ ея угожденія: подручнаго на свой счетъ наняла, а меня ужь прямо въ куфню перевела, чтобъ я ничего не дѣлалъ, —а нѣтъ, мутить меня и вся тутъ... И народъ смѣется, — говоритъ: «нанялся въ любовники!...» И воли-то нѣту, да и грѣхъ... Она было сама мнѣ насчетъ браку, —«примемъ законъ!» Нѣтъ, думаю, «сравнить ли экую шкуру съ нашей деревенской!» А пуще всего стала она меня сердить сестрой. Я было ей сказалъ: «надо сестрѣ денегъ послать, —чай она тамъ пропадаетъ съ голову». Ни копѣйки не дала: «Я, говоритъ, всю жизнь мучилась, да деньги свои буду давать. Мнѣ самой хочется имѣть отдыхъ». Такъ и не дала... Разъ я погрозилъ: «уйду, найду себѣ другое мѣсто, — такъ какъ чортъ осатанѣла: «всю одѣжу отберу, жалованье не

отдамъ, барыню упрошу и въ начпортѣ напишетъ такъ, что никто не возьметъ». Конечно, со зла болтала, а случись, и ей-богу бы сдѣлала. А безъ одѣжи куда я пойду?... Скрѣплюсь, молчу, а дюже, дюже она мнѣ противна... А тутъ случилось — пришло письмо изъ деревни: пишутъ, сестра родила, гулять пошла... Вспомнилъ я нашу деревню, сестру, все наше горе и разоренье — и такъ меня засосало съ этого дня, и такъ мнѣ показалась горька моя кабала... Сталъ я пить, а Аграфену колотить... Раздумаешься, затоскуешь — и прямо въ кабакъ... Какъ Аграфена показалась, — а ужъ она сейчасъ мчится, — такъ кулаки сами и зачнутъ сучить... И больно ей доставалось. Долго я вкрѣпился, покорялся ей; а какъ сорвался, да какъ пошелъ на отчаянность, такъ что дальше, то чаще. Придешь пьяный, разорешься, раздерешься, нашкандалишь, — барыня сама выйдетъ: «Сейчасъ убирайся со двора долой!» И сейчасъ Аграфена меня выручить. Спрячетъ, уложитъ, упроситъ, а сама передъ барыней — и на пяточкахъ и на носочкахъ, и лапчками и бочками, и словами и глазами, и такъ и ѣдакъ, и вползетъ и выползетъ, — хватъ, и выпутала. Придетъ, говоритъ: «оставайся», — и все цѣлуешь, да плачешь... Послѣ этого я недѣли съ двѣ погожу, подкрѣплюсь, — потому куда я въ самомъ дѣлѣ дѣнусь? Послѣ сестринаго горя и въ деревню — то страмъ показаться... А потомъ опять сдѣлаю скандалъ, барыня опять: «чтобъ сейчасъ твоего духу не было», — а Аграфена опять заюлить, зазмѣить, замутить передъ барыней, забормочетъ, замерячить, вплюетъ и выплететъ, — глядишь, и выюлила, и вызмѣила... Опять бѣжить: «оставайся!...»

«Долго всего рассказывать... Только сколь она меня ни правляла, а все я хуже и хуже сталъ забаловывать. Стала она мнѣ все противнѣй... Какъ вспомню деревню, бабъ нашихъ умницъ-работницъ, сестру мою горькую, — убилъ бы, кажется, Аграфену съ маху... Сталъ я отъ ней бѣгать по два, по три дня. Сталъ вещи пропивать, да принялся шляться по нехорошимъ мѣстамъ... Долго ли, коротко ли, а дошлялся я до того, что надо ложиться въ больницу... И что-жь вы думаете? Какъ дошлялся я до этого, вдругъ мнѣ стало Аграфену жаль... Такъ мнѣ стало ее жаль — страсть! Вспомнилъ я, сколько она бѣдная меня лю-

била, какъ за мной ходила, всѣ деньги свои кровныя на меня провела—и вдругъ я ей скажу... Вѣдь она помереть должна отъ огорченія... Миѣ бы сейчасъ сказать, а я пожалѣлъ и не сказалъ... Вижу я, что и она пропадаетъ, молчу и жалѣю. А она видитъ, что я жалѣю,—рада, горькая, радѣшенька, не знала какъ и угодить... Наконецъ того стали ей говорить: «Михайла твой такъ и такъ...» Буды тебѣ! Такъ и лѣзетъ къ мордѣ тому, кто скажетъ. Ни капли вѣры не даетъ. «Чтобы мой Михайла? Онъ меня любить (а я только любилъ ее какъ сталъ виновать), да чтобы онъ... Всѣ глаза выцарапаю, кто скажетъ то...» А я гляжу, затаилъ свою подлость, да еще больше ее жалѣю... А она все пуще влюбляется, даже не спрашиваетъ,—«не можетъ быть этого». А ужъ гдѣ не можетъ быть...

«Барыня сама все раскрыла, запримѣтила и тую же минуту обоихъ насъ вонъ... Аграфену и меня полиція въ больницу отвезла. Какъ узнала Аграфена правду, только поглядѣла на меня, ничего не сказала и сдѣмалась съ ней точно какъ падучая... Вспоминаеть-то страшно объ этомъ, передъ Богомъ скажу!... Какъ отвезли ее въ лазаретъ, такъ я съ тѣхъ поръ и не видалъ ее. А и самъ дюже я по ней тосковалъ и сейчасъ сосеть тоска... Долго я въ лазаретѣ маялся... Вышелъ вонъ мѣсяца четыре назадъ, всю одѣжу въ больницѣ проѣлъ, лицо у меня видите какое, не всякій пустить, —сейчасъ видно, что нехорошо хворалъ... Идти миѣ некуда. Думаю, «не розыскать ли Аграфену?» Справлялся и въ адресномъ, и въ участѣ, —нигдѣ нѣтъ. Пошелъ въ больницу, далъ писарю послѣдній рубль (сапоги продалъ), чтобы розыскалъ... Розыскалъ: «Сейчасъ, говорить, она на Преображенскій вокзалъ свезена. Померла вчерась... Пошелъ я на Преображенскій вокзалъ, въ Гончарной улицѣ, —по желѣзной дорогѣ покойниковъ отправляютъ, —спрашиваю: не знаютъ. Нужно, говорить, нумеръ знать. Гробовъ - то много, нумера обозначены, а который гробъ Аграфенинъ—неизвѣстно... Паренекъ тутъ сидѣлъ на станціи, плакалъ: «отправилъ онъ мать покойницу, значить, багажомъ сдалъ на преображенскую машину, а квитанцію-то отъ матери потерялъ... Теперь и боится, какъ бы ему на кладбищѣ-то какого-нибудь другого покойника-то не выдали, а пуще всего какъ бы въ матернину могилу другого покойника не положили.

У одной генеральши, — тоже вотъ такъ - то квитанцію отъ мужа потеряла, — такъ вмѣсто мужа - то бухарца зарыли. Вотъ и я такъ-то безъ квитанціи-то... Гробовъ-то много, а которая тутъ Аграфена — не знаю... Постоялъ я, поглядѣлъ, поплакалъ и пошелъ пѣшкомъ въ деревню... Видите, каковъ вернулся?»

Онъ снялъ картузь и повелъ ладонью по облѣзлой головѣ. На глазахъ его были слезы.

— А сестра-то! — сказалъ онъ и заплакалъ, залился и, утирая лицо концомъ рваной рубахи, шепчетъ: — теперь бы ужъ не то што вабакъ, ужъ и трактиръ бы...

«Ну, — скажетъ читатель, — вѣдь нельзя же предвидѣть такихъ случайностей, какъ «убійство играючи...» Такихъ мелочей, конечно, нельзя предвидѣть; но «сиротство», какъ результатъ этихъ мелочей безчисленныхъ, благодаря случайностямъ, обставляющимъ брестыанскій трудъ, — надо видѣть и надо думать, чтобы оно не было отдано на волю случая и полной безпомощности. На то на свѣтъ и живутъ умные и ученые люди, чтобы неученый человѣкъ не пропалъ напроасну.

Г. Успенскій.

ЭНЕРГИЯ СОЛНЦА *).

(Посвящается Ф. А. Бредихину.)

Most glorious orb!... Thou material God,
And representative of the Unknown...

Manfred.

Солнце—этотъ «свѣточъ міра», по выраженію Кеплера—стало въ послѣднія 25 лѣтъ предметомъ усиленнаго изученія со стороны астрономовъ и физиковъ. Сложилась цѣлая наука,—назовемъ ее *геліологія*,—имѣющая свои методы, свои обсерваторіи, свою богатую литературу. Въ предлагаемомъ очеркѣ мы намѣрены разсмотрѣть одну сторону обширнаго предмета: мы будемъ говорить о количествѣ солнечной энергіи, объ ея таинственныхъ источникахъ, объ условіяхъ ея сохраненія или истощенія. Рядъ новыхъ работъ, новыхъ гипотезъ по этимъ вопросамъ дѣлаетъ такой обзоръ довольно своевременнымъ.

О размѣрахъ, составѣ, строеніи солнца напомнимъ лишь немногое. Громадная сфера солнца имѣетъ діаметръ въ 109 разъ болѣе діаметра земли и почти вдвое болѣе діаметра лунной орбиты. Разстояніе солнца отъ земли слишкомъ въ 100 разъ болѣе его діаметра и составляетъ около 150 милліоновъ метровъ **).

*) Настоящая статья представляетъ, въ нѣсколько дополненномъ видѣ, рефератъ, читанный въ годичномъ собраніи Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы 3-го октября сего года.

**.) Изъ числа различныхъ иллюстрацій этого огромнаго разстоянія приведемъ одну, ради ея оригинальности. Физиологи измѣрили быстроту, съ какою передается нервами раздраженіе органовъ чувствъ. Вообразимъ себѣ на землѣ,—говорить профессоръ Менденгольцъ,—дита съ такою длинною рукой, что, протянувъ ее, оно коснется солнца. Дита состарится и умретъ естественною смертію прежде, чѣмъ успѣетъ почувствовать обжогъ.

Благодаря слабой плотности (она лишь $\frac{1}{4}$ средней плотности земли и только въ $1\frac{2}{3}$ раза больше плотности воды), солнце только въ 330.000 разъ массивнѣе земли, что составляетъ однако болѣе 100.000 квадриллионовъ (1 съ 29-ю нулями) пудовъ. Эта масса оказываетъ на своей поверхности силу притяженія въ 28 разъ больше, чѣмъ сила тяжести на поверхности земли.

Солнце вращается около оси, почти перпендикулярной къ плоскости эклиптики, дѣлая оборотъ въ 25 сутокъ. Слѣдствіемъ этого должно быть, какъ и на землѣ, нѣкоторое ослабленіе силы тяжести подъ экваторомъ солнца отъ вліянія центробѣжной силы.

Спектроскопъ обнаружилъ намъ отчасти химическій составъ солнца, или, по крайней мѣрѣ, наружныхъ его слоевъ. Здѣсь съ достовѣрностію найдены, въ состояніи раскаленныхъ газовъ, около 20 металловъ, знакомыхъ намъ на землѣ *), въ томъ числѣ водородъ. Изъ металлоидовъ указано съ довольно большою вѣроятностію присутствіе кислорода; менѣе убѣдительно обнаружены углеродъ, сѣра, азотъ; вовсе не найдено кремнія, хлора, брома, іода, составляющихъ значительную часть земной коры. Наконецъ, прослѣжены два загадочныя вещества, которыхъ не встрѣчаемъ на землѣ (одно изъ нихъ названо *гелиемъ*).

Несомнѣнно, что наружные слои солнца состоятъ изъ паровъ и облаковъ раскаленного вещества, причемъ особенно видную роль играетъ легчайшій изъ газовъ—водородъ. Фильтруясь сквозь эти газы и пары, лучъ солнца, идущій изнутри солнечной массы, лишается нѣкоторыхъ своихъ составныхъ частей и даетъ въ спектрѣ черныя (Фраунгоферовы) линіи, помощью которыхъ и распознали присутствіе названныхъ веществъ. Въ какомъ состояніи агрегации (твердомъ, жидкомъ или газовомъ) находится внутреннее ядро солнца, дающее этотъ фильтруемый наружными слоями *непрерывный спектръ*, это—вопросъ не порѣшенный окончательно. Съ тѣхъ поръ, какъ утвердилось болѣе точное представленіе объ отношеніяхъ между тремя состояніями вещества, вопросъ для физика сводится къ другому: какія вещества составляютъ внутреннюю массу солнца и какова ихъ температура? Для всякаго вещества есть своя температура, такъ-называемая *критическая точка*, выше которой оно не дѣлается жидкимъ или

*) Желѣзо, титанъ, кальцій, марганецъ, никель, кобальтъ, хромъ, барій, натрій, магній, мѣдь, водородъ, палладій, ванадій, молибденъ, стронцій, свинецъ, ураній, алюминій, церій, кадмій.

твердымъ, какому бы давленію ни подвергалось. Если считать, что химическая родственность состава между солнцемъ и землею простирается и на внутреннюю массу солнца, — если притомъ температура солнца такъ высока, что превосходитъ критическія точки всѣхъ земныхъ веществъ, — то слѣдуетъ заключить, что внутренняя масса солнца газообразна. Этотъ газъ, благодаря громадному давленію, могъ сдѣлаться плотнѣе воды и потерять многія изъ свойствъ газа, взятаго въ обыкновенныхъ условіяхъ; спектръ сильно сдавленного газа такъ же непрерывенъ, какъ спектръ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Большинство ученыхъ склоняется теперь къ такому представленію о солнцѣ, какъ массѣ газообразной.

Впрочемъ, температура солнца извѣстна намъ только гадательно. Было время, когда, опираясь на нѣкоторые опыты, эту температуру считали милліонами градусовъ (Секки). Но послѣ болѣе обстоятельной обработки тѣхъ же данныхъ можно полагать температуру наружныхъ слоевъ солнца, грубымъ счетомъ, около 10.000° Ц. (Россетти); температура внутреннихъ массъ должна сильно превышать эту цифру.

Эти температуры во всякомъ случаѣ гораздо выше всѣхъ тѣхъ, какихъ достигали на землѣ путемъ горѣнія или электрическаго тока (не болѣе 4.800° Ц.), и можно думать, что онѣ выше критическихъ точекъ земныхъ веществъ, хотя съ точностью мы знаемъ лишь немногія изъ этихъ критическихъ точекъ. Локьеръ изъ сопоставленія нѣкоторыхъ спектроскопическихъ данныхъ заключаетъ, что при подобныхъ температурахъ не могутъ существовать всѣ или многіе металлоиды, что они разлагаются на составныя части, хотя въ нашихъ земныхъ условіяхъ являются неразложимыми. Этимъ Локьеръ объясняетъ отсутствіе многихъ металлоидовъ на солнцѣ. Мы безсильны пока провѣрить такой выводъ. Наши средства искусственно производить высокія температуры ограничены извѣстными предѣлами. Единственный путь къ расширенію масштаба знакомыхъ намъ температуръ откроется, какъ думаетъ Р. Питѣ, когда обратимся къ тому же солнцу, направляя на него громадныя зажигательныя зеркала.

Отъ этого очага, далеко оставляющаго за собой всѣ его земныя подражанія, льется въ пространство непрерывный потокъ лучистаго тепла — потокъ энергіи въ формѣ работы волнъ эѳира, идущихъ впередъ и впередъ и подновляемыхъ новыми толчками

изъ центра. Лишь ничтожная доля этого пучка лучей перехватывается тѣлами планетной системы и утилизируется ими. Земля живетъ на *одну двухмиллиардную* долю этого потока, ибо такую долю занимаетъ ея дискъ на небесномъ сводѣ солнца. И эта кроха достаточна, чтобы поддерживать на нашей планетѣ и циклъ метеорологическихъ явленій, и органическую жизнь! Изъ этого источника прямо или косвенно ведетъ начало работа воды (исключая приливъ и отливъ моря), работа вѣтра, пара, гальваническихъ машинъ, мускульной силы. *Внѣ* этого источника энергіи на землѣ стоятъ лишь немногіе процессы—частію собственно земнаго происхожденія (вулканическія явленія, химическая энергія самородной сѣры и т. п.), частію космическаго (работа прилива и отлива, отчасти обусловливаемая тоже солнцемъ, но не *лучами* его)—и ничтожная энергія старанія метеоритовъ (Томсонъ).

Утилизуя косвенно энергію солнца въ работѣ воды, угля, пара, гальванизма, сравнительно не такъ давно вздумали обратиться и прямо къ источнику. Обширныя степи Африки и Азии бесплодно поглощаютъ громадное количество солнечнаго тепла, которое могло бы кипятить воду нашихъ паровиковъ и стать источникомъ механической работы. Таковы машины Эриксона, Мушб, Пифра, собирающія теплоту солнца помощію большихъ вогнутыхъ зеркалъ и употребляющія ее въ дѣло. Понятно, что такой солнечный двигатель удобенъ лишь для странъ, гдѣ много безоблачныхъ дней. Въ послѣднее время двѣ комиссіи въ Монпелье (Ю. Франція) и Константинѣ (Алжирія) разрабатывали практическую сторону вопроса о «солнечныхъ машинахъ». Лѣтомъ 1882 года, на одномъ праздникѣ въ Тюльерійскомъ саду, подобная машина приводила въ движеніе типографскій прессъ и печатала (по 500 экземпляровъ въ часъ) импровизованную газету *Soleil*.

Энергія солнечныхъ лучей на землѣ проявляется непосредственно въ трехъ видахъ: какъ тепло, какъ свѣтъ и какъ химическое дѣйствіе. Только часть солнечныхъ лучей дѣйствуетъ на нашъ глазъ. Разлагая лучъ солнца въ видѣ спектра посредствомъ стеклянной призмы, мы найдемъ, что за предѣлами видимыхъ, цвѣтныхъ лучей лежатъ, по обѣ стороны спектра, еще невидимые лучи, присутствіе которыхъ можно обнаружить дѣйствіемъ на термометръ и на фотографическую бумагу. Въ прежнее время думали, что темные лучи, лежащіе за *нижнимъ* (краснымъ)

концомъ спектра (ультракрасные), могутъ *только* грѣть, что темные лучи другого (*верхняго*) конца (ультрафіолетовые) дѣйствуютъ *только* химически (наприм., въ процессѣ фотографіи). Полагали даже, что ультракрасные лучи—суть теплые по преимуществу—теплѣе свѣтлыхъ.

Въ эту ошибку вводилъ отчасти обычный снарядъ для полученія спектра—призма. Въ спектрѣ, который она даетъ, лучи разсѣваются неравномѣрно: нижніе скучиваются болѣе, чѣмъ верхніе, почему дѣйствіе первыхъ кажется сильнѣе. Равномѣрно разсѣянный (*нормальный*) спектръ даетъ такъ-называемая *диффракціонная сѣтка*. Это — пластинка стекла или металла, на которой начерчены тонкія параллельныя линіи, въ равныхъ и микроскопически-малыхъ разстояніяхъ между собою. Пропуская черезъ такую пластинку, или отражая отъ нея, лучъ солнца, мы получимъ тоже спектръ (даже цѣлый рядъ спектровъ), но съ болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ цвѣтовъ, такъ что красный конецъ кажется шире, фіолетовый уже, чѣмъ въ спектрѣ призмы. Чѣмъ тоньше промежутки между чертами сѣтки, чѣмъ больше ея площадь, тѣмъ сѣтка дѣйствуетъ лучше. Въ послѣднее время въ Америкѣ фабрикація такихъ сѣтокъ получила важныя усовершенствованія: профессоръ Рѳуландъ (Rowland) въ Балтиморѣ дѣлаетъ сѣтки до 160 кв. сантиметровъ (25 кв. дюйм.) величиною, имѣющія до 43.000 черточекъ на ширинѣ 1 дюйма (на 1 миллиметръ приходится до 1.700)! Тотъ же ученый чертитъ сѣтки на вогнутомъ металлическомъ зеркалѣ: такое зеркало замѣняетъ разомъ и призму, и тотъ телескопъ, который служить для подробнаго разматриванія спектра.

Но возвратимся къ свойствамъ солнечныхъ лучей. Нынѣ известно, что *всѣ* лучи спектра дѣйствуютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, и нагрѣвательно, и химически. Съ одной стороны, удастся фотографировать не только верхнюю часть спектра, какъ прежде, но и нижнюю — красную и ультра-красную. Съ другой стороны, даже ультрафіолетовые лучи имѣютъ, хотя слабое, термическое дѣйствіе. Только на нашъ глазъ дѣйствуютъ одни средніе лучи спектра — отчасти потому, что прочіе мало пропускаются оболочками и жидкостями глаза. Далѣе найдено, что *тахитит* какъ нагрѣвательною, такъ и химической силы въ нормальномъ спектрѣ соотвѣтствуетъ среднимъ, именно оранжевымъ, лучамъ, — тѣмъ, которые и на глазъ кажутся наиболѣе яркими (Линглей, Абней).

Такимъ образомъ чувствительный термометръ можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ всей вообще энергій солнечнаго луча. Не таковъ нашъ глазъ: изъ полного протяженія нормальнаго спектра солнца мы видимъ только $\frac{1}{7}$ долю, а отъ полной энергій солнечнаго луча, падающаго на глазъ, ощущаемъ лишь одну четверть. Ощущаемыя глазомъ эфирныя волны имѣютъ длину волны отъ $\frac{4}{10}$ до $\frac{7}{10}$ микра (микръ—тысячная доля миллиметра); между тѣмъ какъ термометромъ и фотографіей можно прослѣдить волны съ длиной отъ $\frac{3}{10}$ до 3 микровъ (Линглей) *). Такимъ образомъ вся совокупность извѣстныхъ намъ эфирныхъ волнъ, идущихъ отъ солнца, представляетъ (говоря по аналогіи со звукомъ) болѣе трехъ октавъ.

Какова же цифра энергій, испускаемой солнцемъ въ данное время, на примѣръ—въ каждую минуту? Здѣсь, повидимому, не трудно получить точный отвѣтъ. Слѣдуетъ, во-первыхъ, измѣрить, какую теплоту приносить съ собою въ одну минуту лучъ солнца, имѣющій извѣстную площадь сѣченія (на примѣръ, одинъ квадрат. метръ). Зная размѣры земли, найдемъ, сколько падаетъ тепла на всю землю; а зная, что земля перехватываетъ $\frac{1}{2250000000}$ долю полнаго излученія, подведемъ окончательный итогъ.

Какъ ни проста задача, едва ли можно сказать, что мы ее рѣшили,—мы знаемъ только *минимумъ* искомой цифры. Легко уловить и оцѣнить ту теплоту, которая доходитъ до поверхности земли; но сколько осталось ея въ верхнихъ слояхъ атмосферы, сильно поглощающей нѣкоторые лучи солнца, этого въ точности не знаемъ.

Наблюдая нагрѣваніе тѣлъ солнцемъ на различныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря, при различныхъ высотахъ солнца надъ горизонтомъ (слѣдовательно при различной длинѣ пути лучей *сквозь атмосферу*), старались отсюда заключить, сколько отнимаетъ атмосфера, и найти ту цифру теплоты, которая получилась бы, еслибы дѣлать опытъ *внѣ* атмосферы. Такимъ путемъ Пулье находилъ около 18 калорій въ минуту на квадратный метръ (предполагая, что лучи падаютъ перпендикулярно); позднѣйшіе наблюдатели (Виоль, Крова и другіе) находятъ 22—25 калорій.—Калорія—это то количество тепла, какое нужно, чтобы

*) Самый высокій тонъ, еще слышимый ухомъ, даетъ воздушныя волны длиной немного менѣе 9 миллиметровъ.

нагрѣтъ килограммъ воды на 1° Ц., или фунтъ воды на $2\frac{1}{2}^{\circ}$. — Объясняясь проще, количество лучистаго тепла, надающее перпендикулярно на какую-нибудь площадь въ теченіи одной минуты, нагрѣтъ лежащій на ней слой воды въ 1 дюймъ толщины на 4° Ц., — если допустимъ, что вся эта теплота остается въ водѣ. Не забудемъ, что вода нагрѣвается съ трудомъ (имѣетъ большую теплоемкость); такой же слой ртути, золота или платины нагрѣтся на 120° . Чѣмъ тоньше слой, тѣмъ значительнѣе будетъ нагрѣваніе.

Но и въ этой оцѣнкѣ есть еще сомнѣніе, — и она, повидимому, слишкомъ низка. Въ способахъ измѣренія есть недостатки; притомъ лучи, исходящіе изъ солнца, весьма разнородны и не всѣ въ равной мѣрѣ пропускаются атмосферой: она дѣйствуетъ какъ желтое или красное стекло, поглощая съ одной стороны много темныхъ лучей тепла, а съ другой — много верхнихъ (синихъ, фіолетовыхъ, ультрафіолетовыхъ) лучей спектра; снявъ атмосферу, или, иными словами, перенесшись за ея предѣлы, мы увидали бы солнце *голубымъ* *). Чтобы вѣрно оцѣнить поглощеніе въ атмосферѣ и энергію солнца до этого поглощенія, слѣдуетъ порознь перебрать всѣ полоски, всѣ линіи солнечнаго спектра. Но это требуетъ уже очень чувствительнаго къ теплотѣ прибора, такъ какъ на такую полоску приходится немного теплоты. Этой цѣли удовлетворяетъ до нѣкоторой степени извѣстный термоэлектрическій столбикъ Меллона; но еще лучше, еще гораздо чувствительнѣе недавно изобрѣтенный приборъ — *болометръ* — американскаго профессора Лянглея (Langley). Этотъ ученый пользуется для измѣренія теплоты извѣстнымъ свойствомъ металловъ увеличивать, по мѣрѣ нагрѣванія, свое гальваническое сопротивленіе. Гальваническій токъ пропускается чрезъ развѣтвленіе проволокъ, извѣстное подъ именемъ «Уитстонова моста» и уже давно примѣненное Сименсомъ къ устройству электрическаго термометра. У Лянглея двѣ изъ этихъ проволокъ — чрезвычайно длинныя и чрезвычайно тонкія нити или полоски изъ стали, платины или палладія: онѣ имѣютъ до $\frac{1}{1000}$ доли миллиметра (!) въ толщину и около $\frac{1}{2}$ миллиметра въ ширину. Двѣ полоски эти лежатъ рядомъ.

*) По соображеніямъ Лянглея, объ опытахъ котораго говоримъ ниже, солнце въѣ атмосферы имѣетъ двѣтъ голубой линіи спектра водорода (линіи H' Фраунгофера).

Если онъ равно нагрѣты, гальванометръ не показываетъ тока; но достаточно разницы въ $\frac{1}{1000000}$ градуса, чтобы токъ обнаружился. Этотъ чувствительный и быстро дѣйствующій снарядъ Лянглея подвергаетъ дѣйствию тонкой полоски солнечнаго спектра, полученнаго помощію диффракціонной сѣтки. Такимъ образомъ можно измѣрить отдѣльно энергію каждой спектральной полоски, можно отдѣльно прослѣдить для нея законы атмосфернаго поглощенія. Опыты производились частію на Аллеганской обсерваторіи, частію же на горѣ Уитней (Whitney) въ Калифорніи—почти на высотѣ Монблана (три наблюдательныя станціи на этой горѣ находились на 800, 4.000 и 4.800 метровъ надъ уровнемъ моря). Для опытовъ служила одна изъ вогнутыхъ сѣтокъ Роуланда. Результаты изслѣдованія, еще не оконченнаго, повидимому, заставятъ сильно повысить цифру полнаго итога солнечной теплоты: покажемъ Лянглею даетъ, какъ приблизительную цифру, 30 калорій въ минуту на квадратный метръ.

Допустимъ пока, что эта цифра—30 калорій въ минуту на квадратный метръ—опредѣлена вѣрно. Припоминая механическій эквивалентъ теплоты (одной калоріи соотвѣтствуютъ почти 430 килограмметровъ работы), видимъ, что эта теплота представляетъ собою энергію въ 215 килограмметровъ въ секунду, или около трехъ паровыхъ лошадей *). Припоминая размѣры земли, заключаемъ, что работа солнца на землѣ составляетъ около 360 билліоновъ лошадиныхъ силъ. Вся поверхность солнца испускаетъ въ 2.250.000.000 разъ большее количество энергіи, т. е. 800.000 триллионовъ силъ, и на каждый квадратный метръ поверхности солнца приходится болѣе 130.000 силъ.

Не съ чѣмъ сравнить, нечѣмъ пояснить воображенію эти громадныя цифры. Самые колоссальныя механическіе процессы на землѣ—только малыя доли этого великаго цѣлага. Изъ этихъ отпрысковъ солнечной энергіи на первомъ мѣстѣ стоитъ разрушительная сила урагановъ, которую оцѣниваютъ нерѣдко сотнями милліоновъ (но не билліоновъ!) паровыхъ лошадей **). Во-

*) Паровую лошадью, или лошадиною силой, или просто силой—называется напряженность работы, равная 75 килограмметрамъ (15 пудофутамъ) въ секунду.

**) Рейе высчитываетъ, что ураганъ, свирѣствовавшій въ октябрѣ 1844 г. на островѣ Кубѣ, работалъ трое сутокъ съ силою 473½ милл. паровыхъ лошадей.

допадъ Ниагары представляетъ работу лишь около 20 милл. силъ. Работа всѣхъ людей, животныхъ и машинъ земного шара также не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ.

Не только количественная сторона солнечной энергіи, но и качественная важна для насъ,—въ частности важны тѣ лучи, которые освѣщаютъ насъ и для которыхъ нашъ глазъ имѣетъ свою особую мѣрку. Примемъ за единицу свѣта тотъ, который даетъ свѣча на 1 метръ разстоянія *). Сколько такихъ свѣчъ замѣняетъ собою солнце?—Около 70.000. Но разстояніе солнца отъ насъ—не 1 метръ, а 150 милл. метровъ. Принявъ это въ расчетъ, заключаемъ, что та люстра, которая, будучи помѣщена на мѣстѣ солнца, замѣнила бы его нашему глазу, должна состоять изъ 6.000 *квадриллионовъ свѣчъ* (6 съ 27 нулями)!

Мы сравниваемъ здѣсь полный свѣтъ двухъ свѣтящихся поверхностей. Если хотимъ сравнить *напряженность* ихъ свѣта, то должно сравнить дѣйствіе ихъ при *одинаковой видимой величинѣ*. Тогда для свѣчи результатъ еще скромнѣе: пламя свѣчи на разстояніи метра имѣетъ большую видимую величину, чѣмъ солнце. Но для ярчайшаго изъ земныхъ источниковъ—Вольтовой дуги или «электрическаго солнца»—приговоръ выходитъ гораздо утѣшительнѣе: эта небольшая свѣтлая точка только въ 3—4 раза (иногда, быть-можетъ, только въ половину) слабѣе *соответственной* части солнца, т.-е. части, имѣющей такую же видимую величину. Этому очередному чуду нашего времени не столько недостатокъ напряженности, сколько малость свѣтящей площади не позволяетъ соперничать со «свѣточемъ міра». Въ этомъ отношеніи первая Вольтова дуга была истиннымъ открытіемъ.

Познакомившись съ количествомъ солнечной энергіи, съ ея оптической стоимостію, перейдемъ въ область гипотезъ. Спросимъ себя: какимъ процессомъ производится этотъ свѣтъ и эта теплота? Есть ли это процессъ преходящій, грозящій болѣе или менѣе близкимъ концомъ, или онъ обезпеченъ навсегда?

Испускаемая солнцемъ энергія теряется для солнца. Для вселенной она не потеряна,—она продолжаетъ жить въ волнахъ эми-

*) Слово *свѣча* слишкомъ неопредѣленно. Подразумѣвается такая, которая служитъ фотометрической единицей у англичанъ (спермацетовая свѣча въ $\frac{1}{4}$ фунта, сжигающая 120 граммъ ($\frac{7}{8}$ грамма) въ часъ.

ра, пока не упадетъ на какое-нибудь небесное тѣло, гдѣ частію поглотившись и станетъ источникомъ новыхъ явленій. Но замѣтимъ, что на всѣ планеты въ совокупности приходится лишь одна двухсотмилліонная доля этой траты (въ десять разъ больше, чѣмъ на одну землю). Роль всего остального расхода энергіи для солнечной системы является, по нашимъ настоящимъ представленіямъ, какъ чистый убытокъ. Мы не знаемъ, на что нужны, что и гдѣ дѣлаютъ эти бесполезныя, мимо идущія эфирныя волны; для насъ онѣ—мертвый капиталъ. Еслибы мы могли доказать, что онѣ, напримѣръ, участвуютъ въ механизмъ явленій тяготѣнія; еслибы мы, разсуждая въ духѣ Рэнкина, могли думать, что, отражаясь отъ предѣловъ эфира (за которыми, по мысли этого ученаго, слѣдуетъ *совершенная пустота*), эти лучи собираются опять въ солнцѣ и тѣмъ отчасти вознаграждаютъ его лученспусканіе,—мы примирились бы съ этою тратой. Но для такихъ гипотезъ нѣтъ точекъ опоры, и трата представляется непроизводительною.

А эта трата уже давно заботитъ спекулятивные умы,—хотя заботою, такъ-сказать, безкорыстною: на памяти исторіи нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ истощенія солнца:

Die Sonne tönt nach alter Weise...

Какъ объяснить это? Такъ ли громадна *полная* энергія солнца, что даже этотъ страшный расходъ ея за цѣлыя тысячелѣтія составляетъ лишь непримѣтную долю цѣлаго? Или есть нѣчто питающее эту энергію извнѣ, по мѣрѣ ея расходования?

Большинство ученыхъ склонилось къ *первому* допущенію. Такъ Вилльямъ Томсонъ и Стоксъ просто полагаютъ, что внутренность солнца хранитъ громадный запасъ первобытнаго тепла, который тратится, относительно говоря, очень скупо. Наружные слои солнца сравнительно холодны, и такъ какъ вся масса жидка или газообразна, то эти слои, по мѣрѣ остыванія, спускаются въ глубь и замѣняются восходящими токами изнутри. Такіе нисходящія токи постоянно происходятъ и въ нашей атмосферѣ. При такомъ порядкѣ вещей температура наружныхъ слоевъ солнца можетъ поддерживаться постоянною и весь процессъ охлажденія происходитъ съ непримѣтною для насъ медленностію.

Но мало этого. Гельмгольцъ остроумно указываетъ источникъ тепла въ самомъ процессѣ остыванія солнца. Остывающее

тѣло сокращается въ размѣрахъ; въ массѣ жидкости или газа это сокращеніе выражается преобладаніемъ нисходящихъ потоковъ надъ восходящими. Отъ этого сжатія массы, осѣданія наружныхъ слоевъ къ центру, является теплота—какъ въ опытѣ съ воздушнымъ огнивомъ, гдѣ сгущеніемъ воздуха зажигаютъ трутъ. Гельмгольтцъ, принимая ядро солнца твердымъ или жидкимъ, вычислилъ, что сокращеніе на $\frac{1}{10000}$ видимаго діаметра солнца достаточно, чтобы покрыть расходъ тепла за 2.000 лѣтъ; а такое сокращеніе непримѣтно даже для астрономовъ. Американецъ Ленъ (Lane) доказываетъ даже такую мысль, которая на первый взглядъ кажется парадоксомъ. Если солнце все газообразно, — говоритъ онъ,—то отъ остыванія въ окружающей средѣ оно должно дѣлаться *теплѣе*, хотя меньше въ объемѣ. Для массы газа, помещенной въ холодную среду, прибыль теплоты вслѣдствіе сокращенія болѣе чѣмъ наверстываетъ убытокъ. Но съ уплотненіемъ массы, съ увеличеніемъ притяженія на ея поверхности, наружные слои должны будутъ, наконецъ, обращаться въ жидкость, и съ этихъ поръ начнется та стадія процесса, которая разсмотрѣна Гельмгольтцемъ: дальнѣйшее остываніе дѣйствительно поведетъ къ пониженію температуры, хотя оно будетъ отчасти парализоваться сжатіемъ массы. Въ какой изъ двухъ стадій процесса находится теперь солнце, отвѣтъ зависитъ отъ того—можно ли считать хотя наружные слои его жидкими, или же вся масса есть газъ? Развивая эту точку зрѣнія, Ньюкомъ (Newcomb) вычисляетъ, что современные условія жизни на землѣ могли поддерживаться до 10 милліоновъ лѣтъ въ прошедшемъ и обезпечены настолько же въ будущемъ.

Эти соображенія о сжатіи солнца черезъ остываніе, о восходящихъ токахъ, возстановляющихъ температуру его свѣтящей поверхности, основываются на извѣстныхъ намъ законахъ и не требуютъ вспомогательныхъ гипотезъ. Они представляются поэтому наиболѣе естественными. Съ такой точки зрѣнія исторія солнца есть *угасаніе*—непрерывное, но непримѣтно медленное.

Въ другихъ гипотезахъ предполагается, что энергія солнца подновляется извнѣ. Я не буду долго останавливаться на извѣстной гипотезѣ Мейера и Томсона, по которой солнце есть какъ бы гигантская наковальня, ударяемая, какъ молотами, роємъ метеоритовъ (падающихъ звѣздъ) или массъ, составляющихъ около солнца такъ-называемый зодіакальный свѣтъ.—Сравненіе

впрочемъ не совѣмъ точно: массы, которыя стремятся на солнце, должны обращаться въ паръ съ приближеніемъ къ нему и низвергаться на него въ видѣ газовыхъ потоковъ. — Отъ этой идеи отрекся самъ знаменитый ея приверженецъ, В. Томсонъ, считая, что она обезоружена и астрономическими, и спектроскопическими данными: чтобы солнце могло возстановляться такимъ, и *только такимъ* путемъ, нужна слишкомъ большая масса падающихъ тѣлъ, слишкомъ громадная быстрота потоковъ.

Весною нынѣшняго года новая гипотеза о *питаніи* солнца надѣлала много шума, и дѣйствительно, при всей рискованности нѣкоторыхъ положеній, въ ней не мало оригинальнаго и возбудительнаго. Гипотеза принадлежитъ Вильяму Сименсу, одному изъ двухъ знаменитыхъ братьевъ-электриковъ, и сообщена Лондонскому Королевскому Обществу 2 марта (н. ст.) текущаго года.

По Сименсу солнечный процессъ есть не что иное какъ *горѣніе*. Мысль простая; но еслибы допустить горѣніе безъ подвоза топлива, она не выдержала бы критики. Еслибы все солнце состояло изъ угля, горящаго въ кислородѣ, оно сгорѣло бы въ 6.000 лѣтъ и уменьшилось бы на одну треть отъ Р. Х. до нашего времени. Всѣ другіе знакомые намъ химическіе процессы — эти другія формы горѣнія — повели бы къ подобному же результату.

Но гдѣ же искать этого подвоза топлива?... А подвозъ долженъ быть огромный. Вся годовая добыча каменнаго угля на земномъ шарѣ могла бы поддержать солнечную теплоту лишь на одну сорокамилліонную долю секунды; вся земля, — если представимъ себѣ, что она состоитъ изъ угля, — напитаала бы солнечную печку на 1½ сутокъ, хотя та же земля, падая съ своей орбиты на солнце, дала бы теплоты на 95 лѣтъ. По теоріи горѣнія подвозъ свѣжаго матеріала долженъ быть еще больше, чѣмъ по Мейровой гипотезѣ метеоритовъ (что и побуждало физиковъ предпочесть эту послѣднюю).

По Сименсу это топливо солнца *разсыяно повсюду* — въ междузвѣздномъ пространствѣ. Оно потребляется постоянно, но постоянно же возстановляется тѣми *лишними лучами* солнца, о которыхъ мы говорили ранѣе. Лучи эти, по мнѣнію Сименса, тратятся на то, чтобы перерабатывать продукты горѣнія въ новое топливо. Такимъ образомъ солнце съ окружающею его средою представляетъ нѣчто въ родѣ *регенеративной газовой печи*

Братъевъ Сименсъ, и, конечно, самое это изобрѣтеніе и вызвало разбираемую гипотезу въ умѣ одного изъ изобрѣтателей.

Междузвѣздное пространство наполнено, по Сименсу, не однимъ только свѣтоноснымъ эфиромъ физиковъ. Въ немъ разсѣяны крайне разрѣженные газы, можетъ-быть и твердыя пылинки, въ томъ числѣ—водородъ, кислородъ, азотъ, углеродъ и ихъ соединенія. Сгущаясь около солнца и планетъ отъ силы тяготѣнія, они составляютъ атмосферы этихъ тѣлъ. Прямое указаніе на присутствіе этихъ веществъ въ пространствѣ Сименсъ находитъ въ томъ фактѣ, что падающіе на землю изъ пространства метеориты (падающія звѣзды) переполнены газами, особенно водородомъ и окисью углерода (угарнымъ газомъ). Нужно признаться, что этотъ аргументъ слабъ: при той низкой температурѣ и томъ низкомъ давленіи, какія мы должны приписать междупланетной средѣ, метеориты не могли *такъ сильно* напитаться ея газами,—поглощеніе ими газовъ должно было совершиться гдѣ-то при иныхъ условіяхъ. Недавнія наблюденія Абнея (Abney) скорѣе могутъ служить въ пользу Сименса: находя въ спектрѣ солнца нѣкоторыя линіи водоуглеродовъ (бензина, этила), не исчезающія даже при наблюденіи на большихъ высотахъ надъ уровнемъ моря, Абней заключаетъ, что эти водоуглероды находятся гдѣ-то между землею и солнцемъ.

Солнце, вращаясь въ той средѣ, какую воображаетъ Сименсъ, вызываетъ въ ней извѣстный круговоротъ. Вслѣдствіе болѣе сильнаго притяженія у полюсовъ солнца, менѣе сильнаго при экваторѣ (гдѣ дѣйствуетъ центробѣжная сила), образуется постоянное всасываніе матеріи у полюсовъ и выталкиваніе ея въ экваторіальныхъ широтахъ солнца. Междузвѣздное вещество постоянно притекаетъ къ полюсамъ и затѣмъ, спускаясь къ экватору, растекается отсюда во всѣ стороны. Намекъ на это обратное теченіе Сименсъ видитъ въ той сплюснутой туманной массѣ, которая окружаетъ солнце вдоль плоскости его экватора и называется зодіакальнымъ свѣтомъ.

Въ потокѣ всасывающемъ, водородъ, кислородъ, водоуглероды переходятъ изъ состоянія крайняго разрѣженія и холода къ болѣе высокой плотности (вслѣдствіе возрастающаго притяженія къ солнцу) и къ высокой температурѣ. Наконецъ, они воспламеняются съ большимъ развитіемъ теплоты. Результатомъ сгаранія будутъ водяной паръ и углекислота, и эти-то продукты горѣнія испод-

воль выбрасываются въ пространство обратнымъ токомъ, представляющимъ какъ бы дымовую трубу солнечной печи.

Извѣстно, что химически-сложныя тѣла могутъ подвергаться болѣе или менѣе полной *диссоціаціи* (разложенію) отъ измѣненія температуры и давленія. По С. Клеръ - Девиллю, которому принадлежитъ открытіе явленій диссоціаціи, водяной паръ подъ давленіемъ атмосферы разлагается на половину (половина массы дѣлается простою смѣсью водорода и кислорода), если температура доведена до 2.800° Ц.; но если повысить давленіе, часть смѣси снова воссоединится, и нужно повысить температуру, чтобы вернуться къ прежнему составу массы. Наоборотъ, съ уменьшеніемъ давленія температура диссоціаціи понижается. По опытамъ самого Сименса, водяной паръ, разрѣженный до $\frac{1}{1500}$ атмосферы, диссоциируетъ отъ одного дѣйствія лучей солнца (послѣ такой инсоляціи онъ даетъ подъ электрическимъ разрядомъ спектръ водорода). Вообще лучи солнца производятъ частную диссоціацію, даже не нагревая особенно. Такъ углекислота и вода диссоциируютъ въ листьяхъ растений. Опыты Тиндаля, показывая, что сложные газы сильно поглощаютъ лучи, тогда какъ простые свободно пропускаютъ ихъ, — также косвенно намекаютъ на то, что въ сложныхъ газахъ энергія лучей отчасти тратится на диссоціацію.

На основаніи этихъ данныхъ Сименсъ полагаетъ, что горѣніе водорода и углерода въ полярномъ солнечномъ потокѣ возможно: благодаря сильному давленію, тѣла *могутъ* вступать у поверхности солнца въ химическое соединеніе, хотя температура и высока. Но въ *обратномъ* потокѣ, идущемъ отъ солнца, съ пониженіемъ давленія диссоціація понемногу возникаетъ вновь, несмотря на низкую температуру. Этой диссоціаціи помогаютъ солнечныя лучи, пронизывая продукты горѣнія и возвращая имъ первоначальную ихъ химическую энергію. Такимъ образомъ количество горючихъ веществъ въ пространствѣ возстановляется по мѣрѣ ихъ расхода и постоянно готовится новое топливо для солнца.

Гипотеза встрѣтила много возраженій, — многіе пункты ея несомнѣнно слабы. Не убѣдительно доказано, что циркуляція среды можетъ поддерживаться въ потребномъ размѣрѣ вращеніемъ солнца и что при той степени разрѣженности, какую необходимо признать по астрономическимъ соображеніямъ, среда дастъ доста-

точно материала для возобновления солнца *). Сколько-нибудь точная смѣта здѣсь невозможна, по отсутствію многихъ данныхъ.

Такимъ образомъ гипотеза затрогиваетъ рядъ вопросовъ, которые не по силамъ современному знанію; но въ этомъ—ея возбуждательная сторона. Какъ бы то ни было, не лишена заманчивости эта мысль о матеріальномъ общеніи небесныхъ тѣлъ,— вмѣсто той изоляціи ихъ другъ отъ друга, какая допускается въ общепринятомъ представленіи, гдѣ только непонятный законъ тяготѣнія и обмѣнъ лучей сквозь абстрактный эфиръ связуетъ небесныя тѣла между собою. Развивая свою мысль, Сименсъ спрашиваетъ: не питается ли и земля на счетъ продуктовъ горѣнія солнца? Не отъ него ли она, находясь въ дыму солнечной печи, получаетъ свой ежедневный запасъ углекислоты и водянаго пара, «какъ свѣжія булки къ завтраку»? Этимъ объяснилось бы, по его мнѣнію, то громадное количество углекислоты, какое должно было существовать въ нашей атмосферѣ, чтобъ образовать залежи доломитовъ и известняковъ, составляющія значительную часть земной коры.

Мысль о подобномъ составѣ междузвѣзднаго эфиря, о возможной роли его для питанія небесныхъ тѣлъ — встрѣчается еще у Ньютона. Въ одной запискѣ Ньютона (1675 г.), о которой вспомнили по настоящему поводу, находимъ любопытныя соображенія. «Не слѣдуетъ полагать,—говоритъ онъ объ эфирѣ,—что эта среда есть однородное вещество: она состоитъ частію изъ главнаго флегматическаго тѣла эфиря, частію изъ разныхъ другихъ эфирныхъ веществъ (ethereal spirits) — вродѣ того, какъ воздухъ составленъ изъ флегматическаго воздуха, смѣшаннаго съ другими парами и испареніями. Этотъ сложный эфиръ, простирающійся всюду, находится въ непрерывномъ движеніи и обмѣнѣ. Ибо природа—вѣчный круговращатель — порождаетъ жидкое изъ тверда-

*) Для плотности междузвѣздной среды (эфиря) физика можетъ съ нѣкоторою вѣроятностью указать только *minimum*. Зная энергію солнечнаго луча и скорость свѣта, можно вычислить, слѣдуя Томсону, что эфиръ не болѣе какъ въ полтриллиона разъ легче водорода, взятаго въ нормальныхъ условіяхъ (при 0° Ц. и атмосферномъ давленіи). По этому расчету, въ объемѣ земнаго шара умѣщается не менѣе 200 килограммовъ (12 пудовъ) эфиря. Главнъ находятъ основанія увеличить въ 7.000 разъ этотъ *minimum*. Цифры во всякомъ случаѣ ничтожныя, даже сравнительно съ самою совершенною „пустотою“, каковую можемъ получать искусственно (въ опытахъ В. де-ла-Рю разрѣженіе газовъ доводилось до $\frac{1}{15}$ милліонной доли атмосферы). Но эти теоретическія числа, повторяемъ, даютъ только *низшій* предѣлъ плотности эфиря.

го и твердое изъ жидкаго, неподвижное изъ летучаго и летучее изъ неподвижнаго, тонкое изъ грубаго и грубое изъ тонкаго,—заставляетъ одни предметы подыматься и образовать верхніе слои земли, рѣки и атмосферу, а другіе, вслѣдствіе того, опускаться въ замѣнъ предъидущихъ. И какъ земля, такъ можетъ быть и солнце обильно впиваютъ въ себя этотъ духъ (spirit), чтобы сохранить свой свѣтъ и сдерживать планеты отъ дальнѣйшаго удаленія; и желающіе могутъ предположить, что этотъ духъ приноситъ съ собою топливо для солнца и матеріальное начало жизни и что огромныя эфирныя пространства между нами и звѣздами суть достаточное вмѣстилище для этой пищи солнца и планетъ... Такъ, быть-можетъ, всѣ вещи происходятъ изъ «эпра». Слова замѣчательныя,—не пророческія ли?—это покажутъ дальнѣйшіе успѣхи науки. Можетъ-быть не въ той, такъ въ другой формѣ возникнетъ снова эта мысль, опираясь на болѣе всѣскія данныя, и мы дѣйствительно проникнемъ въ секреты «питанія» небесныхъ тѣлъ...

Механизмъ воображаемый Сименсомъ не есть, конечно, невозможное *perpetuum mobile*. Во-первыхъ, та часть солнечной энергіи, которая задержана планетами, пропадаетъ для солнца. Во-вторыхъ, наполняя пространство вещественною средой вмѣсто идеальнаго эфира, — средой, способною сколько-нибудь сопротивляться движенію, — мы тѣмъ самымъ вносимъ извѣстную непрочность въ нашу планетную систему; будущее грозитъ замедленіемъ планетныхъ движеній и паденіемъ планетъ на солнце. Наконецъ, мы не спасаемся отъ того роковаго исхода, который является неизбѣжнымъ выводомъ всѣхъ настоящихъ свѣдѣній о природѣ, — не спасаемся отъ того закона *расточенія энергіи*, который уживается рядомъ съ закономъ объ ея *сохраненіи*. По ученію физиковъ, энергія природы, оставаясь себѣ равною количествомъ, должна постепенно переходить въ такую форму, откуда нѣтъ пути къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ, — и вселенная въ концѣ концовъ должна превратиться въ инертную, равномерно нагруженную массу.

Но даже принимая эти выводы,—принимая, что все, что мы знаемъ о природѣ, указываетъ на начало и конецъ ея настоящаго порядка,—необходимо искать въ ней той экономіи, благодаря которой эта неизбѣжность конца примиряется съ кажущеюся неизмѣнностью міроваго процесса.

Природа представляет намъ разомъ—и видимую безграничность повторенія, и общій законъ рожденія, развитія и смерти. Эти два аспекта совпадаютъ съ субъективными потребностями нашего духа—потребностью начала и конца и потребностью бессмертія. Какъ міровое пространство мы не можемъ себѣ ясно представить ни конечнымъ, ни безконечнымъ, такъ и для міровой исторіи мы не поймемъ ни предѣловъ, ни безпредѣльности.

Попытки угадать эту исторію всегда выходятъ за область строгаго знанія. Здѣсь наука, сознавая свои настоящія границы, но условно переходя ихъ, старается дорисовать безконечную картину по тѣмъ немногимъ чертамъ подлинника, которыя она успѣла подглядѣть. Но эти трансцендентныя попытки, понимаемыя въ надлежащемъ смыслѣ, имѣютъ свою великую цѣну—какъ балансъ нашихъ свѣдѣній, какъ стимулъ къ дальнѣйшему труду. И едва ли есть болѣе поучительная мѣрка развитія чело-вѣчества, какъ исторія нашихъ воззрѣній на жизнь космоса.

А. Столѣтовъ.

Наука и женщины.

Эдвиги Домъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

IV*).

Возвратимся теперь къ г. фонъ-Бишофу. Въ то время, какъ философъ валкимъ и невѣрнымъ шагомъ пробирается сквозь дремучій лѣсъ столь противорѣчивыхъ воззрѣній, что трудно уловить руководящую нить для точныхъ и методическихъ опроверженій, анатомъ ясно и опредѣленно, во всеоружіи своего ordinarily-профессорскаго авторитета, ставитъ свои положенія. За одно съ философомъ, онъ тоже отказываетъ женщинамъ во всякомъ внутреннемъ призваніи къ научнымъ занятіямъ и мотивируетъ свой отказъ, во-первыхъ, *органическимъ устройствомъ женскаго тѣла* и, во-вторыхъ, *свойствами души и характера женщины*.

Займемся прежде всего вторымъ доводомъ.

Г. фонъ-Бишофъ справляется съ нимъ чрезвычайно легко, удовольствуясь однимъ спискомъ мужскихъ и женскихъ свойствъ, которыя онъ, по собственному сознанію, заимствовалъ у опытныхъ знатоковъ людей и психологовъ. Для подтвержденія своихъ измышлений онъ приволокъ Шиллера, Канта и Жанъ-Поля.

Великіе люди нисколько не теряютъ своего величія отъ того, что они повторяютъ общія мѣста о такихъ предметахъ, которые, въ ихъ время, не были надлежащимъ образомъ обследованы. Платонъ и Сократъ, величайшіе мудрецы своей эпохи, считали рабство нормальнымъ и законнымъ учрежденіемъ, ничуть не на-

*) Русская Мысль, бн. X.

влекая на себя черезъ то порицаній своихъ современниковъ и потомства; тогда какъ новѣйшій философъ, который осмѣлился бы отстаивать рабство, покрылъ бы свое имя вѣчнымъ позоромъ.

«Время,—говоритъ Гейне,—это—сфинксъ, который низвергается въ пропасть, лишь только загадка разрѣшена». Но новыя загадки не отгадываются посредствомъ старыхъ формулъ.

Насколько ревниво г. фонъ-Бишофъ охраняетъ себя отъ малѣйшей оригинальности, могутъ показать слѣдующія положенія изъ его характеристики: «Мужчина бодръ, смѣлъ, силенъ, упрямъ, грубъ, несообщителенъ; женщина—робка, мягка, нѣжна, кротка, чувствительна, болтлива, лукава. Мужчина дѣйствуетъ на основаніи убѣжденій, женщина—по чувству; у того разумъ преобладаетъ надъ чувствами, у этой же, наоборотъ, чувства надъ разумомъ. Женщина стыдлива, и склонность къ грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ у ней вообще слабѣе, нежели у мужчины. Ея благонравіе, кротость, терпѣніе, добросердечіе, способность самопожертвованія и состраданія, набожность—гораздо болѣе велики, чѣмъ у индивидуума мужскаго пола», и проч.

Какъ видите, г. фонъ-Бишофъ довольствуется признаніемъ такихъ гипотетическихъ свойствъ, которыя удовлетворяютъ его предубѣжденіямъ. Примите, какъ за доказанную, такую теорію, которая еще должна быть доказана, назовите эту наивную болтовню, это милое принятіе на вѣру и доброе слово настоящимъ способомъ доказательствъ и въ число прочихъ выводовъ влѣпите также этотъ: «Истинный духъ точнаго естествознанія останется для женщины навсегда непознаваемымъ...»

Согласимся, пожалуй, что распредѣленіе свойствъ человѣческихъ, какое соблаговолилъ учинить г. фонъ-Бишофъ между мужчиной и женщиной, совершенно правильно,—все же останется непонятнымъ, почему можетъ заниматься науками съ успѣхомъ только такой человѣкъ, который смѣлъ, силенъ, грубъ, скрытенъ, тогда какъ тотъ, котораго благосклонная природа одарила нѣжной, мягкой, чувствительной, кроткой, способной на самопожертвованіе душой, съ успѣхомъ заниматься науками не можетъ!

Между мужчинами мы находимъ столько же мягкихъ, сколько твердыхъ,—столько же жестокихъ, сколько добросердечныхъ натуръ. Одинъ обнаруживаетъ высокое остроуміе, другой—непродоходимое безсмысліе. Вообще такихъ противоположностей въ характерахъ, которыхъ нельзя было бы найти между мужчинами, я не знаю.

И до тѣхъ поръ, пока не удалить отъ государственной службы и не выгонять изъ храмовъ науки, какъ неспособныхъ и недостойныхъ, всѣхъ кроткихъ, терпѣливыхъ, цѣломудренныхъ и способныхъ на самопожертвованіе индивидуумовъ мужскаго пола, я не буду видѣть никакого законнаго основанія лишать женщинъ, обладающихъ тѣми же свойствами, благословенія науки.

И не согласится ли всякій безпристрастный человѣкъ, что существуетъ не мало мирныхъ занятій, при которыхъ терпѣніе, кротость и самопожертвованіе гораздо умѣстнѣе, нежели грубость, упорство и жестокость.

Въ характеристикахъ à la Бишофъ, конечно, нѣтъ недостатка въ несогласныхъ противорѣчіяхъ. Да будетъ мнѣ позволено привести нѣсколько, особенно бросающихся въ глаза, примѣровъ, которые мы неизбежно найдемъ у него тамъ, гдѣ дѣло касается душевныхъ свойствъ женщины.

Въ подобныхъ характеристикахъ постоянно съ особенною силой нападаютъ на чувственную природу женщины, которая, т.-е. чувственная природа, лишаетъ ее всякой способности къ отвлеченному мышленію. Составители государственнаго права (чтобъ оправдать законъ, лишавшій женщинъ права голоса) говорятъ: трудно не согласиться съ тѣмъ, что у женщинъ вообще чувственная сторона непропорціонально развита и т. д.

Но вдругъ тамъ, гдѣ это свойство женскаго характера можетъ помѣшать благодушію и счастію мужчинъ, тамъ они заиуждываютъ женщину и говорятъ: «Правда, ты—неразумное, чувственное созданіе, но въ половомъ отношеніи—нѣтъ: здѣсь мы чувственны,—таковъ законъ природы... Замѣть же себѣ, что для тебя поэтому нѣтъ оправданія, если ты осмѣлишься уклониться отъ стези добродѣтели въ этомъ отношеніи».

Второе противорѣчіе: «Женщина покорна и терпѣлива, мужчина—запальчивъ». Ужь не есть ли запальчивость доказательство того, что разумъ господствуетъ надъ чувствами? Или можетъ-быть, какъ разъ наоборотъ, запальчивость—результатъ такого смѣшенія духовныхъ силъ, въ которомъ чувства преобладаютъ надъ разумомъ?... Отвѣчать на этотъ вопросъ я предоставляю читателямъ.

Господинъ профессоръ, можете ли вы по доброй совѣсти утверждать, что васъ когда-либо въ жизни занималъ внутренній, духовный міръ какой-либо женщины? Я даже думаю, что вы, какъ хозяинъ, не имѣли дѣла съ какою-нибудь служанкой, иначе рѣчь о кро-

тости, смиреніи и способности къ самопожертвованію женскаго пола навѣрно застряла бы въ нашемъ горлѣ,—развѣ только слѣдуетъ предположить, что въ Мюнхенѣ обитаетъ какая-то совершенно особая, невѣдомая для меня порода женщинъ. Я лично, по крайней мѣрѣ, въ жизнь свою,—а изъ нея, къ сожалѣнію, уже утекло больше, нежели я бы того желала,—никогда не знавала ни одной кроткой и безотвѣтной кухарки.

Нѣмецкіе мужчины вообще только разъ въ жизни интересуются внѣшней и внутренней жизнью женщины, именно—въ молодости своей, когда они влюблены; ясно, что подобное ненормальное настроеніе мѣшаетъ правильному пониманію душевныхъ свойствъ женщины. И тѣмъ паче нѣмецкій профессоръ университета, который по уши погруженъ «во владычицу премудрости»,—какая же ему охота гдѣ у него время дѣлать подобныя наблюденія? Если сей мужъ въ гостиной какого-нибудь сильнаго міра хоть разъ улыбнется на веселую болтовню своей сосѣдки, то онъ ужъ весьма, весьма любезно обошелся съ прекраснымъ поломъ. Большаго вниманія онъ не позволяетъ себѣ въ отношеніи къ «Грауензиммер», какъ онъ обыкновенно аттестуетъ всякую женщину.

Безспорно, конечно, что занятіе, воспитаніе и образъ жизни имѣютъ весьма существенное вліяніе на свойства характера. Женщина, въ ея нынѣшнемъ социальномъ положеніи, имѣетъ мало случаевъ развивать и воспитывать извѣстныя нравственныя свойства. И я убѣждена, что салонная дама, не выкупавшаяся въ волнахъ житейскаго моря, выкажетъ мало воли и энергіи. Извѣстная же степень внѣшней скромности или нѣги часто будетъ считаться знакомъ ея внутренней пустоты.... то бишь.... полноты, и тонкій аромать ея характера и ея носоваго платка не преминетъ, въ глазахъ опытныхъ знатоковъ людей и психологовъ, украшать ея чело ореоломъ благородной женственности.

Но, г. фонъ-Бишофъ, можете ли себѣ представить содержательницу трактира кроткой, нѣжной, терпѣливой и т. д.? Или, если ваша солидность возбраняетъ вамъ посѣщать трактиры, то выйдите когда-нибудь изъ вашего ученаго кабинета на базаръ житейскій, или же просто на базаръ Шиллерплаца или Денгофплаца, въ Берлинѣ, и осмѣльтесь какою-нибудь своеобразной оригинальностью—важно-разсѣянной миной, старомодною шляпой, необыкновенномъ пальто и т. д. обратить на себя внима-

не засѣдающихъ тамъ членовъ прекраснаго пола, — бѣдный г. профессоръ, мнѣ кажется, что прохожденіе вашей достойной особы сквозь строй языковъ этихъ дѣтей природы существенно измѣнитъ ваше излюбленное мнѣніе о врожденной скромности и вротости женщинъ!...

Нѣмцы въ нашемъ любезномъ отечествѣ, какъ только дѣло касается женщинъ, вообще имѣютъ въ виду: лишь одвѣкъ нѣмецкихъ женщинъ (чуть же только они попадаютъ за границу, ихъ мнѣніе, конечно, весьма быстро измѣняется). Кто же могъ бы утверждать, не вызвавъ смѣха, что испанки, француженки, венежки и другія огнеглазыя южанки обладаютъ противнымъ, терпѣливымъ, податливымъ темпераментомъ? А вѣдь онѣ такія же женщины, какъ и флегматическія сѣверянки. Тысячи женщинъ умнѣе, тверже, смѣлѣе тысячи мужчинъ, и тысячи мужчинъ смиреннѣе, добросердочнѣе и болѣе способны къ жертвамъ, нежели тысячи женщинъ.

Но строить изъ нѣкоторыхъ душевныхъ свойствъ женщины баррикады для защиты мужчинъ отъ предполагаемаго вторженія этой «сиальной героини» въ завѣтную страну знанія, гдѣ млеко премудрости течетъ лишь для сильной половины человечества; это — потѣшная, чудовищная дичь, которую по достоинству оцѣнить только позднѣйшее время.

Кромѣ свойствъ характера, неспособность женщины къ высшей умственной культурѣ, по свидѣтельству г. фонъ-Бишофа, доказываютъ также психологическія ея свойства, судя по устройству ея черепа.

У кого есть охота подробно ознакомиться съ разными недостатками женскаго черепа, тотъ пусть просмотритъ брошюру г. фонъ-Бишофа. Онъ узнаетъ, что малый объемъ мозговой массы, незначительное развитіе всѣхъ выступовъ и паховъ костной поверхности, что видимыя окостенѣлости на лбу и черепной плоскости, что малая высота черепа и т. д. доказываютъ, что женщина — особая и низшая порода вида «человѣка».

При этихъ изслѣдованіяхъ г. фонъ-Бишофъ обнаруживаетъ не только свое совершенное невѣжество, но и свою весьма не-совершенную честность.

Невѣжество потому, что онъ допускаетъ френологическую локализацию духовныхъ силъ, тогда какъ наше незнаніе законовъ природы относительно специальныхъ отправленій мозга и тѣхъ

условій, при которыхъ онъ развивается, не подлежитъ никакому сомнѣнью.

Произвольныя гипотезы выдавать за научныя истины — будетъ уже чрезчуръ «мужественно», — подобная попытка обманетъ лишь убогихъ разумомъ или круглыхъ невѣждъ, но на научное достоинство она не имѣетъ никакого права.

Г. фонъ-Бишофъ поступаетъ нечестно, потому, что онъ приводитъ результаты только тѣхъ изслѣдовацій, которыя отвѣчаютъ его предразсудкамъ, тѣ же, которыя имъ противорѣчатъ, онъ игнорируетъ.

Мои физиологическія познанія равны почти нулю; однакоже я знаю, что г. профессоръ, само собою разумѣется, долженъ знать въ тысячу разъ лучше меня, что изъ другихъ различій мужскаго и женскаго организма можно вывести совершенно противоположныя заключенія.

Французскій физиологъ Тусснель, книгу котораго, въ сожалѣнію, я не могла добыть, пытался доказать превосходство женщины на основаніи физиологическихъ изслѣдованій.

Клювье, авторитетъ котораго ни одинъ анатомъ не рѣшится не признать, какъ я уже упоминала въ другомъ мѣстѣ, опредѣляетъ низшія и высшія ступени дѣятельности животнаго царства изъ отношеній между лицевыми костями и черепною полостью. Земмерингъ признаетъ, что насколько человекъ, въ этомъ отношеніи, стоитъ выше животныхъ, настолько женщина стоитъ выше мужчины.

Г. фонъ-Бишофъ самъ сознается, что, по Ветле, абсолютный средній вѣсъ мозга относительно равенъ у обоихъ половъ и что, по Рейду и Бурдаху, голова и мозгъ женщины хотя не много меньше, чѣмъ у мужчины, но, по отношенію къ остальному тѣлу, они гораздо тяжелѣе и больше по объему, нежели у послѣдняго.

Профессоръ Рекламъ въ своей книгѣ — «Тѣло человека» — высказалъ ясно и совершенно рѣшительно слѣдующее: «Въ то время, какъ мозгъ женщины, по своему среднему вѣсу, самъ по себѣ немного меньше, чѣмъ мозгъ мужчины, — первый, по отношенію къ общему вѣсу всего тѣла или сравнительно со всей нервной системой, наоборотъ, имѣетъ относительно большій вѣсъ, нежели послѣдній. Слѣдовательно, мужчину и женщину нельзя сравнивать по вѣсу ихъ мозга, такъ какъ тѣлесныя отношенія обоихъ половъ образуютъ столь значительныя отклоненія, что оди

сличеніе отдѣльныхъ частей ихъ организмовъ не можетъ привести ни къ какимъ вѣрнымъ заключеніямъ. Необходимо, поѣтому, сравнивать между собою вѣсовыя тяжести мозга одного и того же пола, что возможно лишь относительно мозга мужчинъ, ибо мы имѣемъ весьма мало взвѣшиваній мозга высоко даровитыхъ женщинъ.

«Но если сравнивать вѣсовыя тяжести мозга извѣстныхъ умственно-даровитыхъ мужчинъ, подвизавшихся на поприщѣ науки, и средній вѣсъ мозга просто здоровыхъ мужчинъ заурядъ,— то окажется, что мозговая масса атлетовъ ума только не многимъ тяжелѣе, нежели средній вѣсъ мозга крѣпкихъ мужчинъ вообще, а то бываетъ и легче. Такъ, мозгъ знаменитаго натуралиста Кювье вѣсилъ 1.861 граммъ, поэта Байрона—1.807 гр., глубокаго математика Дирихле — 1.520 гр., великаго мыслителя въ математической области Гаусса—1.492 гр., мозгъ замѣчательнаго хирурга Дюпюитрена только 1.487, мозгъ Германна, предложившаго новые пути въ филологической наукѣ, только 1.353 гр.,—вѣсъ же мозговой массы ученаго Гаусмана, очень высокаго человѣка, не превышалъ 1.226 граммовъ, уступая такимъ образомъ среднему вѣсу женскаго мозга. Итакъ, величина массы не обуславливаетъ продуктивной силы мозга». Такъ заключаетъ Рекламъ *)).

Или г. фонъ-Бишофъ въ подобныхъ данныхъ сомнѣвается, или онъ не придаетъ имъ никакого значенія. Удивительная сила субъективнаго пониманія!...

Онъ остается при своемъ: «подобно тому,—говоритъ онъ,—какъ большіе и крѣпчайшіе мускулы обуславливаютъ большую физическую силу, такъ точно и большій вѣсъ мозга неизбѣжно увеличиваетъ умственную силу». Г. фонъ-Бишофъ замѣтилъ, что мужчина обладаетъ большимъ носомъ, нежели женщина,—лучше ли онъ, поѣтому, обоняетъ?

*) Нашъ, русскій, профессоръ Груберъ, нѣсколько лѣтъ руководившій занятіями женщинъ по анатоміи, въ рѣчи во время своего юбилея высказался, что, по его мнѣнію, „съ анатомической точки зрѣнія женщины столько же способны къ ученымъ трудамъ, какъ и мужчины“. Не говоря о другихъ наукахъ, русскія женщины доказали на дѣлѣ свою способность также и къ трудамъ въ области медицины. Вѣнскій профессоръ и ученый Мейнертъ, въ цѣломъ рядѣ лекцій, недавно читанныхъ имъ въ вѣнскомъ домѣ умалишенныхъ, на основаніи собственныхъ изслѣдованій мозга, положительно приходитъ къ тому заключенію, что различія между мозговыми органами мужчинъ и женщинъ не существуютъ.

Прим. персв.

Люди науки весьма сильно расходятся въ результатахъ своихъ френологическихкихъ изысканій. Приведу лишь два-три примѣра:

Различные изслѣдователи приписываютъ неграмъ меньшій мозгъ, чѣмъ европейцамъ, въ то время какъ столь же замѣчательные ученые держатся того мнѣнія, что никакой существенной разницы не существуетъ. Иные ученые считаютъ малайскій черепъ самой меньшей емкости, между тѣмъ Велькеръ (г. фонъ-Бишофъ часто его цитируетъ) нашелъ одинъ малайскій черепъ почти равный по внутренней вмѣстимости съ германскими черепами.

Наукѣ еще до сихъ поръ не удалось разгадать значеніе уклоняющихся формъ мужскаго и женскаго череповъ, и только шарлатану, фантазеру или фанатическому любителю скороспѣлыхъ выводовъ можетъ придти въ голову изъ различныхъ особенностей череповъ обоихъ половъ строить базисъ для серьезной аргументаціи противъ умственныхъ способностей женщины.

Впрочемъ, различія между мужскими и женскими черепами вовсе не такъ велики, какъ обыкновенно полагаютъ.

Карлъ Фогтъ считаетъ для антропологическихкихъ изслѣдованій величайшею трудностью съ достовѣрностью опредѣлить у разныхъ племенъ, кому принадлежитъ тотъ или другой черепъ, мужчинѣ или женщинѣ.

И еслибы мы знали хоть одну умершую женщину, которая мыслила глубже всѣхъ нынѣ живущихъ мюнхенскихъ профессоровъ (напримѣръ, Софья Жермень, математикъ и философъ, которую Дюрингъ, въ своей исторіи философіи, ставитъ, какъ оригинальнѣйшую мыслительницу, непосредственно подлѣ Огюста Кюнта), — то это было бы достаточнымъ доказательствомъ, что вынуклости на лбу, выдающіеся отростки на лобной и черепной поверхности не суть необходимые факторы мыслительной способности.

Но допустимъ еще разъ, что г. фонъ-Бишофъ и теперь правъ, и организація мозга женщины доказываетъ ея слабѣйшія умственныя силы. Мы знаемъ, что у животныхъ и у человѣка органы, которые не употребляются въ дѣло и остаются пассивными, съ послѣдующими генераціями атрофируются. «Рудиментарными органами» наука называетъ такія части тѣла, которыя устроены для извѣстной цѣли, но не функционируютъ, какъ, напримѣръ, нѣкоторые ушные мускулы у человѣка. Въ самымъ разительнымъ примѣрамъ рудиментарныхъ органовъ при-

надлежать глаза, которые не видят. Таковые мы находимъ у очень многихъ животныхъ, которыя живутъ въ темнотѣ, на примѣръ—въ пещерахъ, вообще подъ землею. Когда эти животные, мало-по-малу, начинаютъ привыкать къ подземной жизни и избѣгать дневнаго свѣта, ихъ глаза, отъ неупотребленія, постепенно вырождаются.

Другой, столь же наглядный, примѣръ рудиментарныхъ органовъ — крылья животныхъ, которыя не умѣютъ летать.

Ужъ не есть ли, въ самомъ дѣлѣ, мозгъ женщины такой же рудиментарный органъ?

Было ли бы удивительно, еслибъ умственные очи, къ которымъ никогда не подносили свѣтила науки, разучились видѣть, еслибы крылья духа, связанные четырьмя стѣнами дома и баррикадами изъ горшковъ, котловъ и тарелокъ, потеряли способность размаха и силу паренія?

Если это такъ, то улучшите же эти вздорные женскіе черепа! Освѣтимъ же свѣтомъ эти кудрявыя головки, въ которыхъ еще доселѣ гнѣздятся влеченія дѣтей природы! Населимте же пустыри ихъ большихъ полушарій плодотворными мыслями мужчинъ! Быть-можетъ, съ теченіемъ тысячелѣтій, они также и у нихъ выработаютъ импозантные отростки и внушительные выступы...

Ученые естествоиспытатели признаютъ, что у цивилизованныхъ націй образованные классы вообще имѣютъ черепа большаго объема, нежели необразованные.

Согласно съ ученымъ Брока, черепа изъ частныхъ гробницъ имѣютъ больший объемъ, нежели черепа изъ общихъ гробницъ, въ которыхъ погребаютъ только людей изъ низшихъ классовъ.

Аде-Даллманъ утверждаетъ, что черепъ американскихъ негровъ модифицируется и стремится къ кавказской формѣ.

Стало-быть, по признанію этихъ ученыхъ, знаніе и умственное развитіе, въ теченіе столѣтій, измѣняютъ форму черепа.

Какъ же должна быть трогательна эта забота ученыхъ мужей объ охраненіи нашихъ слабыхъ мозговъ отъ чрезмѣрнаго напряженія! Наука, должно-быть, очень, очень солоно приходилась этимъ мудрецамъ.

Мое личное мнѣніе таково: то, что можетъ вмѣститься въ черепъ тупоумнаго юноши (во всякомъ извѣстномъ, что даже между стражами храма наукъ удивительно часто попадаются совершенно

невѣжественные и ограниченныя субъекты); выветится и въ черепѣ женщины.

Позволяю себѣ предложить г. ф.-Бишофу еще одинъ вопросъ: есть ли мозгъ единственно мѣстопребываніе *мыслей*?

Сколько я знаю, все анатомы, физиологи, медики etc. согласны въ томъ, что мозгъ—органъ души, центръ *ощущенія и мысли*. Многие ученые новѣйшаго времени признаютъ, что полушарія большого мозга, кромѣ работы мысли и чувства, исполняютъ еще какую-то тайную функцію.

Когда въ изслѣдованіяхъ череповъ различныхъ расъ, на основаніи развитости или неразвитости ихъ формъ, опредѣляютъ высшую или низшую расу, то, само собою разумѣется, подъ низшей расой понимаютъ такую, у которой слаба не только одна *сила мысли*, но равномѣрно *мысль и чувство, способность ощущенія и пониженія*.

Но подчиненность женщины доказывается лишь ея *умственной* несостоятельностью.

Что же касается ея чувствъ, то они намъ изображаются болѣе глубокими, тонкими, разнообразными и возвышенными,—словомъ, количествомъ и качествомъ превосходящими чувства мужчинъ.

Слѣдовательно, недостаточная сила мыслительной функціи уравнивается болѣе богатою жизнью чувства. Не приходится ли думать, что, въ продолженіе тысячелѣтій, глубокое и мощное *чувство женщины* должно было организовать столь же хорошій и богатый мозгъ, какъ и глубокая, мощная *мысль мужчины*?

Къ самымъ притупляющимъ чувствамъ принадлежатъ, безъ сомнѣнія, страданія, забота, скорбь.

Если мужчины такъ заботятся о благополучіи нашего мозга, отчего же они съ такою же нѣжною заботливостью не удаляютъ отъ насъ (сколько въ ихъ силахъ) горя и страданій, съ какою они оберегаютъ насъ отъ язвы науки?

Когда моя душа страдаетъ, я чувствую невыносимое угнетеніе въ задней части головы; когда я читаю брошюру, подобную книгѣ г. фонъ-Бишофа, я чувствую острое біеніе въ вискахъ—и не вслѣдствіе умственнаго напряженія, могу васъ увѣрить, а отъ гнѣва.

Откуда же вамъ, г. фонъ-Бишофъ, или какому-либо другому мужчинѣ знать, что ослабляетъ женщину и что нѣтъ?

Для меня, напиримѣрь, очень затруднительно ежемѣсячно заниматься домашнимъ грязнымъ бѣльемъ. Я всегда, по выполненіи этой черной обязанности, смертельно утомлена. Когда я полдня провожу за прессъ-бретонъ, то я должна вторую половину употребить для отдыха отъ этого убійственнаго труда.

Въ заключеніе г. фонъ-Бишофъ дѣлаетъ подробный очеркъ различій мужскаго и женскаго тѣла, какой мы можемъ найти во всякомъ руководствѣ по физиологiи.

Резюмируя тѣлесные (особенно мозговые) и душевные отличительные признаки обоихъ половъ, онъ заключаетъ: «Изъ этого различія половъ въ физическомъ и духовномъ отношеніи *неотразимо* вытекаетъ, что женскій полъ неспособенъ къ занятію науками, особенно же медициною».

Ну, да, *неотразимо*, еслибы только г. фонъ-Бишофъ, вмѣсто обыкновеннаго смертнаго, былъ непогрѣшимымъ папою физиологiи!

Странно и непостижимо! Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, изъ того обстоятельства, что въ мужчинѣ обмѣнъ матеріи совершается быстрѣе и энергичнѣе, нежели у женщины, вывести то заключеніе, что онъ долженъ занимать всѣ выгодныя государственныя должности, кухня же и швейная машина составлять *ея* удѣлъ?

«Мужчина имѣетъ ноги длиннѣе, чѣмъ женщина», — весьма справедливо замѣчаетъ г. Фонъ-Бишофъ.

Страстный любитель заключеній могъ бы, во всякомъ случаѣ, изъ этого вывести то, что мужчина можетъ быть лучшимъ почталіономъ, нежели женщина; но, на этомъ основаніи, возимѣть поползновеніе запретить женщинамъ изученіе греческаго и латинскаго языковъ — будетъ болѣе отважно, чѣмъ логично. Длинные ноги тутъ не при чемъ.

«Голосовая щель уже и гортань меньше», поучаетъ насъ г. ф.-Бишофъ. Этимъ я объясню фактъ, что когда въ какомъ-нибудь дуэтѣ мужчина будетъ пѣть теноромъ, то женщина — сопрано. Но причинная связь между голосовою щелью и правомъ голоса для меня не выяснена нисколько.

«Женщина имѣетъ нѣжную, тонкую кожу» — значитъ далѣе.

Еслибы это было въ моей власти, я, на основаніи этой тѣлесной особенности, статью прусскаго закона, гласящую: «въ низшихъ влассахъ мужу позволяется умѣренная потасовка по отношенію къ женѣ» — переименовала бы такъ: женщинѣ позволяется умѣренная потасовка по отношенію къ мужу, — толстая кожа гораздо легче переноситъ затрецины, нежели тонкая.

«Желудокъ женщины меньше желудка мужчины». Конечно, когда вопросъ о научномъ образованіи женщины имѣетъ точкою исхода желудокъ, то онъ, т.-е. вопросъ этотъ, долженъ имѣть мѣсто.

Быть-можетъ неравенство желудковъ можно объяснить и тѣмъ, что женскій чаще наполняется черствою булкой съ сыворожкой, тогда какъ мужской предпочитаетъ филе и трюфели.

Какъ бы мало мы ни знали о таинственныхъ дѣйствіяхъ силъ природы, но то одно мы знаемъ достовѣрно и несомнѣнно, что развитію силъ человѣка нельзя положить никакого точнаго предѣла. Никто, ни даже ординарный профессоръ не можетъ сказать человѣческому уму, хотя бы и уму женщины: до сихъ поръ и не даѣе!

Цѣлые милліоны лѣтъ предстоитъ еще развиваться человѣческому уму. Только ребяческая дерзость можетъ отважиться уже нынѣ предначертать его границы.

V.

Послѣ полемики противъ научнаго образованія женщины вообще г. ф.-Бишофъ переходитъ къ изученію ими медицины въ частности. Здѣсь - то именно и лежитъ центръ тяжести всей его брошюры, имѣющей специальною цѣлью — отпугнуть женскій полъ отъ этой области знанія. Намъ кажется страннымъ, что такой ученый мужъ, какъ г. ф.-Бишофъ, повидимому, вовсе и не знаетъ, что женщины уже играли довольно видную роль въ исторіи медицины.

Насколько достовѣрныя свѣдѣнія позволяютъ намъ судить, женщины искони выказывали особенную склонность къ медицинѣ. У древнихъ сѣверныхъ народовъ друиды, по обычаю, отдавали на попеченіе женщинъ тяжело больныхъ, и суевѣріе приписывало имъ способность излѣчивать даже неизлѣчимыя болѣзни.

Въ одиннадцатой пѣснѣ «Иліады» упоминается Мулій, у котораго былъ зять Эгей, «женатый на его старшей дочери, блонкурой Апамедѣ, знавшей всѣ цѣлебныя травы, которыя только растутъ на земномъ шарѣ». И въ «Гиполитѣ» Эврипида няня говоритъ больной Федрѣ: «И если болѣзнь, которою ты страдаешь, потайная, — женщины готовы тебѣ помочь». Отсюда мы должны заключить, что въ древнемъ мірѣ женскія болѣзни лѣчили женщины.

Между пречанками мы находимъ Олимпию, родомъ изъ Фивъ, о которой упоминаетъ Плиній, и Аспазію, сочиненія которой о женскихъ болѣзняхъ сохранены Аэціемъ, знаменитымъ мессопотамскимъ врачомъ.

Такому авторитету, какъ Гигіенъ, мы обязаны исторіей одной афинской дѣвушки, Агнодиссы, оказавшей такія услуги медицинѣ, которыя вынудили у государства допущеніе женщинъ къ изученію этой науки.

Изложеніе этой исторіи отдѣлано м-сь Целлеоръ, повивальной бабкой во время царствованія Якова II, и хранится нынѣ въ Британскомъ музеѣ *).

М-сь Целлеоръ рассказываетъ, что долгое время въ Афинахъ дѣйствовалъ законъ, по которому женщинамъ, подѣ страхомъ смертной казни, воспрещалось какъ изученіе медицины, такъ и медицинская практика, и что, вслѣдствіе этого постановленія, много женщинъ погибало отъ родовъ и другихъ болѣзней, такъ какъ ихъ стыдливость не позволяла имъ обращаться къ мужчинамъ. Но, — продолжаетъ она далѣе, — Господь пробудилъ духъ Агнодиссы, одной благородной дѣвы. Она преисполнилась состраданія къ злополучію своихъ сестеръ и, рискуя своею жизнью, задумала имъ помочь. Она переоделась мужчиной и сдѣлалась ученикомъ Герофила, ученикаго врача своего времени, и, изучивъ его искусство, нашла женщину, которая долго изнемогала отъ тайной болѣзни; она предложила ей свои услуги и обѣщала излѣчить ее. Когда же Агнодисса открыла ей свой полъ, женщина вѣрилась ей и выздоровѣла. Съ тѣмъ же искусствомъ и радніемъ она излѣчила и много другихъ и въ непродолжительномъ времени сдѣлалась любимѣйшимъ врачомъ всѣхъ афинскихъ женщинъ. Но ея полъ провѣдали и, за нарушение закона, она была приговорена къ смертной казни. Когда эта вѣсть дошла до ушей благородныхъ афинянокъ, онѣ бросились къ арестанту и окружили его; многія изъ нихъ предстали предъ судьями и громкимъ голосомъ обвиняли всѣхъ мужчинъ въ томъ, что они поступаютъ съ женщинами не какъ друзья и супруги ихъ, но какъ жесточайшіе враги, ибо они приговариваютъ къ смерти тѣхъ, которые сохраняютъ ихъ здоровье и жизнь; онѣ заставляли судей лучше предать всѣхъ ихъ смерти

* Это свидѣніе, какъ и нѣкоторыя изъ слѣдующихъ, заимствованы изъ англійскаго сочиненія: „Woman's Work and Woman's Culture“, edited by Josphine Butter.

виѣсть съ Агнодессою, нежели дѣлать ихъ зрителями, какъ будутъ волочить ее на пазнь. Этотъ случай побудилъ высшее судище уничтожить старый законъ и утвердить новый, въ силу котораго благороднымъ женщинамъ позволялось практиковать и изучать всѣ отрасли медицины, которыя касаются ихъ пола.

Въ Греціи, даже во времена императоровъ, женщины посвящали себя изученію медицины. Историкъ Амеде Тьерри рассказываетъ объ одной богатой и прекрасной дѣвушкѣ, по имени Никарета, которая, виѣсть съ Хризостомусомъ и Эвдоксія, прибыла въ Константинополь, въ виду того, что тамъ, гдѣ царствуютъ величайшія бѣдствія, можно съ большою пользою употребить свое наследство. Одушевляемая почти сверхчеловѣческимъ милосердіемъ, она, по его свидѣтельству, стала изучать медицину и фармакологию и, превративъ свой домъ въ фармацевтическую лабораторію, отдала ее въ безплатное пользованіе больнымъ. Вскорѣ она сдѣлалась врачомъ константинопольскаго населенія, которое вѣрило ей до того, что сложило о ней поговорку: «Лѣкарства Никареты всегда помогаютъ».

Тысячи лѣтъ колдунья была единственнымъ врачомъ народа. Императоры, короли, паны и богатые феодалы держали при себѣ сацердосскихъ докторовъ, евреевъ и мавровъ; но народъ прибѣгалъ къ помощи знахарки (saga) или колдуни. Когда Парацельсъ въ 1524 году сжегъ всѣ свои лѣкарства, онъ объяснилъ это тѣмъ, что не желаетъ знать больше того, чему научили его знахарки.

Въ средніе вѣка прославились много врачей-женщинъ.

Именнымъ повелѣніемъ отъ 1225 года назначено одной женщинѣ, которая, въ качествѣ *médecin royal*, сопровождала Людовика IX и его семью въ крестовомъ походѣ, пожизненный пенсіонъ.

Особенно медицинскія знанія были распространены въ феодальныхъ замкахъ между дамами; которыя выказывали большую ревность къ пользованію своихъ слугъ и ловко умѣли перевязывать раны. Такъ, баронесса Рабутенъ-Шанталь была знаменита своимъ медицинскимъ искусствомъ. Въ средневѣковой поэзіи женщина-медикъ—типъ совершенной женщины. Врачомъ описываютъ ее бретонскія пѣсни; такую же она изображается въ одномъ знаменитомъ романѣ XIII столѣтія—«Патенопея» де-Блуа, героиня котораго изучила всѣ семь свободныхъ искусствъ, знала толкъ въ лѣкарствахъ и умѣла лѣчить болѣзни.

Изъ большого числа врачей женскаго пола, упоминаемыхъ Блеммомъ и другими, я уважу лишь нѣкоторыхъ.

Въ Испаніи, въ XVI столѣтіи, въ Альцарецѣ жила Оливія Сабуну де-Нантесъ, которая имѣла громадныя познанія въ медицинскои наукѣ и сочиненія которой напечатаны въ 1580 году въ Мадридѣ.

Даже тамъ, гдѣ заниматься медициной женщинамъ было запрещено, онѣ, повидимому, довольно часто практиковали тайно; ибо въ 1421 году Генриху V англійскому была подана петиція, содержаніе которой таково: «да будетъ женщинамъ, подъ опасеніемъ тяжелаго заключенія, воспрещена медицинская практика» *).

Между англійскими женщинами-врачами въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ знаменитую леди Анну Галькетъ **).

Нѣкоторые изъ первостепенныхъ врачей королевства нисколько не чувствовали себя оскорбленными, когда очень знатныя лица приглашали эту леди на консультаціи во время своей болѣзни, и многихъ больныхъ женщинъ, которымъ не въ состояніи бывали помочь, они сами препоручали ей.

Другая весьма извѣстная женщина-медикъ была Елизавета Лавренса, родившаяся въ 1644 году. Въ исторіи ея жизни, написанной ея мужемъ Самуиломъ Бюри ***), онъ убѣждаетъ насъ, что въ мірѣ никогда не существовало такой кроткой, нѣжной и доброй женщины, какъ его жена. Онъ рассказываетъ, что лучшіе профессора факультета изумлялись ея точному и остроумному изложенію труднѣйшихъ вопросовъ медицины и тому великому недовѣрью, которое она, вопреки своимъ обширнымъ познаніямъ и необыкновеннымъ способностямъ, питала къ самой себѣ. Случаи, — прибавляетъ біографъ, — въ которыхъ она своимъ искусствомъ спасла людямъ жизнь, нечислимы.

Французскія женщины-медики: m-lle де-Рецѣ, весьма извѣстная и родившаяся въ 1719 году, г-жа де-Цутландтъ, высоко-цѣнная медицинская писательница, г-жи Сукардъ и Анжелика Лабурзьѣ-де-Кондрѣ. Какъ превосходный анатомъ, прославилась г-жа Буавенъ, которая въ 1814 году была назначена товарищемъ директора (при маркизѣ де-Беллуа) генеральнаго госпиталя Сены и Оазы, а въ 1815—директоромъ военнаго лазарета. За услуги,

*) Нью-Йоркъ, *Medical Gazette*, 24 апрѣля 1752 г.

**) *Ballards: „Memoirs of several Ladies of Great-Britain“*. Oxford, 1752.

***) „An account of the life and death of m-rs Elizabeth Bury“. Bristol, 1721.

которыя она оказала въ этой должности, ей была вотирована публичная благодарность *).

Итальянскія женщины-медики: 1400—1436 г. Доротея Лукка занимала въ Болоньи кафедру по медицинѣ. Въ XVIII вѣкѣ Анна Маццалини Моранди, родомъ изъ Болоньи, кромѣ живописи и скульптуры, специально изучила анатомію и почти всѣ академіи Италіи считали ее своимъ членомъ. Знамениты ея анатомическіе препараты изъ воска, составляющіе нынѣ украшеніе болонскаго музея. Иосифъ II, въ 1769 году, призывалъ ее къ себѣ и, послѣ многократныхъ бесѣдъ, публично осыпалъ почестями.

Ея дочь, Цуффини Феретти, повидимому, унаслѣдовала талантъ матери. Она также въ Болоньи слушала курсъ медицины и удостоилась докторской степени. Далѣе: Марія делла-Донне, которая въ одной біографіи «*Raccoglitoro medico*» приводится какъ одна изъ ученыхъ знаменитостей Болоньи. Замѣчательнымъ флорентинскимъ врачомъ была Марія-Магдалина Петрадини, супруга д-ра Феретти, издавшая сочиненіе о физическомъ воспитаніи дѣтей. Клеммъ особенно обращаетъ вниманіе на то, что она была прекрасною матерью и весьма достойною женщиной.

Марія Маштеллари-Коллицоли-Зега получила докторскую степень въ 1799 году. Клеммъ говоритъ, что она была превосходная хозяйка и отличная мать. Повторяю здѣсь, что этотъ писатель—самый закоренѣлый врагъ современныхъ стремленій женщинъ, но очень добросовѣстный ученый.

Изъ нѣмецкихъ знаменитостей въ медицинскомъ мірѣ приведу: фонъ-Зибольдъ и фонъ-Гейденрейхъ, Доротею Лепоринъ (1715—1762 г.), которая не покидала практики до самой смерти, и Анну, супругу курфирста Августа саксонскаго.

Что большая часть изъ этихъ женщинъ добились докторской степени черезъ посредство денегъ и большихъ усилій, которыя были бы совершенно излишни при другихъ условіяхъ, ясно какъ день.

Да будетъ мнѣ позволено сказать еще нѣсколько словъ о той части медицины, практика которой, по естественному и положительному праву, вполне и безусловно принадлежитъ женщинамъ,— о *родовспомогательномъ искусствѣ*.

Въ древней Франціи законодательство воспрещало врачамъ родовспоможеніе, и церковь за нарушеніе этого воспрещенія карала экскоммуникаціей.

*у Quérard: „Litterature Française“.

Повивальныя бабки, отъ которыхъ требовались основательныя знанія, въ томъ числѣ секцій женскихъ и дѣтскихъ труповъ, пользовали также больныхъ женщинъ вообще и дѣтей.

Присяжныя повивальныя бабки экзаменовали кандидатовъ. Во время публичныхъ церемоній, бабки-повитухи сидѣли рядомъ съ врачами, украшенные орденами. Бабки королей носили зеленую шляпу (*chapeau vert*). Онѣ оставили цѣныя сочиненія и почитались во всѣхъ отношеніяхъ наравнѣ съ врачами.

То же находимъ мы и въ Англии. Одинъ англійскій врачъ констатируетъ тотъ фактъ, что въ прежніе вѣка родоуспомощеніе исключительно находилось въ рукахъ женщинъ и что мужчины лишь въ исключительныхъ случаяхъ изучали акушерство, чтобы тамъ или сямъ помочь женщинѣ. Но дѣятельность этихъ врачей считалась не совсѣмъ прстойной, ибо ихъ иначе не называли, какъ «*men midwives*» (мужчины-повитухи). Въ одной нѣмецкой медицинской книгѣ XVI вѣка, попавшейся мнѣ въ руки, тамъ, гдѣ трактуются объ акушерствѣ, всегда рѣчь идетъ объ акушеркахъ, но никогда о врачахъ. Тамъ, въ одномъ мѣстѣ говорится: «Ненормальные роды должны быть вспомошествованы милостью Бога и—добрымъ совѣтомъ и содѣйствіемъ опытной повивальной бабки».

Однако-жь, акушеры уже въ XVII вѣкѣ начали мало-помалу прибрѣтать право гражданства, съ половины же прошлаго столѣтія повивальныхъ бабокъ стали отъснять на задній планъ.

Въ царствованіе Карла II бабки-повитухи въ Лондонѣ пользовались большимъ благосостояніемъ и принадлежали къ почтеннѣйшимъ адептамъ медицины. Онѣ владѣли прекрасными домами въ лучшихъ мѣстностяхъ Лондона и считались *gentlewomen* ами—не *наперекоръ*, а *вслѣдствіе* образа своего занятія.

Во Франціи, въ XVII и XVIII вв., акушеровъ-мужчинъ употребляли только въ исключительныхъ случаяхъ.

Когда, во время родовъ м-те де-Лавальеръ, въ первый разъ былъ приглашенъ врачъ, то этотъ чудовищный поступокъ старались скрыть отъ публики. Однако же фактъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ и тотчасъ много знатныхъ людей стало подражать своему властелину.

Но какимъ же образомъ случилось, что мужчины могли завладѣть такой отраслью медицины, отъ которой и законъ, и церковь, и обычай въ прежніе вѣка, по возможности, держали ихъ въ сторонѣ?—Очень просто: законодательный произволь въ одинъ пре-

красный день воспретилъ женщинамъ заниматься медицинскою наукой и практикой. Законодатель вызвалъ къ жизни акушеровъ и, вопреки здравому смыслу, обычаю и индивидуальной свободѣ, извратилъ естественное право.

Одинъ писатель, конца XVIII столѣтія, который еще и вообразить себѣ не могъ, чтобы акушерская практика мужчинъ въ XIX вѣкѣ будетъ освящена закономъ, искустилъ пророческій вопль надъ этимъ безобразнымъ нововведеніемъ и смотрѣлъ на него какъ на знакъ исчезновенія женской стыдливости. Но онъ не предвидѣлъ, что уже въ слѣдующемъ вѣкѣ заставятъ женщину приглашать врача и что въ наше время не та женщина будетъ считаться безстыдницей, которая пользуется услугами акушера, а та, которая посвящаетъ себя изученію акушерскаго искусства.

Еще въ прошломъ вѣкѣ бывали женщины, которыя, подобно прежнимъ вѣдьмамъ и колдуньямъ, владѣли превосходными медицинскими средствами. Вольтеръ, котораго никто не заподозритъ въ суевѣріи, при всякомъ случаѣ хвалилъ *«les bonnes femmes»* и не разъ предпочиталъ ихъ практическія знанія ученымъ теоріямъ доктора Трончина. Онъ хвалилъ ихъ за то, что онѣ прививали оспу, не взирая на запрещеніе парламента, который и знать не хотѣлъ ничего объ оспопрививаніи, и за то, что онѣ излѣчивали такія болѣзни, надъ которыми врачи только резонировали. Вотъ что Вольтеръ писалъ въ одномъ посланіи къ m-me Дюдеванъ: «Мои глаза почти цѣлыхъ два года были двумя болячками, но одна *bonne femme* меня почти - что совершенно вылѣчила». Онъ оканчиваетъ свой рассказъ слѣдующими словами: «*C'était à mr. Tronchin à m'enseigner ce qu'il fallait faire, et c'est une vieille ignorante, qui m'a rendu le jour. Il faut à la gloire des bonnes femmes que je vous dise, que nous sommes fort sujets au ver solitaire, c'est encore une bonne femme qui en guérit, et le grand Tronchin en raisonne fort bien.*»

До самой французской революціи этотъ прирожденный медицинскій талантъ женщинъ проявлялся повсюду.

M-me Ролланъ, изучившая медицину, сообщаетъ, что она употребляла эти познанія для блага поселянъ.

Шатобрианъ рассказываетъ о трехъ сѣдыхъ сестрахъ, которыя днемъ и ночью ухаживали за больными. Онъ хвалитъ ихъ кротость и, особенно, умѣнье вправлять переломанные члены.

Только нашъ вѣкъ можетъ похвалиться печальною заслугой полного изгнанія врачей-женщинъ въ Старомъ Свѣтѣ. Что же ка-

сается Нового Свѣта, Америки, то онъ въ настоящемъ же вѣкѣ разрѣшилъ этотъ вопросъ окончательно. Въ различныхъ частяхъ Америки въ настоящее время практикуютъ болѣе 300 врачей-женщинъ съ неоспоримымъ и неоспариваемымъ успѣхомъ. Елизавета Блекгуэль — пионеръ, которая первая проложила этотъ путь для женскаго пола и тѣмъ оказала благотвѣніе человечеству, степень котораго нынѣ мы еще не въ состояніи оцѣнить.

Луси Абботъ и Элиза Шапенъ, завѣдуя нью-Йоркскою больницей, въ одинъ годъ пользовали 6.887 женщинъ и дѣтей.

Въ Филадельфіи шесть женщинъ-врачей зарабатываютъ ежегодно отъ 10 до 50.000 фр. каждая. Въ Оранжѣ (Нью-Джерсеѣ) доходъ одной женщины-медика простирается до 75.000 фр. и другая въ Нью-Йоркѣ выработываетъ 80.000 фр. Нѣкоторые изъ нихъ соперничаютъ съ замѣчательнѣйшими и знаменитѣйшими хирургами.

Н. В.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Безвѣстнымъ братьямъ.

Плохо живется... Но, мнится, средь свѣта
Я не одинъ лишь страдаю, но гдѣ-то
Тоже страданье живетъ...
Пусть же къ порогу далекаго брата,
Мимо чертоговъ, притоновъ разврата,
Вѣтеръ мой вздохъ донесетъ.
Другъ мой безвѣстный, бѣднякъ горемычный!
Кто бы ты ни былъ—работникъ, фабричный,
Слесарь, пахатель, поэтъ...
Да, кто бы ни былъ ты, труженикъ бѣдный,
Жизнью измученный, грустный и блѣдный, —
Шлю я тебѣ мой привѣтъ!
Плохо, мой милый, живется намъ что-то,
Душать насъ горе, нужда и забота, —
Душать обоихъ заразъ...
Эхъ, подадимъ же другъ другу мы руки, —
Общее горе и общія муки,
Общія слезы у насъ!
Только разрознены, другъ, мы съ тобою...
Что, если связаны общей судьбою,
Мы бы мольбу къ небесамъ
Вмѣстѣ послали? И небо, быть-можетъ,
Общая наша молитва встревожить, —
Небо и сжалятся къ намъ...
Вѣтеръ полночный! лети же по свѣту,
Пѣсню сердечную, тихую, эту
Къ братьямъ снеси поскорѣй, —
Къ братьямъ далекимъ средь жизненной битвы...
Слившись же въ хоръ, голоса и молитвы
Тронуть судьбу поскорѣй...

Весенняя ночь.

Хрустально-свѣтлая весенней ночи мгла
Прозрачнымъ сумракомъ на все вокругъ легла.
Вонъ мѣсяць золотой въ водѣ пруда зеркальной
Глядится съ высоты... Чу, свищеть соловей!...
Струится аромать съ воскреснувшихъ полей.
Но отчего я полнѣ весь думаю печальной?
Не все-ль—одна игра слѣпыхъ, безумныхъ силъ?...
Цвѣты!... Они растутъ изъ тлѣющихъ могилъ...
А этотъ мѣсяць что?—Онъ факель погребальный
У трупа блѣднаго надъ мертвой головой...
Безъ смысла блещеть онъ надъ бездною міровой,
Гдѣ, твари глупыя, точь-въ-точь въ безумномъ домѣ,
Мы бредимъ жизнью въ волненіи и истомѣ...
А соловей въ ночи, поющій при лунѣ
Надъ этой бездною и скорбною, и тлѣнною—
Псаломщикъ, что, дремя надъ громомъ въ тишинѣ,
Безмысленно твердитъ какой-то гимнъ священный...

Л. Пальминъ.

Замѣтки о русской и нѣмецкой восточной политикѣ въ связи съ славянскимъ вопросомъ.

III *).

Пропаганда федеральныхъ идей и восточно-славянской миссiи Австрiи.

Предлагая читателямъ, въ концѣ послѣдняго нашего очерка объ австрiйской восточной политикѣ, познакомить ихъ съ пропагандой федерацiи и восточно-славянской миссiи Австрiи, которая такъ дѣятельно ведется теперь во всѣхъ концахъ и во всѣхъ общественныхъ сферахъ Габсбургской монархiи, мы, въ поясненiе этого предложенiя, замѣтили, что «можетъ-быть мы найдемъ въ этой пропагандѣ кое-что полезное и для насъ». Ясное пониманiе плановъ и цѣли противника — половина побѣды надъ нимъ. Надѣемся поэтому, что читатели—по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые со вниманiемъ прочтутъ настоящую главу—сами признаютъ справедливость этого и не посѣтуютъ на нѣсколько длинныя выписки, которыя намъ по необходимости пришлось сдѣлать. Учиться всегда слѣдуетъ, а у враговъ тѣмъ паче, хотя бы ужь по тому одному, что, какъ справедливо говоритъ мусульманская пословица, слышанная нами на Востокѣ: «если ты находишься въ затрудненiи, что дѣлать, то спроси совѣта у врага и ты будешь знать навѣрное, чего тебѣ слѣдуетъ избѣгать. Другъ можетъ иногда ошибиться, врагъ не ошибется никогда: онъ непременно посовѣтуетъ тебѣ то, что для тебя всего хуже». Въ данномъ случаѣ мы не встрѣтимъ, правда, совѣтовъ, прямо обращенныхъ къ намъ, но за то найдемъ множество косвенныхъ указанiй — въ видѣ опасенiй, или мѣръ, которыя, по мнѣнiю ведущихъ пропаганду, Австрiи слѣдуетъ принять противъ такихъ или иныхъ, предполагаемыхъ или только возможныхъ съ нашей стороны, дѣйствiй; а эти указанiя стоятъ всякихъ совѣтовъ. И дѣйствительно, разъ врагъ боится, чтобы мы не сдѣлали того, или этого, и заранѣе готовится чѣмъ-либо парализовать

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

наши дѣйствія въ этомъ страшномъ для него направленіи, то не ясно ли, что это именно и есть то направленіе, котораго намъ слѣдуетъ держаться, и что, поступая въ противоположномъ смыслѣ, мы тѣмъ самымъ играемъ прямо въ руку врагу? Впрочемъ, и помимо этой чисто отрицательной пользы, мы изъ австрійской пропаганды можемъ извлечь еще гораздо больше пользы положительной, научившись изъ нея не только тому, чего намъ слѣдуетъ избѣгать и какого направленія въ общемъ слѣдуетъ намъ держаться, но еще и тому, какъ по этому направленію идти шагъ за шагомъ. Въ особенности поучительны въ этомъ отношеніи произведенія не разъ упоминавшагося нами австрійскаго публициста Фишгофа (Fischhof), съ котораго поэтому мы и начнемъ теперь наше изложеніе. Ему первое мѣсто принадлежитъ по всѣмъ правамъ, во-первыхъ, потому, что добросовѣстность и искренность этого честнѣйшаго изъ австрійскихъ патриотовъ-демократовъ не могутъ подлежать сомнѣнію и, во-вторыхъ, потому, что онъ положилъ начало публицистической пропагандѣ федеральныхъ идей и первый же изложилъ до мельчайшихъ подробностей программу того, что теперь приводится въ исполненіе самимъ австрійскимъ правительствомъ. Фишгофъ писалъ очень много, но мы ограничимся одной брошюрой: «Oesterreich und die Burgschaften seines Bestandes», такъ какъ въ ней собственно изложена въ цѣломъ упомянутая программа.

Итакъ, вотъ что говоритъ Фишгофъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ:

«Ни одна изъ большихъ національностей Австріи не можетъ сама по себѣ упрочить существованіе монархіи, но каждая изъ нихъ можетъ, своимъ противодѣйствіемъ, нанести государству вредъ; разрушительно можетъ дѣйствовать каждая въ отдѣльности, а созидательно—только всѣ вмѣстѣ. Если правительство, народное представительство и публицистика какъ по сю, такъ и по ту сторону Лейты, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ, будутъ имѣть эту истину передъ глазами, тогда Австрія укрѣпится, а если нѣтъ—нѣтъ. Прискорбно, когда въ учредительномъ собраніи большинство не принимаетъ во вниманіе желанія меньшинства. Именно въ этомъ невниманіи кроется причина бесплодности большей части подобныхъ собраній. Но если парламентское меньшинство представляетъ національную партію, а за эту партію стоитъ большинство населенія, тогда подобное невниманіе можетъ сдѣлаться прямо опаснымъ. Ну, а что за меньшинствомъ австрійскаго *рейхсрата* стоитъ именно большинство цислейтанскаго населенія, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, потому что въ славяно-нѣмецкихъ коренныхъ земляхъ численность славянъ относится къ численности нѣмцевъ какъ 10 къ 6.

«Въ однородномъ національномъ государствѣ національная идея служитъ преобладающей идеей. Ей безпощадно подчиняется, приносится въ жертву все прочее; а такъ какъ въ Европѣ нѣтъ ни одного большого государства безъ примѣси чуждыхъ народностей въ его населеніи, то это удовлетвореніе государственной національной идеи достигается лишь на-

счетъ справедливости по отношенію къ народнымъ меньшинствамъ. Такъ безпощадно поступала Франція противъ своего населенія нефранцузскаго языка, такъ Россія—противъ поляковъ и т. п. Напротивъ того Австрію, въ которой ни одна народность не достаточно сильна, чтобы подчинить себѣ остальные и наложить свою печать на государство, въ которомъ всѣ народности почти равносильны между собою и каждая служитъ важнымъ факторомъ общественной жизни,—Австрію, говорю я, собственный ея интересъ заставляетъ быть одинаково справедливой ко всѣмъ національностямъ. Благодаря этимъ условіямъ, въ Австріи преобладающею идеею можетъ быть лишь *идея справедливости*, и если только правительство въ ней вполне соответствуетъ ея внутреннему существу, то въ этомъ отношеніи Австрія, по *этическому* значенію своего государственнаго бытія, стоитъ выше всѣхъ прочихъ великихъ державъ Европы. Разъ удастся доказать, что, какъ скоро эта идея найдетъ себѣ ясное и опредѣленное выраженіе въ австрійской конституціи, всѣ народы Австріи вѣрнѣе, безъ всякой помѣхи могутъ идти по пути культурнаго развитія и лучше охранить свои матеріальныя и нравственныя блага, чѣмъ въ какомъ бы ни было иномъ обществѣ (государствѣ),—разъ удастся доказать это, тѣмъ самымъ ставятся внѣ всякаго сомнѣнія и высокое фактическое значеніе Австріи, и обусловливаемая имъ прочность ея существованія. Разъ австрійскіе народы придутъ къ сознанию, что они только въ гармоническомъ единеніи между собою могутъ обезпечить себѣ драгоценнѣйшія блага жизни, тогда солидарность ихъ интересовъ побудитъ ихъ единодушно стоять и за государство, которое эти интересы оберегаетъ; тогда изъ пониманія частнаго блага cadaquo въ отдѣльности само собой вырастетъ въ нихъ сознаніе общаго блага, разовьется чувство единства, которое свяжетъ въ органическое цѣлое всѣ эти разнородныя части и медленно, но вѣрно возникнетъ то *австрійское самосознаніе*, которое до сихъ поръ тщетно старались привить насильно. Носительница высшей этической идеи, имѣющая корни своей силы въ сознаніи единства своихъ народовъ, Австрія будетъ уже не случайнымъ конгломератомъ, но необходимымъ политическимъ организмомъ, высоко-важнымъ, богато-сложеннымъ (*reichgegliedert*), могучимъ государственнымъ существомъ. Наконецъ, если будетъ доказано, что съ распаденіемъ Австріи нѣмецкое населеніе ея утратитъ принадлежащую ему великую культурную задачу, а прочія племена будутъ по большей части или искалѣчены, или безжалостно попораны совсѣмъ, и что, далѣе, на юго-востокѣ Европы развиваются обстоятельства, нарушающія европейское равновѣсіе и угрожающія западной культурѣ, то этимъ одновременно доказывается и то, что существованіе Австріи имѣетъ не только мѣстное, но и великое общеевропейское значеніе. Но это значеніе Австрія имѣетъ только до тѣхъ поръ, покуда она твердо и непоколебимо сохраняетъ свой *этический* центръ тяжести: сдвинетъ она его хоть малость, въ какое бы то ни было

направленіе, въ пользу той или другой національности, она тотчасъ же утратитъ равновѣсіе и сдѣлается шаткой. Все государственное тѣло разрыхлѣтъ и предчувствіе близкаго распадѣнія овладѣтъ умами...

«Австрія имѣтъ лишь такія провинціи, которыя безъ принужденія входятъ въ ея составъ *), и народы, которые добровольно присоединились къ ней. Если, несмотря на то, ей все еще угрожаютъ рецидивы (т.-е. повтореніе возстаній), если она все еще не могла установить мира между своими народами, то причина этого лежитъ не въ натурѣ отношеній, а въ близорукой внутренней политикѣ,—въ политикѣ, которая, игнорируя истинное существо Австріи, создала конституцію, представляющую лишь игрушку партій вмѣсто того, чтобы быть знаменемъ государства».

Ужь изъ этого предисловія видно, что произведеніе Фишгофа хоть и имѣтъ въ виду исключительно Австрію, но можетъ относиться ко всѣмъ вообще государствамъ съ неоднороднымъ составомъ населенія. Дальше же идетъ изложеніе общихъ положеній политики, значеніе которой пойметъ каждый разумный читатель.

«Австрія не есть *національное* государство, она есть государство *національностей*. Первое представляетъ *народную семью*, второе—*союзъ народовъ*. Въ первомъ *все* населеніе тѣсно связано физическими узами крови, духовными узами языка, общностию историческихъ судебъ, литературной и военною славой и пр. и пр. Тысячи неуволнимыхъ движеній души и сердца связываютъ гражданъ между собою. Общей народнои семьѣ каждый единичный членъ ея охотно жертвуетъ частію своихъ правъ, потому что могущество и блескъ государства озаряетъ всѣми своими лучами cadaго въ отдѣльности. Тамъ единство міровоззрѣній, единство національныхъ стремленій, слѣдовательно тамъ и единство государственное дано само собой. Совсѣмъ иное дѣло въ государствѣ національностей: тутъ нѣтъ ни глубокихъ физическихъ условій—единства крови, ни общности языка, ни общности славныхъ воспоминаній,—тутъ, словомъ, нѣтъ *однороднаго народа*, тутъ, какъ сказано, союзъ *народовъ*,—союзъ, въ которомъ составныя части скрѣпляются другъ съ другомъ и держатся вмѣстѣ лишь *общностию интересовъ*. А какъ отдѣльные лица, соединяясь въ какое-либо частное общество, лишь ровно настолько уступаютъ въ пользу этого общества изъ своихъ личныхъ правъ, насколько это необходимо для достиженія вызвавшихъ образованіе общества цѣлей, такъ точно и народы различныхъ племенъ и различныхъ языковъ, образуя государственный союзъ, лишь настолько соглашаются и желаютъ уступить въ пользу государства изъ своихъ естественныхъ правъ, насколько это необходимо требуется для наиболѣе вѣрнаго обезпеченія вза-

*) Такъ можетъ говорить только австрійскій нѣмецъ, ставящій ни во что австрійскихъ подданныхъ русскихъ въ Галиціи и угроруссовъ (см. *Русскую Мысль* за 1880 г., кн. III: „Голосъ изъ Угорской Руси“, этотъ отчаянный вопль измученныхъ русскихъ австрійскихъ подданныхъ). Ред.

имныхъ интересовъ и общихъ цѣлей. Заботу о тѣхъ политическихъ и національныхъ интересахъ, которые каждый изъ нихъ легко можетъ охранить и безъ посторонней помощи, народы эти никогда не отдадутъ добровольно въ чужія руки.

«Въ существованіи національнаго государства все населеніе его заинтересовано безусловно, такъ какъ въ немъ государство и нація составляютъ одно. Какая бы ни возгорѣлась сильная борьба между партіями, между народомъ и правительствомъ, столкновение между государствомъ и націей лежитъ въ всякихъ вѣроятностей, потому что нація такъ же мало можетъ быть враждебной государству, какъ и государство ненаціональнымъ. Въ существованіи государства національностей, наоборотъ, народы его заинтересованы лишь условнымъ образомъ, такъ какъ въ немъ государство и нація не идентичны и между ихъ стремленіями возможны коллизіи, которыя могутъ поставить часть населенія передъ роковой альтернативой—пожертвовать или собой, или государствомъ. Поэтому тутъ нецѣлесообразныя учрежденія и ложная правительственная система могутъ серьезно угрожать не только благосостоянію населенія, или прочности правительства, но и самому существованію государства. Вслѣдствіе этого, конституціонное государство національностей, заключающее въ себѣ нѣсколько самосознающихъ себя и приблизительно равныхъ другъ другу по числу и значенію народностей,—такое государство, если оно желаетъ такъ же прочно обезопасить свое существованіе отъ всевозможныхъ превратностей измѣнчивыхъ теченій общественной жизни, какъ безопасно національное государство,—должно тщательно избѣгать всякихъ столкновеній съ жизненными интересами своихъ народностей. Оно должно непременно ввести у себя такія учрежденія, подъ охраною которыхъ самобытная жизнь каждой національности была бы вполне обезпечена, какія бы ни происходили перемѣщенія въ господствѣ политическихъ партій.

«Полная независимость въ вопросахъ національныхъ должна быть въ народномъ сознаніи такъ же прочно гарантирована отъ возможныхъ посягательствъ или оскорбленій, посредствомъ постановленій случайнаго большинства, какъ въ вопросахъ религіозныхъ—свобода совѣсти. *Такая полная гарантія невозможна въ централизованномъ государствѣ*, потому что тамъ и законодательство, и администрація находятся въ рукахъ парламентскаго большинства и исходящаго изъ его среды правительства. Одна какая-нибудь, наиболѣе благопріятствуемая конституціей, національность, или коалиція такихъ національностей (что въ Австро-Венгрии и имѣетъ мѣсто) захватываютъ, въ качествѣ парламентскаго большинства, управление внутренней и внѣшнею политикой и всей государственной жизни придаютъ печать своей національности. Государство становится такимъ образомъ національною партіей и, какъ таковая, дѣлается объектомъ вражды всѣхъ, оставленныхъ при меньшинствѣ, національностей, которыя становятся угрозой ему, потому что чувствуютъ, что оно угрожа-

еть имъ. Совершенно невозможно ожидать, чтобы въ важныхъ вопросахъ *національное* меньшинство безъ принужденія подчинилось рѣшеніямъ большинства, какъ дѣлаеть это меньшинство *политическое*. Между тѣмъ и другимъ слишкомъ велика разница. *Политическая партія* защищаетъ *идеи* или *интересы*, которые, если на нихъ сегодня не обращаютъ вниманія, могутъ восторжествовать завтра. Она можетъ временно пасть, не погибая. Напротивъ, національная партія служитъ представительницей самаго существованія націи, а нація не можетъ развиваться, когда ей постоянно грозитъ опасность, и съ трудомъ можетъ снова разцвѣсть, когда разъ подверглась серьезной задержкѣ на пути развитія. По всѣмъ этимъ причинамъ, необходимымъ условіемъ упроченія государства національностей служитъ то, чтобы ни одна народная особь въ немъ не чувствовала себя поставленной ниже и тѣмъ менѣе подчиненной другой, потому что нѣтъ для народа ничего оскорбительнѣе, какъ господство иноземца, хотя бы этотъ послѣдній предлагалъ ему наисвободнѣйшія учрежденія, и ничто не лежитъ ему такъ близко къ сердцу, какъ желаніе имѣть свое, національное, правительство. Щадить эти чувства своихъ народовъ, удалять отъ нихъ все, что содержитъ хотя намекъ на чужеродное господство, и выполнять всѣ ихъ желанія, осуществлять всѣ ихъ стремленія, какія только не противны общегосударственной безопасности—такая политика предписывается жизненными интересами самаго государства національностей. Оно должно обставить всевозможными гарантіями то условіе, что народы, входящіе въ его составъ, будутъ не субординированы другъ другу, а координированы, будутъ идти не какъ партіи противъ другъ друга, а какъ союзники — рядомъ и вмѣстѣ, ибо что для національнаго государства *единство народа*, то для государства національностей *единеніе народовъ*. Первое дано само собою, второе достигается посредствомъ децентрализаціи, посредствомъ обезпеченія автономіи, которая должна быть тѣмъ шире и идти тѣмъ дальше, чѣмъ сильнѣе народы численностію и политическимъ значеніемъ; тѣмъ компактнѣе они живутъ, чѣмъ сильнѣе развито въ нихъ національное чувство, особенно если къ нему присоединяется еще и провинціальное самосознаніе, и, наконецъ, чѣмъ больше можетъ быть въ нихъ тяготѣнія къ родственнымъ народамъ въ сосѣднихъ государствахъ. Тамъ, гдѣ всѣ эти условія встрѣчаются одновременно, автономія должна быть настолько обширна, чтобы каждый народъ распоряжался у себя *вполнѣ самостоятельно* какъ законодательствомъ, такъ и администраціей въ сферѣ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые, не касаясь непосредственно общихъ интересовъ всѣхъ, не *требуютъ безусловно* совмѣстнаго обсужденія общимъ представительствомъ. Парламентское общее представительство и единая исполнительная власть должны вѣдать и управлять *только* такими дѣлами, съ которыми ни одинъ народъ не можетъ разсчитывать съ успѣхомъ справиться отдѣльно отъ другихъ, т. е. имъ должна быть предо-

ставлена внѣшняя политика, охраненіе политическихъ и экономическихъ общегосударственныхъ интересовъ и внутри та доля авторитета и власти, которая давала бы возможность государству наупсѣшнѣйшимъ образомъ охранять законныя права всѣхъ своихъ народовъ и гражданъ.

«Въ такъ организованномъ государствѣ національностей каждый народъ съ одной стороны чувствуетъ себя, благодаря предоставленному ему широкому самоуправленію, настолько прочно обезпеченнымъ въ своей культурной жизни, въ развитіи своихъ національности и языка, какъ еслибы онъ былъ вполне самостоятеленъ, а съ другой—сознаетъ, что государственный союзъ съ другими и энергическое дѣйствіе соединенныхъ силъ всѣхъ дадутъ ему такую опору и охрану извнѣ, противъ покушеній большихъ осѣдлыхъ государствъ, каковыхъ ни одинъ изъ нихъ, будучи изолированнымъ, не могъ бы достичь.

«Такимъ образомъ децентрализація въ государствѣ національностей приноситъ съ собою миръ и удовлетвореніе народовъ внутри и силу и прочность государства извнѣ, между тѣмъ какъ централизація влечетъ къ гражданскимъ ссорамъ и порабощенію внутри, а въ международныхъ отношеніяхъ обрекаетъ государство на безсиліе, такъ какъ оно не только не можетъ разсчитывать на тѣ національности, которыя преисполнены противъ него враждебныхъ чувствъ, но еще въ минуту опасности принуждено раздѣлять военныя силы преданныхъ ему національностей для сдержанія въ повиновеніи враждебныхъ, что натурально ослабляетъ его и дѣлаетъ мало способнымъ къ противодействию непріятелю...»

«Для австрійскаго политика,—продолжаетъ Фишгофъ,—нѣтъ лучшаго практическаго учебнаго курса, какъ путешествіе по Швейцаріи. Каждый шагъ въ этой странѣ обогащаетъ его познанія, расширяетъ его кругозоръ. Онъ встрѣчаетъ здѣсь осуществленнымъ въ полнѣйшей мѣрѣ все то, чего онъ тщетно ищетъ въ своемъ отечествѣ. Обособленное провинціальное самосознаніе и общій патріотическій духъ, разноплеменные народы и—отсутствіе племенной вражды, разнообразныя области, многочисленные округа и—ни малѣйшаго поползновенія къ сепаратизму, много властей и—никакихъ столкновеній. Управление всею страной не приводится однообразно и механически въ движеніе изъ центра, но множество административныхъ организмовъ дѣйствуютъ самостоятельно въ границахъ своихъ кантоновъ. Управляемые и управители не стараются отдаляться другъ отъ друга, но находятся въ постоянномъ живительномъ и оживляющемъ общеніи другъ съ другомъ. Каждое кантональное правительство можетъ окинуть собственнымъ взглядомъ всю область своего воздѣйствія, а потому и можетъ дѣйствительно управлять ею; тогда какъ въ большихъ централизованныхъ государствахъ глазъ министра, какъ бы таковой ни былъ дальнозорокъ, видитъ лишь какъ въ туманѣ, а то такъ и вовсе не видитъ ничего изъ находящагося чуть-чуть даль-

ше поверхности, и самая благая мысль правителей по большей части утрачивает совершенно свой первоначальный видъ, покуда, проходя черезъ длинную цѣпь чиновниковъ, дойдетъ, наконецъ, до низшихъ исполнительныхъ органовъ. Какимъ благотѣльнымъ и творческимъ образомъ дѣйствуютъ возможныя лишь въ маленькихъ административныхъ округахъ интимныя взаимныя отношенія между народомъ и правительствомъ, съ особенною рельефностію выказывается въ Швейцаріи. Нигдѣ во всей Европѣ нельзя найти такого мощнаго споспѣшествованія общественному благосостоянію при такомъ бережномъ и умѣренномъ отношеніи къ плательщикамъ податей. Порядокъ и экономія господствуютъ во всѣхъ отрасляхъ управленія и вездѣ во всемъ высказывается самая старательная и любящая заботливость объ умственныхъ и матеріальныхъ интересахъ населенія. Почти всюду зритель видитъ состоятельность и довольство, а гдѣ нужда и страданіе проводятъ глубокія борозды, тамъ милосердіе и гуманность сѣютъ свои самыя богатыя сѣмена. Если вы видите въ Швейцаріи великолѣпное, похожее на дворець, зданіе, то это непремѣнно или разсадникъ образованія, или больница, попечительство о страждущихъ, или пріютъ для немущихъ. Управление, обыкновенно во всемъ такое экономное, позволяетъ себѣ роскошь тамъ, гдѣ требуется дать юности образованіе, болѣзни и бѣдности—помощь, старости—пріютъ и удобство. Ни въ одномъ государствѣ европейскаго континента ремесленный трудъ не приноситъ такихъ богатыхъ плодовъ, торговля не прокладываетъ себѣ такихъ далекихъ путей, какъ въ Швейцаріи».

И все это имѣетъ мѣсто подъ вліяніемъ и благодаря управленію маленькихъ кантоновъ.

«Трезвое изслѣдованіе политическаго, социальнаго и экономическаго положенія Швейцаріи доказываетъ несомнѣнно справедливость воззрѣній тѣхъ, кто считаетъ децентрализацию управленія важнѣйшимъ условіемъ благосостоянія и важнѣйшимъ оплотомъ свободы и прочности государства. Но что составляетъ главнѣйшій пунктъ научительности Швейцаріи собственно для австрійскихъ политиковъ, это—тотъ фактъ, что въ этой странѣ, благодаря ея самоуправленію, національныя распри и столкновенія изъ-за употребленія того или другаго языка представляютъ дѣло невѣдомое. Национальности живутъ тамъ въ братскомъ согласіи, потому что ни одна изъ нихъ не заявляетъ претензій на какія бы то ни было привилегіи для себя и своего языка въ отправленияхъ общественной жизни, а каждая свои личные матеріальные и умственные интересы охраняетъ самостоятельно и заботится о своемъ національномъ развитіи безъ всякой помѣхи со стороны сосѣдей.»

«Три національности, три племени: нѣмцы, французы и итальянцы—живутъ тамъ въ братскомъ единеніи. Никакія междоусобицы не нарушаютъ общественнаго мира, никакое національное сопротивленіе не задерживаетъ теченія администраціи. Сильвіо Пеллико говоритъ о Швейцаріи: «Тутъ

живутъ люди, съ трудомъ понимающіе другъ друга, ибо они говорятъ на разныхъ языкахъ. Вы можетъ-быть думаете, что въ нихъ нѣтъ любви къ отечеству? Вы заблуждаетесь. Это все *швейцарцы*: тѣ—изъ французскаго, эти—изъ итальянскаго, третьи—изъ нѣмецкаго кантона. Единство охраняющаго всѣхъ ихъ политическаго союза пополняетъ недостатокъ общаго языка, связуетъ ихъ сердца и побуждаетъ ихъ къ великодушнѣйшимъ жертвамъ для блага отечества, не имѣющаго національности». Ключъ къ тайнѣ этой гармоніи находится въ самоуправленіи, которое въ Швейцаріи не составляетъ монополіи одного племени, но есть *ненарушимое право всѣхъ*. Ни одна народная семья не посягаетъ на домашнія права другой; каждая живетъ подъ защитою законовъ, которые *она сама и на своемъ собственномъ языкѣ* создала себѣ, подъ своимъ національнымъ управленіемъ, *которое она сама выбрала*, и только то рѣшается всѣми сообща, что дѣйствительно касается одинаково всѣхъ, т.-е. общегосударственныя дѣла. Народы тамъ свободно соединились въ федерацію, а не насильственно втиснуты въ единообразное государство. Они—хорошіе швейцарцы, потому что ничто не препятствуетъ имъ быть хорошими нѣмцами, хорошими французами и итальянцами. Дайте Швейцаріи учрежденія, противныя ея государственному существу, навяжите ей централистскую конституцію и—она въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлается театромъ политической и національной борьбы, горечь и опасная страстность которой ни мало не уступать нашимъ. *Цѣль современнаго конституціоннаго государства состоитъ въ предоставленіи народамъ права участвовать самими, черезъ посредство представительныхъ собраній, въ управленіи своими судьбами. Поэтому, въ виду этой цѣли, не можетъ быть болѣе важнаго нарушенія конституціоннаго принципа, какъ перенесеніе централистскихъ учрежденій на почву государства національностей, потому что централистская конституція не каждой націи предоставляетъ право самоопредѣленія и рѣшенія всего, до нея касающагося, а всецѣло отдаетъ въ руки одной націи право рѣшающаго голоса объ участи всѣхъ прочихъ. Этимъ путемъ тотъ народъ, который располагаетъ парламентскимъ большинствомъ и посредствомъ его вліяетъ на администрацію не менѣе, чѣмъ на законодательство,—этотъ народъ становится господствующимъ, а прочіе—ему подчиненными, какъ бы тамъ утѣшительно параграфы конституціи ни разглагольствовали о равноправности. При преобразованіи абсолютнскаго государства національностей въ централистско-конституціонное большинство народовъ приходится только мѣнять господина: на мѣсто автократіи одного лица получить гегемонію одного народа.*

«Бросимъ взглядъ на западную половину Австрійской монархіи. Развѣ тамъ, благодаря распредѣленію парламентскаго большинства, нѣмцамъ не досталась гегемонія? Развѣ не нѣмецкое большинство провело границу автономіи народовъ и дало имъ путеводную нить въ конституціонной обще-

ственной жизни? Развѣ не нѣмцы во всѣхъ важныхъ случаяхъ рѣшаютъ законодательнымъ порядкомъ и исполняютъ административнымъ? Все это для не нѣмецкихъ народовъ Австріи обозначаетъ не *самоопредѣленіе и самоуправленіе*, а *опредѣленіе и управленіе нѣмцами*, — другими словами, *нѣмецкое господство*. А таковое при наилучшихъ и благодѣлительнѣйшихъ намѣреніяхъ представляется народамъ не чѣмъ инымъ, какъ тираніей, — тѣмъ родомъ тираніи, о которой еще Монтескье сказалъ, что при ней правительство, ни въ малѣйшей степени не прибѣгая къ насилію и не желая прибѣгать къ нему, тѣмъ не менѣе «оскорбляетъ міровоззрѣніе народа» (Montesquieu: «Esprit des Lois», livre XIX, chapitre 3). И этотъ родъ тираніи тѣмъ опаснѣе, что ее по большей части вовсе и не признаютъ ея виновники, между тѣмъ какъ подвергающіеся ей чувствуютъ ее чрезвычайно болѣзненно. Только этимъ и объясняется то обстоятельство, что нѣмцы въ Австріи въ высшей степени изумлены раздраженіемъ другихъ національностей, а этихъ съ своей стороны въ высшей степени раздражаетъ изумленіе нѣмцевъ, — что, далѣе, нѣмцамъ кажется непостижимымъ, какъ это свобода можетъ представляться людямъ чѣмъ-то невыносимымъ, тогда какъ другимъ національностямъ кажется столь же непостижимымъ, какъ это можно положеніе невыносимое называть свободой. Поверхностные наблюдатели, желая объяснить это странное противорѣчіе взглядовъ, ошибочно утверждаютъ, будто славянскіе народы Австріи лишены чувства свободы. Говорю: «ошибочно», потому что бываютъ народы, которые не умѣютъ собственными силами добиться свободы, но такихъ, которые не желали бы достигъ ея — такихъ нѣтъ... Общераспространенное мнѣніе о природномъ отвращеніи славянъ къ свободѣ не мало повлияло на уничтоженіе ихъ политическаго положенія и мнѣніе это находить кажущуюся опору въ томъ, что они (т.-е. славяне) вотъ уже 20 лѣтъ идутъ рука объ руку съ реакціей. Между тѣмъ весьма немногіе задаютъ себѣ трудъ изслѣдовать дѣйствительныя причины этого явленія.

«Такъ какъ только взаимное пониманіе ведетъ къ соглашенію, то я сдѣлаю бѣглый обзоръ политическихъ преобразованій послѣднихъ 20 лѣтъ и докажу, что славяне вовсе не по своей винѣ, а по винѣ обстоятельствъ брошены были въ объятія реакціи».

Тутъ слѣдуетъ весьма обстоятельный историческій обзоръ, въ которомъ авторъ разсматриваетъ поведеніе каждаго славянскаго племени въ отдѣльности и при этомъ фактами доказываетъ, какъ въ началѣ стремленіе къ свободѣ охватило славянъ наравнѣ съ нѣмцами и мадьярами и они всѣ приняли участіе въ общемъ движеніи какъ 1848 г., такъ и послѣдующихъ. Но затѣмъ несправедливость, которой они подвергались со стороны не столько правительства, сколько именно своихъ согражданъ *господствующей національности*, заставила ихъ перемѣнить фронтъ и охотнѣй поддерживать все уравнивающую реакцію, чѣмъ отдающую ихъ въ руки инородческаго господства конституціонную свободу.

«Именно, преимущественно самими же нѣмцами и мадьярами поставленная впереди всего, національная идея сообщила стремленіямъ австрійскихъ народовъ различныя, часто противоположныя цѣли, и то, что нѣмцы и мадьяры считали свободой, необходимо представлялось славянамъ невыносимымъ гнетомъ, противъ котораго они реагировали. Такимъ образомъ эта реакція возникла вовсе не изъ недостатка любви къ свободѣ, а изъ отвращенія къ такой свободѣ, плоды которой достаются лишь постороннимъ... Нѣмцамъ все это можетъ казаться очень неприятнымъ, но, очевидно, не справедливо было бы упрекать за это славянъ. Никому не охотно тащить триумфальную колесницу своего противника.

«Если австрійскіе нѣмцы желаютъ найти образецъ, которому они должны подражать въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ, то пусть они берутъ примѣръ съ Швейцаріи, гдѣ ихъ нѣмецкіе братья утвердили умеренностію то, что они добыли силой. Швейцарскіе нѣмцы не захотѣли быть *повелителями* другихъ національностей своего государства,—они пожелали быть лишь ихъ *товарищами*, предпочли *дружескій союзъ* насильственному единству и такимъ образомъ достигли той цѣли, которой добивались тяжкимъ трудомъ, что намъ, австрійцамъ, никогда не удалось... Нельзя съ достаточною настойчивостью выставлять это на видъ тѣмъ, которые такъ громко кричатъ о культурной миссіи нѣмцевъ и въ то же время такъ шумно уничтожаютъ эту самую миссію тѣмъ, что не щадятъ самолюбія народовъ, къ облагороженію которыхъ стремятся, и сѣютъ плевелы ненависти тамъ, гдѣ желаютъ пожать плоды цивилизаціи. Если мы искренно желаемъ мира и свободы, то въ нашей средѣ также не должно быть *господствующей націи*, какъ и *господствующаго сословія* или *господствующей церкви*. Централизація въ Австріи—анахронизмъ, она—преступленіе передъ духомъ времени. Да нѣмцамъ вовсе и нѣтъ надобности въ этомъ политическомъ преступленіи. Они превосходятъ своихъ инородческихъ согражданъ и не взбираясь на пьедесталъ привилегіи. Ихъ моральное превосходство даетъ имъ болѣе прочныя гарантіи, чѣмъ искусственно составленное парламентское большинство, потому что съ пьедестала привилегіи ихъ легко можетъ сбросить грубое физическое насиліе, но никакая сила не сброситъ съ высоты культуры. Не опекунами, но образцами должны они быть для другихъ народовъ, не становиться *надъ* этими народами, или *противъ* нихъ, а смѣло *идти впереди* ихъ, и тѣ, кто нынѣ лишь по неволѣ и съ сопротивленіемъ подчиняются ихъ повелѣніямъ, тогда добровольно послѣдуютъ ихъ *примѣру* *)). Дадимъ и мы своимъ народамъ такую же полную мѣру самоуправленія, какъ швейцарское! Теперь такъ скупо удѣляемая имъ частица автономіи

*) Только нѣмецъ могъ привести этотъ аргументъ, взятый отъ различія культуръ въ Цислейтаніи, о которой идетъ рѣчь. Цислейтанскіе славяне по культурѣ не уступаютъ австрійскимъ нѣмцамъ, а чехи далеко превосходятъ послѣднихъ въ этомъ отношеніи.

только возбуждает, не удовлетворяя, ихъ аппетитъ. Она слишкомъ велика, если желаютъ денационализировать народъ, и слишкомъ недостаточна, если желаютъ ея удовлетворить. Она даже въ административномъ отношеніи не достигаетъ своей цѣли, потому что двойственная бюрократическая и земская администрація, параллельное дѣйствіе государственныхъ и автономныхъ органовъ отнюдь не послужили ни къ упрощенію, ни къ улучшенію дѣятельности нашего административнаго аппарата. Не уменьшивъ нисколько государственныхъ расходовъ, она значительно увеличила расходы мѣстные и привела лишь къ тому, что сдѣлала самоуправленіе непопулярнымъ среди тѣхъ классовъ, для которыхъ количество налоговъ служитъ мѣриломъ достоинства политическихъ учреждений. Только всеобъемлющая швейцарская автономія въ одно время и дѣйствительна, и экономна, и она безъ всякаго сомнѣнія пуститъ корни и у насъ, какъ скоро наши государственные люди уяснятъ себѣ настоящую сущность нашего государства и согласно съ нею станутъ управлять имъ.

«Спросить: какъ же намъ выполнить нашу задачу и въ то же время сохранить свое мѣсто? Отвѣчаю: путемъ соразмѣренія нашихъ дѣйствій съ обстоятельствами и нашихъ стремленій съ наличностію нашихъ силъ. Аппетитъ не долженъ превышать способность пищеваренія и, поэтому, такъ какъ мы не можемъ ни поглотить наши народы, ни политически абсорбировать ихъ, то мы должны постараться духовно ассимилировать ихъ съ собою, но не посредствомъ умершвленія, а, напротивъ, посредствомъ оживленія ихъ національнаго духа... Наиболѣе рельефное воплощеніе во внѣшнихъ формахъ и въ то же время лучшее выраженіе глубочайшихъ нѣдръ духа, души народа, есть его языкъ. Никакое чувство не пробуждается въ насъ безъ того, чтобы не вылиться въ звукахъ роднаго языка. Все, что въ видѣ мысли вызываетъ движеніе нашего ума, что въ видѣ предчувствія волнуетъ нашу душу, въ видѣ нѣжнѣйшихъ ощущеній заставляеть биться наше сердце,—все это воплощается для насъ въ формахъ роднаго языка. Правда, говорятъ, будто умственный элементъ въ языкѣ, мысль, и чувство не зависятъ отъ матеріальнаго выраженія его, отъ слова, и будто бы поэтому фанатизмъ роднаго языка есть не что иное какъ сумасбродство. Однако мыслить въ насъ душа, а не матерія; но своеобразная внутренняя связь и взаимодѣйствіе ихъ другъ на друга обуславливаютъ нашу индивидуальность. Точно также единство каждаго языка покоится на безчисленныхъ связяхъ и взаимодѣйствіи духовнаго и матеріальнаго элементовъ въ языкѣ. Поэтому каждый народъ не только имѣетъ право, но и обязанность сохранять свой языкъ. Национальность, которая гибнетъ, сама того не подозревая, представляетъ печальное зрѣлище; но такая, которая сознательно отдала бы себя на погибель, представила бы зрѣлище самое отвратительное въ мірѣ... Народъ вмѣстѣ съ языкомъ растеть, поднимается, вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и погибаетъ.

«Будемъ же вмѣсто того, чтобы, какъ дѣлалось до сихъ поръ, при помощи нѣмецкаго языка, насильственно навязывать народамъ культуру, будемъ понемногу привязывать ихъ къ нѣмецкому языку при помощи образованія, полученнаго ими на своемъ родномъ языкѣ... *На чужомъ языкѣ можно народъ учить, но образовать его нельзя. Образованіе разцвѣтаетъ только на почвѣ родного языка, изъ собственнаго гения каждаго народа. Преподнося народу духовную пищу на ненавистномъ блюдѣ чуждаго языка, можетъ быть и увеличиваютъ сумму его знаній, но характеръ его унижаютъ, національный духъ калѣчатъ; а неужели кто-нибудь думаетъ, что изъ искалѣченныхъ народовъ можно образовать сильное государство?!...* Вмѣсто того, чтобы становиться фронтомъ противъ народовъ или съ досадою и ворчаніемъ позволять имъ вырывать у насъ уступку за уступкой, мы должны дружественно и съ любовью соединиться съ ними и поспѣшить добровольно, отъ всего сердца, даровать имъ то, чего они въ правѣ отъ насъ требовать. Не будемъ оставлять ихъ языкъ прозябать въ подземельяхъ самыхъ низшихъ ступеней народной жизни, или жалкимъ образомъ развиваться въ нижнемъ этажѣ одной народной школы. Будемъ, напротивъ, заботливо помогать ему живымъ и радостнымъ перейти во всѣ этажи государственнаго зданія, подняться въ обширныя и свѣтлыя хоромы общественной жизни, чтобы онъ, находясь въ постоянномъ движеніи на этой широкой аренѣ и подстрекаемый соперованіемъ съ другими, развивался и приобрѣталъ силу. Это нужно потому, что народы развиваются вмѣстѣ съ своимъ языкомъ, и для того, чтобы быть полезными и дѣятельными элементами государства, они должны не только жить, но и быть могучими. Итакъ, дадимъ родному языку нашихъ народовъ полную свободу движенія въ школахъ, въ церкви, въ администраціи, въ судѣ, и мы весьма скоро, къ великой радости своей, увидимъ, что эти народы добровольно станутъ учиться языку нѣмецкому, отъ котораго они стараются отдалиться теперь только потому, что имъ его навязываютъ. Будутъ они учиться ему потому, что малымъ по количеству народноствѣ ихъ родной языкъ окажется недостаточнымъ, чтобы при помощи его одного идти въ ровень съ культурой нашего времени. Теперь великія задачи цивилизаціи по плечу только великимъ націямъ. Въ наше время невозможно болѣе, какъ бывало въ древности, чтобы маленькіе богато одаренные народы могли не только соперничать съ большими, но даже превосходить ихъ. Современная умственная дѣятельность движется на широкой демократической почвѣ и духовное богатство человѣчества составляетъ не по-прежнему лишь то, что добыто нѣсколькими избранными умами, а все, что пожато общимъ трудомъ и изученіемъ въ области науки. Не одни только коронныя брилліанты царей мысли, но и массы приобрѣтеній, накопленныхъ скромными буржуазными изслѣдователями, составляютъ драгоценное содержаніе современной литературной казны. А такъ какъ количество изслѣдователей и сумма результатовъ изслѣдованій

въ значительной степени зависятъ отъ количества народонаселенія одного и того же племени, то маленькіе народы всегда будутъ находиться въ неблагопріятныхъ условіяхъ сравнительно съ большими.

«Надо имѣть въ виду, что раздѣленіе труда, которое также содѣйствуетъ развитію науки, какъ и промышленности, возможно только при такомъ богатствѣ рабочихъ силъ, какимъ маленькіе народы не могутъ располагать. Поэтому они всегда будутъ нуждаться въ помощи еще другаго языка, кромѣ ихъ родного. Этого послѣдняго, какъ бы онъ ни былъ развитъ, хватить имъ лишь настолько, чтобы возбудить въ нихъ жажду знанія. Чтобы эту жажду утолить, имъ придется непремѣнно черпать изъ болѣе богатаго источника, и, конечно, какъ скоро ихъ не будетъ болѣе оттаивать чувство антипатіи, они обратятся къ источнику нѣмецкаго языка, который къ нимъ ближе всѣхъ и который богатствомъ и полнотой превосходитъ всѣ европейскіе языки. И не только наши собственныя инородческія національности, но и родственныя имъ народности за юго-восточною границей нашей привлечемъ мы къ нѣмецкому духу справедливымъ и разумнымъ отношеніемъ (къ дѣлу образованія и языка). Если сербскому и румынскому правительствамъ удастся перегнать насъ въ устройствѣ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, то наши сербы и румыны немедленно начнутъ гравитировать туда, *потому что политическій центръ гравитации народа всегда совпадаетъ съ центромъ его умственной гравитации...*» (Просимъ нашихъ читателей особенно замѣтить это вполне справедливое правило. Оно понадобится имъ ниже, когда мы будемъ излагать другія, болѣе непосредственно касающіяся Россіи, части «пропаганды»)... «Наоборотъ, если мы заведемъ у себя югославянскіе и румынскіе высшіе образовательные центры, школы техническія, ремесленныя, земледѣльческія, торговыя, то юношество тѣхъ странъ будетъ приходить учиться къ намъ и по неволѣ будетъ чувствовать влеченіе и привязанность къ государству, доставляющему своимъ народамъ такіа богатая средства умственнаго развитія. Да, — говоримъ съ особеннымъ удареніемъ, — будущность Австріи гораздо больше зависитъ отъ ея системы образованія, чѣмъ отъ военной...

«Но употребленія національныхъ инородческихъ языковъ въ однихъ школахъ, отъ народныхъ до высшихъ величательно, и въ администраціи — недостаточно. На нихъ же должно вестись и законодательство. «Языкъ, — по свидѣтельству глубочайшаго изслѣдователя онаго, Алек. Гумбольдта, — есть органъ мышленія; только посредствомъ его возникаетъ мысль». Изгнать народный языкъ хотя бы изъ одной сферы умственной дѣятельности — значитъ тѣмъ самымъ исказить національный органъ мышленія. Ну, а сфера законодательная является одной изъ важнѣйшихъ областей національной мыслительной дѣятельности. Геній народа проявляется въ законодательствѣ не менѣе, чѣмъ въ литературѣ и въ искусствѣ. Нигдѣ онъ не выражается жизненнѣе, разнообразнѣе и глубже. Только при развитіи об-

щественной жизни достигаетъ языкъ полной мужественной зрѣлости. Какъ черезъ поэзію и беллетристику вырабатывается красота и прелесть, а черезъ научную литературу — серьезность и глубина, такъ черезъ законодательство, черезъ господство въ общественной жизни вырабатываются достоинство, сила и характеръ. Сдѣлать для языка какаго-либо народа недоступными высшія сферы законодательства — значить закрыть для этого народа самую плодотворную область національной умственной дѣятельности, значить подвергнуть его духовной ссылкѣ и превратить его лингвистическое отечество въ безплодную пустыню. Поэтому-то каждый народъ, какъ скоро въ немъ пробуждается національное самосознаніе, тотчасъ же старается избавиться отъ гнета чуждаго языка, все равно мертвый онъ или живой. У насъ говорятъ, что законы переводятся съ нѣмецкаго на всѣ языки, употребляемые въ государствѣ, и такимъ образомъ каждая національность все равно пользуется своими правами. Но развѣ возможно переводъ чужихъ законовъ считать суррогатомъ національнаго законодательства? Языкъ, на которомъ написаны законы, если онъ хочетъ быть живымъ и оживляющимъ, долженъ быть не съ трудомъ и лишь механически связанъ со смысломъ закона, а органически сродиться съ духомъ національнаго законодателя. Съ точно такимъ же правомъ можно бы приказать народу отказаться отъ всякой самостоятельной литературной дѣятельности и ограничиться одними переводами. Еслибы какой-либо народъ согласился подчиниться подобному приказанію, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого была бы порча характера и искаженіе какъ языка, такъ и народа. Точно также народы, которые должны отказаться отъ самостоятельнаго законодательства на ихъ родномъ языкѣ, непременно утратятъ всякую самостоятельность и достоинство характера и, посреди высшей общественной жизни, въ которой не течетъ ни капли ихъ національной крови, они будутъ неудержимо разлагаться политически, умственно и нравственно... *И по крайней мѣрѣ хотѣ могутъ ли нѣмцы...* (или всякій другой народъ при подобныхъ же условіяхъ)... *«извлечь выгоды для себя изъ того, что потеряютъ прочіе народы? — Никогда! Превращеніе въ стоячее болото общественной жизни многочисленныхъ инородческихъ національностей должно неизбѣжно вызвать застой и пониженіе нравственнаго уровня и среди нѣмцевъ»* (господствующей націи), *«потому что моральные міазмы, развиваемые политическимъ мнѣніемъ, распространяютъ свое тлетворное дѣйствіе далеко за предѣлы тѣхъ мѣстностей, которыя сдѣлались источниками заразы...*»

Поэтому-то «со стороны нѣмцевъ такъ же не умно, какъ и не благородно не только препятствовать маленькимъ народамъ развиваться самимъ и развивать свой языкъ, но еще при этомъ и поднимать ихъ на смѣхъ. Еслибы тяжелые удары судьбы низвели насъ, австрійскихъ нѣмцевъ, на степень илотовъ, то и тогда мы все-таки съумѣемъ снова подняться, благодаря высотѣ и могучей силѣ нашего языка, потому что какъ бы

сами мы ни были умственно лѣнны, мы все-таки не можем не чувствовать духовной связи своей со всѣмъ тѣмъ, что добывается во всѣхъ сферахъ науки трудами и силами нашихъ братьевъ. Но маленькіе народы—какъ тяжело имъ обрабатывать худородную почву ихъ языка! Никто не помогаетъ имъ при этомъ; они сами съ усиліемъ должны собирать и приносить каждый камешекъ, нужный для созиданія литературы; при ничтожномъ количествѣ умственныхъ работниковъ, архитекторамъ приходится самимъ быть и поденщиками. Такъ великодушно ли это намъ, утопающимъ въ полученной въ наслѣдство роскоши языка, насмѣхаться надъ нашими бѣдными и породческими согражданами?... Ограбить ихъ родной языкъ у маленькихъ народовъ, или потихоньку, незамѣтно, украсть его у нихъ было бы грубой, или гнусною низостью.

Такъ проповѣдуетъ Фишгофъ, призывая своихъ братьевъ-нѣмцевъ къ болѣе человѣчному отношенію къ славянамъ Австріи. Но было бы большою ошибкой думать, что имъ руководятъ однѣ идеальныя цѣли и стремленія. Его называли и до сихъ поръ называютъ въ Австріи идеалистомъ, и онъ дѣйствительно, если хотите, идеалистъ, но лишь въ томъ отношеніи, что онъ идеально честенъ, идеально твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и принципахъ. Въ сущности этотъ предполагаемый идеалистъ есть въ то же время глубокой и тонкой политикъ. Обширная, всесторонняя образованность (Фишгофъ—одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ столь богатой образованіемъ нѣмецкой Австріи) привела его къ уразумѣнію той истины, что, во-первыхъ, общепринятое мнѣніе о позволительности (нѣкоторые говорятъ даже—обязательности) коварства, надувательства и насилій въ политикѣ представляетъ великую и печальную ложь, одно изъ тѣхъ грустныхъ вѣковыхъ заблужденій человѣчества, которыя, составляя наслѣдіе варварскихъ, языческихъ временъ и передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, служатъ лишь для благовиднаго прикрытія и оправданія всяческой неправды и безнравственныхъ правонарушеній; во-вторыхъ, что если еще въ отдаленныя эпохи первобытной жизни человѣчества насиліе и могло иногда приводить къ благопріятнымъ результатамъ, то въ наше время и при современной высокой степени европейской культуры честность, справедливость и гуманность въ политикѣ несравненно выгоднѣе и могущественнѣе, чѣмъ самыя хитроумныя козни и самая съ виду непреборимая физическая сила. Уразумѣвъ эту истину, Фишгофъ главнымъ образомъ ее и выставляетъ на видъ своимъ соотечественникамъ, въ ней ищетъ и исходный пунктъ, и точку опоры для своей проповѣди. Онъ не говоритъ нѣмцамъ: будьте великодушны и честны относительно славянскихъ народностей, потому что этого требуютъ великіе христіанскіе принципы справедливости и гуманности,—нѣтъ, онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что черезчуръ возвышенной, далеко превосходящею умственный уровень слушателей рѣчью никого не убѣдишь и даже до конца дослушать себя не заставишь. Поэтому онъ говоритъ: будьте великодушны, честны, спра-

ведливы и гуманны *потому*, что этого требуютъ прежде всего *ваши собственные* интересы и жизненные интересы монархіи. Если вы будете продолжать насилловать славянъ, Австрія неминуемо должна распасться, а вы сами сдѣлаетесь тогда пасынками прусской Германіи. Вотъ какими соображеніями поясняетъ и поддѣрпляетъ онъ свою горячую защиту интересовъ славянъ:

«Какъ нравственно испорченные, такъ и незрѣлые, необразованные народы представляютъ серьезную опасность для государства. Оставимъ, напримѣръ, наши южнославянскія народности въ первобытномъ состояніи, и они *соглаголются добычей панславизма, жертвами Россіи...* Славяне, составляющіе приблизительно на половину населеніе всей Габсбургской монархіи и огромное большинство въ ея западной части (Цислейтаніи), имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для Австріи. Только невѣжество можетъ отрицать это значеніе и только легкомысліе — умалять его. Въ виду этого положенія, государственная мудрость повелѣваетъ тщательно изслѣдовать направленіе общественнаго мнѣнія въ славянскомъ мірѣ и съ точностію узнать, куда оно тяготѣетъ, потому что Австрія подвергалась бы серьезной опасности, еслибы пунктъ этого тяготѣнія находился внѣ ея предѣловъ. Но среди славянскихъ народовъ существуетъ двоякое воззрѣніе на вопросъ, гдѣ собственно долженъ находиться ихъ національный центръ тяжести.

«Согласно одному изъ этихъ воззрѣній, каждая славянская національность должна сама въ себѣ искать свой центръ тяжести, въ сферѣ своей собственной національной жизни. Согласно другому—всѣ славяне должны имѣть единый національный и политическій центръ для того, чтобъ единство племенное, единство расы получило свое выраженіе и въ единствѣ политическомъ. Первое воззрѣніе—*партикуляристское*, второе—*панславистское*. Панслависты, слѣдуя естественному закону тяготѣнія, гравитируютъ къ большому славянскому государству—къ Россіи. *Такимъ образомъ Россія является естественною покровительницей идеи панславизма.* Стремленія же партикуляристовъ вращаются въ тѣсномъ кругѣ отдѣльных народностей, т. е. (по отношенію къ австрійскимъ славянамъ) *въ такомъ кругѣ, который лежитъ въ границахъ Австріи.* Слѣдовательно Австрія, если она правильно понимаетъ свои интересы, *должна быть естественною покровительницей славянскаго партикуляризма.* Самъ по себѣ партикуляризмъ ея славянскихъ народовъ не только не опасенъ для Австріи, но онъ служитъ гарантіей ея упроченія. *Стараніе ослабить этотъ партикуляризмъ было бы самоистребленіемъ, возвращеніемъ панславизма, отказомъ отъ своего положенія въ пользу Россіи...* Еслибы въ славянскихъ народахъ не было партикуляристскаго духа, наши государственные люди должны бы приложить все старанія, чтобъ его пробудить. Ужели имъ пристало усыплять его теперь, когда онъ есть, да еще такой живой и могучій?... Племя, раса есть только по-

слѣдняя линія отступленія угнетаемыхъ народовъ,—собственное непреодолимое влеченіе сердца отнюдь не тянетъ ихъ къ этому направленію. Такъ племенное родство французовъ, итальянцевъ и испанцевъ и таковое же нѣмцевъ, англичанъ и пр. никогда не способствовало утвержденію идеи панроманизма и пангерманизма. И это по той причинѣ, что *не родство, а тождество* происхожденія, языка и литературы органически связываетъ народы... Если славяне (австрійскіе) тяготѣютъ теперь въ Россіи, то это доказываетъ лишь одно, что положеніе ихъ въ Австріи не удовлетворяетъ ихъ желаніямъ и ихъ законнымъ стремленіямъ. Поэтому они ищутъ, и не могутъ не искать, выхода и опоры для себя извѣ.

«Какъ скоро мы не будемъ мѣшать развитію у насъ національной идеи, она глубоко пуститъ корни въ отечественную почву, сроснется съ нею и послужитъ къ процвѣтанію всего государства. Но если мы у нея эту почву вырвемъ, или слишкомъ сѣземъ рамки, необходимыя для ея полного развитія, тогда—и только тогда—національная идея превратится въ опасное ползучее растеніе, которое цѣпляется за чуждые стволы, ища себѣ внѣшней опоры... Какъ легко славянскимъ народностямъ, жизнь которыхъ будетъ лишена высшаго содержанія и яснаго самосознанія, а языкъ не будетъ имѣть литературы,—какъ легко имъ поддастся убѣжденіямъ московскихъ посланцевъ, соблазняющихъ ихъ приманкой племеннаго единства!... Наоборотъ, дайте славянскимъ народамъ глубокое чувство собственнаго достоинства, ихъ народной жизни—съ мощною силой пульсирующей политической центръ, а ихъ языку—исторію, и они никогда не дадутъ увлечь себя никакой московской крикотнѣ о племенномъ родствѣ. Они сами сѣмѣютъ и станутъ энергически охранять свою индивидуальность... Панславизмъ былъ до сихъ поръ одной лишь фантастическою мечтой, національной утопійей, а частенько и простымъ пугаломъ, выставляемымъ на показъ для устрашенія политическихъ враговъ. Выше было уже замѣчено, что только тождество происхожденія и языка неразрывно связываетъ народы и путемъ глубокой, сильной симпатіи часто ведетъ къ политическому единству, тогда какъ простое родство языка и происхожденія никакихъ сердечныхъ корней не имѣетъ и въ политическомъ отношеніи обладаетъ лишь весьма слабой притягательною силой. Но въ томъ же самомъ мѣстѣ было сказано, что *раса есть послѣдняя линія отступленія находящихъ подъ тяжелымъ давленіемъ народовъ*. Народы, какъ и отдѣльныя лица, живя въ счастіи и изобиліи, лишь изрѣдка вспоминаютъ о своихъ дальнихъ родственникахъ; но въ нуждѣ и въ несчастіи они невольно чувствуютъ влеченіе къ нимъ, потому что естественно ждуть болѣе сочувствія себѣ отъ родныхъ, чѣмъ отъ постороннихъ... Итакъ, панславизмъ покуда только утопія... Славяне еще надѣются получить право на полное челоѳческое существованіе въ Австріи. Но «если политика нашихъ государственныхъ людей не оставитъ имъ никакого иного выбора, какъ только дать себя поглотить или родственнымъ соплемен-

нымъ русскимъ, или безусловно чуждымъ имъ по языку и по крови нѣмцамъ, они выберутъ первое. Опять-таки народы, какъ и отдѣльныя единицы, предпочитаютъ *жизнь* на чужбинѣ *смерти* на родинѣ. Но если смерть неизбежна, то они начинаютъ жадать умереть по крайней мѣрѣ въ средѣ своихъ. Если полякамъ, чехамъ и пр. суждено погибнуть въ Россіи, какъ таковымъ, то, какъ славяне, они все же будутъ жить и слѣдовательно сохраненіе расы хоть до нѣкоторой степени вознаграждать ихъ за потерю національной самобытности. *И юре Австрii, юре Западу, если призывъ примкнуть къ Россіи раздастся по всему славянскому міру!* Горе Европѣ, если въ ту минуту, какъ она, разрозненная соперничествомъ государствъ, чего добраго, будетъ раздираема войной,—если въ такую минуту Россія развернетъ знамя великой національной идеи и, повелительница всѣхъ разнузданныхъ силъ неисчислимаго племени, двинетъ свои колоссальные ряды на Западъ и станетъ угрожать тѣмъ германской культурѣ!...» (Тутъ, для подкрѣпленія своей мысли, авторъ приводитъ слова знаменитаго профессора государственнаго права Цахарія, который говоритъ, что русскій народъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нему племенами, можетъ современемъ уготовать германской культурѣ и цивилизаціи ту же участь, которая постигла римскія, когда нѣмцы затопили своими волнами Западную Римскую имперію.) *«Этому воспрепятствовать—вотъ миссія Австрii, культурная задача австрійскихъ нѣмцевъ. «Единство расы»—лозунгъ московскій; «самобытная отдѣльность каждаго племени»—должно быть лозунгомъ австрійскимъ!*

Германизаціонными попытками австрійскіе нѣмцы отнюдь не выполняютъ своей культурной задачи, а только возбуждаютъ національную ненависть и тѣмъ споспѣшествуютъ цѣлямъ Россіи. Дѣлу германизма и интересамъ Европы начнутъ они служить лишь тогда, когда станутъ прокладывать пути самостоятельному развитію западныхъ и южныхъ славянъ и тѣмъ все болѣе и болѣе расширять пропасть между ними и Россіей. Австрійскіе нѣмцы обязаны сохранить для западной культуры тѣ народы, которые отъ нихъ же предковъ получили эту культуру, а отчасти и западную церковь. Только эти народы, которые они воспитали, они должны объявить, наконецъ, совершеннолѣтними и самимъ имъ предоставить заботу о ихъ личныхъ домашнихъ дѣлахъ. Самый превосходный опекунъ навѣрное лишился бы расположенія своихъ питомцевъ, еслибы вздумалъ и по достиженіи ими совершеннолѣтія продолжать держать ихъ въ своей власти. Лишь именно совершеннолѣтній, самосознательный славянинъ будетъ сознательнымъ австрійцемъ. У опекаемыхъ же и притѣсняемыхъ въ централизованной Австрii славянъ національное самосознаніе и патриотизмъ вынуждены находиться въ постоянномъ противорѣчii».

Такова въ общемъ программа Фишгофа (рекомендуемая имъ подробности приведенія ея въ исполненіе мы, разумѣется, пропустили). Мы ниже будемъ имѣть случай вернуться къ ней, по крайней мѣрѣ къ нѣко-

торымъ изъ высказанныхъ въ ней мыслей. Теперь же займемся другими писателями, пропагандистами тѣхъ же идей,—писателями менѣе глубокими и талантливыми, чѣмъ Фишгофъ, но за то имѣющими передъ нимъ то важное преимущество, что они говорятъ не сами отъ себя, высказываютъ не свои личныя убѣжденія и мысли, а мысли правительства. Словомъ, это не писатели въ строгомъ смыслѣ, а скорѣе писцы, пишущіе подъ диктовку, или—чтобъ употребить ужь совсѣмъ подходящее сравненіе—это маляры высшаго разбора, раскрашивающіе стѣны и потолки по трафаретамъ. (Въ Вѣнѣ же, кстати, такихъ очень много, такъ какъ тамъ лишь въ рѣдкихъ домахъ употребляютъ обои; почти вездѣ стѣны штукатурятся и потомъ раскрашиваются подъ обои.) Этимъ господамъ даютъ тему и планъ литературнаго произведенія, которое они обязаны представить,—планъ очень подробный, со всѣми главными положеніями, съ фактами и выводами, а они ужь должны только разукрасить это собственнымъ краснорѣчіемъ. Но прежде, чѣмъ представить читателямъ образчики этого рода трафаретныхъ произведеній, мы должны познакомить ихъ съ однимъ курьезнымъ и, какъ читатели убѣдятся, вовсе не дурнымъ, хотя оно и пользуется дурною словою, австрійскимъ учрежденіемъ, именно съ тамошнимъ *бюро печати*. Такое предварительное ознакомленіе совершенно необходимо для того, чтобы читатели могли вполне отчетливо уяснить всю важность *политическаго* значенія тѣхъ публицистическихъ произведеній, которыя мы будемъ цитировать дальше.

Австрійское «бюро печати» совсѣмъ не то, что наше «главное управленіе по дѣламъ печати». Цѣли у нихъ, пожалуй, и однѣ, но средства достиженія этихъ цѣлей совершенно различныя. Бюро печати не стоитъ ни въ какихъ начальственныхъ отношеніяхъ къ настоящей печати. Оно даже не получаетъ обязательно всѣхъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ Австріи, т. е. получать то получаетъ, конечно, по крайней мѣрѣ вѣнскіе и главные изъ провинціальныхъ, но получаетъ за подписную плату и лишь тѣ, на которые подписывается, а не то чтобъ издатели обязаны были представлять ему извѣстное количество экземпляровъ. Такихъ экземпляровъ представляется всего одинъ—въ мѣстную прокуратуру, и на ея обязанности лежитъ, въ извѣстныхъ (впрочемъ, чрезвычайно рѣдкихъ), предусмотрѣнныхъ закономъ, случаяхъ *) конфисковать газету и затѣмъ предать редактора суду. Бюро печати до всего этого не касается. Его задача состоитъ не въ пассивномъ препятствованіи выраженію обще-

*) Въ обыкновенное время случаи эти слѣдующіе: оскорбленіе общественной нравственности, оскорбленіе личности главы государства или его семейства, грубое оскорбленіе личности главы какого-либо иностраннаго государства, открытое подстрекательство къ государственной измѣнѣ, возмущенію, или къ междоусобицѣ между народами или классами; въ военное же время сюда присоединяется еще разглашеніе о мѣрахъ, принимаемыхъ военнымъ вѣдомствомъ, и движеніи войскъ.

ственного мнѣнія, а, наоборотъ, въ активномъ воздѣйствіи на него. Оно не подавляетъ общественную мысль, не ставитъ преградъ свободѣ слова; оно само говоритъ громче всѣхъ и этой своей громкою рѣчью, подчасъ весьма краснорѣчивой, даетъ общественной мысли извѣстное направленіе. Словомъ, это не гасильникъ, а тоже въ своемъ родѣ свѣточъ мысли, только свѣточъ особенный, имѣющій свойство придавать специфическую, однообразную окраску всему, на что падаютъ его лучи, и именно окраску желательную правительству. Горкій опытъ привелъ австрійское правительство къ сознанію той простой, но, къ сожалѣнію, не всѣми понимаемой, истины, что гробовое молчаніе, особенно когда оно подневольное, нисколько не служитъ ни доказательствомъ, ни гарантіей душевнаго спокойствія молчащихъ,—что, подавленная во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ, мысль человѣческая тѣмъ дѣятельнѣе и упорнѣе работаетъ внутри и эта работа, за которой нѣтъ возможности услѣдить, приводитъ къ опаснымъ результатамъ. И вотъ, сознавъ это, австрійское правительство сняло всякія оковы, всякія путы съ общественной мысли и устранило почти, можно сказать, совсѣмъ правительственную опеку надъ печатью, — по крайней мѣрѣ опека эта, какъ объяснено въ примѣчаніи, вдвинута въ такія узкія рамки и такъ строго ограничена закономъ, что ее почти и не замѣтно. Но, устранивъ опеку видимую и потому оскорбительную для общества, справедливо считающаго себя совершеннолѣтнимъ, оно однако же не отказалось отъ опеки невидимой и нечувствительной, для примѣненія которой придумало необыкновенно ловкое и остроумное средство. Именно, предоставляя всѣмъ писать и читать, что кому вздумается, правительство, въ лицѣ непосредственно подчиненныхъ ему чиновниковъ, само стало въ ряды писателей-публицистовъ.

Независимо отъ официальныхъ и официозныхъ правительственныхъ органовъ (это штука не хитрая, хотя бы ужъ потому одному, что она вездѣ существуетъ,—въ Европѣ нѣтъ ни одного государства, гдѣ бы каждое министерство и даже каждый выдающійся общественный дѣятель не имѣли своего органа),—независимо отъ такихъ органовъ, австрійское правительство завело еще цѣлую литературно-публицистическую лабораторію, въ которой многочисленный штатъ чиновниковъ, состоящихъ на коронной службѣ и получающихъ жалованье, чины и отличія, специально занимается писаніемъ газетныхъ статей, предназначенныхъ отнюдь не для правительственныхъ, а именно для независимыхъ органовъ, корреспонденцій, посылаемыхъ въ правительственные и иностранныя газеты, и, наконецъ, брошюръ, ужъ непосредственно представляемыхъ публикѣ. Лабораторія эта работаетъ всегда, но въ обыкновенное, спокойное время работа не особенно оживлена. Но какъ скоро возникаетъ какой-нибудь «вопросъ», внутренний или внѣшній, или требуется подготовить общественное мнѣніе къ чему-нибудь такому, что рѣшено произвести въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и противъ чего можно ожидать оппозиціи, тогда въ лабо-

раторіи начинается самая кипучая дѣятельность. Публицисты-чиновники строчатъ день и ночь и цѣлый ливень газетныхъ статей, замѣтокъ, корреспонденцій, журнальныхъ очерковъ и брошюръ, въ особенности брошюръ, проливается надъ счастливой Австріей и надъ Европой. Немногочисленный кружокъ посвященныхъ знаетъ, разумѣется, откуда все это происходитъ, и такъ и относится къ произведеніямъ лабораторіи. Но публика читаетъ и подчасъ зачитывается, потому что многія изъ этихъ своеобразныхъ литературныхъ произведеній написаны очень талантливо, — зачитывается, нимало не подозревая, что это ни болѣе, ни менѣе какъ тоже своего рода давленіе на ея мнѣніе, только въ мягкой и культурной формѣ. Такимъ образомъ австрійское правительство сумѣло осуществить въ полномъ объемѣ извѣстную пословицу: «и волки сыты, и овцы цѣлы». Открытаго, грубаго насилія никакого нѣтъ, ибо давленіе никто не чувствуетъ, да и нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, назвать «насиліемъ» прямое участіе правительства въ дѣятельности печати, особенно имѣя въ виду, что оно даже никакихъ особенныхъ привилегій себѣ не присвоиваетъ: никому не возбраняется вести съ нимъ какую угодно полемику (что въ большинствѣ случаевъ и дѣлается), назойливая опека никому не лѣзетъ въ глаза и ею потому никто не возмущается, а общественное мнѣніе между тѣмъ болѣе чѣмъ когда-либо находится подъ контролемъ и въ распоряженіи правительства. Оно находится тѣмъ вѣрнѣе, что правительство всегда имѣетъ возможность воздѣйствовать на общество въ желательномъ ему направленіи гораздо раньше всѣхъ прочихъ дѣятелей печати и даже раньше представительныхъ собраній. Такъ оно дѣйствительно и происходитъ. Усиленная работа лабораторіи начинается обыкновенно задолго до появленія на политической аренѣ того или другаго вопроса, такъ что когда таковой дѣйствительно появляется и становится предметомъ общаго вниманія, общество если не все, то добрая доля его, оказывается какъ нельзя лучше подготовленнымъ взглянуть на дѣло именно съ той точки зрѣнія, на какую хотѣло бы его поставить правительство. Случается нерѣдко, — а это и вводитъ въ заблужденіе наивную публику, — что публицисты лабораторіи находятся въ прямомъ противорѣчій съ офиціозными, т. е. общезвѣстными за таковыя, органами, а подчасъ даже вступаютъ съ ними въ открытую полемику, т. е. нѣкоторымъ образомъ какъ бы дѣлаютъ оппозицію правительству. На дѣлѣ они-то именно и служатъ настоящимъ цѣлямъ правительства, а полемика и противорѣчіе обозначаютъ просто, что правительству почему-либо неудобно еще открыто дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи и оно поэтому постепенно подготавливаетъ общественное мнѣніе къ имѣющему совершиться *volte-face*. Маленькая военная хитрость, которая представляетъ еще и то удобство, что въ такихъ случаяхъ можно, старательно скрывъ, откуда идутъ полемизирующія съ завѣдомо-офиціозными произведенія, изобразить видъ, будто дѣлается «уступка общественному мнѣнію». Все это до такой степени обычно, что люди, хорошо зна-

комые съ дѣломъ, никогда и не заглядываютъ въ офиціозные органы, если хотять узнать, куда собственно клонить и чего желаетъ достичь австрійская политика даннаго времени. Они тщательно слѣдятъ за работами лабораторіи и по исходящимъ оттуда произведеніямъ выводятъ безошибочныя заключенія...

Эта лабораторія и есть «бюро печати», раздѣляющееся на два отдѣла: одинъ состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и вѣдающій вопросы внутренней политики, другой—при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ для вопросовъ политики внѣшней. Въ обоихъ есть, конечно, директоры, называемые шефбюро, которые ежедневно дѣлаютъ отчетъ лично подлежащему министру и непосредственно отъ него же получаютъ инструкціи. Чиновники, весьма многочисленныя и тщательно избранныя, раздѣляются на двѣ категоріи: чтецовъ и писателей. На обязанности первыхъ лежить читать газеты внутреннія и иностранныя и составлять изъ нихъ обстоятельный комплексъ, а на обязанности вторыхъ—писать, что кому указано. Эти послѣдніе занимаютъ различныя ранги: одни пишутъ простыя корреспонденціи въ неважныя провинціальныя и незначительныя иностранныя газеты, другіе—корреспонденціи же, но во вліятельныя органы, третьи—передовыя и иныя политическія статьи и, наконецъ, четвертые, пользующіеся особеннымъ довѣріемъ начальства,—брошюры. Всѣ эти господа ежедневно являются на службу (пишутъ обыкновенно тутъ же въ помѣщеніи бюро) и ежедневно же получаютъ инструкціи, но только главные изъ представителей трехъ послѣднихъ ранговъ, такъ сказать мастера писательскихъ дѣлъ, непосредственно отъ шефбюро, остальные же, простые рабочіе и мелкота, довольствуются тѣмъ, что эти передадутъ имъ. Впрочемъ и они, если пожелають, могутъ идти къ шефбюро и лично просить у него свѣдѣній, какія желаютъ имѣть. Субординаціи ради, это рѣдко дѣлается ими, но запрета нѣтъ. Вообще директоры бюро печати самыя доступныя лица во всей Вѣнѣ. Ихъ двери всегда открыты для всѣхъ представителей печати—иностранцевъ, какъ и своихъ,—враговъ, какъ и друзей. Это даже показная сторона самого учрежденія, которое, предполагается, т. е. офиціально предполагается, существуетъ собственно для доставленія правительству вѣрнаго отчета объ общественномъ мнѣніи, выражающемся въ печати (не могутъ же министры самолично читать все, что пишется), а печати—вѣрныхъ свѣдѣній и справокъ, какія могутъ ей понадобиться.

Въ извѣстный часъ (не опредѣленный, а когда придется между 1 и 4 часами) въ директорскомъ кабинетѣ раздается звонокъ, который немедленно повторяется во всѣхъ комнатахъ, гдѣ занимаются «мастера». Это—знакъ, что шефбюро вернулся отъ министра и ожидаетъ гг. мастеровъ. Послѣдніе гурьбой являются въ кабинетъ, усаживаются вокругъ стола съ своими записными книжками и начинается «чтеніе». Г. шефбюро сообщаетъ новости дня и читаетъ, по составленнымъ въ министерствѣ замѣт-

камъ, взглядъ правительства на различные предметы, съ каковымъ взглядомъ чиновники-писатели должны сообразовать свои произведенія. Послѣ этого общаго «чтенія» начинается отдѣльное собесѣдованіе г. шефбюро съ главными «мастерами», поставщиками наиболѣе выдающихся органовъ. Имъ и свѣдѣнія доставляются болѣе важныя, новости наисвѣжѣйшія. Этижъ поддерживаются хорошія отношенія съ самими органами. Попросту *купить* лучшія, наиболѣе вліятельныя и распространенныя европейскія газеты, въ большинствѣ случаевъ, нельзя ни за какія деньги, но заслужить ихъ благорасположеніе услугами по части доставленія самыхъ свѣжихъ и вѣрныхъ новостей—можно, потому что этимъ дорожить каждая хорошая редакція и, разумѣется, отзывается если не всегда безусловно дружественно, то всегда деликатно и осторожно о политикѣ такого правительства, которое служитъ источникомъ столь драгоценныхъ въ наше время «последнихъ извѣстій». Австрійское правительство знаетъ это очень хорошо и въ совершенствѣ эксплуатируетъ эту слабую струнку всѣхъ редакцій въ мірѣ. Между прочимъ этимъ путемъ пользуются въ такихъ случаяхъ, когда желаютъ незамѣтно подставить ножку какому-нибудь «дружественному» правительству, преждевременно распустивъ по свѣту вещи, которыя тому нужно или желательно до времени держать въ тайнѣ. Итакъ, мастерамъ доставляютъ важнѣйшія свѣдѣнія и кромѣ того даютъ нарочитыя инструкціи насчетъ статей, которыя подчасъ почти цѣлкомъ диктуются и часто представляются на предварительный пересмотръ. Впрочемъ, статьи и корреспонденціи просматриваются обыкновенно лишь въ общихъ чертахъ,—исключенія довольно рѣдки и только въ случаяхъ особенной важности. Но что уже абсолютно всегда подвергается обстоятельной цензурѣ, это—брошюры. Для производства этого товара, во-первыхъ, выбираются корифеи между мастерами и, во-вторыхъ, имъ вмѣняется въ обязанность произведеніе свое представлять въ рукописи, которая подвергается редакторской корректурѣ ближайшихъ помощниковъ министра, а въ случаяхъ особенной важности и самого г. министра. Корифеи имѣютъ всегда доступъ къ его превосходительству и бываетъ нерѣдко, что пишутъ прямо по его личнымъ приказанію и указаніямъ, минуя всякихъ посредствующихъ лицъ, въ родѣ шефбюро и т. под. Дѣлается это тогда, когда по компрометирующему содержанію брошюры требуется сохранить особенную тайну насчетъ ея происхожденія. Такая безусловная тайна потребна, разумѣется, прежде всего по вопросамъ внѣшней политики, въ виду международныхъ отношеній. Да, впрочемъ, только по такимъ вопросамъ она и можетъ быть дѣйствительно соблюдена (т.-е. въ смыслѣ неразоблаченія въ печати), потому что оппозиціонныя литературныя кружки, не будучи непосредственно заинтересованы въ дѣлѣ, хоть и отлично знаютъ, въ чемъ суть, но не выдаютъ никогда даже и намекомъ. У каждаго министра бываютъ, конечно, свои «правыя руки», т.-е. особенно довѣренныя мастера литературныхъ дѣлъ, работающіе подъ

личнымъ наблюденіемъ своего превосходительнаго патрона. Но, тогда какъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ персоналъ этихъ избранныхъ мастеровъ почти вездѣ мѣняется чуть не въ полномъ составѣ вмѣстѣ съ перемѣной министра, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ они, напротивъ, почти всегда передаются такъ сказать по наслѣдству отъ одного министра другому. Причина очень понятна. Во внутренней политикѣ измѣненіе направленія вездѣ, а въ Австріи особенно, бываетъ гораздо чаще и рѣзче. Случается, что политика сегоднешняго министра прямо противоположна политикѣ его предшественника (какъ это и имѣло мѣсто при замѣнѣ кн. Ауэршперга гр. Таафе). Во внѣшней политикѣ такихъ радикальныхъ измѣненій быть не можетъ, по крайней мѣрѣ въ государствахъ, политика которыхъ ведется сознательно, а не стихійно,—по обдуманному плану, а не какъ Богъ на душу положить. Здѣсь измѣняются большею частію подробности, да иногда внѣшнія формы, внутренняя же суть остается та же. Натурально, что эта устойчивость направленія политики дѣлаетъ совершенно излишнею перемѣну такихъ пассивныхъ и совершенно лишенныхъ всякой возможности имѣть какое-либо личное вліяніе орудій, какъ чиновники для писанія брошюръ. Не то, чтобъ эти господа повинны были въ вѣрности своимъ политическимъ убѣжденіямъ,—какія ужъ убѣжденія у людей, открыто и специально занимающихся писаніемъ по заказу,—а просто выдающіеся парламентскіе дѣятели и высшіе сановники администраціи, изъ которыхъ выбираются обыкновенно министры внутреннихъ дѣлъ, всегда заранѣе ужъ окружены разными клеветами и имѣютъ приближенныхъ «правыхъ рукъ», которыхъ естественно и приводятъ съ собою, когда занимаютъ министерскій постъ. Министры же иностранныхъ дѣлъ большею частію выбираются изъ числа пословъ и посланниковъ, вообще изъ дипломатическаго персонала, которые, будучи сами лишь орудіями и исполнителями воли короны и министерскихъ предписаній, не нуждаются въ клеветахъ, въ особенности въ публицистикѣ. Становясь министрами въ свою очередь, они опять-таки гораздо менѣ своихъ коллегъ по внутреннимъ дѣламъ чувствуютъ потребность въ лично имъ преданныхъ орудіяхъ, потому что они гораздо менѣ самостоятельны и гораздо болѣе подчинены власти и личной волѣ главы государства, чѣмъ министры внутреннихъ дѣлъ. Само собою разумѣется, что, въ виду всѣхъ этихъ условій, и офиціозныя трафаретныя произведенія, касающіяся внѣшнихъ вопросовъ и отношеній, имѣютъ болѣе важное политическое значеніе. Тутъ ужъ нельзя сказать, что это говоритъ лично такой-то министръ,—тутъ дѣйствительно говоритъ *правительство*, въ полномъ, всеобъемлющемъ смыслѣ этого слова.

Однако, если въ иностранномъ отдѣленіи бюро печати рѣдко происходятъ дѣйствительныя перемѣны, за то весьма часты фиктивные выходы въ отставку. Какой-нибудь записной «мастеръ», завѣдомо для всѣхъ довѣреннѣйшая изъ министерскихъ «правыхъ рукъ», вдругъ, безъ всякой

видимой причины, увольняется въ отставку. Проходить мѣсяць, другой—рѣдко до полугода—глядяшь, мастеръ опять на службѣ и опять въ рангъ «правой руки» и болѣе прежняго взысканный милостями высшаго начальства. Что такое произошло?—А просто только то, что въ короткій промежутокъ воображаемой отставки мастера вышла какая-нибудь брошюра настолько компрометирующаго свойства, что оставаясь авторъ ея на службѣ, изъ-за нея могли бы произойти если не прямо недоразумѣнія, то во всякомъ случаѣ неприятныя объясненія съ посольствомъ какой-либо иностранной державы. Фиктивная отставка спасаетъ дѣло *en mettant à couvert* нравственную отвѣтственность правительства. Опять—и волки сыты, и овцы цѣлы. Руководящій принципъ учрежденія сохраняется неизменно.

А теперь, когда мы познакомили читателей съ хитрыми механизмами австрійскаго бюро печати, приступимъ къ изложенію оффиціозной пропаганды, ведущейся изъ этого бюро, подъ диктовку руководящихъ государственныхъ людей. Начнемъ мы съ произведенія, появившагося въ концѣ 1878 года, т. е. въ самомъ началѣ пропаганды, затѣмъ возьмемъ по образчику изъ послѣдующихъ годовъ до текущаго включительно. Это дастъ намъ возможность прослѣдить наглядно, какъ энергія пропагандистовъ шла *crescendo*, усиливаясь постепенно до оглушительнаго *fortissime*.

Какъ извѣстно, въ концѣ 1878 года (при подписаніи Берлинскаго трактата) началась уже та усиленная «примирительная» дѣятельность приближенныхъ къ коронѣ лицъ, результатомъ которой явилось совершившееся въ 1879 году торжественное возвращеніе чеховъ въ имперскій австрійскій рейхсратъ. По поводу этого примиренія, въ виду съ одной стороны яростной оппозиціи нѣмцевъ, кричавшихъ по всей странѣ, будто замышляется нарушеніе конституціи, съ другой—нѣкотораго упорства чеховъ, боявшихся, какъ бы это не повредило ихъ историческимъ правамъ, — и написана та брошюра (названіе ея мы, къ сожалѣнію, не припомнимъ), изъ которой заимствованы слѣдующія цитаты:

«Въ тѣ времена, когда еще писали на пергаментѣ, большіе народы недостаточно знали самихъ себя, а малые совершенно непронизводительно растрачивали свои силы на массу мелочныхъ мѣстныхъ интересовъ. Наслѣдованія по завѣщанію создавали государство или же ихъ образовывалъ насильственно кровавый мечъ. Цѣлыя страны можно было дарить, а людей кстаті, въ придачу отдавать. Мало того, можно было—и для констатированія этого намъ стоить заглянуть въ прошлое не далѣе, какъ за одно поколѣніе назадъ—можно было, въ виду необходимыхъ будто бы интересовъ европейскаго равновѣсія, перерѣзывать и перекраивать цѣлыя государства и народы. Тогда, конечно, политическія права въ узкомъ смыслѣ имѣли самое важное значеніе и ограниченіе власти государя: могло казаться альфой и омегой права, а защита такового представлялась единственною задачей доброжелателей народа. Но нынѣ, когда большія націи изучили другъ друга и

достигли полнаго самосознанія и самоуваженія; когда малѣйшее движеніе въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ производитъ повсюду прямыя или косвенныя усложненія и вызываетъ соотвѣтствующія проявленія во всей части свѣта (Европѣ); когда самыя маленькія народности, въ сознаніи своихъ національныхъ правъ, рѣшительно сопротивляются всякому насильственному покушенію на эти права; когда парламенты въ гораздо большей степени, чѣмъ конгрессы, держатъ въ своихъ рукахъ вѣсы политической судьбы; когда требующее уваженія къ себѣ стремленіе народовъ къ освобожденію болѣе или менѣе грозитъ вытѣснить существующія государственныя формы, чтобы принудить государство стать на естественный путь *національныхъ федераций*; когда, однимъ словомъ, каждый народъ хочетъ вращаться отдѣльнымъ самостоятельнымъ тѣломъ въ системѣ мировой дѣятельности и считается филологическимъ индивидуумомъ (*sprachliches Individuum*) въ лексиконѣ народовъ, а не туманнымъ пятномъ въ общей картинѣ насильственно втиснутаго въ рамки одного государства, агломерата странъ, — нынѣ, говоримъ мы, когда все это совершается и когда весь цивилизованный міръ отрицаетъ теорію права сильнаго и возстаётъ противъ всякаго насилія, когда даже единичнымъ личностямъ, не говоря ужъ о цѣлыхъ народахъ, нельзя болѣе отказывать въ правѣ самимъ распоряжаться своею судьбой, — теперь можно смѣло предсказать счастливую будущность политикѣ примиренія національностей и политическаго соглашенія, поставленной на мѣсто прежней, основанной лишь на насиліи, государственной политики. Швейцарія уже давно была бы стерта съ карты, еслибы не вела въ самомъ безусловно-либеральномъ смыслѣ именно такую политику. Въ ней вступили въ союзъ маленькіе обломки трехъ большихъ націй и прочно держатся вмѣстѣ собственными силами, безъ малѣйшаго попопзновенія присоединиться каждая къ своей великой націи—матери. Австрія искони вѣковъ была какъ бы ублюдкомъ двухъ различныхъ понятій, нѣвнѣмъ централизованнымъ среднимъ между федеративнымъ и союзнымъ государствомъ, только съ тою разницею, что этотъ союзъ заключили между собою *страны и земли, а не нации*. Въ наше же время *національныя права народовъ* неизмѣримо важнѣй *историческихъ правъ на земли*, и въ этомъ отношеніи Австрія какъ бы нарочно создана для того, чтобы, *на основахъ этого единственно справедливаго и достойнаго челоуѣчества фактора, сдѣлаться величайшею въ мірѣ монархической Швейцаріей и укрѣпиться прочно и твердо посредствомъ волшебнаго могущества политики національностей*. Кто въ Австріи придаетъ наибольшее значеніе географически обозначеннымъ «землямъ» и съ этой точки зрѣнія, не принимая во вниманіе этнографическихъ отношеній, думаетъ и ближайшее отечество свое удовлетворить, и государство въ цѣломъ упрочить, тотъ совершаетъ ошибку, которую можно извинить развѣ только благимъ намѣреніемъ. Франція, Италия, Испанія, Германія—государства національныя, тогда какъ Австрія, Турція—госу-

дарства *національностей*. Первые могут и должны централизоваться, въ видахъ усиленія и охраненія себя, какъ національныхъ государствъ; вторыя же только при помощи широкой децентрализаціи, при помощи полнѣйшаго удовлетворенія отдѣльныхъ народностей и всяческаго споспѣшествованія ихъ національному развитію могутъ устроить у себя правильное, дешево стоящее народное хозяйство и прочно гарантировать свое положеніе могущественныхъ державъ. Покуда еще народы Австріи обрѣтались въ патриархальныхъ снахъ и о своей правоспособной самобытности имѣли лишь неясныя предчувствія и благочестивыя пожеланія, до тѣхъ поръ политика «земель» была у мѣста; теперь же возможна *только* политика *національностей*, которая одна принесетъ монархіи пользу и силу и одна же можетъ удовлетворить народы...

Такъ говорили въ 1878 году, а въ 1879 стали ужъ гораздо глубже и шире ставить вопросъ и еще точнѣе опредѣлять цѣли. Беремъ для примѣра одну брошюру, надѣлавшую, при своемъ появленіи, много шума и которую въ публикѣ многіе упорно приписывали собственному перу извѣстнаго гр. Гогенварта. Онъ въ то время, какъ и теперь, *официально* не занималъ никакого вліятельнаго поста, но интимныя отношенія и безпрестанныя совѣщанія съ нимъ, по дѣламъ внутренней политики, только что вступившаго тогда въ министерство гр. Таафе ни для кого не составляли тайны и потому его мнѣніе не безъ основанія считалось мнѣніемъ и правительства. Послѣ обязательнаго во всѣхъ произведеніяхъ этого рода краткаго очерка исторіи образованія Австріи, брошюра, носящая названіе «Die Deutschen in Oesterreich», говорить:

«Исторія послѣднихъ 20—30 лѣтъ извѣстна. За это время приведено къ концу то, что подготовлено было прежде. Австрія вынуждена была предоставить Италію и Германію ихъ собственнымъ національнымъ стремленіямъ и развитію и этимъ именно сама направлена была, наконецъ, къ своимъ настоящимъ и великимъ задачамъ. Она сдѣлалась «Восточною монархіей» (Ostreich), «Дунайскимъ государствомъ», т. е. тѣмъ, къ чему призывало ее все ея прошлое, — Восточною монархіей, великою и сильною самой по себѣ, а не посредствомъ лишь союза съ другими великими державами, самостоятельнымъ членомъ европейской общины государствъ и народовъ, призванныхъ имѣть и защищать свои собственные интересы. *Разрѣшить культурную задачу въ себѣ самой, сдѣлаться твердымъ оплотомъ противъ новѣйшаго восточнаго варварства и въ то же время стать политическимъ и нравственнымъ регенераторомъ Востока—вотъ миссія, до которой доросла теперь Австрія.* Но еще одна пальма предоставлена ей, и пальма, смѣемъ думать, не менѣ славная въ глазахъ мыслителей. Французская революція разрушила старое общество и старое государство. Было бы можетъ-быть преждевременнымъ утверждать, что на мѣстѣ стараго порядка возникъ уже прочный новый. Сама наука, изслѣдующая теоретически и идущая всегда далеко впереди

существующихъ въ практической дѣйствительности формъ, повсюду чувствуется потребность подвергнуть обстоятельному пересмотру учение объ обществѣ и государствѣ. Очень мало или вовсе ничего законченнаго еще не видать,—весь міръ находится, такъ-сказать, въ состояніи провизуарности. Мы переживаемъ эпоху переходную отъ стараго, во многомъ уже разрушеннаго и невозобновимаго, порядка къ новому, еще не вполне выяснившемуся. Въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ это полусознаніе провизуарности, переходности всѣхъ условій жизни выражается въ поклоненіи реализму и въ низверженіи идеаловъ, что ясно указываетъ на потребность вернуться къ фактамъ (хотя въ то же время и на одностороннее лишь признаніе ихъ логики). Въ общественной жизни то же чувство нашло себѣ проявленіе въ постоянно повторяющихся (и усиливающихся) попыткахъ такъ-называемой социаль-демократіи. Въ политической жизни государствъ проявилось оно въ единственномъ донинѣ плодѣ, который дала борьба между идеями божественнаго права династій и верховенства народа: въ идеѣ національностей, въ идеѣ государства, построеннаго на историческомъ принципѣ національности. Конечно, население Соединенныхъ Штатовъ построило уже на замѣчательно своеобразныхъ основаніяхъ государство совершенно иного характера. Но одинъ примѣръ не можетъ служить для всѣхъ и въ Европѣ собственно народамъ необходимо соединиться въ политическомъ государственномъ обществѣ въ видѣ собирательныхъ индивидуумовъ. Показать примѣръ осуществленія на дѣлѣ политическаго принципа еще болѣе высокаго, чѣмъ простое національное государство; провести въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это когда-либо было сдѣлано, первую попытку союза народовъ различныхъ національностей для преслѣдованія общихъ цѣлей культуры и свободы; соединить эти народы, отнюдь не лишая національнаго своеобразія ни одинъ изъ нихъ, въ одно разнообразное, но именно въ большемъ разнообразіи частей почерпающее силы и гармонію цѣлое—вотъ блестящая и славная задача Австріи!... Всѣ прочія государственныя формы суть формы прошлаго. Национальное государство нашихъ дней—единственная форма даннаго историческаго момента, *будущая же форма* — «*монархическіе соединенные штаты*», и она возможна только въ новыхъ государствахъ. *Призваніе Австріи—создать это государство будущаго*, и потому сама Австрія не что иное, какъ государство будущаго... Если всѣ признаки не обманываютъ насъ, то близки уже тѣ времена, когда, послѣ многократныхъ неудачныхъ попытокъ, будутъ, наконецъ, положены вѣрныя и прочныя основанія государственнаго зданія, которое мы призваны закончить для собственной и потомковъ нашихъ безопасности и благосостоянія, а остальному человечеству въ примѣръ и образецъ».

Вотъ полный, ясно, опредѣленно, рельефно выраженный идеалъ, который ставится теперь передъ современною Австріей современными Габсбургами: *монархія соединенныхъ штатовъ, союзъ вполне независимыхъ*

въ сферѣ своихъ частныхъ интересовъ, самостоятельныхъ національныхъ государствъ, соединяющихся въ единое цѣлое, подъ руководствомъ наследственной президента, для достиженія общихъ цѣлей культуры и свободы... Кто скажетъ, кто повѣритъ, что этотъ идеаль указываетъ какъ цѣль, къ которой надобно стремиться, тѣми самими Габсбургами — и притомъ тѣми самими не въ родовомъ только, а въ личномъ смыслѣ: именно тѣ самыя личности, которыя всего тридцать лѣтъ тому назадъ считали призваніемъ своимъ и Австріи — безпощадно подавлять всякую свободу, и стояли, руководя ею, во главѣ самой чудовищной реакціи, какую только видѣло наше столѣтіе. Кто это скажетъ?! А между тѣмъ это такъ. Вотъ рѣчь, произнесенная въ томъ же 1879 году, при открытіи рейхстага, императоромъ Францемъ-Іосифомъ, уже занимавшимъ престолъ въ 1848 году, а слѣдовательно и въ послѣдующихъ, въ годахъ стадіоновскихъ, баховскихъ и т. д., и т. д.... «Тѣмъ обстоятельствомъ, что нынѣ и депутаты моего возлюбленнаго королевства Богеміи, отвѣчая на мой призывъ, рѣшились, несмотря на разницу своихъ взглядовъ, въ полномъ составѣ вступить на почву общихъ совѣщаній, что, впрочемъ, отнюдь не вредитъ неприкосновенности ихъ политическихъ убѣжденій, — этимъ обстоятельствомъ сдѣланъ важный шагъ впередъ ко всеобщему примиренію и соглашенію, которое всегда было цѣлью моихъ стремленій. Я твердо надѣюсь, что, при общей умѣренности и взаимномъ уваженіи къ правамъ каждому, вашимъ совѣщаніямъ удастся дѣйствительно достигнуть этой цѣли, которую, въ интересахъ величія монархіи, слѣдуетъ всегда имѣть передъ глазами и такимъ образомъ обезпечить за конституціей равно добровольное признаніе ея всеми народами... Многочисленныя заявленія любви и преданности моихъ народовъ ко мнѣ и моему дому, а равно и все громче раздающіяся пзъ среды населенія воззванія къ сохраненію единства, въ которомъ народы мои въ теченіе столѣтій уже мирно живутъ другъ подлѣ друга, очень тронули мое сердце. Эти заявленія *) служатъ мнѣ гарантіей, что и вы, одушевленные тѣмъ же духомъ единодушія и умѣренности, придете къ соглашенію и къ спокойному и неуклонному развитію общаго блага на почвѣ конституціонной дѣятельности. Австрія, вѣрная своему историческому призванію, должна быть убѣжищемъ для правъ всѣхъ своихъ земель и народовъ, незыблемымъ оплотомъ права и истинной свободы».

Въ этой рѣчи вышесказанный идеаль очерченъ далеко не такъ ярко,

*) Они дѣйствительно были; это не риторическая фигура официальной фразеологіи только. Въ то время передъ выборами безпрестанно происходили митинги и въ городахъ и въ селахъ. И на этихъ митингахъ „непримиримыхъ“ ораторамъ всѣхъ партій зачастую случалось или совѣмъ умождать, или значительно повышать тонъ своихъ рѣчей передъ громаемъ неодобреніемъ слушателей, въ особенности сельчанъ, энергически требовавшихъ примиренія и соглашенія.

не съ той скульптурною точностію, какъ, мы видѣли, сдѣлано въ оффиціозныхъ брошюрахъ; но отъ оффиціальной, да еще *тронной* рѣчи этого и требовать нельзя,—въ нихъ уклончивость выражений такъ сказать обязательна. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту обязательную, вслѣдствіе общепринятости, уклончивость, невозможно отрицать, что смыслъ, идея, проникающіе тронную рѣчь, тѣ же самые, что и въ брошюрахъ. Право и свобода земель и народовъ, добровольный союзъ въ лонѣ единой монархіи, служащей очагомъ и оплотомъ правъ каждаго и свободы всѣхъ—общій лозунгъ какъ тамъ, такъ и здѣсь. Замѣтны ли, есть ли во всемъ этомъ хоть малѣйшій слѣдъ, хоть легкая тѣнь тѣхъ дѣяній, которыя совершались, и тѣхъ рѣчей, которыя велись оффиціальными лицами,—неоффиціальныя хранили гробовое молчаніе,—послѣ подавленія революціи 1848 года?—Нѣтъ, нѣтъ ни слѣда, ни тѣни, да о нихъ никто и не думаетъ, никто ихъ не вспоминаетъ. На будущее, а не на прошлое устремлены взоры всѣхъ; ради свѣтлага будущаго всѣ готовы позабыть мрачное прошлое. И само собою понятно, какимъ воодушевляющимъ образомъ дѣйствуетъ при этомъ то обстоятельство, что глава государства, монархъ, при такой торжественной обстановкѣ, какъ открытіе имперскаго представительнаго собранія, самолично провозноситъ такія слова, какъ «право и свобода народовъ»! Благодаря этому обстоятельству, публицистическая пропаганда пріобрѣтаетъ такой вѣсъ и такое вліяніе на общество, какихъ она сама по себѣ никогда не могла бы достигъ. Все то, что теперь неустанно, во всѣхъ видахъ и формахъ, такъ сказать съ крышъ и на перекресткахъ, проповѣдуется въ Австро-Венгріи, не самими нынѣшними проповѣдниками открыто и формулировано,—они только передаютъ въ сжатомъ видѣ, популяризуютъ тѣ выводы, которые давно уже сдѣланы наукой. Не ходя далеко, не покидая Австріи и самой Вѣны, можно указать на множество ученыхъ и выдающихся политическихъ дѣятелей, какъ, на примѣръ, Шпрингеръ, Шефлэ, баронъ Адрианъ, Мюлефельдъ, Этвѣшъ, которые всѣ писали совершенно то же самое *), что теперь повторяется оффиціозными публицистами: такъ же указывали на союзный характеръ Австріи и рекомендовали ей, въ качествѣ наилучшей формы государственнаго строя, форму федеративнаго союза; такъ же развивали подробно національную идею, дѣйствіе ея на народы и потребности, которыя она вызываетъ; даже такъ же проводили параллель между Австріей и Швейцаріей, называя первую «монархическою Швейцаріей». Но истины отвлеченной науки такъ и оставались въ сферѣ отвлеченностей, не переходя въ жизнь. Въ общемъ наука безспорно могущественнымъ образомъ способствуетъ умственному и по-

*) Мы рассчитывали первоначально познакомить нашихъ читателей и съ относящимися къ нашему предмету произведеніями этихъ ученыхъ и писателей. Но такъ какъ это заняло бы слишкомъ много времени и мѣста, то мы и отказались отъ этого намѣренія, тѣмъ болѣе, что для нашихъ цѣлей оффиціозной пропаганды совершенно достаточно.

литическому развитію общества, которое двигаетъ впередъ. Но непосредственныхъ, осязательныхъ результатовъ въ практической жизни даннаго момента она не даетъ и не можетъ дать. Ея дѣйствіе медленно, а жизнь требуетъ быстроты. Но вотъ политическія условія измѣнились. Плоды тѣхъ сѣмянъ, которыя заготовлены наукой и составляли до сихъ поръ духовную пищу немногихъ избранныхъ, понадобилось необходимо сдѣлать достояніемъ всѣхъ, достояніемъ массы. Люди практики, руководящіе государственные люди взяли за эти сѣмена и принялись полными пригоршнями разсѣвать ихъ всюду. Академическая пропаганда отвлеченныхъ научныхъ истинъ, перешедши на страницы чиновничьихъ популярныхъ брошюръ и въ уста министровъ, получила значеніе политическаго факта. А этотъ фактъ въ свою очередь принялъ въ глазахъ электризуемаго имъ общества характеръ безповоротной эпохи въ государственной жизни съ тѣхъ поръ, какъ къ голосамъ, призывающимъ народы къ пользованію полнотою національныхъ правъ и свободы, присоединился и голосъ всѣми любимаго и, что важнѣе еще, пользующагося народнымъ довѣріемъ монарха. «Национальность и свобода» — это такія волшебныя, такія чудотворныя слова! Могутъ ли они гдѣ-нибудь не найти отклика, есть ли на свѣтѣ хоть одно человѣческое сердце, въ которомъ они не зажгли бы пламя страстнаго энтузіазма?

Однако, австрійскіе государственные люди, искусившіеся въ высшей школѣ габсбургской политики, слишкомъ хорошо знаютъ людей вообще и своихъ въ частности, чтобы полагаться исключительно на одинъ энтузіазмъ. Указывая своимъ народамъ на великіе идеалы національности, права и свободы, они не упускаютъ изъ вида и менѣе возвышенные, но за то непосредственно близкіе и понятные каждому отдѣльному человѣку идеалы меркантильныхъ интересовъ, а также и на многихъ еще могущественно дѣйствующіе идеалы славы и величія. Вотъ какъ цитированная выше брошюра «Die Deutschen in Oesterreich» объясняетъ необходимость восточной миссіи Австріи, первымъ этапомъ въ исполненіи которой является занятіе Босніи и Герцеговины:

«Наша задача на Востокѣ Европы та же самая, что предназначена Россіи въ Сѣверной Азіи, и какъ Германія принудила насъ обратиться къ нашему дѣлу, такъ можетъ-быть и намъ придется принудить Россію взяться за свое. Это сознаютъ въ Германіи *) и въ этомъ смыслѣ признаютъ въ Европѣ необходимость для самой Европы существованія дунайской державы. Австрія и есть дунайская монархія. Какъ таковая, она впервые образовалась, какъ таковая, выросла, сдѣлалась великой и могущественной...»

На Дунаѣ же долженъ находиться и центръ той «монархіи соединенныхъ штатовъ», которая вообще пропагандируется теперь въ Австріи и

*) Sapienti sat. — *Ред.*

съ особенной яркостью рисуется цитируемою брошюрой. Монархія эта, разумѣется, должна образоваться мирнымъ путемъ, путемъ добровольнаго согласія *) и ради общаго блага всѣхъ равноправныхъ членовъ будущаго монархическаго союза. Но самому этому союзу и въ его собственныхъ жизненныхъ интересахъ можетъ-быть понадобится вести войну, а также и дѣлать завоеванія, вынуждаемая необходимостію поддержать міровое положеніе союза, въ особенности въ сферѣ экономическихъ интересовъ. Буда же могутъ быть направлены эти завоеванія?—Вотъ куда:

«Австрія—дунайское государство. Однако же этотъ неразрывно связанный съ Дунаемъ, какъ съ золотonosною жидой монархіи, характеръ Австріи вовсе не требуетъ непременно государственнаго обладанія всѣми лежащими по Дунаю землями... Въ плодоснѣйшихъ равнинахъ, расположенныхъ по нижнему теченію Дуная, живутъ юныя и юношески-свѣжія народности, которыя положили уже начало собственной государственной жизни и своеобразной культурѣ послѣ того, какъ неоднократно повторявшіяся сильныя движенія освободили ихъ, наконецъ, отъ гнета азіятскаго варварства...» Онѣ, эти народности, не могутъ и не должны служить матеріаломъ завоеванія. *«Надо только позаботиться о томъ, чтобы эти новыя государственныя формаціи тяготѣли именно къ нашей монархіи, какъ къ ближайшему и удобнѣйшему культурному центру, что для цѣлесообразной государственной (внутренней, веденной въ смыслѣ образованія штатовъ) политики довольно не трудно сдѣлать**».* Здѣсь подразумеваются собственно Румынія и Сербія, но необходимо тоже, по крайней мѣрѣ, *попробовать привлечь къ такому же дружественному общенію и Болгарію...* Область завоеваній возможныхъ и которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ сдѣлаться необходимыми,—они отчасти нужны уже и теперь,—лежитъ на пути къ Солоникамъ. Едва одно столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы ознакомились со всѣмъ земнымъ шаромъ, во всѣхъ его существеннѣйшихъ направленіяхъ; но переворотъ, который это ознакомленіе произвело въ культурѣ человѣчества, по громадности своей далеко превосходитъ другія измѣненія, происходившія въ неизмѣримо большее количество времени. Для нашей цѣли достаточно указать лишь на то дѣйствіе, которое широкое ознакомленіе съ земнымъ шаромъ имѣло на то, что принято называть «міровымъ положеніемъ» (Weltstellung) государствъ. Это положеніе имѣетъ болѣе или менѣе преимуществъ, смотря по тому, обладаетъ ли государство большей или меньшею возможностью принимать участіе въ міровой торговлѣ.

«Міровая торговля повсюду ищетъ себѣ кратчайшихъ, т.-е. наиболѣе прямыхъ линій, путей сообщенія. Ближайшая дорога отъ Лондона въ

*) Что блестятельно доказывается въ настоящее время подвигами монархической Швейцаріи въ Босніи и Герцеговинѣ. . Ред.

***) То-есть примучить эти новыя государственныя формаціи, что и осуществляется теперь на дѣлѣ. Ред.

Сидней и Мельбурнъ, т.-е. отъ сѣверо-запада къ юго-востоку восточнаго полушарія, проходитъ черезъ Вѣну, Солоники, Смирну или Кипръ, долину Евфрата и Цейлонъ. Вотъ кратчайшій путь, и онъ перерѣзываетъ Германію, Австрію и Турцію. И Германія, и Австрія уже дѣлали и будутъ еще дѣлать все, что нужно для удовлетворенія потребностей быстрого сообщенія по этой линіи, ведущей съ одного конца земли на другой. Но за Австріей лежитъ Турція, государственное тѣло умирающее, не принимающее никакого живаго участія въ европейской культурѣ и даже неспособное принять, потому что попытка насильственно привить ему эту культуру, повидимому, только повредила ему и ускорила его распадѣніе... Германія уже позаботилась о томъ, чтобы протрація Турціи не могла повредить ея интересамъ въ дѣлѣ мировыхъ торговыхъ путей сообщенія. Своимъ коммерческимъ вліяніемъ она ускорила сооруженіе Сень-Готтардской желѣзной дороги, которой помогла и большими денежными суммами. Сознывая, какія преимущества доставляетъ ей это предпріятіе, Италія поступила точно такъ же, какъ и Германія, и, кромѣ того, съ великою успѣшностію построила цѣлую сеть желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ отъ Сень-Готтарда къ Бриндизи, и истратила безчисленные милліоны на улучшеніе порта въ Бриндизи. Всѣ эти напряженныя усилія наши сѣверныя и юго-западные сосѣди сдѣлали для того, чтобы не быть сброшенными съ великаго мировогоъ торговаго пути, а также и для того, чтобы извлечь для себя какъ можно скорѣе и какъ можно большія выгоды изъ легкаго отклоненія этого пути на западъ,—отклоненія, для котораго нѣтъ никакой иной причины, какъ только умственная и политическая неспособность Турціи. Между тѣмъ, если только удастся направить мировую торговлю на этотъ путь Сень-Готтардъ—Бриндизи, то намъ въ послѣдствіи развѣ только послѣ неизмѣримыхъ жертвъ удастся снова вернуть ее на ея естественную дорогу. Но куда ей это удастся, Австрія будетъ притиснута къ Востоку, ея живое участіе въ культурной жизни Запада будетъ стѣснено и урѣзано, а чрезъ то главнѣйшія жизненныя стремленія государства придутъ въ застой и въ упадокъ. Кажется, достаточно ясно, что то, чего Турція не въ состояніи была сдѣлать въ то время, когда располагала всѣми необходимыми для того средствами, не сдѣлалось легче для нея теперь, когда она только-что вышла изъ несчастной, гибельной войны, утративъ и могущество свое, и всякое уваженіе къ ней извѣѣ. Австріи же совершенно необходимо имѣть дорогу въ Солоники, и *если* эта дорога *не можетъ* достаться ей иначе, какъ только посредствомъ захвата земель, черезъ которыя долженъ пролегать рельсовый путь, то она такъ или иначе *должна* ихъ захватить, хотя бы пришлось ихъ добывать кровію... Въ этомъ-то и заключается корень боснійскаго дѣла. Борьба въ Босніи велась за сохраненіе мировогоъ положенія Австріи... Рядомъ съ этимъ мировымъ значеніемъ поступательное движеніе Австріи къ Эгейскому морю имѣетъ еще и частное, тоже огромное и важное, значеніе, ближе всего

интересующее какъ разъ нѣмецкія провинціи, какъ главные центры австрійской промышленности. Свобода торговли есть, безъ сомнѣнія, идеаль, послѣдняя совершеннѣйшая ступень въ политико-экономическомъ развитіи народовъ и ихъ торговыхъ сношеній между собою. Вопросъ только въ томъ, созрѣли ли уже народы для этого идеала, или не сдѣлались ли бы они, еслибы, внимая сладкимъ рѣчамъ искреннихъ или неискреннихъ пророковъ фритредерства, преждевременно ввели у себя свободу торговли, — не сдѣлались бы они скорѣе всего жертвами той ловкой и расчетливой націи, которая, благодаря особенно благоприятному стеченію физическихъ и моральныхъ обстоятельствъ, сумѣла изъ всей своей страны сдѣлать одинъ колоссальный промышленный и торговый домъ? Континентальная промышленность всѣхъ странъ, до нѣкоторой степени, можетъ-быть исключая одну Францію, не пользовавшаяся такими выгодами географическаго и совершенно исключительнаго политическаго положенія, никогда не была въ состояніи достигъ той высокой степени развитія, какъ промышленность тѣхъ островитянъ. И Австрія не была настолько счастлива, чтобы составить въ этомъ отношеніи исключеніе изъ общаго неблагоприятнаго положенія континентальныхъ державъ. Поэтому она, какъ и ея сосѣди, въ торговыхъ сношеніяхъ съ этими ближайшими сосѣдами, такъ же какъ и съ болѣе отдаленными странами, нуждается въ хорошо приспособленной къ условіямъ ея производства таможенной системѣ. Открытый рынокъ для сбыта у нея только и имѣется, что на юго-восточной границѣ; а такъ какъ страны, прилегающія къ этой границѣ, съ другой стороны омываемы моремъ, путь по которому не нуждается ни въ шоссированіи, ни въ прокладкѣ рельсовъ, то дешевая волна несетъ къ ихъ гаванямъ производимые при болѣе благоприятныхъ условіяхъ западные товары. Эту конкуренцію наша промышленность не въ состояніи выдержать. Когда же на будущихъ солоникскихъ набережныхъ станутъ австрійскія, черножелтыя, гауптвахты, тогда рядомъ съ ними помѣстятся и австрійскія таможи, а передовые и сторожевые посты нашихъ армій будутъ въ то же время и развѣдчиками, и путешествующими прикащиками нашихъ фабрикантовъ и купцовъ*)).

Какъ видитъ читатель, блестящій идеаль «монархіи соединенныхъ штатовъ» предлагается не однимъ народамъ Австріи собственно **). А priori

*) Что и нужно для вѣнскихъ банкировъ и торговцевъ-жидовъ, этихъ всемирныхъ эксплуататоровъ, для которыхъ льется теперь кровь сербская въ Босніи и Герцеговинѣ и заносится хищная рука на западную часть Балканскаго полуострова вплоть до Солоникъ, подъ сладкій голосъ великихъ и прекрасныхъ цѣлей. Ред.

**) Хорошо предлагается этимъ народамъ этотъ идеаль „монархіи соединенныхъ штатовъ“ — подъ условіями отреченія отъ своей народной вѣры и своего языка и въ случаѣ непріятія такого предложенія подъ страхомъ кровавой расправы!... Честные идеалисты Фишгофы съ ихъ великодушными идеями не

допускается возможность вступленія въ союзъ и мелкихъ балканскихъ государствъ. Относительно Сербіи и Румыніи это даже считается фактомъ вѣроятнымъ, если не рѣшеннымъ, а Болгарію «надо попытаться склонить». Но почему такая разница въ отношеніи къ этимъ тремъ государствамъ? Почему Болгарію надо только «попытаться склонить»,—выраженіе, изъ котораго ясно слѣдуетъ, что если она не согласится, то ее надо предоставить самой себѣ,—потому ли только, что Болгарія не граничитъ съ нынѣшней Австріей, или потому еще, что на нее имѣются какіе-нибудь особыя виды? Мы имѣемъ основаніе думать, что послѣднее предположеніе вѣрнѣе и что дѣйствительно въ Вѣнѣ смотрятъ на Болгарію какъ на государство, предназначенное для исполненія одной специальной задачи, имѣющей близкое отношеніе къ безопасности и величію будущей союзной монархіи, но которой она сама, по разнымъ причинамъ, не можетъ и не желаетъ брать на себя. Впослѣдствіи, говоря о болгарахъ, мы будемъ имѣть случай поговорить подробно о расчетахъ Австріи въ этомъ отношеніи, а также и о томъ, имѣетъ ли она какой-нибудь шансъ на успѣхъ, соответствуетъ ли заранѣе возлагаемая на нее миссія дѣйствительному положенію и потребностямъ Болгаріи. Теперь же мы попросимъ только читателя обратить вниманіе на тотъ характерный фактъ, что ни въ одной изъ цитированныхъ брошюръ ни единымъ словомъ не упоминается о Константинополѣ. И не въ однѣхъ только этихъ. Для цитатъ мы выбрали, конечно, не многія, наиболѣе выдающіяся и характерныя, произведенія прavitельственной печати и притомъ такія, офиціозное происхожденіе которыхъ намъ достоверно извѣстно. Но сами мы, разумѣется, читали десятки подобныхъ брошюръ и сотни газетныхъ статей одного съ ними направленія и смѣемъ увѣрить читателя, что рѣшительно нигдѣ и никогда не встрѣтили и намека на Константинополь и на Босфоръ. Въ теперешней казенно-публицистической пропагандѣ, какъ и въ прежней государственной политикѣ австрійской, этотъ важнѣйшій пунктъ морскаго торговаго пути находится внѣ габсбургскихъ политическихъ комбинацій. По-прежнему подъ словами «Востокъ», «восточная миссія», «культурныя задачи на Востокѣ» подразумѣвается исключительно сѣверо-западная часть Балканскаго полуострова. Это постоянное ограниченіе круга культурныхъ задачъ на Востокѣ кажется намъ чрезвычайно замѣчательнымъ, въ особенности если принять во вниманіе съ одной стороны прошлое самихъ Габсбурговъ, когда они не видѣли конца своимъ задачамъ, усматривая ихъ не только во всѣхъ концахъ Европы, но даже и на другомъ полушаріи, съ другой—настоящее родственной имъ прусской Германіи, которая тоже такъ-сказать съ каждымъ днемъ расширяетъ свои предполагаемыя задачи, видаясь

замѣчаютъ того, что они обращаются въ сладкогласныхъ сиренъ, привлекающихъ въ сѣти плаповъ вѣнскихъ іезуитовъ и жидовъ,—плановъ, направленныхъ противъ сосѣдняго славянскаго государства Россіи, если оно не пойметъ ни своего положенія, ни своей міровой задачи.

Ред.

съ ними рѣшительно во всѣ стороны. «Qui trop embrasse mal étroit», говоритъ французская пословица, и намъ всегда сдавалось, что эта мудрая поговорка должна бы служить общимъ девизомъ всѣмъ дипломатамъ...

Однако если Австрія осталась вѣрна себѣ по отношенію къ Константинополю, за то она теперь въ другую сторону простираетъ виды, которыхъ прежде никогда не имѣла. Какая это сторона, покажетъ намъ третья офиціозная *) брошюра, вышедшая въ 1880 г. и имѣющая непосредственное отношеніе къ намъ, т. е. къ Россіи, вслѣдствіе чего мы рекомендуемъ ее особенному вниманію читателей.

Н. С.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

*) О несомнѣнно офиціозномъ происхожденіи этой брошюры мы можемъ говорить съ тѣмъ большею достовѣрностію, что имѣемъ удовольствіе лично знать того чиновника бюро печати (и понынѣ, если не ошибаемся, состоящаго въ немъ на службѣ), который ее писалъ и который былъ такъ любезенъ, что давалъ намъ читать свое произведеніе въ рукописи. Не называемъ мы его единственно потому, что имена людей, пишущихъ при подобныхъ условіяхъ, не имѣютъ рѣшительно никакого интереса для читателей. Разъ сочиненіе, какое бы оно ни было, вышло изъ бюро печати, его отвѣтственный авторъ — правительство, а не тотъ, кто исполнялъ механическую часть работы.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ. *А. В. Погожева*. Съ 12 планами фабричныхъ заведеній. Изданіе московскаго губернскаго земства. Москва. 1882 г.

Санитарные изслѣдователи фабрикъ и заводовъ Московской губерніи до того неутомимо и усердно работаютъ, что едва успѣваешь слѣдить за выходомъ издаваемыхъ ими трудовъ.

Названная книга составляетъ третью большую работу г. Погожева по санитарному изслѣдованію фабрикъ и заводовъ. Уже во второмъ трудѣ этого изслѣдователя мы замѣтили большую сдержанность и большее спокойствіе, чѣмъ въ его первой книгѣ—«Кирпично-гончарное производство». Третій трудъ: «Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ», отличаясь указанными достоинствами, производитъ особенно пріятное впечатлѣніе большей опредѣленностью и стройностью плана. Здѣсь уже нѣтъ подробнаго описанія технической стороны того или другого производства, чему отводилъ не мало мѣста г. Погожевъ въ своихъ предшествующихъ работахъ и что, казалось, по своему детальному изложенію переходило въ лишній грузъ, тормозившій специальную задачу автора. Данная книга, повторяемъ, цѣльнѣе и стройнѣе по своему плану. Но мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы г. Погожевъ совсѣмъ сталъ игнорировать и пренебрегать встрѣчающимся случайно интереснымъ матеріаломъ, не имѣющимъ тѣсной, близкой связи съ планомъ его труда. Нѣтъ, и здѣсь онъ не упускаетъ случая занести мимоходомъ встрѣтившійся какой-нибудь характерный фактъ или услышанный разговоръ, какъ, напримѣръ, сообщеніе старика-рабочаго о заработной платѣ и продовольствіи въ прежнее время на фабрикѣ князя Гагарина (Можайскаго уѣзда) или разговоръ женщины объ отхожихъ женскихъ промыслахъ жителей Волоколамскаго уѣзда. Первое даетъ автору возможность—хотя, правда, и вскользь, и весьма поверхностно—сравнить положеніе фабричнаго рабочаго въ старое время и теперь. Встарину на фабрикѣ князя Гагарина дѣти работали только съ 12-лѣт-

него возраста; продовольствіе рабочіе получали отъ конторы, за что въ годъ изъ заработной платы у нихъ дѣлался вычетъ $\frac{2}{3}$ всего жалованья. Для помѣщенія заболѣвающихъ имѣлся особый трехъ-этажный корпусъ.

Разумѣется, на основаніи такихъ данныхъ, какъ рассказы старожила, и притомъ крайне малочисленныхъ, неосмотрительно дѣлать категорическіе выводы хотя бы въ родѣ слѣдующихъ: «Современныя фабрики, — говоритъ авторъ, — несмотря на исполнскіе успѣхи техники и цивилизаціи, очень недалеко ушли впередъ въ санитарно-фабричномъ отношеніи...» Разумѣется, лучше поудержаться отъ всякихъ заключеній, а любопытные рассказы старожила, женщины и т. п., для сохраненія за работой большей стройности, привести въ видѣ выносокъ, примѣчаній и т. д.

Самой большой похвалы, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ трудъ г. Погожева за его непрерывное памятованіе во время работы о современномъ движеніи вопроса по улучшенію быта рабочихъ. Онъ не пропускаетъ при малѣйшемъ удобномъ случаѣ указать будущимъ фабричнымъ инспекторамъ на ту или другую особенность производства или фабрики, которыми бы имъ не мѣшало воспользоваться при ихъ новой дѣятельности. Такъ, онъ указываетъ, напримѣръ, на обычай, существующій на нѣкоторыхъ маленькихъ фабрикахъ — кончать работу по субботамъ въ 3 часа, а то и въ 12 часовъ, съ тѣмъ, чтобы дать женщинамъ время убраться передъ праздникомъ, привести въ порядокъ свое семейное помѣщеніе. Рассказывая объ этомъ, авторъ не забываетъ замѣтить, что при составленіи будущихъ фабричныхъ законовъ не мѣшаетъ обратить вниманіе на этотъ прекрасный обычай, который встрѣчался ему не разъ на изслѣдуемыхъ фабрикахъ.

Данное изслѣдованіе г. Погожева касается трехъ уѣздовъ Московской губерніи: Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго. Всѣ три уѣзда относятся къ числу мало промышленныхъ, причемъ каждый имѣетъ свою типическую особенность. Напримѣръ, крестьянское населеніе Можайскаго уѣзда работаетъ на фабрикахъ или уходитъ на отхожіе промыслы въ другіе уѣзды, забросивъ совсѣмъ земледѣльство или оставивъ его на рукахъ женщинъ. Народонаселеніе въ этомъ уѣздѣ съ каждымъ годомъ замѣтно уменьшается, а недомки почти въ равной степени возрастаютъ. Въ Волоколамскомъ уѣздѣ крестьяне тоже начинаютъ пренебрегать земледѣліемъ и уходятъ далеко на отхожіе промыслы, такъ какъ въ этомъ уѣздѣ, кромѣ мелкаго ручнаго ткачества, нѣтъ другихъ производствъ. Народонаселеніе и здѣсь уменьшается, а недомки увеличиваются. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ уходящихъ на отхожіе промыслы несравненно меньше. Здѣсь сильно развита кустарная промышленность. Размѣръ недомокъ незначительный; народонаселеніе значительно прибываетъ.

Эти три уѣзда, по словамъ самого автора, прекрасно представляютъ постепенное вытѣсненіе кустарнаго производства крупнымъ капиталистическимъ и неминуемое отраженіе этого явленія на благосостояніи и чис-

ленности народонаселенія названныхъ уѣздовъ. Только для болѣе яснаго представленія картины такого явленія было бы несравненно лучше расположить описаніе этихъ уѣздовъ въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ то сдѣлано у автора, т.-е. сперва помѣстить изслѣдованіе Звенигородскаго уѣзда, затѣмъ Волоколамскаго и наконецъ Можайскаго.

Число фабрикъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ съ 1871 года увеличилось такъ же, какъ и число рабочихъ. Всѣхъ фабрикъ здѣсь считается 49, а рабочихъ—2.392 человекъ. Въ этомъ уѣздѣ автору пришлось измѣрить и опросить 1.037 работниковъ, изъ которыхъ моложе 12 лѣтъ оказалось 16 человекъ, и 481 работницу, между которыми моложе 12 лѣтъ оказалось 9, — слѣдовательно, всѣхъ малолѣтнихъ 25 человекъ. Здѣсь особенно процвѣтаетъ кустарное производство: изготовленіе мебели, портняжничество, плетеніе изъ прутьевъ, дѣланіе сахарныхъ цвѣтовъ, стѣнныхъ часовъ... Кустарнымъ промысломъ въ этомъ уѣздѣ занято 9% всего народонаселенія, а фабрично-заводскою промышленностью—не болѣе 4%.

Авторъ въ своемъ изслѣдованіи останавливается, разумѣется, только на фабрично-заводской промышленности. Здѣсь встрѣчаются на первый взглядъ довольно благоустроенныя фабрики: напримѣръ, суконная фабрика г-жи Цуриковой, гдѣ находится до 1.500 рабочихъ. Но, при ближайшемъ знакомствѣ, и она представляетъ ту же безотрадную картину жизни рабочихъ, съ какой знакомы читатели изъ прежнихъ работъ г. Погожева и г. Эрисмана: тѣ же безбожныя штрафы, то же дурное помѣщеніе, та же грязь и т. д., то же плохое питаніе рабочихъ. Рабочіе на этой фабрикѣ, по ихъ собственнымъ словамъ, пробуютъ мясо только въ Свѣтлый день, а то у нихъ «круглый годъ—постъ»; заработокъ не позволяетъ вести артельное хозяйство: «жирно поѣшь—семья ничего не останется» (стр. 169).

При данной фабрикѣ существуетъ школа, но только съ довольно страннымъ правиломъ—*не принимать дѣтей работающихъ на фабрикахъ*, а также и мальчиковъ старше 16—18 лѣтъ.

Есть при фабрикѣ и больница, но только больше для вида...

Авторъ довольно подробно останавливается на послѣдней. Онъ говоритъ: хотя и существуетъ здѣсь больница на шесть кроватей, хотя и существуютъ при ней врачъ и фельдшеръ, но все это существуетъ только для преформы. Въ имѣющимся въ больницѣ официальнымъ записямъ авторъ относится съ вполне заслуженнымъ больницею недоверіемъ. «Мы считаемъ долгомъ,—говоритъ онъ,—*болыше для куріоза* привести ниже годовыя вѣдомости о больныхъ, такъ какъ по официальнымъ вѣдомостямъ никоимъ образомъ нельзя получить правильнаго понятія о дѣйствительныхъ формахъ заболѣванія и причинахъ смерти» (стр. 176).

Но на данной фабрикѣ есть и врачъ и фельдшеръ. Авторъ, впрочемъ, старается выгородить и того, и другаго. Онъ оправдываетъ врача, напримѣръ, тѣмъ, что заведенный въ больницѣ порядокъ пріема больныхъ

не допускаетъ послѣдняго къ болѣе рациональному веденію записей. Порядокъ этотъ представляетъ слѣдующій, выходящій изъ ряда вонъ, курьезъ. Больной прежде всего является къ фельдшеру. *Фельдшеръ опредѣляетъ его родъ болѣзни*, отмѣчаетъ больного въ извѣстной рубричкѣ официальныхъ, вѣдомостей и съ *запиской*, на которой обозначена его болѣзнь, отсылаетъ къ врачу. Послѣдній производитъ изслѣдованіе, прописываетъ рецептъ и снова отсылаетъ больного къ фельдшеру. Фельдшеръ выдаетъ по рецепту лѣкарство и даетъ необходимыя наставленія, какъ его употреблять.

Въ этомъ видить г. Погожевъ оправданіе для врача. Но мы въ описанномъ порядкѣ не только не находимъ никакихъ оправдывающихъ обстоятельствъ, а усматриваемъ, какъ разъ наоборотъ, крайне унижительно-пассивное отношеніе врача къ дѣлу. Какъ бы ни бессмысленны казались для новѣйшей медицины официальные вѣдомости, онѣ нисколько не мѣшаютъ врачу быть хотя нѣсколько болѣе активнымъ, — ну, напримеръ, самому ставить діагнозъ, а не поручать это фельдшеру, и вести свои особыя записи по программѣ, составленной врачами московскаго земства... На нашъ взглядъ, несостоятельная программа официальныхъ медицинскихъ вѣдомостей еще болѣе обязываетъ врача къ веденію такихъ записей. На чемъ собственно основываетъ авторъ оправданіе своего коллегі за уклоненіе отъ прямой обязанности, трудно понять...

Остановливаясь на ручномъ мелкомъ ткацествѣ этого уѣзда мы не будемъ, но замѣтимъ, что оно значительно падаетъ, несмотря на все его благотворное вліяніе на мѣстное народонаселеніе. Авторъ высказывается о необходимости его поддержки со стороны земства.

Волоколамскій уѣздъ переполненъ мелкими ткацкими фабричками, которыя представляютъ переходный фазисъ кустарнаго производства въ крупное фабричное. Такихъ мелкихъ фабричекъ осмотрѣно г. Погожевымъ 31. Число рабочихъ на этихъ фабричкахъ весьма непостоянно, такъ какъ въ извѣстное время жители нѣкоторыхъ волостей этого уѣзда, собираясь въ артели, уходятъ въ Москву рубить капусту или же въ Костромскую и Нижегородскую губерніи, гдѣ берутъ на себя изготовленіе валенокъ изъ шерсти на разныхъ заказчиковъ. Около Рождества они возвращаются домой и садятся за станокъ. Число станковъ на такихъ фабрикахъ бываетъ отъ 20 до 100.

Здѣсь между рабочими и хозяевами не существуетъ никакихъ письменныхъ обязательствъ. Штрафовъ здѣсь совѣтъ не полагается. «И радъ бы взять, — говорятъ хозяинъ, — да не пзъ чего вычитать». Выдача денегъ производится въ неопредѣленные сроки. Рабочій уходитъ, когда ему вздумается. Наканунѣ праздниковъ работа кончается къ 3 часамъ, а на иныхъ женщины кончаютъ даже въ 12.

При измѣреніи роста и груди у рабочихъ этихъ фабрикъ автору встречались субъекты съ хорошо развитою грудью и крѣпкою мускулатурой. А

если же между ними и попадался какой-нибудь захудалый, то оказывалось, что онъ былъ раньше на какой-нибудь крупной ткацкой фабрикѣ.

Такое отрадное явленіе, составляющее почти исключеніе среди рабочаго люда, г. Погожевъ объясняетъ слѣдующими благопріятными условіями мелкаго ткачества: «1) разнообразіе фабричнаго труда, приче́мъ работа на фабрикѣ часто смѣняется работой при домѣ или въ полѣ, 2) благотворное вліяніе семейной жизни и 3) отсутствіе ночной работы» (стр. 96).

Въ этомъ уѣздѣ попадаются еще такіе хозяева фабрикъ, которые нѣкогда занимались кустарнымъ производствомъ и вотъ теперь расширили его до фабричнаго, сохранивъ въ себѣ нѣкоторыя симпатичныя черты хозяина-кустаря. Таковъ, напримѣръ, Евтихій Ивановичъ Власовъ.

Въ Можайскомъ уѣздѣ мелкій ткацкій промыселъ почти совсѣмъ исчезъ и замѣнился крупными фабриками. Изъ послѣднихъ мы остановимся на самой большой—бумагопрядильной и самоткацкой фабрикѣ въ сельцѣ Ваулинѣ.

По налагаемымъ на рабочихъ штрафамъ эта фабрика, кажется, превосходитъ всѣ остальные. Мы укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Если рабочій запаздываетъ *на десять минутъ* послѣ звонка, то онъ *штрафуется полнымъ рабочимъ днемъ*; если же прогуливаетъ *одинъ день*, то съ него вычитается плата за *три рабочихъ дня*. Но всего любопытнѣе штрафъ, установленный *«въ пользу бѣдныхъ рабочихъ»*: «за возвращеніе рабочихъ,—говоритъ авторъ,—живущихъ на самой фабрикѣ, позднѣе десяти часовъ лѣтомъ или восьми часовъ зимой въ *праздничные дни* полагается взыска́ніе платы за *цѣльный рабочий день въ пользу бѣдныхъ фабричныхъ и рабочихъ*» (стр. 24). На этой фабрикѣ рабочій штрафуетъ за все, чуть не за каждый свой шагъ: за куреніе табаку, за игру въ карты, за игру въ орлянку, за неприличныя слова и т. д., и т. д. Штрафамъ нѣтъ конца, также какъ и изобрѣтательности администраціи въ подыскиваніи той или другой провинности рабочаго.

Гарантируя себя отъ малѣйшаго непріятнаго шага со стороны рабочихъ, хозяева не берутъ на себя по отношенію этого же рабочаго даже такого обязательства, какъ выдача ему жалованья въ опредѣленный срокъ. «Опредѣленнаго срока на это не положено,—говорятъ хозяева,—а выдаютъ около Петрова дня и когда придется». «Вообще,—говоритъ авторъ,—за конторой всегда остается заработокъ 2—3 мѣсяцевъ и притомъ заработанныя деньги никогда не выдаются сразу: если, напримѣръ, за конторой состоитъ 10 рублей, то рабочій получаетъ на руки 2 руб., черезъ двѣ недѣли—еще два рубля и т. д.».

Кромѣ этого, хозяева для расчета всегда являются поздно ночью и заставляютъ рабочихъ, только-что смѣнившихся съ работы, прободрствовать ночь и остаться безъ отдыха!...

Много приходилось читать, слышать и видать плачевнаго положенія фабричныхъ рабочихъ, но данная фабрика въ этомъ отношеніи перещеголяла всѣ другія фабричныя заведенія Московской губерніи. Фабричная администрація свою безцеремонность съ рабочими довела здѣсь до того, что, нанявши ихъ по одной цѣнѣ, вдругъ черезъ нѣсколько недѣль вывѣсила объявленіе о пониженіи рабочей платы на 20%. Дѣло, разумѣется, не обошлось безъ недовольства рабочихъ и вмѣшательства полиціи.

Для того, чтобы не распространяться много о невозможномъ помѣщеніи рабочихъ на этой фабрикѣ, мы ограничимся указаніями на величину ихъ спальныхъ чуланчиковъ. «Въ каждомъ чуланчикѣ, имѣющемъ въ длину отъ 1½ до 1¾ арш., въ ширину—отъ 1¾ до 3 арш. и въ вышину—отъ 2¼ до 3 арш., помѣщается *отъ трехъ до четырехъ* человекъ, а въ нѣкоторыхъ даже *шесть* человекъ» (!) (стр. 27).

Относительно продовольствія рабочихъ данной фабрики приходится встрѣтить еще менѣе утѣшительнаго. Если хозяева и не обязываютъ рабочихъ забирать въ фабричной лавочкѣ, то, какъ мы знаемъ изъ послѣдней книги г. Эрисмана, это нисколько не облегчаетъ ихъ положенія: хозяинъ, не давая имъ ни денегъ, ни своего ручательства для забора въ другихъ частныхъ лавочкахъ, этимъ самымъ вынуждаетъ рабочихъ забирать у себя. Случается, что иногда рабочему нуженъ такой товаръ, котораго въ фабричной лавкѣ нѣтъ, тогда рабочій бываетъ вынужденъ прибѣгнуть къ слѣдующему маневру: изъ фабричной лавки онъ беретъ на книжку, напримѣръ, фунтъ сахару, который стоитъ въ фабричной лавкѣ 25 коп., и отдаетъ, вмѣсто платы за нужную ему вещь, въ частную лавку, гдѣ фунтъ сахару принимается уже не за 25 коп., какъ стоилъ рабочему, а за 17; слѣдовательно на фунтъ рабочій несетъ убытку *восемь копѣекъ!*

Изъ сравненія цѣнъ на товары въ фабричной лавкѣ съ существующими рыночными цѣнами въ Можайскѣ оказывается, что фабричная лавка беретъ дороже, напримѣръ, на фунтъ сахару 2 коп., на фунтъ коноплянаго масла 1½ копѣйки и т. д.

Но этимъ еще не кончаются всѣ вольные и невольные поборы съ фабричныхъ на Ваулинской фабрикѣ: изъ жалованья cadaго рабочаго съ cadaго заработаннаго рубля берется 1½% за пользованіе баней и больницей, по 10 коп. въ годъ съ cadaго за расчетную книжку...

Но рядомъ съ невозможною картиною жизни рабочихъ и на этой фабрикѣ замѣчается одно отрадное явленіе—это касса ссудосберегательнаго товарищества. Она открыта 18 апрѣля 1881 года. Въ ней находится въ настоящее время капитала 1.200 руб. Рабочіе понимаютъ удобство отъ этого учрежденія и относятся къ нему съ довѣріемъ и расположеніемъ. Но, разумѣется, ссудосберегательная касса не умаляетъ всѣхъ ужасовъ жизни рабочихъ Ваулинской фабрики; ихъ умалить могутъ будущіе законы о фабричныхъ рабочихъ, болѣе широкая дѣятельность фабричныхъ

инспекторовъ, чѣмъ намѣченная въ данное время и ограничивающаяся заботою объ однихъ малолѣтнихъ...

Въ концѣ изслѣдованія всѣхъ трехъ уѣздовъ авторъ прилагаетъ таблицы «измѣренія роста и обхвата груди рабочихъ» всѣхъ трехъ уѣздовъ, гдѣ у него также ведется и статистика грамотныхъ и неграмотныхъ среди рабочихъ. Изъ всѣхъ 1.943 рабочихъ грамотныхъ оказалось только 538, а между работницами и того меньше...

Заканчивая обзоръ данной книги, мы считаемъ долгомъ сказать, что авторъ весьма удачно сравнилъ въ санитарно-гигиеническомъ отношеніи крупныя фабрики съ большими, хорошо устроенными во время войны госпиталями, гдѣ, несмотря на все ихъ устройство, несмотря на всѣ заботы, воздухъ несравненно заразительнѣе, чѣмъ въ госпиталяхъ барачной системы, расположенныхъ въ видѣ маленькихъ домиковъ, рекомендуемыхъ г. Пироговымъ. Этимъ домакамъ, этимъ госпиталямъ барачной системы авторъ и уподобляетъ мелкія фабрички.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе *Дмитрія Лобко*. С.-Петербургъ. 1882 года.

Историческія монографіи составляютъ одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ исторической литературы. Полное освѣщеніе извѣстной эпохи, детальное изображеніе фактовъ избраннаго историческаго событія—какъ нельзя лучше знакомятъ съ цѣлымъ вѣкомъ, его духомъ, направленіемъ и взглядами. Таковы историческія монографіи г. Костомарова. Публика читаетъ ихъ охотно, съ большимъ интересомъ. Умѣнье г. Костомарова освѣтить и живо изобразить эпоху нерѣдко заставляетъ даже не очень высоко интеллигентнаго читателя предпочесть его монографію какому-нибудь роману. А это уже весьма много!...

Къ несчастію, наша литература весьма небогата такого рода историческими произведеніями. Писателей историковъ, къ которымъ бы такъ относилась публика, весьма немного: г. Костомаровъ, г. Семеvскій и... всѣ.

Лежащая передъ нами книга: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ» тоже есть историческая монографія. Эпоха, выбранная авторомъ для изслѣдованія, точно обозначена въ заглавіи: это годы отъ 1754 до 1796, т. е. отъ рожденія до воцаренія Павла Петровича.

Эпоха интересная. Монографистъ обрисовываетъ—по скольку касается Павла Петровича—личность его матери, отца, всѣхъ приближенныхъ... Впрочемъ, объ отцѣ онъ говоритъ вскользь. Да и дѣйствительно, Петръ III не имѣлъ никакого вліянія на сына, равно какъ въ первое время не имѣла и сама мать, императрица Екатерина Алексѣевна. Ребенокъ былъ взятъ отъ нея тотчасъ послѣ рожденія и отнесенъ къ Елизаветѣ Петровнѣ. Последняя взяла на себя попеченіе объ его воспитаніи. Она приставила къ нему,

кромѣ разныхъ нянекъ и мамокъ, графа Славронскаго, Алексея Григорьевича Жеребцова и, наконецъ, Федора Дмитриевича Бехтѣва. Послѣдній ввелъ любопытный педагогическій приемъ въ дѣлѣ воспитанія цесаревича: о поведеніи великаго князя печатали вѣдомости и эти вѣдомости давали ему прочитывать. Здѣсь упоминалось обо всѣхъ его поступкахъ и проступкахъ. Его увѣряли, что эти вѣдомости рассылаются по всей Европѣ.

Самое главное вліяніе на душу цесаревича авторъ приписываетъ личности митрополита Платона и графа Н. И. Панина.

Объ отношеніи къ послѣднему императрицы Екатерины II мнѣніе автора какъ бы стоитъ мѣстами въ противорѣчіи. То какъ будто императрица не довѣряла Панину и приставляла въ бытность его при царевичѣ надсмотрщиковъ: «двухъ кавалеровъ и двухъ камердинеровъ не столько съ цѣлью быть у него (у царевича) въ услугахъ, сколько для того, чтобы передавать все, что тамъ (во дворцѣ) происходитъ» (стр. 15); то оказывалось, что Панинъ пользовался «полнымъ довѣріемъ» государыни. На страницѣ 41 говорится: «представился въ эту минуту прекрасный случай положить основаніе паденію Панина, но такъ какъ почти невозможно было разомъ свергнуть человека, *пользовавшагося полнымъ довѣріемъ императрицы...*»

Такихъ противорѣчивыхъ мнѣній въ названной книгѣ, правда, немного. Она, напротивъ, отличается замѣчательною цѣльностью по симпатіи автора къ Павлу Петровичу и по его крѣпкой вѣрѣ въ компетентность императрицы Марьи Федоровны въ дѣлѣ воспитанія.

Авторъ хотя и назвалъ свое сочиненіе изслѣдованіемъ, но оно скорѣй напоминаетъ прекрасно составленный сборникъ историческихъ фактовъ и воззрѣній, размѣщенныхъ въ строго-хронологическомъ порядкѣ. Размѣщая эти извѣстія, авторъ не мѣняетъ слога памятниковъ, а, напротивъ, самъ старается говорить ихъ языкомъ. Поэтому иногда дѣлается трудно понять, гдѣ кончилась выписка и началась рѣчь автора.—Г. Кобеко и самъ больше смотритъ на свою книгу какъ на лѣтопись, чѣмъ на законченное изслѣдованіе. Онъ не предпосылаетъ ей предисловія, а на манеръ древнихъ лѣтописцевъ въ концѣ книги прикладываетъ «послѣсловіе», въ которомъ самъ подтверждаетъ высказанный нами взглядъ на значеніе его труда.

«Въ настоящемъ трудѣ я старался,—говоритъ онъ,—*собрать и привести въ порядокъ извѣстія* о жизни и дѣятельности цесаревича великаго князя Павла Петровича до вступленія его на престолъ...»

И надо отдать автору справедливость: собранные имъ факты и извѣстія весьма любопытны, читаются съ большимъ интересомъ. Безъ сомнѣнія, данная книга будетъ прочтена не однимъ специалистомъ историкомъ, но и каждымъ учителемъ исторіи, а пожалуй и любителемъ отечественнаго бытописанія. Послѣднему, правда, придется при чтеніи дѣлать выпуски чисто официальныхъ извѣстій, характерно отличающихся по своей сущности.

При книгѣ приложены портреты первой и второй супруги Павла Петровича, а также и самого цесаревича. Всѣ портреты изданы прекрасно, равно какъ и вся книга г. Кобеко.

Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Два общедоступные очерка *К. Тимирязева*, профессора Московскаго университета и Петровской академіи. Изданіе второе, книгопродавца *А. Л. Васильева*. Москва. 1882 г.

Не прошло еще года со времени смерти Чарльза Дарвина, а въ русской литературѣ появляется уже вторая книжка, носящая названіе этого великаго ученаго. Сперва появилось въ русскомъ переводѣ его сочиненіе о червяхъ, затѣмъ данная книга г. Тимирязева—«Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе».

Послѣдняя содержитъ двѣ статьи: 1) «Дарвинъ, какъ типъ ученаго» и 2) «Краткій очеркъ теоріи Дарвина».

Несмотря на то, что обѣ статьи уже извѣстны публикѣ, составляютъ перепечатку стараго, тѣмъ не менѣе про книжку можно сказать, что она вышла какъ разъ ко времени. Впечатлѣніе о смерти Дарвина еще очень живо. Утрата его еще слишкомъ свѣжа и сильно чувствуется тѣми, кто привыкъ уважать его имя. А такихъ почитателей Дарвина среди русской интеллигенціи не мало. Потому не мало найдется и читателей на первую статью г. Тимирязева: «Дарвинъ, какъ типъ ученаго», читанную въ видѣ публичной лекціи въ Московскомъ университетѣ въ 1878 году.

Здѣсь авторъ съ своимъ обычнымъ умѣньемъ прекрасно рисуетъ колоссальную личность англійскаго ученаго, представляющаго изъ себя самаго строгаго критика своихъ произведеній. Дарвинъ относился съ неподражаемой осторожностью и осмотрительностью къ каждому изъ тѣхъ выводовъ, которые ему пришлось сдѣлать во время своей неутомимой, трудовой жизни. Всѣмъ извѣстно, какой громадный переворотъ пришлось сдѣлать этому ученому не только въ области зоологіи, ботаники, но и физиологіи, психологіи, этики и т. д., такъ какъ нѣтъ области знанія, которыхъ бы не коснулись его выводы. И потому тѣмъ поразительнѣе кажется замѣчательно смиренное отношеніе Дарвина къ своимъ трудамъ и своимъ силамъ. Это составляетъ одну изъ выдающихся, выпуклыхъ чертъ англійскаго естествоиспытанія,—чертъ, которыя такъ замѣтно отсутствуютъ не только въ жалкой посредственности, но нерѣдко и въ тѣхъ, которые стоятъ головою выше толпы... Какъ послѣ этого поразительно величественъ кажется образъ Дарвина, набросанный г. Тимирязевымъ! «Но всего болѣе поражалъ его тонъ,—пишетъ авторъ,—когда онъ говорилъ о собственныхъ изслѣдованіяхъ: это не былъ тонъ авторитета, законодателя научной мысли, который не можетъ не сознавать, что каждое его слово ловится на лету; это былъ тонъ человѣка, который скромно, почти робко, какъ бы постоянно оправдываясь, отстаиваетъ свою идею,

добросовѣстно взвѣшиваетъ самыя мелкія возраженія, являющіяся изъ далеко не авторитетныхъ источниковъ» (стр. 41). Какъ поразительно недостижимо высокъ кажется Дарвинъ, когда онъ предлагаетъ г. Тимирязеву пойти посмотрѣть на производимые имъ опыты съ росянкой («О насѣкомоядныхъ растеніяхъ») и при этомъ скромно прибавляетъ, что, «*кажется, онъ не ошибается въ своихъ выводахъ*» (стр. 41).

Весь очеркъ проникнутъ искреннимъ глубокимъ уваженіемъ и почитаніемъ русскаго ученаго къ покойному Дарвину и потому, повторяемъ, появляется весьма кстати и ко времени.

Другая статья, помѣщенная въ данной книжкѣ: «Враткій очеркъ теоріи Дарвина», представляетъ перепечатку ряда статей, помѣщавшихся въ шестидесятыхъ годахъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Здѣсь толково и довольно ясно изложено ученіе Дарвина. Статья предназначена авторомъ для тѣхъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или охоты изучать теорію Дарвина непосредственно по его сочиненіямъ.

Въ заключеніи статьи авторъ ввелъ враткій перечень всѣхъ вышедшихъ впоследствии сочиненій Дарвина и указалъ вкратцѣ ихъ значеніе и мѣсто въ его теоріи.

Прогрессъ воздухоплаванія. Д. Печковскаго. Москва. 1882 г.

Прогрессъ естественныхъ наукъ идетъ такъ быстро, такими гигантскими шагами совершается его поступательный путь, что дилетанту, стоящему въ сторонѣ отъ этого потока, въ качествѣ наблюдателя, приходится постоянно встрѣчать пріятные, неожиданные сюрпризы. Безпрестанно дѣлаются новыя изобрѣтенія, усовершенствованія, практическія примѣненія какой-нибудь изъ извѣстныхъ силъ природы. Въ последнее время особенно замѣтно стремленіе примѣнить къ жизни, воспользоваться на практикѣ добытыми наукою истинами. Слѣдствіемъ этого является цѣлая вереница новыхъ изобрѣтеній: телефонъ, микрофонъ, фонографъ, примѣненіе электричества, какъ силы двигающей, освѣщающей, и т. д.

Всѣ эти изобрѣтенія при ихъ широкомъ употребленіи въ жизни должны имѣть громадное вліяніе на самую жизнь, на ея условія экономическія, соціальныя и другія. Сторонники воззрѣнія—«ничто не ново подъ луной»—должны, наконецъ, согласиться, что многія изъ силъ природы хотя и хорошо извѣстныя встарину, — съ каждымъ не только столѣтіемъ, а даже десятилѣтіемъ вліяютъ на жизнь, осложняютъ или упрощаютъ ее.

Да вотъ, напримѣръ, сила солнечнаго свѣта. Какое громадное измѣняющее вліяніе она должна имѣть на жизнь, какъ скоро она будетъ примѣнена въ широкихъ размѣрахъ, какъ даровое отопленіе и освѣщеніе! Массѣ несомнѣнно будетъ легче, общая сумма горя значительно уменьшится...

Не малое измѣненіе въ соціальной жизни должно вести за собой и введеніе воздухоплаванія. Г. Печковскій, авторъ брошюры — «Прогрессъ воздухоплаванія» — вѣрить въ скорое распространеніе этого способа сообщенія. «Надѣюсь, — говоритъ онъ, — что кто прочтетъ мою книгу (?), увидитъ (!), что воздухоплаванію вовсе не такъ долго придется ждать того времени, когда аэростаты будутъ совершать такіе же правильные рейсы, какъ совершаютъ теперь пароходы, и лучшимъ, и дешевѣйшимъ удовольствиемъ будетъ считаться прогулка на аэростатѣ».

Изъ «Краткаго очерка исторіи аэростатовъ», какъ озаглавлена первая статейка брошюры, мы узнаемъ, что воздушные шары пускались еще въ 1306 году, въ Россіи же первымъ воздухоплателемъ въ 1804 году былъ академикъ Захаровъ. Вторая глава — должно быть для того, чтобы возбудить желаніе къ воздухоплаванію, разъехотить читателя — посвящается «Впечатлѣніямъ воздухоплателя». Авторъ наполняетъ ее переводами изъ записокъ разныхъ французскихъ путешественниковъ.

Другая половина брошюры занята описаніемъ аэростатовъ, летательныхъ снарядовъ и способовъ наполненія аэростатовъ водородомъ, свѣтильнымъ газомъ, амміакомъ, горячимъ воздухомъ и перегрѣтымъ паромъ. Послѣдній способъ авторъ предлагаетъ отъ себя. Всѣ эти способы примѣненія онъ переводитъ на формулы и довольно долго останавливается на управленіи шаромъ какъ посредствомъ механическихъ приспособленій, такъ и съ помощью воздушныхъ теченій.

Въ заключеніи брошюры г. Печковскій отдастъ предпочтеніе своему аэростату (наполняемому перегрѣтымъ паромъ) съ плоскимъ парашютомъ и рулемъ. Въ концѣ концовъ предлагаетъ даже устроить общество для постройки такого аэростата, — общество, которое помощію аэростата могло бы производить метеорологическія изслѣдованія, установить постоянные рейсы между Петербургомъ и Москвою и т. д.

Авторъ заканчиваетъ брошюру увѣреніемъ, что на его предложеніе отзовутся и книжку его не оставятъ безъ вниманія.

Изъ приведеннаго содержанія видно, что первая половина брошюры, доступная всѣмъ, не представляетъ ничего новаго; другая же часть, въ которой авторъ предлагаетъ свой способъ устройства и движенія аэростата, вся испещрена формулами и предназначена для специалистовъ. Потому отзывъ о ней здѣсь не умѣстенъ. Его надо искать въ специальныхъ журналахъ, гдѣ сдѣлаютъ надлежащую оцѣнку и аэростату, и рулю, предлагаемому г. Печковскимъ. Впрочемъ, подробное устройство ихъ авторъ настолько держитъ въ секретѣ, что даже не даетъ ихъ изображенія рядомъ съ другими приводимыми имъ изображеніями эростатовъ и летательныхъ снарядовъ.

Въ забытомъ краю. Рассказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ. *Н. И. Наумова.* С.-Пб. 1882 г. Изданіе *Попова и Тьртова.*

Если припомнитъ читатель, мы разъ уже высказали свой взглядъ на произведенія г. Наумова: признали за его рассказами изъ сибирской жизни большой интересъ въ этнографическомъ отношеніи, но не нашли въ нихъ тѣхъ достоинствъ, которыя составляютъ принадлежность беллетристовъ «съ собственнымъ голосомъ». То же можемъ повторить и теперь. Г. Наумовъ вѣрно записываетъ встрѣчи, событія, разговоры, которые приходилось слышать, разъѣзжая по Сибири въ качествѣ судебного слѣдователя, и все это издаетъ въ видѣ небольшихъ рассказовъ сперва въ журналахъ, а потомъ въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ.

Книжка: «Въ забытомъ краю» содержитъ восемь такихъ рассказовъ: 1) Поскотникъ, 2) Зажора, 3) Горная идиллія, 4) Деревенскій аукціонъ, 5) Святое озеро, 6) Ночь на озерѣ, 7) Одинъ изъ способовъ сближенія съ народомъ и 8) Фургонщикъ.

Самъ авторъ указываетъ на спеціальный интересъ этихъ рассказовъ: «Рассказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ». Но «Въ забытомъ краю», какъ и въ предшествующей книгѣ этого автора, названной: «Въ тихомъ омутѣ», далеко не всѣ рассказы носятъ мѣстный колоритъ,—по крайней мѣрѣ половина изъ нихъ можетъ легко быть перенесена изъ Сибири въ любой изъ отдаленныхъ отъ центра уголковъ Россіи. Таковъ, напримѣръ, рассказъ (да это даже не рассказъ, а сцена): «Деревенскій аукціонъ», гдѣ нѣтъ и тѣни мѣстныхъ красокъ. Авторъ изображаетъ картину деревенскаго аукціона. Назначены торги на движимое имущество одного крестьянина, который по простотѣ сердечной поручился за одного казеннаго подрядчика, оказавшагося несостоятельнымъ. На торги собрались мѣстные мужики и кулакъ—торговецъ скотомъ. Мужики сгоряча, не желая уступить кулаку, а то и просто по мужицкой темнотѣ, надбавляютъ цѣну на продаваемое имущество. Вещь остается за ними. Когда приходится расплачиваться, они находятъ, что вещь куплена дорого, и требуютъ сбавки, не додаютъ грошей.

Картина, правда, довольно вѣрная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мало интересная. Кто не знаетъ, какъ галдятъ мужики? А авторъ съ стенографическою точностью записываетъ ихъ споры, приговариванья:

«Ахъ, ѣшь-тѣ мухи... а?... Это три-то рубля за сбрую, а?... Ну-у... Ахъ, окаянный... Ну... на-а-агрѣлся... А... вотъ-тѣ... на-а-а... да... ты... того... ваше благородіе»... (стр. 143—144).

И тянутся, безъ конца тянутся, неотвязно надоедая читателю, всѣ эти междометія и нарѣчія, а выраженіе «ѣшь-тѣ мухи» повторяется чуть не десять разъ. И къ чему вся эта азбука междометій? И причемъ тутъ Сибирь?—спрашиваетъ читатель. Выразаться междометіями и нарѣчіями нашъ мужикъ вездѣ и всегда выражается; даже сама крымская природа,

если судьба случайно забрасывает его въ эти южные края, не дѣлаетъ его краснорѣчивѣе. Въ подобныхъ случаяхъ становится досадно на автора, зачѣмъ онъ такъ стенографически точенъ въ своихъ записяхъ.

Не менѣе безынтересенъ кажется рассказъ: «Одинъ изъ способовъ сближенія съ народомъ», гдѣ чиновникъ любезно принимаетъ у себя мужика, засаживаетъ его за картежный столъ и обыгрываетъ.

Болѣе интересными со стороны этнографической, а также и болѣе заслуживающими названія рассказовъ будутъ: «Горная идиллія», «Поскотникъ» и «Фургонщикъ».

Въ первомъ рассказѣ авторъ сообщаетъ много интереснаго о жителяхъ Алтая: теленгутахъ, черневыхъ татарахъ, объ ихъ нравахъ, обычаяхъ, о тѣхъ страшныхъ притѣсненіяхъ, каковыми они подвергаются со стороны русскихъ чиновниковъ. Авторъ самъ смотритъ на этотъ рассказъ какъ на чисто этнографическую статью: онъ весьма обстоятельно сообщаетъ географическія и историческія подробности объ этихъ инородцахъ, заимствуя ихъ изъ интересныхъ сочиненій гг. Потанина и Ядринцева.

«Фургонщикъ» же, которымъ заканчивается книга г. Наумова, несмотря на всѣ недостатки въ беллетристическомъ отношеніи, представляетъ сравнительно съ другими рассказами больше цѣнности и законченности.

Фургонщиками въ Сибири называютъ торговцевъ мелочными товарами, разъѣзжающихъ по деревнямъ.

Авторъ встрѣтился съ однимъ изъ такихъ фургонщиковъ въ сибирской деревушкѣ, куда попалъ по дѣлу въ качествѣ судебного слѣдователя. Деревушка по своей отдаленности, а также и вслѣдствіе разлива рѣкъ до того была изолирована отъ города и другихъ жилыхъ мѣстностей, что когда у судебного слѣдователя вышла вся бумага, ея негдѣ было достать и нужно было остановить слѣдствіе. Въ эту-то критическую минуту появился фургонщикъ. У него нашлись и бумага, и сахаръ, и чай, которые отсутствовали у судебного слѣдователя. Фургонщикъ явился спасителемъ. Но прежде, чѣмъ удовлетворить автора, онъ несказанно надоѣлъ ему предложеніемъ разныхъ товаровъ, имѣвшихся въ его коробѣ...

Каждый знаетъ, какъ надоѣдливо-неотвязчивы эти офени при встрѣчѣ съ покупателемъ не только въ какой-нибудь захолустной сибирской деревнѣ, а даже просто на дачѣ невдалекѣ отъ города. Но автору, должно быть, пришлось натолкнуться на фургонщика въ первый разъ, и чтобы надоѣсть читателю настолько же, насколько фургонщикъ надоѣлъ автору, г. Наумовъ съ своей обычною точностью почти на двухъ страницахъ приводитъ слѣдующія выкрикиванія фургонщика:

— Чернилъ, можетъ, не потребуется ли;—превосходнѣйшія есть: алъзаринъ... Перья и сургучъ, карандаши, резина, буде изволите взять, ножи

перечинные завьяловскіе новаго качества, — худыхъ не продаемъ-съ», и т. д. (стр. 290).

Что приведенная здѣсь рѣчь фургонщика вѣрна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но къ чему же на цѣлыя двѣ страницы растагивать эту бессмыслицу? Вѣдь, это значитъ положительно не знать мѣры... Кто же не знаетъ, что есть люди, которые говорятъ много, очень много, но невозможно же все это писать? Вѣдь, надо же, наконецъ, хоть сколько-нибудь щадить и жалѣть читателя...

Купивши у фургонщика, что было надо, авторъ по обычаю писателя усадилъ его и началъ съ нимъ бесѣдовать. Изъ разговора онъ узналъ, что фургонщикъ за поджогъ высланъ изъ Москвы въ Сибирь на поселеніе. Поджогъ совершилъ у хозяина торговца, у котораго онъ жилъ въ прикащикахъ, — поджогъ совершилъ изъ мести. Ему понравилась дочь хозяина. Онъ ей тоже былъ любъ. Но отецъ на его просьбу выдать за него дочь — изругалъ его и прогналъ. Давно уже онъ теперь живетъ въ Сибири. Недавно случай свелъ его здѣсь свидѣться съ своей милой: она, оказывается, волею отца выдана за купца въ Сибирь.

Года черезъ три послѣ этой встрѣчи автору пришлось во время своихъ разъѣздовъ натолкнуться на свадьбу. Оказалось, что вѣнчаютъ его знакомаго фургонщика съ его прежней зазнобой, — она овдовѣла...

Въ разказѣ есть одинъ изъ интересныхъ эпизодовъ, который, правда, имѣетъ весьма мало связи со всей фабулой «Фургонщика» и представляетъ нѣчто вставочное, а между тѣмъ это самое интересное мѣсто всего разказа. Это разговоръ фургонщика съ мужиками, собравшимися смотрѣть его товаръ. Онъ имъ показываетъ портреты генераловъ и характеризуетъ каждого...

Впрочемъ, пусть лучше самъ авторъ передастъ этотъ любопытный разговоръ, записанный имъ съ его обычною точностью.

«Вы этого генерала покушайте, — уговаривалъ фургонщикъ стоявшихъ передъ нимъ крестьянъ, показывая имъ литографированный и раскрашенный портретъ какого-то генерала. — Это, братцы, генералъ-то, коли поскazać вамъ всю подноготную про него — звѣ-ѣ-ѣрь. Ну, однимъ только бралъ: къ нашему брату страсть былъ доберъ.

— А-а-а, къ мужикамъ-то будто! — раздались голоса среди окружающихъ его, и десятки рукъ потянулись за литографіей, изображавшей генерала.

— Ну, ну, не гляди, братцы, что генералъ, а къ мужику даже очень былъ доступенъ. Ну, ежели колыми паче попадалъ ему на зубы чиновникъ, и-и-и, Боже мой, какую острастку питалъ онъ къ нимъ.

— А-а-а-а-ха! къ чиновникамъ-то это, — снова перервали его нѣсколько голосовъ...

— Ну, это, братъ, видать, что форменный генералъ...

— Покушайте и этотъ: вѣдь, сибирскаго генерала-то графа Муравьева Амурскаго слышали, можетъ? — заговорилъ, возвышая голосъ, фургон-

щикъ:—по крайности у васъ память будетъ—хорошій былъ генералъ, и всего-то я съ васъ четвертакъ буду брать за него. А этого генерала, по правдѣ-то сказать, и за рубль бы не грѣхъ продавать, потому мужику-то очень лѣстля»... (стр. 306—307).

Но такими краткими характеристиками дѣло не всегда ограничивалось. Когда доходило до такихъ популярныхъ генераловъ, какъ Кутузовъ, то изобрѣтательность фургонщика принимала широкіе размѣры. Чтобы возбудить большій аппетитъ къ портрету и развѣхотить покупателя, онъ со здавалъ цѣлую легенду. Мужикъ слушалъ, развѣсивъ уши, и въ концѣ концовъ покупалъ генерала.

Легенда о Кутузовѣ, созданная фургонщикомъ и записанная авторомъ, довольно занята. Въ ней говорится, какъ Кутузовъ продалъ русское войско французамъ, получилъ деньги, отослалъ ихъ къ русскому царю, а потомъ и говорить французамъ: «Пали въ моихъ солдатиковъ». Французъ палить. Русскіе солдатики стоятъ живехоньки, а французы такъ и валятся. Пуля-то какъ ударится въ русскаго, такъ сейчасъ отъ него рикшетомъ и отскочитъ, да прямо во французскіе ряды. Французъ видитъ, что дѣло плохо,—ну и бросился бѣжать.... «Да такъ, милые, бѣжалъ (заврался фургонщикъ), што земля стонала; по этому и празднуется изъ вѣки въ вѣковъ изгнаніе галловъ и двенадцать языкъ въ день Рождества Христова,—слыхали, можетъ?...

— Темное дѣло-то, гдѣ слыхивать, отъ стариковъ-то былъ сказъ, што французъ-то Москву палилъ.

— Это ужъ онъ опосля, милые,—ловко вывернулся фургонщикъ,—жогъ-то ее, когда ужъ Кутузова смертный часъ постигъ, потому Кутузовъ-то старичокъ слово этакое зналъ, што вражьи пули заговаривалъ...» и т. д. (стр. 311).

Весь разговоръ, какъ и весь приведенный разговоръ, кажется въ высшей степени правдоподобенъ, прекрасно рисуетъ ловкость и изворотливость фургонщика и темноту нашего мужика, который слушаетъ всякую ерунду, развѣсивъ уши, и котораго развѣ только лѣнивый не надуваетъ и не обираетъ. Эту послѣднюю мысль и проводитъ г. Наумовъ во всѣхъ своихъ разказахъ, которые, отсутствуя беллетристическими достоинствами, полны гуманныхъ и человѣчныхъ чувствъ не только къ мужику, но и къ каторжникамъ, среди которыхъ очень и очень часто приходилось автору встрѣчать честныхъ и хорошихъ людей. А если другой и осатанѣлъ между ними, если про другаго и можно сказать: «тигра не тигра, змѣй не змѣй, а только не человѣкъ», то авторъ проситъ вспомнить слова «Поскотника», клейменаго каторжника Ларіона, который говаривалъ: «Не вини человѣка, что онъ сталъ подобенъ звѣрю». «И дѣйствительно,—говоритъ авторъ,—можно ли ждать состраданія отъ людей, къ которымъ никто въ свою очередь не имѣетъ состраданія, которые стоятъ виѣ законовъ, ограждающихъ жизнь и права другихъ, съ которыми обращаются

самымъ варварскимъ образомъ за ничтожное слово, сказанное передъ начальникомъ, сказанное иногда не съ цѣлью нагругить ему, а по невѣжественной наивности, или за поступокъ вызванный злоупотребленіями самой же надзирающей за ними власти?» (стр. 24).

Таковыми гуманными и сочувственными къ бѣдняку и гонимому люду взглядами проникнуты всѣ рассказы г. Наумова, какъ вошедшіе въ эту книгу, такъ и болѣе ранніе.

Рассказы *Всеволода Гаршина*. С.-Пб. 1882 года.

Писатель-художникъ, беллетристъ «съ искрой Божіей»—это лучший выразитель своего времени, своего народа. Онъ живетъ, думаетъ лучшими думами современнаго ему общества, является представителемъ его лучшихъ желаній, лучшихъ помысловъ. Его чуткимъ нервамъ передается съ большею силой и быстротой, какъ бы посредствомъ электрическаго тока, всякое умственное и нравственное движеніе общества. Къ нему, какъ къ центральному организму, на которомъ съ большей чувствительностью отражается и радость, и горе общественное, пробѣгаютъ отъ каждаго общественного факта и явленія проводящія токъ мельчайшія струны...

Именно такого рода выдѣляющеюся изъ ряда вонъ чуткостью, переходящею какъ бы въ само реальное переживанье общественныхъ нравственныхъ золъ, обладаетъ одинъ изъ новыхъ, юныхъ писателей. Мы разумѣемъ Всеволода Гаршина. Онъ мучается, болѣетъ отъ общественныхъ недуговъ не въ думахъ, не въ мысляхъ только,—онъ испытываетъ реально, непосредственно, и нравственную, и физическую боль. Его чуткость, тонкое пониманіе психической стороны человѣка (составляющей главный предметъ его наблюденій и интереса), до реальной боли доходящая отзывчивость рѣзко отдѣляютъ его отъ другихъ писателей-художниковъ. Все, чѣмъ богата молодость—вѣра, любовь—самая искренняя, самая святая, неуспѣвшая еще окутаться обыденной пошлостью, стирающей все чистое и живое—все найдете у В. Гаршина, но найдете одновременно, почти рядомъ съ наводящимъ ужасъ и подкашивающимъ всякую энергію отчаяніемъ: авторъ видитъ «дно жизни...» *).

Всеволодъ Гаршинъ въ первый разъ «выступилъ съ своимъ рассказомъ «Четыре дня» въ *Отечественныхъ Запискахъ*, кажется, въ 1878 году. Въ настоящее время онъ издалъ маленькую книжку, которая содержитъ восемь маленькихъ рассказовъ. Всѣ они извѣстны публикѣ. Большинство было напечатано въ *Отечественныхъ Запискахъ*; послѣдніе два появились въ *Русскомъ Богатствѣ* и *Устояхъ*. Эти послѣдніе несравненно слабѣе первыхъ и носятъ тотъ аллегорическій характеръ, который со-

*) Рецензентъ *Отечественныхъ Записокъ* въ своей прекрасной замѣткѣ на книжку В. Гаршина совершенно вѣрно усматриваетъ въ авторѣ „Рассказовъ“ одновременное существованіе двухъ людей: одинъ—полный вѣры, жизни, энергіи, лучшихъ стремленій, другой—парализующій все это.

ставляетъ отличительную особенность литературы послѣдняго времени, потерявшей способность говорить прямо, безъ обиняковъ. Къ тому же и аллегорія въ нихъ какая-то смутная, трудно понимаемая, въ особенности въ послѣднемъ, который прозывается: «То, чего не было». Въ немъ передается разговоръ, происходящій въ одинъ жаркій июньскій день въ саду на полянкѣ между муравьемъ (мужикъ), жукомъ (нѣчто въ родѣ чиновника), гнѣдымъ (люди не широко смотрящіе), улиткой (консерваторъ), кузнечикомъ (либераль), ящерицей (люди «и насимъ и васимъ служащіе»), бабочкой (люди вѣрующіе) и мухой (люди, живущіе мамопомъ)... Разговоръ неясный, отрывочный. Авторъ, надо думать, изображая этотъ сумбуръ, имѣлъ въ виду представить хаотическое положеніе современнаго общества.

Разсказъ «Attalea princeps», гдѣ аллегорія болѣе ясна и менѣе допускаетъ сомнѣній въ толкованіи, привела многихъ читателей въ полное недоумѣніе своимъ колючимъ выводомъ. Здѣсь авторъ заставляетъ одну изъ пальмъ, растущую въ оранжереѣ, хотѣть свѣта, воздуха, свободы, яснаго неба, яркаго солнца... Attalea напрягаетъ всѣ силы, чтобы расти какъ можно выше, dorocтаетъ до потолка оранжереи, тужится, собирается съ силами--и выпираетъ потолокъ. Всѣ остальные растенія ей не сочувствуютъ, исключая одной безсильной былинки, обвивающей эту же пальму. Но лишь только она выставила на воздухъ свою вершину, лишь только добилась, чего такъ страстно и долго хотѣла,—вѣтеръ и дождь сгубили-ее, а хозяинъ оранжереи приказалъ срубить у корня вмѣстѣ съ былинкой и выбросить вонъ, а потомъ велѣлъ туда же выкинуть и корень.

И неужели не надо хотѣть и стремиться къ лучшему?—спрашиваетъ удивленный читатель, такъ какъ, кромѣ этого, отбивающаго всякую энергію, вывода изъ приведеннаго разсказа сдѣлать нельзя. Такой выводъ кажется ему диссонансомъ въ общей гармоніи мыслей и картинъ, съ которыми онъ встрѣчался въ болѣе раннихъ разсказахъ. Но это только такъ «кажется» и кажется потому, что нигдѣ такъ рѣшительно и отчаянно не вырывалось у автора мучительнаго крика «не стойтъ!».

Вопросы: «зачѣмъ?» и «куда?»—не переставали парализовать стремленія и порывы молодой жизни и въ предшествовавшихъ разсказахъ. Онъ искалъ отъ нихъ забвенія въ творествѣ, въ искусствѣ, но и тутъ эти докучные, неотвязно-мучающіе душу, вопросы не даютъ покоя. Въ разсказѣ «Художники» авторъ прекрасно передалъ эту, гнетущую душу, тоску художника Рябинина.

Рябининъ до «боли» страдаетъ отъ чужаго горя. Чтобы облегчить это горе, надо указать на него обществу,—указать такъ, чтобы общество почувствовало его, измучилось имъ. Для этого онъ обращается къ помощи искусства. Съ этою цѣлью онъ рисуетъ картину: «Глухарь» *).

*) Такъ называютъ на чугунно-литейныхъ заводахъ работниковъ, которые, сидя внутри котла, поддерживаютъ грудью заклепку, на которой снаружи молотомъ выбиваютъ шляпку.

«Вотъ онъ сидитъ передо мною въ темномъ углу котла, скорчившійся въ три погибели, одѣтый въ лохмотья, задыхающійся отъ усталости человѣкъ. Его совсѣмъ не было бы видно, еслибы не свѣтъ, проходящій сквозь крутлыя дыры, просверленные для заклепокъ. Кружки этого свѣта пестрятъ его одежду и лицо, свѣтятся золотыми пятнами на его лохмотьяхъ, на всялокочепной и закопченной бородѣ и волосахъ, на багрово-красномъ лицѣ, по которому струится потъ, смѣшанный съ грязью, на жилистыхъ надорванныхъ рукахъ и на измученной, широкой, впалой груди. Постоянно повторяющійся страшный ударъ обрушивается на котель и заставляетъ несчастнаго глухаря напрягать всѣ свои силы, чтобъ удержаться въ своей невѣроятной позѣ» (стр. 143).

Картина готова. Она производитъ сильное впечатлѣнiе на художниковъ. Но ея творцу не этого надо. Ему нужно, чтобы то, что онъ создавъ изъ этого полотна, ужаснуло своимъ видомъ эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. «Прийди,—говорятъ онъ, взывая какъ бы къ «духу» въ Фаустѣ,—силою моей власти прикованный къ полотну, смотри съ него на эти фразы и трэны, крики имъ: я—язва растущая! Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствiе, какъ ты убилъ мое...» (стр. 145).

Вотъ чего онъ хочетъ, чего требуетъ отъ искусства. И если оно не въ силахъ при всей своей силѣ сдѣлать человѣка лучше, то художникъ въ отчаянiи бросаетъ палитру, мольбертъ и бѣжитъ изъ своей мастерской въ сельскую школу. Тамъ хочетъ онъ научить понять, что тѣло дорого, что можно и должно не отдавать его на такія муки, на какія отдаетъ глухарь...

Но и тамъ всѣ его усилiя оказываются бесполезны и напрасны.

Художникъ до того изболѣлъ и изстрадался, что даже его видѣнiя представляютъ однѣ беконечныя адскiя муки.

Еслибъ эти видѣнiя не были писаны кровью и нервами, то рецензентъ могъ бы упиваться художественнымъ восторгомъ отъ набросанныхъ авторомъ картинъ. Но рассказы Гаршина—не плодъ обдуманнаго творчества по заранѣ составленному детальному плану, это—крикъ наболѣвшей души... Гаршинъ—это лирикъ въ прозѣ.

Пусть прочтетъ читатель слѣдующую картину видѣнiй Рябинина:

«Чудится мнѣ, что я опять на заводѣ, только не на томъ, гдѣ былъ съ Дѣдовымъ. Этотъ гораздо громаднѣе и мрачнѣе. Со всѣхъ сторонъ гигантскiя печи чудной, невиданной формы. Снопами вылетаетъ изъ нихъ пламя и коптитъ крышу и стѣну зданiя, уже давно черныя, какъ уголь. Машины качаются и визжать, и я едва прохожу между вертящимися колесами и бѣгущими и дрожащими ремнями, нигдѣ ни души. Гдѣ-то стукъ и грохотъ: тамъ то идетъ работа. Тамъ неистовый крикъ и неистовые удары; мнѣ страшно идти туда, но меня подхватываетъ и несетъ, и удары все громче, и крики все страшнѣе. И вотъ все сливается въ ревъ, и я вижу...

«Вижу—страшное, бозобразное существо корчится на землѣ отъ ударовъ, сыплющихся на него со всѣхъ сторонъ. Цѣлая толпа бьетъ, кто чѣмъ попало. Тутъ всѣ мои знакомые съ остервенѣлыми лицами колотятъ молотами, ломами, палками, кулаками это существо, которому я не прибралъ названія. Я знаю, что это — все онъ же... Я кидаясь впередъ, хочу крикнуть: «Перестаньте, за что!»—и вдругъ вижу блѣдное, искаженное, необыкновенно страшное лицо,—страшное потому, что это мое собственное лицо. Я вижу, какъ я самъ, другой я самъ, замахивается молотомъ, чтобы нанести неистовый ударъ... Тогда молотъ опустился на мой черепъ. Все исчезло; нѣкоторое время я сознавалъ еще мракъ, тишину, пустоту и неподвижность, а скоро и самъ исчезъ куда-то...» (стр. 151 и 152).

Здѣсь нѣтъ ни слова, ни звука по соображенію; это—крикъ, просящійся неудержимо наружу, крикъ больной, подавляющей душу. Этотъ искренній, неподдѣльный лиризмъ въ прозѣ, который звучитъ съ первой до послѣдней страницы въ разсказѣ «Художники», составляетъ оригинальную особенность этого автора. Послѣдняя чувствуется также, кромѣ психологическаго направленія его разсказовъ, и въ самой манерѣ писать кратко, лаконично, просто. Периодическая рѣчь встрѣчается рѣдко и то больше при сравненіяхъ цѣлыми картинами, какъ бы откуда-то вырванными эпизодами, напоминающими нѣсколько манеру Гоголя.

Вотъ одно изъ такихъ удачныхъ сравненій въ разсказѣ «Художники»:

«И вдругъ то необыкновенно хорошее, радостное и мирное, чего я не испытывалъ съ самаго дѣтства, нахлынуло на меня вмѣстѣ съ сознаниемъ, что я далеко отъ смерти, что впереди еще цѣлая жизнь, которую я навѣрно съумѣю повернуть по-своему (о, навѣрно, съумѣю!), и я хотя съ трудомъ повернулся на бокъ, поджалъ ноги, поджалъ ладонь подъ голову и заснулъ точно такъ, какъ въ дѣтствѣ, когда бывало проснешься ночью, возлѣ спящей матери, когда въ окно стучитъ вѣтеръ, и въ трубѣ жалобно воетъ буря, и бревна дома стрѣляютъ, какъ изъ пистолета, отъ лютаго мороза, и начнешь тихонько плакать, и боясь и желая разбудить мать, и она проснется, съвозъ сонъ поцѣлуетъ и перекреститъ, и успокоенный свертываешься калачикомъ и засыпаешь съ отрадой въ маленькой душѣ...» (стр. 155).

Надѣмся, что каждый, прочитавши хоть одинъ изъ слѣдующихъ «разсказовъ: «Четыре дня», «Проншествіе», «Трусъ», «Ночь», «Художники» (за исключеніемъ «Встрѣчи», которая производитъ впечатлѣніе нѣчто шаблоннаго, фельетоннаго, обличительнаго), согласится, что В. Гаршинъ—писатель весьма симпатичный. Его разсказы тотчасъ при своемъ появленіи обратили на себя вниманіе и внушили къ автору ту дорогую симпатію, которая существуетъ теперь между немногими писателями и публикой. Всеволодъ Крестовскій (псевдонимъ), годъ или два тому назадъ, сказалъ теплое и вѣрное слово объ этомъ молодомъ талантѣ, вѣрно выразилъ

симпатію и чувства публики къ Всеволоду Гаршину, несомнѣнно обладающему «искрой Божіей» и «собственнымъ голосомъ».

Е. Н.

Баллады Шиллера. Опытъ объясненія. Г. Цвѣтаева. Воронежъ. 1882 года.

Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ говоритъ, что «Шиллеръ принадлежитъ къ тому немногочисленному кругу поэтовъ-художниковъ, чье положеніе не смогли поколебать у насъ ни стремленіе къ реализму, ни взмахи противъ-эстетической критики, особенно сильныя въ шестидесятыхъ годахъ». Полное собраніе сочиненій Шиллера на русскомъ языкѣ вышло уже пятымъ изданіемъ, и такимъ образомъ значеніе поэзіи Шиллера для русскаго общества не только не умалается, но возрастаетъ въ значительной степени.

Естественно поэтому, что сочиненіе г. Цвѣтаева имѣетъ большой интересъ. *Изученіе* нѣмецкаго поэта у насъ только начинается, и передъ такими истинно-поэтическими твореніями,—говоритъ авторъ,—какъ творенія Шиллера, невольно смолкаютъ эгоистическія стремленія, слабѣютъ тенденціи, зависть партій и сами собой возникаютъ эстетическіе вопросы.

«Если желаемъ,—справедливо замѣчаетъ г. Цвѣтаевъ,—имѣть своихъ учениковъ хоть сколько-нибудь *зрѣлыми*, необходимо натолкнуть ихъ на возможно большее количество вопросовъ, дать имъ осязательно почувствовать, что въ умственной сокровищницѣ различныхъ вѣковъ и народовъ много такого, что стѣбитъ знать, къ приобрѣтенію чего должно стремиться каждому, кто намѣренъ принять участіе въ умственной дѣятельности народа; каждому хоть сколько-нибудь интеллигентному человѣку необходимо знать важнѣйшія явленія отечественной и отчасти иностранной литературы». Эти истины, вновь подвергаемыя въ наше время отрицанію, небезполезно повторять, и особенно пріятно слышать ихъ отъ педагога по профессіи,—въ этомъ отношеніи русское общество не избаловано.

Въ книгѣ г. Цвѣтаева (она составляетъ начало его трудовъ) помѣщены объясненія слѣдующихъ балладъ: *Кубокъ*, *Перчатка*, *Поликратовъ перстень*, *Ивиковы журавли*. Это сочиненіе можетъ принести не малую пользу, и мы обращаемъ на него вниманіе читателей, вопли раздѣлая слѣдующій взглядъ г. Цвѣтаева: «Подобно тому, какъ лицу, чтобы сдѣлаться дѣйствительно прекраснымъ, недостаточно однѣхъ прекрасныхъ чертъ, а вѣстѣ съ тѣмъ, и это главнымъ образомъ, необходимо выраженіе, просвѣчающаяся въ глазахъ мысль,—безсмысленное лицо не имѣетъ никакой прелести,—въ красивомъ лицѣ всегда прежде ищемъ прекрасной души; такъ точно и въ поэтическихъ произведеніяхъ ихъ форма необходимо должна насквозь проникаться идеей, просвѣтляться съ красотой. Степень и прочность очаровательности поэтическихъ произведеній всегда связываются съ качествомъ одушевляющей ихъ идеи».

В. Г.

Иностранная библиографія.

Исторія реставраціи. Эрнеста Додэ (*Histoire de la restauration 1814—1830*
Ernest Daudet. Paris. 1892).

Поучительное время возстановленія Бурбоновъ на французскомъ престолѣ уже подвергалось изслѣдованіямъ писателей различныхъ направленій, отъ реакціоннаго до революціоннаго. Эрнестъ Додэ, братъ знаменитаго романиста, задумалъ написать безпристрастную исторію этой эпохи, достаточно полную для того, чтобы получить вѣрное понятіе о ходѣ событій съ 1814 года до іюльской революціи.

Восторгъ, съ которымъ роялисты встрѣчали иностранныя войска, побѣдившія Наполеона, свидѣтельствовалъ бы о паденіи патриотизма, — говоритъ Эрнестъ Додэ, — еслибы страна не была подавлена несчастіями, навлеченными на нее неукротимымъ честолюбіемъ императора, еслибы Франція не была истомлена деспотизмомъ. Во всякомъ случаѣ невѣрно то, что Бурбоны были вновь посажены на тронъ иностранцами. Населеніе желало прекращенія войнъ, свободы и благосостоянія, и ждало всего этого отъ возстановленія древней династіи, которую долженъ былъ умудрить ужасающій историческій опытъ. Императоръ Александръ I, первоначально относившійся неблагоприятно къ мысли о реставраціи Бурбоновъ, употребилъ свое могущественное вліяніе на то, чтобы возвращеніе это сопровождалось конституціей, обезпечивавшей націю подобающую долю участія въ законодательствѣ и управленіи.

Сенатъ, руководимый Талейраномъ, предложилъ графу д'Артуа, впоследствии Карлу X, условія, на которыхъ должна быть возстановлена королевская власть его старшаго брата. На эти условія пришлось по-неволѣ согласиться, съ оговорками. Сенатъ требовалъ двухъ палатъ, голосованія въ нихъ податей, свободы печати и совѣсти, несмѣняемости судей и т. п. Людовикъ XVIII подписалъ декларацію, въ которой, не признавая права сената обязывать его къ изданію конституціи, торжественно принималъ упомянутыя выше основанія будущаго государственнаго устройства Франціи.

Въ составъ перваго министерства реставраціи вошли: Талейранъ, Монтескью, Малуэ, Дамбрэ, баронъ Луи, генераль Дюпонъ, Витролло, Блассъ. Но возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, знаменитые *сто дней* прервали въ самомъ началѣ правильную работу палатъ и правительства. Наполеонъ однако высказался за сохраненіе и развитіе конституціи. Онъ призвалъ къ управленію страной Карно и знаменитаго либеральнаго публициста Бенжамена Констана. Но Россія, Австрія, Англія и Пруссія не захотѣли допустить вторичнаго царствованія Наполеона I, и ватерлооская битва рѣшила судьбу побѣдителя подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ.

На Францію легло новое униженіе, новое бремя: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, разоренная и измученная страна должна была содержать на своей территоріи побѣдоносныя иностранныя войска. Страсти были возбуждены, ненависть партій достигла страшнаго силы. Крайняя роялистская группа депутатовъ требовала обширныхъ измѣненій въ составѣ администраціи и чуть ли не полнаго возвращенія къ дореволюціоннымъ порядкамъ. Но слышались и голоса благоразумія и справедливости. Въ палатѣ депутатовъ де-Серръ предостерегалъ отъ ослѣпленія ненавистью, отъ поощренія политическихъ доносовъ. «Берегитесь, — восклицалъ онъ, — все колеблется, все парализуется въ странѣ, и доносъ — ужасающая язва — начинаетъ разъѣдать Францію, искажать національный характеръ» (стр. 143). Къ счастью, Людовикъ XVIII не былъ расположенъ нарушать торжественно даннаго слова и уступать сторонникамъ крайней реакціи. Но система представительства, основанная на имущественномъ цензѣ, совершенно отстраняя отъ управленія страной громадное большинство населенія, лишала палату надлежащей устойчивости и авторитета, такъ какъ она являлась въ дѣйствительности представительницею только высшихъ классовъ французскаго народа.

При такихъ условіяхъ придворныя интриги, личные разсчеты и оскорбленное тщеславіе могли играть — и на самомъ дѣлѣ играли — очень большую роль во время реставраціи. Но благотѣльное вліяніе далеко неполнаго признанія нѣкоторыхъ изъ главныхъ принциповъ разумнаго государственнаго устройства уже давало себя чувствовать. Страна начала богать и освободилась ранѣе срока отъ присутствія иностранныхъ войскъ, выплативши огромную контрибуцію. Вдругъ, въ февраль 1820 года, герцогъ Беррійскій падаетъ подъ кинжаломъ Лувеля. Убіеніе это произвело страшное впечатлѣніе и вызвало отставку либеральнаго министерства Деказа. Не въ первый разъ, — говоритъ Додэ, — и не въ послѣдній, отдѣльное преступленіе вызывало общія реакціонныя мѣры (стр. 213). Однимъ закономъ отмѣнилась личная свобода французскаго гражданина и предписывались чрезвычайныя мѣры для охраны короля и его семейства; другимъ — любимѣйшая мѣра реакціонеровъ — газеты подвергались на пять лѣтъ предварительной цензурѣ. Чтобы поддержать это направленіе

внутренней политики, не остановились передъ гнуснымъ средствомъ: короля познакомили съ красивою и ловкою женщиной, которая приобрѣла большое вліяніе на Людовика XVIII, служа реакціоннымъ стремленіямъ (madame de Cayla). Эта фаворитка существеннымъ образомъ отличалась отъ своихъ предшественницъ, но Эрнестъ Додэ приводитъ свѣдѣнія о ней въ доказательство старой и до сихъ поръ еще справедливой мысли о томъ, что ничтожныя, повидимому, явленія могутъ производить важные результаты. Само собою разумѣется, что для этого необходимы нѣкоторыя условія общественной жизни и строя.

Но реакціонеры все выше и выше подымали свои требованія и добились паденія весьма умѣреннаго министерства Ришелье, котораго замѣнилъ Виллель. вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и вліяніе клерикаловъ, стремившихся забрать въ свои руки низшія, среднія и высшія учебныя заведенія Франціи.

16 сентября 1824 года Людовикъ XVIII скончался. Карлъ X просилъ Виллеля остаться во главѣ министерства. Недовольство реакціонными мѣрами правительства усиливалось въ странѣ, которая покрывалась развѣтвленіями политическихъ тайныхъ обществъ. Реакціонеры старались напугать короля, отождествляя оппозицію стѣснительнымъ для общества мѣрамъ правительства съ борьбой противъ монархической власти. Однако результаты новыхъ выборовъ въ палату депутатовъ побуждаютъ Карла X дать отставку Виллелю и поручить составленіе новаго кабинета Мартиньяку, человѣку либеральнаго образа мыслей. Но король не любилъ парламентскаго правленія. Придворныя интриги поэтому скоро ниспровергли министерство Мартиньяка, а реакціонныя мѣры смѣниваемаго его министерства, съ Полиньякомъ во главѣ, повели къ июльской революціи, къ изгнанію Карла X и воцаренію Людовика-Филиппа. Карлъ палъ жертвой заблужденія, въ которое его ввели, утверждая, что общество не нуждается въ либеральныхъ преобразованіяхъ и не желаетъ ихъ *).

Эрнестъ Додэ указываетъ на заслуги реставраціи, во время которой униженная и разоренная Франція оправилась отъ печальныхъ послѣдствій наполеоновскихъ войнъ и заняла подобающее ей мѣсто среди европейскихъ державъ. Разцвѣтъ умственной и общественной жизни повелъ бы къ самымъ благодѣтельнымъ результатамъ, еслибы реакціонная политика не сѣяла недовѣрія и озлобленія, которыя чувствовались долгое время спустя послѣ паденія Карла X.

---

*) Навануя революціи палата депутатовъ обратилась къ королю съ деклараціей, направленною противъ министерства. Палата указывала на то недовѣріе правительства къ обществу, которое сквозило въ каждомъ актѣ административной власти, и добавляла: „Это недовѣріе не приблизится къ вашему благородному сердцу. Нѣтъ, государь, Франція не хочетъ анархіи, какъ вы не желаете деспотизма“.

Книга Додэ не отличается выдающимися достоинствами, но съ интересомъ и пользою пожелеть быть прочтена каждымъ, кто захочеть познаться, не особенно подробно, съ событіями французской исторіи отъ 1814 до 1830 года.

О роли государства въ хозяйственномъ строѣ. *Эдмунда Виллея* (Du rôle de l'état dans l'ordre économique. *Edmond Villey*. Paris. 1882).

Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ увѣнчала названное сочиненіе профессора политической экономіи юридическаго факультета въ Канѣ, Эдмунда Виллея, преміей графа Россіи. Эту награду раздѣлили съ нимъ профессоръ факультета въ Э, г. Журданъ.

У насъ принято относиться свысока къ преміямъ, которыя раздаются французскимъ институтомъ. Думаютъ нерѣдко, что награду получаетъ не сочиненіе, отмѣченное печатью высокаго ума и дарованія, а сочиненіе, *духъ котораго* отличается приличною умѣренностью. Нельзя отрицать, что очень смѣлая теорія не встрѣтять одобренія отъ французскихъ академикомъ; но за то и награды выдаются ими за дѣйствительныя заслуги, за серьезные труды.

Разборъ книги Виллея былъ порученъ извѣстному экономисту, Эмилю Лавассёру, который въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ возражаетъ противъ положеній автора.

Виллей является горячимъ защитникомъ личной свободы, безъ которой не можетъ быть и свободы политической. Онъ опровергаетъ парадоксальныя мысли защитника централизаціи, Дюпонъ-Уайта, и видитъ въ личной свободѣ основное условіе историческаго развитія. Авторъ не изъявляетъ притязанія вывести алгебраическую формулу, которая могла бы прилагаться ко всѣмъ народамъ безразлично. Различныя ступени цивилизаціи обуславливають различія въ отношеніяхъ между государствомъ и личностью и не говорятъ, что одинаковыя правила управляютъ общественною жизнью французовъ, русскихъ и китайцевъ.

Изслѣдованію экономической роли государства у Виллея предшествуетъ философское введеніе—о личности и государствѣ.

Авторъ находитъ въ человѣкѣ два существенныхъ свойства: свободу и общественность (*par nature, l'homme est libre et sociable*). Первая неразлучна съ равенствомъ, правильнѣе—равенство и свобода суть два названія одного и того же предмета. Поэтому свобода и самоуправленіе (автономія)—правило, подчиненность и авторитетъ—исключенія.

Что такое государство?—спрашиваетъ Виллей.—Абстракція, форма, способъ существованія (*une manière d'être*). Въ этомъ—источникъ *обязанностей* государства, но не *правъ* его. Однако черезъ страницу авторъ признаетъ, что изъ обязанностей государства, изъ его назначенія рождается право, которое должно различать отъ совокупности индивидуальныхъ правъ.

Государство имѣть право самосохраненія и развитія, иногда въ ущербъ настоящему поколѣнiю. Вслѣдствіе этого не должно смѣшивать никогда государство съ правительствомъ.

Виллей возстаетъ и противъ теорiи всеобщаго благополучія, по которой государство должно вмѣшиваться повсюду, и противъ теорiи крайняго индивидуализма, которая требуетъ отъ власти только охраненія права, *административнаго нигилизма*, по выраженiю одного англійскаго писателя. Но,—прибавляетъ авторъ,—еслибъ ему пришлось выбирать лишь между этими двумя теорiями, онъ высказался бы за послѣднюю.

Въ свободной странѣ необходимо признать, какъ общее правило, что люди, стоящіе у власти, будутъ выше средняго уровня людей всего общества. Отсюда вытекаетъ возможность для государства содѣйствовать развитію цивилизациі, имѣя въ виду *общіе интересы* гражданъ, что требуется справедливостью.

Въ экономическомъ отношенiи государство либо дѣйствуетъ, либо побуждаетъ, либо устанавливаетъ правила. Во всякомъ случаѣ должно быть доказано, что государственное вмѣшательство, въ той или другой изъ указанныхъ формъ, необходимо, что этого требуютъ интересы общегитія. Это приводитъ Виллея къ анализу *необходимыхъ, естественныхъ* и случайныхъ атрибутовъ государства. Къ числу первыхъ относятся такія обязанности государства, имѣющія цѣлью достиженіе общаго блага, которыя не могутъ быть переданы на произволъ отдѣльныхъ лицъ. Сюда принадлежатъ внѣшняя и внутренняя безопасность государства, судъ, пути сообщенія *), денежное обращеніе, *общественная поддержка нуждающимся* (*assistance publique*) и *общественное образованіе*, и т. д. Остановимся на двухъ послѣднихъ.

Въ исторiи мы не найдемъ государства, достойнаго этого имени, которое не оказывало бы помощи слабымъ и больнымъ, которое не имѣло бы благотворительныхъ учрежденій. Конечно, частная благотворительность имѣетъ за себя много преимуществъ, въ особенности когда ея сила въ стократъ увеличивается ассоціаціею. Но полагаться на нее исключительно невозможно, потому что помощь бѣдняку и страдающему должна быть оказана навѣрное, а обезпечить такую помощь можетъ только государство.

Въ дѣлѣ народнаго образованія, по мнѣнiю Виллея, государство *обязано* содѣйствовать распространенiю просвѣщенія. Но законъ былъ бы тиранническимъ, еслибъ онъ распространялъ обязательность обученія выше опредѣленнаго *минимума*, то-есть начальнаго образованія. Виллей возстаетъ противъ бесплатности этого образованія, предлагая давать его даромъ только бѣднымъ дѣтямъ. Извѣстно, что Поль Берть, во имя равенства, требовалъ противоположнаго рѣшенія. Виллей высказывается за полную свободу средняго и высшаго образованія.

*) Обыкновенныя дороги: шоссе и т. п. Каналы, по мнѣнiю Виллея, могутъ быть дѣломъ частнаго предпріятія, такъ какъ они служатъ не всему населенiю.

Виллей высказывается также и противъ безусловной свободы банковъ и горячо осуждаетъ злоупотребленіе выпускомъ бумажныхъ денегъ. «Tout papier-monnaie est une orgie du despotisme ou délire» (слова Мирабо).

Подъ *естественными* атрибутами государства авторъ разумѣтъ тѣхъ дѣйствій, которыя могутъ быть, при обыкновенныхъ условіяхъ, дѣломъ частнаго почина, но по обстоятельствамъ времени, при данномъ состояніи цивилизаціи, не будутъ произведены, безъ помощи государства, съ достаточною полнотою и удовлетворительностью. Сюда относятся: порты, каналы, желѣзные дороги, страхованіе.

Вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ отличается сложностью, — говорятъ Виллей. — Необходимо подвергнуть отдѣльному разсмотрѣнію постройку желѣзныхъ дорогъ, ихъ эксплуатацію и желѣзно-дорожный тарифъ.

Въ Европѣ въ настоящее время 140.000 километровъ рельсовыхъ путей, изъ которыхъ только $\frac{1}{6}$ эксплуатируется государствомъ (въ Бельгій—2.300 вил., въ Германіи—17.000, въ Австро-Венгріи—2.274, и т. д.). Виллей высказывается противъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и приводитъ цифры въ доказательство того, что повсюду, за исключеніемъ Швейцаріи, желѣзные дороги въ рукахъ частныхъ обществъ приносятъ болѣе дохода, чѣмъ въ рукахъ правительства. Старый аргументъ, относительной важности котораго не отрицаетъ и сторонникъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, но далеко не уравнивающій доводовъ въ пользу противоположнаго мнѣнія *).

Виллей не хочетъ обезоруживать государство къ дѣлу регулированія желѣзнодорожнаго тарифа и допускаетъ необходимость, въ извѣстныхъ случаяхъ, постройки рельсовыхъ путей государствомъ. Что касается до страхованія, то заботливость французскаго экономиста о свободѣ личности достигаетъ въ этомъ отношеніи необычайной силы. Какъ, — восклицаетъ онъ, — установить обязательное страхованіе? «Предусмотрительность есть добродѣтель; можетъ ли добродѣтель быть предписана закономъ»? Это наивное соображеніе не имѣетъ, конечно, серьезнаго значенія, если даже и согласиться съ Виллеемъ, что предусмотрительность есть добродѣтель (vertu). Безъ обязательнаго страхованія часто бываетъ совершенною невозможностью правильно поставить дѣло, и пришлось бы *добродѣтели* однихъ принести въ жертву порочности другихъ. Самъ Виллей говоритъ, что государство должно проевѣщать общество относительно великаго значенія учрежденій страхованія и сбереженія, оказывать особыя льготы ассоціаціямъ съ подобною цѣлью и даже само учреждать, на примѣръ, сберегательныя кассы при почтовыхъ отдѣленіяхъ.

Въ послѣдней части своего труда Виллей разсуждаетъ о вліяніи цивилизаціи на роль государства въ экономическомъ строѣ. Цивилизація,

*) Въ Голландіи желѣзные дороги, принадлежація государству, эксплуатируются частными обществами, которыя изготовляютъ весь подвижной составъ.

по мнѣнію французскаго писателя, непрестанно развиваетъ духъ общенія, все болѣе и болѣе усиливаетъ число и значеніе ассоціацій. Государство нисколько не теряетъ отъ этого хода развитія человѣчества, потому что хотя сфера его дѣятельности суживается, за то благодѣтельное значеніе необходимыхъ атрибутовъ государственной власти постоянно возрастаетъ. Государство,—говоритъ Виллей,—и ни зло, и ни добро: это—ребяческія опредѣленія. Государство есть организмъ націи, полный ея совокупною силою, которая необходима для удовлетворенія общественныхъ потребностей и можетъ быть полезна во многихъ случаяхъ, когда не хватаетъ личной инициативы (стр. 470). Мы такимъ образомъ далеки отъ опредѣленія, первоначально даннаго авторомъ, гдѣ государство было отвлеченіемъ, формою, *manière d'être*. Все, что составляетъ общій интересъ и въ то же время не можетъ быть съ достаточною удовлетворительностью и съ несомнѣнною достовѣрностью сдѣлано отдѣльнымъ лицомъ или частными обществами, все это составляетъ существенную обязанность государства.

Книга Виллея прочтется не безъ пользы людьми, которыхъ занимаетъ одинъ изъ величайшихъ вопросовъ нашего времени—вопросъ объ отношеніи между государствомъ и личностію. Лавассёръ, въ разборѣ этой книги, дѣлаетъ слѣдующее признаніе, знаменательное въ устахъ одного изъ главнѣйшихъ современныхъ представителей экономической науки во Франціи: первое благодѣяніе, которое оказываетъ современное государство, заключается въ обезпеченіи личной свободы; второе—въ удовлетвореніи общественныхъ нуждъ, которыя не по силамъ частнымъ лицамъ и ассоціаціямъ *и число которыхъ увеличивается съ матеріальнымъ и духовнымъ развитіемъ общества.*

Исторія пролетаріата древняго и современнаго. Вилляра (Histoire du prolétariat ancien et moderne. Villard. Paris. 1882.)

Авторъ этого сочиненія поставилъ себѣ цѣлью прослѣдить историческія судьбы рабочихъ, рабовъ, крѣпостныхъ и наемныхъ.

Современный пролетаріатъ, напоминая своимъ названіемъ,—но только названіемъ,—римскій пролетаріатъ, составляетъ новую и высшую ступень развитія, которую занялъ европейскій рабочій. Французская революція унесла всѣ феодальныя льготы, окончательно освободила и нравственно возвысила трудъ—и умственный, и физическій. Пролетарій въ наши дни является труженикомъ, существованіе котораго не обезпечено капиталомъ или какимъ-либо опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ.

Въ первой части своего труда Вилляръ говоритъ о землѣ, о первобытномъ человѣкѣ, о семьѣ и племени въ доисторическую эпоху. Въ бѣглыхъ очеркахъ этихъ нѣтъ, конечно, ничего важнаго и новаго. Затѣмъ авторъ переходитъ къ азіатскимъ народамъ, къ Греціи, Риму, среднимъ вѣкамъ. Здѣсь собрано Вилляромъ довольно много интереснаго матеріала,—

интереснаго не для историковъ, разумѣется, а для людей незнакомыхъ подробно съ развитіемъ рабства, колоната, крѣпостнаго права. Для русскаго читателя имѣютъ болѣе живое значеніе послѣднія части сочиненія Вилляра, посвященныя современному пролетариату.

Французская революція,—говоритъ авторъ,—заставила массу невѣжественнаго населенія перейти сразу отъ вѣковаго подневольнаго состоянія къ полной свободѣ. Естественно, что этотъ быстрый переходъ сопровождался и многими неблагоприятными результатами. Нашлись люди, которые стремились къ тому, какъ Талліенъ, напримѣръ, чтобы «возмутить нищету противъ роскоши». Но наслія и жестокости, бывшія прямымъ послѣдствіемъ долгаго рабства и невѣжества, скоро прекратились. Положеніе французскихъ крестьянъ послѣ революціи улучшилось во всѣхъ отношеніяхъ. Не то было въ городахъ, гдѣ увеличивался бездомный и безпомощный пролетариатъ. Республиканское правительство хорошо понимало, какъ страна нуждается въ просвѣщеніи, въ поддержкѣ оставшихся безъ работы, въ содѣйствіи къ упорядоченію экономическихъ отношеній. Но войны, возстанія, всеобщая смута не давали возможности перейти къ осуществленію справедливыхъ задачъ правительственной власти, а сумасбродныя попытки насильственнаго введенія въ жизнь французскаго общества придуманныхъ системъ не могли принести никакой пользы бѣдствовавшей части населенія.

Возникла реакція, стала быстро расти деспотическая власть Наполеона. Съ воцареніемъ Бурбоновъ для Франціи наступило относительное спокойствіе. Общественные вопросы подвергаются въ это время горячему обсужденію; идеи экономистовъ школы Ж. Б. Сэ сталкиваются съ идеями социалистовъ и коммунистовъ. Законодательство дѣлаетъ нѣсколько робкихъ шаговъ въ сторону удовлетворенія существенныхъ потребностей рабочаго населенія. Это вызываетъ протесты во имя свободы. Противодѣйствіе встрѣчаетъ стремленіе палаты депутатовъ, въ 1840 году, регулировать работу малолѣтнихъ на фабрикахъ. Всякія стачки рабочихъ строго преслѣдовались, и это вело только къ озлобленію, къ насиліямъ. Ошибки правительства, тяжелое положеніе рабочихъ и усиленная агитація между ними привели сначала къ февральской революціи, потомъ къ долгому царствованію Наполеона III, съ блескомъ военной славы въ первый его періодъ и съ позорнымъ пораженіемъ въ концѣ, съ развратомъ и хищничествомъ, которые принесли неисчислимый вредъ французскому обществу, печальныя послѣдствія которыхъ сказываются и до настоящаго времени.

Вилляръ за историческимъ очеркомъ движенія законодательства о рабочихъ во Франціи приступаетъ къ изложенію ученій социалистовъ и коммунистовъ, начиная съ Ливурга и Платона и кончая Луи Бланомъ и Прудономъ. Ученія эти извѣстны, конечно, образованному русскому читателю.

Вилляръ заявляетъ себя сторонникомъ экономическихъ теорій Ж. Б. Сэ и его послѣдователей.

Современный пролетаріатъ не удовлетворяется этими теоріями. Среди рабочихъ образовались общества, изъ которыхъ одни стремятся къ насильственному ниспроверженію существующаго строя, другіе ищутъ выхода въ постепенныхъ преобразованіяхъ. Вилляръ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о международномъ обществѣ рабочихъ, о конгрессахъ, на которые съѣзжались въ разное время представители пролетаріата и друзья рабочаго класса *).

Вилляръ упоминаетъ о такъ-называемомъ *катедеръ-соціализмѣ* Германіи, о стремленіяхъ князя Бисмарка и архіепископа (покойнаго) Беттлера, и т. д. Во Франціи однимъ изъ виднѣйшихъ представителей *христианскою социализма* является депутатъ de Mun.

Симпатія Вилляра на сторонѣ разнообразныхъ ассоціацій, имѣющихъ цѣлью сбереженіе, кредитъ, взаимную помощь, производство. Онъ даетъ историческій очеркъ развитія ассоціацій съ отдаленныхъ временъ и, наконецъ, приступаетъ къ изложенію своихъ взглядовъ на вопросъ, волнующій современное человѣчество. Для Вилляра вполне ясно и достовѣрно, что социальный вопросъ, такъ озабочивающій умы, разрѣшается ежедневно, самъ собою, единственно содѣйствіемъ времени, сбереженнаго капитала, распространенія образованности, благотворительности, свободы (стр. 692). Это необыкновенно идилическое разрѣшеніе задачи, стоившей столькожъ мукъ человѣчеству, можетъ повергнуть въ недоумѣніе cadaго читателя, уклонившагося отъ кандидовскаго міровоззрѣнія, по которому все прекрасно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Въ концѣ всѣхъ благотѣльныхъ результатовъ дѣйствія времени должны явиться, — говоритъ Вилляръ, — производительныя товарищества, когда рабочій, сильный своими сбереженіями, своею опытностью, сочтетъ моментъ удобнымъ для успѣха подобнаго предпріятія. Французскій экономистъ спѣшитъ прибавить: тому, кто захочетъ пойти по этому пути, надо имѣть мѣдное сердце (*un coeur d'airain*), неустанный трудъ и, въ особенности, постоянную бережливость. Эти совѣты, конечно, вызвали бы улыбку, еслибы не вызывали раздраженія, ибо о глубокихъ и скорбныхъ вопросахъ нельзя говорить съ мѣднымъ сердцемъ. Въ жизненной борьбѣ, — кончаетъ свою книгу Вилляръ, — торжествуютъ добрые и мужественные, другіе остаются позади, третьи падаютъ и заслу-

*) Вилляръ говоритъ про интернаціональное общество: „La France, l'Angleterre, la Russie, l'Allemagne, etc, en sont également imprégnés à des degrés divers. Mais tandis que dans les pays libres le socialisme publie des journaux et organise publiquement des congrès et des banquets sans troubler la tranquillité publique, partout ailleurs, où on le persécute, il a recours à la conspiration, au poignard et à la dynamite“ (стр. 533).

живають поддержки. Большая часть послѣднихъ не подымется: таковъ законъ природы и человѣчества (!),—нечего поэтому и проклинать это явленіе.

А между тѣмъ человѣчество будетъ проклинать этотъ законъ природы, вѣчно будетъ бороться съ нимъ, во имя справедливости, любовью и знаніемъ. Напрасно Вилляръ старается увѣрить насъ, что въ борьбѣ за существованіе всегда побѣждаютъ лучшіе: мы знаемъ, что, когда нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ.

Размышленія о законѣ прогресса.—Моральная статика и религіозная истина. *Дюсэрта (Méditations sur la loi du progrès.—La statique morale et la vérité religieuse. Colonel E. Dusaert. Paris. 1882.)*

Полковникъ Дюсэртъ говоритъ въ предисловіи, что его привлекаетъ серьезное изученіе вопросовъ, интересующихъ человѣчество. Онъ не останавливается передъ трудностями этого изученія и любитъ истину, какъ любятъ солнце. Поэтому, года четыре или пять тому назадъ,—авторъ не можетъ этого точно опредѣлить, — онъ задумалъ большое сочиненіе и увѣренъ, что многіе важные вопросы получаютъ въ новомъ трудѣ болѣе правильное освѣщеніе, чѣмъ до настоящаго времени. Полковникъ говоритъ, что его особенно беспокоило то обстоятельство, что современныя религіи совѣмъ не занимаютъ участію животныхъ, судьба которыхъ предусмотрена однако древними религіями и, между прочимъ, въ договорѣ Ноя (dans le pacte d'alliance, conclu par Dieu avec Noé). Этотъ важный пробѣлъ, по мнѣнію Дюсэрта, необходимо пополнить.

Но сочиненіе принимало огромные размѣры, и авторъ рѣшился представить на судъ читающей публики покуда только сжатое изложеніе основныхъ выводовъ своего труда, угрожая напечатаніемъ *полудюжины томовъ* въ недалекомъ будущемъ.

Въ изученіе истинъ исторіи, религіи, философіи и науки,—заявляетъ Дюсэртъ,—слѣдуетъ ввести новые элементы, и поэтому онъ освобождаетъ себя отъ заботы слѣдовать избитыми тропинками этнологовъ, философовъ, богослововъ и ученыхъ (какъ будто этнологи—не ученые). Естественно, что, освобождаясь отъ заботъ подобнаго рода, Дюсэртъ приобретаетъ быстроту движеній по-истинѣ удивительную.

Полковникъ сознается, что ему плохо удастся слѣдовать примѣру Тацита и вѣлчать большое содержаніе въ малое число словъ (*multa paucis*). Дюсэртъ, подобно многимъ писателямъ, говоритъ немного въ пространномъ изложеніи (*paucis multis*). «Моею цѣлью было,—замѣчаетъ онъ,—выразить мои чувства и бросить истинный свѣтъ на важные вопросы, волнующіе и раздѣляющіе мыслящее человѣчество». Полковникъ Дюсэртъ,—

отмѣтимъ мимоходомъ, — не признаетъ существованія православной греко-россійской церкви: главные современныя религіи — по его счету — католическая, протестантская, еврейская и магометанская. Разсужденія въ ехррозѣ авторъ заканчиваетъ ссылкой на прежнее свое сочиненіе, въ которомъ онъ предлагалъ существенныя измѣненія въ устройствѣ пѣхоты и конницы. Военная выправка сказывается и въ терминологіи автора, называющаго основателей различныхъ религіи божественными инструкторами (*Dieu a dû pourvoir à l'éducation morale et religieuse des hommes et, à cet effet, choisir des instructeurs et les inspirer de son esprit*).

Дюсэртъ нашелъ вѣрный способъ согласованія утвержденій вѣры съ требованіями разума: надо отвергать все, что явно возмущаетъ этотъ разумъ, и признавать все то, что приводитъ въ удивленіе или непонятно. Еслибъ это было вѣрнымъ положеніемъ, то авторъ «Размышлений о законѣ прогресса» имѣлъ бы полную возможность сдѣлаться основателемъ новой религіи.

Въ первой главѣ Дюсэртъ говоритъ о доказательствахъ бытія божія, о человѣкѣ, его судьбѣ и способностяхъ. Благодаря тому, что авторъ пренебрегъ тропинками, съ великими усиліями проложенными длиннымъ рядомъ ученыхъ мыслителей, и скользятъ по философскимъ системамъ и научнымъ даннымъ, разсужденія его не представляютъ никакого интереса и читаются не безъ труда, такъ какъ бесполезность этого чтенія очевидна съ самаго начала. Дюсэртъ съ особенною подробностію останавливается на брошюрѣ аббата Брассера, о древнѣйшемъ племени міра, имѣвшемъ одну изъ древнѣйшихъ, если не самую древнюю, религію, — объ американскихъ *карахъ* (*cages*) *).

Глава вторая «Размышлений» полковника Дюсэрта посвящена разбору Библіи и истинамъ еврейской и христіанской религіи. Авторъ при этомъ приходитъ къ заключенію, что въ высокой степени плодотворна дѣятельность свободныхъ мыслителей, которая разрушаетъ массу суевѣрій и предрасудковъ. Повсюду, и въ наукѣ, и въ морали, существуетъ постепенное развитіе, повинующееся благодѣтельному закону. Прогрессъ, въ особенности нравственный, не непрерывенъ и правиленъ, какъ склонны это думать. Часто добро рождается, — печально сказать, — отъ избытка зла, отъ его чрезмѣрной продолжительности. Въ физическомъ отношеніи (*ordre matériel ou physique*) человѣчество все болѣе и болѣе слабѣетъ (*L'espèce humaine est en progression décroissante, relativement à la force de sa constitution physique*). Дюсэртъ не считаетъ нужнымъ приводить доказательства въ защиту этого мнѣнія. Въ умственномъ отношеніи индиви-

*) Брошюра носитъ оригинальное заглавіе: „Существуютъ ли источники первобытной мексиканской исторіи въ египетскихъ памятникахъ и первобытной исторіи Старога Свѣта въ американскихъ памятникахъ“.

дуальные способности понижаются, но средний уровень массы увеличивается. Понижение умственных качеств личности обуславливается, по мнѣнію Дюсэрта, относительнымъ уменьшеніемъ физической силы. Средній уровень всего народа повышается потому, что достояніемъ массы становятся всѣ истины, открытія и изобрѣтенія, достигнутыя усилиями отдельныхъ лицъ. Въ нравственномъ отношеніи, — утверждаетъ авторъ «Размышлений», — добро и зло, одновременно существующія въ мірѣ, полезны для развитія челоуѣчества. Зло даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, способно болѣе ускорить прогрессъ, чѣмъ добро. Зло необходимо, чтобы можно было вполне оцѣнить добро, по противоположности; зло служитъ для того, чтобы челоуѣчество развивалось, согласно божественному предопредѣленію, не слишкомъ скоро и не слишкомъ медленно; можетъ-быть оно необходимо и для того, чтобы, какъ думалъ Оригенъ, въ нашей жизни не было тоскливаго однообразія. Великія явленія въ мірѣ нравственнымъ происходятъ, подобно движеніямъ въ мірѣ физическомъ, благодаря притяженію и отталкиванію, то-есть добру и злу. Если первое развиваетъ любовь къ справедливости, то второе пробуждаетъ ненависть къ несправедливости, и т. д. Такимъ образомъ, Дюсэртъ возвышается до кандиловскаго мировоззрѣнія. Онъ увѣряетъ даже, что пороки и бѣдствія челоуѣчества зависятъ отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ упомянутаго уже мирового зла и отъ свободной воли челоуѣка, столь же необходимой, какъ и зло. Надобно замѣтить, что къ свободной волѣ предусмотрительно присоединено влеченіе къ добру, медленное, но постоянное (*attraction lente, mais constante vers le bien*). Это влеченіе Дюсэртъ называетъ темпераментомъ, и оно, среди заблужденій свободной воли, позволяетъ челоуѣку держаться истиннаго направленія.

Личные интересы, руководящіе дѣйствіями людей, порождаютъ разладъ и распри, что приводитъ къ сознанію необходимости взаимныхъ уступокъ. Существованіе этихъ компромиссовъ ведетъ къ смягченію нравовъ, уменьшенію эгоизма, къ прогрессу челоуѣчества и къ сближенію мнѣній. Еслибы это сближеніе состоялось, то развитіе челоуѣчества сдѣлалось бы непрерывнымъ.

Дюсэртъ выставляетъ, какъ очевидное положеніе, что цивилизація, съ точки зрѣнія нравственности, противопоставляется цивилизаціи съ матеріальной точки зрѣнія. Чѣмъ меньше потребностей имѣетъ народъ, тѣмъ чище его нравы, тѣмъ сходятъ существующія въ странѣ мнѣнія, тѣмъ ближе они къ истинѣ, удаляясь отъ противоположныхъ крайностей *).

Много страницъ своего сочиненія Дюсэртъ посвящаетъ *нравамъ* и спо-

---

*) Говоря о правительствѣ, Дюсэртъ утверждаетъ (не имѣя достаточныхъ доказательствъ), что въ представительныхъ или народныхъ собраніяхъ справедливость почти всегда на сторонѣ меньшинства.

собностямъ животныхъ. Мы не будемъ останавливаться на этой главѣ, а замѣтимъ только, что авторъ вполне признаетъ возможность существованія кентавровъ, сиренъ, фавновъ, и т. д. Въ защиту этого мнѣнія онъ приводитъ неоспоримые факты появленія сиренъ въ океанѣ. Полковникъ утверждаетъ, что въ 1823 году доставили живую сирену въ Лондонъ. Королевское общество хотѣло выдать ее замужъ (это намѣреніе Дюсэртъ не признаетъ заслуживающимъ серьезнаго вниманія). Къ несчастію, сирена умерла... Опираясь на эти и подобныя соображенія, авторъ «Размышлений» строитъ систему, во главу угла которой кладетъ *переселеніе душъ*. Каждое существо, при вступленія въ новую фазу жизни, занимаетъ такое положеніе, какое заслужило оно своею прежнею жизнью. Отсюда выводится возможность безконечнаго совершенствованія, и въ этомъ пунктѣ Дюсэртъ соприкасается съ ученіемъ знаменитаго Лорана, автора *Études sur l'histoire de l'humanité*.

Въ послѣдней главѣ своего сочиненія Дюсэртъ разсуждаетъ объ общественной статикѣ и поражаетъ читателя, какъ и прежде, горячею любовью къ справедливости, ненавистью ко лжи и странностью мысли. Онъ защищаетъ право рабочихъ на участіе въ выгодахъ предпріятія; онъ нападаетъ на недобросовѣстность въ торговыхъ сношеніяхъ и требуетъ, чтобъ общественныя должности, въ особенности высшія, занимались людьми испытанной честности и высокаго ума. Особенно важенъ въ этомъ отношеніи выборъ судей, и Дюсэртъ справедливо вооружается противъ близорукости тѣхъ республиканцевъ, которые хотятъ отмѣнить во Франціи несмѣняемость судей.

Конецъ книги Дюсэрта занимаютъ разсужденія о средствахъ поднять французскую армію.

Мы остановились на этомъ довольно странномъ сочиненіи болѣе, чѣмъ оно этого заслуживало по своимъ достоинствамъ, въ виду того, что, по нашему мнѣнію, такія книги являются довольно любопытнымъ признакомъ времени.

Письма и соціально-политическія статьи. *Родбертуса-Ягецова*. Два тома (*Briefe und social-politische Aufsätze, herausgegeben von D-r Rudolph Meyer. Rodbertus-Jagetzow*).

Въ послѣднее время русскіе читатели, благодаря статьямъ въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, въ *Отечественныхъ Запискахъ*, благодаря переводамъ нѣкоторыхъ сочиненій Родбертуса-Ягецова, получили возможность нѣсколько познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ ученымъ. Въ началѣ прошлаго года въ Берлинѣ напечатанъ первый томъ писемъ Родбертуса, а въ нынѣшнемъ году вышелъ второй томъ. Изданы эти любопытныя письма известнымъ Рудольфомъ Мейеромъ. Само собою разумѣется, что о подоб-

ныхъ изданіяхъ трудно дать короткій отчетъ, въ виду отрывочности писемъ, въ виду разнообразія вопросовъ, затрогиваемыхъ Родбертусомъ. Мы остановимъ поэтому вниманіе читателей на нѣкоторыхъ только письмахъ, содержаніе которыхъ наиболѣе должно быть интересно для русскаго читателя.

Въ письмѣ отъ 25 января 1871 года Родбертусъ сообщаетъ, что онъ работаетъ, между прочимъ, надъ монографіей о капиталѣ. Монографія эта была направлена противъ Карла Маркса, но рукопись, вѣроятно, затерялась, и трудъ Родбертуса въ печати не появился. 8 сентября того же года Родбертусъ пишетъ, что точное понятіе о капиталѣ получится лишь тогда, когда изслѣдуютъ его истинное содержаніе въ трехъ различныхъ историческихъ состояніяхъ (Man wird den Capitalbegriff nicht eher präcis herausstellen, als bis man seinen realen Inhalt an drei verschiedenen Weltzuständen prüft). Эти стадіи развитія Карлъ Марксъ называетъ общественными формаціями (Gesellschaftsformationen). Такихъ стадій три, по мнѣнію Родбертуса: въ античномъ мірѣ человѣкъ былъ собственностью, въ современномъ мірѣ господствуетъ земельная и движимая (Capitaleigenthum) собственность, а въ третьей, идеальной, эпохѣ будетъ существовать только подоходная собственность (Einkommenseigenthum). Карлъ Марксъ ошибается,—говоритъ Родбертусъ,—признавая рабочую стоимость (Arbeitswerth) за реализованную уже въ настоящее время, тогда какъ это происходитъ только вслѣдствіе вмѣшательства законодательства. Другая ошибка Маркса заключается въ томъ, что онъ считаетъ аномаліей неполученіе рабочимъ всей произведенной имъ цѣнности, ибо такой порядокъ вещей является нормальнымъ при нынѣшнемъ состояніи общества. Родбертусъ думаетъ, что коллективная собственность, къ которой стремятся теперь социаль-демократы, то-есть земельныя общины и производельныя товарищества, не только не принесетъ ожидаемыхъ отъ нея благъ, но будетъ худшимъ видомъ собственности и поведетъ къ болѣе несправедливымъ послѣдствіямъ, чѣмъ индивидуальная собственность на землю и капиталъ. Сочиненіе Карла Маркса вообще,—говоритъ Родбертусъ (письма отъ 20 сентября 1871 года),—не столько изслѣдованіе о капиталѣ, сколько полемика противъ *существующей формы капитала*, которую онъ смѣшиваетъ съ самымъ капиталомъ. Рабочіе никогда не могутъ быть собственниками своихъ продуктовъ; они имѣютъ право только на доходъ съ произведенной ими цѣнности (Dann scheidet er (Marx) auch noch nicht genug den Arbeitheilungsorganismus und den Eigenthumsorganismus in der menschlichen Gesellschaft und weist nicht nach, dass sich in den Subjecten beide niemals decken können, m. a. W., das der Arbeiter (der Arbeitsgemeinschaft wegen) niemals Eigenthümer seines Products werden kann, sondern nur Einkommensberechtigter zu einem Theil seines Productwerths).

XIX столѣтіе,—пишетъ Родбертусъ 29-го ноября 1871 года,—произвело двухъ исполиновъ: Наполеона I и князя Бисмарка. Но первый былъ

побѣжденъ въ снѣгахъ Россіи, и Родбертусъ опасается, что социальный вопросъ будетъ имѣть значеніе этого несчастнаго похода для Бисмарка. Рудольфъ Мейеръ замѣчаетъ по этому поводу, что онъ имѣетъ слѣдующія опасенія: Франція какъ будто производитъ реформу въ положеніи фабрично-заводскихъ рабочихъ, а Россія играетъ въ земельный коммунизмъ, для того, чтобъ агитировать противъ Германіи. А князь Бисмаркъ, — горько восклицаетъ Мейеръ, — нашелъ только одно средство для разрѣшенія социального вопроса — осадное положеніе. Напомнимъ читателю, что Рудольфъ Мейеръ не въ первый разъ высказываетъ подобное обвиненіе противъ Россіи: въ своей книгѣ объ освободительной борьбѣ четвертаго сесловія онъ говоритъ, что извѣстный эмигрантъ Багунинъ былъ агентомъ русскаго правительства для произведенія революціонной смуты на западѣ Европы. Нецѣлостность обвиненія поразительна.

Родбертусъ не соглашается съ Лассалемъ, который думалъ произвести полный экономическій переворотъ при помощи всеобщей подачи голосовъ, и требуетъ совершеннаго отстраненія отъ политическихъ вопросовъ, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы имѣть противниками *консервативныхъ социалистовъ*. Направленіе Гнейста, Шмоллера и другихъ катедер-соціалистовъ Родбертусъ называетъ (письмо отъ 17 октября 1872 года) социализмомъ на сахарной водѣ (*Zuckerwasser-Socialismus*). Что касается до Родбертуса, то онъ социальный *вопросъ* считаетъ менѣе опаснымъ, чѣмъ социальную *реакцію* *) (письмо отъ 3 декабря 1872 года). Для разрѣшенія этого вопроса, для его правильнаго освѣщенія, необходимо установленіе вполне ясныхъ и точныхъ политико-экономическихъ терминовъ, и быть-можетъ къ этому великому дѣлу призванъ нѣмецкій народъ. Общественный переворотъ долженъ совершиться на почвѣ закона и подъ авторитетомъ монархической власти, и въ будущемъ монархія и социализмъ соединятся естественно и неразрывно (письмо 23 декабря 1872 г.). Истинная собственность будущаго, — повторяетъ Родбертусъ въ приложеніи къ письму отъ 18 сентября 1873 года, — есть подходящая собственность, собственность, основанная и соответствующая заслугѣ (*Verdienst-oder Einkommenseigenthum*). Одна часть этого вознагражденія или этой собственности, слѣдующая за механической трудъ, опредѣляется нормальнымъ рабочимъ днемъ **); другая часть — за квалифицированный трудъ, за трудъ по управленію, на примѣръ — опредѣляется волею государственной власти. Поэтому Родбертусъ рѣшительно высказывается за сохраненіе заработной платы (*Lohnform*), какъ формы полученія дохода. И онъ,

*) Подъ реакціей вообще Родбертусъ понимаетъ возстановленіе прежняго учрежденія, несоответствующаго новой ступени развитія (письмо отъ 15 декабря 1872 г.).

***) Въ его опредѣленіи Родбертусъ отчасти расходится съ Марксомъ.

и Лассаль считают столѣтіями время завершения соціального переворота. Въ программѣ Родбертуса, которая напечатана во второмъ томѣ Мейеровскаго изданія, сохраняется свобода земельной собственности, но ея необходимымъ спутникомъ является *принципъ ренты* (Rentenprincip). Въ библиографической замѣткѣ мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, возможности остановиться на этомъ чрезвычайно важномъ вопросѣ.

Последнее письмо Родбертуса въ сборникѣ Мейера, написанное чужою рукой и только подписанное этимъ мыслителемъ; было отъ 29 октября 1875 года. Переписка Родбертуса представляетъ важный матеріалъ для его характеристики, какъ ученаго и какъ человѣка.

В. Гольцевъ.

«Парсифаль» Рихарда Вагнера.

Рихард Вагнеръ представляетъ собою рѣдкій примѣръ художника, въ которомъ сочетаются сильная творческая дѣятельность, стремленіе къ идеалу и непреклонная воля для достиженія разъ намѣченной цѣли. Его байрейтовскій театръ служитъ яркимъ доказательствомъ тому, какъ этотъ поэтъ-музыкантъ съ неустанною энергіей, приводящею въ удивленіе даже враговъ его, осуществляетъ свою идею и проводитъ ее въ жизнь, ни предъ чѣмъ не отступая. Изгнанный изъ своего отечества вслѣдствіе участія въ революціонномъ движеніи 1849 года, лишенный всякихъ матеріальныхъ средствъ, Вагнеръ задумываетъ устройство своего театра; мысль такого театра должна была казаться химерой даже для самаго пламеннаго воображенія. Какъ всякій реформаторъ, Вагнеръ долженъ былъ выстрадать свою идею и вступить въ жестокую борьбу противъ современной ему банальности и рутинны въ оперномъ дѣлѣ. Сидя за капельмейстерскимъ пюпитромъ въ оперныхъ театрахъ Дрездена и Риги, онъ позналъ ту глубокую пропасть, которая раздѣляла современную оперу отъ его собственныхъ стремленій и идеаловъ. Музыкальная драма, которая должна бы служить, какъ трагедія у древнихъ грековъ, выразительницей идеальнѣйшихъ стремленій народнаго духа, почти съ самаго возникновенія оперы, въ началѣ XVII столѣтія, служила большею частью только концертною эстрадой для колоратурныхъ пѣвцовъ, въ томъ числѣ и для уродовъ-кастратовъ, или выставкой, потѣшающей праздное любопытство необразованной массы. Реформа Глюка, отдѣльныя попытки Моцарта, Керубини, Бетховена и Вебера поднять значеніе оперы—все разбивалось объ укоренившуюся рутину. Для Вагнера было ясно, что въ существующихъ оперныхъ театрахъ онъ своей реформы не проведетъ, и устройство особаго театра, который бы соотвѣтствовалъ его идеямъ и художественнымъ цѣлямъ, сдѣлалось его завѣтною мечтой. Въ 1872 году положенъ былъ первый камень байрейтовскаго театра, а въ 1876 году уже дано было

на этомъ театрѣ его «Болцо Нибелунга». Театръ выстроенъ въ маленькомъ баварскомъ городѣ Байрейтѣ. Мѣста въ немъ расположены амфитеатромъ. Дожъ нѣтъ, кромѣ одной большой прямо противъ сцены, «Fürstenloge». Оркестръ помѣщенъ въ углубленіи передъ сценой и для публики совершенно невидимъ.

Дѣломъ настоящаго года дано было на этомъ театрѣ послѣднее произведеніе Вагнера—«Парсифаль», съ которымъ мы и постараемся познакомиться читателя.

Легендарный міръ, изъ котораго Вагнеръ черпаетъ сюжеты для своихъ музыкальныхъ драмъ, представляетъ неиссякаемый источникъ для опернаго композитора. Главныя фигуры и идею для своего «Парсифаля» Вагнеръ заимствовалъ изъ той же области легендъ. Легенда о «Святомъ Граалѣ» и сказаніе о рыцарѣ «круглаго стола» короля Артура, Парсифаль, слились въ одно цѣлое, также какъ и у французскаго поэта Кретьена-де-Труа—въ рыцарскомъ эпосѣ Эшенбаха, жившаго въ началѣ XIII столѣтія. Пользуясь всѣми этими источниками, Вагнеръ создалъ совершенно самостоятельное драматическое произведеніе, пользуясь правомъ поэта видоизмѣнять данный матеріалъ согласно съ *своимъ* міросозерцаніемъ и съ *своею* идеей. Если великіе поэты позволяютъ себѣ передѣлывать на свой ладъ даже историческіе факты, какъ, напримѣръ, Шиллеръ въ «Орлеанской дѣвѣ» и «Вильгельмъ Телль» или Гёте въ «Эгмонтѣ», то тѣмъ болѣе такія видоизмѣненія необходимы по отношенію къ міру легендъ и сказаній. Заимствованный сюжетъ, кромѣ того, подвергся передѣлкѣ сообразно съ требованіями сцены, не допускающей тѣхъ длинныхъ и безкомическихъ событій, которыми переполненъ романъ Эшенбаха.

Сказаніе о «Святомъ Граалѣ»—одно изъ древнѣйшихъ сказаній. Грааль—это драгоценный сосудъ, обладаніе которымъ доставляетъ высшее блаженство. Только въ рукахъ чистыхъ, непорочныхъ людей онъ проявляетъ свою чудодѣйственную силу. Сосудъ этотъ—тотъ самый, въ которомъ Іосифъ Аримаѳейскій собралъ кровь Христа. Онъ хранится въ великолѣпномъ храмѣ, построенномъ на неприступной горѣ «Монтесальватъ» (гора спасенія). Духовные рыцари—его служители. Чудодѣйственная сила Грааля возобновляется ежегодно въ страстную пятницу: съ неба слетаетъ лучезарный голубь и опускаетъ въ чашу священные дары. Подвѣршаясь духовно и физически «Святымъ Граалемъ», рыцари его посвящаютъ свою жизнь высокимъ подвигамъ любви и христіанской добродѣтели. Кромѣ священной чаши, въ обладаніи служителей находится и копье, которымъ рабъ Лонгинъ нанесъ ударъ распятому Христу. Копье это служить оружіемъ тому изъ рыцарей Грааля, который отправляется въ путь на добрыя дѣла. Храмъ Грааля построенъ былъ первымъ королемъ духовныхъ рыцарей, Титурелемъ, отъ котораго власть перешла потомъ къ его сыну Амфортасу. Надъ послѣднимъ тяготѣетъ великій грѣхъ: онъ отдался

увлеченіямъ чувственной страсти и съ тѣхъ поръ страдаетъ отъ ужасной раны. Рану эту можетъ исцѣлить только тотъ, кто проникнетъ на обитаемую рыцарями священную гору и предложитъ Амфортасу вопросъ о причинѣ его страданій. Этимъ рыцаремъ является Парсифаль, сынъ Гамурета и Герцелойды. Послѣ смерти Гамурета, убитаго на рыцарскомъ состязаніи, мать Парсифала, желая избавить сына отъ возможности такой же участи, воспитываетъ его вдали отъ людей, въ уединенномъ лѣсу, дабы онъ не имѣлъ никакого понятія о рыцарствѣ и сопряженныхъ съ нимъ опасностяхъ. Тѣмъ не менѣе матери не удается уберечь его отъ знанія свѣта. Встрѣтивъ однажды въ лѣсу блестящихъ рыцарей, онъ покидаетъ свою мать и цѣлымъ рядомъ подвиговъ добивается того, что его принимаютъ въ число рыцарей «круглаго стола» короля Артура. Старый рыцарь Гурнеманцъ преподаетъ ему нѣкоторыя рыцарскія правила и житейскіе совѣты, между прочимъ—не стараться слишкомъ много знать, не ставить слишкомъ много вопросовъ. Случайно попавъ затѣмъ на священную гору служителей Граала, Парсифаль видитъ чудесныя дѣйствія Граала и страданія короля Амфортаса, но, помня совѣтъ Гурнеманца—какъ можно меньше спрашивать, онъ не предлагаетъ Амфортасу того вопроса, отъ котораго единственно зависитъ его исцѣленіе. Парсифала изгоняютъ изъ храма и, когда онъ вновь появляется при дворѣ Артура, посланница Граала, Кундри, проклинаетъ его: онъ былъ такъ близокъ къ блаженству, но въ своей сердечной простотѣ не сумѣлъ предложить необходимаго вопроса и потерялъ шедшее ему на-встрѣчу счастье. Послѣ долгихъ странствованій и скитаній, во время которыхъ Парсифаль получаетъ свое религиозное воспитаніе у отшельника Треврецента, онъ снова появляется въ храмѣ Граала, предлагаетъ требуемый вопросъ, исцѣляетъ Амфортаса и становится королемъ на мѣстѣ послѣдняго. Фигурирующая въ легендѣ Кундри любила Іоанна Крестителя и засмѣялась, когда понесла на блюдѣ его главу. Съ тѣхъ поръ Кундри проклята и принуждена скитаться по бѣлу свѣту, проявляя то добрыя, то дурныя качества своей женской натуры. Если ко всѣмъ этимъ фигурамъ легенды присоединить Клингсора, язычника-чародѣя, проживающаго въ волшебномъ замкѣ «Châtel Merveil», главнаго врага цѣломудрія и непорочности служителей Граала, то мы исчерпаемъ весь тотъ матеріалъ, который послужилъ Вагнеру для созданія его «Парсифала».

Мы были въ Байрейтѣ на первыхъ двухъ представленіяхъ «Парсифала», предназначенныхъ только для такъ-называемыхъ *патроновъ*, 14 и 16 іюля, и постараемся познакомить читателей съ содержаніемъ, музыкой и постановкой этой музыкальной драмы.

Послѣ краткой интродукціи для оркестра, построенной на чудныхъ мотивахъ, фигурирующихъ впослѣдствіи въ самой оперѣ, раздвигается занавѣсъ (въ байрейтовскомъ театрѣ занавѣсъ состоитъ изъ двухъ поло-

винокъ, раздвигающихся на обѣ стороны) и взорамъ публики отерываются владѣнія Св. Грааля. Лѣсъ, на заднемъ планѣ свѣтлое озеро. Хранитель Грааля, Гурнеманцъ, покоится подъ сѣнью деревьевъ. Утро. За сценой раздается «мотивъ причастія». Гурнеманцъ съ отроками просыпаются и молча совершаютъ утреннюю молитву. Онъ приказываетъ отрокамъ сдѣлать нужныя приготовленія для купанья больного короля Амфортаса. Вбѣгаетъ Кундри. Она въ дикомъ одѣяніи. На ней поясъ изъ змѣиныхъ шкуръ. Черные волосы распущены. Лицо темно-красноватаго цвѣта. Глаза то дико блестятъ, то жертвенно неподвижны. Она принесла цѣлительный бальзамъ для облегченія страданій короля. На носилкахъ вносятъ больного Амфортаса, отправляющагося къ озеру купаться. Онъ провелъ ужасную ночь и теперь радуется прекрасному утру. Онъ благодаритъ Кундри за доставленный бальзамъ. Она отклоняетъ благодарность и въ изнеможеніи опускается на землю. Короля уносятъ къ озеру. Гурнеманцъ объясняетъ отрокамъ, какъ Амфортасъ потерялъ копьё и кто такая—Кундри. Она—язычница, волшебница. Она часто служитъ рыцарямъ Грааля, но когда она надолго исчезаетъ, всегда приключается съ рыцарями несчастье. Недалеко отъ священной горы поселился волшебникъ Клингсоръ. Онъ также нѣкогда стремился къ спасенію, но, не имѣя достаточно силы воли, чтобы побороть въ себѣ земныя страсти, онъ построилъ волшебный замокъ, наполнилъ его прекрасными женщинами и заманиваетъ въ ихъ объятія служителей Грааля. Не одинъ рыцарь Грааля уже погибъ такимъ образомъ. Амфортасъ задумалъ положить конецъ этому соблазну. Вооруженный священнымъ копьемъ, онъ идетъ въ опасный замокъ, чтобы побороть злого чародѣя, но въ роскошномъ саду Клингсора онъ самъ дѣлается жертвой своихъ страстей. Клингсоръ отнимаетъ у него копьё и наноситъ ему страшную рану. Съ тѣхъ поръ въ обители Грааля царствуютъ печаль и страданіе. Послѣ долгихъ молитвъ Амфортаса и всей братіи на священной чашѣ появилась надпись, гласящая, что спасти короля можетъ только человекъ съ чистою, непорочною душою, всѣ познанія котораго основаны на состраданіи.

«Durch Mitleid wissend, der keine Thor,
Narre sein, den ich erkor».

Въ то время, когда окружающіе Гурнеманца отроки повторяютъ это изреченіе, вдругъ раздается за сценой сильный шумъ и крикъ. Только что раненный стрѣлою, дикій бѣлый лебедь влетаетъ и съ опущенными крыльями медленно падаетъ. Вбѣгающіе рыцари вводятъ Парсифаля. Это онъ — тотъ преступникъ, который святоотечественною рукою подстрѣлилъ лебеда, считающагося въ предѣлахъ Грааля священнымъ. Гурнеманцъ будитъ въ Парсифалѣ состраданіе и въ великодушномъ порывѣ Парсифаль

ломаешь свой лукъ и стрѣлы. Изъ всёхъ отвѣтовъ Парсифали ясно, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о добрѣ и злѣ. Онъ не знаетъ—ни кто его отецъ, ни какъ онъ попалъ сюда; даже имени своего онъ не знаетъ. У него есть мать Герцелойда, воспитавшая его въ лѣсу. Онъ самъ себя сдѣлалъ лукъ и стрѣлы, чтобы подстрѣливать дикихъ орловъ. Разъ онъ встрѣтилъ въ лѣсу блестящихъ мужей на чудныхъ животныхъ. Онъ побѣждалъ за ними, но не могъ ихъ догнать. Съ тѣхъ поръ онъ скитается, защищаясь своимъ лукомъ отъ звѣрей и великановъ. Кундри объявляетъ ему о смерти матери. Въ порывѣ бѣшенства Парсифаль хочетъ ее задушить. Ее освобождаютъ отъ ярости Парсифали. Въ глубинѣ сцены проносятся возвращающагося съ купанья короля. Гурнеманцъ, предполагая въ Парсифалѣ человѣка, предназначеннаго спасти короля, приглашаетъ его слѣдовать за нимъ въ храмъ Грааля. Сцена мѣняется на виду у зрителя подъ звуки продолжительной музыки. Гурнеманцъ и Парсифаль все время остаются на сценѣ, какъ бы шествуя по направлению къ храму въ то время, когда разнообразнѣйшія и все мѣняющіяся декорации двигаются вправо. Этотъ способъ такъ-называемой *чистой* перемѣны сцены — Вагнеровское изобрѣтеніе и производитъ удивительную иллюзію. Лѣсъ и озеро мало-по-малу исчезаютъ. Дикія скалы всевозможныхъ контуровъ смѣняются новою картиной. Виднѣется дорога, ведущая къ священной горѣ. Раздается колокольный звонъ все сильнѣе и сильнѣе и взорамъ зрителей открывается великолѣпный храмъ съ колоннами и широкимъ куполомъ. Рыцари Грааля собираются вокругъ разставленныхъ столовъ, готовясь къ религиозному обряду. Въ глубинѣ сцены возвышеніе, на которое ставятъ носилки съ большимъ Амфортасомъ. Предъ королевемъ столъ. На немъ ставятъ хранилище, въ которомъ помѣщается священная чаша. Въ куполѣ невидимо для зрителей помѣщенъ хоръ мальчиковъ, а пониже—хоръ юношей. Гурнеманцъ вводитъ Парсифали. Онъ стоитъ поодаль все время религиозной церемоніи и не выражаетъ никакого участія въ происходящему. Король отказывается открывать хранилище священнаго сосуда. Онъ желаетъ только смерти. За сценой слышится загробный голосъ отца Амфортаса, Титуреля, приказывающаго открыть хранилище. Амфортасъ повинуется и ставитъ на столъ священную чашу. Когда всѣ съ благоговѣніемъ преклоняютъ предъ Граалемъ колѣни, чаша мало-по-малу начинаетъ блестѣть и горѣть огненнымъ свѣтомъ, оваряющимъ всю сцену. Амфортасъ благословляетъ, съ чашей въ рукахъ, хлѣбъ и вино. Свѣтъ въ чашѣ тускнѣетъ и всѣ усаживаются за трапезу. По окончаніи трапезы рыцари обнимаютъ другъ друга. Сцена пустѣетъ. Остаются только Гурнеманцъ и Парсифаль. Парсифаль видѣлъ священнаго Грааля, видѣлъ страданія короля, но ничего не понялъ. На вопросъ объ этомъ Гурнеманца онъ качаетъ только головой и судорожно схватывается за сердце. Несчастіе короля возбудило въ немъ состраданіе, но онъ еще

не знает источника этого великаго несчастія. Онъ стало-быть не тотъ, о которомъ пророчествовалъ Грааль, и Гурнеманцъ изгоняетъ его изъ храма.

Второй актъ представляетъ собою полнѣйшій контрастъ съ первымъ. Мы находимся въ одной изъ башенъ замка кудесника Клингсора. Предъ нимъ разставлены всевозможныя прииспособленія хиромантии. Въ металлическомъ зеркалѣ онъ уже видитъ приближеніе Парсифала. Парсифаль слишкомъ чистъ и Клингсоръ долженъ его погубить, какъ онъ погубилъ Амфортаса. Онъ вызываетъ Вундри и приказываетъ ей соблазнить Парсифала. Она долго противится. Она *не хочетъ*, но она *должна* ему подчиниться. Клингсоръ видитъ чрезъ отверстіе башни приближеніе Парсифала. Сцена превращается въ волшебный садъ. Громадныя цвѣты сказочныхъ размѣровъ. Дѣвушки-цвѣты вбѣгаютъ въ отчаяніи. Парсифаль перебилъ всѣхъ ихъ возлюбленныхъ, захотѣвшихъ пожѣвать его входу въ садъ. Онъ сначала накидываются на Парсифала, но вскорѣ сами увлекаются имъ и начинаютъ ссориться изъ-за него. Парсифаль остается глухъ къ ихъ соблазну. Вдругъ за сценой раздается голосъ Вундри. Дѣвушки исчезаютъ. Цвѣты съ правой стороны раздвигаются и на роскошномъ ложѣ покоится красавица Вундри. Она рассказываетъ ему про его мать и про ея смерть и, подъ видомъ привѣтствія отъ его матери, обнимаетъ его и долго, долго его цѣлуетъ. Болѣе ехиднаго средства для соблазна Парсифала трудно было придумать. Тутъ драма достигаетъ своей высшей точки. Поцѣлуй Вундри, вмѣсто соблазна, даетъ ему «познаніе». Онъ вскакиваетъ, какъ ужаленный. «Таяъ вотъ что погубило Амфортаса! Такъ вотъ источникъ его страданій!...» Онъ отталкиваетъ Вундри. Онъ знаетъ свое назначеніе спасти Амфортаса. Но она, Вундри, въ первый разъ любитъ; она полюбила Парсифала. Она засѣялась, когда распинали Христа, и долго ждетъ того, кто спасетъ ее отъ тяготящаго надъ нею проклятія. Парсифаль долженъ быть ея спасителемъ. Парсифаль, помни свое высокое назначеніе, отвергаетъ всѣ мольбы. Онъ требуетъ, чтобъ она показала ему путь къ Амфортасу. Въ изступленіи за отверженную любовь Вундри проклинаетъ Парсифала, обрекая его на вѣчное скитаніе. На крикъ Вундри появляется Клингсоръ и бросаетъ въ Парсифала священное копье, отнятое у Амфортаса. Копье останавливается надъ головой Парсифала, не касаясь его. Парсифаль схватываетъ копье, дѣлаетъ имъ крестное знаменіе и въ мигъ цвѣтущій садъ превращается въ пустыню. Вундри падаетъ. Парсифаль, съ копьемъ въ рукѣ, убѣгаетъ.

Третій актъ. Страстная пятница. Предѣльный лучъ, усѣянный роскошною зеленью и цвѣтами. Гурнеманцъ живетъ отшельникомъ въ одинокой кельѣ. Прошло много времени. Гурнеманцъ теперь уже старъ. Въ храмѣ Грааля печаль и страданія усилились. Рыцари утратили свое мужество и не отправляются болѣе на подвиги добра. Титурель, отецъ Ам-

фортаса, умерь. Гурнеманцъ находитъ Кундри лежащею въ кустахъ и совершенно оцѣпенѣвшею. Благодаря усилюмъ Гурнеманца, она оживаетъ, но это уже не та Кундри, что была прежде. Она теперь — олицетворенное смиреніе. Она желаетъ только: «служить, служить». Появляется Парсифаль. Онъ долго скитался и блуждалъ и цѣлымъ рядомъ подвиговъ сдѣлался достойнымъ носить высокое званіе короля Грааля. Гурнеманцъ и Кундри узнаютъ Парсифала и находящееся при немъ священное копье. Парсифаль снимаетъ съ себя шлемъ и латы. Онъ въ длинномъ бѣломъ одѣяніи. Кундри обмываетъ ему ноги и вытираетъ ихъ своими распущенными волосами. Гурнеманцъ поливаетъ его голову елеемъ. Парсифаль креститъ Кундри и она, въ первый разъ послѣ долгаго времени, плачетъ. Она спасена, — ея грѣхъ искупленъ. Гурнеманцъ ведетъ опять Парсифала въ храмъ Грааля. Служители Грааля отпѣваютъ Титуреля. Амфортасъ раздираетъ на себѣ одежды и проситъ смерти. Появляется Парсифаль съ Гурнеманцомъ и Кундри. Парсифаль дотрогивается копьемъ до раны Амфортаса. Всеобщее просвѣтлѣніе. Амфортасъ исцѣленъ. Парсифаль становится королемъ и совершаетъ богослуженіе, аналогическое съ тѣмъ, какое происходитъ въ первомъ дѣйствіи. Бѣлый голубъ спускается съ купола и опускаетъ дары въ священную чашу. Кундри, спасенная, умираетъ у ногъ Парсифала.

Вагнеръ называетъ свое произведеніе не оперой, а трудно переводимымъ словомъ «*Bühnenweihfestspiel*». Музыка «Парсифала» превосходитъ все, что до сихъ поръ написано было для сцены. Вагнеръ, какъ извѣстно, создалъ особый способъ такъ-называемой «тематической работы». Онъ употребляетъ «путеводящіе мотивы». Какой-нибудь мотивъ является выразителемъ либо извѣстнаго лица въ драмѣ, либо какого-нибудь душевнаго настроенія или внѣшняго событія. Мотивы эти, смотря по требованію драматическаго дѣйствія, часто повторяются, но при этомъ подвергаются всевозможной тематической разработкѣ и разнообразнѣйшей гармонизаціи и оркестровкѣ. Это — полное примѣненіе принципа, давшаго жизнь инструментальной музыкѣ, въ условіяхъ драматическаго дѣйствія. Въ изображеніи характерныхъ мотивовъ Вагнеръ мастеръ своего дѣла. Вся тематическая работа происходитъ въ оркестрѣ, а пѣвцы только декламируютъ неизвѣстные музыкальные интервалы; но эта декламация такъ вѣрна, такъ правдива, что никакая кантилена не сравнится съ нею въ выразительности. Еслибы мы захотѣли исчислить все музыкальныя чудеса партитуры «Парсифала», мы бы никогда не кончили. Укажемъ только на интродукцію, на сцены въ храмѣ съ ихъ чудными религиозными хорами, на хоръ дѣвушекъ - цвѣтовъ и на всю сцену появленія Парсифала въ страстную пятницу предъ кельей Гурнеманца.

Постановка соответствовала грандіозности сюжета. Декорации, сдѣланныя большею частью по рисункамъ русскаго художника Павла Жуков-

скаго, сына поэта, были поразительно хороши. Хоры и оркестръ, подъ управленіемъ знаменитаго дирижера мюнхенской оперы Леви, звучали предельно. Главныя роли были въ рукахъ лучшихъ теперешнихъ нѣмецкихъ пѣщцовъ и пѣвицъ: Амфортасъ—Рейхманъ, Гурнеманцъ—Скаріа и Зиръ, Парсифаль—Винкельманъ и Гудеусъ, Клингсоръ—Гилъ, Кундри—Матерна и Брандтъ.

Послѣ насъ «Парсифаль» шелъ на байрейтовскомъ театрѣ еще 13 разъ. Успѣхъ былъ полный, такъ что лѣтомъ будущаго года предполагается возобновить эти представленія.

О. Л—нъ.

Земство и народное образованіе.

Въ ряду важнѣйшихъ нашихъ современныхъ вопросовъ самое видное мѣсто принадлежитъ вопросу о народномъ образованіи, о правильной постановкѣ нашей начальной школы. Просвѣщеніе народа находится у насъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи: громадное большинство населенія, даже въ центральныхъ мѣстностяхъ, совершенно безграмотно; число училищъ недостаточно, — ихъ услугами могутъ пользоваться лишь немногіе, а масса подростяющаго населенія остается обреченной на невѣжество. Вслѣдствіе отсутствія у насъ статистики народнаго образованія, не представляется возможности выразить въ цифрахъ состояніе народной грамотности по всей Имперіи, но и тѣ немногія данныя, которыя встрѣчаются по этому предмету въ земскихъ статистическихъ трудахъ, даютъ ясное представленіе о положеніи этого дѣла. По свѣдѣніямъ, напрямѣръ, собраннымъ земскою статистикою Тверской губерніи, оказывается, что грамотныхъ, вмѣстѣ съ учащимися, въ 1878 году было 123.286 чел., въ томъ числѣ 109.882 мужчинъ и 14.404 женщинъ. По отношенію къ общему числу негородскаго населенія грамотные мужчины составляютъ 16% всего мужскаго, грамотныя женщины — 1,75% всего женскаго населенія. За исключеніемъ дѣтей моложе 7 лѣтъ, составляющихъ 20% всего населенія, въ губерніи насчитывается 543.698 мужчинъ и 616.152 женщинъ, а всего 1.156.850 чел. Сравнивая эти числа съ числомъ грамотныхъ, находимъ, что грамотные мужскаго пола составляютъ въ уѣздахъ 20% всего числа мужчинъ старше 7 лѣтъ, а грамотныя женскаго пола — 2,2% женщинъ старше 7 лѣтъ. Безграмотныхъ мужскаго пола въ уѣздахъ (кромѣ городовъ) 433.816 человекъ, что составляетъ 80% всего уѣзднаго мужскаго населенія старше 7 лѣтъ. По отдѣльнымъ уѣздамъ грамотность стоитъ гораздо ниже средней по губерніи: въ Зубцовскомъ она падаетъ до 11,6% для мужчинъ и 0,6% для женщинъ, въ Осташковскомъ — грамотные мужчины составляютъ 10%, женщины — 0,7%, въ Ржевскомъ — мужчины 9%, женщины 0,6% *). По другимъ мѣстностямъ имѣются не болѣе утѣшительныя свѣдѣнія. Въ Вологодскомъ уѣздѣ на-

*) „Протоколы засѣданій тверскаго губернскаго земскаго собранія за 1878 годъ“, стр. 143 и 170.

личнаго населенія въ 1881 году числилось: мужскаго 57.704, женскаго—64.084, всего 121.788, а грамотныхъ: мужчинъ 14.512, женщинъ 2.458, всего 16.970; слѣдовательно, грамотные обоого пола составляютъ 13,9%, мужчины—25,1%, женщины—3,8%¹⁾. Въ трехъ уѣздахъ разныхъ губерній, подробно обследованныхъ въ послѣдніе два года, грамотность населенія найдена въ слѣдующемъ состояніи²⁾:

	Населеніе.			Грамотные (съ уча- щимися).			‰ грам.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об.п.
Московскій .	49.317	53.047	102.361	15.729	2.344	18.073	31,8	4,4	17,6
Рязанскій . .	76.217	78.581	154.798	14.806	625	15.430	19,4	0,7	9,9
Борисоглѣбск.	113.788	116.359	230.147	9.914	598	10.512	8,7	0,5	4,5

Въ самомъ просвѣщенномъ изъ приведенныхъ уѣздовъ, Московскомъ, который по степени грамотности населенія занимаетъ, по всей вѣроятности, одно изъ первыхъ мѣстъ въ Имперіи, болѣе $\frac{1}{3}$ населенія коснется въ невѣжествѣ, не умѣя ни читать, ни писать.

Болѣе или менѣе вѣрнымъ показателемъ состоянія народнаго образованія служить грамотность призывнаго возраста. Обращаясь къ свѣдѣніямъ по этому предмету, мы находимъ, что въ Московскомъ уѣздѣ, по среднему выводу за 8 лѣтъ, процентъ грамотныхъ къ общему числу лицъ, внесенныхъ въ призывные списки, не превышаетъ 41,2 (3.139 грамотныхъ на 7.610); въ Тверской губерніи за 1875—1877 гг. изъ 12.040, принятыхъ на службу, грамотныхъ было только 4.579, или 38,1%, причемъ по отдѣльнымъ уѣздамъ процентъ грамотныхъ падаетъ: въ Ржевскомъ до 20,3, въ Старицкомъ—до 15,7 въ 1875 и до 13,4 въ Ржевскомъ въ 1877 году³⁾. По Новгородской губерніи за послѣдніе три года призывъ далъ слѣдующіе результаты:

П р и н я т о в ъ в о й с к а ⁴⁾ :			
	Всего	Грамот.	‰ гр.
1879	2.759	770	26,6
1880	3.138	1.016	32,3
1881	3.000	1.012	33,7

Въ Бессарабской губерніи въ 1879 году изъ 3.048 принятыхъ на службу новобранцевъ грамотныхъ было всего 183, т.-е. 6%, такъ что неграмотные составили 94% общаго числа новобранцевъ⁵⁾. Въ Рязан-

¹⁾ Отчетъ и доклады земской управы Вологодскаго уѣзда 1881 г., стр. 90 и 130.

²⁾ См. издан. земствомъ: „Сборники статист. свѣдѣній“, экономическія таблицы.

³⁾ „Протоколы“ 1878 г., стр. 169.

⁴⁾ Свѣд. о выполн. призыва въ „Сборникахъ постановленій земск. собран. Новгородской губ.“ за 1879—1881 гг.

⁵⁾ „Обзоръ Бессараб. губ.“, стр. 52.—*Вѣстн. Бессарабск. земства* 1881 года, № 1 — 2.

ской губернии въ призывъ 1876 года на 3.653 неграмотныхъ новобранцевъ оказалось грамотныхъ всего 984, или 27%, причеъ въ 8 уѣздахъ изъ 12 процентъ грамотныхъ стоялъ ниже средняго, понижаясь въ Пронскомъ до 11, въ Данковскомъ—до 10, въ Рязанскомъ—до 9 *). Насколько ничтожны эти величины, можно уяснить себѣ только изъ сравненія ихъ съ данными по западно-европейскимъ странамъ. Въ германскую армію, напримеръ, за пять призывовъ послѣднихъ лѣтъ поступило неграмотныхъ: 2,37, 2,12, 1,73, 1,80, 1,57%. Въ Пруссіи въ призывъ 1878—79 года поступило не получившихъ школьнаго образованія (ohne schulbildung) 2,30%, причеъ въ Восточной Пруссіи—5,50, въ Западной—8,26, Бранденбургъ—0,53, въ Помераніи—0,63, въ Познани—10,99, въ Силезіи—2,30, въ Саксоніи—0,27, Шлезвигъ-Гольштейнъ—0,20, въ Ганноверъ—0,34, Вестфалии—0,34, въ Гессенъ-Нассау—0,34, въ Рейнской провинціи—0,36 и въ Гогенцоллернъ—0 **).

Что мы отстаемъ въ дѣлѣ просвѣщенія отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, это весьма естественно, такъ какъ за это дѣло мы взялись гораздо позже ихъ; но и въ томъ, что нами дѣлается въ настоящее время для распространенія образованія въ народѣ, мы остаемся далеко позади ихъ. Вотъ цифры о положеніи народнаго образованія въ разныхъ странахъ, извлеченныя В. А. Гольцевымъ изъ составленной сѣвероамериканскимъ Bureau of education «Сравнительной статистики элементарнаго образованія» ***):

	Населеніе.	Школъ.	Учащихся.	На сколько душъ.	
				1 школа.	1 учащ.
Сѣвероамер.					
Штаты . (за 1879 г.)	50.152.866	—	9.424.086	—	5,3
Австрія . . (> 1878 >)	21.752.000	15.166	2.134.683	1.434	10,1
Венгрія . . (> 1877 >)	15.666.000	15.486	1.559.636	1.011	10,0
Англія . . (> 1872 >)	25.165.336	17.166	3.710.883	1.466	6,7
Шотландія (> 1879 >)	3.358.613	2.134	451.324	1.573	7,4
Ирландія . (> 1879 >)	5.411.416	7.522	1.031.995	719	5,2
Италія . . (> 1876 >)	26.801.000	47.411	1.931.617	565	13,8
Франція . . (> 1877 >)	36.905.788	71.547	4.716.935	515	7,8
Пруссія . . (> 1871 >)	25.742.404	34.988	4.007.776	735	6,4
Испанія . . (> 1870 >)	16.507.000	—	1.410.476	—	11,7
Японія . . (?)	34.245.323	—	2.162.926	—	15,8
Россія . . (?)	78.500.000	28.357	1.213.235	2.768	64,6

*) „Журналы рязанск. губернскаго земск. собран. XI очер. соз.“, стр. 421.

***) Meyer's Konversat. Lexik. XVIII bd. Jahres-supplem. 1880—1881. Статья „Unterrichtswesen“, стр. 943.

****) „Замѣтка о народныхъ школахъ“, Голосъ 1882 г., № 191.

Изображенное здѣсь положеніе начальнаго образованія въ Россіи весьма печально, между тѣмъ оно въ такомъ именно видѣ представляется и на основаніи нашихъ оффиціальныхъ данныхъ. Возьмемъ свѣдѣнія за 1872—1874 гг., опубликованныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1879 году. По этимъ даннымъ числилось: «низшихъ и начальныхъ учебныхъ заведеній» въ Европейской Россіи, безъ Привислѣнскаго края *):

	1872		1873		1874	
	Уч. завед.	Учаш. об. п.	Уч. завед.	Учаш. об. п.	Уч. завед.	Учаш. об. п.
Въ губ. городахъ .	1.408	165.703	1.454	178.375	1.639	216.665
» проч. городахъ .	1.746		1.762		2.316	
» уѣздахъ	17.064	689.070	17.572	747.790	19.174	861.198
Всего . . .	20.218	854.773	20.788	926.165	23.129	1.077.863

Если принять приростъ школъ за время съ 1874 года понынѣ, на основаніи опыта приведеннаго трехлѣтія, въ 7% въ годъ, а учащихся — въ 14%, то къ настоящему времени число училищъ опредѣлится въ 34.693, а учащихся въ два съ небольшимъ милліона. Выведенная нами цифра, по всей вѣроятности, не далеко уклоняется отъ дѣйствительности, но и она не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится начальное обученіе даже въ сравнительно отсталыхъ западныхъ странахъ. Мы далеко позади просвѣщенныхъ странъ старой Европы, но и сравненіе съ странами молодыми, лишь въ недавнее время вступившими на путь цивилизаціи, оказывается не въ нашу пользу. Въ изданной въ 1879 году барономъ Н. А. Борфомъ книжкѣ «Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ» помещена любопытная сравнительная таблица, въ которой «наше отечество, къ несчастію, вновь занимаетъ послѣднее мѣсто», несмотря на то, что составитель таблицы «не допустилъ въ нее ни одного европейскаго государства, кромѣ Сербіи, а изъ сѣвероамериканскихъ взялъ только крайне мало просвѣщенную Мексику». По этой таблицѣ на 10.000 жителей приходится учащихся:

Викторія (Австралія)	2.914
Новый Валлисъ (тоже)	1.750
Сандвичевы острова	1.292
Тасманія	1.238
Ямайка	867
Аргентинская республика	594
Японія	588
Мексика	380

* „Статистическій Временникъ Россійской имперіи“, серія II, вып. 16, отд. I, стр. 90.

Новая Зеландія	300
Египеть, безъ Нубіи и Абиссиніи	169
Сербія	164
Бразилія	156
Европейская Россія	109

Число учащихся въ Россіи принято барономъ Корфомъ 1.500.000, а население—76.000.000.

Всѣ эти данныя весьма наглядно показываютъ, на какой низкой ступени стоитъ народное образованіе въ Россіи и какія энергическія усилія необходимы для того, чтобы подвинуть его впередъ, чтобы распространить въ массѣ населенія хотя начальную грамотность.

Вопросы начальнаго народнаго образованія обратили на себя серьезное вниманіе правительства и общества лишь въ послѣднія два десятилѣтія. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, началась усиленная дѣятельность по устройству народныхъ училищъ: объ ихъ открытіи хлопотали и губернаторы, и мировые посредники; собирались приговоры вновь образованныхъ сельскихъ обществъ о пожертвованіяхъ на школы; устраивались училища и при церквяхъ, и при волостныхъ правленіяхъ. Каковы были эти школы—вопросъ другой, но въ открытіи ихъ сказалось стремленіе крестьянъ къ образованію съ одной стороны и желаніе образованнаго общества содѣйствовать распространенію грамотности въ народѣ—съ другой. Въ концѣ 1863 г., наканунѣ введенія земскихъ учреждений, число начальныхъ школъ, сравнительно, было довольно велико. По свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета, въ это время во всей Европейской Россіи считалось 32.968 начальныхъ училищъ разныхъ наименованій, съ 802.817 учащимися обо-его пола, что по отношенію къ общему количеству населенія того времени (60.909.309) составляло: одна школа на 1.847 душъ и одинъ учащійся—на 75 душъ *). Въ это число входили училища:

	Училищъ. Учащихся.	
Министерства народнаго просвѣщенія—приходскія и приготовительные классы	1.070	54.333
Духовнаго вѣдомства—сельскія училища при церквяхъ	20.578	387.447
Министерства государственныхъ имуществъ—сельскія училища и школы	7.885	281.549
Министерства удѣльнаго—сельскія, волостныя и частныя школы	1.117	15.379
Разныхъ вѣдомствъ (военныя школы, пріюты и проч.)	2.318	64.109

*) „Статистическій Временникъ Россійской имперіи“, т. I. С.-Пб. 1866 г., отд. III, стр. 49—58.

Въ такомъ положеніи застало школьное дѣло введеніе земскихъ учреждений. На первыхъ же порахъ своего существованія, эти, вновь созданные, органы самоуправления озаботились приведеніемъ въ извѣстность наличныхъ образовательныхъ средствъ и, убѣдившись въ ихъ недостаточности, должны были приступить къ устройству народной школы, къ чему очень скоро призвало ихъ и правительство. Въ 1867 году послѣдовала передача въ вѣдѣніе земскихъ учреждений и училищныхъ совѣтовъ училищъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, до тѣхъ поръ содержавшихся на средства мірскихъ общественныхъ сборовъ и находившихся въ вѣдѣніи палатъ государственныхъ имуществъ. Другое вѣдомство, содержавшее сельскія школы, удѣльное — отступилось отъ нихъ еще ранѣе. Огромное большинство существовавшихъ въ моментъ введенія земскихъ учреждений сельскихъ училищъ осталось въ совершенно необезпеченномъ положеніи, такъ какъ обязательность содержанія ихъ для обществъ упразднилась. Земскимъ учреждениямъ пришлось взять на себя всѣ заботы и по поддержанію прежнихъ училищъ, и по устройству новыхъ. Большая часть земствъ съ большимъ рвеніемъ взялись за это дѣло и, благодаря болѣе или менѣе щедрымъ земскимъ ассигновкамъ и заботамъ очень многихъ земскихъ дѣятелей, число училищъ и учащихся быстро возросло. Въ дѣятельности земства по народному образованію встрѣчалось, правда, не мало ошибокъ; на этомъ поприщѣ ему приходилось дѣлать не мало опытовъ, оказавшихся совершенно неудачными, принесшихъ, пожалуй, болѣе вреда, нежели пользы; новые дѣятели, взявшіеся за устройство школы, нерѣдко поддавались увлеченіямъ, торопились примѣненіемъ на практикѣ мѣръ, удобопримѣнимость которыхъ не была надлежащимъ образомъ доказана. Все это было, да и не могло не быть, — вѣдь земству приходилось творить, создавать школу; оно не могло довольствоваться тѣмъ скуднымъ наслѣдіемъ, которое ему досталось. Несмотря на всѣ свои промахи и ошибки, земство добилось цѣли: въ теченіе пятнадцати лѣтъ оно создало цѣлую сѣть школъ, дало имъ постановку — если и не вполне безупречную, то во всякомъ случаѣ болѣе цѣлесообразную, нежели та, въ которой находилась прежняя школа. Чтò бы ни говорили противники земства, какииъ бы градомъ упрековъ и насмѣшекъ не осыпали они его прошлую и настоящую дѣятельность, заслуга земства въ дѣлѣ народнаго образованія не подлежитъ сомнѣнію.

Къ сожалѣнію, именно на этомъ поприщѣ, болѣе нежели на какомъ-либо иномъ, земская дѣятельность на каждомъ шагѣ встрѣчала много затрудненій и препятствій; она часто разбивалась о недостатокъ средствъ, вынуждавшій отказываться отъ самыхъ благихъ намѣреній, и о противодѣйствіе вліятельныхъ общественныхъ элементовъ, въ просвѣщеніи народа видѣвшихъ опасность для себя; она, наконецъ, встрѣтила крупныя препоны и въ законодательствѣ, нормирующемъ школьное дѣло. Въ короткій промежутокъ 18 лѣтъ земству пришлось испытать рѣзкое измѣ-

неніе въ отношеніяхъ къ нему администраціи, пришлось быть свидѣлемъ крупной перемены въ школьномъ законодательствѣ.

То положеніе, въ которое въ настоящее время поставлена дѣятельность земства по народному образованію, давно уже вызывало жалобы и ходатайства объ отменѣ стѣснительныхъ для нея законовъ и распоряженій. Жалуясь на это положеніе, посвященные школьнымъ вопросамъ земскіе доклады изображаютъ его въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Вотъ какъ описываетъ его, напримѣръ, комиссія тульского губернскаго земскаго собранія: «Почти полное устраненіе земства отъ непосредственнаго вліянія на внутреннюю, учебную сторону школы; стѣсненіе земской, общественной и частной инициативы во всемъ, что касается до веденія школьнаго дѣла; обиліе регламентаціи и недовѣріе къ представителямъ земства даже въ тѣхъ предѣлахъ, которые были открыты для ихъ дѣятельности—таковы черты, характеризующія положеніе народной школы въ теченіе многихъ послѣднихъ лѣтъ. Въ этомъ отношеніи законодательство и практика отстали отъ того направленія, которое самимъ правительствомъ было положено въ основаніе школьнаго дѣла» *). «Земство,—говоритъ рязанская губернская управа,—чувствовало, какъ постепенно стѣснялась его дѣятельность въ школьномъ дѣлѣ, какъ, вслѣдствіе этого, оно было поставлено въ такое положеніе, при которомъ невысказано было ожидать быстрого развитія школы; но въ то же время, сознавая, что дѣло школы есть самая насущная и неотложная потребность земства, оно не могло совершенно устраниться отъ этого дѣла, оно продолжало вести его, сообразно обстоятельствамъ, рассчитывая на перемену ихъ, такъ какъ все и всегда чѣмъ-нибудь да кончится» **). По словамъ комиссіи черниговскаго губернскаго земства, «въ послѣдніе годы дѣятельность земства и частныхъ лицъ, за весьма немногими исключеніями, не только приостановилась, но даже есть примѣры сокращенія средствъ, ассигнуемыхъ земствомъ на народное образованіе. Такое нежелательное положеніе, вслѣдствіе котораго задерживается, по временнымъ причинамъ, естественный и необходимый ростъ дѣла народнаго образованія, не можетъ быть объясненъ анатіей или другими свойствами самого земства; причина его лежитъ въ томъ положеніи, въ какомъ находятся наши школы, ихъ преподаватели и администрація школьнаго дѣла. Положеніе о народныхъ училищахъ 1874 г. проникнуто духомъ недовѣрія къ земству и обществу и подчиняетъ дѣятельность ихъ строгому и ничѣмъ не вызываемому контролю бюрократіи и лицъ, стоящихъ внѣ земства. Исполненіе же этого положенія на практикѣ, особенно въ послѣдніе годы, при существованіи многочисленныхъ циркуляровъ министерства народнаго просвѣщенія, которые, вдаваясь въ слиш-

*) „Журналы XVI очер. тульского губерн. земск. собр.“ (1880 г.). Приложеніе, стр. 6.

**) „Журналы рязанскаго губерн. зем. собр. XVI очер. созыва“, стр. 742.

комъ подробную регламентацію дѣла, не оставили никакого простора для мѣстной дѣятельности, еще усилили невыгодныя его стороны» *)).

«Ежедневныя пререканія земскихъ людей съ инспекціей, иногда по самымъ пустымъ, формальнымъ вопросамъ, иногда же по весьма существеннымъ, отвлекали земскихъ дѣателей отъ ихъ прямыхъ обязанностей,—говоритъ тверская губернская управа въ поданной А. А. Сабурову запискѣ «о нуждахъ народнаго образованія въ Тверской губ.»—Всѣ эти пререканія кончались въ пользу инспекціи, поддерживаемой ея начальствомъ. Земство сначала пробовало просить, жаловаться, но, видя безуспѣшность своихъ жалобъ, стало терять энергію. Много терпѣнія и выносливости нужно было земству, чтобы продолжать вести дѣло народной школы, къ которому оно призвано какъ по закону, такъ и по глубокому сознанию, что только при его починѣ, средствахъ и вмѣшательствѣ можно сѣздать народную школу, удовлетворяющую потребностямъ населенія» **). «Положеніе 1874 г.,—говоритъ А. И. Кошелевъ въ предложеніи, внесенномъ въ сапожковское уѣздное земское собраніе,—оставило за земствомъ рахование денегъ, безъ права вмѣшательства въ учебныя распорядки, которые поручены правительственнымъ инспекторамъ и дворянству, призванному стать на стражу по народному образованію. Это узаконеніе поставило земство въ крайне затруднительное и недовкое положеніе: оставлены на земствѣ матеріальныя обязанности и отняты у него почти всѣ права по веденію училищнаго дѣла; училищный совѣтъ пересталъ быть земскимъ органомъ и сталъ чѣмъ-то страннымъ—полуправительственнымъ и полудворянско-земскимъ учрежденіемъ. Много дано ему правъ, но почти никакихъ средствъ къ пользованію этими правами, а потому и не удивительно, что этотъ совѣтъ ничего не дѣлалъ и что учебное дѣло по сельскимъ школамъ идетъ вяло и малопродуктивно» ***). Жалуюсь на современное положеніе школьнаго дѣла, земскія комиссіи часто указываютъ на преимущество прежняго порядка, основаннаго на «Положеніи» 14 іюля 1864 г. Русская народная школа,—говоритъ тульская комиссія,—возникла главнымъ образомъ послѣ 1864 года, причеиъ основнымъ закономъ служило «Положеніе», изданное въ этомъ году и проникнутое началами, благопріятными для развитія школы. Самодѣтельности земства и общества былъ отведенъ достаточный для начала просторъ, такъ что живое дѣло народнаго образованія могло развиваться при живомъ участіи наиболѣе заинтересованныхъ въ томъ органовъ и лицъ. Успѣхи, сдѣланные школьнымъ дѣломъ того времени, несомнѣнны. Базалось бы, что слѣдовало бы продолжать путь, однажды столь удачно избранный. Земскія учрежденія

*) «Журналы черниговскаго губ. зем. соб., очер. сессіи 1880 г., состоявшейся въ январѣ 1881 г.», стр. 659.

***) «Протоколы засѣданій тверск. губернскаго земск. собр. очередн. въ декабрѣ 1880 г.» Записка управы, стр. 36.

***) «Журн. рязанскаго губернскаго земск. собр. XVI сессіи», стр. 735.

и дѣтели пріобрѣтали нужный навыкъ, слагался опытъ народной школы, опираясь на который, земство могло бы съ успѣхомъ воспользоваться новыми правами, еслибы таковыя были ему предоставлены. Надзоръ и регламентація, не чуждые совершенно и Положенія 1864 г., если вызывались въ началѣ новизною дѣла, то могли бы постепенно сокращаться, когда дѣло стало на твердую ногу. Между тѣмъ произошло обратное» (стр. 6).

И дѣйствительно, если сравнить Положеніе 1864 г. съ замѣнившимъ его въ 1874 г. новымъ «Положеніемъ», то нельзя не признать, что первое представляетъ гораздо болѣе благоприятныхъ для развитія общественной дѣятельности условій, нежели послѣднее. По Положенію 1864 г., «завѣдываніе» начальными народными училищами всѣхъ вѣдомствъ (народнаго просвѣщенія—приходскія въ городахъ, посадахъ и селахъ, и народныя—министерства государственныхъ имуществъ и удѣльнаго; вѣдомства духовнаго—церковно-приходскія—и всѣ вообще воскресныя школы) поручалось уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, въ составъ которыхъ, кромѣ лицъ, избираемыхъ земскими собраніями и городскими думами, въ городахъ, содержащихъ школы на свои средства, входили и попечители городскихъ и сельскихъ училищъ, по назначенію губернскаго училищнаго совѣта. «Завѣдываніе» училищныхъ совѣтовъ заключалось, главнымъ образомъ, въ «наблюденіи за преподаваніемъ во всѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ города и уѣзда и съ сею цѣлію въ обзорѣніи ихъ тѣмъ способомъ, какой будетъ признанъ совѣтомъ болѣе удобнымъ»; въ «предоставленія желающимъ званія учителей и учительницъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ», «снабженіи училищъ, по мѣрѣ средствъ, учебными пособиями и руководствами». Результаты годичной дѣятельности совѣта должны были выражаться въ ежегодномъ отчетѣ о состояніи всѣхъ народныхъ училищъ города и уѣзда, представляемомъ губернскому совѣту. Козырьственная часть училищъ предоставлялась вѣдѣнію тѣхъ вѣдомствъ, которыми школы учреждаются, но на обязанность училищныхъ совѣтовъ возлагалось «попеченіе объ открытіи новыхъ начальныхъ народныхъ училищъ и объ улучшеніи уже существующихъ». Открытіе школъ обществами и частными лицами обуславливалось разрѣшеніемъ училищнаго совѣта; но разъ открытыя школы обезпечивались отъ всякаго произвола. Въ этомъ отношеніи Положеніе 1864 г. стоитъ на одинаковой почвѣ съ Уставомъ 1828 года: какъ этотъ послѣдній допускалъ закрытіе училища «только по особеннымъ, достойнымъ уваженія, причинамъ» и не иначе, какъ съ разрѣшенія высшаго мѣстнаго органа народнаго просвѣщенія—университета (§ 14), такъ Положеніе 1864 г. предоставляетъ примѣненіе этой крайней мѣры губернскому училищному совѣту, обуславливая ее притомъ случаями «безпорядка и вреднаго направленія ученія» (ст. 10). Такими же гарантіями было обставлено и увольненіе учителей: «о тѣхъ учителяхъ и учительницахъ, коихъ, по неблагонадежности, слѣ-

дуетъ удалить отъ должности, или же коимъ слѣдуетъ воспретить дальнѣйшее занятіе преподаваніемъ», уѣздный училищный совѣтъ представляеть губернскому, такъ что сложный вопросъ о «неблагонадежности» подвергается, въ каждомъ данномъ случаѣ, обсужденію двухъ коллегіальныхъ учреждений, причѣмъ рѣшающій голосъ принадлежитъ учрежденію, стоящему вдали отъ всякихъ личныхъ дразгъ и столкновеній.

Такова, по Положенію 1864 г., организація школьнаго управленія. Въ дѣлѣ устройства училищъ мѣстному обществу предоставляется широкій просторъ: это дѣло оставлено всецѣло на усмотрѣніе городскихъ и сельскихъ обществъ. (О земствѣ въ «Положеніи» не упоминается, такъ какъ, повидимому, устройство школъ непосредственно земствомъ не предполагалось.) Требованіе для открытія новой школы разрѣшенія училищнаго совѣта не могло представлять затрудненій, ибо составъ этого учрежденія былъ таковъ, что въ немъ были представлены всѣ заинтересованные въ школьномъ дѣлѣ мѣстные элементы, почему едва ли возможенъ былъ какой-либо антагонизмъ между совѣтомъ и обществомъ. Въ училищномъ совѣтѣ объединялось все училищное дѣло въ уѣздѣ, ему подвѣдомы были всѣ безъ изъятія начальныя училища, а такъ какъ руководство ими предоставлялось коллегіи, въ составъ которой, въ качествѣ равноправныхъ членовъ, входили и общественные представители, то, очевидно, обществу была предоставлена значительная доля вліянія на устройство и направленіе не только хозяйственной, но и учебной части. Пользуясь правомъ предоставленія желающихъ званія учителей и учительницъ, совѣтъ могъ предъявлять ищущимъ учительскаго званія, требованія, соответствующія желаніямъ и стремленіямъ мѣстнаго общества, и подбирать составъ педагогическихъ силъ, соответственныхъ мѣстнымъ условіямъ. Правда, представители земства въ совѣтѣ были въ меньшинствѣ,—ихъ было два противъ трехъ, назначаемыхъ правительственными вѣдомствами; но самому обществу была предоставлена полная возможность усиливать долю свою вліянія. Каждому городу стоило только принять участіе въ содержаніи училищъ и онъ получалъ право посылать въ совѣтъ своего представителя. Съ другой стороны, предоставленное губернскому училищному совѣту право назначать членами уѣздныхъ совѣтовъ попечителей начальныхъ училищъ имѣло важное значеніе. Этимъ путемъ въ составъ совѣтовъ могли быть вводимы тѣ именно элементы, участіе которыхъ въ данное время представлялось желательнымъ. Если, напримѣръ, совѣтъ страдалъ отсутствіемъ специальныхъ педагогическихъ знаній, открывалась возможность пополнить его специалистами-педагогами, проводя ихъ черезъ званіе попечителя школы (какъ это и дѣлалось иногда; мы можемъ указать на примѣръ Московскаго уѣзда, въ училищномъ совѣтѣ котораго, до введенія новаго «Положенія», засѣдалъ приглашенный земствомъ педагогъ въ качествѣ попечителя одной изъ сельскихъ школъ). Такая мѣра представляется, пожалуй, болѣе полезной, нежели учрежденіе особыхъ земскихъ инспекторовъ,

о которых хлопочуть многія земства, такъ какъ, во-первыхъ, попечитель школы, назначенный членомъ училищнаго совѣта, облачается всѣми правами члена завѣдующаго школами учрежденія, входитъ въ непосредственную связь съ этимъ учрежденіемъ, что устраняетъ возможность разногласій, распрей и двоевластія, столь вредныхъ для дѣла. Во-вторыхъ, попечитель школы избирается обществомъ и потому является въ совѣтъ проводникомъ тѣхъ именно воззрѣній, которыя въ данное время наиболее дороги избирающему его обществу. Точно такъ же, посредствомъ пополненія совѣта попечителями училищъ, въ составъ его могутъ быть введены представители крестьянства, участіе которыхъ въ обсужденіи вопросовъ, относящихся до устройства школьнаго дѣла, весьма желательно. Толковый крестьянинъ можетъ познакомить училищный совѣтъ съ воззрѣніями массы, сообщить ему тѣ требованія, которыя крестьянство предъявляетъ школѣ, предостеречь его отъ увлеченій, которыя, порою, могутъ повлечь за собою весьма нежелательныя послѣдствія. Участіе крестьянъ устранило бы тѣ, къ счастью рѣдкія, столкновенія школы съ народомъ изъ-за способовъ преподаванія, на которыя теперь такъ усиленно указываютъ, ибо съ одной стороны крестьянинъ могъ бы вызвать училищный совѣтъ на уступки народнымъ требованіямъ, а съ другой—онъ явился бы проводникомъ въ народъ тѣхъ идей, которыя самъ, путемъ бесѣдъ и разъясненій, усвоилъ бы въ засѣданіяхъ совѣта.

Не менѣе выгодною стороною Положенія 1864 года является и то условіе, что предсѣдательство въ немъ предоставлялось лицу, избираемому самимъ совѣтомъ изъ своей среды на два года и утверждаемому губернскимъ совѣтомъ. Избраніе товарищами по дѣлу служило ручательствомъ за то, что важный постъ предсѣдателя совѣта будетъ замѣщенъ лицомъ, по крайней мѣрѣ, наиболее усерднымъ и способнымъ посвятить свой досугъ этому дѣлу; а утвержденіе губернскимъ совѣтомъ ручалось за «благонадежность» избраннаго. Организациія губернскаго совѣта кажется намъ также довольно удачною: соединеніе въ немъ высшихъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ въ школьномъ дѣлѣ отраслей администраціи—архіерея, губернатора и директора училищъ съ представителями земства—ставило этихъ лицъ въ близкія отношенія къ дѣлу, содѣйствовало устраненію розни и борьбы между разными вѣдомствами.

Предоставляя завѣдываніе школами коллегіальнымъ правительственно-общественнымъ училищнымъ совѣтамъ, Положеніе 1864 года не устранило спеціального надзора за религіозно-нравственнымъ направленіемъ въ училищахъ. Ближайшее наблюденіе въ этомъ отношеніи возлагалось на мѣстнаго приходскаго священника, облеченнаго правомъ сообщать свои замѣчанія учителю и лицамъ, завѣдывающимъ училищами, а въ случаѣ непріятія ихъ—училищному совѣту (ст. 17); наблюденіе же за преподаваніемъ закона Божія во всѣхъ училищахъ и обзорѣніе ихъ въ этомъ

отношеніи оставлялось на обязанности духовнаго начальства, чрезъ духовныхъ лицъ, имъ для сего назначаемыхъ (примѣч. къ § 1 ст. 24).

Школьная система, установленная Положеніемъ 1864 года, дѣйствовала недолго. 29-го мая 1869 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи новой должности—инспекторовъ народныхъ училищъ, по одному на губернію—«для наблюденія за народными училищами». Тѣмъ же закономъ министру народнаго просвѣщенія предоставлено открывать «образцовыя училища», съ пособіемъ изъ государственныхъ средствъ. Обѣ эти мѣры окончательно опредѣлились нѣсколько позднѣе. Обязанности инспекторовъ, намѣченные въ первоначальномъ законѣ лишь въ общихъ чертахъ*), были подробно очерчены въ Высочайше утвержденной 29 октября 1871 года инструкціи, а правила объ «образцовыхъ» училищахъ установлены инструкціей, утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія въ 1875 году. Измѣненіе, внесенное этими узаконеніями въ строй школьной администраціи, заключается 1) въ изытаніи изъ дѣянія училищныхъ совѣтовъ цѣлаго разряда начальныхъ школъ—«образцовыхъ» министерства народнаго просвѣщенія, подчиненныхъ «исключительному наблюденію» инспекторовъ (§ 2 Инструкціи 29 октября 1871 г.), и 2) въ учрежденіи специальныхъ, стоящихъ внѣ училищныхъ совѣтовъ, правительственныхъ агентовъ, надзирающихъ за школами наряду съ совѣтами и помимо ихъ. Установленная Положеніемъ 1864 года система, такимъ образомъ, начала подвергаться разрушенію и въ этомъ кроется корень многихъ столкновеній и недоразумѣній, ознаменовавшихъ послѣдующее время.

Обязанности инспектора народныхъ училищъ, по Инструкціи 1871 г., двояки. Съ одной стороны онъ служитъ совѣтникомъ и пособникомъ мѣстныхъ органовъ въ дѣлѣ устройства и веденія школьнаго дѣла: онъ руководитъ своими совѣтами и указаціями малоопытныхъ учителей (§ 9), принимаетъ мѣры для присканія болѣе достойныхъ преподавателей (§ 10), обращается къ учредителямъ съ ходатайствами объ удовлетвореніи нуждъ школы (§ 29), заботится объ избраніи попечителей «изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ общества и могущихъ оказать училищамъ какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку» (§ 38), ходатайствуетъ о награжденіи лицъ, «особенно содѣйствующихъ преуспѣванію училищъ» (§ 39), о пособіи училищамъ со стороны правительства (§ 42 и др.) и т. д. Съ другой стороны обязанности инспектора имѣютъ характеръ полицейскій, и въ этомъ отношеніи ему предоставлены права, которыми до тѣхъ поръ единоличная власть въ школьномъ дѣлѣ не пользовалась: «положительно неблагонадежные преподаватели временно устраняются имъ

*) «Съ должностью инспектора народныхъ училищъ соединяется званіе неимѣннаго члена губернскаго училищнаго совѣта, которому инспекторъ обязанъ всѣми средствами содѣйствовать въ устройствѣ и распространеніи начальнаго народнаго образованія».

отъ исполненія обязанностей преподавателя, или вообще наставника, съ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія подлежащаго вѣдомства или лицъ, отъ которыхъ зависятъ окончательное увольненіе такихъ учителей» (§ 10). По отношенію къ училищнымъ совѣтамъ инспекторъ занимаетъ положеніе лица надзирающаго: «еслибы въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ по какому-либо вопросу возникло разногласіе между инспекторомъ и прочими членами совѣта и инспекторъ не призналъ бы для себя возможнымъ согласиться съ общимъ рѣшеніемъ, то дѣло препровождается на разсмотрѣніе попечителя учебнаго округа, котораго заключеніе, съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, представляется затѣмъ совѣтомъ на разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія» (§ 56). При этомъ инспектору предоставляется вмѣшательство въ дѣла не только педагогическія, но и хозяйственныя, съ тою, впрочемъ, разницею, что разногласія по дѣламъ этого рода «подлежатъ обсужденію и окончательному разрѣшенію по соглашенію вѣдомствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ» (примѣч. къ § 56)*). Тѣми же правами пользуется инспекторъ и по отношенію къ уѣзднымъ совѣтамъ, постановленія которыхъ, несогласныя съ мнѣніемъ инспектора, переносятся на усмотрѣніе губернскаго совѣта (§§ 57 и 58). Переимѣна, внесенная Инструкціей 1871 года въ ходъ дѣлъ губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, весьма существенна: до тѣхъ поръ ихъ рѣшенія были окончательны и подлежали обжалованію въ правительствующій сенатъ (ст. 33 Полож.), теперь же былъ допущенъ пересмотръ и необжалованныхъ рѣшеній ихъ, и не коллегіальнымъ сенатомъ, а единоличною властью министра народнаго просвѣщенія.

Образованіе наряду съ училищными совѣтами новыхъ надзирающихъ за школами органовъ, съ изъятіемъ притомъ изъ вѣдѣнія первыхъ одного разряда начальныхъ школъ, дѣминуемо должно было внести разнь между тѣми и другими, и главнымъ образомъ между земствомъ и инспекторами. Разнь эта, конечно, возникла не вездѣ; благодаря личнымъ качествамъ многихъ инспекторовъ, согласіе между ними и земствомъ не нарушалось, но мѣстами вспыхнула ожесточенная борьба, имѣвшая печальныя результаты. Вотъ что случилось въ Тверской губерніи.

Въ 1871 году тверскимъ губернскимъ земствомъ была учреждена въ Ржевѣ «техническая школа, имѣвшая цѣлью дать учащемуся юношеству общее образованіе и такія свѣдѣнія по математикѣ, механикѣ, химіи и описательнымъ естественнымъ наукамъ, чтобы вышедшій изъ школы воспитанникъ былъ готовъ, послѣ непродолжительнаго практическаго обученія, къ дѣятельности техника или же къ поступленію въ одно изъ выс-

*) Въ видѣ примѣра вопросовъ по хозяйственной части, могущихъ вызвать разногласіе, приведены: «изысканіе средствъ къ обезпеченію училищъ, постройкѣ и найму помѣщеній для нихъ, учрежденіе надзора со стороны земства за употребленіемъ по назначенію употребляемыхъ имъ на содержаніе училищъ суммъ».

шихъ техническихъ учебныхъ заведеній». Просуществовавъ всего два года и испытавъ за это время многія неудачи («одного изъ избранныхъ земствомъ учителей забраковало министерство народнаго просвѣщенія; нѣкоторыя учительскія мѣста оставались вакантными по нѣсколькимъ мѣсяцевъ»), школа прекратила свое существованіе. 20 сентября 1873 года тверская губернская управа была официально извѣщена о томъ, что, «по ходатайству» начальника Московскаго учебнаго округа, министерство народнаго просвѣщенія рѣшило закрыть ржевскую земскую техническую школу. Рѣшеніе это упало, что называется, какъ снѣгъ на голову. «Можно подумать, — говоритъ управа, — что произнесенію его и закрытію школы предшествовало тщательное изслѣдованіе школы во всѣхъ подробностяхъ ея быта, что въ результатѣ этого изслѣдованія было раскрытіе какихъ-либо существенныхъ нарушеній устава, что, наконецъ, земство не пожелало подчиниться какимъ-либо существеннымъ педагогическимъ требованіямъ со стороны учебнаго вѣдомства. Но ничего подобнаго не было». Школу посѣщали и помощникъ попечителя учебнаго округа, и окружной инспекторъ, и инспекторъ народныхъ училищъ — и «никто изъ нихъ не заявлялъ ни совѣту школы, ни губернской земской управѣ о чемъ-либо дурномъ, замѣченномъ ими въ школѣ». Земство со вниманіемъ относилось къ высшимъ учебно-воспитательнымъ указаніямъ министерства народнаго просвѣщенія и его органовъ; оно наконецъ многократно обращалось къ мѣстному инспектору народныхъ училищъ А. И. Дружинину, состоявшему, по уставу, непремѣннымъ членомъ совѣта ржевской технической школы, съ просьбой сообщить, не замѣтилъ ли онъ какихъ-либо существенныхъ недостатковъ, и всякій разъ получало отвѣтъ успокоительный. «Но, — говоритъ тверская губернская управа, — успокоивая земство своими, повидимому, доброжелательными, словесными сообщеніями, г. инспекторъ совершенно иное сообщалъ попечителю округа и окружному инспектору». Вотъ какъ описываетъ губернская управа образъ дѣйствій инспектора народныхъ училищъ г. Дружинина:

«Еслибы, — говоритъ она, — цѣлью административно-учебной инспекціи было непремѣнно добиться закрытія такъ неохотно дозволенной школы, то лучшее, чѣмъ г. Дружининъ, орудіе для достиженія этой цѣли найти было трудно. Это былъ очень дѣятельный учебный администраторъ: часто посѣщалъ онъ Ржевъ и всякій разъ бывалъ въ технической школѣ, останавливался иногда въ квартирѣ ея директора и учителей, съ которыми поддѣрживалъ самыя, повидимому, пріятельскія и откровенныя отношенія. Но, несмотря на такую близость съ преподавателями, несмотря на такую возможность изучить всю жизнь, даже интимную жизнь всѣхъ и каждаго въ школѣ, инспекторъ народныхъ училищъ, до происшествія, послужившаго поводомъ къ закрытію школы, ни разу не заявилъ ни совѣту ея, ни органамъ земства о какихъ-либо серьезныхъ недостаткахъ школы. Мало того, несмотря на частыя свои поѣздки въ Ржевъ, г. инспекторъ такъ

искусно умѣлъ увлечь отъ участія, въ качествѣ непремѣннаго члена, въ засѣданіяхъ совѣта ржевской технической школы, что во всѣ два года ея существованія ни разу въ немъ не присутствовалъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣтъ назначался на время ожидаемаго прибытія Дружинина въ Ржевъ, этотъ педагогъ-администраторъ умѣлъ находить причины для внезапнаго отъѣзда въ Тверь, за два или за три часа до засѣданія совѣта. Всему этому трудно повѣрить, но это—фактъ, засвидѣтельствованный тверскою губернской управою на стр. 73 доклада ея губернскому земскому собранію о народномъ образованіи за 1873 годъ. Несмотря, однако, на такое игнорированіе совѣта, г. инспекторъ дѣлалъ, какъ уже сказано, весьма частыя и подробныя донесенія въ учебный округъ, результатомъ которыхъ было сначала дескредитированіе школы въ глазахъ окружнаго начальства, а въ концѣ концовъ закрытіе школы. Нужно ли что-нибудь прибавлять къ этой, конечно, слишкомъ краткой, но совершенно вѣрной характеристикѣ отношеній учебнаго вѣдомства и его органовъ къ земству?—добавляетъ управа.

Мотивомъ къ закрытію школы послужили: «распущенность учениковъ въ нравственномъ и легкомысліе ихъ въ религіозномъ отношеніи, неспособность руководителей школы привести ее въ должный порядокъ, неэффективность устроеннаго за школою надзора, такъ какъ инспекторъ народныхъ училищъ не могъ за нею слѣдить съ непрерывною дѣятельностью, тѣмъ болѣе, что даже касательно такого простаго обстоятельства, какъ удаленіе изъ нея неблагонадежныхъ учениковъ, онъ, инспекторъ, принужденъ былъ вступать въ препирательство съ земскою управою». По поводу послѣдняго заявленія управа сообщаетъ, что требованіе попечителя учебнаго округа объ удаленіи пяти указанныхъ имъ учениковъ не было исполнено потому, что, какъ оказалось изъ произведеннаго на мѣстѣ дознанія, «изъ числа поименованныхъ г. попечителемъ и предназначенныхъ къ увольненію лицъ *одного, а именно Рейнвальда*, въ ржевской технической школѣ *нѣтъ и никогда не было*, другой оставилъ школу самъ, по своему желанію, остальные трое отличались до сихъ поръ хорошимъ поведеніемъ, одинъ же изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ выказалъ и очень хорошія способности». «Вотъ этотъ-то отвѣтъ,—говоритъ управа,—единственный по однажды только поднятому учебнымъ вѣдомствомъ вопросу объ исключеніи учениковъ, послужилъ поводомъ къ послѣднему изъ приведенныхъ мотивовъ о закрытіи школы» *). Мы не беремся судить о дѣйствительной подкладкѣ этого дѣла; побужденія, которыми обусловливалась болѣе чѣмъ странный образъ дѣйствій инспектора народныхъ училищъ Тверской губерніи, намъ совершенно неизвѣстны. Быть-можетъ,

*) Записка тверской губ. управы „о нуждахъ народнаго образованія въ Тверской губ.“, стр. 14—18. Протоколы засѣданія тверскаго губ. зем. собр. очереди. въ декабрѣ 1880 г.

въ этомъ дѣлѣ не безъ вины было и земство; быть-можетъ поводъ къ разладу былъ, въ какомъ-либо отношеніи, поданъ самими земскими дѣятелями, хотя для такого предположенія цитируемая нами записка губернской управы не даетъ никакихъ поводовъ. Во всякомъ случаѣ поведение г. Дружинина весьма характерно: оно является, на нашъ взглядъ, знаменіемъ той борьбы, которая съ учрежденіемъ инспекціи должна была завязаться, и дѣйствительно завязалась, между земствомъ и учебной администраціей.

Эта борьба, пагубная для дѣла, скоро разгорѣлась съ полною силой. Въ сентябрѣ 1873 года подверглась закрытію первая земская техническая школа, а черезъ три мѣсяца послѣдовалъ важный правительственный актъ, засвидѣтельствовавшій переѣму во взглядахъ правительства на школу и на завѣдывавшіе ею до тѣхъ поръ органы. Мы говоримъ о Высочайшемъ рескриптѣ 25 декабря 1873 года. Изъ этого документа видно, что въ правительственныхъ сферахъ возымѣли мѣсто опасенія, что школа можетъ обратиться въ орудіе для проведенія въ народѣ противогосударственныхъ и противорелигіозныхъ ученій. «То, что въ предначертаніяхъ Моихъ,—читаемъ въ рескриптѣ,—должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращено въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки, и отклонить его отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью коихъ, въ теченіе вѣковъ, собиралась, крѣпла и возвеличилась Россія». Министру народнаго просвѣщенія повелѣвалось «обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ, на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особымъ о томъ постановленіемъ, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію». Надзоръ за школами такимъ образомъ усиливался; наряду съ училищными совѣтами и правительственной инспекціей выдвигалась новая надзирающая инстанція—предводитель дворянства. Необходимо было такъ или иначе связать эти три органа, и это сдѣлано Положеніемъ о начальныхъ училищахъ 25 мая 1874 года. И предводитель дворянства, и инспекторъ введены теперь въ училищный совѣтъ, составъ котораго не измѣнился, но поставлены въ немъ такъ, что коллегія ими замѣняется, если не упраздняется совсѣмъ. Положеніе 1874 года является дальнѣйшимъ и болѣе послѣдовательнымъ развитіемъ началъ, проведенныхъ въ Инструкціи 1871 года. Новый законъ съуживаетъ, почти приводитъ къ нулю обязанности уѣзднаго училищнаго совѣта: «изысканіе и обсужденіе способовъ для открытія новыхъ начальныхъ народныхъ училищъ, согласно съ дѣйствительно обнаружившеюся въ нихъ потребностью, и для улучшенія состоянія уже существующихъ училищъ»; снабженіе училищъ, «по мѣрѣ средствъ», руководствами; «окончательное утвержде-

ніе въ должности «допущенныхъ» инспекторовъ учителей и рассмотрѣніе жалобъ на «недопущеніе»; представленіе губернскому совѣту объ утвержденіи избираемыхъ земствомъ, городами и сельскими обществами попечителей начальныхъ школъ и объ ихъ увольненіи; исходатайствованіе наградъ учителямъ; упраздненіе «вредныхъ» училищъ и удаленіе «неблагонадежныхъ» преподавателей; наконецъ, рассмотрѣніе и окончательное утвержденіе составляемаго ежегодно инспекторомъ отчета и обсужденіе «общаго состоянія и направленія начального народнаго образованія въ уѣздѣ, для представленія упомянутаго отчета губернскому училищному совѣту» — вотъ подробный перечень правъ и обязанностей училищныхъ совѣтовъ. Важнѣйшія изъ возлагавшихся на нихъ Положеніемъ 1864 года обязанностей — «завѣдываніе начальными народными училищами» и «наблюденіе за преподаваніемъ въ нихъ», равно какъ и право разрѣшать открытіе новыхъ училищъ — перешли теперь къ правительственной инспекціи: по ст. 20 «Положенія», «завѣдываніе учебною частью всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ въ губерніи ввѣряется директору народныхъ училищъ и инспекторамъ сихъ училищъ, какъ непосредственно ему подчиненнымъ помощникамъ». Инспекторъ облеченъ широкою властью: по соглашенію съ предсѣдателемъ совѣта — предводителемъ дворянства, онъ можетъ закрывать временно начальныя училища, учреждаемыя, съ его разрѣшенія, земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами, «въ случаѣ безпорядка и вреднаго направленія ученія»; можетъ «устранять неблагонадежныхъ преподавателей отъ исполненія ихъ обязанностей», съ доведеніемъ о принятой мѣрѣ до свѣдѣнія уѣзднаго училищнаго совѣта, въ ближайшее его засѣданіе; словомъ, инспекторъ является полнымъ хозяиномъ всего школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Перемѣна въ организаціи школьной администраціи оказала весьма существенное вліяніе на судьбы народныхъ училищъ. Относительно дѣятельности предводителей дворянства, поставленныхъ Положеніемъ 1874 года во главѣ училищныхъ совѣтовъ, мы имѣемъ мало свѣдѣній. Знаменитый, въ свое время, походъ, предпринятый бывшимъ московскимъ губернскимъ предводителемъ кн. А. В. Мещерскимъ противъ земской школы, едва ли заслуживаетъ упоминанія, такъ какъ не имѣлъ никакихъ практическихъ послѣдствій; за то есть указанія на то, что предводители старались идти рука объ руку съ земствомъ, содѣйствовать развитію народнаго образованія. «Внимательно слѣдя за уѣздами, — говорятъ членъ рязанскаго губернскаго училищнаго совѣта Д. Д. Дашковъ, — я не замѣтилъ въ Рязанской губерніи ни одной попытки съ его (дворянства) стороны ослабить вліяніе и значеніе земства въ училищномъ вопросѣ; нѣкоторые предводители сочли даже для себя честью самимъ докладывать земскимъ собраніямъ о положеніи начального образованія въ ихъ уѣздахъ» *). Во всякомъ случаѣ, дѣятельность предводителей дво-

*) „Журн. рязанск. губернска. земск. собр. XI очер. созыв. 1875 г.“, стр. 416.

рянства въ теченіе восьми лѣтъ выдавалась очень мало и оставалась незамѣтной; за то дѣятельность инспекціи сказалась весьма сильно и, къ сожалѣнію, въ далеко не благопріятномъ смыслѣ.

Жалобы на инспекторовъ раздаются со всѣхъ сторонъ, и это, главнымъ образомъ, обусловливается неудачнымъ выборомъ лицъ для замѣщенія этой важной и вліятельной должности. «Инспекція школъ,—говоритъ комиссія черниговскаго земства,—постоянно усиливается въ своемъ составѣ, болѣе и болѣе теряетъ чисто педагогическій характеръ. Между инспекторами народныхъ училищъ въ послѣдніе годы почти нѣтъ людей съ высшимъ образованіемъ или спеціальною подготовкой, что, на ряду съ тою политическою струей, которая внесена въ провинціальную жизнь въ послѣдніе годы, сдѣлало инспекторскій надзоръ за школами гораздо болѣе полицейскимъ, чѣмъ педагогическимъ» *). По словамъ комиссіи курскаго земства, «вообще бюрократическій формализмъ отличалъ до сихъ поръ дѣятельность участковой инспекціи, причемъ чины оной не столько обращали вниманіе на учебную часть народныхъ училищъ, на преуспѣяніе ея и не старались, по крайней мѣрѣ, уравнивать въ своей служебной дѣятельности исполненіе учебныхъ обязанностей съ административными, а наоборотъ, давая послѣднимъ перевѣсъ, обратились въ учебныхъ администраторовъ, и притомъ полицейскаго характера». Свои педагогическія обязанности «они исполняютъ весьма слабо: не говоря о томъ, что они не объѣзжаютъ періодически земскихъ народныхъ училищъ своего участка, во многихъ училищахъ они не были со времени ихъ существованія совсѣмъ; въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, составляемыхъ ежегодно для выдачи льготныхъ по воинской повинности свидѣтельствъ ученикамъ, окончившимъ курсъ въ народномъ училищѣ, они не участвуютъ; учительскихъ съѣздовъ, для ознакомленія съ учительскимъ персоналомъ народныхъ училищъ и педагогическою его правоспособностью, составлять не пытаются; ежегодныхъ отчетовъ училищныхъ совѣтовъ о состояніи народнаго образованія въ уѣздахъ не составляютъ; остается одно—завѣдываніе дѣлопроизводствомъ училищныхъ совѣтовъ, которое они не упускаютъ изъ своихъ рукъ, по соображеніямъ матеріальнаго свойства, и затѣмъ общее наблюденіе за ходомъ народнаго образованія, и то внѣ своихъ участковъ, такъ какъ большинство инспекторовъ имѣютъ свое мѣстопробываніе не въ центрѣ своихъ участковъ, а въ губернскомъ городѣ». Для полноты картины комиссія прибавляетъ, что «участковые инспектора избираются преимущественно изъ штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, далеко не извѣстныхъ педагогическою опытностью, которою они должны бы отличаться, по ст. 21 Положенія, и, не обладая среднимъ образованіемъ, врядъ ли могутъ не только руководить, а даже контролировать учителей народныхъ училищъ, изъ коихъ весьма многіе стоятъ, по своимъ познаніямъ,

*) „Журн. черниговскаго губ. земск. собр. очер. сессіи 1880 г.“, стр. 660.

выше своего ближайшаго начальства. Этимъ также объясняется отчасти формализмъ отношеній между участковыми инспекторами и учительскимъ персоналомъ народныхъ училищъ и то ревнивое отношеніе къ своей власти, которое отличаетъ ихъ дѣятельность *)). На бездѣятельность инспекціи жалуется и бѣлозерское, Новгородской губерніи, земство. Уѣздная управа заявляетъ, что «гг. инспектора народныхъ училищъ, на которыхъ земское собраніе созыва 1877 года возлагало свои надежды относительно того, что они будутъ лучшими руководителями учителей со стороны педагогической (тѣмъ болѣе, что это главная ихъ обязанность по закону), рѣшительно не оправдываютъ надеждъ земства. Въ настоящее время г. инспекторъ настолько занятъ канцелярскою работою, что не имѣетъ возможности на простое посѣщеніе даже правительственныхъ школъ, и какъ земскія, такъ и правительственныя школы остаются совершенно безъ всякаго живаго педагогическаго руководства». Къ этому земская коммиссія добавляетъ, что у инспектора «нѣтъ даже времени на простое посѣщеніе образцовыхъ правительственныхъ школъ, что въ настоящемъ (1879) году даже окончательные экзамены во всѣхъ образцовыхъ училищахъ произведены подъ предсѣдательствомъ членовъ училищнаго совѣта. Это послѣднее крайне неудобно въ томъ отношеніи, что г. инспекторъ отрицаетъ даже право у члена училищнаго совѣта, производившаго экзаменъ, дать отчетъ о положеніи училищному совѣту. Такимъ образомъ не только земскія школы, но и правительственныя школы остаются безъ необходимой инспекціи со стороны педагогической **). Такія же жалобы на недостатокъ педагогическаго надзора слышатся и въ Камышинскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи. Въ 1875 году членъ училищнаго совѣта, штатный смотритель М. Вальтеръ, обращая вниманіе земскаго собранія на «безотрадное положеніе училищнаго дѣла», указывалъ, какъ на главную причину этого явленія, на отсутствіе всякаго надзора за училищами въ учебномъ отношеніи. «Такъ, въ теченіе прошлаго учебнаго года и въ текущемъ году, съ самаго введенія Положенія о нар. училищъ 25 мая 1874 года, ни одно училище въ уѣздѣ не было осмотрено ни членами училищнаго совѣта, ни инспекторомъ народныхъ училищъ», если не считать посѣщеній, сдѣланныхъ двумя членами совѣта съ цѣлью экзамена. «Заглянуть хоть однажды въ годъ во всѣ училища уѣзда ему (инспектору) нѣтъ физической возможности, не говоря уже о подробномъ осмотрѣ; и, несмотря на то, что со времени его назначенія прошло болѣе года, онъ еще не успѣлъ быть ни въ одномъ изъ училищъ нашего уѣзда» ***).

*) „Журн. засѣданій XVI очер. соз. курскаго губ. земск. собр.“, стр. 671.

***) „Сборникъ постановленій земскихъ собр. Новгородской губерніи за 1879 годъ“, стр. 201.

****) „Постановленія очер. камышинскаго уѣзднаго земск. собр. 1875 г.“, стр. 208 и 211.

Бездѣтельность инспекторовъ по надзору за школами объясняютъ чрезвычайнымъ множествомъ лежащей на нихъ канцелярской работы. «Здѣсь, въ этомъ самомъ собраніи, — говоритъ гласный бѣлозерскаго уѣзднаго земскаго собранія г. Пушторскій, — одинъ изъ инспекторовъ, на упрекъ земства, что онъ не ревизуетъ училищъ даже образцовыхъ, смѣло и рѣшительно отвѣтилъ, что по 10 августа у него 2.000 номеровъ исходящихъ» *). Оправданіе совершенно уважительное, если принять въ расчетъ, что на попеченіи каждаго инспектора находится по 2—3 уѣзда. Такъ или иначе, но школы, вслѣдствіе бездѣтельности инспекторовъ, остаются безъ призора не только въ смыслѣ педагогическомъ, но и въ отношеніи «благонадежности». При настоящемъ положеніи дѣла, — говорить камышинскій штатный смотритель г. Вальтеръ, — «ученье во всѣхъ училищахъ остается безъ всякаго направленія: учителямъ не кому указать на недостатки ихъ преподаванія, не кому познакомить ихъ съ лучшими методами и приѣмами обученія; точно также не кому обратить вниманіе и на матеріальныя нужды училища — убѣдить вліятельныхъ лицъ въ обществѣ, или подѣйствовать какимъ-либо другимъ способомъ къ улучшенію состоянія школы; не кому удалить неблагонадежнаго учителя, не кому, наконецъ, разъяснить жителямъ, какую видимую пользу приносятъ обученіе». Остаются, затѣмъ, училищныя совѣты, но мы уже видѣли, насколько роль и значеніе ихъ съ введеніемъ Положенія 1874 года измѣнились: «завѣдываніе» школами у нихъ отнято, матеріальными средствами для «удовлетворенія потребностей населенія въ начальномъ образованіи» они не обладаютъ, — имъ остается одна формальная дѣятельность. При такихъ условіяхъ, при преобладающемъ вліяніи предводителей дворянства и въ особенности инспекторовъ, едва ли справедливо ставить имъ въ вину ту апатію, на которую такъ часто слышатся жалобы. «Училищныя совѣты, составленные изъ людей *случайныхъ*, — говоритъ черниговская коммиссія, — зачастую ничѣмъ не связанныхъ съ дѣломъ народнаго образованія и имѣющихъ, каждый, свои спеціальныя обязанности, болѣе для нихъ важныя, чѣмъ участіе въ училищномъ совѣтѣ, въ самой своей организационной началѣ безжизненности и канцеляризма. Отсюда мертвенный формализмъ, бесполезная для дѣла борьба внутри совѣта, если въ составъ его случайно попадаютъ люди, неудовлетворяющіеся формальною стороною дѣла, затѣмъ — апатія и почти повсемѣстное превращеніе училищныхъ совѣтовъ въ какія-то особыя отдѣленія предводительскихъ канцелярій, въ общій рядъ съ разными другими присутствіями, комитетами и коммиссіями, въ которыхъ предсѣдательствуетъ предводитель дворянства».

Недостаточность надзора за школами вызывала со стороны земскихъ собраній многочисленныя ходатайства объ учрежденіи инспекторовъ въ

*) Сборн. постан. земск. собр. Новгор. губ. 1880 г., стр. 208.

каждомъ уѣздѣ, причеиъ многія принимали и содержаніе ихъ на счетъ земства. Ходатайства этого рода были удовлетворяемы, но учрежденіе инспекторовъ не всегда приносило ожидавшуюся пользу. Были случаи, когда инспектора, получая жалованье изъ земскихъ суммъ, становились къ земству во враждебныя отношенія, возбуждали пререканія и тѣмъ напрасно тормозили дѣло. Въ Елабужскомъ уѣздѣ, напримѣръ, «пререкаательства» между управою и инспекторомъ дошли до того, что въ 1877 году земское собраніе, по предложенію ревизіонной комиссіи, постановило предложить инспектору г. Соболеву «оставить службу уѣздному земству; если г. Соболевъ не оставитъ службы, то ходатайствовать предъ начальствомъ объ его удаленіи» *). Но особенно дорого поплатилось за успѣхъ подобнаго ходатайства бердянское земство. Еще съ 1872 года начало оно ходатайствовать о назначеніи для Бердянскаго уѣзда отдѣльнаго инспектора, съ содержаніемъ на счетъ земства и по его выбору, но это ходатайство было отклонено; наконецъ, на новое ходатайство о назначеніи въ уѣздъ правительственнаго инспектора послѣдовало въ 1877 году назначеніе на эту должность статскаго совѣтника Ивана Демьяновича Гарусова. «Какъ ни местно было для нашего земства,—говоритъ бердянская уѣздная управа,—видѣть хотя одинъ разъ успѣхъ въ своемъ ходатайствѣ, но оно въ скорости глубоко пожалѣло о томъ, что возбуждало подобное ходатайство». Съ пріѣздомъ инспектора «канцелярскій бюрократизмъ и бездушный педантизмъ сразу сдавили желѣзными тисками всѣ первоначальные порывы и стремленія нашего земства въ такомъ свѣтомъ дѣлѣ, какъ народное образованіе. Вновь назначенный инспекторъ на первыхъ же порахъ показалъ земству, что оно совершенно безправно въ школьномъ дѣлѣ и что его обязанность состоятъ только въ томъ, чтобы давать деньги». Въ самомъ началѣ своей дѣятельности г. Гарусовъ «своими административными распоряженіями въ дѣлѣ опредѣленія, увольненія и перемѣщенія съ одного мѣста на другое учителей, безъ всякихъ къ тому основаній, видимо причинялъ вредъ школьному дѣлу, оставивъ школы въ самое дорогое учебное время безъ учителей», а на просьбы управы о прекращеніи такихъ распоряженій отвѣчалъ слѣдующее: «считаю долгомъ предупредить управу, что я не буду вовсе отвѣчать ни на какія отношенія ея, въ которыхъ будутъ заключаться разсужденія о причинахъ успѣха или безуспѣшности школъ»,—и послѣ того не обращалъ вниманія ни на какія сообщенія управы. Эта послѣдняя пробовала обращаться съ жалобами къ начальству инспектора, но ея жалобы не имѣли успѣха. Между тѣмъ г. Гарусовъ «продолжалъ свою дѣятельность въ такомъ вредномъ для школьнаго дѣла направленіи». «Лучшіе учителя, запуганные инспекторскимъ могуществомъ «удалить каждаго однимъ почеркомъ пера», что онъ заявлялъ всѣмъ и каж-

*) *Земскій Ежегодникъ* 1877 г., № 2723.

дому, начали бросать уѣздъ, а когда инспекторъ, для укрѣпленія своего могущества, взвелъ на нѣкоторыхъ учителей обвиненія въ политической неблагонадежности,—обвиненія, внослѣдствіи совершенно не оправдавшіяся,—то на учителей напалъ такой паническій страхъ за свою судьбу, что они не знали, что имъ дѣлать». Инспекторъ не оставлялъ въ покоѣ и заведенныхъ въ школахъ порядковъ: «всѣ инструкціи и указанія училищнаго совѣта и управы о порядкѣ преподаванія отмѣнилъ, не давъ взамѣнъ ничего, и отъ этого въ школахъ явился опять прежній хаосъ, порожденный въ особенности несистематичностью, непрактичностью и противорѣчивостью дѣлаемыхъ инспекціей распоряженій въ дѣлѣ преподаванія, такъ что учителя положительно растерялись, не зная, какому изъ циркуляровъ слѣдуетъ подчиняться». Образъ дѣйствій г. Гарусова былъ «настолько тягостенъ для всѣхъ», что предводитель дворянства счелъ необходимымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, но и это ни къ чему не повело, и только вмѣшательство временнаго одесскаго генералъ-губернатора избавило Бердянскій уѣздъ отъ «такого громовержца-инспектора». Графъ Тотлебенъ, «разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію г. инспекторомъ въ политической неблагонадежности одного учителя, призналъ дѣйствія инспектора настолько пристрастными и неправильными, что не счелъ возможнымъ имѣть долѣе такого чиновника на службѣ». Съ удаленіемъ г. Гарусова, однако, бѣдствія бердянскаго земства не кончились. Мѣсто инспектора занялъ Петръ Ивановичъ Янковскій, который пошелъ прямо по стопамъ своего предшественника, т. е. началъ изгонять учителей безъ всякихъ основаній, дѣлать придирки вновь приглашеннымъ учителямъ и сразу сталъ во враждебныя отношенія къ земству. На просьбу управы о прекращеніи гоненій противъ одной учительницы, о которой самъ онъ отзывался хорошо, г. Янковскій прислалъ управѣ такой отвѣтъ, который «сразу охарактеризовалъ его личность и показалъ, что можно ожидать отъ его дѣятельности. Въ этомъ отвѣтѣ инспекторъ, начавъ рѣчь съ политическаго положенія Россіи и о своихъ правахъ, которыя, въ виду этого, онъ имѣетъ надъ всѣми, написалъ управѣ цѣлый ультиматумъ, обвиняя ее въ политической неблагонадежности,—разумѣется, не скупясь при этомъ на выраженія и укоризны. Этою бумагой г. инспекторъ не ограничился; послѣдующія затѣмъ были въ такомъ же родѣ, съ дополненіемъ обвиненій въ какомъ-то самоуправствѣ и съ угрозой предать управу уголовному суду чрезъ прокурора. Вообще отношенія инспектора стали таковы, что почти не поступило въ управу ни одного сообщенія отъ него такого, въ которомъ бы онъ не обвинялъ управу въ какомъ-либо нарушеніи закона или его, инспекторскихъ, правъ, избрѣтая эти нарушенія собственной фантазіей, такъ какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было». Мы не будемъ подробно описывать здѣсь дѣятельность г. Янковскаго, для характеристики которой обильные матеріалы даетъ докладъ бердянской управы, а за-

мѣтимъ только, что и къ училищному совѣту онъ сталъ въ такія же отношенія, какъ и къ управѣ. По словамъ предсѣдателя бердянскаго земскаго собранія, и «здѣсь также пришлось наблюдать многое такое въ дѣйствіяхъ инспектора Янковскаго, что прямо говорить, что для него школьное дѣло не дорого ни съ какой стороны. Не желая утомлять собраніе перечисленіемъ всѣхъ фактовъ, онъ, какъ предсѣдатель училищнаго совѣта, заявляетъ лишь только, что училищный совѣтъ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, послѣ горькаго опыта, пришелъ къ заключенію, что характеръ дѣйствій инспектора Янковскаго, тонъ и выраженія его въ официальныхъ сношеніяхъ и распоряженіяхъ постоянно вносятъ въ дѣло духъ произвола, пристрастія и легкомыслія, что, именно, порождаетъ разнообразныя и безконечныя столкновенія, ставя каждаго и весь училищный совѣтъ въ самыя напряженныя и тяжелыя отношенія къ инспектору, — отношенія, вредно отзывающіяся на всемъ ходѣ учебнаго дѣла въ уѣздѣ» *).

Конечно, появленіе въ одномъ уѣздѣ подрядъ двухъ такихъ дѣятелей, какъ гг. Гарусовъ и Янковскій, есть не болѣе, какъ несчастная случайность. Оба они были скоро удалены отъ занимаемыхъ ими должностей и теперь въ Бердянскомъ уѣздѣ начинаютъ, повидимому, устанавливаться дружелюбныя отношенія между земствомъ и инспекціей. Мы можемъ указать, что въ другихъ уѣздахъ той же губерніи оба эти вѣдомства живутъ въ мирѣ и согласіи. Такъ, напримѣръ, въ 1879 г. днѣпровская уѣздная управа считала «священною обязанностью свидѣтельствовать предъ земскимъ собраніемъ о той энергической и въ высшей степени полезной дѣтельности инспектора народныхъ училищъ П. А. Синимскаго, которую онъ оказалъ въ текущемъ году» **). Гг. Гарусова и Янковскаго нельзя признавать за типы инспекторовъ народныхъ училищъ, — это скорѣе печальныя исключенія, — тѣмъ не менѣе, благодаря ихъ дѣятельности, въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ парализовалось и тормозилось дѣло народнаго образованія въ такомъ уѣздѣ, земство котораго болѣе многихъ другихъ положило на него труда и заботъ. Гоненію, упрекамъ въ политической неблагонадежности, даже угрозамъ подверглось земство, которое въ то же самое время удостоилось Высочайшаго вниманія и одобренія. Изъ отчета бердянской управы за 1880—81 учебный годъ мы узнаемъ, что на всеподданнѣйшемъ отчетѣ таврическаго губернатора за 1880 годъ, «по объясненіи о томъ, что сельскія школы Бердянскаго уѣзда, будучи поставлены рационально, вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію, — послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества собственноручная отмѣтка: «очень отраднo». Отзывъ таврическаго губернатора под-

*) «Постановленія бердянскаго очеред. уѣздн. зем. собр. 1880 г.», стр. 219 и слѣд., и 23.

**) «Постановленія днѣпровскаго уѣздн. зем. собр. очередн. сессіи 1879 г.», стр. 125.

тверждается и преимником гг. Гарусова и Янговскаго, который свидѣтельствуешь, что въ осмотрѣнныхъ имъ 48 школахъ онъ нашелъ «правильную постановку школьнаго дѣла и въ каждой видѣлъ доказательство попечительныхъ заботъ управы о снабженіи школъ всѣмъ необходимымъ для успѣшнаго веденія преподаванія... Вездѣ проглядываетъ дѣятельное участіе земства, не жалѣющаго громаднхъ расходовъ для преуспѣванія народнаго образованія, установившаго во всемъ образцовый порядокъ, берегущаго школу, какъ дорогое дѣтище свое, и зорко слѣдящаго за тѣмъ, чтобы все было направлено къ наилучшему состоянію школьнаго дѣла»^{*)}). При такомъ отношеніи къ школѣ мѣстнаго земства не должно бы, казалось, быть мѣста какимъ-либо пререканіямъ между нимъ и инспекціей, обязанною заботиться объ успѣхахъ школы; между тѣмъ именно здѣсь разыгралась описанная выше борьба, въ которой, что всего страннѣе, воинствовавшіе инспектора встрѣчали поддержку со стороны своего начальства. Мало того, что жалобы еоставлялись безъ послѣдствій, начальство даже поощряетъ инспектора на борьбу. «Г. директоръ училищъ Таврической губерніи въ бумагѣ, данной инспектору въ августѣ 1880 года, не признаетъ даже никакого права ни за предводителемъ дворянства, ни за членами училищнаго совѣта провѣрять знанія учениковъ на экзаменахъ, производимыхъ предъ окончаніемъ учебнаго года, говоря, въ своей бумагѣ, что такая повѣрка есть контроль надъ педагогическою частью, подлежащею вѣдѣнію только одной инспекціи, а экзаменаціоннымъ комиссиямъ предоставлено только право сдѣлать выпускной экзаменъ, чтобы опредѣлить право окончившихъ школу учениковъ на льготу по воинской повинности»^{**}).

Учрежденіе инспекторовъ народныхъ училищъ имѣло цѣлью усиленіе надзора за школою, но эта цѣль отнюдь не достигнута, такъ какъ инспектора, вслѣдствіе ихъ малочисленности, не въ состояніи близко, на мѣстѣ, слѣдить за ходомъ преподаванія; ихъ мимолетныя наѣзды не даютъ имъ возможности ни ознакомиться со школою, ни снабдить учителя полезными указаніями. Для той цѣли, для которой они учреждены, они оказываются—въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ—совершенно бесполезными. Благодаря всему, главнымъ образомъ, полицейскому назначенію, инспекторы народныхъ училищъ поставлены совершенно изолированно, и усердное исполненіе ими неправильно понятыхъ обязанностей нерѣдко приводитъ ихъ въ столкновенія съ другими заинтересованными въ школьномъ дѣлѣ элементами. Положеніе нынѣшнихъ училищныхъ совѣтовъ очень похоже на положеніе присутствій по крестьянскимъ дѣламъ: и въ тѣхъ и въ другихъ изъ коллегіи выдвинуть одинъ изъ ея членовъ, облечен-

*) „Постановленія бердянскаго уѣзднаго земскаго собранія 1881 г.“, стр. 363 и 373.

***) „Постановленія 1880 г.“, стр. 233.

ный особыми правами, которыми не пользуются остальные его товарищи, пользующийся полною возможностью парализовать всѣ дѣйствія коллегіи. Инспекторъ училищъ, по отношенію къ училищному совѣту, играетъ ту же почти роль, какая въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ принадлежитъ исправнику. Но такъ какъ ни тотъ, ни другой не пользуются властью исключительной и вынуждены раздѣлять ее съ коллегіей, не всегда съ ними согласной, то въ обѣ отрасли управленія, которыми завѣдуютъ оба эти правительственные агента, вносится крайне вредное для дѣла много-и разновластіе, устраняющее всякое единство направленія. Одна изъ главныхъ жалобъ на нынѣшнее положеніе волостныхъ правленій заключается въ томъ, что надъ ними слишкомъ много начальства, что имъ приходится исполнять разнообразныя и часто разнорѣчивыя распоряженія разныхъ вѣдомствъ. Таково же положеніе и сельской школы. Свободная фактически отъ всякаго контроля, она въ то же время находится въ подчиненіи у множества различныхъ начальствъ, не всегда между собою солидарныхъ, а это, конечно, только смущаетъ ее и сбиваетъ съ толку. «Та же политическая струя, которая внесена въ провинціальную жизнь въ послѣдніе годы,—говоритъ черниговская коммиссія,—привела къ вмѣшательству въ дѣла школы цѣлаго ряда вѣдомствъ и лицъ, не могущихъ оказать никакой помощи школѣ съ положительной стороны, и все это поставило школьнаго учителя, который поставленъ подъ распоряженіе множества начальствъ, начиная отъ училищныхъ совѣтовъ, предводителей дворянства, директоровъ и инспекторовъ училищъ, земской управы, до становаго, урядника и, косвеннымъ образомъ, священника и волостнаго писаря, изъ которыхъ каждое предъявляетъ къ школѣ свои права и свои требованія,—въ такое положеніе, что онъ терять, наконецъ, всякую почву, лишается возможности серьезно вести дѣло, требующее прежде всего нравственной увѣренности въ себѣ и спокойствія духа, а отсюда—фактъ постоянного скитанія учителей, бѣгство ихъ куда попало изъ школы, лишь бы найти гдѣ-нибудь болѣе сносное положеніе» *).

Ничего подобнаго не случилось бы, еслибы правительственный инспекторъ былъ введенъ въ составъ училищнаго совѣта, какъ равноправный членъ его, не облеченный никакими исключительными полномочіями, еслибы школьное дѣло продолжало оставаться въ полномъ завѣдываніи всего училищнаго совѣта. Надзоръ центральной власти за ходомъ народнаго просвѣщенія мы считаемъ безусловно необходимымъ, но для этого нѣтъ надобности въ особой школьной полиціи; вполне достаточно, чтобы лицо, избранное для этой цѣли правительствомъ,—непосредственно ли, или при участіи мѣстнаго общества,—находилось въ составѣ учрежденія, завѣдывающаго и надзирающаго за школами, пользовалось въ немъ правомъ

*) „Журн.“ 1880 г., стр. 660.

голоса и такимъ образомъ служило посредникомъ между мѣстнымъ школьнымъ управленіемъ и центральнымъ. Положеніе самого инспектора, при такихъ условіяхъ, оказалось бы много выгоднѣе. Не находясь, по должности, такъ-сказать, въ антагонизмъ съ училищнымъ совѣтомъ, онъ, какъ лицо, обладающее опытностью и надлежащей подготовкой, въ силу вещей получалъ бы въ неменьшее первенствующее значеніе и фактически сдѣлался бы руководителемъ учебнаго дѣла. Заслуживъ довѣріе товарищей, онъ объединялъ бы ихъ дѣятельность и тѣмъ вносилъ бы необходимое единство въ направленіе начального обученія во всей находящейся въ завѣдываніи совѣта мѣстности. Теперь такого единства нѣтъ; начальныя школы, находящіяся въ одномъ уѣздѣ, преслѣдующія одну и ту же цѣль, не только идутъ различными путями, сообщаютъ своимъ ученикамъ не одинакій объемъ знаній, но даже состоятъ подъ управленіемъ разныхъ вѣдомствъ. Такъ-называемыя «образцовыя» училища министерства народнаго просвѣщенія—одноклассныя и двухклассныя—изъяты изъ вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ и предоставлены исключительному завѣдыванію инспекторовъ и директоровъ. О подчиненіи этихъ школъ училищнымъ совѣтамъ были возбуждаемы ходатайства, но не имѣли успѣха. Въ 1878 году такое ходатайство возбудило петербургское губернское собраніе, мотивируя его слѣдующими соображеніями: «двухклассныя училища содержатся не на одни средства министерства народнаго просвѣщенія, но и, въ весьма значительной степени, на средства, отпускаемыя сельскими обществами и частными лицами; мѣстное населеніе не довольно означенными училищами, въ виду того, что отъ участія въ распоряженіи даже хозяйственной частью оно устранено, что надзора за означенными училищами нѣтъ, такъ какъ единственное лицо, чиновникъ министерства, на обязанности котораго надзоръ этотъ лежитъ, не можетъ слѣдить за этими училищами, насколько это необходимо. Въ виду означеннаго, отдаленнаго, почти несуществующаго, надзора за двухклассными училищами и въ то же время весьма значительнаго расхода, который несутъ сельскія общества, а также сравненія въ этомъ отношеніи съ одноклассными училищами—заставляло не разъ выражать сельскія общества желаніе закрыть двухклассныя училища». Министерство народнаго просвѣщенія, рассматривая доводы губернскаго собранія, «приняло во вниманіе, что затрата казны на устройство двухклассныхъ училищъ составила одновременно 23.858 руб. и составляетъ ежегодно 13.070 руб., тогда какъ частныя и общественныя источники даютъ 10.550 руб. ежегодно и одновременно дали 5.530 руб.; о недовольствѣ отъ сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ по поводу устраненія ихъ отъ распоряженія училищами министерство не получило никакихъ данныхъ, и, по дѣйствующимъ правиламъ, участвующіе въ содержаніи училищъ не устранены отъ участія въ распоряженіи хозяйственной и учебною ихъ частями. Въ виду отсутствія затѣмъ отзывовъ уѣздныхъ земскихъ собраній о причинахъ негодности съ ихъ стороны развитію двухклассныхъ

училищъ, ходатайство губернскаго собранія признано не подлежащимъ удовлетворенію» *).

Сосредоточеніе всего школьнаго дѣла въ рукахъ коллегіальнаго училищнаго совѣта имѣло бы, безъ сомнѣнія, послѣдствіемъ усиленіе надзора за школами, который сдѣлался бы не фиктивнымъ, какъ теперь, а дѣйствительнымъ, такъ какъ члены совѣта могли бы принять въ немъ дѣятельное участіе. Тогда каждая школа во всей подробности, со всѣми мелочными ея особенностями, сдѣлалась бы извѣстной совѣту, и не приходилось бы, какъ теперь, жаловаться, что «некому удалить неблагонадежнаго учителя». Высказывая эти надежды, мы основываемся на опытѣ: припомнимъ дѣятельность хотя бы прежняго, временъ барона Корфа, александровскаго училищнаго совѣта; припомнимъ обстоятельныя, во всѣ подробности входившіе отчеты его членовъ, распредѣлившихъ между собою завѣдываніе училищами. Намъ могутъ возразить, что такая дѣятельность возможна только тамъ, гдѣ найдутся энергическіе, преданные дѣлу люди, которые захотятъ и съумѣютъ возбудить энергію и въ другихъ. Согласны; но думаемъ, что тамъ, гдѣ мѣстныхъ силъ окажется недостаточно, гдѣ среди мѣстныхъ дѣятелей не найдется достаточнаго усердія къ дѣлу народнаго образованія, тамъ роль двигателя этого дѣла, роль возбуждителя уснувшей энергіи должна выпасть на долю представителя правительственной власти—инспектора. Дѣло народнаго образованія—не мѣстное только дѣло; успѣхи просвѣщенія одинаково интересуютъ и мѣстное общество и государство, а потому внимательство послѣдняго въ это дѣло безусловно необходимо. Государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ, лишь со стороны слѣдящимъ за мѣстною дѣятельностью: оно не должно безъ нужды стѣснять послѣдней, но въ то же время должно приходить ей на помощь, поддерживать и нравственно, и матеріально. Наше правительство до сихъ поръ воздерживалось отъ прямой инициативы въ школьномъ устройствѣ, предоставляя его на полный произволъ мѣстныхъ земствъ и обществъ и оказывая свою помощь только тамъ, гдѣ уже сказалась, въ видѣ матеріальныхъ пожертвованій, мѣстная инициатива. Такое пассивное положеніе правительства, къ сожалѣнію, направившаго свою дѣятельность главнымъ образомъ на надзоръ, а не на поощреніе, привело къ печальнымъ результатамъ. Въ то время, какъ одни уѣзды напрягаютъ всѣ свои силы на удовлетвореніе потребностей народа въ образованіи и, исчерпавъ всѣ свои источники, бывають вынуждены остановиться, не доведя дѣла до конца, другіе относятся къ этому дѣлу безуачно, не заботятся о распространеніи школъ, не помогаютъ имъ, даже задерживаютъ ихъ развитіе. Есть земскіе дѣятели, которые считаютъ образованіе народа ненужнымъ или невыгоднымъ, и тѣ со-

* „Сборникъ постановленій с.-петербургскаго губернскаго земск. собранія съ 1865 по 1879 г.“, стр. 751.

бранія, которыя находятся подъ вліяніемъ такихъ дѣятелей, оставляютъ дѣло на произволъ судьбы.

«Обращаясь къ дѣятельности уѣздныхъ земствъ,—говорилъ рязанскій губернаторъ Н. С. Абаза, въ первый разъ, по вступленіи въ должность, открывая губернское собраніе въ 1874 году,—вниманіе мое не могло не остановиться на той поразительной неравномѣрности этой дѣятельности въ разныхъ уѣздахъ губерніи, на томъ непонятномъ равнодушіи, которыя должны бы быть немыслимы послѣ 9-лѣтняго существованія земства. Рядомъ съ уѣздами, гдѣ дѣло отлично организовано, гдѣ къ каждому серьезному вопросу дѣятели земства относятся съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и осторожностью, гдѣ ассигнуютъ значительныя суммы на народное образованіе, народное здравіе и другія необходимыя населенія, я нахожу уѣзды, гдѣ очень мало сдѣлано, и есть уѣзды, гдѣ всѣ старанія направлены къ тому, чтобы на повинности необязательныя не давать, по возможности, ничего, а отъ неизбежнаго существованія земства оставалось какъ можно менѣе послѣдствій. Я укажу на нѣкоторые факты: въ Данковскомъ уѣздѣ, наприм., въ теченіе истекшихъ девяти лѣтъ, земствомъ израсходовано на народное образованіе около 47 тыс., въ Сапожковскомъ—38 тыс., въ Касимовскомъ и Зарайскомъ около 35 тысячъ въ каждомъ,—въ Михайловскомъ уѣздѣ, въ теченіе тѣхъ же девяти лѣтъ, ассигновано было 3.400 руб., да расходованіе и этой ничтожной суммы представляло затрудненія, такъ какъ отъ нея ежегодно были значительныя остатки. Причиной такого скуднаго назначенія на предметъ столь важный выставляется нежеланіе крестьянъ учить своихъ дѣтей и давать что-либо на школу. Почему же въ уѣздахъ Данковскомъ, Сапожковскомъ, Касимовскомъ и др., гдѣ было обращено вниманіе на народное образованіе, крестьяне жертвуютъ большія суммы, значительныя же средства, ассигнуемыя земствомъ, не въ состояніи нерѣдко удовлетворять всѣмъ просьбамъ объ открытіи школъ?... Конечно, не недостатокъ средствъ тому причиной, такъ какъ платежныя силы Михайловскаго уѣзда гораздо большія Касимовскаго, Данковскаго и многихъ другихъ» *).

Характеристика михайловскаго земства, сдѣланная въ 1874 году губернаторомъ, всецѣло можетъ быть примѣнена и къ прежней его дѣятельности. Въ отчетѣ члена губернскаго училищнаго совѣта Д. Д. Дашкова, представленнаго рязанскому собранію въ 1869 г., читаемъ слѣдующее: «Я желалъ бы остановить вниманіе собранія на Михайловскомъ уѣздѣ, котораго грустная лѣтопись во многомъ для насъ поучительна. Земское собраніе пришло тамъ еще въ 1867 г. къ убѣжденію, что участіе его въ дѣлѣ народнаго образованія преждевременно. Въ 1868 г., докладывая о томъ, что въ уѣздѣ 19 школъ съ 644 учащимися, управа находила, что

*) „Журналы рязанскаго губернскаго собранія IX очеред. созыва (1874 г.)“, стр. 2.

обучение грамотности идет довольно удовлетворительно и что болѣе успешнаго хода этого дѣла пока ожидать невозможно, по причинамъ, которыя управа, вникая въ нихъ глубже въ теченіе цѣлаго года, изложила полнѣе въ своемъ докладѣ собранію уже въ прошломъ сентябрѣ. Преданное земледѣльческимъ занятіямъ, населеніе не чувствуетъ потребности въ грамотности; таково положеніе, которое, съ легкой руки бывшаго предсѣдателя михайловской управы, почти стереотипно повторяется каждый годъ въ ея докладахъ... Вслѣдствіе дробности раздѣловъ,—продолжаетъ управа,—мало семействъ могутъ отпустить въ школы дѣтей, нужныхъ для домашнихъ работъ, такъ что недостатокъ—не въ учителяхъ, а въ учащихся. Учителей управа находитъ довольно въ рядахъ духовенства, и мы съ своей стороны должны добавить, что въ этомъ михайловская управа, кажется, не ошиблась. Затѣмъ, видя, что число школъ убавилось въ теченіе года на 4, число учениковъ на 60, находя, что у временно-обязанныхъ крестьянъ школы поддерживаются искусственно пособіемъ частныхъ лицъ, управа предлагала и на будущій годъ отложить попеченіе объ этомъ предметѣ, что собраніемъ и принято къ свѣдѣнію.*) Укажемъ еще одинъ уѣздъ, подобный Михайловскому. Это—Одоевскій, Тульской губерніи. По свѣдѣніямъ *Земскаго Ежегодника*, этотъ уѣздъ три года (1877—1879) ассигнуетъ на народное образованіе неизмѣнную сумму—300 руб. Въ уѣздахъ, подобныхъ указаннымъ, гдѣ руководящія общественныя партіи не хотятъ помогать народному образованію, необходимо воздѣйствіе извнѣ, въ видахъ вызова къ дѣятельности силъ, которыя готовы, но, вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, не могутъ работать на этомъ поприщѣ. Такія силы въ каждомъ уѣздѣ найдутся. Въ томъ же Михайловскомъ уѣздѣ, о которомъ мы говоримъ, крестьяне гласные, по свидѣтельству гласнаго кн. Л. Н. Гагарина, являются самыми яркими противниками просвѣщенія: «Михайловское собраніе,—говорилъ кн. Гагаринъ, возражая на отчетъ г. Дашкова,—состоитъ преимущественно изъ крестьянъ; мы въ настоящее трехлѣтіе потеряли пять гласныхъ изъ землевладѣльцевъ, которыхъ нельзя не жалѣть. Сумма, назначенная на народное образованіе, была баллотирована въ михайловскомъ собраніи, но забаллотирована крестьянами. Я могу представить подлинный журналъ, гдѣ гласные отъ крестьянъ, объ образованіи которыхъ мы заботимся, заявили, что они ничего не хотятъ дать на народное образованіе»**). Между тѣмъ изъ отчета г. Дашкова мы узнаемъ, что въ существующихъ школахъ Михайловскаго уѣзда обучаютъ священники, получая отъ крестьянъ «весьма порядочное вознагражденіе за ученіе и квартиру, мѣстами около 200 р.», что «общество большаго села, въ которомъ издавна распространена грамотность, отправляетъ своихъ выборныхъ и волостное начальство въ сосѣднее село, собираетъ тамъ сходку, убѣждаетъ тамошнихъ

*) Тоже, V очер. соз. (1869 г.), стр. 169.

***) „Журн. V очер. собр.“, стр. 205.

крестьянъ открыть школу и обложить себя на это по 30 коп. съ каждой души. Еще въ одномъ селѣ, гдѣ крестьяне недовольны своимъ учителемъ, небрежно занимающимся обученіемъ дѣтей, просятъ дать имъ хорошаго наставника и обязываются, если только онъ будетъ обучать и церковному пѣнію, безпрекословно подчиняться всѣмъ нововведеніямъ школы и аккуратно посылать въ нее дѣтей своихъ, боязливо спрашиваютъ они, наконецъ, неужели начальство не позволитъ обучать и дѣвочекъ? Въ двухъ селахъ, гдѣ священники образовали при церквяхъ хоры, они пользуются съ тѣхъ поръ огромнымъ вліяніемъ на общество и въ обоихъ селахъ возникли уже нынѣшней осенью школы. Когда одна изъ нихъ недавно открылась, привели священнику столько дѣтей, что онъ долженъ былъ отказать всѣмъ моложе 8-ми лѣтъ, и то набралось у него въ классѣ 115 мальчиковъ и нѣсколько дѣвочекъ, при населеніи въ 2.500 душъ *)).

Все это факты, несомнѣнно доказывающіе склонность крестьянскаго населенія къ образованію и находящіеся въ полномъ противорѣчій съ указываемымъ вн. Гагариннымъ настроеніемъ крестьянъ - гласныхъ. Но вопросъ въ томъ, свободно ли эти послѣдніе подавали голоса въ собраніи, — не въ угоду ли вліятельному меньшинству забаллотировали они сумму, предназначавшуюся на народное образованіе?

Итакъ, средства въ Михайловскомъ уѣздѣ есть; нужно только умѣть привлечь ихъ къ дѣлу. Есть тамъ, оказывается, и силы, готовые служить народному просвѣщенію. «Упомянемъ, — говоритъ г. Дашковъ, — съ благодарностью и уваженіемъ имена нѣсколькихъ михайловскихъ помѣщиковъ, гг. Гольдерекера и Сѣкириныхъ, которые поняли, что въ ознакомленіи крестьянъ съ хорошею школою нѣтъ ничего искусственнаго, а есть честное исполненіе прямого долга, лежащаго на всякомъ образованномъ человѣкѣ» (стр. 191). Почему же эти почтенные люди, жертвующіе на школу деньги, не возвышаютъ въ ея защиту голоса въ земскомъ собраніи и училищномъ совѣтѣ, почему не пропагандируютъ они свои идеи среди мѣстныхъ дѣятелей? — Быть-можетъ потому, что въ мѣстныхъ учрежденіяхъ имъ нѣтъ мѣста; быть-можетъ господствующая партія держитъ ихъ въ сторонѣ отъ дѣла. Откройте такимъ людямъ доступъ къ дѣятельности, поддержите ихъ словомъ и дѣломъ въ ихъ благихъ начинаніяхъ — и можно быть увѣреннымъ, что дѣло двинется впередъ.

Средствомъ для привлеченія къ школьному дѣлу людей, могущихъ быть ему полезными, но расходящихся въ стремленіяхъ съ господствующимъ большинствомъ, могло бы служить отмѣненное нынѣ назначеніе попечителей училищъ членами уѣзднаго училищнаго совѣта. Людей, достойныхъ этой чести, укажетъ общественное мнѣніе: тамъ, гдѣ бездѣйствуетъ земство и активная роль принадлежитъ крестьянскимъ обществамъ, отъ этихъ послѣднихъ зависить и избраніе попечителей; имъ же могло бы быть пре-

*) Тамъ же, стр. 191.

доставлено право ходатайства передъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ о назначеніи попечителей членами училищнаго совѣта. Избраніе съ одной стороны и назначеніе съ другой—могутъ считаться достаточною гарантіею того, что этимъ путемъ въ составъ училищнаго совѣта и въ руководители школьнаго дѣла не попадутъ люди вредные.

Измѣненіе состава и назначенія училищныхъ совѣтовъ крайне необходимо, какъ это указывалось многочисленными ходатайствами земскихъ собраний. Особенно обстоятельно изложена организація школьной администраціи въ неоднократно уже цитированномъ нами докладѣ черниговской комиссіи, утвержденномъ губернскимъ собраніемъ. Комиссія признаетъ необходимымъ, чтобы «устроено было одно учрежденіе, въ завѣдываніе котораго было бы передано возможно полное завѣдываніе школьнымъ дѣломъ въ уѣздахъ».

„Такимъ учрежденіемъ могъ бы быть уѣздный училищный совѣтъ, еслибы онъ былъ преобразованъ въ надлежащемъ направленіи. Училищный совѣтъ долженъ быть живымъ учрежденіемъ, прямо заинтересованнымъ въ успехахъ мѣстнаго народнаго просвѣщенія, помимо великихъ служебныхъ и иныхъ соображеній. Въ совѣтѣ должно, даже численно, преобладать большинство мѣстныхъ земскихъ представителей, а поэтому необходимо, чтобы число ихъ было не менѣе пяти, причемъ было бы весьма полезно, чтобы предсѣдатель уѣздной земской управы, какъ лицо, ближе другихъ стоящее къ исполнительной сторонѣ земскаго дѣла, былъ во всякомъ случаѣ и членомъ училищнаго совѣта. Для того же, чтобы земское собраніе не было стѣснено въ выборѣ лицъ, могущихъ принести пользу, въ качествѣ членовъ училищнаго совѣта, слѣдуетъ допустить избраніе такихъ членовъ не только изъ земскихъ гласныхъ, но и изъ всѣхъ земскихъ избирателей уѣзда. Если правительство сочтетъ необходимымъ ближе слѣдить за ходомъ народнаго образованія, при посредствѣ представителей отъ разныхъ вѣдомствъ въ училищномъ совѣтѣ, то эти представители не должны предпринимать никакихъ отдѣльныхъ дѣйствій и распоряженій по школамъ, помимо училищнаго совѣта, который долженъ получить характеръ единственнаго авторитетнаго учрежденія по школьному дѣлу въ уѣздѣ. Само собою разумѣется, что инспекторъ народныхъ училищъ по вопросамъ чисто педагогическимъ дѣлаетъ свои замѣчанія и совѣты въ школахъ помимо училищнаго совѣта, но всѣ заявленія и желанія инспекторовъ относительно той или другой перемѣны въ извѣстной школѣ должны быть вносимы въ училищный совѣтъ, къ которому должны перейти функціи, вообще, всѣхъ распорядительныхъ властей относительно школъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, вообще, что только освобожденіе инспекторовъ народныхъ училищъ отъ административныхъ обязанностей, отъ всякихъ отчетовъ, обязательной рекомендаціи учителей и т. п. можетъ придать этой должности тотъ характеръ, при которомъ она можетъ принести наибольшую пользу, т. е. характеръ специалиста-педагога, совѣтника и помощника мѣстныхъ земскихъ людей въ дѣлѣ народнаго образованія. Еслибы земство пожелало имѣть у себя такихъ специалистовъ-педагоговъ съ вознагражденіемъ на счетъ земства, то такому желанію не слѣдовало бы дѣлать никакихъ препятствій. Засѣданія совѣта должны быть сдѣланы срочными, для правильнаго теченія дѣла; общее же направленіе дѣла выгодно всего предоставить тому изъ членовъ, который, по общему мнѣнію совѣта, окажется къ тому наиболѣе способнымъ, т. е. предоставить избраніе предсѣдателя совѣта самому совѣту. При такомъ положеніи дѣла мож ожи-

дать, что уѣздные совѣты станутъ живыми учрежденіями, въ которыхъ сосредоточится вся дѣятельность по наблюденію и руководству надъ школами уѣзда. Уѣзднымъ управамъ остается наблюденіе за хозяйственной стороною дѣла и пріисканіе учителей изъ лицъ, имѣющихъ на то право. Затѣмъ на долю губернскаго училищнаго совѣта, который долженъ быть организованъ подобнымъ же образомъ, остается попеченіе о школахъ губерніи, передача въ уѣзды распоряженій правительства по школьному дѣлу, объединеніе дѣйствій уѣздныхъ совѣтовъ, общая отчетность и статистика школьнаго дѣла, рассмотрѣніе и разрѣшеніе жалобъ на постановленія уѣздныхъ совѣтовъ, относяшіяся до открытія школъ, увольненія учителей и недопущенія ихъ къ преподаванію, принятіе такихъ общихъ по губерніи мѣръ, какъ устройство учительскихъ сѣздовъ, книжныхъ складовъ и т. п.

Ближайшую заботу о каждой школѣ въ отдѣльности слѣдовало бы организовать такимъ образомъ, чтобы заинтересовать, во-первыхъ, само мѣстное общество, зачастую участвующее и въ матеріальныхъ издержкахъ на школу; во-вторыхъ, поднять мѣстное значеніе учителя, на котораго часто смотрятъ какъ на наемника, къ которому можетъ предъявить свои претензіи всякій, кто только имѣетъ къ этому охоту. При каждой школѣ могло бы быть устроено мѣстное попечительство изъ избираемаго земствомъ попечителя школы, законоучителя, учителя и двухъ выборныхъ членовъ отъ мѣстнаго сельскаго общества. Попечительство, заботясь объ изысканіи и улучшеніи матеріальныхъ средствъ школы, должно быть подчинено указаніямъ уѣзднаго училищнаго совѣта по всѣмъ дѣламъ, касающимся веденія дѣла школы. Было бы полезно присутствіе попечителей, какъ лицъ, близко знающихъ практическое положеніе школъ, въ засѣданіяхъ училищнаго совѣта въ то время, когда они будутъ имѣть на то возможность“.

Признавая предлагаемую черниговскою комиссіей организацію школьнаго управленія, съ указанными выше дополненіями, вполнѣ цѣлесообразной, мы полагаемъ, что такая постановка школьнаго дѣла одна въ состояніи устранить, наконецъ, ту рознь, которая, къ несчастію, такъ долго существовала между органами министерства народнаго просвѣщенія и земствомъ, тратившими свои силы на бесплодную борьбу, вредно отзывавшуюся на успѣхахъ просвѣщенія. Въ проектируемомъ совѣтѣ—единственномъ органѣ, вѣдающемъ все школьное дѣло въ уѣздѣ, сольются всѣ элементы, заинтересованные въ дѣлѣ школы; въ немъ формализмъ правительственнаго чиновника будетъ смягчатся живымъ вліяніемъ представителей общества; въ немъ апатія земцевъ будетъ разсѣиваться подъ натискомъ правительственнаго агента; въ немъ будетъ раздаваться и голосъ представителей народа, который такимъ образомъ станетъ въ болѣе близкое отношеніе къ школѣ и получить возможность вліять на ея направленіе; въ немъ, наконецъ, найдется мѣсто и вліянію церкви. Мы вѣримъ, что сплоченіе всѣхъ силъ, готовыхъ служить дѣлу народнаго образованія, для дружной совмѣстной работы принесетъ великую пользу этому святому дѣлу.

В. Сялонь.

Письмо изъ Египта.

Египетъ и египетскій вопросъ.

Совершающіяся нынѣ въ Египтѣ событія возможно было предвидѣть въ то время еще, когда бывшій хедивъ Измаиль-паша отказался уплачивать проценты по сдѣланнымъ Египтомъ въ Европѣ займамъ. Образъ дѣйствій парижскаго и с.-джемскаго кабинетовъ тогда же возбудилъ нѣкоторыя подозрѣнія относительно тайныхъ намѣреній Англіи и Франціи. Послѣдующія событія доказали, что подозрѣнія эти были вполнѣ основательны. Подъ предлогомъ обезпеченія интересовъ владѣльцевъ египетскихъ займовъ, англійское и французское правительства постоянно стремились къ приобрѣтенію въ Египтѣ такого положенія, которое ставило бы эту страну въ зависимость отъ нихъ не только въ финансовомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Это-то стремленіе Англіи и Франціи и должно было довести египетскій вопросъ до настоящаго кризиса.

Вслѣдъ за отказомъ Измаиль-паши выполнить принятія египетскими правительствомъ на себя обязательства по отношенію къ кредиторамъ отпавлены были въ Египетъ специалисты для ознакомленія съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ странѣ. Бывшій хедивъ, желая избавиться отъ англо-французской опеки, съ своей стороны принялъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать этимъ специалистамъ изслѣдовать Египетъ.

Послѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій Измаиль-паши былъ рядъ полумѣръ, неудовлетворившихъ ни одну изъ сторонъ. Лица, командированные изъ Франціи и Англіи, смѣняли одинъ другаго, не приходя ни къ какому положительному результату. Единственно, что выяснилось, это—полнѣйшая состоятельность Египта.

Впослѣдствіи Англія и Франція начали дѣйствовать болѣе энергично; но такъ какъ при Измаиль-пашѣ онѣ не могли рассчитывать достигъ своей цѣли, то въ Парижѣ и Лондонѣ начали выказывать недовольство хедивомъ. Когда же Измаиль-паша явно обнаружилъ стремленіе совершенно освободиться отъ англо-французскаго вліянія и пало преданное Англіи

министерство Нубаръ-паши, то недовольство хедивомъ еще болѣе усилилось. Неожиданнымъ союзникомъ Англіи въ это время явилась Германія и, благодаря содѣйствію князя Бисмарка, Измаилъ-паша былъ низложенъ, а на вице-королевскій престолъ возведенъ неопытный сынъ его Тевфикъ. Въ настоящее время въ Египтѣ всѣ убѣждены, что, содѣйствуя низверженію хедива, князь Бисмаркъ имѣлъ въ виду ускорить тотъ кризисъ, который мы переживаемъ въ настоящую минуту, и отвлечь на Востокъ силы нѣкоторыхъ великихъ державъ.

Съ востшествіемъ на престолъ Тевфикъ-паши Египетъ быстро началъ приближаться къ настоящей развязкѣ. Вліяніе Англіи и Франціи, въ особенности первой, постоянно усиливалось.

Обезпеченіе интересовъ кредиторовъ Египта служило этимъ державамъ предлогомъ для прямаго вмѣшательства во внутреннее управленіе странюю.

Между тѣмъ устраненіе финансоваго затрудненія, послѣдовавшее благодаря работамъ ликвидаціонной комиссіи, значительно улучшило экономическое положеніе Египта, но права, пріобрѣтенныя, съ устраненіемъ этихъ затрудненій, нѣкоторыми великими державами поставили Египетъ въ зависимое положеніе въ политическомъ отношеніи. Иностраные генеральные контролеры явились самыми вліятельными египетскими сановниками. Ни одно рѣшеніе совѣта министровъ, требующее даже самыхъ незначительныхъ расходовъ, не могло быть приведено въ исполненіе, если оно не было одобрено генеральными контролерами. Даже такого рода расходы, какъ, напримѣръ, постройка школъ или назначеніе пенсіи старому чиновнику, не могли быть произведены безъ согласія генеральныхъ контролеровъ.

Естественно, что подобный порядокъ вещей могъ продолжаться лишь короткое время; тайное же соперничество Англіи и Франціи еще болѣе ускорило развязку. Но еще до установленія контроля обнаружилось, что англичане начинаютъ занимать болѣе выгодное положеніе. Такъ, напримѣръ, при ликвидаціи египетскихъ долговъ Великобританіи удалось превратить займы, находившіеся въ рукахъ англійскихъ капиталистовъ, въ «Dette Priviligée», займы же обращавшіеся на французскихъ биржахъ составили «Dette Unifiée». Этихъ вполнѣ и навсегда обезпечивались интересы англійскихъ кредиторовъ, такъ какъ проценты по «Priviligée» оплачивались изъ сборовъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и первыхъ государственныхъ доходовъ. Проценты же по «Unifiée» отчисляются изъ государственныхъ средствъ лишь по уплатѣ процентовъ по «Priviligée». Даже и нынѣ, несмотря на разореніе, которому подвергся Египетъ, купоны по «Priviligée» будутъ уплачены. Поэтому-то надо полагать, что на поддержку, оказываемую англійскому правительству въ египетскомъ вопросѣ состоятельными классами, имѣла нѣкоторое вліяніе увѣренность, что доходы ихъ отъ разоренія Египта не уменьшатся. Совершенно въ

инномъ положеніи находились французы-кредиторы, которые могли вслѣдствіе египетскихъ смуть потерять состояніе.

Впрочемъ я въ политическомъ отношеніи англичане быстро съумѣли занять сравнительно болѣе выгодное для себя положеніе; этимъ, однако, они были обязаны отчасти бывшему французскому генеральному контролеру г. Блиньеру, который неоднократно являлся защитникомъ англійскихъ интересовъ и умѣлъ устранять тѣхъ представителей Франціи въ Египтѣ, которые вступали въ борьбу съ нимъ.

При содѣйствіи Блиньера Англія приобрѣла на хедива громадное вліяніе и во главѣ египетскаго правительства поставлены были преданныя ей лица. Самымъ выдающимся изъ этихъ лицъ былъ Ріазъ-паша, котораго обвиняли въ намѣреніи поставить Египетъ по возможности въ зависимое положеніе отъ европейцевъ. Его обвиняли также въ томъ, что онъ не препятствовалъ европейцамъ эксплуатировать мѣстное населеніе, чѣмъ усилилъ приливъ переселенцевъ изъ Европы. Дѣйствительно, во время его управленія, въ руки послѣднихъ перешла нѣкоторая часть недвижимой собственности египтянъ. Переходу этому также много способствовало учрежденіе поземельнаго банка. Для уплаты податей феллахи закладывали землю, которая потомъ и продавалась съ публичнаго торгу. Но за то во время управленія Ріазъ-паши подати уплачивались весьма аккуратно. Противниковъ своей системы Ріазъ-паша не щадилъ. Нѣкоторая часть населенія считала Ріазъ-пашу орудіемъ англійской политики и поэтому нелюбовь къ Англіи возрастала. Политика Ріазъ-паши вызвала усиленіе въ Египтѣ національной партіи.

Несмотря на самыя строгія мѣры министерства, число сторонниковъ національной партіи постоянно увеличивалось и въ движеніи, наконецъ, припало участіе и войско. Минувшей осенью дворецъ хедива окруженъ былъ возмущившимися солдатами, которымъ сочувствовала часть интеллигенціи, и министерство Ріазъ-паши вышло въ отставку. Составилось популярное министерство Шерифъ-паши, но съ этого времени начинается распаденіе національной египетской партіи. Большинство, съ Шерифомъ и Султанъ-пашами во главѣ, желало добиться мирными и законными путями освобожденія Египта изъ-подъ власти официальныхъ и неофициальныхъ эксплуататоровъ; меньшинство же, подъ руководствомъ Махмудъ Самихъ-паши и Араби, упоенное легко одержанною надъ Ріазъ-пашей побѣдой, предпочитало рѣшительныя мѣры.

Такъ какъ на сторонѣ послѣднихъ было сочувствіе войскъ, то власть послѣ прононціамента неизбежно должна была перейти къ нимъ. Между тѣмъ нежеланіе Англіи и Франціи предоставить египетскому представителю собранію право безконтрольно распоряжаться, остающимися отъ покрытія расходовъ по уплатѣ долговъ и процентовъ, государственными доходами сильно раздражило большинство египтянъ, а отсутствіе единодушія въ политикѣ великихъ державъ дало военной партіи надежду до-

стичь своей цѣли. Составившееся тогда министерство Самихъ-пашы, смѣнявшаго Шерифъ-пашу, открыто выступило съ программой борьбы.

Чтобъ избѣжать грозившихъ серьезныхъ затрудненій, Англія и Франція, повидимому, готовы были сдѣлать въ то время значительныя уступки Египту, но министерство, къ сожалѣнію, открыто высказывало намѣреніе вполнѣ освободить Египетъ отъ иностраннаго вліянія; Тевфики же паша видимо не сочувствовалъ программѣ министерства и, по мѣрѣ возможности, старался противодѣйствовать его намѣреніямъ. Чтобы подчинить себѣ хедива и устрашить всѣхъ его сторонниковъ, Араби рѣшился эксплуатировать ничтожный заговоръ черкесскихъ офицеровъ и придалъ ему громадное значеніе. Несмотря, однако, на всѣ усилія военной партіи, исходъ процесса черкесскихъ офицеровъ былъ неблагопріятенъ для нея и сильно скомпрометировалъ Араби. Тогда-то рѣшено было угрозами побудить хедива дѣйствовать совмѣстно съ военною партіей и совершенно отстраниться отъ англичанъ. Тевфику открыто начали грозить умерщвленіемъ или сверженіемъ съ престола, но онъ, находя постоянно поддержку въ англійскомъ представителѣ Мэлетѣ, не подчинялся требованіямъ сторонниковъ Араби. Слишкомъ рѣшительный образъ дѣйствій арабистовъ возбудилъ опасенія въ Англіи совершенно утратить пріобрѣтенное ею въ Египтѣ вліяніе. Въ Лондонѣ признали тогда необходимымъ удалить изъ Каира руководителей военной партіи. Достичь этой цѣли предполагали возможнымъ благодаря полному разрыву арабистовъ съ хедивомъ и отдѣленію отъ военной партіи націоналистовъ, не одобрявшихъ явной борьбы съ хедивомъ и одно время открыто даже ставшихъ на сторону Тевфики. С.-джемскій кабинетъ находилъ въ то время, что достаточно будетъ отправить сильный англо-французскій флотъ, чтобы сломить военную партію, не поддержанную ни хедивомъ, ни національною партіей. Французское же правительство во всемъ этомъ дѣлѣ было лишь слѣпымъ орудіемъ Великобританіи. Представитель Франціи, Сенкевичъ, все время былъ увѣренъ, что онъ руководитъ Тевфику совмѣстно съ англійскимъ генеральнымъ консуломъ Мэлетомъ; но впоследствии открылось, что всѣ вопросы предварительно рѣшались хедивомъ съ представителемъ Англіи, а Сенкевичъ слѣдовалъ лишь ихъ указанію. Только близорукостью Сенкевича и можно объяснить принятіе Франціей участія въ морской демонстраціи, бесплодность и вредныя послѣдствія которой предвидѣло большинство европейцевъ, находившихся въ Египтѣ.

Дѣйствительно, присылкою флота въ Александрійскій портъ, западныя державы возбудили негодованіе въ народѣ и поколебали власть хедива въ глазахъ египтянъ. Съ этого времени многіе начали смотрѣть на Тевфику недоброжелательно. Отсутствие десанта на судахъ было также серьезною политическою ошибкою западныхъ державъ. Сторонники Араби предполагали, что державы не имѣютъ въ виду прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству, и только поэтому рѣшились сопротивляться. Но, несмотря

на усилія агентовъ Араби, сельское населеніе оставалось спокойно. Поэтому-то положеніе Араби-паши до бомбардировки Александріи было непрочное: онъ опирался лишь на военныхъ и часть городского населенія, громадное же большинство египтянъ относилось къ нему индифферентно, а часть національной партіи даже порицала арабистовъ.

Араби-паша, которому хорошо это было извѣстно, рассчитывалъ достичь успѣха только благодаря недостатку единодушія между великими державами.

Чтобъ убѣдить Европу въ необходимости сохранить за нимъ власть, Араби тайно началъ готовить въ Александріи враждебную европейцамъ демонстрацію, которую онъ имѣлъ въ виду подавить и тѣмъ доказать державамъ, что безъ него спокойствіе въ странѣ не обеспечено. Но въ то время и англійскіе агенты начали возбуждать народъ, въ надеждѣ вызвать серьезные беспорядки и подать этимъ поводъ къ вооруженному вмѣшательству. Но ни Араби, ни англичане не достигли своей цѣли. Движеніе александрійской черни 11 іюня перешло границы простой демонстраціи, но не достигло такихъ размѣровъ, чтобы потребовалось иностранное вмѣшательство. Тѣмъ не менѣ англійское министерство воспользовалось имъ, какъ поводомъ къ дальнѣйшимъ враждебнымъ Египту дѣйствіямъ. Министерство Раибъ-паши, составленное при содѣйствіи Германіи, Австріи, Россіи и Италіи для примиренія интересовъ обѣихъ сторонъ, не только не достигло цѣли, но даже ускорило кризисъ. Замѣна вліянія Англии и Франціи вліяніемъ четырехъ великихъ державъ должно было побудить великобританское правительство принять рѣшительныя мѣры для спасенія своего положенія въ Египтѣ.

Укрѣпленіе александрійскихъ фортовъ послужило Англии предлогомъ для вооруженнаго вмѣшательства. Англійскому адмиралу хорошо было извѣстно, что форты не представляютъ для флота ни малѣйшей опасности, потребовался предлогъ и поэтому воспользоваться первымъ представившимся случаемъ. Однако, начавъ борьбу безъ основательнаго повода, англичане дали орудіе Араби-пашѣ для веденія этой борьбы.

Въ іюнѣ еще египетская армія пополнялась насильно приводимыми рекрутами; послѣ же бомбардировки въ лагерь Араби начали являться добровольцы. Такимъ образомъ борьба съ Египтомъ значительно осложнилась-было, чего не предвидѣло британское правительство. Дурная же организація англійской арміи и недостатокъ воинственности въ солдатахъ служили серьезнымъ препятствіемъ для достиженія цѣли. Поэтому-то, несмотря на успѣхи англичанъ, борьба затянулась бы на нѣсколько мѣсяцевъ, еслибъ Араби, имѣя военное образованіе и талантъ, во-время съумѣлъ укрѣпиться въ Каирѣ или же послѣ первой серьезной неудачи отступилъ въ Средній Египетъ.

Тель-эль-кебирская побѣда ясно показала, какъ еще однакъ мало почувствовала арабистскому движенію народная масса. Египтянинъ столѣ-

тія привыкъ находиться подъ чужезнымъ владычествомъ и мало дорожить теперь своею независимостью. Завѣтная мечта его—это имѣть маленький клочокъ земли, который онъ могъ бы спокойно обрабатывать. Поэтому-то если Англія удовлетворитъ этимъ весьма скромнымъ требованіямъ сельскаго жителя, то спокойствію страны не будетъ грозить въ настоящее время ни малѣйшая опасность. Но, чтобъ упрочить свое положеніе въ Египтѣ, англичанамъ необходимо также расположить къ себѣ и мѣстную европейскую колонію. Достичь этого едва ли, впрочемъ, будетъ особенно затруднительно. Три четверти европейскаго населенія въ Египтѣ составляютъ эксплуататоры, гонящіеся за наживой, и достаточно предоставитъ имъ продолжать тѣ занятія, которыя доставляли имъ средства, чтобы купить ихъ услуги. Естественно, что при подобныхъ условіяхъ и при поддержкѣ хедива Англіи не трудно укрѣпиться въ Египтѣ и изъ ничтожной тель-эль-кебирской побѣды с.-джемскій кабинетъ можетъ извлечь теперь громадныя выгоды.

Поэтому-то надежды нѣкоторыхъ великихъ континентальныхъ державъ на обсужденіе Европой египетскаго вопроса представляются по меньшей мѣрѣ неосновательными. Англію можно заставить согласиться на это, но добровольно она не подчинится указаніямъ другихъ государствъ. А кто можетъ рѣшиться принудить ее? Правда, въ Европѣ сознаютъ, что египетскій вопросъ — международный (объ обязанности же трактатовъ и о томъ, что Англія явно нарушила Берлинскій, повидимому, вспоминать не хотятъ), но ни у кого не хватаетъ рѣшимости сказать и поддержать свое заявленіе, что никакія перемѣны въ Египтѣ не могутъ быть признаны законными, если они будутъ сдѣланы безъ согласія великихъ державъ.

Не къ чему, слѣдовательно, и утѣшать себя ложными надеждами. Въ настоящее время Египетъ должно признать отчасти уже достояніемъ Великобританіи и слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы хотя временно по возможности ограничить тамъ власть англичанъ. Этого требуютъ также и интересы Россіи. Рано или поздно намъ неизбѣжно придется принимать участіе въ разрѣшеніи запутаннаго восточнаго вопроса, гдѣ наши интересы непремѣнно столкнутся съ интересами Англіи. Если же Египетъ сдѣлается къ тому времени добычею послѣдней, то Англія несравненно менѣе будетъ нуждаться въ насъ, тогда какъ для Россіи поддержка Англіи получитъ въ то время большое значеніе.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что непосредственно Египетъ не имѣетъ для насъ политическаго значенія, но, какъ существенная часть цѣлага, судьба котораго зависитъ отъ разрѣшенія восточнаго вопроса, страна эта весьма даже важна для Россіи. Поэтому-то теперь всѣ наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы воспрепятствовать тамъ упроченію англійскаго вліянія, въ чемъ намъ оказали бы содѣйствіе и нѣкоторыя другія великія державы. Достигнуть же этого отчасти можно

предоставленіемъ контроля надъ финансами Египта всѣмъ великимъ державамъ на равныхъ правахъ, возстановленіемъ *statu quo ante* и расширеніе т. правъ учрежденныхъ уже въ Египтѣ международныхъ судовъ. Въ настоящее время въ вѣдѣніи этихъ судовъ находятся только гражданскія дѣла, а надо, чтобъ и уголовныя дѣла разбирались въ международныхъ судахъ и были изъяты изъ консульствъ.

На первое время достаточно будетъ и этого, чтобы хотя нѣсколько обуздать англичанъ. Но на этомъ не слѣдуетъ останавливаться. Со-временемъ должно настоятельно требовать удаленія изъ Египта англійскихъ войскъ. Понятно, что великобританское правительство не пожелаетъ подчиниться этому требованію, но достаточно уже и то, что за Англіей не будетъ признаваемо право оставлять на неопредѣленное время въ Египтѣ вооруженныя силы. Если Европа поставлена въ невозможность заставить сообразоваться съ ея интересами, то все же мы можемъ открыто протестовать противъ того или другаго образа дѣйствій, оставляя за собою право принять свои мѣры при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Надо полагать, что при другихъ обстоятельствахъ мы и въ минувшее лѣто воспротивились бы занятію Египта, или же допустили бы его только въ случаѣ соглашенія между Россіей и Англіей. Воспрепятствовать же этому занятію было не невозможно, хотя и требовалось бы прибѣгнуть къ весьма рѣшительнымъ мѣрамъ, т. е. двинуть экспедиціонный корпусъ къ границамъ Арменіи и заявить, что для обезпеченія своихъ интересовъ вынуждены будемъ занять эту провинцію, въ случаѣ высадки въ Египетъ англійскихъ войскъ. Отъ султана же потребовать немедленной отправки турецкаго корпуса въ Египетъ, чтобы лишить Англію повода къ вторженію въ эту страну. Угроза занять Арменію подѣйствовала бы и на султана, и на Англію. Наше же формальное обѣщаніе Портѣ, что не нарушимъ ея правъ, если первая этого не сдѣлаетъ Англія, побудило бы Порту энергически воспротивиться англійскому занятію Египта и послѣшить отправить въ долину Нила вооруженныя силы. Да едва ли и Англія рискнула бы тогда сдѣлать рѣшительный шагъ, тѣмъ болѣе, что она обезпечила Турціи цѣлость ея азіатскихъ владѣній.

Несмотря на нашу угрозу, симпатіи турокъ несомнѣнно были бы на нашей сторонѣ; возмущенные посягательствомъ Англій на Египетъ, они поняли бы, что, угрожая занять Арменію, мы дѣйствуемъ въ ихъ интересахъ и сами не ищемъ никакихъ территоріальныхъ приобрѣтеній, въ случаѣ же занятія Арменіи готовы будемъ вывести отсюда свои войска, если и Англія въ свою очередь очиститъ Египетъ. Все это возможно бы было своевременно разъяснить Портѣ и выяснять ей также, что не въ нашихъ интересахъ ослаблять Турцію въ Азіи и Африкѣ; напротивъ, Россія можетъ только желать, чтобы тамъ образовалось сильное мусульманское государство и такимъ образомъ центръ тяжести мусульманскаго міра перенесенъ бы былъ съ Босфора въ другой болѣе благопріятный для насъ

пунеть. Азіятско-же африканское мусульманское государство можетъ быть нашихъ искреннимъ и вѣрнымъ союзникомъ. Поэтому всякое ослабленіе тамъ власти калифа крайне невыгодно для насъ, и нашей программѣ, въ основаніи которой лежало бы поддержаніе власти Турціи въ Азіи и Африкѣ, естественно должны бы были сочувствовать всѣ мусульмане. При подобныхъ условіяхъ угроза Россіи занять Арменію не нарушила бы нашихъ дружественныхъ отношеній съ турецкимъ правительствомъ, а лишь воспрепятствовала бы Великобританіи достигъ ея цѣли. Но для всего этого требовались болѣе благопріятныя обстоятельства.

И. Пашковъ (Влад—овъ).

Хроника французской жизни.

Рабочий вопрос и рабочие конгрессы. — Фракция рабочей партии. — Легитимисты. — Общественное настроение. — Распространение порнографической литературы: „La bouche de m-me X.“, Адольфа Бело, и „Histoire sans nom“, Барбе д'Орвилли. — Появление третьего тома „Перописки Жоржъ-Зандъ“. — Обзор журналовъ.

Французская буржуазия мало тревожится современнымъ социалистическимъ движеніемъ. А между тѣмъ пролетаріатъ сплачиваетъ свои силы. Изъ періодической прессы довольно трудно составить себѣ ясное понятіе о настоящемъ положеніи дѣла; большая часть газетъ систематически игнорируетъ его, а меньшинство ограничивается необузданными похвалами какому-нибудь излюбленному дѣятелю. Послѣдній національный рабочий конгрессъ, собравшійся въ С.-Этьеннѣ въ концѣ сентября, обратилъ однако на себя вниманіе всей періодической прессы. Это счетомъ шестой годичный конгрессъ; первые пять собирались въ Парижѣ, Лионѣ, Марсели, Гаврѣ и Реймсѣ. Первый конгрессъ дѣйствовалъ оцупью, не успѣвъ еще выработать ясной и опредѣленной цѣли; второй разрабатывалъ вопросъ о взаимной помощи; третій основалъ рабочую партію, какъ политическую группу, отдѣльную отъ другихъ партій, къ которымъ принадлежать правящіе и привилегированные классы; Францію раздѣляли на шесть округовъ, а каждый округъ составленъ изъ федераціи ремесленныхъ корпорацій и изъ группъ, изучающихъ социальныя науки. На четвертомъ конгрессѣ между членами возникло несогласіе и конгрессъ распался на двѣ партіи: одна, дѣйствовавшая по внушенію правительства, стремилась удержать рабочихъ въ скромныхъ предѣлахъ улучшенія ихъ быта и умѣренныхъ требованій; другая ратовала за радикальную эмансипацію труда, осуществимую лишь путемъ социальной революціи. Большинство высказалось противъ аккомодации съ буржуазнымъ правительствомъ. Въ виду предстояшаго тогда общаго голосованія, гаврскій конгрессъ выработалъ программу неотлагательныхъ требованій, обязательную для всѣхъ кандидатовъ партій; каждый мѣстный комитетъ получилъ право расширенія этой программы, ограниченіе же программы отнюдь не допускалось подъ угрозой отлученія отъ партіи. Эта программа, получившая названіе «Minimum», потерпѣла фіаско при общемъ голосованіи. На конгрессѣ, собравшемся въ Реймсѣ въ слѣдующемъ году, многія группы потребовали ея отміны; обсужденіе вопроса было передано на разсмотрѣніе федерацій и окончатель-

ное голосование иѣтній отложено до слѣдующаго конгресса. Собравшись въ С.-Этьенѣ, конгрессъ рѣшилъ предоставить право федераціямъ составлять свои мѣстныя программы. Подъ названіемъ «*considerants unіques*», конгрессомъ выработано сокращенное изложеніе политическихъ убѣжденій партіи; они тождественны съ воззрѣніями интернаціональной рабочей партіи 1864 года: «эмансипація рабочихъ должна быть создана самими рабочими», — идеаль, къ которому стремится партія, основаніе общества, гдѣ каждый будетъ получать вознагражденіе соразмѣрное приложеннымъ способностямъ и труду. На предварительныхъ совѣщаніяхъ различныхъ группъ въ Парижѣ, гдѣ обсуждались вопросы, поступившіе на разсмотрѣніе конгресса, формула, что въ идеальномъ обществѣ каждый долженъ получить вознагражденіе соразмѣрное приложеннымъ способностямъ и труду, вызвала не мало возраженій. Многіе доказывали, что эта мысль, прекрасная въ принципѣ, столь же неумѣстна въ сводѣ закона, какъ христіанское правило: «Люби ближняго, какъ самого себя», — и то и другое служить нравственнымъ принципомъ, но не можетъ имѣть силы гражданскаго законодательства. Нѣкоторые члены возстали противъ названія «коммунистовъ», присвоеннаго себѣ крайнею группой, и доказывали, какъ неосновательно выражать новую идею старымъ именемъ, имѣющимъ свое опредѣленное значеніе, установившееся въ общемъ пониманіи. Это возраженіе не имѣло успѣха и названіе «коммунистовъ» было принято и утверждено на конгрессѣ частью по недостатку развитія большинства присутствующихъ, а преимущественно потому, что главные вожди партіи желали избавиться отъ названія «коллективистовъ», пріятаго умѣренными.

Первый рабочій конгрессъ составилъ по инициативѣ Поліа, издававшего вмѣстѣ съ Барбере съ 1872 года цѣлый рядъ брошюръ о рабочемъ вопросѣ. Впослѣдствіи Поліа сдѣлался редакторомъ *Nouvelle Revue* и началъ обсуждать дѣло съ точки зрѣнія сочувственной интересамъ буржуазіи; Барбере же получилъ мѣсто директора департамента промышленныхъ обществъ, созданное для него при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это своего рода справочная контора рабочаго движенія; но рабочіе чуждаются вліянія чиновника, оплаченнаго правительствомъ, и, несмотря на всѣ усилія Барбере, ему не удалось забрать въ руки рабочія синдикальныя палаты. Онъ захотѣлъ собрать конгрессъ въ Бордо, но результатъ вышелъ самый плачевный: приглашенные делегаты изъ провинцій не пріѣхали, и присутствовали только одни мѣстные члены партіи. Однимъ изъ главныхъ вождей рабочей партіи въ 1876 году былъ Жюль Гедъ, прожившій послѣ коммуны нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, откуда онъ писалъ корреспонденціи о рабочемъ вопросѣ. Вернувшись въ Парижъ, онъ сталъ во главѣ рабочаго движенія. Вмѣстѣ съ Карломъ Марксомъ онъ составилъ въ Лондонѣ программу, известную подъ именемъ «*Minimum*». Непринятіе этой программы на конгрессѣ въ Реймсѣ затронуло его самолюбіе и онъ отнесся

къ этому рѣшенію слишкомъ раздражительно, а его неуступчивость и высокомеріе оттолкнули отъ него главный комитетъ рабочей партіи; его паденіе почти совпадаетъ съ паденіемъ Гамбетты. Духъ времени скаывается въ этихъ паденіяхъ. Гедъ пробовалъ отыгаться на рабочемъ конгрессѣ центра, собравшемся въ Парижѣ въ прошломъ маѣ. Онъ составлялъ контръ-федерацию и надѣялся одержать побѣду надъ противниками на національномъ конгрессѣ въ С.-Этьенѣ, но скоро увидалъ, что его шансы на успѣхъ весьма слабы. Тогда онъ ретировался и собралъ контръ-конгрессъ въ Роанѣ. Послѣ длиннаго доклада, въ которомъ подробно были изложены всѣ произвольныя дѣйствія Геда, конгрессъ въ С.-Этьенѣ постановилъ исключить Геда и его приверженцевъ изъ среды рабочей партіи, а контръ-конгрессъ въ Роанѣ съ своей стороны разразился громомъ на противниковъ.

Представители рудокоповъ бассейна Луары отказались присутствовать на конгрессѣ, желая сдѣлать послѣднюю попытку къ примиренію съ директорами. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нѣкоторые изъ депутатовъ крайней лѣвой явились посредниками между директорами каменно-угольныхъ копей Grande Combe и Bessige и рабочими. Желая поставить преграду слишкомъ сильному распространенію социалистическихъ идей между рабочими, депутаты тѣхъ же каменно-угольныхъ бассейновъ согласились пріѣхать въ С.-Этьенъ для совѣщанія съ выборными изъ рудокоповъ. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ депутата г. Буассе. Рабочіе сообщили плачевныя подробности о своемъ бѣдственномъ положеніи и о тѣхъ уловкахъ, которыми директора отклоняются отъ ответственности за несчастные случаи; требованія рабочихъ были самыя умѣренныя, о чемъ даже свидѣлствуютъ отзывы консервативныхъ органовъ печати. Делегаты прямо заявили, что если они не получаютъ удовлетворенія, то всею массой примкнуть къ рабочей партіи. Кловисъ Гюгъ, поэтъ, депутатъ города Марселя, присутствовавшій на конгрессѣ въ С.-Этьенѣ, какъ делегатъ одной изъ кооперативныхъ группъ своего родного города, вызвался быть представителемъ интересовъ рабочей партіи въ палатѣ депутатовъ; въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ ту же роль принялъ на себя рабочій Жофренъ. Конгрессъ въ С.-Этьенѣ выработалъ проектъ организаціи національнаго рабочаго комитета, составляемаго изъ членовъ, избираемыхъ шестью федерациями: Центра въ Парижѣ, Юга въ Марселѣ, Сѣвера въ Лиллѣ, Востока въ С.-Этьенѣ и Запада въ Рениѣ.

Седьмой національный рабочій конгрессъ соберется въ Парижѣ въ сентябрь 1883 года; за нимъ послѣдуетъ международный конгрессъ. Въ настоящее время вся партія разбита на нѣсколько группъ. Гедъ и его послѣдователи проводятъ свои воззрѣнія въ ежедневной газетѣ *Le Citoyen* и еженедѣльной — *Egalité*. Ихъ направленіе самое крайнее; они составляютъ меньшинство и извѣстны подъ названіемъ «*autoritaires*». Члены, участвовавшіе на конгрессѣ въ С.-Этьенѣ, составляютъ большин-

ство партій; ихъ зовутъ «libertaires»; у нихъ нѣтъ признаннаго вождя, но между ними болѣе другихъ пользуются значеніемъ рабочій Малонъ и докторъ медицины Бруссъ; ихъ органъ—еженедѣльная газета Le Proletaire. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ фракцій, есть еще анархисты, которыми руководить докторъ правъ Эмиль Готье. Они пропагандируютъ въ еженедѣльной газетѣ La Bataille, издаваемой Лиссагаре, и въ анонимномъ еженедѣльномъ изданіи L'étendard révolutionnaire. Эта фракція эксплуатируетъ распри двухъ главныхъ группъ, въ надеждѣ перетянуть сочувствіе на свою сторону; но врядь ли это имъ удастся,—простой народъ инстинктивно сочувствуетъ порядку, анархическія теоріи не прельщаютъ его, онъ сторонится отъ распри и чуетъ, что личная интрига въ данномъ случаѣ играетъ болѣе важную роль, чѣмъ идея и принципъ. Мы можемъ указать на отрадное явленіе, что многіе рабочіе уже отворачиваются отъ крикуновъ и необузданныхъ ораторовъ; рѣчи же спокойныя и ясно изложенныя привлекаютъ къ себѣ вниманіе и сочувствіе слушателей. Въ XI округѣ, въ Парижѣ, на дняхъ собиралось засѣданіе общества «Alliance socialiste républicaine», состоящаго изъ самыхъ умѣренныхъ членовъ рабочей партіи. Предсѣдатель собранія, Железъ, былъ первоначально однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ первыхъ рабочихъ конгрессовъ и работалъ въ редакціи Le prolétaire. Онъ прочелъ собранію программу, напечатанную въ первыхъ нумерахъ этой газеты, представляющую каждому полную свободу мнѣній, указавъ, насколько настоящее направленіе газеты отклонилось отъ заявленной цѣли, и въ заключеніе назвалъ лицъ, которыхъ личное честолюбіе повредило общему дѣлу. Собраніе рукоплескало ему, но одинъ изъ присутствующихъ членовъ «Union fédérale» возразилъ, что программа «Alliance socialiste» не имѣетъ даже тѣни социалистическаго ученія; разбирая программу по параграфамъ, онъ доказывалъ, что она можетъ быть смѣло подписана не только членами академіи наукъ, но и самимъ графомъ de-Chambord. При этомъ ораторъ замѣтилъ, что если буржуазія во-время вспомнить положеніе дворянства въ ночь 4 августа 1789 года и сама отречется отъ своихъ преимуществъ, не раскаиваясь въ томъ, — на другой день, какъ сдѣлало дворянство,—то неизбежный социальный переворотъ совершится мирнымъ путемъ.

Легитимистская партія въ нашемъ политическомъ безсиліи видитъ возможность монархической реставраціи; рожденіе графа de-Chambord чувствовалось во многихъ мѣстахъ обѣдахъ, на которыхъ сказано было не мало пошлыхъ рѣчей. Несомнѣнно, что партія легитимистовъ стала очень незначительна во Франціи, но воззванія такихъ людей, какъ генералъ Шареттъ, способны возбудить междоусобную войну—хотя и не опасную, но все-таки непріятную. Благоразумные люди, озабоченные общимъ благомъ, не желаютъ репрессій ни той, ни другой партіи; для нихъ важнѣе всего увидать правительство на пути дѣятельнаго прогрессивнаго развитія. А этого-то и нѣтъ.

Многіе изъ депутатовъ и даже министровъ объѣзжали провинціи во время вакацій и говорили рѣчи своимъ избирателямъ; ихъ выслушивали съ крайнимъ равнодушіемъ,—всѣмъ надоѣли обѣщанія, которыя не выполняются, и оправданія, противорѣчащія настоящему положенію дѣла. Государственные дѣятели и вожди оппозиціи всѣ наравнѣ утратили свой престижъ. Ничтожество правительства вселило общее политическое безвѣріе.

Гамбетта, подстрекаемый своими клеветами, жаждущими власти, и проголодавшимися аферистами, мечтаетъ какъ можно скорѣе опять забрать въ руки бразды правленія. Всѣ копошутся въ интригахъ. Достигнетъ ли Гамбетта своей цѣли?—Все возможно. На безлюдья и Ома дворянинъ. Но онъ можетъ купить верховную власть только цѣной огромныхъ уступокъ своимъ противникамъ.

Journal Official издалъ безконечный списокъ ссыльныхъ 2 декабря 1851 года, которымъ правительство платитъ пожизненные пенсіи. Многіе изъ нихъ уже давно обезпечены выгодными правительственными должностями. Въ числѣ пенсіонеровъ есть депутаты и сенаторы. Газета La France, желая подтрунить надъ ними, напечатала пуфъ, будто бы составился комитетъ богатыхъ для раздачи субсидій болѣе бѣднымъ пенсіонерамъ. Несомнѣнно, что жестокія преслѣдованія того времени разорили не мало честныхъ людей; но до 1851 года, пока существовала еще республика, генералъ Кавеньякъ также сослалъ безъ суда и расправы тысячи людей, которыхъ никто не подумалъ вознаградить за самоуправство республиканскаго правительства. Послѣ коммуны версальская армія разстрѣливала направо и налево, не давая осужденнымъ даже времени доказать свою личность и непричастность къ дѣлу; на каждого члена коммуны перестрѣлено по десятку лицъ, ради случайнаго съ нимъ сходства. Многіе находятъ, что было бы логичнѣе карать тѣхъ, которые были причиною несчастій, но и это неудобноисполнимо и на проверку выходитъ, что директоръ ссылочной комиссіи, выслужившій свою пенсію, получаетъ вознагражденіе за свое усердіе изъ того же бюджета, изъ котораго выдается пособие жертвѣ, отъ него пострадавшей.

Правительство декретировало уничтоженіе тюльерійскаго дворца. Комиссія перестройки историческихъ зданій поручила архитектору Гарнье расчислить мѣсто; монархисты во Франціи питаютъ суевѣрную привязанность къ развалинамъ дворца и желали, во что бы то ни стало, видѣть его возстановленіе. Правительство нашло лишнимъ тратить миліоны на эту перестройку и монархисты должны навсегда отказаться отъ дорогихъ мечтаній, рисовавшихъ имъ хотя еще въ смутномъ будущемъ пышную придворную жизнь въ этихъ, осужденныхъ теперь на окончательное разрушеніе, стѣнахъ: изящныя рѣшетки, уцѣлѣвшія отъ пламени, будутъ скоро продаваться въ ломъ, а мраморныя колонны нѣкогда пышной фельд-маршалской залы раскупятся на аукціонѣ. Недавно императрица Евгенія была въ Парижѣ. Проѣзжая мимо своего бывшаго жилища, она бросила

вѣроятно послѣдній взглядъ чернымъ рупнамъ, въ которыхъ она царяла въ блестящія годы своей жизни.

Въ то время, какъ французскій пролетаріатъ осыпаетъ бранью свои правящіе классы, они сами подписываютъ себѣ приговоръ своими нравами на сценѣ и въ беллетристикѣ. Мы не касаемся исключеній, а говоримъ о текущей литературѣ, о тѣхъ авторахъ, которые моментально распродаютъ по 60.000 экземпляровъ своихъ сочиненій. Если романы раскупаются и читаются съ явнымъ предпочтеніемъ, то, значить, они удовлетворяютъ нравственнымъ потребностямъ читателей и потому произведенія современныхъ романистовъ дѣлаются невольно мѣрилами нравственного развитія если не всей Франціи, то по крайней мѣрѣ ея высшихъ классовъ. Два писателя двухъ различныхъ лагерей, антагонисты въ убѣжденіяхъ, издали на дняхъ два романа, которымъ слѣдуетъ отвѣсти мѣсто на двухъ противоположныхъ полюсахъ парижскаго растлѣнія: это «*La bouche de m-me X.*», Адольфа Бело, и «*Histoire sans nom*», Барбе д'Орвильи. Бело—буржуа-циникъ; для него женщина—гастрономическое блюдо, которое онъ вѣшаетъ подъ самыми разнообразными приправами и охотно дѣлится рецептами съ читателемъ. Наружностью онъ маленькаго роста, вульгаренъ въ своихъ приемахъ, румяный, съ дерзкимъ взглядомъ. Барбе д'Орвильи выражается изящнѣе, чѣмъ Бело, но любитъ не менѣе его барахтаться въ нравственной грязи. Онъ легитимистъ и придерживается католическаго духа Луи Вельо. Развратъ онъ прикрашиваетъ ханжествомъ и нравится довольно многочисленному кружку читателей. Наружностью онъ высокій, худой, одѣтъ не по модѣ, безъ вкуса и смахиваетъ на авантюриста. Сластолюбіе атеиста и ханжи, свободаго мыслителя и клерикала сливается въ немъ воедино. Безстыдство, дающее тонъ литературѣ, есть явленіе, которое уже не разъ повторялось въ исторіи французскаго народа, и это всегда было признакомъ подступающихъ внутреннихъ кризисовъ. Нѣкоторые талантливые люди стараются остановить общее теченіе, но оно влечетъ за собой толпу, которая съ жадностью бросается на порнографическую литературу. Самые скабрѣзныя сочиненія XVIII вѣка перепечатаны, красуются въ витринахъ и разбираются охотниками. Правительство было вынуждено обратить вниманіе на литературу самаго гнуснаго разряда и послѣдовало запрещеніе дешевыхъ порнографическихъ сочиненій; но дорогія изданія освобождены отъ строгой цензуры, которой подвергнуты дешевыя брошюры.

Какое дѣло до рабочихъ конгрессовъ въ С.-Этьеннѣ и Роанѣ читателямъ, раскупающимъ тридцать девятое изданіе только-что появившагося романа Бело «*La bouche de madame X.*» Не легкая задача сдѣлать разборъ этой книги; она пропитана развратомъ умытымъ, причесаннымъ, раздушеннымъ, а все-таки развратомъ. Бело изображаетъ свой собственный идеалъ въ исповѣди своего героя: «Денежный вопросъ никогда не озабочивалъ меня; я родился богатымъ, мое состояніе обезпечено отъ всякихъ

краховъ. Чѣмъ я занимаюсь?—Ничѣмъ. Когда-то изучалъ право, но послѣ этого усилія остановился; гляжу, какъ другіе работаютъ, и эксплуатирую ихъ трудъ. Я слишкомъ люблю всѣхъ женщинъ, чтобы когда-нибудь полюбить одну». Дѣло дошло до того, что герои Бело влюбляются въ руку, ногу, глазъ, носъ, губы; на этотъ разъ нѣкто Д*** полюбилъ ротъ одной женщины. Авторъ на многихъ страницахъ описываетъ намъ съ весьма пикантными подробностями особенныя примѣты женщинъ разныхъ странъ; его герой находитъ, что богатый парижанинъ, умѣющій тратить свои деньги, можетъ, сидя у камина, угостить себя продуктами всего земнаго шара; онъ разсылаетъ своихъ клеветовъ за границу и они привозятъ ему «образцы», которыми онъ довольствуется, примиряясь съ тѣмъ, что они «не первой свѣжести». Онъ называетъ это «интернаціональною любовью».

Романъ завязывается тѣмъ, что господина Д., въ извѣстномъ мѣстѣ, знакомятъ съ женщиной подъ вуалью. Ему не удается довести интригу до финала. Незнакомка скрывается. Д. влюбляется въ ея ротъ, начинаетъ ее разыскивать и, наконецъ, встрѣчается съ ней въ Пиренеяхъ. Незнакомка оказывается графиней, которой надоѣла честная жизнь и захотѣлось испробовать запретнаго плода. Послѣдовала неудача перваго свиданія. Д. спасаетъ жизнь графини въ Пиренеяхъ, напоминаетъ ей о своей особѣ и уговариваетъ продолжать интригу. Героиня соглашается безъ особенныхъ затрудненій. Вотъ образчикъ романа, увѣччанаго блестящимъ успѣхомъ. Мы находимъ въ немъ одно только качество, и то отрицательное, отсутствіе всякаго лицемерія. Нельзя сказать того же о соперникѣ Бело; романъ Барбе д'Орвиля не менѣе безнравственъ, да къ тому пропитанъ ханжествомъ. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ XVIII вѣка. Madame и mademoiselle de Ferjol, «набожныя какъ ангелы», отправились слушать великопостныя поученія капуцина, «котораго одѣяніе такъ поэтично и живописно». Barbey d'Aurevelly рисуетъ г-жу Фержоль какъ женщину рѣдкой энергіи, созданную для обузданія самыхъ строптивыхъ и непокорныхъ, но на долю которой выпало быть лишь руководительницею невинной дѣвочки. Авторъ романа считаетъ себя христианиномъ по преимуществу, но у него всюду фатумъ играетъ роль *deus et machina*. Во всякомъ случаѣ Barbey d'Aurevelly въ правѣ называть себя писателемъ католическимъ, — никто пока не изобразилъ современное положеніе католичества.

Если произведенія этого писателя грѣшатъ порою вычурностью и неясностью, то они все-таки выше сочиненій его соперника—Belot. Кого выводить въ своихъ романахъ Belot? — Людей вульгарныхъ, грубыхъ, единственной цѣлью жизни ставящихъ наслажденіе. Это—манекены, надѣленные всѣми пороками своего времени, а не люди. Barbey d'Aurevelly дастъ намъ живыя лица, выхваченныя изъ среды аристократіи и духовенства. Всѣ эти лица порочны, развращенны, всѣ обладаютъ искусствомъ примирять страсти съ суровыми требованіями церкви и тради-

ціонными предразсудками замковъ. Паденіями своихъ героевъ Barbey d'Auvevelly наслаждается, приче́мъ его нравственное чувство не страдаетъ.

Религія Barbey d'Auvevelly—религія либерализма добраго стараго времени: днемъ онъ самоуслаждается непристойными воспоминаніями, а ночью—очищаетъ свою совѣсть пѣскошьякими ударами бича.

Характеръ дочери г-жи Фержоль, Lasthénie, не лишень прелести. «Дѣтская наивность,—говорить Barbey d'Auvevelly,—не покидала ее съ колыбели... Подобно фіалкѣ, она ютилась у подошвы горъ Фортеца и, какъ ландышъ, затерялась въ его сырой и темной зелени. Въ ея время единственнымъ наставникомъ молодыхъ дѣвушекъ были великія чувства и онѣ довольствовались этимъ; появлясь въ свѣтъ ничего не вѣдая, онѣ все угадывали. Теперь,—продолжаетъ авторъ,—ихъ учать всему, но онѣ ни до чего не доходятъ сами». Весь романъ переполненъ сравненіемъ стараго порядка съ новымъ и на каждой страницѣ упиженіе послѣдняго.

Barbey d'Auvevelly склоненъ къ трагическому. Героиня его—сонамбулиста, бродитъ по ночамъ. Въ такомъ состояніи ее встрѣтилъ монахъ Riculf и, обезчестивъ, скрылся. Дѣвушка стала чахнуть. Черезъ нѣсколько времени обнаруживается ея беременность. Мать въ отчаяніи. Она осыпаетъ вопросами дочь, которая молчитъ, не зная что сказать, сама ничего не вѣдая. Мать принимаетъ молчаніе несчастной жертвы за упорство грѣшницы и съ жестокостью ханжи мучаетъ свое дѣтище. Lasthénie дѣлается матерью мертваго ребенка, сходитъ съ ума и умираетъ. Мать переживаетъ ее.

Въ роковую для Lasthénie ночь у нея съ пальца слѣзло кольцо, исчезновеніе котораго она ни себѣ, ни матери не могла объяснить и только черезъ 25 лѣтъ г-жа Фержоль случайно узнала все. Пользуясь безпорядками революціи, монахъ Riculf становится предводителемъ шайки разбойниковъ и однажды нападаетъ на одного богатаго купца; въ борьбѣ послѣдній схватываетъ злоумышленника за руку и привязываетъ его. Не желая отдаться во власть правосудія, Riculf отрубаетъ себѣ руку, на пальцѣ которой оказалось кольцо. Это чудовище умираетъ въ монастырѣ траппистовъ, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ. Кольцо доставляютъ г-жѣ Фержоль и она, наконецъ, убѣждается въ невинности своей несчастной дочери. «Не монахъ убилъ мою дочь,—воскликаетъ она,—я сама докончила его преступленіе!» Узнавъ о благочестивой кончинѣ Riculf'a, она говоритъ: «Если онъ на небѣ, я не хочу быть тамъ съ нимъ». Подъ вліяніемъ страшной ненависти, эта страдающая ханжа идетъ къ траппистамъ, чтобы посмотреть въ открытую могилу своего врага. Тамъ существовалъ обычай не зарывать яму; изъ горстей земли, бросаемыхъ всѣми, сама собой образуется насыпь въ шесть дюймовъ; здѣсь у разверстой могилы эта женщина завидовала червямъ, пожиравшимъ трупъ этого оставшагося безнаказаннымъ злодѣя.

Католики нападаютъ на своего писателя: можно ли, говорятъ они, выставять такихъ монаховъ—прелюбодѣевъ и преступниковъ и такихъ безсердечныхъ женщинъ-ханжей!

Третій томъ «Переписки Жоржъ Зандъ» начинается 1848-мъ годомъ. Февральская революція приводитъ въ восторгъ знаменитую женщину. «Чудный сонъ,—пишетъ она 9 марта,—великая радость въ Парижѣ и вѣстѣ съ тѣмъ какой порядокъ, какая дисциплина въ городѣ! Я только-что вернулась, выбѣжала на улицу и моимъ глазамъ предстали, у моихъ ногъ выросли послѣднія баррикады. Я видѣла народъ—великій, чудный, наивный и великодушный, собранный въ сердцѣ Франціи, въ сердцѣ всего свѣта. Прекраснѣйшій народъ въ цѣломъ мірѣ! Я провела много ночей безъ сна, много дней ни присѣвъ ни на минуту. Счастье, опьяненіе, какой-то бредъ охватываютъ, когда засыпаешь въ грязи и просыпаешься на небѣ».

Несмотря на свой энтузіазмъ, Жоржъ-Зандъ понимала несостоятельность людей временнаго правительства, которому предстояло выполнить задачи, «требующія гения Наполеона и сердца Спасителя», но настроеніе парижскаго народа ее ободряетъ. Она говоритъ: «прочность такого настроенія — это идеалъ». Временное правительство дѣлаетъ все, чтобъ охладить общее возбужденіе, но Жоржъ-Зандъ продолжаетъ восторгаться. «Всѣ мои физическіе недуги, всѣ нравственныя страданія забыты; я живу, я сильна, дѣятельна, мнѣ снова 20 лѣтъ». Въ это время она составляла правительственные циркуляры.

Ея сынъ Морисъ былъ меромъ своей общины. «Меня забавляетъ,—говоритъ она сыну,—что все это къ тебѣ обращается, а ты самъ офиціальнымъ путемъ получаешь предписанія отъ твоей матери». Она, какъ художница, любовалась восторгомъ толпы, сравнивая происходившее у нея на глазахъ съ итальянскими жнецами, изображенными на картинахъ Леопольда Робера. «Народъ въ движеніи здѣсь дивно хорошъ. Я встрѣчаю его вездѣ. Вчера я видѣла толпу человѣкъ въ пятьдесятъ, несущую громадную сосну — дерево свободы. Во главѣ барабанщикъ и знамя; отрядъ этихъ мощныхъ, крѣпкихъ земледѣльцевъ — съ зелеными вѣнками на головахъ, съ заступомъ, стрѣлой или топоромъ за плечами—восхитительнѣе, великолѣпнѣе всѣхъ картинъ на свѣтѣ!»

Политическій медовый мѣсяцъ Жоржъ-Зандъ длился четыре недѣли. Въ апрѣлѣ уже ею овладѣваетъ безпокойство; она видѣтъ, какъ Ламартинъ поддается внушеніямъ интригановъ, и обращается къ нему съ страстными заклятіями: «Вы вынесли изъ блѣднаго тумана и суетнаго дыма тщеславнаго свѣта, желающаго удержать все для себя, свѣточъ, блистающій въ вашей душѣ, а теперь вы не вѣрите тому, что Провидѣніе, сотворившее такое чудо съ однимъ человѣкомъ, можетъ зажечь тотъ же свѣтъ правды и въ сердцахъ цѣлаго народа? Вы думаете, что народъ будетъ ждать еще цѣлыя столѣтія, чтобъ осуществить великолѣпную картину, которую ему мелькомъ показали?—О, нѣтъ, нѣтъ!... Не кажется ли вамъ, что вы живете въ эпоху, когда обязанности человѣка добраго и человѣка гениальнаго тождественны, когда оба должны стремиться задержать паденіе еще хорошаго, неотжившаго общества? Быть-можетъ вы думаете, что начавшеся

разрушеніе пріостановится передъ послѣднимъ камнемъ?—Нѣтъ, оно уже совершилось. Неужели вы желаете быть этимъ послѣднимъ препятствующимъ камнемъ, причиной, источникомъ нечистоты свода, — вы, который въ глубинѣ души такъ ненавидите все нечистое и во всеуслышаніе, въ лирическихъ порывахъ, клеймите поклоненіе Мамону? Еслибы люди дѣла, до которыхъ вы снисзошли, прямо, открыто работали надъ освобожденіемъ человѣческой семьи, я бы стала обожать васъ, какъ святаго. Я бы сказала; что вашему гению дано кроткое сердце Христа, которое заставляетъ трапезовать съ мытарями, чтобы просвѣтить ихъ истинною. Но вѣдь вы знаете, что не достигнете этого. Сила способная обращать, умилять испорченныя или огрубѣвшія души—въ рукахъ Предвѣчнаго, но, кажется, Онъ не съ нихъ хочетъ начать возрожденіе человѣчества,—не озарилъ, не смягчилъ ни одного изъ нихъ. Зачѣмъ вы съ тѣми, кого Богъ не хочетъ просвѣтить, а не съ тѣми, кого Онъ призвалъ? Зачѣмъ вы встали между буржуазіей и пролетаріатомъ, чтобы проповѣдывать однимъ самоотреченіе, т. е. продолженіе ихъ страданій, до новаго приказа, который ваши дѣловые люди возможно дольше не будутъ давать, а другихъ склонять къ маленькимъ уступкамъ, дѣлаемымъ скорѣе изъ страха, чѣмъ по убѣжденію?»

Слова Жоржъ-Зандъ не отрезвляютъ Ламартина; онъ тѣснѣе сближается съ врагами республики,—той самой республики, которая создала его власть. 17 февраля она пишетъ о немъ: «Онъ бережетъ всѣ идеи и всѣхъ людей, не вѣруя ни въ одну идею, не любя ни одного человѣка». Далѣе она объясняетъ причину зла. Оно происходитъ не потому, что народъ, какъ многіе говорятъ, не доросъ до пониманія идей, и не потому, что сами идеи будто бы не дозрѣли, но люди проповѣдующіе эти идеи не добры, воли и прямоты нѣтъ, а истина плодотворна лишь тогда, когда она исходитъ изъ чистаго сердца. Люди же фальшивы, честолюбивы, тщеславны, эгоисты и лучшіе изъ нихъ не лучше чорта».

Жоржъ-Зандъ, конечно, и волоса на головѣ не пожертвовала бы для политическихъ дѣятелей, подобныхъ Распайлю, Бланки, Кабету. «Я съ замираемъ сердца слѣжу за тѣмъ, съ какими легкомысліемъ эти «педанты»,—такъ она называла ихъ,—подбиваютъ толпу къ возстанію, не заботясь о томъ, подготовлена ли она къ нему и царствуетъ ли единодушіе среди нихъ самихъ». 28 мая она отвѣчаетъ Торэ, который вѣроятно укорялъ ее въ недостаткѣ смѣлости. «Не говорите мнѣ: не знайте страха,—страхъ не французское слово. Я слишкомъ утомлена жизнью, чтобы упустить случай ее потерять, — слишкомъ врагъ собственности, чтобы не желать освободиться отъ нея. Я слишкомъ привыкла къ усталости и труду, чтобы не цѣнить отдыха. Но моя совѣсть робка и угрызенія ея черезчуръ велики, когда дѣло идетъ о возбужденіи народа къ возстанію. Какъ бы ни были новы и смѣлы доктрины, осуществлять ихъ наобумъ нельзя. Я вѣдаю, подобно мужчине, и волненіе борьбы, и неутра-

зность первого выстрѣла ружья. Въ молодости я послѣдовала бы за дивомъ, призывающимъ къ огню и мечу, но теперь, многому научившись, я дрожу за день слѣдующій за побѣдой. Готовы ли мы настолько, чтобы дать достойный отчетъ Богу и людямъ? Я говорю *мы*—въ прошломъ, въ настоящемъ же я не могу отдѣлать себя отъ народа. Народъ не созрѣлъ и, насильственно толкая его впередъ, мы задержимъ его на пути развитія».

Затѣмъ она опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ роль побѣжденныхъ при покушеніи на національное собраніе, произведенномъ 15 мая 1848 г.: «Они хотѣли навязать народу неожиданностью, нахальствомъ,—силы у нихъ не было,—идеи, которыя онъ не могъ усвоить. Они желали водворить для него братство, но не какъ Христосъ, а какъ Магометъ его водворялъ. Вмѣсто религіи у насъ былъ бы фанатизмъ. Нѣтъ, идеи и истины не такимъ путемъ водворяются. Послѣ трехъ мѣсяцевъ такой физической узурпаціи изъ республиканцевъ мы бы обратились въ варваровъ».

Вплоть до *coup d'état* 1851 года республика не жила, а влачила свое существованіе. Вслѣдъ за 2 декабря Жоржъ-Зандъ обратилась къ принцу Луи-Наполеону съ длиннымъ посланіемъ, въ коемъ она склоняетъ его къ амнистіи. Многіе друзья и до сихъ поръ не простили ей этого. Новый глава государства при личномъ съ нею свиданіи согласился сдѣлать многое для тѣхъ, о комъ она просила. «Въ награду мнѣ всѣ говорятъ и всѣ пишутъ: «Вы—бонапартистка... Просите за насъ, получайте, но ненавидьте дающаго человѣка. Если вы не будете утверждать, что онъ пожираетъ живыхъ дѣтей, мы поставимъ васъ внѣ закона». Все это меня не удивляетъ,—я ни на что другое не рассчитывала,—но раздоръ партій и ихъ направленіе возбуждаютъ во мнѣ глубокое отвращеніе, и я чувствую благодарность не къ президенту, который не просилъ меня о ней, а къ Богу, за то, что лучше многихъ понимаю свои политическія уступки».

Мадцини горько упрекаетъ Жоржъ-Зандъ за ея новыя романы. «Вы удивляетесь,—пишетъ она ему 15 декабря 1853 г.,—что я занимаюсь литературой, а я благодарю Бога, что Онъ сохранилъ мнѣ эту способность, которая даетъ возможность моей совѣсти преслѣдовать дѣло нравственнаго просвѣщенія. Что бы стала я дѣлать, покинувъ мою скромную дѣятельность?... Заговоры?—Я на нихъ неспособна. Памфлеты?—У меня нѣтъ для нихъ достаточно ума и желчи. Придумывать теории?—У насъ ихъ слишкомъ много и онѣ довели насъ до ссоръ и распрей—могли правды и всякой власти».

Читая эту интересную переписку, выносишь впечатлѣніе, что среди всѣхъ превратностей, которыя бросали Францію изъ стороны въ сторону за періодъ отъ 1848 до 1856 г., Жоржъ-Зандъ была одной изъ самыхъ мужественныхъ и дальновидныхъ личностей этой эпохи. Здѣсь же можно познакомиться со всѣми дѣйствующими политическими партіями Франціи, которыя вопреки всѣмъ урокамъ жизни остались такими же, какъ были 20—30 лѣтъ раньше.

Въ сентябрьской книжкѣ *Revue des Deux Mondes* помѣщена статья г. Габріеля Шармъ — «Французская республика и ея интересы на Востока». Онъ начинается съ того положенія, что республика дала уже доказательства своей состоятельности внутри, но не доказала ее во внѣшнихъ дѣлахъ. «Противники республики, — говоритъ онъ, — облегчаютъ ей ея обязанности; ихъ неловкія и неумѣлыя нападки доставили ей не одинъ блестящій успѣхъ и мало-по-малу страна стала тѣмъ, чѣмъ должна быть, относясь съ полнымъ довѣріемъ къ будущему, которымъ она будетъ обязана республикѣ».

На послѣднихъ выборахъ почти вездѣ монархическая оппозиція поражена и почти вездѣ республиканское движеніе достигло небывалой силы, которую признали и самые ярые скептики. «Но, подъ влияніемъ опьяненія, — говоритъ авторъ, — торжествомъ, ошибочно строить иллюзіи относительно общественнаго мнѣнія, подвижнаго и всегда легко мѣняющагося. Какъ бы ни были велики несчастія, постигшія Францію въ 1870 и 1871 годахъ, но въ моментъ созиданія республики она ни внутри, ни внѣ не была тревожима. Правда, она была одинока, — постигшее ее бѣдствіе отдалило отъ нее тѣхъ, кто любитъ опираться на мощную націю; правда, она потеряла двѣ провинціи, границы ея искажены, флангъ разстроены, — но осталось прошлое съ его славными завоеваніями, — наслѣдство, которое можетъ быть сохранено и умножено. Побѣжденная на сушѣ, Франція въ приморскихъ странахъ удержала свои владѣнія и свой престижъ».

Завѣтная мысль автора разсматриваемой статьи, чтобы Франція заняла на сѣверѣ Африки положеніе, какого Англія достигла въ Индіи и Россія въ центральной Азіи. Онъ между прочимъ обращается къ Англіи, уговаривая ее «не злоупотреблять своими побѣдами на сушѣ», — другими словами, присоединить Францію къ урегулированію египетскихъ дѣлъ. Онъ укоряетъ французскихъ демократовъ за равнодушіе къ потерѣ французскаго вліянія на Востока. «Занятые постройкою парижской ратуши и реформою магистратуры, они этихъ потерь, — говоритъ г. Шармъ, — не замѣчаютъ, по правительству, которое постепенно заставитъ Францію играть роль Бельгіи или Швейцаріи, не имѣющихъ никакого вліянія на міровыя событія, заслужить презрѣніе потомства».

Въ *Nouvelle Revue* за сентябрь г. Турмье знакомитъ съ путешествіемъ Проспера Мериме по Востоку. Въ 1841 году Мериме вмѣстѣ съ извѣстнымъ ученымъ Ленорманомъ объѣздили Грецію и Турцію. Пріѣхавъ въ Элладу, холодная душа Мериме, насколько могла, растаяла. Вотъ что онъ пишетъ: «Наши дни проходятъ въ восторгахъ, въ постоянныхъ восторгахъ; ни плохія жилища, ни отвратительныя дороги не въ состояніи лишить Грецію той поэзіи, которая ее окружаетъ, которою въ ней все дышетъ. Никто безъ волненія не ступалъ на почву этой священной страны, гдѣ столь великія воспоминанія заключены въ такія малыя пространства». Но скептицизмъ Мериме быстро входитъ въ свои права и, у Фермопиль сорвавъ цвѣтокъ, онъ спрашиваетъ: «Быть-можетъ въ составъ

его атомовъ вошло нѣсколько атомовъ Леонида?» Насмѣшка—господствующая черта его ума: «Азіятки,—пишетъ онъ,—или восхитительно хороши, или невѣроятно смѣшны, и съ утра до ночи мы переходимъ отъ смѣха къ восторгу.... Намъ вездѣ оказывали много вниманія,—продолжаетъ онъ,—и потому насъ всюду встрѣчали жандармы; завидѣвъ насъ издали, они готовили намъ кофе. Въ этой странѣ обычай провѣрять паспорта; мой паспортъ великолѣпенъ,—въ немъ надѣлили меня перьями горлицы и глазами льва. Въ Эфесѣ мы нашли столько же памятниковъ, какъ въ Римѣ, но они всѣ разрушены. Впечатлѣніе все-таки поразительное». Нѣкоторые факты у Мериме преувеличены до анекдота. Такъ онъ приводитъ мнѣніе одного просвѣщеннаго восточнаго человѣка объ европейской прессѣ: «Мой добрый другъ, смирснскій паша Османъ, носящій такой же, какъ и мы съ вами, покрой платья, сказалъ мнѣ однажды: «Хорошая выдумка европейскіе журналы,—они дѣлаютъ время незамѣтнымъ». — «Ваши трубки,—отвѣчалъ я,—для этой цѣли пригоднѣе». — «Да, моя трубка хороша, но иногда, когда куришь, печальныя мысли приходятъ въ голову, а читая европейскіе газеты и журналы, совсѣмъ перестаешь думать». Мериме подсмѣивается надъ цивилизованными турками: Гафизъ-пашѣ французское посольство давало обѣдъ; за столомъ одинъ изъ секретарей посольства спросилъ, не утомляютъ ли его превосходительство такіа празднества, столь не похожіа на турецкіе обѣды?» — «Нѣтъ, нисколько; я очень люблю европейцевъ. Я нисколько не похожу на большинство турокъ,—они всѣ какія-то животныя, которыя не умѣютъ цѣнить удобствъ жизни, изысканную вѣжливость, изобрѣтенную французами». Говоря это, любитель европейскаго комфорта и вѣжливости расчесывалъ вилкой свою бороду...

Въ той же книгѣ Nouvelle Revue G. Valles оканчиваетъ свой рассказъ «Инсургентъ», въ которомъ онъ излагаетъ исторію своихъ личныхъ приключеній во время коммуны, и тѣ страницы, гдѣ авторъ описываетъ ужасы коммуны, производятъ потрясающее впечатлѣніе. Его встрѣчаетъ федератъ словами: «Измѣнникъ! вы не желаете запечатать вашихъ рукъ на случай, когда будете призваны передъ трибуналомъ или исторіей. Конечно, мы, рабочіе, должны своими руками исполнить грязную работу, чтобы потомъ вы на нихъ наплевали, не правда ли?» Не улицѣ среди жаркой борьбы, среди страшныхъ жестокостей Valles видитъ нищаго, который все стоитъ на одномъ мѣстѣ съ протянутой чашкой и монотоннымъ припѣвомъ: «la charitée s'il vous plait». «О, несчастный! — восклицаетъ авторъ, — ты и подъ пушками не опускаешь твоей руки. Среди криковъ человѣческой борьбы, ты продолжаешь свои монотонныя причитанія съ кажушимся самообладаніемъ героя и стоишь безучастный къ этой безопадной рѣзні. О, механизмъ, устроенный для подлости!»

W**.

Парижъ.

19. окт. 1882 г.

Два слова въ память десятилѣтія московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Въ день *перваго ноября 1872 года* петербургская медико-хирургическая академія открыла свои двери для женщинъ. Въ этотъ же день происходило открытіе въ *Москву высшихъ женскихъ курсовъ*.

Желая хоть чѣмъ-нибудь напомнить о первомъ праздникѣ русской женщины, я хочу вызвать изъ воспоминаній уходящей уже въ Лету день открытія *первыхъ* высшихъ женскихъ курсовъ въ Россіи.

То было въ среду. Въ 12-мъ часу дня обычное движеніе экипажей по Пречистенкѣ замѣтно усилилось. Большинство направлялось къ зданію первой мужской гимназіи. Здѣсь должно было происходить молебствіе и открытіе московскихъ курсовъ, извѣстныхъ теперь подъ именемъ курсовъ г. Герье.

Поднимаясь по чугунной ажурной лѣстницѣ, ведущей изъ швейцарской вверхъ, въ актовую залу, невольно переносило воображеніе въ Петербургъ: «тамъ тоже, думалось, тянутся теперь вереницы женщинъ на Выборгскую сторону, въ зданіе академіи, тамъ тоже теперь собираются на молебствіе...»

Вся актовая зала (будущая аудиторія слушательницъ) была уставлена стульями. Курсистки сидѣли, стояли, говорили группами... Многія изъ нихъ были знакомы между собой по Лубнскимъ курсамъ, открытымъ въ Москвѣ тремя годами раньше. Темой оживленныхъ разговоровъ была неясная для собравшихся женщинъ программа и ближайшая цѣль курсовъ. Изъ поступавшихъ никто не зналъ, какъ и что будутъ читать: будутъ ли это спеціальныя филологическія курсы, или общеобразовательныя съ программой нѣсколько выше среднего уровня, было пока загадкой...

Въ залу въ день открытія допускали не одиѣхъ слушательницъ, — сюда могли входить всѣ, кто хотѣлъ. Потому среди взрослыхъ дѣвушекъ мелькали и дѣвочки — курсистки въ будущемъ. Онѣ пріѣхали сюда съ матерями и гувернантками посмотреть на торжество открытія.

У подъѣзда стояло нѣсколько каретъ; въ залѣ шумѣли шлейфы шелковыхъ платьевъ. Мнѣ помнится этотъ шумъ на московскихъ курсахъ

весь первый годъ... Потомъ, черезъ годъ, черезъ два, этихъ звуковъ, разрушающихъ тишину аудиторіи, уже не было, и не оттого, чтобы на слѣдующій годъ контингентъ слушательницъ оказался другой,—нѣтъ: у подъѣзда по-прежнему стояли разные домашніе экипажи, среди слушательницъ по-прежнему встрѣчались княжескія фамиліи. Но колоритъ простоты быстро сдѣлался преобладающимъ, смѣнилъ прежнюю пышность костюмовъ, сгладилъ въ общей массѣ выдѣлявшійся сравнительно малочисленный элементъ.

Тутъ же въ толпѣ стояли и будущіе преподаватели курсовъ, профессора университета: г. Тихонравовъ, г. Стороженко, основатель курсовъ В. И. Герье...

Зала все больше и больше переполнялась публикой. Пробыло часъ. Профессоръ Герье, замѣнявшій и замѣняющій также въ настоящее время собою все начальство курсовъ, пригласилъ присутствующихъ пройти въ церковь, которая помѣщалась тутъ же рядомъ.

Слушательницы размѣстились впереди, профессора—у входа.

Начался молебенъ.

Много читалось молитвъ съ просьбой: «вложить отроковицамъ память, разуміе...»

Опять невольно приходило на мысль: «теперь и въ Петербургѣ молятся и тамъ думаютъ о томъ же...»

Передъ окончаніемъ молебна священникъ вышелъ на амвонъ и сказалъ длинную, весьма пространную рѣчь. Онъ старался доказать ею, что образованіе женщины нисколько не противорѣчитъ христіанской религіи. Сама церковь возвысила женщину,—говорилъ онъ,—церковь сама сравняла ее съ мужчиною, установивъ особую должность «діакониссы». Въ исторіи христіанства,—продолжалъ духовный пастырь,—женщина высоко стоитъ, какъ мать, какъ жена. Последнюю мысль онъ развивалъ и подкрѣплялъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ разныхъ житій святыхъ, подвиговъ мученицъ, рисуя тѣ образы женщинъ, какими богата духовная литература...

Приложившись ко кресту, окропленные святою водою, слушательницы двинулись опять въ ту же актовую залу и по приглашенію профессора Герье заняли мѣста.

Профессора стали группой у стѣнки.

На кафедре поднялся убѣленный сѣдинами историкъ Соловьевъ (на имя котораго было дано разрѣшеніе открыть курсы).

Съ своимъ обычнымъ умѣньемъ хорошо говорить, профессоръ указалъ на неудовлетворительность существующаго въ настоящее время образованія женщинъ: женщины не въ силахъ ни понять, ни раздѣлить интересовъ, идеаловъ образованнаго мужа... Съ ними тяжело. Чтобы поднять женщину, поднять ея развитіе, рѣшено открыть высшіе женскіе курсы, которые могли бы ей дать высшее общее образованіе.

Этимъ какъ бы опредѣлялась и программа, и цѣль курсовъ: общее образованіе и—никакой спеціализаціи.

Отъ того,—продолжалъ профессоръ,— что изъ среды женщинъ выдѣлятся двѣ-три и станутъ корпѣть надъ микроскопомъ, женщина въ общемъ не выиграетъ и не станетъ выше. Но если между ними найдутся десятки безъ общаго образованія, то отъ этого она много проиграетъ. У насъ недостатокъ общаго образованія чувствуется и въ мужчинахъ—спеціалистахъ, которыми часто приходится играть жадкую роль, когда заходить рѣчь, не касающаяся ихъ спеціальности. Происходитъ это оттого, что молодые люди прямо изъ гимназій переходятъ у насъ въ университетъ, гдѣ тотчасъ же начинаютъ спеціализироваться. Чтобы не впасть въ ту же ошибку и въ дѣлѣ образованія женщинъ, мы рѣшили устроить общеобразовательные высшіе курсы.

Вотъ приблизительно содержаніе рѣчи г. Соловьева, оставшейся въ воспоминаніи. Сходя съ кафедръ и обращаясь къ профессору Герье, онъ закончилъ ее слѣдующими словами: «Такъ съ Богомъ, товарищъ, за дѣло!» И за нимъ на кафедре вошелъ основатель курсовъ, г. Герье.

Рѣчь послѣдняго была короче. Онъ доказывалъ, что образованіе женщины не противорѣчитъ указаніямъ исторіи, что въ исторіи есть примѣры не только образованныхъ, но и ученыхъ женщинъ... Упомянулъ и объ открывающихся въ Петербургѣ врачебныхъ курсахъ. Намѣтилъ программу будущихъ чтеній. Сообщилъ, что число слушательницъ превзошло ожиданіе: записавшихся ко дню открытія оказалось 53. Тогда казалось это много, тѣмъ болѣе, что одновременно открывавшіеся курсы въ Петербургѣ сильно оттягивали къ себѣ женщинъ. Рѣчь была закончена приглашеніемъ присутствовать въ этотъ же день, въ три часа, на первой лекціи, которую долженъ былъ читать профессоръ Бредихинъ...

Я не буду останавливаться на этой лекціи, какъ и вообще на дальнѣйшей жизни и ростѣ курсовъ. Мнѣ хотѣлось,—какъ я уже сказала,— ради совершившагося десятилѣтія вспомнить день открытія, возстающій въ памяти со всѣми его подробностями. Помню, какъ многія слушательницы остались недовольны рѣчью г. Соловьева: нѣкоторыя потому, что хотѣли спеціализаціи, а не *общихъ* курсовъ; другія были крайне оскорблены, что цѣль курсовъ,—по словамъ г. Соловьева,—какъ бы сводилась къ созданію изъ курсистокъ въ будущемъ образованныхъ женъ...

Въ то время, т. е. десять лѣтъ тому назадъ, женщина мечтала о полной самостоятельности, независимости, даже какъ бы объ обособленности отъ мужчины, и потому, принявъ съ извѣстнымъ освѣщеніемъ слова г. Соловьева, нѣкоторыя были шокированы, считали себя оскорбленными...

Съ тѣхъ поръ русская женщина сильно измѣнилась: она много выросла, смотритъ шире, не тѣмъ узко-одностороннимъ взглядомъ, какимъ смотрѣла тогда, охваченная литературнымъ направленіемъ шестидесятыхъ годовъ; къ тому же теперь она достаточно испробовала свои силы и

крѣпко вѣрять въ нихъ. Потому теперь уже нѣтъ у нея того нервно-враждебнаго отношенія къ другой половинѣ человѣческаго рода, какъ было въ тѣ годы. Теперь честное исполненіе обязанностей матери она ставитъ не ниже ученыхъ степеней, а задачи матери-воспитательницы—выше и труднѣй всякихъ ученыхъ изысканій и теорій, требующихъ большой и широкой подготовки...

Провожая первое десятилѣтіе курсовъ и привѣтствуя идущее на встрѣчу новое, хочется еще разъ обернуться назадъ съ тѣмъ, чтобъ именно сегодняя, въ день десятилѣтія, вспомнить добрымъ словомъ одну изъ свѣтлыхъ личностей, отдавшую курсамъ большую долю своихъ молодыхъ, богатыхъ силъ. Я говорю о рано сошедшемъ въ могилу и такъ благотворно влиявшемъ на своихъ слушательницъ — г. Шаховъ. Онъ читалъ на курсахъ исторію всеобщей литературы, преимущественно XIX вѣкъ, — читалъ съ осени 1873 года до весны 1875, когда доктора послали его на югъ, страшно изнуреннаго грудною болѣзнію. Черезъ годъ онъ вернулся и возобновлялъ чтенія, но чахотка, подкрившаяся къ нему такъ рано, несмотря на лѣченье и на заграничную поѣздку, свела его въ 1877 году въ могилу.

Молодой, энергичный, высокій, худой по наружности, съ горящими глазами, серьезно сосредоточенный, взошелъ онъ въ первый разъ на кафедру. Едва раздалась его энергичная, полная художественныхъ образовъ рѣчь, какъ въ аудиторіи вдругъ все притихло... Такъ бывало и во всѣ послѣдующія его лекціи: боялись проронить, не дослушать хотя бы одно слово изъ богатой по содержанию и увлекательной по формѣ рѣчи молодого преподавателя. Слушательницы съ восторгомъ внимали ему. «Интересно! Чудно хорошо!»— вотъ отзывы, какіе слышались послѣ каждой его лекціи.

Г. Шаховъ не читалъ,—онъ говорилъ, и говорилъ увлекательно, со всѣмъ жаромъ и пыломъ, на какую способна молодость, да къ тому же еще одаренная несомнѣннымъ талантомъ.

Передавая въ своей лекціи то или другое положеніе научнымъ, отвлеченнымъ языкомъ, онъ сейчасъ же возвращался къ конкретному образу изъ области той же литературы. Выбранный имъ примѣръ до осязательности ясно передавалъ его мысль и настолько бывалъ цѣленъ, что самъ по себѣ представлялъ нѣчто законченное въ художественномъ отношеніи.

«Шаховъ—это талантъ,—писала одна изъ его слушательницъ въ своемъ дневникѣ.—Никогда не слыхала я такой пылкой, горячей рѣчи, никогда не видала на кафедрѣ такого истиннаго, неподдѣльнаго увлеченія своимъ предметомъ! Свѣтлый взглядъ Шахова не можетъ пройти для насъ безъ влиянія; его пламенная рѣчь, полная вѣры въ ближайшее лучшее, никогда не забудется его слушательницами...»

Пусть же со днемъ *перваго ноября* для слушательницъ московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ связывается также и воспоминаніе объ этой свѣтлой личности юнаго и рано сошедшаго въ могилу преподавателя!

Е. Некрасова.

Изъ провинціи.

Еще о женскихъ врачебныхъ курсахъ.

Въ IX книгѣ текущаго года редакція *Русской Мысли* помѣстила за- жѣтну «О печальномъ положеніи женскихъ врачебныхъ курсовъ», гдѣ послѣ краткаго обзора полезности этого учрежденія и заявленія о томъ, что курсы закрываются за неимѣніемъ больницы, при которой они могли бы пріютиться, редакція обращается къ обществу съ просьбой удѣлить хоть маленькую долю своего заработка или излишка для созданія прію- та врачебныхъ курсамъ.

Полезность врачебныхъ курсовъ и добросовѣстное отношеніе слуша- тельницъ къ учебнымъ занятіямъ давно уже сдѣлались извѣстными боль- шинству русскихъ образованныхъ людей. Существованіе курсовъ состав- ляло нашу гордость передъ многими иностранными государствами, кото- рые съ восторгомъ, чуждымъ всякой зависти, указывали на прекрасный починъ Россіи въ разрѣшеніи женскаго вопроса. Кромѣ того, десятилѣт- нее существованіе врачебныхъ курсовъ, непричастныхъ во все это время ни къ какимъ политическимъ демонстраціямъ, фактически опровергло тен- денціозно-ложное мнѣніе нашихъ охранителей, будто бы съ медициною усвоивается учащимися духъ своеволія. Заявленіе нѣкоторыхъ о томъ, что занятіе женщинъ медицинскими науками разрушаетъ ихъ нравственность и отвлекаетъ отъ семьи, до такой степени невѣжественно и пошло, что разсужденіе на эту тему вызываетъ чувство брезгливости. Неужели къ этому заявленію пристають и наши дамы, такъ охотно и спокойно иду- щія съ своими женскими болѣзнями къ мужчинъ-врачу? Безразсудно бы- ло бы осуждать ихъ, когда женщинъ-врачей пока еще очень мало, а лѣ- читься необходимо; но ужъ если зашла рѣчь о женской нравственности и стыдливости, то прекрасный полъ да и мы, ихъ отцы, братья и мужья, должны бы огорчаться, а не злорадоваться по поводу закрытія женскихъ врачебныхъ курсовъ. Что касается до отвлеченія отъ семьи, то я не знаю ни одной медицинской науки, которая отрицала бы семью. Если предполо-

жить, что медицинская практика способна отвлекать женщину от семьи, то и всякое занятіе—учительницы, телеграфистки, конторщицы и т. п.—может отвлекать не менѣе медицины; но усиленно предаются внѣ-домашнимъ занятіямъ только свободныя и преимущественно бездѣтныя женщины. А сколько пользы въ физиологическомъ и гигиеническомъ отношеніяхъ можетъ принести своей семьѣ женщина, спеціально знающая медицину? Прошу извиненія у редакціи за разъясненія о томъ, что день свѣтлѣе ночи, но что же дѣлать, когда противоположное мнѣніе наноситъ существенный вредъ полезному дѣлу: вѣдь закрытіе женскихъ врачебныхъ курсовъ—ужь не слова, а печальное дѣло...

Я почти увѣренъ, что лучшіе люди изъ насъ съ готовностію удѣлили бы свою лепту на поддержку врачебныхъ курсовъ, но только необходимо знать степень практической пользы отъ этихъ пожертвованій. Редакція указываетъ, что деньги нужны для учрежденія больницы при курсахъ. Прекрасно. Женскіе врачебные курсы находятся нынѣ въ завѣдываніи городской думы; почему же въ завѣдываніи этой думы нѣтъ городскихъ больницъ? У насъ, въ большихъ городахъ провинціи, больницы, смотря по своему назначенію, вѣдаются и содержатся или земствомъ, или городомъ. Если въ Петербургѣ городскія больницы нельзя довѣрить думѣ, то будетъ ли допущена частная больница при курсахъ? Затѣмъ какая сумма ежегодно нужна для содержанія подобной больницы? Наконецъ, необходимо, чтобы всѣ пожертвованія сдавались въ одно мѣсто, которое ежемѣсячно публиковало бы общую сумму взносовъ. Такъ какъ поступающіе взносы одновременныя, то для прочности существованія больницы нужно, чтобы бюджетъ ея покрывался процентами съ суммы пожертвованій. Затѣмъ интересно намъ, провинціаламъ, знать, не нуждаются ли курсы, кромѣ больницы, въ физическомъ и анатомическомъ кабинетахъ, химической лабораторіи и т. п.? Все это важно для того, чтобы жертвователи знали, какая примѣрно сумма нужна для курсовъ и обуславливается ли существованіе ихъ единственно денежною стороною вопроса. Если то и другое будетъ намъ доподлинно извѣстно, то женскіе врачебные курсы не умрутъ безславною для русскаго общества смертію.

К. Г.

Казань.

19 окт. 1882 г.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

**Въ конторѣ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ нахо-
дится складъ слѣдующихъ изданій:**

Ф. Д. Нефедова—«Очерки и рассказы» (изд. В. М. Лаврова и В. А. Федотова). Москва. 1878 года. Цѣна 1 р. 50 к.

Кондратовича Людвиг (В. Сырокомли) — «Избранныя стихотворенія» (изд. В. М. Лаврова и В. А. Федотова). Т. I. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.
«Мессалина». Драма Пьетро Косса. Пер. въ стих. Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Новыя стихотворенія Л. И. Пальмина. М. 1881 г. Цѣна 50 к.

Л. И. Пальмина—«Сцены на яву». Собраніе стихотвореній. Изд. 2. Москва. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.

«Король Лиръ». Трагедія В. Шекспира. Переводъ С. А. Юрьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Подписчики „Русской Мысли“ пользуются при покупкѣ этихъ изданій уступкой 20%.

**Печатаются и въ скоромъ времени поступать въ продажу слѣ-
дующія изданія В. М. Лаврова:**

«Власть земли». Рассказы. Г. И. Успенскаго.

«Американскіе очерки и рассказы» Генрича Сенкевича. Пер. В. М. Лаврова.

LIBRAIRIE FRANÇAISE DE W. G. GAUTIER. PONT DES MARÉCHAUX,

maison Torletsky à Moscou.

DERNIÈRES NOUVEAUTÉS.

Philosophie. — Histoire. — Voyages.

Ardouin du Mazet. — Études algériennes. L'Algérie politique et économique; A travers la province Oran. In-8	3 r. —
Aubé (B.) .—Polyeucte dans l'histoire. Étude sur le martyr de Polyeucte, d'après des documents inédits. Gr. in-8.	2 " —
Canonge (Fréd.) .—Histoire militaire contemporaine (1854—1871). 2 vol. In-12	3 " 50
Coste (Adolphe) . — Hygiène sociale contre le paupérisme. (Le Paupérisme; l'Épargne; l'Association; le Crédit; l'Organisation du travail; l'Impôt; l'Enseignement.) In-8	3 " —
Cet ouvrage a obtenu le prix de 5.000 francs au concours Perdre.	
Delaborde (le comte Jules) . — Gaspard de Coligny, amiral de France. 3 vol. Gr. in-8.	22 " 50
Du Challu (Paul) .—Le Pays du soleil de minuit. Voyages d'été en Suède, en Norvège, en Laponie, dans la Finlande septentrionale. Avec 87 vignettes et 31 gravures hors texte. Gr. in-8	7 " 50
Gautier (Judith) .—Richard Wagner et son œuvre poétique, depuis Rienzi jusqu'à Parsifal. In-12	1 " 50
Graetz .—Histoire des Juifs. Traduit de l'allemand par M. Wogue. Tome I. In-8	2 " 50
Hurtrel (M-me Alice) .—Souvenirs du règne de Henri IV; les amours de Catherine de Bourbon, sœur du roi, et du comte de Soissons. In-16 avec 2 eaux-fortes	10 " —
Ideville (le comte H. d') .—Le Maréchal Bugeaud d'après sa correspondance intime et des documents inédits (1784—1849). 2 vol. Gr. in-8	10 " —
Isambert (le Dr E.) . — Itinéraire descriptif, historique et archéologique de l'Orient. Tome III. Syrie, Palestine, par. Ad. Chauvet et E. Isambert. In-12 avec cartes et plans :	18 " —
Lamartine (A. de) — Les Hommes de la Révolution. In-12	1 " 75
Meaume (Edouard) .—Étude historique sur Louise de Lorraine, reine de France, 1553—1601. In-8.	1 " 50
Mispoulet (J.-B.) .— Les Institutions politiques des Romains, ou Exposé historique des règles de la constitution et de l'administration romaines, depuis la fondation de Rome jusqu'au règne de Justinien. Tome I. La Constitution. In-8. Prix de l'ouvrage complet en 2 volumes	9 " —
Nicolardot (Louis) . — Confession de Sainte-Beuve. In-12.	1 " 75
Pierret (Paul) .—Le Livre des morts des anciens Égyptiens. Traduction complète d'après le papyrus de Turin et les manuscrits du Louvre, accompagnée de notes et suivie d'un index analytique. In-16	5 " —
Poulain (l'abbé M. J.) . — La Course au XVII ^e siècle. Duguay-Trouin et Saint-Malo, la cité-corsaire, d'après des documents inédits. In-8.	3 " —
Robiou (Félix) .—Les Institutions de la Grèce antique exposées suivant le plan du programme et la licence ès-lettres. In-12	1 " 25
Tissot (Victor) . — La Russie et les Russes. Indiscrétions de voyage. In-12	1 " 75

L i t t é r a t u r e .

About (Edmond). — Roman d'un brave homme. Édition illustrée. Gr. in-8°	5 r. —
Almard (Gustave).—Le Souriquet. 2 vol. in-12.	3 „ —
Apollonius de Rhodes.—Jason et Médée. Gravures de Méaulle. Traduction et notices de A. Pons. In-32.	5 „ —
Bastide (J. F. de).—Le Carême de Cythère, ou le Repentir des amans; fantaisie XVIII-e siècle. Nouvelle édition in-18.	1 „ —
Belleval (le marquis de).—Le Fils de Chicot. In-12.	1 „ 75
Chavette (Eugène).—Réveillez Sophie! 2 vol. in-12.	3 „ —
Claretie (Jules).—Le Million. Roman parisien. In-12.	1 „ 75
Claude. — Mémoires de M. Claude, chef de la police de sûreté sous le second Empire. 9 vol. in-12.	15 „ 75
Craik (Mrs). — Une Noble femme. Roman anglais, traduit par Stryien-ski.—In-12.	— „ 65
Delcourt (Pierre).—Le Secret du juge d'instruction. In-12.	1 „ 75
Danoy (Émmanuel).—Par les femmes. In-12.	1 „ 75
Du Boisgobey (Fortuné).—Les Suites d'un duel. In-12.	1 „ 50
Glouvet (Jules de).—Histoire du vieux temps. In-12.	1 „ 75
Harte (Bret). — Croquis américains. Traduction de Louis Despréaux. In-12.	1 „ 75
Houssaye (Arsène).—Mademoiselle Rosa. In-12.	1 „ 75
Joliet (Charles).—Le Crime du pont de Chatou. In-12.	1 „ 75
Kock (Henry de).—Le Monde où l'on rit jaune. in 12.	1 „ 50
Le Vavasseur et Paul Harel.—Les Vingt-huit jours du caporal Ballandard. In-12.	1 „ —
Mary Lafon.—Cinquante ans de vie littéraire. In-12.	1 „ 75
Marl Lafon.—Histoire littéraire du midi de la France. In-8.	3 „ 75
Mérouvel (C.). I. Les deux maîtresses II. Le Mari de la Florentine } 2 vol. in-12.	3 „ —
Montépin (Xavier de).—Les Pantins de Madame le Diable. 2 vol. in-12.	3 „ —
Nougaret (P. J. B.).—Les Jolis péchés d'une marchande de modes. Roman galant. Nouvelle édition. In-32.	1 „ —
Parfait (Paul).—Croquis Parisiens. Illustrations de Draner. In-12.	1 „ 50
Parnes (Roger de).—Anecdotes secrètes du règne de Louis XV. Porte-feuille d'un petit maître. Avec dessins. In-8.	7 „ 50
Pharaon (Florian).—Le Fusil sur l'épaule. Récits de chasse. Cuisine de chasse et de pêche. In-12.	1 „ 50
Quevedo (Francisco de).—Œuvres choisies. Histoire de Pablo de Ségovie, traduite de l'espagnol et annotée par A. Germond de Lavigne. In-8, avec dessins.	5 „ —
Racet (Adolphe).—La Maîtresse invisible. In-12.	1 „ 50
Richard O'Monroy.—Coups de soleil. In-12.	1 „ 75
Saumière (Paul).—Le Capitaine Marius. In-12.	1 „ 50
Scott (Walter).—Les Puritains d'Écosse. Traduction par M. P. Louisy. Gr. in-8 illustré	5 „ —
Forme le 6-e volume de Walter Scott illustré.	
Texler (E.) et C. Le Seme.—Lady Caroline. In-12.	1 „ 75
Trollope (A.).—La Comtesse Marietta. Histoire florentine. Traduit de l'anglais par M-me Léontine Rousseau. In-12.	1 „ 50

Villemot (Émile).—Les Femmes comme il en faut. In-12.	1 r. 75
Witt (M-me de) née Guizot. — Tout simplement, vers les hauteurs, par la vallée. In-12.	1 „ 50
Wodzinski (le comte A.). Contre le sort. In-12.	1 „ 50
Yonge.—La Comtesse Kate, par l'auteur de l'Héritier de Redclyffe. Traduit par Marie Taylor. In-12.	1 „ 50

Sciences médicales. — Sciences mathématiques. — Beaux arts. — Ouvrages divers.

Billod (E.). — Maladies mentales et nerveuses; pathologie, médecine légale, administration des asiles d'aliénés, etc. 2 vol. in-8.	7 r. 50
Dary (Georges).—La Navigation électrique. In-12.	— „ 75
Devillez (A.).—Traité élémentaire de la chaleur, au point de vue de son emploi comme force motrice. 2 vol. in-8.	12 „ 50
Du Moncel (Th.).—Détermination des éléments de construction des électro-aimants. 2-e édition. In-12.	1 „ —
La 1-re édition est de 1874.	
Dutuit (Eugène). — Manuel de l'amateur d'estampes. Tomes IV et V. In-8.	40 „ —
Garnier (le commandant P.).—La Vénérie au XIX-e siècle; Chasse des mammifères de France. In-8, avec planches.	6 „ —
Jordan (C.).—Cours d'analyse de l'École polytechnique. Tome I. Calcul différentiel. In-8.	5 „ 50
Parville (Henri de). — L'Électricité et ses applications. Exposition de Paris. Avec 187 fig. In-12.	3 „ —
Royaumont (Louis de). — La Conquête du soleil. Applications scientifiques et industrielles de la chaleur solaire (héliodynamique). Avec 56 figures.— In-12.	2 „ 50
Suffit (J.). — Ventilation par refroidissement; étude sur la ventilation des salles de réunion, et particulièrement des salles d'école, des casernes, des hôpitaux, des logements d'animaux dans les fermes, et des wagons. Avec 50 croquis dans le texte. In-8.	3 „ —
Extrait du <i>Moniteur des architectes</i> .	
Unwin (W. Cauthorne).—Éléments de construction de machines. Traduit de l'anglais par J. A. Bocquet. In-12. Avec 237 fig.	3 „ 50

НАХОДИТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ
И
СКОРО ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ
НОВАЯ КНИГА
„ВЪ ДАЛИ“

разказы изъ вольной и невольной жизни, соч. *М. И. Орбанова*
(**Мишлá**).

Съ предисловіемъ С. В. МАКСИМОВА.

Складъ у издателя Евгенія Вячеславовича Пассека.

Москва, уголь Гранатнаго и Георгіевскаго пер., д. Зерщикова.

МОСКОВСКИМЪ ГЛАВНЫМЪ АРХИВОМЪ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

ИЗДАНА ВЪ НАЧАЛѢ СЕГО ГОДА,

въ количествѣ 500 экземпляровъ, книга in—4°.

СНИМКИ

ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ПЕЧАТЕЙ:

государственныхъ, царскихъ, патриаршихъ, областныхъ, городскихъ и личныхъ, съ 126-ю гравюрами и объяснительнымъ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Вып. 1. Ц. 3 р.

Для продажи какъ въ Архивѣ, такъ и у всѣхъ московскихъ книгопродавцевъ
остается нынѣ 300 экземпляровъ.

Въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» находится складъ слѣдующихъ **НОВЫХЪ** изданій КОМИССИИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ и ДОГОВОРОВЪ, СОСТОЯЩЕЙ ПРИ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

1. Очеркъ дѣятельности Комиссии. Москва. 1877 г. Ц. 1 р.
2. Библиотеки Моск. Г. Архива М. И. Д. реестръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и проч. С.-Петербургъ. 1877 г. Ц. 40 к.
3. Подлинныя акты, относящіяся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромоолитографированнымъ изображеніемъ Иконы. Москва. 1879 г. Ц. 50 к.
4. Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева. Москва. 1878 г. Ц. 1 р.
5. Древнія російскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами. Изд. 3-е. Москва. 1878 г. Ц. 2 р.
6. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому Гл. Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Сост. М. Пуцилло. Москва. 1879 г. Ц. 75 к.
7. Обзорніе библиотеки того же Архива. Сост. И. Θ. Токмаковымъ. Ц. 30 к.
Его же Каталогъ слѣдующихъ ея отдѣловъ:
8. Славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517 г. Ц. 75 к.
9. Рукописей, относящихся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей. Ц. 40 к.
10. Книгъ того же содержанія. Ц. 40 к.
11. Рукописей по юриспруденціи съ XIII вѣка. Ц. 30 к.
12. Книгъ того же отдѣла съ 1500 г. Ц. 75 к.
13. Дѣлъ бывшаго Аптекарскаго приказа и рукописей по медицинѣ съ XV в. Ц. 40 к.
14. Книгъ по медицинѣ. Ц. 40 к.
15. Рукописей, относящихся до Церковной Исторіи. Ц. 40 к.
16. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы. Составл. И. Θ. Токмаковымъ. 1880 г. Вып. I, IV—VIII. Ц. по 60 к. Вып. II и III—по 75 к.
17. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи. Составл. В. Д. Левинскимъ и И. Θ. Токмаковымъ. 1881 г. Ц. 75 к.

КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ
Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
ВЪ МОСКВѢ.

Пріемъ подписки и объявленій во всѣ газеты и журналы въ Россіи и за границей по цѣнамъ редакцій. Контрагентъ объявленій на уличные столбы. Специальная агентура и прямыя сношенія съ важнѣйшими органами русской печати. Отдѣленіе конторы журнала «Русская Мысль». На большіе заказы по объявленіямъ соответственная уступка. Единственный агентъ русскихъ и полицейскихъ вѣдомостей для заграничныхъ объявленій. Адресъ Н. Печковской: въ Москвѣ, домъ Петровскихъ торговыхъ линій, кварт. № 61.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ

САПОЖКОВСКАГО УѢЗДНАГО ЗЕМСКАГО СОБРАНІЯ

ПЕРВЫХЪ ПЯТИ ТРЕХЛѢТІЙ

(1865—1879 г.).

Цѣна съ пересылкой 3 рубля. Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія—въ Москвѣ, въ конторѣ журнала „Русская Мысль“, Долгоруковская, 42.

Въ редакцію журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ доставлены слѣдующія пожертвованія въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ:

Отъ Н.	5 руб.
» Н.	5 »
» Н. П. Попова	5 »
» г. Писарева	3 »
» г. Егорова	5 »
» Н. К. Волкова	5 »
» Н. И. Никонова	5 »
» Г. Л. Эльстницъ	5 »
» г. Циммермана	1 »
» неизвѣстной	1 »
» »	1 »
» »	1 »
» »	1 »
» »	1 »
» Ф. Денисенко	3 »
» М. О. Пангѣева	100 »
» неизвѣстной	10 »
» Алек. Овчинникова	5 »

Всего . 162 руб.

которые и имѣютъ быть переданы въ редакцію «Медицинскаго Вѣстника», которой разрѣшенъ приемъ подписки въ пользу вышеназванныхъ курсовъ.

	<i>Стр.</i>
XVI. «ПАРСИФАЛЬ» <i>Рихарда Вагнера</i> .—О. Л-на.	90
XVII. ЗЕМСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.—В. Ю. Сялона. . .	138
XVIII. ПИСЬМО ИЗЪ ЕГИПТА.—И. А. Пашкова (Влад—ова). . . .	170
XIX. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:	
Рабочій вопросъ и рабочіе конгрессы.—Фракція рабочей партіи.—	
Легитимисты.—Общественное настроеніе.—Распространеніе порногра-	
фической литературы: „La bouche de m-me X“, Альфа Бело, и „His-	
toire sans pot“, Барбе д'Орвилли.—Появленіе третьяго тома „Черепи-	
ски Жоржъ-Зандъ“.—Обзоръ журналовъ.—W***	178
XX. ДВА СЛОВА ВЪ ПАМЯТЬ ДЕСЯТИЛѢТІЯ МОСКОВСКИХЪ	
ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСОВЪ.—Е. С. Некрасовой. . .	191
XXI. ИЗЪ ПРОВИНЦІИ: Еще о женскихъ врачебныхъ курсахъ.—	
К. Г.	195

О переѣвѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ номеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничныя—недостающее до пѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ. За переѣву адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала действительно не была получена тою конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ пополудни, кромя воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лица, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію. Гонораръ уплачивается только за статьи, вышедшія въ свѣтъ.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного до трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. Относительно же присылаемыхъ въ редакцію и не принятыхъ ею для помѣщенія въ журналъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не входитъ, еслибы даже на то предлагались марки.

Принимаемая для помѣщенія въ журналъ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

При сей книгѣ разсылается вѣзмъ подписчикамъ объявленіе книжнаго и музыкальнаго магазина Вл. Г. Готье въ Москву.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМЕСЯЧНО, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

Открыта подписка на 1883 годъ

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.
Безъ доставки	15 р.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.
Съ пересылкой въ другіе города	17 р.
За границу	19 р.

На меньшіе сроки подписка не принимается. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5, 6, 7 или 9 р. и по 5 р. къ апрѣлю и къ июню.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ № 42, въ отдѣленіи конторы—на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, при конторѣ объявленій П. И. Печковской и въ магазинѣ типо-литографіи И. Н. Кушнера и К°, на Никольской улицѣ, домъ Чижевыхъ.

Гг. иногородныхъ просятъ высылать деньги исключительно въ контору.

Контора открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ дня.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

ICLF (N)

LD 21A-60m-2, '67
(H241s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C023012645

